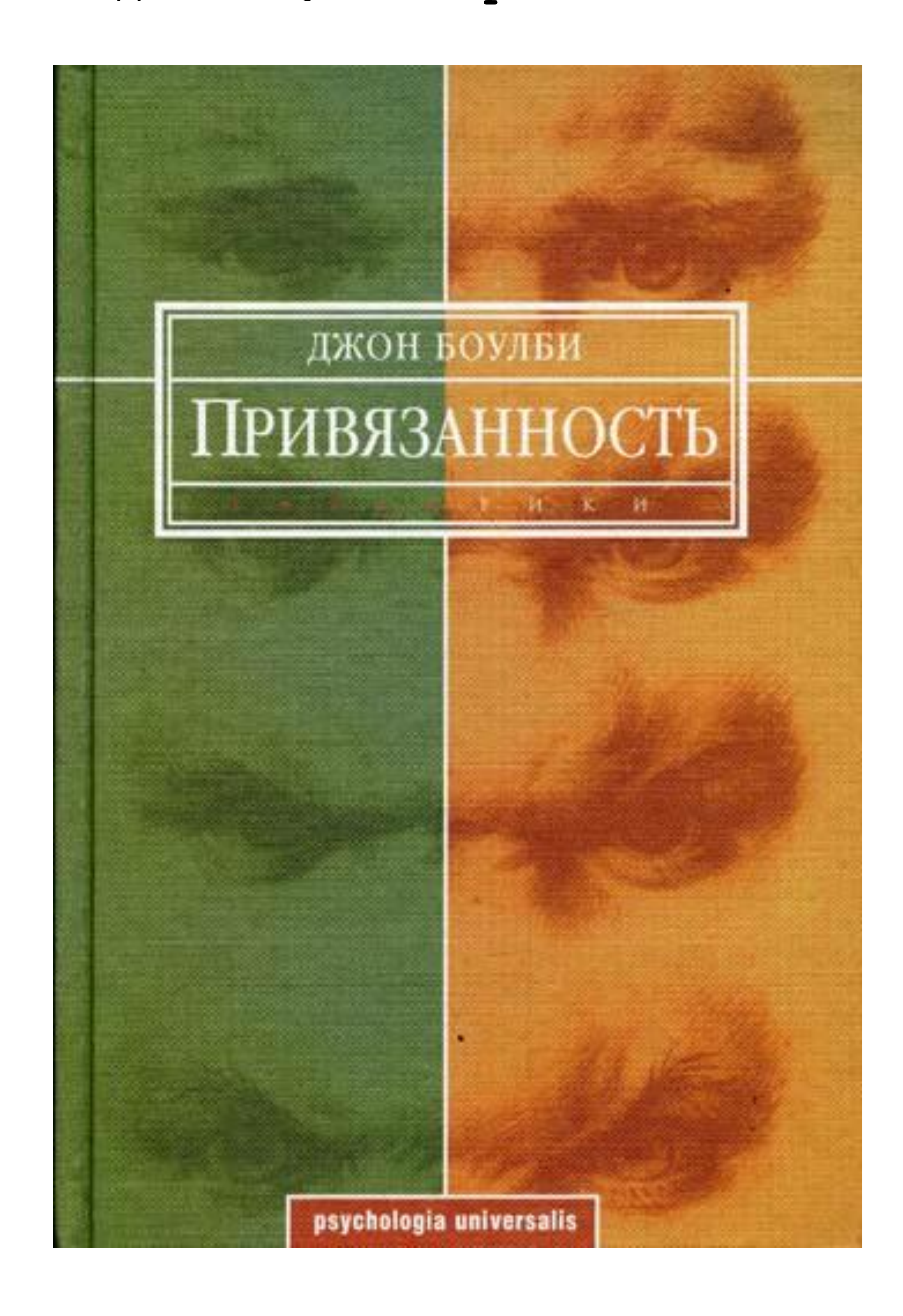
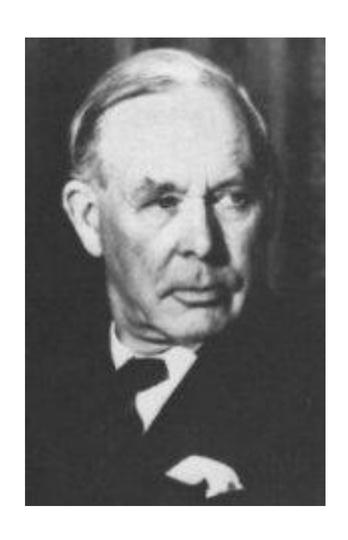
Джон Боулби. Привязанность

Перевод с английского Н.Г.Григорьевой и Г.В.Бурменской
Общая редакция и вступительная статья кандидата психологических наук Г.В.Бурменской
МОСКВА 2003

Данное издание выпущено в рамках проекта «Translation Project»
при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия
и Института «Открытое общество» — Будапешт

ПРОБЛЕМЫ ОНТО- И ФИЛОГЕНЕЗА ПРИВЯЗАННОСТИ К МАТЕРИ В ТЕОРИИ ДЖОНА БОУЛБИ

Какова природа человеческой привязанности? Где ее истоки? Как зарождается и формируется привязанность маленького ребенка к взрослому? Наверно, трудно найти в психологии вопросы, которые затрагивали бы более интригующие и сокровенные стороны душевной жизни, чем эта. Ее исследование стало центральной темой всего научного творчества выдающегося английского психолога Джона Боулби (1907—1990), в том числе и представляемого читателям первого тома его фундаментальной трилогии «Привязанность и утрата».

Работы Боулби широко известны психологам всего мира, а сам он вместе со своей ближайшей и не менее знаменитой сподвижницей из США Мэри Эйнсворт считается основоположником целого направления современной психологии — психологии привязанности[1]*. Около сорока лет назад исследования Боулби привели к коренному пересмотру психоаналитических представлений о природе связи ребенка и матери, долгое время господствовавших в психологии. Они по-новому раскрыли значение этой связи для развития личности ребенка и роль ее нарушений в раннем детстве, например, из-за разлуки, эмоциональной депривации или сиротства.

Но несмотря на то, что идеи Боулби более чем на полстолетия определили одну из основных исследовательских линий в психологии развития, а понятие «привязанность» широко используется и российскими психологами, его труды на русском языке практически не публиковались[2]*, так что предлагаемое вниманию читателей издание позволит хотя бы отчасти восполнить этот значительный и крайне досадный пробел в переводной психологической литературе.

---

[1]*Об огромном размахе современных исследований, затрагивающих разные аспекты привязанности, свидетельствует прежде всего публикация многих фундаментальных трудов. См., например: The handbook of attachment: Theory, research and clinical application // Cassidy J., Shaver P. (eds). N.Y., 1999.

[2]*Единственная известная нам публикация (статья) Дж. Боулби на русском языке: Боулби Дж. Детям — любовь и заботу // Лишенные родительского попечительства / Под ред. В.С. Мухиной. М., 1991.

Анализ творческого наследия Боулби и основных событий его жизненного пути открывает перед нами образ ученого дарвиновского типа — ищущего и основательного, критичного и широко мыслящего, строгого в своих рассуждениях и не терпящего поверхностных объяснений, наконец, сторонника понимания психологии как объективной науки. Боулби был теоретиком по складу ума, но в то же время обладал редкой чуткостью к новому опыту и реалиям жизненной практики, он был способен вести кропотливые и длительные эмпирические исследования, всесторонне и с разных точек зрения анализируя их результаты. Именно эти качества и подвели его к созданию концепции привязанности и открытию новой области исследований, связанной феноменом и механизмами влияния сепарации. Учитывая особенности научного творчества и сам склад мышления этого ученого, совсем не случайного, что последним значительным произведением Боулби, опубликованным уже после его смерти, стала работа, в которой делается попытка по-новому осмыслить биографию великого соотечественника Боулби Ч. Дарвина[1]*. Идейная близость к эволюционному учению Дарвина в книгах Боулби нередко ощущается заметно

больше, чем к теории З. Фрейда, несмотря на то, что именно психоанализ послужил конкретной отправной точкой для его исследований привязанности.
Что же привело Боулби к кардинальному переосмыслению ряда базовых положений фрейдовского учения и созданию новой теории в психологии развития личности? Как складывалась его научная биография?
Джон Боулби родился в 1907 г. в семье хирурга[2]*. Следуя по стопам отца, он начал свое профессиональное образование с изучения медицины в Кембриджском университете, однако уже на третьем курсе резко изменил специализацию, поскольку почувствовал интерес к детской психологии и другим предметам, имеющим отношение к этой тематике, из которых позднее сложилась психология развития. Но, как оказалось впоследствии, его решение порвать с карьерой врача не было окончательным. После окончания университета в 1928 г. Боулби начал работать сразу в нескольких школах закрытого типа для так называемых трудных детей, имеющих разного рода эмоциональные и поведенческие нарушения. Возрастной диапазон учащихся этих школ был довольно широким — от дошкольного возраста вплоть до восемнадцати лет. Полученный в этот период опыт работы со сложный детьми, произвел на Боулби глубокое впечатление. По сути, он и определил главное направление научных интересов Боулби — влияние ранних лет жизни ребенка на его последующее развитие — психическое здоровье и личностные особенности.

---

[1]* Bowlby J. Charles Danvin: A new biography. L., 1991.
[2]* См.: Brelherton /. The origins of attachment theory: John Bowlby and Mary Ainsworth // Parke R., Qrnstein E, Reiser J., Zahn-Waxler C. (eds). A century of developmental psychology. N.Y., 1994; Ainswoith M. Mary D. Salter Ainsworth // O'Connell A., Russo N. (eds). Models of achievement: reflections of eminent women in psychology. N.Y., 1983. R 200-219.

С целью получения профессиональной психотерапевтической подготовки, необходимой для работы в области детского развития Боулби вступает в Британское психоаналитическое общество. Его руководителем и аналитиком стала Джоан Ривьер — убежденная сторонница взглядов Мелани Кляйн, считавшейся авторитетом в области психоаналитического изучения детского развития. Однако вопреки своим ожиданиям, при более близком знакомстве с психоанализом Боулби не столько утвердился в нем, сколько почувствовал его недостаточность, более того, искаженность трактовки в свете фрейдовских понятий тех сторон детского развития, с которыми он был знаком по собственному опыту. Постепенно Боулби пришел к выводу, что, уделяя основное внимание детским фантазиям, выражающим либидинальные и агрессивные побуждения, психоанализ в то же время полностью игнорирует влияние событий реальной жизни ребенка. В качестве примера, помогающего понять, что вызывало неудовлетворенность и глубокое несогласие Боулби, достаточно привести один характерный факт: когда Боулби выразил намерение побеседовать с матерью трехлетнего ребенка, психотерапией которого он занимался, М. Кляйн, работая в тот момент с Боулби в качестве супервизора, запретила ему такую беседу, так как считала принципиально излишним и ошибочным обращение к данному источнику сведений о ребенке. Поэтому уже тогда, хотя явно и не порывая с психоаналитическим направлением, Боулби начал искать новые пути исследования развития ребенка.
Вскоре (в 1940 г.) он публикует первую большую статью[1]*, в которой можно найти прообразы многих из тех идей, которые впоследствии войдут в его теорию привязанности. В этой статье классическую для психоанализа проблему возникновения невроза и формирования невротического характера Боулби рассматривает нетрадиционно — с точки зрения влияния обстановки, окружающей ребенка в первые годы его жизни, и тех событий, которые с ним происходят. Уже в этой работе Боулби подробно останавливается

на остро негативном воздействии разлуки маленьких детей с матерью, например, при их помещении в больницу.

___

[1]* См.: Bowlby J. The influence of early environment in the development of neurosis and neurotic character // International Journal of Psycho-Analysis. 1940. XXI. E 1-25.

Подчеркнем, что столь очевидная сегодня не только для психологии, но даже для обыденного сознания истина вовсе не была таковой еще в середине прошлого века. Боулби с полным основанием писал тогда о поразительном невнимании к этим вопросам. Между тем актуальность проблемы тяжелых психологических последствий разлуки маленького ребенка с матерью (и без того немалая из-за наличия приютов, круглосуточных яслей, принятой больничной практики содержания детей и т.д.) резко обострилась с началом Второй мировой войны, когда возникла необходимость ради спасения городских детей от бомбардировок отправлять их в сельскую местность, далеко от родителей. В результате войны сиротство стало массовым явлением во многих европейских странах.

В основу первого значительного эмпирического исследования[1]* Боулби лег его опыт индивидуальной работы с детьми в одной из детских клиник Лондона, где он практиковал в качестве психиатра. В процессе детального изучения 44 детей с нарушениями поведения и склонностью к воровству он описал так называемый безэмоциональный характер и установил, что по разным причинам большинство из этих детей потеряли мать в самом раннем детстве и не имели никакой постоянной замещающей привязанности.

___

[1]* См.: Bowlby J. Fouty-four juvenile thieves: their characters and home life // International Journal of Psycho-Analysis. 1944. 25. P 19—52.

Однако с началом войны исследовательская работа Боулби прервалась: как психиатру ему было предписано заниматься отбором офицерского состава. Тем не менее, благодаря этой деятельности он познакомился с коллегами из Тавистокской клиники, находившейся в Лондоне, сотрудничество с которыми, как вспоминал впоследствии Боулби, помогло ему повысить методический уровень своих исследований, в частности освоить необходимые для экспериментальной работы статистические процедуры объективного сравнения, в то время еще редко используемые психиатрами и психоаналитиками. Но, главное, в конце войны Боулби пригласили возглавить детское отделение Тавистокской клиники, при которой его усилиями позднее был создан крупный исследовательский центр детского развития.

Благодаря Боулби отличительной особенностью деятельности отделения, которым он руководил, стала его ориентация на анализ и помощь семье в реально складывающихся детско-родительских отношениях, а девизом сотрудников — «никаких исследований без терапии». Вскоре (в 1948 г.) Боулби опубликовал статью о психотерапевтическом вмешательстве, направленном на снижение внутрисемейного напряжения, которая считается первой публикацией по семейной терапии[1]*. Одновременно с этим Боулби начинает специальное изучение сепарации: организует систематические наблюдения за поведением детей, разлученных с родителями при помещении их в больницу или другие учреждения, включая их реакции на посещения матерями и возвращение домой. Через несколько лет вместе с Дж. Робертсоном он создает документальный фильм «Двухлетний ребенок в больнице» (1952), показывающий всю глубину страданий, переживаемых маленькими детьми в условиях разлуки с матерью. Факты, представленные в этом фильме, вызвали исключительно широкий общественный резонанс, выходящий далеко за рамки медицинских кругов. В целом фильм способствовал осознанию степени

серьезности проблемы сепарации в раннем детстве и необходимости учета ее негативного психологического влияния в практике работы с детьми, что собственно и было целью Боулби и Робертсона, не желавших ограничиваться ролью пассивных наблюдателей горя и страданий детей.

Важной вехой в научной биографии Боулби и «поворотным пунктом»[2]* в разработке проблемы материнской депривации в раннем возрасте стала подготовка им по поручению Всемирной организации здравоохранения доклада[3]* о состоянии психического здоровья бездомных детей в странах Европы в послевоенный период. Этот доклад получил широкую известность: после публикации в 1951 г. он был переведен на 14 языков, причем один только англоязычный его тираж составил более 400 тысяч экземпляров. В нем впервые на большом фактическом материале было убедительно показано травмирующее влияние разлуки ребенка с матерью в раннем возрасте.

В качестве главного вывода, содержащегося в этом докладе, Боулби утверждал, что необходимым условием сохранения психического здоровья детей в младенческом и раннем детстве является наличие эмоционально теплых, близких, устойчивых и продолжительных отношений с матерью (или лицом, постоянно ее замещающим) — таких отношений, которые обоим приносят радость и удовлетворение. В то же время как человек, знающий практическую сторону жизни, Боулби понимал и всячески подчеркивал, что огромную роль в этом вопросе играет не только семья, но и общество в целом, поскольку только оно может создать макроэкономические условия, при которых возможны нормальные детско-родительские отношения: «Если общество дорожит своими детьми, оно обязано заботиться об их родителях» (там же. P. 84).

---

[1]* См.: Bowlby J. The study and reduction of group tensions in the family // Human Relations. 1949. 2. P. 123-128.

[2]* Лангмейер И., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. Прага, 1984. С. 71.

[3]* Boxoliy J. Maternal care and mental health // World Health Organization Monograph. Geneva. 1951. Serial. № 2.

Значительный эмпирический материал о влиянии сепарации ребенка с матерью, собранный в течение 1940-х гг. как самим Боулби, так и другими учеными (Р. Шпиц, Д. Берлингем, У. Гольдфарб и др.), требовал своего теоретического осмысления. В отличие от многих своих коллег-психоаналитиков Боулби ясно осознавал необходимость поиска новых концепций, которые могли бы не просто описывать особенности поведения детей в условиях разлуки с матерью, а объяснять причины и механизмы уже не вызывавших сомнений фактов их серьезной эмоциональной травматизации под влиянием этого фактора. Между тем, факты такого влияния прямо противоречили устоявшимся представлениям психоаналитиков о том, что любовь ребенка к матери коренится в удовлетворении ею первичных физиологических потребностей малыша (кормление грудью), поскольку было доказано, что разлученные дети страдают даже в условиях полноценного ухода и кормления.

В этот период Боулби случайно знакомится с работой австрийского ученого Конрада Лоренца, опубликованной (на немецком языке) еще в 1935 г. Его внимание привлекло открытое Лоренцем явление запечатления у птиц, а вслед за этим и этологическое направление в целом. Сама возможность феномена запечатления — установления прочной связи птенца с матерью, возникающей безотносительно к удовлетворению его первичных физиологических потребностей, — указывала на существование принципиально иных (чем, например, пищевое подкрепление) механизмов образования тесных отношений между родителями и потомством. Таким образом, в этологии Боулби нашел важный источник новых идей для преодоления ограниченности психоанализа и

построения своей концепции привязанности. Но кроме этологии он также широко использовал данные из эволюционной и аналитической биологии, кибернетики и теории систем. В связи с ярко выраженными полидисциплинарными интересами Боулби стоит упомянуть, что в течение нескольких лет — с 1953 по 1956 г. — он участвовал в работе семинаров по «Психобиологии ребенка», организованных под эгидой ВОЗ, наряду с такими выдающимися учеными XX в., как Эрик Эриксон, Джулиан Хаксли, Барбель Инельдер, Конрад Лоренц, Маргарет Мид и Людвиг фон Берталанфи, представлявшими разные области научного знания.

Как известно, в качестве влиятельного научного направления, изучающего биологические основы поведения животных, этология оформилась в 1930-х гг., поэтому в период разработки Боулби концепции привязанности она представляла собой еще весьма новую, хотя и многообещающую, область исследований. Внимание ученых к работам таких этологов, как К. Лоренц, Н. Тинберген и др. было в значительной мере обусловлено тем, что их исследования преодолевали ограниченность бихевиористического понимания поведения как совокупности реакций организма на стимулы внешней среды. По словам Боулби, в концепции этологов его привлек их интерес не только к *эволюции* поведения, но главным образом к механизмам его *организации*.

В работах этологов поведение животного не сводилось к комплексам внешних движений, напротив, организм активно регулировал взаимодействие с окружающей средой в соответствии со своими внутренними состояниями и внешними условиями, что указывало на наличие у него особого рода механизмов. Отсюда — этологическое понятие центральных управляющих программ, которые применительно к активности животных и человека Боулби назвал системами управления (регуляции) поведением. К тому же этология требовала рассматривать любую форму поведения с учетом ее адаптивной функции, т.е. с точки зрения того вклада, который это поведение вносит как в сохранение отдельной особи, так и в выживание вида в целом. Эти и некоторые другие идеи этологов были последовательно реализованы Боулби в концепции привязанности, чему также способствовало тесное и длительное сотрудничество Боулби с Робертом Хайндом — видным представителем этологии, автором фундаментального труда «Поведение животных» (на русском языке опубликован в 1975 г.).

Между тем несколько раньше произошла другая встреча, еще более значительная для научной биографии Боулби, — в 1950 г. к возглавляемой им небольшой группе исследователей присоединилась Мэри Эйнсворг, впоследствии внесшая огромный вклад в развитие этого направления: ей, в частности, принадлежит разработка метода исследования привязанности, известная как «ситуация с незнакомым взрослым», а также выделение трех типов привязанности — надежной, амбивалентной и отстраненной. До начала сотрудничества с Боулби она занималась детско-родительскими отношениями и методами диагностики личности, защитив диссертацию по этим проблемам в университете Торонто в 1942 г. По признанию самой Эйнсворт, она не сразу разделила увлечение Боулби этологическим подходом: в то время ей казалось «самоочевидным, что привязанность ребенка к матери объясняется тем, что она удовлетворяет его базовые потребности»[1]*. Однако постепенно ее захватил энтузиазм Боулби, связанный с построением новой теории. После трехлетнего периода совместной работы с Боулби в Лондоне Эйнсворт отправляется в Уганду, где в соответствии с этологическими принципами проводит наблюдения за проявлениями привязанности у маленьких детей. Первые же наблюдения Эйнсворт не оставили и следа от ее прежних «самоочевидных» представлений и убедили в правильности создаваемого Боулби подхода. Материалы этих наблюдений, собранные за два года, легли в основу эмпирического обоснования теории привязанности, в разработке которой с этого времени Эйнсворт стала принимать самое активное участие.

Первая попытка Боулби публично представить свою теорию состоялась на заседании Британского психоаналитического общества, где в 1957 г. он выступил с докладом «О

природе связи ребенка и матери»[2]*. Доклад начинался с критического разбора психоаналитических концепций, в которых отношение маленького ребенка с матерью трактовалось как биологическое единство, основанное на зависимости от удовлетворения его физиологических потребностей. Как, например, писала А. Фрейд, «младенец не «любит» мать в собственном смысле этого слова, а нуждается в ней»[3]*.

---

[1]* Ainsworth M. Mary D. Salter Ainsworth // O'Connell A., Russo N. (eds). Models of achievement: reflections of eminent women in psychology. N.Y., 1983. P. 200—219.
[2]* О содержании доклада можно судить по его письменному варианту, опубликованному в качестве приложения к данному изданию.
[3]* Freud A. Psychoanalysis and education // Psychoanalytic Study of the Child. 1954. 9. P. 9-15.

Психоаналитическим концепциям Боулби противопоставил свое понимание привязанности и этологический подход, доказывающий, что уже у животных имеется множество реакций, которые с момента своего появления независимы от органических нужд, — их функция заключается в осуществлении *социального взаимодействия* с родителями или иными представителями своего вида. Подхватывая и перенося эту мысль на развитие младенца

Боулби придавал кардинальное значение тем наблюдениям, которые показывали особый характер реакций ребенка на человеческое лицо, голос, физический контакт, ласку и другие формы социального взаимодействия. Боулби подчеркивал их изначально самостоятельный характер, никак не связанный с удовлетворением физиологических нужд.

Как и следовало ожидать, реакция на высказанные Боулби взгляды нетерпимых к любому отходу от ортодоксальных позиций психоаналитиков была весьма бурной — решительное неприятие и отторжение даже со стороны Дж. Ривьер, которая была его непосредственным учителем. А Анна Фрейд, например, выражала свое сожаление «о потере для психоанализа такой значительной фигуры, как Боулби»[1]*. Однако до исключения из членов психоаналитического общества, как это случилось несколько ранее с К. Хорни (в Американском психоаналитическом обществе) и многими другими реформаторами фрейдовского учения, дело не дошло. Тем не менее сложные отношения с представителями психоанализа сохранялись у Боулби долго. Это можно отчетливо видеть и в представляемой здесь книге «Привязанность», где с одной стороны, Боулби настойчиво ищет поддержку своим взглядам в трудах самого Фрейда, приводя его высказывания, содержащие хотя бы малейшие намеки на идеи, сходные со своими (см. гл. 1), а с другой стороны, с особой тщательностью обосновывает все пункты расхождений.

---

[1]* Цит. по: Bretherton I. The origins of attachment theoiy: John Bowlby and Mary Ainsworth // Parke R., Ornstein P., Reiser J., Zahn-Waxler C. (eds). A century of developmental psychology. N.Y., 1994.

В процессе работы над книгой «Привязанность» (1969 г.), занявшей у Боулби целых семь лет, отличие его позиции как в отношении содержания, так и методологии исследования детского развития приобрело четкие контуры. Боулби полностью отказался от классического психоаналитического метода, связанного с ретроспективным восстановлением прошлого опыта человека (на основе свободных ассоциаций и других приемов), как непригодного для изучения психических процессов у детей. Вместо этого он обратился к методу систематического наблюдения за реальным поведением детей и лонгитюдному прослеживанию прямых и косвенных последствий, к которым ведет конкретное травматическое событие, — достаточно продолжительная разлука маленького

ребенка с матерью или лишение ее. Более того, в отличие от представителей психоанализа, Боулби не стал ограничиваться изучением развития связи ребенка с матерью только лишь у человека, но, опираясь на этологию, систематизировал огромный филогенетический материал, показывающий развитие отношений между детенышами и родителями у многих видов животных, находящихся на разных ступенях эволюции, в том числе особенно подробно у приматов — макака-резусов, бабуинов, шимпанзе и горилл. Таким образом, тщательное описание онтогенетических стадий развития привязанности ребенка (в IV части книги) Боулби предваряет «выстраиванием» целого ряда филогенетических «предшественников» этого поведения, — методологический ход, который свидетельствует о глубокой приверженности Боулби принципу развития.

Анализ филогенетических предпосылок привязанности (II и III части книги) Боулби начинает с особенностей организации инстинктивного поведения, варьирующегося от простейших фиксированных действий, подобных элементарным рефлексам, до весьма сложных паттернов, построенных на основе иерархии планов и подпланов разного уровня. При этом Боулби отказался от традиционного понимания инстинктивного поведения как слишком противоречивого и не определенного. Используя перенесенное из кибернетики понятие «система управления» и принцип саморегуляции, Боулби построил новую модель инстинктивного поведения, в которой у наиболее сложных видов животных оно вовсе не является «слепым» и жестко стереотипным. Напротив, выражаясь языком Боулби, инстинктивное поведение в той или иной степени «целекорректируемо», т.е. способно подстраиваться к конкретным условиям среды и гибко изменяться в процессе достижения цели, что обеспечивает высокую адаптированность к среде высших видов животных. Регуляторные функции сложных систем управления поведением, например, исследовательским, родительским, пищевым и др., опираются на когнитивные карты и/или «рабочие модели» («working models») — средства, отображающие как окружающую среду, так и собственные действия индивида. Заметим, что понятие «рабочая модель», по сути дела, означающее не что иное, как систему *образов и представлений* о внешней и внутренней среде (кстати, заимствованное Боулби из работ биолога Крейка[1]* и не лучшим образом звучащее в таких, например, выражениях, как «рабочая модель матери» и др.), поразительно сходно с понятием «поле образа», разработанным в 1960-х гг. в теории П.Я. Гальперина об ориентировочной деятельности субъекта[2]* (как, впрочем, чрезвычайно сходна критика, высказанная этими очень разными и никак не связанными между собой учеными в адрес традиционной теории инстинкта[3]*).

[1]* См.: Craik K. The nature of explanation. Cambridge, England, 1943.
[2]* См.: Гальпергш П.Я. Введение в психологию. М., 1976.
[3]* См.: Гальперин ПЛ. К вопросу об инстинктах у человека // Вопросы психологии. 1976. № 4.

Таким образом, в концепции Боулби место фрейдовского понятия «влечение» («инстинкт») заняли «системы управления поведением», действующие на основе принципов регуляции разного уровня сложности. В силу этого Боулби уделяет большое внимание тому, каким образом происходит *активация* определенной системы управления поведением и последующее *прекращение* ее действия, рассматривает в этом процессе роль внешних и/или внутренних стимулов, которые фиксируются посредством механизмов *запечатления* во время сензитивных периодов в процессе развития животного на ранних этапах онтогенеза.

С этой точки зрения привязанность, наблюдаемую у детенышей многих видов млекопитающих и птиц, Боулби выделяет из общего репертуара поведения как совершенно *особый его вид,* специфика которого в обеспечении им *близости* или *физического контакта* с родительской особью (обычно матерью). Биологическая функция поведения привязанности диктуется потребностью беспомощного детеныша в *защите* от опасностей окружающего мира и не может (как это считалось в психоанализе в отношении человеческого младенца) трактоваться в качестве явления, просто сопутствующего процессу удовлетворения физиологических потребностей малыша (питания и др.).

Боулби считал, что существуют некие врожденные компоненты той специфической системы регуляции поведением, которая с самого начала направляет активность младенца по отношению к взрослому. Однако процесс становления поведения привязанности у ребенка весьма длителен и проходит четыре стадии: 1) начальной ориентировки и неизбирательной адресации сигналов любому лицу (слежение глазами, цепляние, улыбка, лепет), 2) выделения и сосредоточения на определенном лице, 3) использования взрослого (обычно матери) в качестве «надежной базы» для исследовательского поведения (по выражению М. Эйнсворт) и источника, дающего чувство защищенности и наконец, 4) гибко регулируемого (целекорректируемого) партнерства на третьем году жизни. В книге Боулби большое место уделено подробному описанию особенностей каждой стадии, а также условий, влияющих на проявления привязанности ребенка и выбор им основных и второстепенных лиц, к которым формируется привязанность, и многим другим ее аспектам.
Поиск младенцем защитной близости и контакта со взрослым резко активизируется в ситуациях опасности, тревоги или разного рода дискомфорта (боли, холода и т.д.): здесь взрослый становится источником успокоения и чувства защищенности, наличие которого позволяет ребенку активно осваивать полный новизны и разнообразия окружающий мир. Таким образом, теория Боулби раскрывает привязанность к матери одновременно и как определенное активное *поведение* ребенка, и как *эмоциональную связь* с ней. Тяжелые страдания малыша, разлученного с матерью, объясняются, по мнению Боулби, активированным состоянием его внутренней системы регуляции поведения привязанности и отсутствием привычных стимулов, прекращающих ее действие (контакт с матерью). В этих условиях у ребенка возникает состояние острой дезадаптации, когда угнетаются все другие формы поведения, а в результате даже при самом хорошем уходе со стороны чужих для ребенка лиц он теряет интерес к окружающему, плохо ест и спит, испытывает тревогу, отчаяние или апатию, легко заболевает. Предложенная Боулби концепция привязанности позволила «реабилитировать» то чрезвычайно требовательное поведение малышей (в отношении присутствия матери), которое нередко воспринимается недостаточно опытными родителями как каприз и результат неправильного воспитания, когда ребенка просто «приучили цепляться за мать».
Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на теоретическую направленность книги Боулби, для нее характерна исключительная информационная насыщенность. Читатель найдет в этой работе не только уникальное по своей полноте описание основных стадий развития привязанности в первые годы жизни ребенка, но и детальный анализ особенностей конкретных форм поведения, с помощью которых реализуется привязанность ребенка к матери, — ориентировочной и сигнальной активности младенца (плача, улыбки, лепета и жестов), его следования за матерью, цепляния и др. Например, рассматривая особенности реакции сосания, Боулби устанавливает, что она имеет две разные формы: помимо той, которая связана с получением младенцем пищи, имеется еще одна, составляющая неотъемлемую часть поведения привязанности, — направленная на достижение близости и физического контакта с матерью.
Естественно, что особое место в работе Боулби отведено анализу форм материнского поведения и их влияния на становление взаимодействия пары ребенок-мать. На основе накопленных фактических данных Боулби вносит принципиально важное уточнение относительно понимания психологического содержания роли матери, заботящейся о ребенке: наиболее важным компонентом материнского ухода является внимание к сигналам, подаваемым ребенком, и общение с ним (social interaction), а не сам по себе повседневный уход. Вместе с Эйнсворт он подчеркивает, что обычно используемое понятие «материнский уход и забота» является слишком широким и позволяет толковать его как главным образом обслуживание органических потребностей ребенка. Между тем избирательный характер проявлений привязанности младенца недвусмысленно показывает, что он явно предпочитает тех лиц, которые не просто ухаживают за ним, но

вступают с ним в активное и эмоциональное взаимодействие — привлекают внимание, ласково разговаривают, улыбаются, играют. В качестве главных факторов формирования привязанности ребенка к матери, согласно Боулби, выступают, во-первых, *чуткость* ее реагирования на подаваемые ребенком сигналы и, во-вторых, частота и длительность реального *взаимодействия* с младенцем: «Матери, чьи дети имеют наиболее надежную привязанность к ним, отличаются тем, что реагируют ... немедленно и ... взаимодействуют со своими детьми — к их обоюдному удовольствию» (с. 351).

В свете разработанной Боулби теории привязанности многие специфические феномены детского развития в младенческом и раннем возрасте получили намного более удовлетворительное объяснение, чем раньше. Это касается, например, непонятной ранее прихотливой избирательности отношений младенца с основными и второстепенными лицами привязанности, или «странной» (на взгляд многих родителей) потребности маленьких детей постоянно иметь с собой какой-то предмет (обычно мягкую игрушку), или то усиливающейся, то ослабевающей у младенца боязни незнакомых людей и т.д. В целом же представленная Боулби картина появления и последовательного усложнения избирательно направленных реакций ребенка на мать (начиная с фазы новорожденности) уникальна по точности и полноте. Вместе с детальным описанием становления взаимодействия между матерью и ребенком (гл. 14—17) она и сегодня может служить главой фундаментального учебника по психологии раннего возраста.

Однако, оценивая работу Боулби в целом, нельзя обойти одно принципиально важное обстоятельство: сосредоточив значительную часть своих усилий на анализе филогенетических «корней» привязанности и показе закономерной *преемственности* механизмов привязанности к матери у животных и человека, Боулби оставил без должного внимания вопрос об их качественных *различиях*. Он считал, что, хотя различия между человеком и высшими приматами, безусловно, существуют, но в отношении привязанности их сходство, «возможно, имеет даже большее значение, чем различия». Более того, подчеркивая гибкость и адаптивность инстинктивных форм поведения привязанности у высших видов приматов, Боулби не исключил существования у человека *общих* с ними прототипических инстинктивных структур, а генезис привязанности у ребенка рассматривал как, по меньшей мере, аналогичный процессу запечатления, происходящему у детенышей животных: «...Имеются все основания отнести развитие привязанности к процессу запечатления ... в широком значении. На самом деле, в противном случае возник бы совершенно необоснованный разрыв между поведением привязанности у человека и других биологических видов» (с. 248—249).

Как отнестись к такому допущению? Можно ли на этом основании не упрекнуть Боулби в грубом биологизаторстве, в натуралистическом истолковании привязанности ребенка к матери? Совершенно очевидно, что выводы Боулби связаны с ограниченностью общей парадигмы его исследований, поскольку он изначально рассматривал привязанность в эволюционном, а не социокультурном контексте. Однако ответы на поставленные выше вопросы на самом деле не так очевидны, как может показаться на первый взгляд. Следует учитывать, что в результате анализа фило- и онтогенеза привязанности Боулби пришел к выводу, что это поведение представляет собой форму *социального* взаимодействия, возникновение которой никак не зависит от удовлетворения физиологических потребностей ребенка. Таким образом, его вывод прямо противоположен натуралистической трактовке феномена привязанности. В то же время анализ того, *как* Боулби понимал само социальное взаимодействие, показывает, что для него не был первостепенным вопрос о его качественных различиях у животных и человека, а значит, натуралистический подход в его теории, безусловно, сохранял свои позиции.

Это принципиальное обстоятельство легко ускользает от внимания, если при чтении книги Боулби оставаться в русле его рассуждений, однако оно бросается в глаза, если посмотреть на вопрос о развитии привязанности шире, например, с учетом культурно-

исторической теории, разрабатываемой в трудах отечественных последователей Л.С. Выготского. Еще раз отметим, что несмотря на эволюционный подход и междисциплинарный характер теории Боулби общая парадигма его исследований имеет серьезные ограничения: в ней никак не затрагиваются те глубокие качественные преобразования, которые происходили в процессе *антропогенеза* и не могли не привести к изменению самой *природы* человека по сравнению с человекоподобными приматами, а следовательно, его онтогенеза в целом и функции привязанности в частности[1]*.

[1]* См.: Выготский Л.С. История развития высших психических функций // соч. в 6 т. М., 1983. Т. 3; Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972; Гальперин П.Я. К вопросу об инстинктах у человека // Вопросы психологии. 1976. №4.

Однако сегодня поздно и несправедливо упрекать Боулби за то, что в своих исследованиях он прошел мимо культурно-исторической теории и, соответственно, тех богатейших возможностей, которые в ней объективно заложены в отношении понимания специфики человеческого онтогенеза — прежде всего этапов становления общения ребенка со взрослым, которые в своих работах Боулби описывает как стадии развития привязанности. В конце концов, труды Л.С. Выготского получили настоящую известность на Западе лишь начиная с 1980-х гг., когда теория привязанности Боулби уже приобрела свою относительно законченную форму, а ее автору было более 70 лет. По той же причине бессмысленно сожалеть, что Боулби не учел интереснейшие результаты экспериментальных исследований многих отечественных психологов (Н.М. Щелованова, Н.М. Аксариной, М.Ю. Кистяковской, М.И. Лисиной и др.), с которыми просто не был знаком. В заключение более уместно подчеркнуть другое: сам Боулби вполне отчетливо понимал не только сильные стороны, но и ограниченность созданной им теории. Его книга завершается многозначительным признанием, что *«наименее* изученной стадией человеческого развития остается та, на которой ребенок приобретает все свои *специфически человеческие качества.* Здесь перед нами открывается целый *континент,* который *еще только предстоит завоевать»* (с. 399. — *Курсив мой - Г.В.).*
Слова, написанные Боулби почти сорок лет назад, не утратили своей актуальности. Сегодня они воспринимаются как призыв к содержательному соотнесению и, образно выражаясь, «стыковке» эволюционного и культурно-исторического подходов в исследовании конкретных феноменов детского развития, в том числе привязанности. Необходимо создание современных теорий более высокого уровня, реально синтезирующих достижения своих предшественников и преодолевающих их противоречия. Это прежде всего относится к теории генезиса общения, созданной М.И. Лисиной и ее учениками, — сопоставление ее с теорией привязанности Боулби обнаруживает как массу интересных аналогий, так и множество отличий[1]*. Потенциальная взаимодополнительность этих двух очень разных по своим исходным методологическим позициям теорий, но не уступающих друг другу по масштабу своего вклада в понимание базовых проблем онтогенеза, требует специального серьезного анализа, который выходит далеко за рамки данного предисловия. Можно надеяться, однако, что публикация на русском языке первого тома фундаментальной трилогии Боулби будет способствовать реализации этой задачи в будущем.

1* См.: Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М., 1986; Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. № 3.

Кандидат психологических наук Г.В. Бурменская

ПОСВЯЩАЕТСЯ УРСУЛЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1956 г., когда я начинал писать эту книгу, я не имел представления о том, какой труд на себя беру. В то время у меня была вполне определенная цель — обсудить теоретическое значение некоторых наблюдений, касающихся того, как маленькие дети реагируют на временное отсутствие матери. Наблюдения проводились моим коллегой Джеймсом Робертсоном, а потом мы вместе готовили материал для публикации. Обсуждение теоретического значения этих наблюдений казалось нам нужным, и мы хотели, чтобы этот материал составил вторую часть книги.

Но все произошло иначе. По мере продвижения вперед в своих научных исследованиях я постепенно стал осознавать, что поле, которое я так легкомысленно взялся «вспахать», было не менее обширным, чем то, которое Фрейд начал обрабатывать шестьдесят лет назад, и что на моем участке встречались такие же «каменистые неровности» и «колючие кустарники», как и на его поле; и ему приходилось сталкиваться с теми же препятствиями и искать ответы на те же трудные вопросы — о любви и ненависти, тревоге и борьбе, привязанности и утрате. Однако меня ввело в заблуждение то, что мои «борозды» начинались с угла, диаметрально противоположного тому, с которого начинал Фрейд, и откуда потом за ним следовали другие психоаналитики. С новой точки зрения знакомый ландшафт мог иногда выглядеть совершенно по-другому. Поэтому я не только был дезориентирован с самого начала, но и впоследствии продвигался вперед достаточно медленно. Кроме того, полагаю, моим коллегам часто было трудно понять, что я пытаюсь сделать. По этой причине, возможно, будет полезно представить ход моих мыслей в исторической перспективе.

В 1950 г. Всемирная организация здравоохранения обратилась ко мне с просьбой предоставить информацию о состоянии психического здоровья бездомных детей. Задание давало мне прекрасную возможность ознакомиться с литературой по этому вопросу, а также встречаться со многими ведущими учеными, работающими в области организации ухода за детьми и детской психиатрии. Как я писал в предисловии к отчету, составленному по результатам исследования (Bowlby, 1951), больше всего при встрече с ними меня поразило то, что они были, по сути, «единодушны в понимании основ психического здоровья детей и по поводу условий и практических методов ухода, которые могут его обеспечить». В первой части своего отчета я обосновал и сформулировал принцип: «Для психического здоровья важно, чтобы между маленьким ребенком и его матерью (или тем, кто постоянно ее замещает) существовали теплые, близкие и продолжительные отношения, в которых оба находили бы удовлетворение и радость». Во второй части я наметил те меры, которые необходимо принять с учетом этого принципа, если мы хотим сохранить психическое здоровье детей, разлученных со своими семьями. Отчет оказался своевременным. Он помог сосредоточить внимание на этой проблеме, внес свой вклад в совершенствование методов ухода за детьми и стимулировал как полемику, так и исследования. Тем не менее, как заметили некоторые критики, в моем отчете имелся по крайней мере один серьезный недостаток. В то время как в нем немало говорилось о многочисленных видах отрицательного воздействия, которое, как свидетельствовали данные, могло быть следствием лишения контакта с матерью (материнской депривации), а также о практических мерах, способных предотвратить или смягчить это воздействие, в отчете очень мало было сказано о процессах, посредством которых осуществлялось это негативное влияние. Как получается, что то или иное событие (обстоятельство), подпадающее под общее название материнской депривации, ведет к возникновению определенной формы психического расстройства? Какие процессы действуют при этом?

Почему происходит так, а не иначе? Какие еще факторы влияют на результат, и каков механизм их действия? На все эти вопросы в монографии ответов нет или почти нет. Причиной умолчания была недостаточная компетентность — моя и других ученых, — которую, вероятно, нельзя было компенсировать за несколько месяцев, отведенных на написание отчета. Я надеялся, что рано или поздно этот пробел будет восполнен, хотя было неясно, когда и каким образом.
Именно с таким настроением я начал уделять серьезное внимание наблюдениям, которые вел мой коллега Джеймс Робертсон. Благодаря небольшому гранту, предоставленному компанией «Сэр Хэлли Стюарт Траст», в 1948 г. он вместе со мной решил принять участие в систематическом исследовании всей проблемы в целом — проблемы влияния разлуки ребенка с матерью в раннем детстве на развитие его личности. В период обширных исследований области, которую в то время, образно говоря, можно было назвать целиной, Робертсон наблюдал за несколькими маленькими детьми до того, как они были «вырваны» из своей привычной обстановки, во время их пребывания вне дома и после возвращения домой. Большинство этих детей были в возрасте от года до двух с небольшим лет, и они не просто были разлучены со своими матерями, но в течение нескольких недель или даже месяцев находились в таких местах, как больница и детские ясли. Там они пребывали постоянно, не имея возможности находиться под присмотром одного человека, замещавшего мать. В период этой работы на Робертсона произвело большое впечатление, насколько глубоко дети переживали отрыв от дома и как долго у них сохранялось это состояние после возвращения домой. Никто из тех, кто читал его отчеты или видел снятый им фильм о маленькой девочке, не остался равнодушным. Тем не менее единого мнения относительно значения этих наблюдений или того, насколько они отражают реальное положение дел, в то время не было. Одни сомневались в обоснованности выводов; другие признавали наличие этих реакций, но относили их к чему угодно, только не к потери матери; третьи допускали возможность того, что разлука с матерью является существенным фактором, но полагали, что смягчить его отрицательное воздействие не слишком трудно и что поэтому потеря матери не имеет столь серьезных последствий в плане патологии, как мы считали.
Мы с коллегами придерживались иного мнения. Мы были уверены, что эти наблюдения имеют серьезное значение, причем все данные свидетельствуют о том, что потеря ребенком матери является доминирующим фактором, хотя и не единственно важным; наш опыт показывал, что даже при прочих благоприятных обстоятельствах эта ситуация вызывала больше страданий и волнений, чем было принято считать. В действительности, мы придерживались мнения, что реакции протеста, отчаяния и отчуждения, которые обычно имеют место, когда ребенка начиная с шестимесячного возраста разлучают с матерью и оставляют на попечении незнакомых ему людей, возникают в основном из-за «утраты материнской заботы в тот период развития, когда ребенок в высшей степени зависим и уязвим». Исходя из эмпирических наблюдений, мы предположили, что «острая потребность маленького ребенка в любви и присутствии матери так же велика, как его потребность в пище» и что поэтому отсутствие матери неизбежно вызывает «сильное переживание утраты и чувство гнева». Нас особенно интересовали те ярко выраженные изменения, которые часто наблюдаются в отношении ребенка к своей матери, когда он возвращается домой после разлуки: с одной стороны, можно видеть, что он «сильно льнет к матери, И это может продолжаться неделями, месяцами или годами»; а с другой — «он отвергает ее как объект любви, и такая реакция может быть временной или постоянной? Последнее состояние, позднее названное отчуждением (detachment), мы считали результатом вытеснения чувств ребенка к матери.
Таким образом, мы пришли к заключению, что потеря матери сама по себе или в сочетании с другими факторами, которые должны быть четко определены, способна вызывать реакции и процессы, представляющие огромный интерес для психопатологии. Более того — мы сделали вывод, что это те самые реакции и процессы, что и у взрослых

людей, у которых сохранились расстройства, вызванные ситуациями разлуки с матерью, пережитыми ими в раннем детстве. С одной стороны, среди этих реакций и процессов, среди разных форм расстройств мы наблюдали тенденцию предъявлять повышенные требования к другим людям и выражать тревогу и гнев, когда эти требования не выполняются, — так обычно бывает у зависимых и истеричных людей. С другой стороны, имеет место неспособность к установлению близких отношений, что наблюдается у людей, лишенных любви и привязанности, а также психопатических личностей. Другими словами, нам казалось, что, наблюдая за детьми во время и после периодов их разлуки с матерью, а также в незнакомой обстановке, мы видим именно те реакции и действие тех защитных процессов, которые позволяют нам заполнить разрыв между получением опыта переживаний такого рода и тем или иным личностным расстройством, которое может за ним последовать.

Эти выводы, естественным образом возникшие на основе эмпирические данных, привели к ключевому решению вопроса о стратегии исследований. Наша цель заключалась в том, чтобы понять, как возникают и развиваются эти патологические процессы. Поэтому мы решили впредь использовать в качестве основных данных подробные отчеты о том, как маленькие дети реагируют на разлуку с матерью, а затем — на воссоединение с ней. Мы пришли к выводу, что такие данные представляют подлинный интерес и существенно дополняют обычные сведения, традиционно получаемые в ходе терапии детей старшего возраста и взрослых. Рассуждения, лежавшие в основе этого решения, и некоторые первоначальные данные приведены в статьях, опубликованных в 1952—1954 гг., тогда же был снят и фильм[1]*.

1* Речь идет о статьях Робертсона и Боулби (Robertson, Bowlby, 1952); Боулби, Робертсона и Розенблат (Bowlby, Robertson, Rosenbluth, 1952); Боулби (Bowlby, 1953); Робертсона (Robeitson, 1953); Эйнсворт и Боулби (Ainsworth, Bowlby, 1954), выдержки из которых цитируются в данном тексте. Фильм был снят Робертсоном (Robertson, 1952).

После того как мы с коллегами приняли решение, нам потребовалось несколько лет, чтобы обработать уже полученный материал, собрать и проанализировать новые данные, сравнить их с данными из других источников и исследовать их теоретическое значение. Среди опубликованных результатов нашей работы — книга, получившая название «Кратковременные разлуки» (Heinicke, Westheimer, 1966), в которой Кристоф Хайнике и Илзе Вестхаймер рассматривают реакции, наблюдавшиеся в определенной обстановке во время и после короткой разлуки ребенка с матерью. В этом исследовании реакции детей наблюдались и фиксировались не только более систематическим образом, чем это было возможно ранее, но и поведение детей, разлученных с матерью, с помощью статистических методов сравнивалось с поведением соответствующей выборки детей, живущих дома с матерями и не подвергавшихся разлучению. Результаты этого более позднего исследования подтверждают менее систематические, но более полные данные Джеймса Робертсона и обогащают их по ряду пунктов.

В серии своих статей, опубликованных в период с 1958 по 1963 г., я обсуждал ряд теоретических проблем, встающих в связи с этими наблюдениями. В настоящих трех томах раскрывается та же тема, но делается это более тщательно[1]*. Приводится также много дополнительного материала.

[1]* Боулби имеет в виду трилогию под общим названием «Привязанность и утрата», томом I которой является настоящая книга. — Примеч. пер.

Том I «Привязанность» посвящен проблемам, которые первоначально рассматривались в первой статье данной серии — «Природа связи ребенка с матерью» (1958). Для того чтобы более успешно представить выдвигаемую нами теорию, что мы попытались сделать в частях III и IV, необходимо было сначала обсудить проблему инстинктивного поведения в целом и ее оптимальную концептуализацию. Это потребовало довольно обширного обсуждения, которое представлено в части II этого тома. Его предваряют две главы, составляющие часть I: в первой главе рассматриваются некоторые из моих исходных положений, которые я сопоставляю с положениями Фрейда; вторая глава представляет собой обзор эмпирических наблюдений, на основе которых я строю свои выводы; в ней также приводится краткое описание этих наблюдений. Целью всех глав частей I и II является разъяснение понятий, лежащих в основе моей работы, поскольку, будучи незнакомыми многим клиницистам, они вызвали у них некоторое недоумение у последних, хотя в других отношениях они сочувственно воспринимали мою работу.
Том II «Разлука» посвящен проблемам, которые первоначально рассматривались во второй и третьей статьях серии:
«Страх разлуки» (1960a),
«Страх разлуки: критический обзор литературы» (1961a).
Том III «Утрата» будет содержать переработанный и расширенный материал, впервые опубликованный в следующих статьях:
«Горе и печаль в младенчестве и раннем детстве» (1960b),
«Переживание печали» (1961b),
«Патологическая печаль и детское горе» (1963).
В последнем исследовании я опирался на систему взглядов, принятую в психоанализе. Для этого было несколько причин. Во-первых, мои ранние идеи, связанные с этой темой, были навеяны психоаналитической работой — как моей собственной, так и других ученых. Во-вторых, несмотря на ограничения, психоанализ остается самой полезной и широко используемой из всех современных теорий в области психопатологии. Третья и самая важная причина заключается в том, что все основные понятия моей теории — объектные отношения, страх разлуки, печаль, защита, травма, сензитивные периоды первых лет жизни — понятия, без которых не обходится психоаналитическое мышление, тогда как в других дисциплинах, изучающих поведение, до недавнего времени этим понятиям уделялось крайне мало внимания.
В ходе своих исследований Фрейд использовал разные подходы и испробовал много возможных теоретических построений. После его смерти оставшиеся в его трудах противоречия и двусмысленные положения привели к ряду трудностей, в связи с чем были предприняты попытки «наведения порядка». Отдельные его теории были выделены из его учения и получили дальнейшее развитие, другие — отложены и преданы забвению. Поскольку некоторые из моих идей выходят за рамки установившихся теоретических традиций и по этой причине подвергались сильной критике, я взял на себя труд показать, что большая их часть ни в коей мере не чужда тому, что думал и о чем писал сам Фрейд. Напротив, я надеюсь доказать, что большую часть основных положений моей теории можно найти в работах Фрейда, где они изложены вполне ясно.

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

В подготовке этой книги мне помогали многие друзья и коллеги, и мне очень приятно публично выразить всем им мою искреннюю благодарность.
Поскольку основные данные, на которые я опирался, были получены Джеймсом Робертсоном, я остаюсь перед ним в большом долгу. Его наблюдения поразили меня прежде всего огромным потенциалом исследований естественно-научного типа в отношении поведения маленьких детей в ситуации, когда их мать временно отсутствует, а его щепетильное отношение к точности описания, а также пристальное внимание к

деталям были для меня постоянной поддержкой в ходе представления и обсуждения полученных данных. Систематические наблюдения Кристофа Хайнике и Илзе Вестхаймер, создававшие более прочную эмпирическую основу для моей работы, также были для меня чрезвычайно ценными.
Я очень признателен за помощь, оказанную мне другими коллегами, работающими в Тавистокской клинике и Тавистокском институте общественных отношений над проблемами привязанности и утраты.
Хотя Мэри Эйнсворт (Солтер)[1]* уехала из Тавистока в 1954 г., мы поддерживали с ней контакты. Она не только любезно предоставляла мне данные своих наблюдений за поведенческими проявлениями привязанности, сбор которых осуществлялся в Уганде и в Балтиморе, Мэриленд, но еще и взяла на себя труд чтения большей части рукописи этой книги, в результате чего ею было сделано много ценных замечаний, особенно в частях III и IV.

[1]* М. Эйнсворт до замужества в 1950 г. носила фамилию Солтер. — Примеч. ред.

Энтони Амброуз помог мне прояснить некоторые трудные места и внес множество замечаний, улучшивших текст. Он также сыграл неоценимую роль в организации четырех заседаний Тавистокского семинара по теме «Взаимодействие матери и младенца», проведенного в Лондоне при щедрой поддержке Фонда Сиба. Каждый, кто знаком с материалами этих заседаний, согласится со мной в том, что я обязан всем, кто выступал с докладами и принимал участие в обсуждениях.
Представляемая здесь теоретическая схема частично опирается на психоанализ, а частично — на этологию. Своим образованием психоаналитика я обязан своему личному психоаналитику Джоан Ривьер, а также Мелани Кляйн, которая была одним из моих супервизоров. Хотя моя позиция стала сильно отличаться от их точки зрения, я глубоко им благодарен за то, что они обучили меня психоаналитическому подходу, при котором акцент делается на взаимоотношения в раннем детстве и на возможном патогенном влиянии утраты.
В 1951 г., когда я был поглощен работой над проблемами разлучения ребенка с матерью, Джулиан Хаксли пробудил у меня интерес к этологии и познакомил с только что опубликованными классическими работами Конрада Лоренца и Нико Тинбергена. Я благодарен всем троим за то, что они дополнили мое образование и вселили в меня уверенность. Не могу не выразить свою бесконечную признательность Роберту Хайнду за то, что он не жалел времени, наставляя меня в том, что нужно использовать самые последние этологические данные и концепции.
В ходе многолетних обсуждений моих работ я учитывал его замечания, которые он делал в ходе моей работы над рукописью книги. В результате для меня многое прояснилось; он любезно предоставил мне свой первоначальный вариант книги «Поведение животных» (Hinde, 1966), что было для меня чрезвычайно ценно. В то время как он не несет ответственности за высказываемые мной взгляды, без его вдумчивой критики и бескорыстной помощи данная книга была бы неизмеримо хуже.
Кроме того, своими ценными замечаниями во время написания книги мне очень помогли Гордон Бронсон, Дэвид Гамбург, Дороти Херд и Арнольд Тастин.
Неоценимый вклад в подготовку рукописи внесла мой секретарь Дороти Сазерн, которая несколько раз переписывала ее, проявляя при этом не только образцовую аккуратность, но и энтузиазм и преданность делу. Очень эффективную и разнообразную помощь я получил со стороны библиотечных работников, в частности от Энн Сазерленд. Подготовить комментарий и отредактировать рукопись мне помогла Розамунда Робсон. Новый указатель к данному изданию составлен Лилиан Рубин.

И, наконец, я выражаю благодарность многим организациям, которые, начиная с 1948 г., поддерживали Тавистокский научно-исследовательский центр развития ребенка (the Tavistock Child Development Research Unit) и его сотрудников. Финансовую помощь оказывали следующие организаци: National Health Service (Central Middlesex Group and Paddington Group Hospital Management Committees and the North West Metropolitan Regional Hospital Board), Sir Halley Stewart Trust, the International Children's Centre in Paris, the Trustees of Elmgrant, the Regional Office for Europe of the World Health Organization, the Josiah Macyjr Foundation, the Ford Foundation, and the Foundation's Fund for Research in Psychiatry. В период с 1957 по 1958 г. я работал в Центре специальных исследований в области поведенческих наук в Станфорде, Калифорния, где имел возможность подойти вплотную к решению некоторых фундаментальных проблем, поставленных полученными данными. В апреле 1963 г. Медицинский научно-исследовательский центр принял меня на работу внештатным научным сотрудником. Переработка последних глав была сделана, когда я был внештатным профессором психиатрии в Станфордском университете.

Благодарю издателей, авторов и всех перечисленных ниже лиц за разрешение использовать цитаты из опубликованных произведений. Их библиографические данные приведены в перечне ссылок в конце книги.

Academic Press, Inc., New York, in respect of 'The Affectional Systems' by H.F. and M.K. Harlow, in 'Behavior of Nonhuman Primates', edited by A.M. Schrier, H.F. Harlow, and F. Stollnitz; the Clarendon Press, Oxford, in respect of 'A Model of the Brain' byJ.Z. Young; Gerald Duckworth & Co. Ltd, London, and Alfred A. Knopf, Inc., New York, in respect of the poem 'Jim' from the 'Cautionary Tales' of Hilaire Belloc; the Editor of the 'British Medical Journal' and Professor R.S. Illingworth in respect of 'Crying in Infants and Children';

the Editor of the 'International Journal of Psycho-Analysis' and Professor W.C. Lewis in respect of 'Coital Movements in the First Year of Life'; the Editor of the 'Merrill-Palmer Quarterly' and Dr. L.J. Yarrow in respect of 'Research in Dimensions of Early Maternal Care'; the Editor of 'Science', Dr S.L. .Washburn, Dr P C. Jay, and Mrs J.B. Lancaster in respect of 'Field Studies of Old World Monkeys and Apes' (copyright 1965 by the American Association for the Advancement of Science); Harvard University Press, Cambridge, Mass., in respect of 'Children of the Kibbutz' by M.E. Spiro; the Hogarth Press Ltd, London, and the Melanie Klein trustees in respect of 'Developments in Psycho-analysis by Melanie Klein and her colleagues; Holt, Rinehart & Winston, Inc., New York, in respect of 'The Social Development of Monkeys and Apes' by W.A. Mason, in 'Primate Behavior', edited by I. DeVore; the International Council of Nurses and Dr Z. Micic in respect of 'Psychological Stress in Children in Hospital', which appeared in the 'International Nursing Review'; International Universities Press Inc., New York, in respect of'Psycho-analysis and Education' by Anna Freud, and 'The First Treasured Possession' by O. Stevenson, which appeared in the 'Psychoanalytic Study of the Child'; the Johns Hopkins Press, Baltimore, Md, in respect of 'Mind: An Essay on Human Feeling' by S. Langer; Mcintosh & Otis, Inc., New York, in respect of 'The Ape in Our House' by C. Eayes; Methuen & Co. Ltd, London, in respect of 'The Development of Infant-Mother Interaction among the Ganda' by M.D. Ainsworth, in 'Determinants of Infant Behavior', Vol.2, edited by B.H. Foss; Tavistock Publications Ltd, London, in respect of 'Transitional Objects and Transitional Phenomena' from the 'Collected Papers' of D.W. 'Winnicott; Tavistock Publications Ltd, London, and Live-right Publishing Corporation, New York, in respect of 'Love for the Mother and Mother Love' by Alice Balint, in 'Primary Love and Psycho-analytic Technique' by Michael Balint.

За разрешение использовать отрывки из стандартного издания «Полного собрания сочинений по психологии» Зигмунда Фрейда выражаю благодарность компании Sigmund Freud Copyrights Ltd, Mrs. Alix Strachey, the Institute of Psycho-Analysis, the Hogarth Press Ltd, London, and Basic Books, Inc., New York.

Часть I. Задача

Глава 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДХОДА

Чрезвычайно сложная взаимосвязь всех факторов, которые необходимо принимать во внимание, оставляет нам только один способ их выявления. Мы должны выбрать сначала одну, а затем какую-либо другую точку зрения и придерживаться ее при исследовании материала до тех пор, пока ее применение приносит результаты.
З. Фрейд (Freud, 1915b). Из последнего абзаца работы «Вытеснение».

На протяжении почти пятидесяти лет исследований в области психоанализа Фрейду не раз приходилось вначале брать за основу одну, а затем другую точку зрения в качестве отправного пункта своих поисков. Среди разнообразного материала, который он изучал, мы находим сновидения, симптомы пациентов, страдающих неврозами, поведение представителей первобытных культур. Но хотя поиски объяснений каждый раз приводили его к событиям раннего детства, сам он редко брал за основу данные, полученные в результате непосредственного наблюдения за детьми. В итоге большая часть представлений о раннем детстве, которыми располагают психоаналитики, была получена благодаря процессу их исторической реконструкции на основе результатов работы с пациентами, вышедшими из детского возраста. То же можно сказать и об идеях, сформулированных в рамках детского психоанализа: события и процессы, о которых строятся предположения, принадлежат к уже прошедшей стадии жизни.

Данная работа исходит из иной точки зрения. По причинам, упомянутым в предисловии, можно полагать, что наблюдение за поведением самого маленького ребенка в отношении своей матери — как в ее присутствии, так и в особенности когда ее нет с ним — могут внести значительный вклад в наше понимание развития личности. Когда маленьких детей разлучают с матерью незнакомые люди, дети обычно реагируют на это очень остро, а после воссоединения с матерью, как правило, проявляют повышенную тревожность или не свойственное ранее отчуждение. Поскольку и тот, и другой тип изменения отношения — или сочетание обоих — часто встречаются у людей, страдающих психоневрозом и другими видами эмоциональных нарушений, нам представлялось разумным взять эти наблюдения за отправную точку и придерживаться ее «при исследовании материала до тех пор, пока ее применение приносит результаты».

В связи с тем что эта отправная точка так сильно отличается от той, к которой привыкли психоаналитики, наверное, нужно более четко описать ее и показать причины, по которым ее следовало бы принять.

Теория психоанализа — это попытка объяснить процессы функционирования личности — как в аспекте ее здоровья, так и патологии — с точки зрения онтогенеза. При создании основной части теории не только Фрейд, но также фактически все последователи психоанализа начинали исследование с конечного результата, двигаясь в обратном направлении. Основные данные получены в ходе психоаналитического изучения личности, уже достигшей того или иного уровня развития и «функционирующей» более или менее успешно. Исходя из этих данных, делается попытка реконструировать стадии развития личности, предшествовавшие той, что наблюдается в настоящий момент.

Во многих отношениях эта стратегия противоположна стратегии, которую мы пытаемся реализовать здесь. Используя в качестве основных данных наблюдения за поведением детей первых лет жизни в определенных ситуациях, мы хотим описать ранние стадии развития личности и, исходя из этого, идти дальше. Цель, в частности, состоит в том, чтобы описать определенные формы (паттерны) реагирования, регулярно встречающиеся в раннем детстве, и начиная с этого момента проследить за проявлениями сходных паттернов реагирования личности в более поздние периоды ее развития. Изменение в самом подходе к проблеме радикальное. Из него следует, что в качестве отправного пункта мы принимаем не тот или иной симптом или синдром, причиняющий

беспокойство, а событие или переживание, которые рассматриваются как потенциально патогенные для развития личности.
Таким образом, если почти все современные теории психоанализа начинают исследование с клинического синдрома или симптома, например, с воровства, депрессии или шизофрении, выдвигая гипотезы относительно событий и процессов, которые предположительно повлияли на его развитие, принятый здесь подход начинает с выяснения характера события — утраты матери в младенчестве или в раннем детстве, а также с попыток проследить психологические и психопатологические процессы, которые обычно из него проистекают. Фактически мы двигаемся, начиная с анализа травматического опыта ребенка, в направлении его последующего развития.
Такого рода сдвиг ориентации исследования все еще необычен для психиатрии. В то же время в иных областях медицины, более тесно связанных с физиологией, упомянутый подход встречается давно, и пример, взятый из этой области, может помочь пролить свет на данный вопрос. Когда в наше время исследуется такой вид патологии, как хроническое инфекционное заболевание легких, врач не начнет работу с рассмотрения нескольких случаев заболевания этой болезнью и не будет пытаться определить возбудителя или возбудителей, вызвавших данное заболевание. Скорее всего, он сосредоточится на изучении определенного возбудителя, может быть, вируса туберкулеза, актиномикоза или какого-нибудь другого недавно выделенного вируса для того, чтобы изучить вызываемые им физиологические и патофизиологические процессы. Поступая таким образом, он, возможно, обнаружит многое из того, что может не иметь непосредственного отношения к хроническому инфекционному заболеванию. Его работа может пролить свет не только на определенные острые инфекционные и субклинические состояния, но почти наверняка поможет установить, что инфекция в других органах, помимо легких, является результатом действия патогенного вируса, выбранного им для исследования. Для него больше не представляет интерес какой-то отдельный клинический синдром; вместо этого он интересуется разнообразными осложнениями, вызванными конкретным патогенным возбудителем.
Патогенный фактор, действие которого мы будем обсуждать в данном случае, — это потеря ребенком матери в возрасте от шести месяцев до шести лет. Однако прежде чем перейти к рассмотрению основных наблюдений, нужно завершить описание того, чем принятый нами подход отличается от традиционного, а также обсудить несколько критических замечаний, с которыми нам пришлось столкнуться.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛАГАЕМОГО ПОДХОДА

Одно из отличий уже упоминалось: вместо данных, полученных в процессе терапии взрослых пациентов, наши данные получены в результате наблюдений за поведением маленьких детей в обстановке реальной жизни. В настоящее время иногда высказывается мнение, что такие данные имеют лишь отдаленное отношение к нашему разделу науки. Нередко при этом подразумевается, что по своей сути непосредственное наблюдение за поведением может дать информацию только поверхностного характера и что оно резко контрастирует с тем, что, как полагают, является почти прямым доступом к психической деятельности во время психоаналитической терапии. В результате всякий раз, когда непосредственное наблюдение над поведением подтверждает выводы, полученные во время лечения пациентов, его считают заслуживающим интереса, однако, если оно расходится с ними, его можно не принимать во внимание.
Теперь я считаю, что такого рода отношение к наблюдению основывается на ложных предпосылках. Прежде всего мы не должны переоценивать данные, получаемые нами во время сеансов психоанализа. До сих пор то, с чем нам приходится сталкиваться при непосредственном обращении к психическим процессам, представляет собой сложную цепь свободных ассоциаций, описаний событий прошлого, замечаний по поводу

настоящей ситуации и поведения пациента. Стараясь понять эти разнообразные проявления, мы неизбежно проводим их отбор и выстраиваем в соответствии с принятой нами схемой; если же мы пытаемся сделать вывод о том, какие психические процессы могут лежать в их основе, мы непременно оставляем сферу наблюдений и обращаемся к теории. Хотя проявления психических процессов, с которыми мы встречаемся в кабинете психоаналитика, необычайно богаты и разнообразны, тем не менее мы еще далеки от того, чтобы иметь возможность непосредственно наблюдать за психическими процессами.
Вероятно, в действительности ближе к истине находится прямо противоположное положение. Философы считают, что в жизни отдельного человека «паттерны поведения», различимые уже в младенческом возрасте, должны служить первоосновой для развития собственно психических состояний и процессов, и то, что впоследствии рассматривается как «внутренние явления» — будь то эмоции, аффекты или фантазии, — это «остаток», сохранившийся после того, как все связанные с ними формы внешнего поведения практически полностью редуцировались (Hampshire, 1962). Поскольку способность к сокращению внешних форм поведения с возрастом увеличивается, очевидно, что чем младше ребенок, тем больше вероятность, что его поведение и психологическое состояние являются двумя сторонами одной медали. При условии умелого и детального наблюдения полученную картину поведения маленьких детей можно рассматривать как эффективный показатель их психологического состояния в данное время.
Кроме того, те, кто скептически относятся к ценности непосредственного наблюдения за поведением, обычно недооценивают многообразие и обширность получаемых данных. Когда за маленькими детьми наблюдают в ситуациях, вызывающих страх и огорчение, можно получить данные, которые имеют прямое отношение ко многим понятиям, занимающим центральное место в нашей дисциплине, — любви, ненависти и амбивалентности чувств, ощущению безопасности, тревоги и печали; замещению, расщеплению и вытеснению. В действительности можно утверждать, что наблюдение за началом отчуждения у ребенка, проводящего несколько недель в незнакомой обстановке и в отрыве от матери, открывает так много, что нам удается проследить за тем, как происходит процесс вытеснения.
Истина состоит в том, что ни одна категория данных, по существу, не обладает преимуществами по сравнению с другой. Каждая связана с проблемами, над которыми бьется психоанализ, и ценность одной категории данных увеличивается тогда, когда она сочетается с другой. Двумя глазами видно лучше, чем каждым в отдельности.
Еще одно отличие принятого нами подхода от традиционного психоанализа заключается в том, что он основывается на наблюдениях за тем, как представители других биологических видов реагируют на подобные ситуации — присутствия и отсутствия матери; и в том, что он использует широкий набор новых концепций, разработанных этологами для их объяснения.
Основная причина обращения к этологии в том, что она предоставляет большой набор новых идей и понятий, которые можно опробовать при построении нашей теории. Многие из них касаются образования тесных социальных отношений — таких, которые связывают потомство с родителями, родителей с потомством и представителей двух полов (а иногда и одного пола) друг с другом. Другие связаны с изучением конфликтного поведения и «смещенной активности», третьи касаются развития патологических фиксаций в форме неадекватного поведения или направленности поведения на неподходящие объекты.
Теперь мы знаем, что у человека нет монополии на наличие конфликтов или поведенческой патологии. Например, у канарейки, которая впервые в жизни начинает строить свое гнездо и для него не достает материала, не только разовьется, но и станет устойчивым патологическое поведение, связанное с сооружением гнезда, даже если позднее этот строительный материал у нее появится. Или, к примеру, гусь может «обхаживать» собачью конуру и очень «огорчится», если она перевернется[1]*. Таким образом, этологические данные и концепции затрагивают явления, по меньшей мере,

сопоставимые с теми явлениями, которые мы, как психоаналитики, стараемся понять в человеке.

---

[1]* В данном примере собачья конура является объектом ухаживания со стороны - Примеч. ред.

Тем не менее пока этологические концепции не будут опробованы в области поведения человека, мы не сможем определить, насколько они полезны. Каждый этолог знает, что, каким бы ценным для исследования ни было знание о том или ином виде животных, его никогда нельзя переносить с одного вида на другой. Человек — это не обезьяна, не белая крыса, не говоря уже о канарейке или о рыбах-циклидах. Человек — это самостоятельный вид, обладающий своими специфическими характеристиками. Поэтому вполне логичной кажется мысль о том, что ни одна идея, возникающая при изучении биологических видов более низкой организации, не применима по. отношению к человеку. Тем не менее нам это положение представляется маловероятным. В том, что касается вскармливания детей или детенышей, процессов размножения и выделения из организма, у человека и видов, стоящих на более низких ступенях развития, имеются общие анатомические и физиологические характеристики. Поэтому было бы странно, если бы у нас при этом не было никаких общих черт в поведении. Кроме того, именно в раннем детстве, особенно в доречевой период, мы находим эти черты в наименее измененной форме. Можно ли говорить о том, что некоторые невротические тенденции, а также личностные нарушения, корни которых лежат в раннем детстве, следует понимать как результат нарушения в ходе развития этих биопсихологических процессов? Независимо от того, положительным окажется ответ на этот вопрос или отрицательным, здравый смысл диктует необходимость исследования такой возможности.

Позиция Фрейда

Итак, здесь были описаны четыре особенности принятого нами подхода — прослеживание возникновения реакции и ее дальнейшего развития («проспективный подход»)[1]*, сосредоточение внимания на патогенном факторе и его последствиях, непосредственное наблюдение за маленькими детьми и использование данных о животных. Было также дано обоснование выбора в пользу каждой их четырех особенностей этого подхода. Однако поскольку мало кто из психоаналитиков принимают данную точку зрения, а также поскольку иногда высказываются опасения по поводу того, что работать в русле данного подхода — значит нарушать традицию (а это чревато последствиями), то имеет смысл рассмотреть позицию Фрейда[2]*.

---

[1]* В отличие от исследования ретроспективного типа, так называемый проспективный метод предполагает движение не от результата к исходному моменту, т.е. возникновению явления, а наоборот, прослеживание процесса развития, начиная с его исходных моментов в направлении дальнейшего развертывания процесса. — *Примеч. ред.*
[2]* Боулби, вероятно, имеет в виду неприятие и острую критику со стороны членов Британского психоаналитического общества, с которыми он встретился, представляя свои первые работы, выполненные в русле предложенного им подхода. — Примеч. ред.

Анализируя последовательно каждую из четырех названных характеристик нашего подхода, мы прежде всего представим взгляды Фрейда, а затем подробно разберем позицию, принятую в этой книге.

В статье, опубликованной в 1920 г., Фрейд обсуждает серьезные ограничения ретроспективного метода. Он пишет:

«Пока мы прослеживаем развитие, начиная с его результата, двигаясь в направлении, противоположном его течению, цепь событий кажется непрерывной, и мы чувствуем, что достигли инсайта, который мы расцениваем как совершенно удовлетворительное или даже исчерпывающее понимание. Но если мы пойдем в обратном направлении, если мы начнем с предпосылок, полученных в результате психоанализа, и постараемся следовать за ними вплоть до конечного результата, тогда у нас не будет впечатления о неизбежности данной последовательности событий, что они не могли бы сложиться иначе. Мы сразу замечаем, что мог бы быть другой результат и что мы точно так же могли бы понять и объяснить его. Таким образом, синтез не так удовлетворителен, как анализ; другими словами, исходя из знания предпосылок, мы не смогли бы предсказать характер результата». (Freud, 1920b. P. 167-168).

Главной причиной этого ограничения, как указывает Фрейд, является наше незнание соотношения сил различных этиологических факторов. Он предостерегает:

«Даже предполагая, что мы обладаем полным знанием этиологических факторов, имеющих решающее значение для данного результата... мы никогда не знаем заранее, какой из факторов окажется слабее или сильнее. Мы только говорим в конце, что те факторы, которые сыграли свою роль, оказались сильнее. В результате всегда можно вполне определенно установить цепь причин, если мы следуем линии анализа, в то время как предсказать ее по линии синтеза невозможно» (там же).

Из этого отрывка очевидно, что Фрейд не сомневался, в чем заключается ограниченность традиционного метода исследования. Хотя ретроспективный метод предоставляет множество данных относительно тех факторов, которые могут играть этиологическую роль, с его помощью не только невозможно установить их все, но также нельзя оценить относительную силу установленных факторов.

Взаимодополняющие роли, которые в психоанализе играют исследования ретроспективного и проспективного типов, в действительности являются только частным примером взаимодополнительности исторического и естественно-научного методов в других областях знания.

Хотя в любом виде исторического исследования ретроспективный метод занимает признанное место и множество значительных достижений говорит в его пользу, неспособность этого метода определить относительную роль каждого из нескольких этиологических факторов, является его признанной слабостью. Однако там, где исторический метод не достаточно эффективен, обретает силу метод естественных наук. Как нам известно, научный метод требует от нас после изучения проблемы четкой формулировки одной или нескольких гипотез относительно причин, лежащих в основе интересующих нас событий, причем это должно быть сделано таким образом, чтобы из них следовал поддающийся проверке прогноз. В зависимости от точности последнего выдвинутые гипотезы принимаются или отвергаются.

Несомненно, что для получения психоанализом полноценного статуса одной из наук о поведении, он должен к своему традиционному методу добавить испытанные методы естественных наук. Хотя метод исторической реконструкции прошлого всегда будет главным методом в кабинете психоаналитика (как он продолжает быть таковым во всех областях медицины), в достижении научных целей он может и должен быть усилен гипотетико-дедуктивным методом и проверкой гипотез. Материал этой книги представлен как предварительный шаг в применении этого метода. Наша цель состояла в том, чтобы сконцентрировать внимание на событиях и их воздействии на детей и придать теории такую форму, которая допускает формулирование проверяемых прогнозов. Детальное формулирование прогнозов и даже проверка нескольких из них — задачи будущего.

Как утверждали Рикман (Rickman, 1951) и Эзриэл (Ezriel, 1951), составление прогноза и его проверку при желании можно приме нить при лечении пациентов; но с помощью таких процедур никогда нельзя проверить гипотезы, затрагивающие предшествующий период развития. Поэтому для проверки психоаналитической теории развития

незаменимы прогнозы, сделанные на основе данного непосредственного наблюдения за младенцами и маленькими детьми. Нередко они проверяются с помощью того же метода. При применении этого метода необходимо начать с выбора возможного этиологического фактора, чтобы убедиться, действительно ли он обладает всем спектром действия (или какой-либо его частью), которое ему приписывается. Это подводит нас ко второй особенности нашего подхода — изучению конкретного патогенного агента и его последствий.
Изучая фрейдовское понимание этого вопроса, необходимо четкое разграничение его взглядов на этиологические факторы вообще и на роль того конкретного фактора, который выбран нами для исследования в этой книге. Начнем с рассмотрения общих взглядов Фрейда.
Анализируя взгляды Фрейда на факторы, служащие причиной неврозов и связанных с ними нарушений, мы обнаруживаем, что они всегда сосредоточиваются на концепции травмы. Это относится как к его последним работам, так и к самым ранним — факт, о котором обычно забывают. Так, в своих последних произведениях «Моисей как человек и монотеистическая религия» и «Очерк психоанализа», которые вышли в свет соответственно в 1939 и в 1940 г., он отводит несколько страниц обсуждению вопросов, связанных с природой травмы, возрастным диапазоном, в котором человек оказывается особенно уязвимым для травматизации, характером событий, которые могут обладать травмирующим действием, и тем влиянием, которое они способны оказывать на развивающуюся психику.
Центральный пункт этого положения Фрейда — мысль о природе травмы. Подобно другим авторам, он приходит к выводу, что здесь задействованы два вида факторов — само событие и конституция человека, переживающего это событие; другими словами, травма является результатом взаимодействия. Фрейд утверждает, что, когда опыт вызывает необычную патологическую реакцию, причина этого в том, что к личности предъявляются слишком высокие требования. По его мнению, это происходит из-за того, что личности приходится переживать такое возбуждение, с которым она способна справиться.
Что касается конституциональных факторов, то Фрейд полагает, что люди должны различаться между собой по степени умения отвечать таким требованиям. Поэтому «то, что при одной конституции вызовет травму, при другой — не окажет такого действия» (Freud, 1939. P. 73). В то же время, считает Фрейд, в жизни есть особый период — это первые пять или шесть лет, в течение которых, по-видимому, каждому человеку свойственна повышенная уязвимость. По его мнению, причина в том, что в этом возрасте «...Эго... слабое, незрелое и неспособное к сопротивлению». В результате «оно не может справляться с задачами, с которыми с легкостью справилось бы позднее», а вместо этого прибегает к вытеснению или расщеплению. По этой причине, считает Фрейд, «неврозы приобретаются только в раннем детстве» (1940. P. 184-185).
Когда Фрейд говорит о «раннем детстве», важно помнить, что он имеет в виду период длительностью в несколько лет; в «Моисее» он ссылается на первые пять лет, в «Очерке» — на первые шесть лет жизни. Он полагает, что в пределах этого отрезка времени «самым важным является период между двумя и четырьмя годами» (1939. P. 74). Фрейд исключает первые месяцы жизни; об их значении он высказывается весьма туманно: «Через какое время после рождения начинается период восприимчивости, определенно установить нельзя» (P. 74).
Такова общая теория этиологии по Фрейду. Предлагаемая на страницах этой книги частная теория тесно с ней связана. В ней доказывается, что в соответствии с определением, предложенным Фрейдом, разлуку с матерью можно считать травмой, особенно если ребенка помещают в незнакомое место к чужим людям; кроме того, как свидетельствуют имеющиеся сведения, период жизни, когда разлука оказывает травмирующее влияние, совпадает с периодом детства, который Фрейд определяет как

период наибольшей уязвимости. Приводимые нами аргументы в пользу соответствия развиваемой здесь точки зрения на разлучение ребенка с матерью фрейдовскому понятию травмы позволяют сформулировать основное положение этой книги.
Фрейд определяет понятие травмы в терминах условий, служащих ее причиной, и ее психологических последствий. И в том и в другом отношениях разлучение ребенка с матерью в первые годы его жизни точно соответствует определению травмы. Что касается условий, служащих причиной травмы, то, как известно, разлука с матерью и пребывание в незнакомой обстановке вызывают у ребенка острое переживание горя, сохраняющееся в течение долгого времени; это подтверждает гипотезу Фрейда о том, что травма возникает, когда психика подвергается слишком сильному возбуждению. Что касается последствий, т.е. психологических изменений, закономерно следующих за продолжительными переживаниями, связанными с разлукой ребенка с матерью, то они являются не чем иным, как вытеснением, расщеплением и отказом. Иными словами, это, несомненно, защитные процессы, которые, согласно Фрейду, возникают в результате травмы. Это те самые процессы, ради объяснения которых и была создана теория травмы. Таким образом, можно сказать, что выбранный для изучения этиологический фактор — всего лишь частный случай того типа событий, которые Фрейд рассматривал как травматические. Следовательно, в данной работе теория невроза во многих отношениях представляет собой лишь вариант теории травмы, выдвинутой Фрейдом.
Однако заметим, что несмотря на тот факт, что разлучение с матерью хорошо укладывается в общую теорию неврозов Фрейда, и более того, в его теории страху разлуки, утрате и печали отводится исключительно важная роль; он только в редких случаях указывает на факт разлуки или утраты в первые годы жизни как на источник травмы. Когда в своих более поздних работах Фрейд ссылается на разного рода события как на травматические, он делает это довольно осторожно: в действительности термины, которые он использует для их описания, носят настолько общий и абстрактный характер, что не всегда понятно, что им имеется в виду. Например, в своей работе «Моисей как человек и монотеистическая религия» он утверждает: «Они относятся к впечатлениям сексуального и агрессивного характера, а также, несомненно, к травмам, нанесенным Эго (нарциссические обиды) в раннем детстве» (Freud, 1939. P. 74). Конечно, существует общепринятая точка зрения, что разлуку с матерью в раннем детстве нужно воспринимать как травму, нанесенную Эго; и хотя нет оснований для сомнений в этом, однако утверждать с уверенностью, придерживался ли этого взгляда Фрейд, нельзя. Итак, хотя разлука с матерью в ранние годы жизни целиком подпадает под определение травматического события по Фрейду, нельзя сказать, что он когда-либо обращал на это явление серьезное внимание, выделяя его в особую категорию травматических событий.
Следующая особенность принятого здесь подхода — это использование данных, полученных путем непосредственного наблюдения за поведением; и так же, как две первые особенности, она тоже явно соответствует взглядам Фрейда.
Во-первых, необходимо заметить, что хотя Фрейд лишь изредка обращался к данным, полученным в результате непосредственного наблюдения, тем не менее те один или два случая, когда он это делал, имели ключевое значение. Например, случай с катушкой и привязанной к ней ниткой, на основе которого он строил свои аргументы в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (Freud, 1920a. P. 4—16), и мучительная переоценка теории страха, которую и предпринимает в работе «Торможение, симптом и страх» (1926). Там, столкнувшись со сложными и противоречивыми выводами о страхе, Фрейд ищет и обретает *terra firma*[1]* в наблюдениях за поведением маленьких детей в одиночестве, в темноте или наедине с незнакомыми людьми (1926. P. 136). Именно на этом основывается вся его новая редакция теории страха.
Во-вторых, интересно узнать, что за двадцать лет до этого в своих «Трех очерках по теории сексуальности» (1905) Фрейд обращался к непосредственному наблюдению за детьми как к методу, дополняющему психоаналитическое исследование:

«Психоаналитическое исследование, возвращающееся к детству из более позднего периода, и одновременное наблюдение за ребенком сочетаются друг с другом... Наблюдение за детьми обладает тем недостатком, что имеет дело с данными, которые легко неправильно понять; психоанализ труден тем, что может «добраться» до своих данных и до своих выводов только долгими обходными путями; но при совместном использовании двух методов можно достичь вполне удовлетворительной степени достоверности полученных результатов» (1905. Р. 201).
Последняя особенность принятого здесь подхода — это использование данных из исследований, проведенных на животных. Скептическое отношение к тому, что данные о поведении животных могут помочь нашему пониманию поведения человека, не нашло бы поддержки у Фрейда. Известно, что Фрейд не только внимательно изучал книгу Романеса «Эволюция психики человека» (Romanes, 1888)[2], большая часть которой посвящена рассмотрению значения результатов исследований, проведенных на животных, но и в своем последнем труде «Очерк психоанализа» он высказал следующее мнение: «Можно предположить, что общая схематическая картина психического аппарата применима также и к высшим животным, близким по своей психике человеку». В выводе Фрейда можно уловить ноту сожаления: «Психология животных еще не занялась представленной здесь интересной проблемой» (1940. Р. 147).

---

[1]* Terra firma (лат.) — твердая почва. — Примеч. пер.
[2] Экземпляр с пометками Фрейда хранится в Библиотеке Фрейда (на медицинском факультете Колумбийского университета). В личной беседе Анна Фрейд высказала мнение, что пометки на полях книги, сделанные ее отцом, вероятно, относятся к 1895 г., когда он писал книгу «Набросок научной психологии» (1895).

Безусловно, исследования поведения животных должны значительно продвинуться вперед, прежде чем они смогут пролить свет на процессы и структуры, которые имел в виду Фрейд. Тем не менее исследования поведения животных и новые концепции, выдвинутые за годы, прошедшие с момента написания «Очерка психоанализа», едва ли могли остаться вне поля зрения Фрейда и не вызвать у него интерес.

ТЕОРИИ МОТИВАЦИИ

С точки зрения приведенных нами четырех особенностей подхода, описываемого в этой книге, можно с уверенностью утверждать (хотя этот подход не только не применялся, но и не знаком многим психоаналитикам), что он не вызвал бы у Фрейда возражений. Однако по некоторым другим характеристикам этот подход действительно расходится с позицией Фрейда. Основное различие касается мотивационной теории. Поскольку выдвинутые Фрейдом теории влечения и инстинкта относятся к центральной части психоаналитической метапсихологии, то любой отход от них психоаналитика может вызвать недоумение или даже некоторый испуг. Поэтому прежде чем идти дальше, попытаемся сориентировать читателей в отношении занимаемой нами позиции. За отправную точку возьмем работу Рапапорта и Гилла (Rapaport, Gill, 1959).
В своей попытке «ясно и последовательно сформулировать тот ряд исходных положений, которые составляют психоаналитическую метапсихологию», Рапапорт и Гилл классифицируют их в соответствии с определенными подходами. Они выделяют пять таких подходов, каждый из которых требует, чтобы независимо от конкретного психоаналитического объяснения психологического явления оно содержало определенные положения. Вот эти подходы и соответствующие им положения:
Динамический — подход, который должен содержать положения относительно психологических сил, так или иначе связанных с явлением.

Экономический — подход, куда должны быть включены положения, касающиеся психической энергии явления.
Структурный — подход, в который должны входить положения, связанные с постоянными психологическими конфигурациями (структурами), составляющими явление.
Генетический — подход, в котором должны содержаться положения о психологическом происхождении и развитии явления.
Адаптивный — подход, где должны быть утверждения, касающиеся отношения явления к окружающей среде.
Затруднений со структурным, генетическим и адаптивным подходами в настоящее время нет. Положения о генетическом и адаптивном аспекте встречаются на протяжении всей этой книги; а в любой теории защиты содержится немало положений относительно структурного аспекта. Не приняты динамический и экономический подходы. Поэтому нет положений относительно психической энергии или психологических сил; полностью отсутствуют такие понятия, как «сохранение энергии», «энтропия», «направление» и «величина силы». В последних главах делается попытка восполнить образовавшийся пробел. А пока кратко рассмотрим истоки и состояние не представленных здесь подходов.
Модель психического аппарата, с которой связано представление о поведении как некой результирующей действия гипотетической физической энергии, ищущей разрядки, была принята Фрейдом почти в самом начале его психоаналитической работы. Много лет спустя он писал в «Очерке»: «Мы полагаем, — поскольку другие естественные науки привели нас к ожиданию этого, — что в психической жизни существует какая-то энергия...». Но эта предполагаемая энергия отличается от физической энергии; впоследствии Фрейд обозначил ее как «нервную, или психическую, энергию» (Freud, 1940. P. 163—164). Поскольку необходимо четко отличать этот вид модели от тех моделей, которые, предполагая наличие физической энергии, исключают любой другой ее вид, модель, созданная Фрейдом, носит название «модель психической энергии».
Хотя время от времени детали модели психической энергии претерпевали изменения, Фрейд никогда не считал возможным оставить ее ради какой-либо иной модели. Также не отвергали ее и большинство других психоаналитиков. Какие же причины в таком случае побудили меня сделать это?
Во-первых, важно не забывать, что модель Фрейда зародилась не в ходе его клинической работы с пациентами, а берет свое начало из идей, почерпнутых им ранее у его учителей — физиолога Брюкке, психиатра Мейнерта и врача-терапевта Брейера. Эти идеи возникли у Фехнера (1801—1887) и Гельмгольца (1821—1894), а до них у Гербарта (1776—1841) и, как замечает Джонс, к тому времени как ими заинтересовался Фрейд, они «были уже хорошо известны и признаны среди образованных людей и особенно в научных кругах» (Jones, 1953. P. 414). Поэтому модель психической энергии является теоретическим представлением, которое Фрейд привнес в психоанализ: она ни в коей мере не выведена им из практики психоанализа[1]*.

---

[1]*Помимо собственных трудов Фрейда, лучшими работами, в которых освещается происхождение модели Фрейда, являются статьи Бернфельда (Bernfeld, 1944, 1949); первый том его биографии, написанный Джонсом (Jones, 1953), особенно глава 17; «Введение» Криса к тому писем Фрейда, адресованных Флиссу (Kris, 1954) и комментарий Стрейчи (Strachey, 1962). «Возникновение фундаментальных гипотез Фрейда» (1940. P. 62—68). Еще более далекая историческая ретроспектива дана Уайтом (Whyte, 1960), который среди прочего подчеркивал высокий престиж количественной формы, в которой 1ербарт выразил свои идеи.

Во-вторых, эта модель представляет собой попытку осмыслить данные психологии в терминах, аналогичных тем, которые были приняты в физике и химии во второй половине XIX в. В частности, Гельмгольц, находясь под впечатлением того, как физики использовали понятие энергии и принцип ее сохранения, полагал, что в науке настоящие причины следует представлять в качестве своего рода «сил», и занимался применением этих идей в своих работах по физиологии. Аналогичным образом и Фрейд, стремясь выразить свои идеи на языке настоящей науки, заимствовал у Фехнера модель, построенную на основе этих понятий, и продолжил ее разработку. Главные особенности модели Фрейда можно описать следующим образом: а) «в психических функциях следует выделять нечто, обладающее всеми характеристиками количества — степени аффекта или порции возбуждения, которые могут возрастать, убывать, смещаться и разряжаться», его можно описать по аналогии с электрическим зарядом (Freud, 1894. P. 60); и б) работа психического аппарата подчиняется двум тесно связанным между собой принципам — принципу инерции и принципу постоянства; причем первый принцип состоит в том, что психический аппарат стремится сохранить степень своего возбуждения на возможно низком уровне, а второй постулирует тенденцию к сохранению его постоянным[1].

В те далекие времена Фрейд считал принцип инерции основным и полагал, что он управляет системой, когда она получает возбуждение извне: «Этот процесс разряда представляет собой основную функцию нервной системы». Принцип постоянства считался второстепенным и был разработан для того, чтобы система могла взаимодействовать с возбуждением внутреннего (соматического) происхождения (Freud, «Project for a Scientific Psychology». 1895. P. 297).
Впоследствии представления Фрейда относительно этих двух принципов были им пересмотрены, хотя и не претерпели при этом существенных изменений. В окончательной формулировке принцип инерции остается основным; он относится к инстинкту смерти и носит новое название — принцип нирваны. Принцип постоянства до некоторой степени замещается принципом удовольствия, который, как и Предшествующий, рассматривается в качестве второстепенного; считается, что принцип удовольствия представляет собой модификацию принципа нирваны под воздействием инстинкта жизни (см. примеч. ред., 1915b. P. 121).

В-третьих, и это самое главное, модель психической энергии логически не связана с теми положениями, которые Фрейд (а после него и все остальные) считает действительно основными в психоанализе, — положениями о роли бессознательных психических процессов, о вытеснении как активном процессе сохранения их в сфере бессознательного, о переносе как основной детерминанте поведения, о травме, имевшей место в детстве, как источнике невроза. Ни одно из этих положений внутренне не связано с моделью психической энергии, и когда эта модель отвергается, все четыре остаются не затронутыми и неизменными. Модель психической энергии — лишь одна из возможных моделей объяснения данных, к которой Фрейд привлекал внимание; она, безусловно, не является необходимой.
Первое, что нужно подчеркнуть — модель психической энергии возникла вне психоанализа; второе — главным мотивом для введения ее Фрейдом было стремление уверить всех, что его психология соответствовала тем идеям, которые он считал передовыми научными идеями своего времени. Ничто в его клинических наблюдениях не требовало или хотя бы предполагало необходимость такой модели — это видно из его ранних исследований отдельных случаев психопатологии. Несомненно, что частично из-за приверженности Фрейда в течение всей своей жизни этой модели, а частично из-за отсутствия лучшей модели большинство психоаналитиков продолжали ею пользоваться.

В наши дни нельзя считать антинаучным использование для интерпретации данных любой модели, представляющейся перспективной. Поэтому нельзя считать антинаучным как само появление модели Фрейда, так и ее использование им самим и другими учеными. Тем не менее возникает вопрос, имеется ли сейчас альтернативная модель, которая бы в большей степени подходила для данной цели.

Внутри самого психоаналитического движения, естественно, были попытки дополнить или заменить модель Фрейда. Среди них и такие, в которых внимание концентрировалось на сильном стремлении индивида к установлению отношений с другими людьми (либо с частичными объектами[1]*). В них это стремление рассматривалось как основной принцип и, следовательно, либо такой же важный для психической жизни, как и принцип разрядки (нирваны) и принцип удовольствия, либо альтернативный им. Следует заметить, что в отличие от модели психической энергии модели объектных отношений строятся на основе клинического опыта, а также данных, полученных в ходе психоанализа пациентов. Как только признается значимость материала трансфера, нам, в действительности, навязывается какая-нибудь модель подобного рода: со времен Фрейда одна из таких моделей присутствует в умах всех практикующих психоаналитиков. Поэтому вопрос не в том, полезен ли этот вид модели, а в том, используется ли она как дополнение к модели психической энергии или как альтернатива ей.

---

[1]* Частичный объект — психоаналитическое понятие, обозначающее ту или иную часть объекта, удовлетворяющую определенную потребность индивида, например материнская грудь. — Примеч. ред.

После Фрейда из всех психоаналитиков, внесших свой вклад в теорию объектных отношений, вероятно, самыми влиятельными были Мелани Кляйн, Балинт, Уинникотт и Фэрберн. Варианты теории, выдвигаемые ими, во многом как роднятся, так и различаются. В данном контексте основное различие между ними в том, является или нет эта теория теорией чисто объектных отношений или сложной теорией, в которой понятия объектных отношений сочетаются с концепцией психической энергии. Из всех четырех теория Мелани Кляйн наиболее сложная, потому что в ней делается акцент на роли инстинкта смерти; теория Фэрберна — наиболее «строгая» из-за его открытого неприятия любых понятий, не связанных с объектными отношениями[1].

Поскольку развиваемая здесь теория ведет свое происхождение от теории объектных отношений, она во многом опирается на работы этих четырех английских психоаналитиков. Тем не менее ни одна их позиция не принимается нами полностью, а некоторые пункты весьма существенно отличаются от каждой из этих позиций. Более того, в одном принципиальном отношении она отличается от всех четырех: она дает начало новому типу теории инстинкта[2]. Думаю, что отсутствие какой-либо теории инстинкта, альтернативной теории Фрейда, составляет самый большой и, пожалуй, единственный недостаток всех существующих в настоящее время теорий объектных отношений.

---

[1] Второе различие между этими теориями касается периода жизни, в течение которого ребенок считается наиболее уязвимым. В этом отношении существует постепенный переход от точки зрения Мелани Кляйн к точке зрения Балинта. В теории Мелани Кляйн почти все важные ступени в развитии приписываются первым шести месяцам жизни; согласно теории Фэрберна, они приходятся на первые двенадцать месяцев жизни; по Уинникотту — на первые восемнадцать месяцев; а согласно теории Балинта, все первые годы жизни считаются одинаково важными.

[2] Используемому здесь термину «теория инстинкта» отдается предпочтение

перед такими терминами, как «теория влечения» или «теория мотивации». Причины этого приведены в гл. 3 и в последующих главах.

Используемая модель инстинктивного поведения, подобно модели Фрейда, взята из смежных дисциплин и так же, как модель Фрейда, отражает научную атмосферу своего времени. Она частично опирается на этологию, а частично на такие модели, как модель Миллера, Галантера и Прибрама, представленную в их книге «Планы и структура поведения» (Miller, Galanter, Pribram, 1960), и модель Янга в его труде «Модель мозга» (Young, 1964). Вместо психической энергии и ее разряда центральное место здесь занимают такие понятия, как поведенческие системы и управление ими, информация, отрицательная обратная связь и поведенческая форма гомеостаза. Более сложные формы инстинктивного поведения рассматриваются как результат выполнения определенных планов, которые в зависимости от биологического вида могут быть более или менее гибкими. Считается, что выполнение плана начинается с получения определенной информации (с помощью органов чувств из внешней среды либо из внутренних источников, либо из того и другого одновременно), затем оно регулируется и, в конце концов, завершается. При этом постоянно происходит получение информации относительно *результатов совершаемого действия* тем же способом — при помощи органов чувств из внешних, внутренних или тех и других источников. При определении самих планов и сигналов, контролирующих их выполнение, предполагается, что туда входят как известные, так и неосвоенные компоненты. Что касается энергии, необходимой для выполнения всей работы, то никакой, за исключением, конечно, физической, энергии не требуется: в этом и состоит отличие этой модели от традиционной теории[1].

---

[1] Джеймс Стрейчи обратил мое внимание на то, что, возможно, выдвигаемая в этой книге теория не столь радикально отличается от теории Фрейда, как могли бы полагать я и другие ученые (см. конец этой главы).

Короче говоря, таковы некоторые из основных особенностей применяемой нами модели. В части II этой книги (после рассмотрения некоторых эмпирических данных в следующей главе) дано подробное описание этой модели. А пока кратко проанализируем три недостатка модели психической энергии, которые, как я думаю, отсутствуют в новой концепции или, по крайней мере, присущи ей не в такой сильной степени. Они касаются того, как теория объясняет прекращение действия, насколько она проверяема и как используемые в ней понятия соотносятся с современными концепциями биологической науки.

Сравнение старой и новой моделей

Действие имеет не только начало, но и завершение. Согласно модели, опирающейся на понятие психической энергии, начало действия инициируется накоплением психической энергии, а его конец наступает при истощении этой энергии. Поэтому прежде чем действие может повториться, должна быть накоплена свежая психическая энергия. Однако большую часть поведения нелегко объяснить таким образом[2*].

[2*] Автор видит в этом первый недостаток данной модели. — *Примеч. ред.*

Например, младенец может перестать плакать, увидев свою мать, и начать снова, если она исчезнет из виду; этот процесс может повторяться несколько раз. В этом случае трудно предположить, что прекращение плача и его возникновение вызваны сначала увеличением, а потом снижением количества имеющейся психической энергии. С

подобной же проблемой мы встречаемся у птиц при сооружении ими гнезда. Когда птица видит, что строительство гнезда завершено, она прекращает процесс его сооружения, но если гнездо убрать, она начнет строить его снова. И вновь в этом случае трудно предположить, что повторение процесса происходит благодаря внезапному доступу особого рода энергии и что этого не произошло бы, если бы гнездо оставалось *in situ*[1*]. В то же время в каждом случае изменение поведения легко истолковать с точки зрения его соответствия сигналам, поступающим в связи с изменениями во внешней среде. Этот вопрос будет обсуждаться в гл. 6.

[1*] In situ (лат.) — на месте нахождения. — *Примеч. пер.*

Второй недостаток модели психической энергии в психоанализе, так же как и других подобных моделей, заключается в ограниченной степени ее проверяемости. Как утверждал Поппер (Popper, 1934), научную теорию от других видов теорий отличает не вопрос ее возникновения, а вопрос о том, можно ли ее подтвердить с помощью неоднократной проверки. Чем чаще и тщательнее проверяется теория и при этом не изменяется, тем выше ее научная ценность. Из этого следует, что чем более проверяема теория, тем это продуктивнее для науки. В физике энергия определяется способностью выполнять работу, а работа измеряется в килограммо-метрах или эквивалентных им единицах. Поэтому теория физической энергии может подвергаться (и часто подвергалась) проверке на предмет правильности прогнозируемых показателей работы. До сих пор многочисленные проверки прогнозов подтверждали их. Но для фрейдовской теории психической энергии, так же как для всех подобных теорий, никаких аналогичных проверок еще не предлагалось. Таким образом, теория психической энергии остается непроверенной; и до тех пор пока она не будет определена в терминах, обозначающих что-то, что можно наблюдать, а предпочтительнее — измерять, ее следует считать непроверяемой. Для научной теории это очень крупный недостаток.
Третий недостаток модели по иронии судьбы заключается в той особенности, которая Фрейду представлялась ее основным достоинством. Для Фрейда модель физической энергии была попыткой осмысления данных психологии в терминах, аналогичных понятиям, используемым в физике и химии (в то время, когда он начинал свою работу, чрезвычайно приветствовались поиски связи между психологией и естественными науками). В наши дни такая цель оценивается совершенно противоположным образом. Модели мотивации, которые предполагают существование особой формы энергии, отличающейся от физической энергии, не привлекают биологов (Hinde, 1966); оставлено также предположение, что принцип энтропии равным образом применим к живым и к неживым системам. Вместо этого в современной биологии работа физической энергии воспринимается как нечто само собой разумеющееся, а основное внимание уделяется таким понятиям, как «организация» и «информация», которые независимы от понятий «вещество» и «энергия», внимание также привлечено к концепции о живом организме как открытой, а не замкнутой системе. В результате использования модели психической энергии попытка объединить психоанализ с современными естественными науками пока приводит к противоположному эффекту: она служит барьером.
Модель, описанная в настоящей книге, не страдает этими недостатками. Благодаря использованию понятия «обратная связь» в ней уделяется столько же внимания условиям, при которых действие прекращается, как и условиям, при которых оно начинается. Модель легко поддается проверке путем наблюдения. Если рассматривать ее с точки зрения теории управления и теории эволюции, то она соединяет психоанализ с основным содержанием современной биологии. В конечном счете, мы полагаем, что она может дать более простое и последовательное объяснение данным, получаемым в ходе психоанализа, чем модель психической энергии.

Понятно, что это смелые заявления и что легко они не будут приняты. Мы делаем их с целью объяснить, почему применяется эта новая модель и почему не используются некоторые из основных метапсихологических понятий психоанализа. Так, теория инстинкта Фрейда, принцип удовольствия и традиционная теория защитных механизмов — это три примера из многих, на которые можно было бы сослаться как на неудовлетворительные в том виде, в котором они существуют, поскольку они рассматриваются в рамках модели психической энергии. В то же время ясно, что ни один психоаналитик не откажется от данных теорий до соблюдения, по крайней мере, двух условий: во-первых: данные, для объяснения которых предназначены эти теории, будут заслуживать серьезного внимания, и, во-вторых: в качестве альтернативных появятся новые теории, по крайней мере, такого же уровня. Это обязательные условия.
Очевидно, что трудности, с которыми сталкивается каждый, кто пытается предпринять попытку пересмотра теории, велики и многочисленны. Особо нужно обратить внимание читателей на одну из них. На протяжении семидесяти лет, с тех пор как появился психоанализ, традиционная модель стала применяться почти ко всем аспектам психической жизни; и в результате она теперь дает более или менее удовлетворительное объяснение большей части проблем, с которыми приходится сталкиваться. Очевидно, что в этом отношении ни одна новая теория не может конкурировать с психоанализом. Начнем с того, что каждая новая теория способна показать свои возможности лишь в отдельных областях — так же, как новая политическая партия может конкурировать лишь в нескольких избирательных округах. Пока теория не докажет свою состоятельность в какой-то ограниченной сфере и пока она не будет проверена, она не должна распространяться дальше. Насколько широко применима выдвигаемая здесь теория — это вопрос исследований. Тем временем мы просим читателей составить свое собственное суждение об этой теории, но не с точки зрения того, какие проблемы она должна решить, а с точки зрения ее успешности в ограниченной сфере применения. «Чрезвычайно сложная взаимосвязь всех факторов, которые необходимо принимать во внимание, оставляет нам только один способ их выявления...»[1*]

___

[1*] См. эпиграф к данной главе. — Примеч. пер.

В конце этой вводно-ориентирующей главы мы считаем интересным представить, как отнесся бы к таким новшествам Фрейд. Нашел бы он их чуждыми своей концепции психоанализа или, может быть, счел бы их непривычными, но вполне законными альтернативными способами упорядочения данных? Изучение его работ оставляет мало сомнений в том, каков был бы его ответ. В своих трудах он вновь и вновь подчеркивает временный характер своих теорий и признает, что научные теории, как и живые существа, рождаются, живут и умирают. Он пишет:
«...наука, воздвигнутая на эмпирических толкованиях... с радостью удовольствуется расплывчатыми, трудно вообразимыми представлениями в качестве основополагающих понятий, которые она надеется [либо] яснее установить в ходе своего развития, либо... заменить другими. Поскольку эти идеи не лежат в основании науки, состоящей из одних только наблюдений, а образуют верхние этажи всего этого строения, они могут быть заменены и отброшены без всякого для нее ущерба» (1914. P. 77).
В своем «Автобиографическом очерке» он высказывается в том же духе, ссылаясь на «спекулятивную суперструктуру психоанализа, любую часть которой можно опустить или изменить без ущерба или сожаления в тот самый момент, когда будет доказана ее неадекватность» (1925. P. 32).
Мы постоянно должны задавать себе два следующих вопроса: насколько адекватна эмпирическим данным та или иная теория и каким образом ее можно наиболее

эффективно проверить? Можно надеяться, что выдвинутые здесь теории будут тщательно изучены и подвергнуты критике с учетом этих вопросов.

ЗАМЕЧАНИЕ О ПОНЯТИИ «ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ» В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ФРЕЙДА

Как упоминается в сноске на с. 20, возможно, в некоторых отношениях теория мотивации, выдвинутая в этой книге, не настолько отлична от некоторых мыслей Фрейда, как можно было бы ожидать.

В последние годы вновь пробудился интерес к неврологической модели, представленной Фрейдом в его «Наброске научной психологии», написанном в 1895 г., но опубликованном только после его смерти. Нейрофизиолог Прибрам (Pribram, 1962) обращает внимание на многие характеристики модели, включая отрицательную обратную связь, которые даже по сегодняшним меркам являются очень сложными. Стрейчи (Strachey, 1966) в своем предисловии к новому переводу также указывает на сходство ранних идей Фрейда с современными концепциями: например, «в описании механизма восприятия Фрейдом введено фундаментальное понятие «обратная связь», которое рассматривается им как средство корректировки ошибок в процессе взаимодействия механизма с окружающей средой» (1895. Р. 298-293).

То, что в «Наброске» есть эти идеи, вселяет в Стрейчи уверенность, что выдвигаемая в этой работе модель инстинктивного поведения, в частности представление о том, что действие прекращается в результате восприятия изменений в окружающей среде, меньше отличается от модели Фрейда, чем предполагалось:

«В «Наброске» во всех случаях Фрейд говорит, что «действие» началось в результате восприятия извне и прекратилось из-за нового восприятия внешнего стимула и опять началось из-за другого восприятия, идущего извне» (Стрейчи. Из личной беседы).

Идею обратной связи можно также усмотреть в представлениях Фрейда относительно цели и объекта влечения. В своей статье «Влечения и судьбы влечений» (1915а) он высказывает эти мысли следующим образом:

«Цель влечения имеется в каждом примере удовлетворения, которого можно достичь, лишь устранив состояние стимулирования в источнике влечения... Объектом влечения является то, в чем или посредством чего влечение способно достичь своей цели» (Р. 122).

Устранение состояния стимулирования в источнике посредством установления определенных отношений с объектом вполне понятно с точки зрения обратной связи; понятию разряда оно чуждо.

Очень интересно обнаружить понятие «обратная связь» в этих пунктах теоретических рассуждений Фрейда, хотя это понятие всегда представлено неявно и даже часто находится во взаимоисключающих отношениях с понятиями совсем иного рода. В результате понятие «обратная связь» никогда не использовалось при выстраивании психоаналитической теории: обычно, как, например, в описании метапсихологии Рапапорта и Гилла (Rapaport, Gill, 1959), его отсутствие просто бросается в глаза.

В поисках истоков современных идей в размышлениях представителей предыдущего поколения всегда есть опасность «вычитывания» большего, чем имеется там на самом деле. Например, сомнительно, что принцип инерции Фрейда правомерно рассматривать в качестве частного случая принципа гомеостаза, как это предлагает Прибрам: «Инерция — это гомеостаз в его простейшей форме». Между двумя этими принципами имеется весьма существенная разница. В то время как принцип инерции Фрейда понимается как тенденция сведения уровня возбуждения до нуля, принцип гомеостаза понимается не только как тенденция к поддержанию уровней в рамках определенных положительных пределов, но и как принцип, работающий до пределов, установленных главным образом генетическими факторами, к тому же на отметках, которые увеличивают до максимума вероятность выживания. Один принцип формулируется с точки зрения физики и

энтропии, другой — с точки зрения биологии и выживания. В качестве понятия, сходного с гомеостазом, принцип постоянства представляется более перспективным, чем принцип инерции.

Глава 2. НАБЛЮДЕНИЯ, ТРЕБУЮЩИЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

Покинутый ребенок, внезапно просыпающийся ночью,
Смотрит вокруг испуганными глазами,
Но не встречает взгляда,
Обращенного на него с любовью.
Дж. Элиот

С незапамятных времен по-настоящему ощутить и понять горе ребенка, потерявшего мать, были способны лишь матери и поэты; и только в последние пятьдесят лет этим вопросом, правда эпизодически, стала интересоваться наука.

Если не считать очень немногих ранее опубликованных работ, в том числе и Фрейда, систематических наблюдений за поведением младенцев и маленьких детей, а также зафиксированных данных до начала 1940-х гг. не было. Первые наблюдения, сделанные в яслях в Хэмпстеде в годы Второй мировой войны, были описаны Дороти Берлингем и Анной Фрейд (Burlingham, Freud, 1942, 1944). Они наблюдали за группой здоровых детей (от рождения примерно до четырехлетнего возраста), которые после разлучения с матерью воспитывались в сравнительно хороших (по понятиям военного времени) условиях. Поскольку это были первые исследования такого рода, они еще не носили систематического характера и не всегда точно отражали существенно меняющиеся с течением времени условия. Тем не менее зафиксированные данные получили в дальнейшем широкую известность и теперь являют собой яркий и живой пример описания подобного рода.

Другая серия систематических наблюдений была проведена Рене Шпицем и Кэтрин Вольф за ста младенцами матерей-одиночек, содержащихся в заключении (Spitz, Wolf, 1946). За исключением нескольких младенцев, наблюдавшихся до полутора лет, поведение детей изучали в течение первого года жизни. До шести — восьми месяцев за детьми ухаживали их матери. Затем «в силу вынужденных причин внешнего характера» детей разлучали с матерями «на целых три месяца, в течение которых ребенок или совсем не виделся с матерью, или в лучшем случае встречался с ней раз в неделю». На протяжении этого времени за ребенком ухаживала мать другого ребенка или женщина на последних сроках беременности, В отличие от большинства других подобных исследований окружение ребенка во время разлуки с матерью оставалось прежним, не считая, конечно, того, что лицом, заменяющим мать, выступала другая женщина.

Вслед за этими ранними исследованиями последовали другие. В период с 1948 по 1952 г. мой коллега Джеймс Робертсон, бывший сотрудником яслей в Хэмпстеде, вел наблюдения за детьми в основном в возрасте от полутора до четырех лет. Эти дети находились в яслях или в больнице в течение недели или двух, а некоторые из них значительно дольше. Робертсон старался наблюдать за ними по возможности до разлуки с матерью и после воссоединения с ней. Некоторые из его наблюдений *были описаны в* статьях, опубликованных с 1952 по 1954 г., и отражены в фильме[1]. Робертсон (Robertson, 1962) опубликовал также родительские описания реакции их малышей во время и после пребывания в больнице: большинство этих детей находились там без матери, но в некоторых случаях мать была рядом с ребенком.

---

[1] Robertson and Bowlby (1952); Bowlby, Robertson and Rosenbluth (1952); Robertson (1953). Фильм снят Робертсоном (Robertson, 1952).

После Робертсона подобные исследования проводились еще дважды (моими коллегами из Тавистокского научно-исследовательского центра развития ребенка): первое — Кристофом Хайнике (Heinicke, 1956), второе — Кристофом Хайнике совместно с Илзой Вестхаймер (Heinicke, Westheimer, 1966). В обоих исследованиях наблюдения велись за детьми в возрасте от года и месяца до трех лет, разлученными с матерью и постоянно пребывающими в яслях; большинство этих детей вернулись домой примерно через две недели, но некоторые — позднее. Хотя в каждом из этих исследований принимали участие немного детей (шестеро в первом и двенадцать во втором), они были уникальны по тщательности и систематичности проводимых наблюдений. Более того, для каждой выборки разлученных с матерью детей формировалась противоположная ей группа: в первой выборке это была тщательно подобранная группа детей, за которыми велось наблюдение в первые недели их посещения яслей с дневным пребыванием; во второй выборке это была во всех отношениях такая же группа детей, за которыми наблюдали в домашней обстановке. Хайнике и Вестхаймер обработали свои данные статистически и подробно описали поведение отдельных детей.

За последние десятилетия был опубликован еще ряд исследований. Например, в Париже Дженни Обри (ранее Рудинеско) и ее сотрудники вели наблюдение за несколькими малышами на втором году жизни, недавно поступившими в круглосуточные ясли (Appell, Roudinesco, 1951; David, Nicolas, Roudinesco, 1952; Aubry, 1955; Appell, David, 1961). Позднее члены этой группы изучали детей в возрасте от четырех до семи лет во время их месячного пребывания в лагере отдыха (David, Ancellin, Appell, 1957).

Результаты всех этих наблюдений за здоровыми детьми в яслях, включая собственных детей исследователей, были систематизированы Хайнике и Вестхаймер в последних главах их книги «Кратковременные разлуки» (Heinicke, Westheimer, 1966). Результаты с очевидностью свидетельствуют о высокой степени согласованности полученных данных. Описаны также наблюдения за поведением маленьких детей во время и после их пребывания в больнице. Некоторые наблюдения проводили врачи-педиатры: например, в Соединенных Штатах — Пру и др. (Prugh et al., 1953); в Англии — Иллингворт и Холт (Illingworth, Holt, 1955); в Югославии — Мичич (Micic, 1962); в Польше — Белицкая и Олехнович (Bielicka, Olechnowicz, 1963). Другие исследования осуществлялись психологами; в частности, в Шотландии их проводил Шаффер, изучавший реакции детей в возрасте до одного года при поступлении в больницу и по возвращении домой (Schaffer, 1958; Schaffer, Callender, 1959); обширное исследование в Чехословакии провели Лангмейер и Матейчек (Langmeier, Matejcek, 1963). Подробный обзор литературы, связанной с пребыванием в больницах, был опубликован Верноном и др. (Vernon et al., 1965).

Выборки детей в различных исследованиях отличаются друг от друга по многим параметрам. Например, по возрасту, по домашним условиям, из которых поступают дети, по типу учреждения, куда они попадают, по имеющемуся там уходу и по периоду разлуки с матерью. Они отличаются также по состоянию здоровья детей[1]. Однако несмотря на все эти различия, на разницу в обстановке и различные ожидания исследователей, имеет место поразительное единообразие результатов. Как только ребенок достигает возраста шести месяцев, он начинает реагировать на разлуку с матерью вполне определенным образом. Поскольку наблюдения, на которых основана представленная здесь теория, в основном проводились Джеймсом Робертсоном, приведенные в книге описания в большинстве случаев взяты из его работ.

[1] Следует заметить, что в двух основных исследованиях, посвященных пребыванию детей в больнице, — работах Робертсона и Шаффера — не рассматривались малыши, у которых была высокая температура или которые страдали от боли. Большинство детей помещались в больницу либо для проведения обследования, либо для очень легких операций.

Основные полученные им данные представляют собой результаты наблюдений за поведением детей второго и третьего года жизни, находившихся в течение определенного времени в круглосуточных яслях или в больнице, где для них были созданы обычные для таких учреждений условия. Это значит, что ребенок лишался заботы своей матери и всех обычно окружающих его лиц, а также привычной обстановки и вместо этого оказывался в незнакомом месте, где за ним ухаживали сменяющие друг друга чужие для него люди. Сведения о последующем периоде взяты из наблюдений за поведением детей в стенах родного дома в течение нескольких месяцев после возвращения, а также из сообщений их родителей.

В такой обстановке ребенок в возрасте от одного года и трех месяцев до двух с половиной лет, никогда прежде не расстававшийся со своей матерью и чувствовавший себя достаточно защищенным рядом с ней, обычно демонстрирует вполне прогнозируемую цепь поведенческих реакций. Его поведение проходит три стадии с точки зрения того, какое отношение к матери у него доминирует. Мы описываем их как стадии протеста, отчаяния и отчуждения. И хотя удобнее представлять их по отдельности, не следует забывать, что в реальности каждая стадия не вдруг переходит в следующую, поэтому ребенок на протяжении нескольких дней или даже недель может находиться в переходном состоянии из одной стадии в другую.

Первая стадия — стадия протеста, может начинаться сразу или с задержкой; она длится от нескольких часов до недели или больше. В этот период малыш переживает острое горе из-за разлуки с матерью и стремится вернуть ее, пуская в ход все свои ограниченные возможности. При этом часто он громко плачет, трясет свою кроватку, бросается из стороны в сторону, жадно ловит любой звук и всматривается в других людей, надеясь, что его мать вернется. Все его поведение говорит о том, как сильно он надеется на ее возвращение. В то же время он может отвергать всех, кто ухаживает за ним; хотя отдельные дети начинают отчаянно льнуть к няне.

На второй — стадии отчаяния, которая сменяет стадию протеста, все еще заметно, что ребенок переживает отсутствие матери, Хотя его поведение чаще свидетельствует о том, что он теряет надежду на ее возвращение. Физические движения ребенка становятся менее активными или совсем прекращаются, и он может подолгу монотонно плакать. Он пассивен, вяло реагирует на окружающее, ничего не требует, и создается впечатление, что он находится в состоянии глубокой печали. Это более пассивная стадия. Иногда совершенно ошибочно считают, что она свидетельствует о том, что ребенок стал успокаиваться.

Поскольку ребенок начинает больше интересоваться окружающим, третью стадию — стадию отчуждения, которая рано или поздно следует за стадиями протеста и отчаяния, часто с удовлетворением воспринимают как знак того, что состояние ребенка нормализуется. Ребенок больше не отвергает нянь; он принимает их заботу, а также еду и игрушки, которые они приносят, может даже улыбаться и вступать в общение. Некоторым эта перемена кажется удовлетворительной. Однако когда ребенка навещает мать, выясняется, что не все обстоит благополучно, потому что у ребенка поразительным образом исчезают проявления сильной привязанности к матери, нормальные для его возраста. Вместо радости при встрече с матерью он проявляет отчужденность и равнодушие; вместо плача можно увидеть, как он отворачивается с безразличным видом. Кажется, что он утратил к матери всякий интерес.

Если его пребывание в больнице или в круглосуточных яслях окажется продолжительным и если (что обычно и происходит) он станет поочередно привязываться к разным няням, рано или поздно оставляющим его, то опыт первоначальной потери матери для него будет повторяться, и со временем его поведение будет свидетельствовать о том, что ни материнская забота, ни контакты с другими людьми для него не имеют большого значения. После целой серии горьких переживаний, связанных с потерей нескольких «матерей», к которым он чувствовал доверие и привязанность, он будет постепенно все

меньше испытывать к ним теплые чувства и, в конце концов, вообще перестанет привязываться к кому бы то ни было. Он будет больше сосредоточиваться на себе и вместо того, чтобы направлять свои желания и чувства на людей, чаще станет стремиться к конкретным благам: получению сладостей, игрушек или еды. Ребенок, живущий в детском учреждении или больнице и достигший такого состояния, больше не будет огорчаться смене или уходу няни. В родительский день он перестанет проявлять свои чувства к близким людям. Возможно, им будет больно от того, что ни они сами, а принесенные ими подарки стали объектом живого интереса их ребенка. Им будет казаться, что он весел, освоился в необычной обстановке, внешне спокоен и никого не боится. Но эта общительность поверхностна: ему просто больше ни до кого нет дела.
У нас были некоторые затруднения с нахождением термина для обозначения этой стадии. В ранних работах мы использовали термин «отказ» (denial). Однако это привело к определенным трудностям, и вместо него мы остановились на термине «отчуждение» (detachment), как имеющем чисто описательный характер. Альтернативным термином является «уход в себя» (withdrawal), но у него есть два недостатка. Во-первых, существует опасение, что «уход в себя» может создать неправильное представление, будто ребенок пассивен и поглощен только собой, а это часто совершенно противоречит действительности. Во-вторых, в психоанализе «уход в себя» обычно ассоциируется с теорией либидо и идеей влечения (инстинкта) как некоторого количества энергии, которое может быть отделено, т.е. с моделью, которая здесь не используется. В термине «отчуждение» не только нет этих недостатков, но он является антонимом термина «привязанность»[1]*.
Ясно, что как интенсивность наблюдаемых реакций, так и конкретные формы, которые они принимают, зависят от многих факторов, на которые мы уже ссылались. Так, чем в большей изоляции находится ребенок и чем больше он остается в своей кроватке, тем сильнее его протест; в то же время чем менее необычна для него обстановка и чем больше о нем заботится одно и то же лицо, замещающее мать, тем меньше его отчаяние. Условиями, эффективно и практически всегда снижающими интенсивность реакции, являются или присутствие брата или сестры, даже очень маленьких (Heinicke, Westheimer, 1966), или забота одного лица, замещающего мать (а не сменяющих друг друга лиц), особенно когда ребенок встречался с ним раньше в присутствии матери (Robertson, Robertson, 1967).
Фактор, который всегда связан с ухудшением состояния ребенка как в период разлуки, так и после его возвращения домой, — это продолжительность расставания. Такая связь описана в работе Хайнике и Вестхаймер (Heinicke, Westheimer, 1966) и, как они утверждают, об этом постоянно сообщают все другие исследователи (1966. P. 318-322). Хотя имеются убедительные свидетельства в пользу того, что самым важным фактором, определяющим описанный тип поведения, является отсутствие привычной «фигуры матери»[2], это мнение не всегда принимается. Вместо него выдвигаются другие факторы. Среди них называют незнакомую обстановку, состояние матери, характер отношений, сложившихся у ребенка с матерью ранее. Например, отмечается, что во многих исследованиях описывается ситуация, когда ребенок находится не только на попечении незнакомых людей, но и в непривычной обстановке; когда здорового ребенка помещают в ясли с круглосуточным пребыванием (например, часто это происходит потому, что его мать собирается ложиться в родильный дом); или когда ребенка отправляют в круглосуточные ясли из-за неудовлетворительных отношений в семье. Может ли в таком случае поведение малыша объясняться не разлукой с матерью, а непривычной обстановкой, ожиданием соперника или неудовлетворительными отношениями с матерью?

---

[1]* В английском языке эти слова являются однокоренными — detachment и attachment. - Примеч. ред.

[2] Хотя на протяжении всего текста книги обычно используется слово «мать», а не «фигура матери», следует понимать, что во всех случаях имеется в виду лицо, которое по-матерински заботится о ребенке и к которому он привязывается. Конечно, для большинства детей этим человеком является их родная мать.

Если бы эти возражения были основательны, то вопрос о действительно большом значении разлуки отпал бы *per se (Per se (лат.) — сам по себе. — Примеч. пер.).* Однако имеются веские доказательства влияния всех этих факторов и они ни в коей мере не подтверждают точку зрения скептиков. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Хотя во многих исследованиях, включая работы Робертсона, дети сталкиваются не только с незнакомыми людьми, но и с непривычной обстановкой, имеется несколько исследований, в которых среда не менялась. Одно из таких исследований, на которое мы уже ссылались, проводилось Шпицем и Вольф. Младенцы, поведение которых Шпиц описал как синдром «аналитической депрессии», оставались после разлуки с матерью в том же самом учреждении. Учитывая, что матери не было на протяжении трех месяцев, для восстановления у ребенка прежнего состояния нужно было изменить только одно обстоятельство — вернуть ему мать.

Два других сообщения подтверждают, что, какое бы действие ни оказывала перемена обстановки, основным фактором всегда будет отсутствие матери. Одно из наблюдений принадлежит Хелен Дойч (Deutsch, 1919); она рассказывает о маленьком мальчике, находившемся на попечении нескольких нянь, поскольку его мать работала. Когда ему было всего два года, его первая няня уволилась и вместо нее наняли другую. Несмотря на то что ребенок оставался дома и каждый вечер мать была с ним, его поведение после ухода няни, к которой он привык, соответствовало описанной ранее картине. Расставшись с няней, он весь вечер плакал, а потом не мог заснуть и не отпускал от себя мать. На следующий день он отказался есть у новой няни и перестал проситься в туалет. На протяжении следующих четырех ночей его мать должна была оставаться с ним, уверяя его в своей любви, а днем он опять вел себя неспокойно. Только на шестой день его поведение стало приближаться к норме, а на девятый день он, наконец, успокоился. Хотя было очевидно, что он тоскует по своей прежней няне, он никогда не упоминал ее имени и неохотно говорил об ее отсутствии.

Подобный случай описывает и Спиро (Spiro, 1958). Он рассказывает о поведении другого маленького мальчика примерно такого же возраста, воспитывавшегося в израильском кибуце, родители которого уехали на несколько недель, а его оставили дома. В данном случае ребенок находился в привычной для него обстановке, со своей няней и друзьями. Тем не менее, как это видно из приведенного ниже отрывка (взятого из дневника его матери), он был очень огорчен отсутствием родителей.

«Мы только что вернулись в кибуц. Яков очень болезненно отнесся к нашему отсутствию. Няня говорит мне, что многие вечера он провел без сна. Однажды вечером сторож видел, как он стоял у входной двери, держа палец во рту. Когда его отец, вернувшийся на неделю раньше, чем я, приехал домой, Яков не отпускал его вечером из дома и заплакал, когда он все же ушел. Когда я вернулась, Яков не узнал меня и побежал к отцу. Теперь, когда я ухожу вечером, он всегда спрашивает меня: «Ты никогда от меня не уедешь, никогда?» Он очень боится, что его снова оставят одного. Он начал сосать палец... Я должна сидеть с ним вечером, пока он не заснет».

Спиро дальше пишет, что тот же самый мальчик пришел в состояние ярости, когда его отец уехал в командировку. Яков, ставший к этому моменту на несколько недель старше, сказал матери: «Папа уехал в Тель-Авив. Все дети будут очень сердиться на моего папу». Мать спросила его, сердится ли *он* на своего отца, на что мальчик ответил: «Все дети рассердятся на папу»[1].

---

[1] В этих цитатах были сделаны небольшие изменения, чтобы избежать упоминания реальных имен.

Этот случай достаточно убедительно показывает, что стадии поведения, которое мы исследуем, нельзя отнести только за счет перемены обстановки. Безусловно, незнакомая среда имеет значение, но для ребенка самое главное — находится ли его мать рядом с ним или нет. Это заключение подтверждается наблюдениями за поведением малыша в непривычной обстановке, но в присутствии матери.
Мы знаем много почти анекдотичных случаев, связанных с поведением детей в незнакомом месте, например, когда родители берут их с собой на отдых во время отпуска. Действительно, некоторые малыши, особенно в возрасте от одного года до двух лет, бывают обеспокоены сменой обстановки; тем не менее, если мать или лицо, постоянно ее замещающее, находится рядом, эта обеспокоенность редко представляет собой серьезную проблему — обычно она вскоре проходит1. Большинство же детей, наоборот, любят поездки с семьей именно из-за перемены обстановки.
Имеются и другого рода факты, свидетельствующие, что пока мать находится рядом, непривычная обстановка или совсем не беспокоит ребенка, или беспокоит очень мало; такой вывод был сделан в результате наблюдений за поведением малышей в больнице.
В настоящее время имеется ряд исследований, подтверждающих следующее: когда в больнице рядом с ребенком находится мать, он вообще или практически не проявляет беспокойства, в то время как для ребенка, оставленного в больнице без матери, оно типично. Один такой случай, связанный с поведением двухлетней девочки, был снят на пленку Робертсоном (Robertson, 1958). Еще несколько сообщений на эту тему было сделано педиатрами Маккарти, Линдсеем и Моррисом (MacCarthy, Lindsay, Morris, 1962) и Мичич (Micic, 1962). Мичич описывает резкую перемену в поведении ребенка, находившегося в больнице без матери в течение нескольких дней, после того как она появилась рядом с ним и больше не отлучалась. Мичич следующим образом описывает поведение маленькой девочки в возрасте одного года и месяца, которую положили в больницу с бронхопневмонией.
«Дзанлик была хорошо развитой и упитанной девочкой. Ее положили в больницу без матери, и два дня она была одна. Она все время лежала с безучастным видом, не хотела ничего есть и только плакала во сне. Во время осмотра она не сопротивлялась. Я помогла ей сесть, но она сразу же отвернулась и снова легла.
На третий день пришла ее мать. Когда девочка увидела ее, она сразу встала и заплакала. Потом она успокоилась, и оказалось, что она страшное голодна. После еды она начала улыбаться и играть. Когда на следующий день я вошла в палату, я просто не узнала ребенка, настолько разительной была перемена. Она улыбалась, сидя на руках у матери, в то время как я ожидала увидеть спящего в кроватке ребенка. Было непостижимо, как за один день ребенок, сильно психически подавленный и постоянно спящий, мог превратиться в такую счастливую маленькую девочку. Все ее радовало и она всем улыбалась».
То, что такая поразительная перемена не была случайной, подтверждается множеством других подобных описаний поведения детей (включая свидетельства родителей), собранных Робертсоном (Robertson, 1962).
Систематическое исследование, проведенное Фейджином (Fagin, 1966) с участием тридцати детей, находившихся в больнице с матерями, и группы детей, которые были там одни (хотя их ежедневно навещали родители), свидетельствует в пользу этого же вывода. По возвращении домой после нескольких дней пребывания в больнице все дети, находившиеся там одни, проявляли реакцию, типичную для малышей, переживших

---

[1] В исследовании Юкко (Ucko, 1965) высказывается предположение, что маленькие дети, которые плохо переносят смену обстановки в период семейного отдыха, при рождении часто страдали асфиксией.

кратковременную разлуку с матерью, оставшись в незнакомой обстановке: они гораздо больше льнули к матери, слишком расстраивались, когда в дальнейшем разлучались с матерью даже на короткое время, и утрачивали контроль над сфинктерами. У детей, находившихся в больнице с матерями, напротив, не отмечалось ни одно из этих нарушений.

Поэтому непривычная обстановка, конечно, не является главной причиной горя ребенка, разлученного с матерью. А тот факт, что отсутствие матери усиливает его страдания, несомненен. Эти вопросы более подробно обсуждаются в томе II[1]*.

[1]* См. предисловие, с. XXVI. — Примеч. ред.

Беременность матери и ожидание еще одного малыша тоже можно исключить как несущественные факторы. Во-первых, как видно из описанных случаев, и дети не беременных матерей обычно проявляют типичные реакции при разлуке. Во-вторых, в своем исследовании Хайнике и Вестхаймер (Heinicke, Westheimer, 1966) имели возможность сравнить поведение тринадцати детей, матери которых ожидали еще одного ребенка, с поведением пяти малышей, чьи матери не были беременны. После проведения более тщательного сравнения поведения детей из этих групп в течение двух первых недель после разлуки с матерью никаких значимых различий обнаружено не было.

И, наконец, нет подтверждений, что только те дети, у которых отношения с матерью до разлуки оставляли желать лучшего, страдали от ее отсутствия. В каждом из исследований, на которые мы ссылаемся, среди детей, особенно остро переживавших разлуку, имелись и дети из семей, где отношения (в том числе и между матерью и ребенком) были почти идеальными. Одно из наиболее убедительных свидетельств этому мы находим в исследовании Хайнике и Вестхаймер (там же). В нем описано, как Илзе Вестхаймер, психиатр, работающий в сфере социальных проблем и обладающий большим опытом, неоднократно наведывалась в семьи непосредственно перед разлукой с ребенком, во время нее и сразу же после возвращения ребенка домой (когда это было возможно). Таким образом, она хорошо познакомилась с семьями и получила достаточно ясную картину взаимоотношений между матерью и ребенком. Отношения колебались от вполне хороших до равнодушных. Хотя исследователи ожидали обнаружить соответствующие различия в реакции детей на разлуку и воссоединение с матерью, полученные данные были иными. Установленная ими зависимость на самом деле подкрепляет точку зрения, высказанную ранее Робертсоном и Боулби, (Robertson, Bowlby, 1952), о том, что беспокойство при разлуке отсутствует главным образом у детей, имевших раньше неудовлетворительные отношения с матерью. Иными словами, чем ласковее и нежнее были отношения между ребенком и матерью, тем сильнее ребенок проявлял свое огорчение во время разлуки с ней.

Располагая столь весомыми доказательствами, мы считаем возможным вывод, что, какую бы роль ни играли другие факторы в детерминации описанного горя и беспокойства ребенка, самой весомой будет потеря матери. В результате возникает ряд вопросов. Почему маленького ребенка так сильно огорчает потеря матери? Почему после возвращения домой он так боится снова ее потерять? Какие психологические процессы объясняют его горе и феномен отчуждения? И, прежде всего, как мы понимаем природу связи, существующей между ребенком и его матерью? Вот те проблемы, которым посвящены все три тома. Но прежде чем начать обсуждать их, необходимо предоставить место для описания модели инстинктивного поведения, которая принята здесь вместо энергетической модели, введенной и применявшейся Фрейдом.

Часть II. ИНСТИНКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Глава 3. ИНСТИНКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МОДЕЛЬ

Я испытываю большие сомнения по поводу того, что на основе исследования психологического материала можно получить какие-либо существенные ориентиры, указывающие, как проводить дифференциацию и классификацию влечений (инстинктов)[1]**. Исследование такого материала, по-видимому, само нуждается в определенных предположениях относительно жизни влечений, и было бы желательно, чтобы эти предположения были взяты из какой-либо другой области знания и привнесены в психологию.*
З. Фрейд *(Freud, 1915a)*

В психологии нет более настоятельной потребности, чем потребность в хорошо обоснованной теории инстинктов (влечений), располагая которой можно было бы идти дальше. Однако никакой подобной теории не существует...
З. Фрейд *(Freud, 1925)*

ВВЕДЕНИЕ

За пятьдесят лет, прошедших с тех пор как Фрейд искал способы построения прочно обоснованной теории инстинктов и сокрушался, что ему это не удалось, были достигнуты поразительные успехи. Свой вклад в этот прогресс внесли многие дисциплины. Давно ожидаемый теоретический прорыв был совершен в аналитической биологии и теории управления, сочетание которых высветило принципы, лежащие в основе адаптивного, целенаправленного поведения. Этот прорыв был использован тремя науками, основанными на эмпирическом опыте: этологией (в русле которой зоологи изучают поведение животных), экспериментальной психологией, а также нейрофизиологией, которая была «первой любовью» Фрейда. Каждая из этих трех дисциплин имеет свои, особые истоки происхождения, так же как свои собственные сферы интереса, методы и понятия; поэтому неудивительно, что на протяжении нескольких лет между ними было мало контактов и взаимопонимания. Однако в последние годы появилось больше информации о подходе, изучающем системы управления. Знакомство с работами каждого из названных направлений помогло понять, какими уникальными возможностями обладают все три науки и как удачно они дополняют друг друга. То, что раньше было источником слабости, стало источником силы, — и, наконец, начали вырисовываться принципы единой науки о поведении.

---
[1]* В связи с приводимыми Боулби положениями Фрейда следует учитывать, что английское слово «instinct» одновременно означает два фрейдовских термина — «инстинкт» и «влечение». — Примеч. ред.

Даже у простейших животных поведение имеет чрезвычайно сложный характер. Поведение представителей одного биологического вида определенным образом отличается от поведения представителей другого биологического вида, причем отличия в поведении особей внутри одного вида не столь явны, как межвидовые отличия. Более того, поведение одной и той же особи в молодом и в зрелом возрасте тоже различно, так же, как оно меняется от сезона к сезону, день ото дня и каждую минуту. Тем не менее в поведении имеется множество закономерно повторяющихся проявлений, и некоторые из них носят настолько яркий характер и играют такую важную роль в выживании особи и вида, что получили название инстинктивных. При условии, что с этим термином мы не связываем никакой определенной теории причинной обусловленности, а используем это слово как прилагательное, т.е. в чисто описательных целях, термин «инстинктивный»

сохраняет свое ценное значение. Присущие ему ограничения, а также трудности, связанные с использованием существительного «инстинкт», обсуждаются в гл. 8.

Поведение, которое традиционно обозначается термином «инстинктивное», имеет четыре основные характеристики:

а) оно осуществляется сходным и прогнозируемым образом почти у всех представителей вида (или всех представителей одного пола);

б) это не просто отдельная реакция на отдельный стимул, а последовательность поведенческих реакций, обычно имеющая стереотипный характер;

в) некоторые из его обычных результатов имеют очевидное приспособительное значение для выживания особи или продолжения вида;

г) во многих случаях оно развивается даже тогда, когда все обычные возможности для научения ему почти (или полностью) отсутствуют.

В прошлом обсуждение поведения этого типа часто приобретало запутанный и сложный характер из-за бесплодного спора, является ли тот или иной пример поведения врожденным или приобретенным (путем научения или каким-либо иным способом). Теперь все понимают, что резкое противопоставление врожденного и приобретенного не соответствует действительному положению дел. Так же как площадь является произведением длины на ширину, так и любой биологический признак — морфологический, физиологический или поведенческий — является продуктом взаимодействия наследственности и окружающей среды. Поэтому такие термины, как «врожденный» и «приобретенный», должны быть отброшены и преданы забвению, а использовать нужно новую терминологию.

Применяемая здесь терминология введена Хайндом (Hinde, 1959). Любой биологический признак, который в своем развитии мало подвергался влиянию со стороны изменений окружающей среды, называется экологически устойчивым (стабильным); любой признак, который в своем развитии испытывал на себе сильное влияние среды, называется экологически лабильным (экологически изменчивым). Примерами экологически устойчивых признаков служит большая часть таких морфологических свойств, как цвет глаз и форма конечностей, или такие физиологические признаки, как кровяное давление и температура тела, а также поведенческие признаки, например сооружение гнезда у птиц. Примерами экологически изменчивых признаков являются вес тела и цвет кожи у саламандры, такие физиологические признаки, как иммунные реакции, а также поведенческие признаки, например, конкур и игра на фортепьяно. Между приведенными примерами, представляющими собой крайности, конечно, находится множество биологических признаков разной степени устойчивости и лабильности. На самом деле экологическая устойчивость и экологическая лабильность образуют континуум: признаки, которые обычно называют врожденными, занимают полюс экологически устойчивых, а признаки, называемые приобретенными, — экологически лабильных или находятся посередине.

Поведение, которое по традиции описывают как инстинктивное, является экологически устойчивым, при условии, что окружающая среда остается в границах, в которых живет вид. В такой среде оно проявляется в прогнозируемой форме у всех представителей вида и поэтому часто называется видоспецифическим.

Иногда обсуждается вопрос о том, имеются ли у человека формы поведения, которые можно назвать инстинктивными. Утверждают, что поведение человека крайне разнообразно; в каждой культуре оно разное; ничто в нем не напоминает устойчивые и прогнозируемые формы поведения животных. Действительно, такую точку зрения можно поддержать. Это правда, что поведение человека весьма разнообразно, но не беспредельно; и хотя культурные различия велики, можно видеть и определенные общие черты. Например, несмотря на явные различия, некоторые формы человеческого поведения (часто это поведение, движимое сильными мотивами) — поиск партнера, уход за младенцами и маленькими детьми, привязанность детей к родителям, — которые

можно найти почти у всех представителей человеческого рода, по-видимому, лучше всего рассматривать как проявления какого-то общего плана, а поскольку их значение с точки зрения выживания очевидно, то их можно рассматривать в качестве примеров инстинктивного поведения. Впрочем, нужно подчеркнуть, что у всех высших видов животных, не только у человека, формы инстинктивного поведения не являются стереотипными движениями, а представляют собой своеобразные по манере исполнения формы поведения конкретных особей в конкретных условиях среды. Тем не менее это такое поведение, которое следует некой узнаваемой схеме и которое в большинстве; случаев приводит к какому-то прогнозируемому результату, полезному для отдельной особи или вида в целом. Что касается теории инстинктивного поведения, основанной на концепции стереотипных движений, то она совершенно неадекватна не только; применительно к человеку, но также и ко всем высшим видам, включая птиц.
Оспаривающие точку зрения, что в поведении человека есть нечто общее с тем, что у других видов по традиции называется инстинктивным началом, берут на себя тяжелое бремя доказать это. В отношении анатомической и физиологической систем человека, структурная преемственность с другими биологическими видами неоспорима. Что касается поведения, то структурная преемственность, может быть, и менее очевидна, однако если бы преемственность полностью отсутствовала, то все, что мы знаем об эволюции; человека, было бы опровергнуто. На самом деле более вероятно не отсутствие преемственности, а сходство базовой структуры поведения у человека и животных, которая в ходе эволюции претерпел особые изменения, позволяющие человеку достигать тех же целей, но гораздо более разнообразными средствами. Римляне могли по пасть в Йорк всего лишь несколькими путями, а сегодня мы выбираем из сотен вариантов. В древности санскрит обладал весьма ограниченными средствами выражения; произошедшие от него современные формы языка обеспечивают поразительное, по-видимому, бесконечное разнообразие. Тем не менее, в каждом случае структура современной системы, будь то дороги или язык, основан на древней структуре и берет из нее начало. Ранняя форма не вытеснена: она изменилась, стала более сложной и мощной, но она все еще определяет целостный паттерн. В этом и заключается выдвигаемая здесь точка зрения относительно инстинктивного поведения у людей. Предполагается, что его базовая структура происходит от какого-то прототипа или прототипов, общих с другими биологическими видами; то, что они изменились и усложнились, само собой разумеется. Но в таком случае, какими могут быть эти прототипические структуры? Как можно себе представить систему, способную в своих менее сложных формах отвечать за инстинктивное поведение, скажем, рыб, в каких-то более сложных формах — за такое поведение у птиц и млекопитающих, а в наиболее сложных формах — за инстинктивное поведение человека? Поиски таких прототипов можно сравнить с поисками прототипических форм костей таза, которые ведет ученый в области сравнительной анатомии, отталкиваясь от особенностей строения таза лошади.
Модели, обещающие внести большой вклад в наше понимание протоструктур инстинктивного поведения, — это модели, разрабатываемые теорией управления. Данная сфера знаний интенсивно расширяется в течение последних двадцати пяти лет, и, помимо бесчисленных примеров использования в технике, уже доказана ценность применения моделей управления в решении проблем физиологии (Grodins, 1963). Хотя было бы наивным полагать, что такая теория уже способна решать поведенческие проблемы подобной степени сложности, с какими приходится сталкиваться врачу-клиницисту, или что она скоро будет способна делать это, ее полезность в анализе простых движений уже продемонстрирована, и она обещает пролить свет на более сложные последовательности действий.
Представляя идеи, берущие начало в теории систем управления, мы будем идти от самых простых систем к более сложным. В этом способе представления идей есть свое преимущество, поскольку, во-первых, можно показать, что является основным для этого

класса систем, и, во-вторых, можно продемонстрировать, как план, который сначала выглядит простым и легко доступным для понимания, может постепенно усложняться до такой степени, чтобы в конце концов система могла достигать все более сложных и отвечающих предъявляемым требованиям результатов. Но этот метод представления идей имеет также и недостаток: может создаться впечатление, будто системы, описанные вначале, настолько просты, а функции их так ограничены, что читатель-скептик способен поддаться искушению отказаться от всякой мысли о полезности их изучения для понимания поведения человека. Будем надеяться, что другие читатели более терпеливы.

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ ДЕЙСТВИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ

Прежде всего, рассмотрим некоторые из основных характеристик этих особых систем, известных как системы управления. Две характеристики, с которых мы начнем, касаются очень старой проблемы целенаправленности (purposiveness) действия системы и нового, современного понятия обратной связи.

Было время, когда употребление ученым слова «целенаправленность» по отношению к поведению животных или попытка построить психологию поведения человека на основе учения о целесообразности было равносильно объявлению себя виталистом и исключению из общества всеми уважаемых ученых. Разработка систем управления повышенной сложности, таких, как, например, системы управления самонаводящихся ракет, изменили это положение. Сейчас признано, что механизм, действующий на основе обратной связи, действительно может иметь целевую направленность. Таким образом, в наши дни признавать целенаправленность поведения и рассуждать если не в духе телеологии[1], то, по крайней мере, в духе телеономии (Pittendrigh, 1958)[2]*, считается не только проявлением здравого смысла (впрочем, как это было всегда), но и вполне укладывается в рамки «высокой» науки.

---

[1] Подробнее термины «телеологический» и «телеоиомический» обсуждаются в конце гл. 8, в разделе «Проблемы терминологии».

[2]* В отличие от телеологии — идеалистического учения о цели и целесообразности — телеономия представляет собой концепцию, описывающую причинные отношения на языке кибернетики, в частности с помощью понятий «программа» и «обратная связь». — Примеч. ред.

Особым свойством, которое дает возможность машине «вести себя» целенаправленно (в смысле достижения заранее заданной цели различными способами), является обратная связь. Это процесс, посредством которого сведения о результатах выполнения действия постоянно направляются в регулирующий центр машины, где они сравниваются с ее первоначальным заданием. Последующее действие машины определяется результатами этого сравнения, и, таким образом, конечный результат действия приближается к первоначальному заданию. Подобно спортсмену, который намеревается пробежать дистанцию в 1,8 км за 4 мин и поэтому тренируется с секундомером в руке для проверки времени на каждом круге, машина постоянно проверяет результаты своих собственных действий и строит свои дальнейшие действия в зависимости от степени совпадения этих результатов с заданными.

Элементарная форма системы управления — это регулятор, «целью» которого является сохранение постоянным какого-либо состояния. Простейший пример — комнатный термостат, который должен на заданном уровне поддерживать комнатную температуру. Действие системы «диктуется» результатами сравнения наличной температуры с заданной. Для проведения такого сравнения системе необходимо: во-первых, первоначальная установка на определенную температуру и, во-вторых, постоянный

приток информации о температуре в комнате. Эти показания снимаются с термометра и в соответствующей форме поступают обратно (обратная связь) для сравнения их с первоначально установленной температурой.

Регулятор может быть чрезвычайно простым устройством наподобие обычного комнатного термостата, функции которого сводятся к «включению» тепла, когда температура падает ниже заданного уровня, и к его «выключению», когда температура достигает уровня, выше заданного. Однако у такого простого устройства имеются существенные ограничения. Если температура за пределами помещения вдруг опустится, то температура в комнате тоже может резко упасть, и системе понадобится определенное время, чтобы перестроиться. Если же комнатная температура станет выше заданной, то у системы нет возможности ее снизить. Для преодоления этих ограничений и создания системы, способной поддерживать температуру, близкую к заданной, необходим ряд усовершенствований исходной системы. Например, при повышении температуры термостат мог бы не только «выключать» тепло, но и включать охлаждающую систему. В случае падения температуры его конструкция могла бы реагировать не только на сам факт понижения температуры ниже заданного уровня, но также учитывать величину расхождения, действуя следующим образом: чем больше расхождение — тем чаще «включается» тепло и наоборот. Кроме того, в новой конструкции можно было бы предусмотреть, чтобы фиксировалась не только абсолютная разница температур, но также и скорость, с которой эта разница возрастает или убывает. И чтобы дополнительно гарантировать поддержание температуры на точно заданном уровне, все приборы должны быть в двух или трех экземплярах, возможно, работающих на основе аналогичных, но не идентичных процессов; например, обогревающие приборы могли бы быть как масляными, так и электрическими.

Аналогия между описанием сложного комнатного термостата и инстинктивным поведением человека может показаться слишком далекой. Тем не менее мы даем это описание по двум причинам: во-первых, для того чтобы ознакомить читателя с понятиями установки (setting) (или инструкции), установочной цели и обратной связи в том виде, как они используются в системах управления[1], и, во-вторых, потому что в настоящее время известно, что системы, действующие согласно этим самым принципам, лежат в основе многих физиологических функций. Например, за поддержание постоянного уровня содержания в крови сахара в организме отвечает система управления, использующая все описанные ранее компоненты (Goldman, I960). Это свидетельствует о том, что строение живых организмов включает в себя системы управления, а также подтверждает, что целый ряд их жизненно важных функций весьма существенно от них зависит.

[1] Хотя *понятия* «установка» (setting), или «программа» (instruction), и «установочная цель» (set-goal) — неотъемлемые компоненты теории управления, термины «установка» и «установочная цель» таковыми не являются. То, что здесь называется «установкой» или «заданием», инженеры систем управления обычно именуют термином «сигнал команды» (command signal), а вместо слов «цель» или «установочная цель» они используют термин «уровень равновесия» (equilibrium level). Некоторые причины, по которым следует предпочесть названные термины, изложены в разделах последующих глав, а именно, в разделе «Типы систем управления поведением» (гл. 5) и в разделе «Проблемы терминологии» (гл. 8).

Тем не менее описанный регулятор — относительно статичный тип системы, и едва ли он может служить моделью даже простейшей формы инстинктивного поведения. Это система, работающая на основе только одной установки, к тому же постоянной; все, что от нее требуется, — это поддерживать наличное состояние на уровне, как можно более приближенном к заданному. Для нас больший интерес представляет другой тип системы

управления — сервомеханизм. В этом случае установка часто или даже постоянно меняется, а задача системы состоит в том, чтобы каждый раз приводить свое действие в соответствие с изменением установки. Хорошо известным примером этого механизма служит рулевое управление автомобиля. Поворачивая рулевое колесо, водитель задает нужное ему положение передних колес, и сервомеханизм «получает задание» привести положение колес в соответствие с этой установкой. Вначале сервомеханизм «сравнивает» фактическое положение передних колес с новой установкой, а затем приводит в соответствие фактическое положение колес с заданным. Когда водитель вновь поворачивает руль, он меняет предыдущую установку на новую, и сервомеханизм «получает» новую цель — «сравнить» фактическое положение с заданным, а затем «обеспечить» совпадение фактического положения с заданным.
Следует отметить, что в обсуждаемых до сих пор системах управления установка машине задается человеком. Сам термостат не устанавливается на какой-либо определенной температуре — ее устанавливает человек; то же происходит и с передними колесами автомобиля. Но можно спроектировать систему управления, для которой установки будут задаваться другой системой. Например, установки, на которых работают сервомеханизмы зенитного орудия, могут поступать от радара, конструкция которого позволяет не только следить за движением самолета, но и выходить за пределы имеющихся в этот момент данных о его движении, чтобы экстраполировать будущее положение самолета. Это позволяет направлять орудие таким образом, чтобы самолет был обязательно сбит. Данный вид систем существует и у живых организмов. Есть основание полагать, что именно наличие у человека систем такого рода, скоординированных между собой в единое целое, дает ему, например, возможность ударять по летящему теннисному мячу. Подобным же образом взаимосвязанные системы позволяют соколу ловить птиц прямо на лету. В дальнейшем такую цель, как попадание по мячу (или по самолету), или ловлю птицы на лету, мы будем называть установочной целью системы.

СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ИНСТИНКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Очевидно, только теперь содержание понятия «системы управления» начинает соответствовать одной из наиболее простых форм инстинктивного поведения. Ловля соколом птицы на лету фактически подпадает под принятые критерии инстинктивного поведения: у каждого отдельного сокола падение камнем соответствует легко узнаваемой схеме (паттерну) поведения; появляется оно без научения и имеет очевидное значение с точки зрения выживания. Хотя мы, возможно, еще весьма далеки от понимания возникновения и процесса развития интегративных систем управления у растущего птенца, тем не менее, ничего необъяснимого в этом нет — по крайней мере, более необъяснимого, чем то, как начинает развиваться физиологическая система аналогичной сложности. Так же, как в обычной для какого-либо биологического вида среде действие генов обеспечивает развитие сердечно-сосудистой системы с ее удивительно чувствительными и гибко действующими механизмами регуляции притока крови к тканям (в постоянно меняющихся условиях внутри организма и во внешней среде), можно предположить, что действие генов обеспечивает развитие системы управления поведением с механизмами такой же или большей чувствительности и гибкости, предназначенной для управления конкретной формой поведения в условиях внешней среды, которые тоже постоянно меняются. Если инстинктивное поведение рассматривается как результат действия интегративных систем управления, функционирующих в среде определенного типа, тогда средства, при помощи которых они возникают, не ставят перед нами особых проблем, т.е. проблем больших, чем в связи с работой физиологических систем.
Однако хорошо известно, что хотя инстинктивное поведение всех представителей вида (за очень небольшим исключением) соответствует некоторой общей программе, конкретная

его форма, которую оно принимает у отдельной особи, часто заметно отличается от поведения других особей, и на деле может быть весьма необычной. Например, птица, принадлежащая к виду, обычно гнездящемуся на деревьях, в случае их отсутствия может строить гнездо на утесе (как канюки, живущие в Норвегии). Представители млекопитающих, для которых характерен стадный образ жизни, могут вести одиночное существование, если, например, животное выросло вдали от своих сородичей (овечка, выращенная дочерью фермера). Данные примеры показывают, как развитие системы управления поведением, которая кажется экологически очень устойчивой (сооружение гнезд на деревьях и стадность — безусловно, экологически устойчивые формы поведения), может, тем не менее, до некоторой степени подвергаться влиянию той окружающей среды, в которой это поведение осуществляется. Это же справедливо и в отношении физиологических систем. Например, состояние сердечнососудистой системы эмбриона таково, что, когда особь достигнет взрослого возраста, оно будет до некоторой степени определяться барометрическим давлением, которое воздействовало на эту особь на ранних этапах развития. Тот факт, что система в целом экологически устойчива, никоим образом не противоречит тому, что она может испытывать определенные влияния со стороны изменений в окружающей среде.
Действительно, хотя форма, которую принимает система, отвечающая за инстинктивное поведение, является экологически устойчивой, едва ли среди известных нам биологических видов имеется такой, представители которого во взрослом возрасте так или иначе не обнаруживают последствий сильного влияния со стороны окружающей среды (особенно той, в которой они находились в юном возрасте) при условии, что она заметно отличается от естественной. Даже муравьи, для которых существуют две категории их собратьев — друзья и враги (отношение к ним совершенно разное), должны четко знать, кто друг и кто враг. Если же в виде эксперимента они воспитываются в колонии другого вида, то относятся к этим «другим», как к друзьям, а к представителям своего собственного вида, как к врагам. Инстинктивное поведение не наследуется. Наследуются возможности развития систем определенного вида, называемые здесь поведенческими, характер и форма их различаются в соответствии со спецификой окружающей среды, в которой проходил процесс их развития.
Практика показывает, что между разными биологическими видами существуют огромные различия по степени экологической устойчивости или лабильности систем управления поведением. У плотоядных животных и высших приматов многие системы управления поведением обладают явной лабильностью, но различия между поведенческими системами возможны даже внутри одного вида. Для максимальных шансов на выживание необходимо гибкое равновесие между устойчивостью и лабильностью. Поведенческие системы, которые у взрослой особи не допускают изменений формы поведения в зависимости от условий окружающей среды, имеют то преимущество, что могут быть сформированы и готовы к действию в нужный момент развития; при этом иного вида системы управления поведением, предусматривающие изменения в соответствии с особенностями окружающей среды, могут требовать более длительного процесса развития и не быть готовыми к функционированию так рано, как первые. В то же время строение системы управления поведением, которое допускает изменения в соответствии с особенностями среды, вероятно, создает систему, более приспособленную и более эффективную в работе, чем та, в основе которой лежит общая цель и жесткое строение[1], хотя вместе со способностью к изменениям также возникает риск необычных отклонений в развитии, которые могут привести к такому странному результату, как, например, описанный ранее эпизод с гусем, объектом ухаживаний которого была собачья конура. В любом случае, допускает ли устройство системы управления поведением изменения поведения в соответствии с окружающей средой или нет, важно помнить, что ни одна система, какой бы гибкой она ни была, не может подходить к любым условиям среды.

[1] Хелд (Held, 1965) отмечает, что в дополнение к факт) физического роста необходимо учитывать, что в ходе развития животного должно произойти изменение его сенсорной организации в связи с увеличением расстояния между глазами и между ушами, а также изменение двигательной организации в связи с удлинением костей. Эксперименты Хелда позволяют предположить, что такие изменения происходят благодаря сенсорной обратной связи, сопровождающей активные движения животного. Он утверждает, что если бы не этот процесс, потребовалось бы значительное увеличение генетически закодированной информации.

Признание того, что система управления поведением, подобно анатомической и физиологической, может способствовать выживанию и размножению только тогда, когда она развивается и функционирует в среде, которая находится в предусмотренных границах, важно для понимания как инстинктивного поведения, так и психопатологии. Анатомическое строение кита великолепно подходит для жизни в огромных океанах, но совсем не годится для обитания в какой-либо другой среде; пищеварительная система коровы прекрасно функционирует, когда корова питается исключительно травой, но эта система нарушится, если корову, например, кормить мясом; аналогичным образом и система управления поведением какого-либо вида животных может хорошо подходить к жизни в одной среде и приводить к бесплодию животного или к его гибели в другой. В среде, где нет дупел для гнезд, не могут размножаться синицы; в среде, где источником света является открытый огонь, слетаясь к нему, мотыльки погибают. Причиной неэффективности системы во всех этих случаях является ее вынужденное функционирование в среде, к которой она не адаптирована.

В случае с искусственными системами управления их структура проектируется с учетом точных представлений о характере среды, в которой она должна работать. В случае с биологическими системами структура принимает форму, задаваемую особенностями среды, в которой система фактически действовала в ходе эволюционного процесса, — среды, которая обычно (хотя и необязательно), является той же самой, в которой она, скорее всего, будет функционировать в будущем. Поэтому в каждом случае имеется особого рода среда, к которой адаптирована система — искусственная или биологическая. Я предлагаю назвать ее «зоной адаптированности» системы. Только в зоне адаптированности можно ожидать, что система будет работать эффективно. В любой другой среде этого ожидать, нельзя. В одних случаях система может функционировать довольно хорошо; в других случаях — не работать совсем; а в третьих — приводить к поведению, которое в лучшем случае необычно, а в худшем — совершенно не способствует выживанию.

Важно признать, что зона адаптированности существует не только для каждого вида, но и для каждой системы каждого вида, и что любая зона адаптированности может быть более или менее точно определена с учетом ряда условий. Сердечно-сосудистая система кошки будет функционировать эффективно в определенных пределах содержания в воздухе кислорода и углекислого газа, а также его давления и температуры; сердечно-сосудистая система обезьяны или человека будет эффективно работать в сходных пределах, но, возможно, не идентичных тем, которые характерны для кошки. Точно так же системы управления материнским поведением у какого-либо биологического вида, будут функционировать в определенном диапазоне общественных и физических условий среды, но не за его пределами, и эти пределы тоже будут различными у разных видов.

По ряду причин понятие адаптации в биологии связано с определенными трудностями. Когда дело касается системы управления поведением животного, оно вызывает особые затруднения, а когда затрагивает поведение человека, такие затруднения удваиваются. Поскольку понятие «зоны адаптированное» является основным при обсуждении в данной

книге, последний раздел этой главы (см. с. 54) и вся следующая глава посвящены дискуссии, касающейся этих терминов.

В то время как все инстинктивные системы у биологического вида построены так, что обычно способствуют выживанию этого вида в пределах свойственной ему зоны адаптированности, каждая отдельная система имеет отличия, связанные с конкретными аспектами этой среды. Одни поведенческие системы устроены так, что приводят организм в определенное место обитания и удерживают его там; устройство других требует определенной пищи для организма, а устройство третьих — установления определенных отношений с другими представителями того же вида. В некоторых случаях значимые аспекты среды опознаются с помощью восприятия достаточно простых сигналов, например, движущегося мигающего света; однако намного чаще узнавание связано с восприятием паттерна. Следует полагать, что во всех подобных случаях отдельный организм обладает копией паттерна в ЦНС и имеет такую структуру, которая позволяет ему реагировать особым образом при восприятии в среде соответствующего паттерна и реагировать иначе, когда он его не воспринимает.

В некоторых случаях очевидно, что то, как поведенческий паттерн появляется в ЦНС, очень мало зависит от окружающей среды: Например, дикая утка кряква узнает зеленоголового селезня и отвечает ему характерным образом, хотя никогда прежде она его не видела. В то же время в других случаях паттерн, с которым связана та Или иная специфическая реакция, может быть экологически намного лабильнее, причем форма, которую он принимает, иногда особенно чувствительна к окружающей среде, с которой она сталкивается в определенный период жизни. Один из самых известных примеров, подтверждающих это, — поведенческий паттерн, который образуется у гусенка во время запечатления у него в памяти движущегося объекта. Как только он усвоил паттерн этого объекта в результате запечатления, его поведение в момент тревоги (и в некоторых других случаях) резко меняется. Потом всякий раз, видя среде этот объект, гусенок следует за ним, и как только теряет его из виду, начинает его искать, пока не найдет. Хотя моделировании систем с данными характеристиками подвергло бы испытанию изобретательность инженеров, появление теории управления и техническое мастерство делают такой проект в принципе возможным.

Наличие определенной системы позволяет представителям все филюмов[1]*, за исключением самых примитивных, опознавать некоторые специфические аспекты их среды, и точно так же наличие системы дает им возможность организовать имеющуюся у них и формацию об окружающей их среде в виде схем и карт[2]. Даже лабораторные крысы не станут пробегать лабиринт до тех пор, пока них не будет достаточно времени, чтобы получить более обще представление об окружающей среде, — представление, которое они успешно используют, когда им предоставляется такая возможность. Высшие млекопитающие, например собаки и кошки, способны настолько тщательно исследовать местность, в которой он живут, что после этого из любой ее точки могут выбрать кратчайший путь до нужного места — до дома или дерева. Способность человека составлять подробное представление о мире, в котором о живет, — тема, которой Пиаже посвятил всю жизнь, — очевидно намного превосходит аналогичную способность у других биологических видов, а способность человека к точному прогнозу значительно увеличилась за последнее время благодаря открытию и применению научных методов.

[1*] Филюм — единица биологической систематики. — Примеч. пер.

[2] Хотя ни у простейших, ни у кишечнополостных, по-видимому, такой способности нет, у насекомых она, несомненно, имеется. (Pantin, 1965).

Достижение любой поставленной цели требует наличия у животного системы, посредством которой оно могло бы воспринимать некоторые специфические аспекты

окружающей среды и использовать эти знания для составления карты местности, которая, будь она примитивна или сложна, позволит с достаточной степенью надежности прогнозировать события, связанные с любой из поставленных целей. Кроме того, необходимо, чтобы у животного была эффекторная система.

Эффекторная система включает не только анатомическую и физиологическую структуры, но также, что не менее важно, и такую систему управления, которая организует и направляет деятельность названных структур в зоне адаптированности. Только благодаря действию такой системы животное в течение длительного (или короткого) периода времени сохраняет с отдельными компонентами среды те особые взаимоотношения, которые необходимы для выживания и размножения.

Очевидно, что и для установления какого-либо временного типа отношений (например, ухода за потомством), и для поддержания длительных отношений (например, владения территорией) животное должно обладать одним (или несколькими) способом передвижения — оно может ходить, бегать, плавать, летать. Предполагается также, что помимо этих общих способов оно имеет репертуар более специализированных форм поведения, например, пение, умение угрожать сопернику и нападать на хищника. Наконец, подразумевается, что оно обладает средствами, при помощи которых системы управления поведением и порядок, в котором они активизируются, организованы таким образом, что в зоне адаптированности поведение в целом обычно способствует выживанию отдельной особи и/или всего вида.

На примере форм и последовательности поведенческих актов, необходимых для воспроизведения парой птиц себе подобных, можно показать проблему, которую должна решить любая теория инстинктивного поведения. Чтобы результат был успешным, требуется следующая цепочка поведенческих актов (и кроме них некоторые другие): самец определяет территорию и место для гнезда; самец изгоняет других самцов, вторгающихся на его территорию; самец привлекает самку и ухаживает за ней; самец и/или самка строит(ят) гнездо; пара совокупляется; самка откладывает яйца; самец и/или самка сидит(ят) на яйцах; пара выкармливает птенцов; пара отгоняет хищников. Каждый из этих актов влечет за собой ряд действий со своими последствиями для поведения каждой птицы, причем всякое действие и любое его последствие для поведения сами носят сложный характер, например, пение или сооружение гнезда. Тем не менее они выполняются в соответствии с конкретными особенностями места, где находится пара, и с учетом других обитателей; причем каждый из этих актов должен выполняться в такое время и в такой последовательности, чтобы вся их цепочка в большинстве случаев приводила бы к успешному результату. Как можно представить себе организацию этого поведения в целом?, Какие принципы организации необходимы, чтобы поведение достигало этих целей?

Ответы на эти вопросы ведут к рассмотрению различий в структуре самих систем управления поведением, а также к анализу различных способов согласования действий одной системы управления поведением с действиями другой. Однако прежде чем обсуждать какую-либо из этих проблем, необходимо разъяснить понятия «адаптация», «адаптированный» и «зона адаптированности», особенно применительно к человеку.

АДАПТАЦИЯ: СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ СРЕДА

Понятия «адаптация» и «адаптированностъ»

В предыдущем разделе подчеркивалось, что ни одна система не может быть настолько гибкой, чтобы подходить к любой среде. Это означает, что, когда рассматривается структура системы, одновременно должна рассматриваться и та среда, в которой система должна функционировать. Такая среда называется «зоной адаптированности» системы. В случае с искусственной системой зона адаптированности — это среда, для работы в которой система специально спроектирована. В случае с биологической системой — это среда, в которой система постепенно эволюционирует. В силу данного различия иногда полезно обратиться к зоне адаптированности; искусственной системы как к зоне ее

заранее *спроектированной* адаптированности, а к среде живого организма — как к зоне ее *эволюционной* адаптированности.
Рассмотрим далее природу биологической адаптации и адаптированности.
Существует много причин, по которым понятия «адаптация» и, «адаптированность» вызывают затруднения. Одна из причин состоит в том, что сами эти слова — адаптироваться, адаптированный, адаптация — неоднозначны. Вторая причина заключается в том, что в биологических системах состояние адаптированности достигается необычными средствами, понимание которых постоянно сдерживается призраком телеологии. Третья причина, которая возникает, когда предметом дискуссии становятся биологические системы у человека, состоит в том, что современный человек обладает замечательной способностью изменять свою среду в соответствии со: своими нуждами. В связи с этими затруднениями необходимо начать с основных принципов. Рассмотрим адаптацию, во-первых, как состояние и, во-вторых, как процесс, ведущий к достижению состояния адаптации, т.е. адаптированности.
Определить *состояние адаптированности* можно с помощью трех терминов: 1) организованная структура; 2) специфический результат, 3) среда, в которой действие структуры направлено на достижение этого результата. Когда организованная структура способна достичь специфического результата, действуя в конкретной среде, говорят об адаптированность данной структуры к этой среде. Таким образом, свойство адаптированности принадлежит структуре; ее определение связано как со специфическим результатом, так и со специфической средой.
Процесс достижения состояния адактированности (адаптации) относится к изменению структуры. Такое изменение бывает двух видов. Во-первых, структура может изменяться таким образом, что она будет достигать того же самого результата, но в условиях другой среды. Во-вторых, структура может изменяться так, что она будет приводить к другому результату в той же самой или сходной среде.
Нужно заметить, что термин «адаптация» используется для обозначения не только процесса изменения, который ведет структуру к состоянию адаптации (к новой среде или к новому результату), но иногда также для обозначения самого состояния адаптации. Чтобы избежать путаницы, последнее лучше называть «адаптированностью» (Weiss, 1949); отсюда термин «зона эволюционной адаптированности». Эти положений станут яснее, если их проиллюстрировать примерами.
Приведем пример из мира искусственно созданных предметов. Можно сказать, что маленький автомобиль хорошо адаптирован к лондонским улицам. Конечно, это значит, что автомобиль как механическая структура достигает определенного результата, а именно — служит удобным транспортным средством в определенной городской среде. Это происходит благодаря присущим ему свойствам, связанным с размером, скоростью, ускорением, торможением, способностью разворачиваться и т.д., — свойствам, каждое из которых находится в пределах определенных показателей, но, кроме того, определенным образом связано с другими свойствами. Фактически этот автомобиль спроектирован специально для лондонский улиц.
Однако неизвестно, как себя проявит этот автомобиль в условиях другой среды. Любая среда, существенно отличающаяся от лондонских улиц, предъявляет к автомобилю свои требования. Хорошо ли автомобиль адаптирован к условиям автомагистрали? К альпийским дорогам? К полярным условиям? К условиям Сахары? Понятно, что для соответствие всем этим условиям автомобиль должен обладать многими качествами, которые не нужны, а может быть, прямо противоположны тем, что требуются в Лондоне. Поэтому не удивительно, что модель, хорошо адаптированная к лондонским улицам, не смогла бы функционировать в других условиях. Но пока конструкция автомобиля будет оставаться прежней, вполне естественно предположить, что зона адаптированности машины будет ограничена лондонскими улицами.
Тем не менее конструкцию автомобиля можно было бы изменить, чтобы он стал удобным транспортным средством в той или иной среде. В таком случае конструкция подверглась

бы процессу адаптации, чтобы подходить для новой среды, которая стала бы его новой зоной адаптированности. Очевидно, можно внести множество различных изменений (адаптаций) для того, чтобы приспособиться к разнообразным условиям новой среды.
До сих пор мы рассматривали адаптации одного типа, а именно изменение структуры, позволяющее системе достигать одного и того же результата — быть удобным средством транспорта — в разных видах среды. Однако поскольку приспособленность (адаптированность) имеет отношение не только к среде, но и к результату, можно изменить адаптированность автомобиля совершенно другими способами. Например, конструкцию автомобиля можно изменить так, что вместо его транспортной функции он будет вырабатывать энергию для электрической генераторной установки. В этом случае структура была бы адаптирована для достижения другого результата, но в условиях той же самой среды.
Хотя изменение, направленное на приспособление к новой среде, и изменение, направленное на приспособление к новому результату, — это совершенно разные виды изменений, обычно и то и. другое описывают как адаптацию. Данное обстоятельство может легко привести к путанице.
Еще одна трудность, пожалуй еще бóльшая, возникает из-за того, что структура иногда способна эффективнее достигать определенного результата, если изменение затрагивает ту среду, в которой она должна будет действовать. Поскольку использование терминов «адаптировать» и «адаптация» для обозначения таких изменений в среде привело бы к еще большей путанице, нужны другие термины. Поэтому я буду использовать термины «модифицировать» и «модификация» в отношении любых изменений среды, которые вносят для того, чтобы система могла работать более эффективно. Это позволит нам употреблять термины «адаптировать»? «адаптированный» и «адаптация» только б отношении изменений, происходящих в самой системе[1].

---

[1] Выбирая термины «адаптировать» и «модифицировать» и используя их по- разному, я сознаю, что не придерживаюсь принятого употребления этих слов, когда. Ни применяются к обоим видам изменений.

Различие между попытками адаптировать систему и модифицировать среду можно проиллюстрировать, вновь взяв в качестве примера маленький автомобиль. Предположим, что при определенных условиях на лондонских улицах автомобиль обычно начинает заносить. Этот недостаток можно устранить двумя способами: во-первых, что-то изменить в автомобиле, например заменить шины, во- вторых, изменить среду, например дорожную поверхность. Первый способ — это адаптация автомобиля, второй — модификация условий его среды. Теперь рассмотрим биологические структуры и их зоны адаптированности.

Биологическая адаптация

С давних пор хорошо известно не только, что животные и растения являются очень сложными структурами, но и что каждый биологический вид с удивительной точностью приспособлен к жизни в определенной среде, часто называемой экологической нишей. Более того, чем глубже изучается вид, тем яснее становится, что почти каждый элемент его структуры — морфологический, физиологический или, в случае с животными, поведенческий — адаптирован для обеспечения выживания вида в этой среде.
Известными примерами служат исследования Дарвина, установившего, что строение цветка любого вида орхидеи привлекает определенный вид насекомых. После того как насекомое опустится на разные цветки и соприкоснется с определенными частями каждого цветка, происходит оплодотворение завязи орхидеи. Эти исследования показали, во-первых, что биологическую структуру нельзя понять, если рассматривать ее без учета выживания вида в определенной среде; и, во-вторых, достаточно признать, что выживание

вида — это результат, для достижения которого адаптированы все биологические структуры, как биологические признаки, которые до сих пор казались всего лишь красивыми, изящными и необычными, приобретают новое значение: обнаруживается, что каждый признак вносит (или внес ранее) свой вклад в выживание вида в той среде, где он обитает.

Дарвин также установил, что то, что справедливо в отношении элементов цветка, справедливо и в отношении поведения животных. В главе «Инстинкт» из своей книги «О происхождении видов»
(Darwin, 1859) он отмечает, что у каждого вида существует собственная, неповторимая система поведения и точно так же каждый вид наделен своими анатомическими особенностями; далее он подчеркивает, что «для благополучия любого биологического вида инстинкты важны так же, как и физическое строение». Используя терминологию данной главы, эту мысль можно выразить следующим образом: «экологически стабильные системы управления поведением так же необходимы для выживания любого вида, как и морфологические структуры».

Таким образом, Дарвин и его последователи совершили открытие мирового значения: конечный результат, для достижения которого адаптированы все структуры живого организма, — это не более и не менее, как выживание вида. В то же время в случае с искусственными структурами результат, который нужно получить, может быть одним из практически бесконечного ряда — транспорт, энергия, развлечение, кров и т.д. В случае же с биологическими структурами результат, который должен быть получен в итоге, - всегда один и тот же — выживание вида. Следовательно, когда рассматривается степень адаптированности того или иного вида растений или животного к определенной среде, вопрос заключается в том обеспечивает ли структура организма выживание вида в этой среде Если выживание обеспечено, то говорят, что вид адаптирован этой среде; если нет, то он не адаптирован.

Здесь необходимо сделать небольшое уточнение. Хотя при обсуждении эволюционной теории обычно используется термин «выживание вида», едва ли при этом имеется в виду вся популяция вида? намного чаще рассматривается некая часть всей популяции, являющаяся результатом межвидового скрещивания. Примером служит; популяция, изолированная на острове, представители которой скрещиваются между собой, но не с другими представителями вида. Поэтому далее термин «выживание популяции» иногда используется вместо термина «выживание вида»; это относится и к межвидовой популяции, любая отдельная особь которой является ее представителем.

До Дарвина и даже позже считалось непостижимым, каким образом структура растения или животного обретает столь эффективную адаптацию, так точно достигающую цели. Долгое время фигурировали теории вмешательства сверхъестественных сил или телеологической обусловленности. Теперь, спустя столетие после предложенного Дарвином своего взгляда на эту проблему, считается, что она решена. Адаптированность любой биологической структуры — морфологической, физиологической или поведенческой — рассматривается как результат процесса естественного отбора в определенной среде. Этот процесс ведет к успешному воспроизведению, а значит, к сохранению более адаптированных видов и одновременно к менее успешному воспроизведению и поэтому к исчезновению менее адаптированных видов.

Хотя теории такого рода давно применялись к морфологическому строению и физиологической системе животных, только сравнительно недавно их стали использовать применительно к системе управления поведением. Этим мы обязаны этологам. Признавая, вслед за Дарвином — основоположником этологии, что репертуар поведения любого вида так же уникален, как и его морфологические и физиологические характеристики, этологи пытались понять поведение, учитывая его вклад в выживание вида в естественной среде его обитания. Благодаря великому упорству, с которым они следовали этому принципу, им удалось многое сделать для понимания поведения. Основной тезис этой книги таков:

если мы хотим понять инстинктивное поведение человека, мы должны руководствоваться тем же принципом и действовать так же последовательно.

Единица биологической адаптации

Хотя выживание вида (или выживание популяции) в определенной среде должно всегда оставаться основным критерием оценки биологической адаптированности, часто удобнее рассматривать адаптированность системы организма с точки зрения непосредственного результата. Например, адаптированность сердечно-сосудистой системы к конкретной среде обычно рассматривается с точки зрения эффективности, с которой система поддерживает кровоснабжение организма в этих условиях, а адаптированность иммунной системы — с точки зрения эффективности защиты организма от инфекции. То же самое и с системами управления поведением — адаптированность систем, ответственных за поведение при кормлении, можно рассматривать, например, с точки зрения адекватности пищевого поведения задаче пропитания отдельного организма в определенной среде. (Так, пищевое поведение ласточек хорошо адаптировано к английскому лету, когда имеется множество летающих насекомых, но плохо приспособлено к английской зиме.) Тем не менее результат кровоснабжения, защиты от инфекции, питания — в каждом случае это не более, чем частный, промежуточный результат; основным же критерием остается выживание популяции, и именно с этой точки зрения нужно оценивать эффективность кровоснабжения, иммунитета и потребления пищи.

Следовательно, каждый конкретный положительный результат, достигаемый системой инстинктивного поведения, строение которой направлено на получение этого результата, оказывается при элементарном анализе всего лишь частным, промежуточным результатом. Даже если результатом активности отдельной особи является потребление пищи, самозащита, спаривание или защита территории, конечный результат, которого нужно достичь, всегда один — выживание популяции, представляет которую отдельная особь. Поэтому биологическая единица или система, к которой применимо понятие «адаптированная», — это не отдельная особь, а популяция, возникшая в результате межвидового скрещивания. Эта популяция состоит из особей, которые в совокупности обладают уникальным набором генов, называемым генофондом популяции, и обитает в особой зоне эволюционной адаптированности, известной под названием экологической ниши.

Такая адаптированность является свойством популяции, а не особи и, следовательно, имеет большое значение для понимания инстинктивного поведения и ответственных за него систем управления поведением; подробнее этот вопрос обсуждается в гл. 8 «Функция инстинктивного поведения». Тем не менее клиницистов, не знакомых с эволюционной биологией, может озадачить или даже обеспокоить этот вывод. Они вполне способны утверждать, что при исследовании человека вообще и лечении его патологии реальной «единицей» является индивидуум. И как в таком случае популяция отдельных особей может быть взята в качестве подобной «единицы» при исследовании инстинктивного поведения? То, что эти два положения не исключают друг друга, можно показать с помощью примера, основанного на аналогии. Когда врач лечит корь, предметом его внимания является отдельный пациент. Однако корь как инфекционную болезнь нельзя рассматривать в отрыве от популяций особей, которые подвержены опасности заболевания, уже заболели или обладают к ней иммунитетом. В биологии также имеется множество других проблем, где необходим анализ не только отдельных особей, но и популяций; инстинктивное поведение — лишь одна из этих проблем.

ПРИМЕЧАНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ЛИТЕРАТУРЫ

В этой главе, как и в остальных главах части II, мало ссылок. Тем читателям, которые захотят прочитать дополнительную литературу, мы рекомендуем обратиться к следующим источникам, из которых взято большинство идей и примеров.

Понятие «биологическая адаптация» исследуется в книге Зоммерхоффа «Аналитическая биология» (Sommerhoff, 1950). Он показывает, как с точки зрения теории управления можно попять явления, дающие толчок телеологическому мышлению.
Что касается применения теории управления в биологии вообще, читайте «Системы управления живых организмов» Бейлисса (Bayliss, 1966), книгу Гродинса «Теория управления и биологические системы» (Grodins, 1963) и материалы симпозиума по «Самоорганизующимся системам» (Self- organizing Systems, 1960), под редакцией Йовица и Камерона, особенно статьи Голдмана и Бишопа.
Относительно применения метода систем управления в науке о поведении, читайте книгу Янга «Модель мозга» (Young, 1964), *в* которой он описывает нервную систему так, как инженер описал бы систему управления гомеостаза.
В одной из статей, помещенных в «Ежегодник энтомологии» (Annual Review of Entomology), Миттельштадт (Mittelstaedt, 1968) показывает, как ориентированные движения насекомых можно проанализировать с точки зрения систем управления, и использует математические приемы для определения типа системы, контролирующего отдельные экспериментально изучаемые движения.
Что касается общего представления о том, как идеи, взятые из теории управления, в частности понятие «план», могут быть применены к человеческому поведению, посмотрите очень полезную книгу Миллера, Галантера и Прибрама «Планы и структура поведения» (Miller, Galanter, Pribram, 1960).
Многие из идей, получивших развитие в этой и последующих главах, взяты из книги Хайнда «Поведение животных» (Hinde, 1966; второе издание 1970), в которой представлены попытки интеграции идей этологии и сравнительной психологии. Примеры для иллюстраций из области поведения животных в основном взяты из книги Хайнда. Другие источники: Тинберген «Исследование инстинкта» (Tinbergen, 1951), Торп «Научение и инстинкт у животных» (Thorpe, 1956; второе издание 1963) и Хедигер «Исследования психологии и поведения животных, содержащихся в зоопарках и цирках» (Hediger, 1955).

Глава 4. ЗОНА ЭВОЛЮЦИОННОЙ АДАПТИРОВАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В предыдущей главе подчеркивалось, что ни одна система не будет эффективно работать в среде, которая не является для нее зоной адаптированности. Поэтому когда мы приступаем к рассмотрению вопроса о том, каким инстинктивным поведением — или, точнее, какими системами, опосредствующими инстинктивное поведение, — могут быть наделены люди, то первейшая задача состоит в том, чтобы установить характер среды, для действия в которой они адаптированы. Такая задача поднимает необычные проблемы.
Две основные особенности, присущие человеку, — его универсальность и способность к творчеству. Используя их, он за последнее тысячелетие расширил среду, в которой может жить и производить потомство, за счет включения в нее самых сложных природных условий. Но человек сделал не только это: более или менее преднамеренно он изменил эти условия, создав в некоторых местах совершенно новую, искусственную среду. Конечно, эти изменения среды привели к впечатляющему увеличению на Земле популяции «этого вида»; но одновременно они сделали задачу биологов по определению зоны эволюционной адаптированности человека намного труднее.
Теперь следует вспомнить, что наша проблема состоит в том, чтобы понять инстинктивное поведение человека. Поэтому в полной мере признавая поразительную многосторонность человеческих способностей, в том числе его способность к созданию нового, его достижения в преобразовании окружающей среды, тем не менее заметим, что никакая из этих способностей не является сейчас предметом нашего анализа. В данный

момент нас интересуют экологически устойчивые компоненты поведенческого репертуара человека и относительно стабильная зона адаптированности, в которой, по всей вероятности, происходила их эволюция. Тогда какими могут быть (или были) особенности такой среды?
У большинства видов животных естественная среда обитания не; только меняется в очень узких пределах, но и крайне медленно, В результате каждый вид живет сегодня в среде, которая мало отличается от той, в которой протекала его эволюция и к которой приспосабливалось его поведение. Следовательно, можно уверенно предположить, что местообитание вида в настоящее время — это и есть зона его эволюционной адаптированность или весьма близкая к ней среда. В отношении человека дело обстоит иначе. Во-первых, сфера, в которой сегодня обитает и производит потомство человек, огромна. Во-вторых, и это еще важнее, скорость, с которой возрастало разнообразие сфер обитания человека, особенно скорость искусственных изменений, за последние века намного обогнала скорость, с которой может происходить естественный отбор. Поэтому мы можем быть совершенно уверены, что ни одна из тех сфер, в которой сегодня живет цивилизованный или даже относительно цивилизованный человек, не соответствует той среде, в которой эволюционировали экологически устойчивые системы управления поведением человека и к которой они действительно адаптировались.
Это приводит к выводу, что среда, с учетом которой должна рассматриваться адаптированность инстинктивной системы человека, — это та среда, в которой человек обитал в течение двух миллионов лет, т.е. до тех пор, пока изменения, произошедшие за несколько тысячелетий, не привели к чрезвычайному многообразию современных зон проживания человека[1]. Определение этой среды как зоны эволюционной адаптированность человека не дает оснований предполагать, что такая первобытная среда в какой-то мере лучше, чем та, в которой живем мы, или что жизнь древнего человека была счастливее нашей, Причина этого в том, что естественная среда первобытного человека, которую, вероятно, можно установить в обоснованных пределах, почти наверняка является средой, подвергавшей человека опасностям и трудностям, которые выполняли роль факторов отбора в период эволюции системы управления поведением, которой человек обладает и в настоящее время. Это означает, что почти определенно можно утверждать, что первобытная среда человека является также его зоной эволюционной адаптированности.

---

[1] Тобиас (Tobias, 1965) относит возникновение древнего человека, Homo habilis к самому началу плейстоцена, т.е. к периоду около двух миллионов лет назад. Поскольку люди начали заниматься земледелием всего десять тысяч лет назад, период, в течение которого люди жили в измененной окружающей среде, составляет не более 0,5% всего периода существования человека. Хотя эти изменения привели к некоторому ослаблению действия естественного отбора, практически не остается сомнений в том, что генотип современного человека во многих отношениях тот же самый, что и до начала эпохи земледелия.

Если этот вывод правилен, то *единственный существенный критерий естественной адаптированности любого компонента системы управления поведением современного человека* - *это то, в какой степени и каким способом он мог способствовать выживанию популяции в среде обитания первобытного человека.*
Какое значение в таком случае имеет адаптированность (или неадаптированность) поведенческой системы человека к бесконечному многообразию условий внешней среды, в которых живет современный человек? Задаться этим неизбежным вопросом — значит поднять ряд новых самостоятельных вопросов, подобно тому, как вопрос о том, адаптирован ли маленький городской автомобиль к иным условиям, влечет за собой целый ряд новых вопросов. На самом деле, вполне возможно, что все составляющие

системы управления поведением человека хорошо адаптированы не только к его среде обитания в первобытные времена, но также и ко всем видам его современной среды. Но дело может обстоять иначе, поэтому утверждать что-то с уверенностью нельзя. Только результаты исследований могут внести ясность в этот вопрос.

Здесь следует заметить, что не только человек, но и разные виды животных способны подстраивать окружающую среду под свои нужды, поэтому человек не уникален в этом отношении. Насекомые и птицы сооружают гнезда, кролики роют норки, а бобры строят на ручьях плотины. Эти изменения условий внешней среды, будучи сами по себе продуктами инстинктивного поведения, носят ограниченный характер и довольно стереотипны по форме. В итоге между каждым из этих видов и его измененной средой возникает равновесие. Изменения, вносимые человеком в окружающую среду, носят иной характер. Ни одно из изменений не возникает в результате инстинктивного поведения; вместо этого любое изменение появляется в рамках какой-либо культурной традиции, которую заново осваивают (иногда с трудом) представители каждого нового поколения. Однако еще более важное различие состоит в том, что благодаря техническим новшествам, появившимся за последние века, большинство культурных традиций стало подвергаться интенсивным изменениям. В результате отношения между человеком и его средой обитания приобрели в высшей степени неустойчивый характер[1].

---

[1] На этот вопрос обратил внимание Виккерс (Vickers, 1965). Он указывает, что модификация окружающей среды технологическими средствами приводит к демографическому взрыву и что это обстоятельство требует дальнейших, все болей серьезных изменений технологии. Так что обратная связь в системе оказываете» положительной, ведущей к усилению нестабильности, а не отрицательной, усиливающей ее стабильность.

Отсюда можно сделать вывод, что как ни важны вопросы о том, в какой мере система управления поведением современного человека адаптирована к многообразным сферам его обитания, особенно к городской среде, они, строго говоря, не имеют отношения к теме данной книги, где мы касаемся только вопросов, связанных с природными реакциями, истоки которых относятся к древним временам. Существенно следующее: если поведение человека действительно адаптировано к условиям среды, в которой когда-то жил его первобытный предок, то структуру его поведения можно понять только путем обращения к этой среде. Аналогично тому как для понимания строения цветка орхидеи, согласно Дарвину, нужно знать об обитающих в зоне его адаптированности и опыляющих его насекомых, для понимания инстинктивного поведения человека необходимы сведения о среде, в которой это поведение эволюционировало. Чтобы иметь такую картину, нам необходимо обратиться к антропологическим исследованиям человеческих сообществ, живущих в наименее измененной среде обитания, к антропологическим исследованиям первобытного человека, а также к изучению высших приматов в естественных условиях их существования.

К настоящему времени на Земле сохранилось мало племен, добывающих пропитание только охотой и собиранием, а относительно полных описаний форм их общественной жизни еще меньше[1]. Тем не менее имеющиеся данные показывают, что все они без исключения живут маленькими социальными группами, в которые входят представители обоих полов и всех возрастов. В то время как одни социальные группы весьма стабильны, другие изменяются по количеству и по составу входящих в них людей. Но независимо от стабильности группы, связь между матерью и ее детьми всегда остается практически неизменной.

Исключение составляют пигмеи, обитающие в африканских джунглях, образ жизни которых великолепно описан Тернбуллом (Turnbull, 1965).

Многие антропологи утверждают, что основной и простейшей единицей человечества является нуклеарная семья. Фокс (Fox, 1967) указывает, однако, что в каждом человеческом сообществе женщин и детей постоянно сопровождают зрелые мужчины, причем они не всегда являются отцами детей или партнерами женщин. Мужчина может быть отцом, дядей или братом. Данное и другие наблюдения привели Фокса к выводу, что основной социальной единицей человеческого общества является группа, состоящая из матери, ее детей и, возможно, детей ее дочери, и что разные виды обществ различаются между собой характером и степенью привязанности отцов к этой единице. В некоторых видах обществ они постоянно привязаны к одной такой единице, в других — полигамных обществах — к нескольким единицам, а в третьих — вообще едва ли привязаны к ним (например, это можно сказать об освобожденных рабах Вест-Индии). Если Фокс прав, то элементарные формы жизни человеческого общества удивительно схожи с зачатками социальной жизни ближайших родственников человека — человекообразных обезьян.
В любом случае представляется очевидным, что первобытный образ жизни человека можно с успехом сравнивать с образом жизни других крупных видов высших приматов, ведущих наземный образ жизни[1]*. Различия между образом жизни человека и высших приматов, безусловно, существуют, однако в связи с темой нашей книги для нас важнее выявить общие черты, чем указать на различия.

---

[1]* В отличие от приматов, обитающих на деревьях. — Примеч. ред.

Для всех больших (по численности) видов высших приматов, ведущих наземный образ жизни, включая человека, характерно объединение в социальные группы, состоящие из представителей обоих полов всех возрастов. Группы отличаются по численности — от одной-двух семей до двухсот членов. Самок и детенышей постоянно сопровождают взрослые самцы (за исключением шимпанзе), а самих самцов редко можно встретить в одиночестве. Состав социальной группы обычно в течение года сохраняется неизменным. Время от времени она может разделяться и объединяться в другом составе, но лишь иногда отдельные члены группы переходят из одной группы в другую. За редким исключением представители группы проводят всю свою жизнь в кругу одной семьи. Социальная группа обитает на территории площадью от нескольких до ста и более квадратных километров, и хотя одна зона может перекрывать другую, каждая группа старается придерживаться своей территории. Приматы (кроме человека) в основном вегетарианцы, хотя изредка они едят мясо. В этом отношении человек является исключением, так как мясо составляет большую часть его рациона. Тем не менее отмечено мало таких сообществ, в которых потребление мяса превышает 25% всего рациона, в большинстве же сообществ доля его потребления значительно ниже. Употребление в пищу мяса позволяет виду выжить в условиях временной засухи и, таким образом, расширить спектр разнообразных пригодных для обитания мест.
Практически каждый вид животных делит территорию своего обитания с рядом потенциально опасных хищников и, чтобы выжить, нуждается в таких системах управления поведением, с помощью которых он мог бы себя защитить. В случае с наземными приматами такими хищниками являются представители крупных кошачьих (особенно леопарды)[1], волки и шакалы, а также хищные птицы. Когда возникает угроза для членов группы, взрослые представители мужского пола объединяются, чтобы выдворить хищника, в то время как особи женского пола с потомством отправляются в безопасное место. Таким образом, только одиночки могут стать жертвой хищников.

[1] Свидетельства о том, что первобытный человек подвергался нападениям Леопардов, приводит Брейн (Brain, 1970).

Выработав в ходе эволюции такую совместную тактику самозащиты, наземные приматы способны жить во множестве различных мест обитания, более уже не привязываясь к местности, на которой есть деревья и скалы, необходимые другим видам приматов для защиты.

Сексуальные отношения приматов, ведущих наземных образ жизни, сильно различаются. Представители многих видов ведут в группе беспорядочную половую жизнь, хотя даже у бабуинов существуют периоды, во время которых образуется пара. Человеческий вид исключителен тем, что женщина может постоянно вступать в половые отношения в отличие от самки животного. Обычно, хотя и не всегда, семейная жизнь человека основана на продолжительных отношениях между мужчиной и женщиной. Кроме того, существует запрет на кровосмешение. У человека встречается экзогамия между соседними социальными группами, составляющими племя. У человекообразных происходит нечто подобное в результате того, что самец или самка иногда переходят из одной группы в другую.

Некоторые особенности поведения, которые, как мы считаем, характерны для человека, распространены также и среди других наземных видов, причем ряд таких особенностей поведения можно обнаружить у них в зачаточном состоянии. Среди особенностей, общих для человека и других приматов, следующие: большой набор сигналов, поз и жестов, которые служат средством общения между представителями группы; использование орудий и довольно длительный период незрелости детенышей, в течение которого они усваивают обычаи, принятые в данной социальной группе. Крайне редко у человекообразных обезьян обнаруживаются следующие черты поведения: совместная охота взрослых самцов и изготовление орудий. Самая замечательная отличительная черта человека — речь. Среди особенностей, свойственных человеку, можно назвать наличие защищенного жилища, временного или постоянного (в котором больные члены группы могут оставаться круглые сутки) и соответствующая практика раздела пищи. Распределение функций между членами группы по полу и возрасту (между взрослыми и деть» ми), хорошо развитое у многих видов приматов, получило у человек как дальнейшее совершенствование.

Полагаем, что это краткое описание, в значительной степени основанное на работах и публикациях Уошберна и Девора[1], дает нам довольно точную картину социальной жизни людей доземледельческого периода и наземных видов приматов, родственных человеку. У всех этих видов в организованной социальной группе прослеживается одна важная функция — защита от хищников; ни одной ситуации организация группы и разделение ролей не имею такого значения, как при угрозе нападения хищника. В результат дети живут в атмосфере защищенности и в то же время приобретают навыки, необходимые для взрослой жизни. Другая функция социальной группы, получившая развитие позднее, — это совместное добывание пищи, т.е. совместная охота с целью достижения лучшего результата.

[1] Washburn (ed.). The Social Life of Early Man, 1961; DeVore (ed.). Primate Behavior Field Studies of Monkeys and Apes, 1965; см. также: Southwick (ed.). Primate Social Behavior, 1963.

На фоне такой картины зоны эволюционной адаптированность рассматривается экологически устойчивое поведение человека. Большая часть форм этого поведения, как

полагают, обладает такой структурой, которая позволяет представителям обоих полов любой возрастной категории занимать свое место в организованной социальной группе, характерной для этого вида.
Понятие «зона эволюционной адаптированности человека», описанное здесь в общих чертах, безусловно, представляет собой вариант понятия «привычная среда человека», введенного Гартманом (Hartmann, 1939), но оно более четко определено с точки зрения эволюционной теории. Последний термин не только лучше передает, что организмы адаптируются к особым видам окружающей среды, но и привлекает внимание к тому факту, что ни од черту морфологии, физиологии или поведения биологического вида нельзя понять или серьезно обсуждать без учета зоны эволюционной адаптированности этого вида. Полагаем, что, постоянный учет зоны эволюционной адаптированности человека делает более понятным изменчивый характер его поведения по сравнению с тем, когда особенности этой зоны игнорируются. В последующих главах, где рассматриваются формы поведения, связывающие ребенка с матерью, будет вновь обращено внимание на среду обитания первобытного человека, в которой, весьма вероятно, и происходила эволюция поведения человека современного типа. С этой же точки зрения будут рассматриваться и реакции на потерю матери.
Примечание: те, кого не интересуют подробности модели инстинктивного поведения, могут перейти к части III «Поведение привязанности».

Глава 5. СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ОПОСРЕДСТВУЮЩИЕ ИНСТИНКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В тридцатых годах мы не представляли себе, что существует *какой-нибудь иной метод «научного» изучения поведен кроме экспериментального... Нам казалось, что даже тыкать животное палкой было гораздо полезнее, чем просто наблюдать за ним:* наблюдать было *смешно, поскольку мы уподобились бы тогда орнитологам.*
Тем не менее именно этим занимались создатели этологии. Они изучали естественное поведение вместо искусств но вызванного и таким образом впервые смогли выяв структуры естественного поведения среди эпизодичес проявлений...
П.Б. Медавар (Medawar, 1967

ТИПЫ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ

До сих пор в нашем изложении почетное место отводилось поведенческим системам, которые выполняют задачу управления новым поведением и обладают такой структурой, которая позволяет учитывать рассогласования, возникающие между первоначальной программ действия и ее выполнением: их сравнение возможно благодаря о ратной связи. Только к системам такого рода применим термин «целенаправленные» или, точнее, «целекорректируемые» систем. Причина, по которой этому вопросу отводится столь важное место, двойная. Во-первых, вполне очевидно, что большая часть поведения, особенно у человека, управляется системами, обладающими такими свойствами, и, во-вторых, к революции в биологических науках привело именно открытие тех принципов, которые лежат, основе данных систем. Однако было бы ошибкой полагать, что в поведенческие системы имеют такую степень сложности. Некоторые из них намного проще, и поэтому есть смысл уделить им внимание прежде, чем переходить к дальнейшему рассмотрению действия целекорректируемых систем.

Паттерны фиксированного действия

Одним из наиболее простых типов системы, которому к тому большое внимание уделяли этологи, является тип, управляющ паттерном фиксированного действия. Это структурированный паттерн движения, который имеет определенное сходство с рефлексом, хотя различные его образцы отличаются по степени сложности. Однако в одном отношении паттерн фиксированного действия отличается от рефлекса коренным образом: в то время как порог активации рефлекса является постоянной величиной, порог паттерна фиксированного действия изменяется в соответствии с состоянием организма. Примерами служат некоторые движения канареек во время сооружения гнезда, а также многие проявления общественного поведения у птиц и рыб в процессе их взаимодействия, причем реакция на них со стороны других представителей вида часто прогнозируема. Как

видно из названия, паттерны фиксированного действия в высшей степени стереотипны, так что с момента начала действий их выполнение не меняется вплоть до самого завершения и практически не зависит от того, что происходит в окружающей среде. Из этого можно с уверенностью сделать вывод, что тип системы, отвечающий за паттерн фиксированного действия, работает без помощи обратной связи со стороны окружающей среды через внешние рецепторы (глаза, уши, нос и контактные рецепторы).
Системы, отвечающие за паттерн фиксированного действия, могут иметь структуру, соответствующую одному из двух принципов. Первый принцип состоит в том, что система полностью зависит от предустановленной программы, содержащейся в ЦНС. Другой заключается в том, что система частично зависит от предустановленной программы, но в какой-то степени также и от поддержки со стороны проприоцептивной обратной связи, получаемой от мускулатуры, — связи, которая сигнализирует о реализации определенной последовательности поведения и обеспечивает его соответствие заданному типу. Однако без дальнейшего исследования невозможно понять, какая из этих двух схем организации действия более распространена.
Паттерны фиксированного действия могут варьироваться по сложности, начиная с подобных зеванию и чиханию, которые мало чем отличаются от широко известных рефлексов, и кончая проявлениями общественного поведения у птиц, т.е. действиями, создающими впечатление выработанного ритуала. По сравнению с птицами высшие приматы, включая человека, слабо оснащены ими. Для Ученых, занимающихся изучением поведения человека, паттерны фиксированного действия представляют интерес в связи с важной ролью, которую они играют в механизмах, управляющих выражением лица на протяжении всей жизни человека (Tomkins, 1962), особенно в раннем детстве — до появления каких-либо систем, отвечающих за более сложные типы поведения. «Поисковая реакция» - (rooting), хватание, плач и улыбка — все эти реакции в момент свое-, го появления, по-видимому, представляют собой примеры паттерн нов фиксированного действия и играют важную роль на ранних стадиях социального взаимодействия. Существование паттернов фиксированного действия не только служит напоминанием об относительной сложности движения, которое может управляться системой, зависящей от программы центрального происхождения (с проприоцептивной обратной связью или без нее), но также создает основу для рассмотрения более гибких и адаптированных систем.
Поведение, не столь стереотипное, как паттерн фиксированного действия, встречается, когда паттерн фиксированного действия сочетается с простой последовательностью движений, которая зависит от обратной связи, получаемой из окружающей среды. Широко известный пример — поведение гусыни, у которой яйцо выкати лось из гнезда. В поведении, с помощью которого гусыня реагирует на эту ситуацию, можно выделить два компонента. Первый компонент — когда гусыня клювом подтягивает яйцо к груди. Это действие она продолжает совершать, даже если яйцо убирают. Второй компонент — движения клювом из стороны в сторону с учетом особенностей перекатывания яйца — происходит только в ответ на контакт с яйцом и прекращается, когда яйцо убирают. Данное поведение сочетает в себе оба компонента и, несмотря на всю его неуклюжесть, обычно приводит к положительному результату, если повторяется достаточно часто, — яйцо вновь оказывается в гнезде.
Этот пример позволяет поставить два важных и связанных между собой вопроса: первый касается направленности поведения и способов достижения результата; второй относится к проблеме целей. Помимо содержательных трудностей, каждый вопрос поднимает ряд терминологических проблем.

Два вида прогнозируемого результата

Первый вопрос, который нужно решить: следует ли использовать термин «цель» для обозначения вполне прогнозируемого результата поведения гусыни, когда она пытается вернуть яйцо в гнездо. Н самом деле существуют веские причины против этого, что легко

объяснить, если сравнить средства, с помощью которых достигается данный результат, с теми, которыми пользуется сокол при ловли добычи.
Когда сокол устремляется к своей добыче, на его движение постоянно влияет положение добычи в его поле зрения. С помощью зрения сокол получает непрерывный поток информации, позволяющей ему практически постоянно сравнивать собственное положение, скорость и направление с теми же параметрами движения жертвы и соответственно корректировать свой полет. Поведенческая система, управляющая падением сокола камнем, построена таким образом, что требуется постоянная оценка рассогласований между его программой (схватить добычу) и ее выполнением. Более или менее прогнозируемый результат ловли — это естественное следствие сокращения такого рассогласования до нуля[1].

[1] Хотя данное описание, по-видимому, верно, исполнительная часть поведения сокола фактически не подвергалась критическому анализу.

Структура двух поведенческих систем, управляющих движениями закатывания гусыней яйца, совершенно различна. На ее движения ни в коей мере не влияет, находится ли гнездо в поле ее зрения или нет, так же как ею не делается никаких «расчетов» относительно расхождений между положением яйца и гнезда. Более или менее прогнозируемый исход в этой задаче определяется результатом элементарного паттерна фиксированного действия. Последний реализуется в сочетании с движением, корректируемым на основе обратной связи, поступающей от непосредственного тактильного контакта клюва с яйцом. При этом и яйцо, и клюв находятся в движении, в то время как сама гусыня остается сидеть в гнезде. Если бы гусыня сидела не в гнезде, а где-то в другом месте, то яйцо, конечно, попало бы не в гнездо, а туда, где сидит гусыня.
Таким образом, в каждом из двух приведенных примеров поведение приводит к более или менее прогнозируемому результату, но в силу совершенно разных причин. В случае с соколом поведение справедливо назвать целенаправленным, поскольку одни и те же принципы управляют и падением сокола на добычу, и ударом футболиста по воротам. Однако в отношении поведения гусыни не стоит использовать термин «целенаправленное». По сути дела, оно не более целенаправленно, чем поведение ребенка на площадке аттракционов, где тот платит монетку, чтобы ему разрешили пройти с завязанными глазами по какому-то таинственному коридору. Идя по нему и не сбиваясь с пути благодаря обратной связи, получаемой от прикосновения к стенам, ребенок не имеет ни малейшего представления о том, куда он идет, поэтому у него нет цели. Но даже в этом случае наблюдатель мог бы с уверенностью предсказать результат — выход из коридора, возможно, в сопровождении прекрасной феи (или кого-нибудь не столь приятного). Этот пример, как и пример с катящимся яйцом, показывает, что и при нецеленаправленном поведении результат может быть в высшей степени прогнозируемым.
Поскольку мы строго следуем необходимости четкого разграничения целенаправленного поведения от всех иных его форм, важно использовать точные термины. Первый вопрос, который необходимо решить, — это вопрос о том, каким термином обозначать результаты действия целенаправленных поведенческих систем. На первый взгляд может показаться, что уместно использовать слов «цель», если дать ему точное определение. Однако имеются две веские причины против этого. Одна состоит в том, что слово «цель - может подразумевать направленность действия на некоторый результат, конечный лишь на определенном отрезке времени, и именно в этом значении оно обычно употребляется психологами. Хот искомый термин должен обозначать такого рода промежуточные результаты, он также должен быть применим к условиям, которые относятся к продолжительному периоду времени, а для передачи этого более широкого значения слово «цель» не вполне приемлема. Вторая причина отказа от этого слова заключается в

том, что в об денной речи оно часто используется для обозначения какого-то объекта среды, а в этом значении оно полностью расходится с тем, что имеется в виду в нашем контексте. Нам нужен термин, который можно было бы использовать и применительно к промежуточному результату взаимодействия животного с некоторыми компонентам среды, например к ловле добычи, и одновременно к какому-то условию, сохраняющемуся в течение некоторого времени, например относительному расстоянию между животным и каким-либо компонентом окружающей среды.

В силу этих причин (более подробно они описаны в гл. 8) предлагаю термин «установочная цель» («set-goal»). Установочная цель обозначает или событие, относящееся к некоторому ограниченному отрезку времени, или условие, сохраняющееся в течении какого-то периода, причем и то и другое связано с действием поведенческих систем, структура которых позволяет учитывать рассогласования между программой и процессом ее выполнения. Следует заметить, что в этом определении установочная цель *не* является объектом окружающей среды, а представляет собой или конкретное действие, как, например, пение (у птиц), или установление определенных отношений — кратковременных или длительных между животным и каким-либо объектом или компонентом окружающей среды. Таким образом, при падении сокола камнем установочной целью является не добыча, на которую он падает, а ловля этой добычи. Аналогично установочной целью какой-либо иной системы управления поведением могло бы быть сохранение животным постоянной дистанции от некоего объекта в среде, вызывающего у него тревогу.

При описании систем управления поведением в терминах установочных целей прилагательное «целенаправленное» сохраняет свое значение и его можно использовать. Однако более удачным является термин «целекорректируемое» («goal-corrected»). Во-первых, он подчеркивает то обстоятельство, что поведение, управляемое такими системами, постоянно корректируется с точки зрения учета возможного расхождения между исполнительным процессом и установочной целью. Во-вторых, он может помочь читателю постоянно иметь в виду, что некоторые из таких систем могут быть связаны с долгосрочными установочными целями, т.е. распространяться на весьма продолжительные периоды времени. В-третьих, он помогает отличать поведение, организованное для достижения установочной цели, от поведения, ориентированного на пространственные характеристики и поэтому «направленного» в собственном смысле слова, хотя оно при этом может быть (а может и не быть) целекорректируемым (см. далее в этой гл.).

Для обозначения объекта, входящего в качестве составной части в установочную цель, иногда удобно пользоваться термином «цель-объект».

Из обсуждения мы увидим, что более или менее прогнозируемые и благоприятные[1] результаты, к которым могут привести системы управления поведением, имеющие разную структуру, делятся, по крайней мере, на два вида: это результаты, являющиеся установочными целями и не являющиеся таковыми. Для обозначения последних подходящий термин отсутствует. Тем не менее результаты обоих видов можно отнести к более общей категории «прогнозируемых результатов» с учетом того, что прогноз зависит от ряда условий, и если они меняются, то прогноз опровергается. Поэтому термин «прогнозируемый результат» должен всегда восприниматься как сокращенный вариант термина «условно прогнозируемый результат». Установочные цели — это одна из разновидностей прогнозируемого результата.

---

[1] Большая часть форм поведения имеет вполне определенные и довольно постоянные последствия, не все из которых являются благоприятными. Этот факт и связанная с ним проблема функций поведения обсуждаются в гл. 8.

Целекорректируемое поведение

Нетрудно предположить, что поведение какого-либо простого организма является целекорректируемым, если можно наблюдать, что для достижения в конечном счете какого-то конкретного результата он использует множество различных действий. Однако достижение прогнозируемого результата ни в коей мере не является критерием целекорректируемости поведения; как мы видели, такого результата можно достичь и многими другими способами. Целекорректируемую систему характеризует не то, что она достигает прогнозируемого результата, а то, что она делает это благодаря особому процессу: из большого репертуара стереотипных либо изменчивых движений система отбирает движения, причем не случайным образом, а так, чтобы с их помощью животное постепенно приближалось к установочной цели. Чем сложнее процесс отбора, тем экономичнее поведение. Успешное целекорректируемое поведение имеет вариабельный характер, при этом изменчивость необязательно относится к самой форме поведения — она может быть вызвана множеством разных точек, отправляясь от которых, достигается установочная цель (Hinde, 1966).

Нет ничего удивительного в том, что поведенческая система, отвечающая за целекорректируемое поведение, намного сложнее системы, ответственной за поведение иного рода. Двумя важнейшими компонентами целекорректируемой системы являются: а) средства получения и хранения программы, содержащей информацию относительно достижения установочной цели, и б) средства сравнения результатов выполняемого действия с программой, а также приведение исполнительного процесса в соответствие с ней.

До появления вычислительных машин главная трудность заключалась в том, чтобы представить себе, каким образом возможно составление и хранение разного рода детализированных программ, необходимых для осуществления инстинктивного поведения, — программ, которые впоследствии должны стать доступными для использования в нужное время и в нужном месте. Теперь средства их. возможного хранения и приведения в действие больше не находятся за гранью воображения, хотя происходящие при этом процессы, по-видимому, намного сложнее тех, которые до сих пор научился применять человек.

Однако на вопрос о том, каким образом такие программы «попадают» в организм, ответить все еще крайне трудно. Что касается вычислительной машины, то в нее программы поступают извне. В отношении же организма следует предположить, что программы существуют внутри него — они появляются в результате его развития в определенной среде. Такое развитие представляет собой продукт процесса взаимодействия наследственности животного с окружающей его средой, а также результат эпигенетических процессов в целом и, к тому же, всех процессов, называемых научением.

В некоторых программах достижения установочной цели может содержаться информация только одного рода. Например, система, дающая возможность певцу «держать» определенную ноту, основана на использовании обратной связи со стороны слухового анализатора: в звучание своего голоса вслушивается и сам певец, постоянно немного его изменяя, корректируя любое отклонение исполнения от программы. Здесь система, управляющая вокальным исполнением, очевидно, нуждается в программе, содержащей информацию только об одном типе характеристик — о высоте звука, громкости и т.д.

Чаще программы установочной цели содержат сведения о характеристиках нескольких типов. Например, в случае с падением сокола камнем это характеристики двух типов: 1) признаки потенциальной жертвы — ее величина, форма, характер передвижения и т.п. и 2) характеристики положения добычи — такие факторы, как близость, наличие преград на пути к ней и т.д. Каждый вид характеристик может варьироваться по степени точности — от довольно общих до весьма конкретных.

В дополнение к особым программам, которые нужны для того, чтобы животное достигло какой-либо установочной цели, часто существует и другое, более общее требование. Оно

заключается в том, что у животного должно быть некое схематическое представление о топографии окружающей среды, в которой оно живет. Только сверяясь с такой когнитивной картой, животное способно быстро найти дорогу от любого места знакомой ему среды до нужной точки. Примером может служить быстрое возвращение стада бабуинов в безопасное укрытие в случае опасности.

Хотя опора на довольно точную когнитивную карту имеет существенное значение для успешного функционирования определенных целекорректируемых систем, полного соответствия между опорой на карту и действием целекорректируемой системы нет. Напротив, в то время как целекорректируемые системы, не связанные с локомоциями, успешно действуют без опоры на карту, имеются системы управления поведением, построенные на более простых механизмах, которые, тем не менее, требуют такой опоры.

Сохранение пространственных соотношений в течение продолжительного времени

Ранее в дискуссиях об инстинктивном поведении особое внимание уделялось последовательностям действий, приводящих к какому-то яркому и кратковременному результату, такому, как, например, оргазм, при этом оставалось в стороне поведение, обеспечивающее продолжительные отношения, такие, как сохранение определенного пространственного положения (или дистанции) на протяжении сравнительно долгого периода. Однако можно не сомневаться в том, что такой вид поведения очень часто встречается и играет жизненно важную роль в существовании большей части животных. В качестве примера можно привести поведение во время высиживания яиц, когда нахождение в гнезде и непосредственный контакт с отложенными яйцами длится на протяжении нескольких недель; территориальное поведение, когда место в определенной части окружающей среды удерживается месяцами, а иногда и годами; а также тревожное поведение, при котором определенное расстояние между животным и угрожающим ему хищником сохраняется в течение нескольких минут или часов[1].

[1] Хедигер (Hediger, 1955) приводит много примеров огромной роли в жизни животных поведения, при котором они держатся на более или менее постоянном расстоянии или от представителей их собственного вида, или от потенциальных хищников.

Главная причина невнимания к этому типу поведения в прошлом кроется в том, что его нельзя объяснить, исходя из таких понятий, как «влечение» или «разряд энергии». Но если использовать систему современных понятий, найти возможные решения становится намного легче.

Организация поведенческих систем, обеспечивающих сохранение определенной дистанции в течение продолжительного времени, может базироваться на более или менее сложных механизмах. Примером простого варианта могла бы служить система, которая вызывает движение животного по направлению к конкретному целевому объекту в случае, когда расстояние между животным и объектом увеличивается, и прекращает свое действие, когда это расстояние сокращается до нуля. Такая система, конечно, вела бы к постоянному контакту, если бы не уравновешивалась одной или несколькими другими системами, время от времени вынуждающими животное двигаться от целевого объекта. Тогда в результате имели бы место некоторые колебания, когда то одна, то другая система занимали бы доминирующее положение.

Иной системой — с менее интенсивными колебаниями — была бы система, организованная так, чтобы сохранять установочную цель. Последняя должна быть определена не только с точки зрения целевого объекта, но с учетом точного (хотя и необязательно постоянного) расстояния от объекта. В этом случае установочная цель была бы точкой равновесия.

В гл. 13 описывается более простая система, которая, как будет показано, отвечает за постоянное нахождение маленького ребенка в непосредственной близости к матери.

Ориентация поведения

Обсуждение установочных целей уже затронуло второй важный вопрос, упоминавшийся ранее, — вопрос о направленности поведения. Любое поведение, которое влечет за собой локомоцию, управляемую целекорректируемыми системами, конечно же, имеет определенную направленность — как в смысле ориентации в пространстве, так и в смысле наличия цели, а именно установочной цели. Поскольку при отсутствии такой цели поведение не является направленным в этом смысле, но при этом может иметь пространственную ориентацию, есть необходимость обсудить проблему ориентации независимо от установочной цели. Термин «ориентация» здесь обозначает пространственные координаты, в рамках которых организовано поведение. Ориентирами поведения обычно являются какие-либо объекты или компоненты окружающей среды. Поскольку поведение развертывается в пространстве, всякая форма поведения имеет ту или иную пространственную ориентацию. Некоторые формы поведения получают свою ориентацию чисто случайно, но чаще поведение ориентировано совсем не случайно. Для этого существует ряд средств, причем некоторые из них достаточно легко наблюдать.

В случае с падением сокола камнем на добычу и всеми другими целекорректируемыми формами поведения, в которых установочная цель включает конкретное место, к которому (или от которого) движется животное, ориентация поведения является результатом непрерывного сравнения движения с установочной целью. В этих случаях система работает по принципу «самонаведения», как у самонаводящихся реактивных снарядов.

В других, очень схожих случаях, само животное не движется, но все его тело либо какой-то орган, например глаза, устремлены на объект, находящийся в окружающей среде. В этих случаях система Может работать по принципу «слежения», наподобие радиолокационного приемника в режиме автоматического слежения за самолетами. Примером слежения, за которым следует прицельное движение, может служить способ, с помощью которого лягушка ловит муху, — мгновенное выбрасывание языка в сторону мухи. Здесь ориентация поведения достигается путем поворачивания головы лягушки в направлении мухи — движением слежения. Но сам язык «выстреливает» изо рта лягушки только вперед — никакого иного направления быть не может. Системы, обеспечивающие эту форму ориентации, действуют по тому же принципу, что и изготовленное человеком ружье. В каждом случае цель является результатом движения, контролируемого системой целекорректируемого слежения, а последующие движения (языка лягушки или пули) являются результатом действия простого вида системы фиксированного действия.

В других примерах, где ориентация поведения носит не случайный характер, в частности при миграции птиц, она диктуется не самой установочной целью, а другими объектами окружающей среды — такими, как солнце и звезды. Системы, ответственные за эту форму ориентации, работают по «навигационному» принципу и зависят от наличия у животного определенной когнитивной карты. Поведение, ориентированное на основе этого принципа,: приводит к прогнозируемому результату только тогда, когда объекты, используемые для навигации, находятся в фиксированном положении по отношению к какому-то пространственному признаку прогнозируемого результата, например к гнезду. Это можно проиллюстрировать примером с роющей осой, которая находит свое неприметное гнездо навигационным способом. Если паттерн признаков, окружающих гнездо, на которые ориентируется оса, остается неизменным, она летит прямо к своему отверстию, которое, таким образом, является основным компонентом прогнозируемого результата. Как показывают опыты, способность осы находить свое гнездо основывается на том, что сначала она усвоила пространственные отношения между отверстием в своем гнезде и его ориентирами на земле. Поэтому, если положение ориентиров изменится, оса обязательно полетит к ориентиру, перенесенному в сторону от ее гнезда. Подобный же результат может иметь место в случае с судном, управляемым человеком, если сменить местоположение буев[1].

[1] Классификация различных способов, при помощи которых птицы ориентируются (или, возможно, ориентируются) в полете при возвращении в места гнездования или мигрирации, дана в работе Шмидта-Кенига (Schmidt-Koenig, 1965).

Безусловно, имеются также ориентированные формы поведения, которые управляются системами, действующими на иных, чем описанные ранее, принципах. Однако уже достаточно сказано о разнообразных средствах, с помощью которых поведение приобретает свою пространственную ориентацию и организуется для достижения прогнозируемых результатов. Заслуга современной теории инстинктов состоит в том, что, оставаясь в рамках строго научного подхода, она способна в полной мере оценить значение таких важных характеристик поведения, как направленность (ориентация), прогнозируемый результат и установочная цель.

Заканчивая этот раздел, важно отметить, что еще ничего не было сказано о причинах начала и прекращения любого действия. Вместо этого мы занимались исключительно паттернами самого движения и средствами, при помощи которых движения получают ориентацию в пространстве и такую организацию, которая обеспечивает достижение прогнозируемых результатов. В следующем разделе мы продолжим обсуждение этих вопросов, уделив специальное внимание тем принципам, благодаря которым происходит организация и координация действия ряда систем управления поведением во времени. Только после этого (в гл. 6) мы перейдем к вопросу об активации и прекращении действия систем управления поведением. Как мы тогда увидим, понимание этих процессов ставит новые проблемы, совершенно отличные от тех, которые обсуждались до сих пор.

КООРДИНАЦИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ

Так же как существует множество различных типов систем управления поведением, имеются и разные способы координации их действия.

Может быть, самый простой способ организации поведения, которое с течением времени должно особым образом измениться, — это цепочка, каждое звено которой представляет собой систему управления поведением. В таком случае поведение развертывается в правильной последовательности, потому что результаты активности одной системы управления поведением благодаря обратной связи из центра не только прекращают ее действие, но также запускают следующую в цепи систему. В итоге одна деятельность завершается, а другая начинается.

Результаты активности первой системы могут фиксироваться проприоцептивными или экстероцептивными органами (или теми и другими вместе). Примером последовательности поведенческих актов, зависящих от проприоцептивной обратной связи, может служить ходьба. Здесь конец первой фазы чередующегося действия;; фиксируется проприоцептивно, а когда сигналы обратной связи поступают в систему управления, она одновременно и прекращает первую фазу движения, и запускает вторую.

Однако основная часть; наиболее сложных и интересных цепочек инстинктивного поведения зависит от сигналов обратной связи, поступающих от экстероцепторов — глаз, ушей и носа. В этологической литературе приводится множество примеров такого рода. Яркой иллюстрацией могут служить реакции медоносной пчелы-фуражира: звенья в цепочке реакций были установлены в ходе экспериментальной работы с использованием метода моделирования.

Сбор меда пчелой начинается с действия визуально управляемой поведенческой системы; воспринимая — часто с весьма значительного расстояния — форму желтого или голубого цветка, пчела летит к нему, пока не окажется от него на расстоянии около 1 см. Следующим звеном в цепочке управляют органы обоняния: воспринимая? запах,

распространяющийся в пределах некоторой зоны, пчела садится на цветок и исследует его форму. Третье звено управляется: осязанием: воспринимая структуры определенной формы, пчела погружает в цветок свой хоботок и начинает сосать нектар. При обычном ходе событий результатом является сбор нектара. Следовательно, поведение пчелы организовано так, что в зоне эволюционной: адаптированности результаты действия одной системы управления поведением приводят к ситуации, которая одновременно приостанавливает активность этой системы и запускает следующее звено в серии последовательных действий, так что конечным результатом:, является сбор нектара. Теперь известно, что многие сложные и прекрасно адаптированные последовательности поведенческих актов осуществляются благодаря системам, организованным в простые цепочки описанного типа. Но как бы замечательно ни были организованы эти системы,- их организация имеет серьезные ограничения. Например, вся последовательность может нарушится, не достигнув цели из-за сбоя всего лишь в одном звене. Если из-за распыления химикатов нельзя распознать запах цветка, вторая система управления поведением в цепочке не активизируется и пчела пролетает мимо, куда-то дальше, не найдя меда, к которому она находилась так близко. Таким образом, только в том случае, когда окружающая среда точно соответствует зоне эволюционной адаптированности, каждая из составляющих ее систем управления поведением дает нужный результат, а организация в целом обеспечивает поведение, имеющее большое значение для выживания. Как и в других цепочках, эффективность ее организации не превосходит эффективности ее самого слабого звена.
Однако существуют способы, с помощью которых организацию систем управления поведением по типу цепочки можно сделать более гибкой. Например, в любой точке такой цепи может быть одно или несколько альтернативных звеньев, так что, если активация первой системы управления поведением из набора альтернативных систем не приведет к результатам, «запускающим» следующую систему в цепочке, вступает в действие какая-либо из остальных систем имеющегося набора. Поэтому вполне возможно, что один и тот же результат достигается с помощью любой из нескольких альтернативных форм поведения.
Кроме того, следует иметь в виду еще одно обстоятельство, касающееся потенциальных возможностей цепочек: любое отдельное звено цепочки может быть системой управления поведением любой степени сложности. Следовательно, даже если сама цепочка всегда действует без корректировки цели, ее отдельное звено (и даже все звенья) могут быть целекорректируемой системой. Например, вполне возможно, что у многих видов птиц поведение, направленное на строительство гнезда, организовано именно таким образом. В то время как каждая отдельная фаза поведения при строительстве гнезда является целекорректируемой, переход от одной фазы поведения к следующей осуществляется по типу цепочки. Таким образом, отдельные акты поведенческой последовательности могут быть целекорректируемыми, даже если поведение в целом таковым не является. Поэтому прекрасно адаптированные формы последовательного поведения с прогнозируемыми результатами могут быть организованы по принципу цепочки.
Однако организация систем по принципу связи звеньев цепочки никоим образом не является единственным принципом организации, используемым живыми существами. Другой принцип лежит в основе ряда систем управления поведением, имеющих общий каузальный фактор. Таким каузальным фактором может быть уровень содержания в организме определенного гормона или же попадание в поле зрения животного определенного объекта среды. Тинберген (Tinbergen, 1951) называл этот тип организации иерархическим. Поскольку понимание каузальной иерархии требует рассмотрения факторов, которые активизируют и прекращают действие систем управления поведением, мы откладываем обсуждение этого вопроса до следующей главы.
Еще один тип организации, который в своей развитой форм способен обеспечить гораздо большую степень гибкости, чем любой из упомянутых ранее, также является

иерархическим, но его организация совершенно отлична от принципа каузальной иерархии Тинбергена. Следуя терминологии Миллера, Галантера и Прибрама (Miller, Galanter, Pribram, 1960), его называют иерархия планов.

Рассматривая возможные способы организации поведения людей, Миллер и его коллеги выдвигают понятие «плана» — общую целекорректируемую поведенческую структуру, составленную из иерархии подчиненных структур (названных ими «totes»[1]*). Хотя предлагаемой ими модели каждая из подструктур представлена как целекорректируемая, это обстоятельство не является существенным для их концепции, так же как, вероятно, не может быть установлено эмпирически. В самом деле, подструктуры любого типа описанные в предыдущем разделе, были бы совместимы с главным понятием, выдвигаемым ими. Отличительная особенность иерархии планов состоит в том, что общая структура, в которую входят подструктуры любого вида и в любом количестве, является цслекорректируемой.

---

[1]* «Totes» — сокращенное обозначение простейшего вида схемы «проба — операция — проба — результат» (test — operate — test — exit) в книге Дж. Миллера, Е. Галантера и К. Прибрама «Планы и структура поведения» (М.: Прогресс, 1964). Примеч. ред.

Огромная заслуга Миллера, Галантера и Прибрама заключается в демонстрации того, что принципом организации некоторых и самых сложных и гибких последовательностей поведенческих реакций могла бы быть иерархия систем, причем система самого высокого уровня — план — всегда является целекорректируемой, также как, вероятно, и многие из подчиненных подструктур. Более того, предложенное ими понятие «плана» легко применимо и в отношении поведения, меняющегося под влиянием окружающей среды, в отношении стереотипного поведения. Его также можно прим нить к поведению, организованному на основе и крайне простой, весьма сложной карты окружающей среды.

Чтобы показать на примере, что имеется в виду под организацией поведения на основе принципа плановой иерархии, удобно сначала использовать последовательность приобретенного человеческого поведения. Второй пример такой организации взят из литературы о поведении животных.

Примером усвоенного человеком поведения могут служить привычные действия, которые каждый из нас совершает, вставая утро *с* постели. В период между подъемом с постели и приходом на работу, вероятно, каждый из нас ведет себя вполне определенным и прогнозируемым образом. На одном из уровней описания эти действия можно назвать «сборами на работу», а на уровне не столь общем — последовательностью действий: подъем с постели, умывание, одевание, завтрак и поездка на работу. Но каждое из этих действий можно разложить на более мелкие движения. В конечном счете анализ деятельности дошел бы до описания тончайшего движения самой мелкой мышцы.

В своей реальной жизни мы обычно думаем о действиях в целом — встать с постели и пойти на работу — или, самое большее, о составляющих их основных операциях и «подоперациях»; при этом каждый день мы можем следовать более или менее регулярному распорядку. Но предположить, что это поведение организовано как цепь реакций, конечно, было бы неверно. Потому что одно дело, когда может меняться порядок действий, например, завтрак до одевания; и другое — когда могут меняться отдельные составляющие поведения, но общий его план сохраняется неизменным, например завтрак может быть обильным или скудным, или им вообще можно пренебречь. Однако в этом случае главное отличие от организации поведения по типу цепочки состоит в следующем: цепочка не требует, чтобы последовательность действий в целом была целекорректируемой. В случае же с планом вся последовательность целекорректируема. В приведенном примере установочной целью плана является «приход на работу». Вся последовательность, таким образом, предстает как управляемая мастер-планом, структура

которого подчинена достижению далекой установочной цели. При этом сам мастер-план составлен из ряда второстепенных планов (подпланов), каждый из которых имеет более частную установочную цель. Подпланы составлены из еще более мелких планов и так далее, вплоть до самых элементарных планов (или, скорее всего, систем более простого типа), управляющих самыми элементарными единицами поведения. Чтобы добраться до работы, нужно полностью выполнить мастер-план, а подпланы и другие подчиненные системы, входящие в него, могут в пределах возможного меняться.

В иерархической системе такого типа каждый план и подплан. Должны рассматриваться как совокупность указаний (инструкций) к действию. Как и в случае с военной операцией, мастер-план указывает только главную цель и общую стратегию. Ожидается, что каждый командир на каждой ступени иерархической лестницы разрабатывает более детальный план и отдает более подробные приказы для выполнения его части мастер-плана. Благодаря тому что учет деталей предоставляется подчиненным, мастер-план остается простым и понятным, а более конкретные планы могут разрабатываться и выполняться теми, кто хорошо знаком с местными условиям. При плановой иерархии легче достигается гибкость.

Неоспоримое преимущество организации такого рода заключается, конечно, в том, что одна и та же установочная цель можно достигаться даже при весьма существенном изменении обстоятельств. Вернемся к нашему первому примеру: каждый раз утром мы можем проспать, испачкать рубашку, остаться без кофе или узнав о забастовке водителей автобусов, но с помощью какого-либо многих альтернативных подпланов мы способны справиться любой случайностью и выполнить общий план. Но даже в том о чае, когда поведение организовано как плановая иерархия, существует предел, до которого мы можем справляться с отклонениям окружающей среды. Когда условия внешней среды слишком сильно отклоняются от тех, на которые рассчитан мастер-план — отсутствует одежда или нет транспорта, — выполнить план и достичь установочной цели невозможно.

Первый пример поведения, организованного по принципу иерархии планов, был взят из сферы приобретенного поведение»; взрослого человека. Он представляет собой развитую форму организации поведения на основе иерархии планов. У животных, т.е., уровне ниже человеческого, по-видимому, отсутствуют последовательности действий такой степени сложности (возможно, исключение составляют человекообразные обезьяны). Тем не менее имеются свидетельства того, что отдельные формы поведения у животных многих видов организованы на основе данного принципа.

Элементарным примером может служить бег крысы по лабиринту. После специальных операций на спинном и головном мозге, нарушающих координацию локомоций (передвижение), крысы, тем не менее, сохраняют способность безошибочно пробегать лабиринт, используя при этом новые локомоторные движения. Очевидно, что в этом случае их мастер-план, отвечающий за прохождение лабиринта, остался не затронутым, и если прежние двигательные системы не функционируют, то могут быть созданы и использованы локомоторные системы нового типа.

Данные, которыми мы располагаем в настоящее время, позволяют предположить, что у одних видов животных определенные поведенческие последовательности организованы в качестве фиксированных цепочек, у других — на основе каузальных или планов иерархий, но все же большая часть поведения имеет организации обоих типов. Не будучи взаимоисключающими, эти способы просто дополняют друг друга. Более того, нет причины, по которой схожее поведение, например сооружение гнезда, не могло бы быть организовано как цепочка у одного вида, как каузальная иерархия у другого и как плановая иерархия у третьего; или причины, по которой одно и то же поведение не должно быть организовано как цепочка или каузальная иерархия у детенышей какого-либо вида и затем реорганизовано с учетом плановой иерархии у взрослых его представителей.

На самом деле переход от организации по типу цепочки к иерархическому типу организации представляет собой поразительную особенность развития поведения — и в филогенезе, и в онтогенезе. Биологическое процветание насекомых основано на системах управления поведением, которые приводят к стереотипному реагированию на условия окружающей среды, запускаются элементарными раздражителями и организованы в цепочки. У высших позвоночных системы управления поведением чаще лабильны по отношению к условиям среды, способны к реакции на более сложные раздражители и с большей вероятностью включают каузальные или плановые иерархии в качестве интегративных механизмов поведения. У человека эти тенденции идут гораздо дальше.

ВЫСШИЕ ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ

Рабочие модели

Ранее в этой главе упоминалась когнитивная карта животного, которая необходима ему для достижения установочной цели, связанной с передвижением с одного места на другое. Ясно, что такие карты могут иметь любую степень сложности — от элементарных, которые, как мы полагаем, составляют охотящиеся осы, до чрезвычайно сложных, отображающих картину мира образованного западного человека. Однако, кроме представлений о мире, для построения эффективных планов индивиду нужно знать свои собственные способности.

Рассмотрим сначала вопрос о его представлениях об окружающей среде.

Карта — это условное и избирательное отображение некоторых из сторон отображаемой реальности. Избирательность неизбежна — отчасти из-за чрезвычайной сложности среды, отчасти потому, что наши органы чувств обеспечивают нас не полной, а ограниченной информацией о ней. Кроме того, чтобы картой можно было Пользоваться, она должна быть сконцентрирована на тех характеристиках окружающей среды, которые в наибольшей степени соответствуют достижению установочных целей.

Однако назвать картой наши представления об окружащее среде было бы неправильно, потому что это слово вызывает нашем сознании всего лишь статическое представление о топографии. А животному нужно нечто, более похожее на рабочую модели окружающей его среды. Предположение о том, что мозг создает такие модели, исследовалось, среди прочих, Янгом (Young, 1964) Он пишет:

«Инженер создает модель некой конструкции, которую предлагает и строить с целью проверки ее в уменьшенном масштабе. Аналогичным образом идея модели, создаваемой мозгом, состоит в том, что, будучи чем-то миниатюрным, она в то же время является своего рода инструментом, отображением мира. Ею мы можем манипулировать так, как нам удобно, обучаясь тем самым манипулировать реальной действительностью, которую, как предполагается при этом, она отображает».

Модель, создаваемая мозгом, используется для того, чтобы передавать, хранить и перерабатывать информацию. Последняя помогает прогнозировать способы достижения того, что мы называем здесь установочными целями.

Представление о том, что мозг фактически создает более или менее сложные модели, которые «нужны для умственных экспериментов в малом масштабе», привлекает всех, кого интересует объяснение сложных форм поведения, особенно поведения человека». Хотя некоторым ученым, приверженным крайнему бихевиоризму, эта идея может показаться фантастичной, ничего странного в ней нет. Например, инженерам-электрикам, знакомым с аналоговыми вычислительными устройствами, эта идея представляется явно возможной. То же справедливо и в отношении таких исследователей, как Янг, который, будучи биологом, занимался изучением мозга и поведения. Анализируя эту идею, Янг подчеркивает, что «модели часто конструируются из элементов и компонентов, каждый из которых не похож на части представленного сооружения, но из них можно собрать

законченную рабочую модель». С учетом этого обстоятельства он выдвигает гипотезу о том, что

«различные клетки мозга образуют наборы таких компонентов и что в процессе научения они объединяются в ансамбль, создавая соответствующую модель. Характеристики каждого компонента определяются главным образом формой их дендритных отростков. Данные в пользу этой гипотезы, хотя и скудные, получены в результате исследования мозга и поведения осьминогов и кошек».

Тем, кто хочет проверить эти данные, следует прочитать работу Янга (Young, 1964). Наша позиция состоит не только в разумности допущения того, что мозг строит рабочие модели среды, но и в том, что при объяснении поведения человека трудно обойтись без такой гипотезы, — и она, конечно же, соответствует нашему знанию, полученному с помощью интроспекции собственных психических процессов. В последующих главах (а также в томах II и III) мы часто обращаемся к этой гипотезе.

Для эффективного применения организмом рабочей модели требуется ряд мер. Во-первых, модель должна строиться на основе таких данных, которые уже имеются или могут быть получены. Во-вторых, если модель должна использоваться в новых ситуациях, она должна стать более широкой, чтобы охватить потенциально возможные обстоятельства, так же как и те, которые известны из реального опыта. В-третьих, любая модель независимо от того, к какой — реальной или потенциально возможной — действительности она применяется, должна пройти проверку на внутреннюю согласованность (или, говоря техническим языком, на согласованность с аксиомами теории множеств)[1]. Чем более адекватна модель, тем точнее прогнозируемые результаты; и чем шире такая модель, тем больше число ситуаций, к которым применимы прогнозы, сделанные на ее основе.

За материал, приведенный здесь и в некоторых других разделах ч. II, я очень благодарен профессору Арнольду Тастину, оказавшему мне помощь.

Если человеку нужно составить план достижения установочной цели, ему не только требуется какая-либо рабочая модель окружающей его среды, но у него также должно быть некоторое рабочее представление о его собственных поведенческих навыках и возможностях. Калека или слепой вынуждены составлять планы, отличные от планов здоровых и зрячих людей. У того, кто водит машину или ездит на велосипеде, планов, относящихся к потенциально возможным ситуациям, больше, чем у тех, кто не делает ни того, ни другого.

С этого момента обе работающие модели, которые должны быть у любого человека, обозначаются соответственно как модель окружающей (внешней) среды и модель организма.

Чтобы оставаться эффективными, обе рабочие модели должны постоянно обновляться. Как правило, для этого требуется лишь постоянное внесение небольших изменений (поправок); обычно этот процесс настолько постепенный, что едва заметен. Однако иногда происходят крупные перемены — в окружающей среде или в самом организме: мы вступаем в брак, у нас рождается ребенок, мы получаем повышение по работе; или случается что-то со всем не радостное — кто-нибудь из наших близких уезжает или умирает, у кого-то ампутируют конечность или падает зрение. В так случаях необходимы радикальные изменения модели. Как показывают клинические данные, необходимые изменения модели не все да даются легко. Но обычно такие изменения все же вносятся, хот и очень постепенно, часто они далеки от необходимых, а иногда их не делают совсем. Модели окружающей среды и организма, описанные здесь как необходимые компоненты сложной биологической системы управления, — это, конечно, не что иное, как «внутренние миры» в традиционной психоаналитической теории, на которые мы

посмотрели с новой точки зрения. Как в традиционной, так и в современной теории основная часть психопатологических явлений рассматривается в связи с моделями, которые в большей или меньшей степени неадекватны или неточны. Эта неадекватность может быть разного рода: модель становится непригодной для использования, поскольку полностью устарела, или усовершенствована только наполовину; и оттого остается полуустаревшей, или же она не соответствует требованиям и противоречива. Именно с этой точки зрения можно понять некоторые из патологических последствий разлуки (см. тома; II и III).

Имеется еще одно свойство моделей окружающей среды и организма, очень важное для сферы психопатологии. Рефлексия предполагает, что многие психические процессы, которые мы вполне ясно осознаем, — это процессы, связанные с построением моделей, с изменением или расширением их, проверкой их внутренней согласованности или с использованием их для создания нового плана достижения установочной цели. Хотя нет необходим мости в том, чтобы эти процессы всегда протекали на сознательном уровне, но иногда это все же может потребоваться. В частности, весьма вероятно, что изменение, расширение и проверка моделей плохо осуществляются или не осуществляются совсем, если модель время от времени не подвергается корректировке со стороны тех особых преимуществ, которыми обладает осознание[1]. Эти вопросы будут обсуждаться далее, в гл. 7.

Маккей (МасКау, 1966) обсуждал идею о том, что «сознательный опыт является коррелятом того, что можно было бы назвать метаорганизующей деятельностью — организацией внутреннего действия на основе самой системы, организующей поведение... Единство сознания, основанное на этом механизме, отражало бы интеграцию метаорганизующей системы...»

Язык

Уникальной и специфической особенностью поведенческого репертуара человека является язык (речь). Создаваемое им очевидное преимущество состоит в том, что вместо построения каждым человеком своих частных моделей окружающей среды и организма человек может использовать модели, созданные другими. Еще одно преимущество, хотя и не столь очевидное, поскольку оно не связано с общением, — польза, которую каждый человек извлекает из применения языка для организации своего собственного поведения на основе составления планов — главных, второстепенных и третьестепенных. Каким образом это происходит, мы уже показали на примере повседневных действий, когда человек встает с постели и идет на работу. Новый план действий, если он достаточно сложен, сначала обдумывается с помощью слов, а затем, возможно, даже записывается на бумаге. Кроме того, словесные указания также выступают как средство объединения людей для совместного составления и выполнения плана, основанного на общей модели среды и общих моделях навыков каждого в отдельности. Таким образом, владение языком позволяет многократно усиливать возможности организации систем управления поведением на основе плановых иерархий.

Когда системы управления поведением с помощью речевых средств организованы иерархически и основываются на сложных моделях организма и окружающей среды, результаты их действия крайне разнообразны. Поэтому большую часть поведения человека нельзя назвать инстинктивной даже в самом широком смысле этого слова. Тем не менее, хотя большая часть поведения взрослых мужчин и женщин организована в сложные иерархические целостные единицы, приобретаемые в процессе жизни, из этого не следует, что в них не может быть более простых систем, достаточно стереотипных в отношении условий окружающей среды или построенных по принципу цепочки. Гораздо вероятнее, конечно, обратное. С того времени, когда Фрейд сам занимался нейрофизиологией, представители этой дисциплины постоянно подчеркивают, насколько консервативны механизмы строения ЦНС у высших биологических видов. Она вовсе не

утратила свои древние структуры, напротив, нервная система высших видов включает в себя все признаки древних структур, к которым добавляются новые системы, модифицирующие, а иногда и замещающие деятельность старых. Таким образом становятся возможными более сложные и развитые формы поведения. Если древние и более простые структуры нервной системы образуют неотъемлемую часть более поздних и сложных структур, то более чем вероятно, что то же самое происходит и с поведением. В самом деле, было бы очень странно, если бы даже в самых поздних (по своему происхождению) из всех известных нам форм поведения проявления древних форм не играли значительную роль.

Имеются все основания считать, что в раннем младенчестве основная часть систем управления поведением человека (в действующих структурах) весьма проста и объединена в цепочки. По мере развития действие целекорректируемых систем становится более явным, модели окружающей среды и организма усложняются, а отдельные компоненты поведения организуются в плановые иерархии. Вскоре благодаря речевым навыкам модели становятся адекватнее, а иерархическая организация охватывает более широкую сферу, но в поведении маленьких детей (как и детей постарше) все еще остается немало форм, обладающих простой организацией. Поскольку имеются данные о том, что большая часть психопатологических явлений берет начало в раннем детстве, онтогенез поведения человека представляет особый интерес для психоанализа. В последующих главах мы вернемся к обсуждению этой темы.

До сих пор наше обсуждение ограничивалось, во-первых, описанием видов систем управления, отвечающих за отдельные компоненты инстинктивного поведения, и, во-вторых, анализом принципов организации таких систем управления. Последние обеспечивают сложные и целенаправленные последовательности поведенческих реакций, наблюдаемые в реальной жизни. Подошло время более систематически рассмотреть то немногое, что известно об условиях, в данный момент времени заставляющих животное вести себя так, а не иначе. Другими словами, проанализировать причины, лежащие в основе некоторых конкретных форм поведения. Мы сможем убедиться, что это обсуждение вновь заставит нас обратиться к проблеме организации поведения. Механизмы, приводящие в действие инстинктивное поведение, и механизмы его организации, на самом деле тесно связаны.

Глава 6. ДЕТЕРМИНАЦИЯ ИНСТИНКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

АКТИВАЦИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ

Типы факторов, обусловливающих начало и завершение инстинктивного поведения

На данной стадии нашего изложения взрослое животное предстает как существо, обладающее сложным репертуаром поведения, в который входит очень большое (но не бесконечное) число систем управления поведением, организованных по типу цепочки, иерархически или на основе сочетания обоих принципов. Их активация приводит к последовательностям поведенческих реакций большей или меньшей сложности, причем каждая из последовательностей обычно способствует выживанию отдельного животного и/или вида в целом. Конкретные формы, которые имеют эти системы у отдельного животного, как и во всех иных случаях, представляют собой результат действия генов и влияния внешней среды. В зависимости от вида животных и типа системы приобретаемые формы в большей или меньшей степени экологически стабильны. В дополнение к весьма стабильным поведенческим системам, ответственным за инстинктивное поведение, у животных имеются также многие другие системы — экологически лабильные, в развитии

которых очень большую роль играет научение (этот вопрос, впрочем, не относится к рассматриваемой нами теме). Если принять во внимание многообразие форм поведения, то перед нами встает вопрос: почему одна их часть действует в одно время, а другая — в другое.
Прежде всего нужно признать, что пока животное живо, та или иная часть репертуара его поведения готова вступить в действие. Жизнь животного — это поведение, даже когда животное спит. Поскольку задачей психологов не является раскрытие тайны жизни, мы не считаем необходимым заниматься объяснением поведения животного, наша задача — лишь показать, почему в определенный период времени оно ведет себя так, а не иначе и почему его специфические формы поведения проявляются более интенсивно в одни моменты времени, а не в другие.
Один из подходов к этой проблеме — рассмотрение деятельности физиологических систем. Большая часть физиологических систем функционирует постоянно. Сердечно-сосудистая, дыхательная и выделительная системы действуют непрерывно, в то время как пищеварительная и репродуктивная системы функционируют периодически, однако их деятельность обычно совместима с деятельностью других физиологических систем и они, следовательно, могут функционировать одновременно. Иначе говоря, все физиологические системы могут действовать одновременно и вопрос о том, что для вступления в действие одной должна прекратиться работа другой, не стоит.
Однако, если мы начинаем рассматривать различные виды активности в рамках какой-либо одной физиологической системы, вопросы об их начале и прекращении действительно возникают, поскольку часто один вид активности несовместим с другим. Например, еще со времен Шеррингтона, который сформулировал принцип реципрокного торможения, известно, что при вытягивании руки или ноги, сокращаются мышцы-разгибатели, а одновременного сокращения мышц-сгибателей не происходит. Таким образом, механизм, управляющий движением конечности, посылает два сигнала: один активизирует мышцы-разгибатели, а другой инактивирует мышцы-сгибатели. Если нужно согнуть конечность, посылается два противоположных сигнала. Аналогичное реципрокное взаимодействие имеет место и в сердечно-сосудистой системе. Во время мышечного напряжения приток крови к мышцам усиливается благодаря расширению кровеносных сосудов; поскольку объем крови ограничен, кровоснабжение органов из-за сужения в них кровеносных сосудов при этом уменьшается. После обильного приема пищи положение меняется на противоположное. В результате каждый отдельный паттерн физиологической активности функционирует периодически, причем объясняется это тем, что активность одного паттерна обычно несовместима с активностью других.
Деятельность систем управления поведением протекает так же периодически, причем по той же причине. Хотя часто мы можем делать два дела одновременно, тем не менее некоторые дела совмещать все же нельзя. Одна форма поведения нередко несовместима с другой. Иногда два вида поведения как бы «соревнуются» из-за эффекторов: птица не может одновременно строить гнездо и искать пищу. Иногда две формы поведения требуют разных условий внешней среды: кролик не может одновременно есть траву и прятаться в норке. Иногда две формы поведения ведут к противоположным результатам: нападение на другое животное несовместимо с его защитой. Одна форма поведения, следовательно, исключает многие другие. Это значит, что для понимания работы систем управления поведением необходимо выяснить, по каким причинам одна система начинает, а другая прекращает действовать. Нужно также знать, каким образом происходит выбор активизируемой системы, и что происходит, когда одновременно функционируют две (или более) системы.
В решении вопроса о том, почему активизируется та, а не другая система управления поведением, участвуют, по крайней мере, пять видов причинных факторов. Некоторые из них довольно специфичны и распространяют свое действие на отдельные частные системы управления поведением, другие имеют относительно общее действие. Наиболее

специфичен способ организации систем управления поведением в ЦНС, а также фактор наличия или отсутствия во внешней среде определенных объектов. Гормоны также оказывают весьма специфическое действие на поведение. К наименее специфическим факторам относятся наличный уровень активированности ЦНС и тотальная «ошибка» разнонаправленных стимулов в какой-то момент времени. Как правило, факторы всех пяти видов действуют совместно. Более того, поскольку все виды факторов взаимодействуют друг с другом, взаимопереплетение причин поведения по своей сложности можно сравнить с текстурой персидского ковра.

В рамках теории поведения некоторые школы отстаивают концепцию ограниченного числа довольно общих побуждений (drives). Хайнд (Hinde, 1966), напротив, решительно выступает против нее. В данной работе мы занимаем его позицию; причины этого изложены во второй части гл. 8.

Роль специфических причинных факторов

Начнем наше рассмотрение той роли, которую играют причинные факторы специфического действия, с влияния гормонов. У птиц и млекопитающих присутствие в крови высокого уровня того или иного полового гормона сопровождается появлением типичных форм сексуального поведения, при этом обращает на себя внимание отсутствие в это время других форм поведения.

Например, высокий уровень мужских половых гормонов у представителей таких рыб, как трехиглая колюшка (обоих полов), создает возможность появления форм активности, связанных с

- борьбой: укусы, угрозы, бегство;
- сооружением гнезда: сбор материала, склеивание, проделывание отверстия;
- ухаживанием: зигзагообразный танец, попытка увлечь за собой («приманивание») и т.п.

Одновременно с ними вероятность появления целого ряда других действий снижается. Это происходит либо в результате непосредственного воздействия самого гормона на ЦНС, либо из-за того, что колюшки слишком поглощены борьбой, сооружением гнезда или ухаживанием, чтобы заниматься чем-то еще. К наименее вероятным действиям относятся соединение вместе с другими колюшками в косяки и миграция на новые территории.

Исследование показало, что у этого вида рыб представители обоих полов снабжены системами, ответственными за специфическое для пола поведение самцов (а также самок), и что конкретный набор активизируемых систем в основном зависит от уровня гормонов. Тем не менее в определенный период времени на фоне данного уровня содержания мужского гормона реально выполняется лишь один-два из множества потенциально возможных действий самцов. Это указывает на влияние каких-то иных причинных факторов, помимо гормонов. В данном и аналогичном ему примерах особая роль принадлежит факторам внешней среды. Это значит, что присутствие другого самца, скорее всего, приведет к драке, в то время как присутствие зрелой самки, наверняка, вызовет ухаживание. Приведенный пример показывает, что начало любой специфической формы поведения определяется не только уровнем гормонов и не только появлением стимула внешней среды[1], а тем и другим одновременно (более того, во взаимодействии с некоторыми другими факторами).

Термин «стимул внешней среды» вызывает ряд вопросов: см. обсуждение этого термина в конце данной главы (с. 113).

Следует заметить, что в описанном нами примере роль гормонов и стимулов внешней среды различна: в то время как уровень содержания гормонов усиливает действие многих систем управления поведением (и ослабляет действие других), стимулы внешней среды

обычно приводят в действие конкретные, частные системы. Имеет место, следовательно, иерархическая организация факторов, детерминирующих поведение, и действие гормонов занимает в этой иерархии высшую позицию. В других случаях, как мы увидим, роль гормонов и условий внешней среды может быть обратной: например, стимулы внешней среды могут в значительной мере определять уровень содержания гормонов.
Прежде чем мы проанализируем роль факторов, связанных с условиями внешней среды, вероятно, полезно кратко рассмотреть о организацию поведения на основе «каузальной иерархии» — принципа, к которому первым привлек внимание Тинберген (Tinbergen, 1951).
Из приведенного примера с колюшкой видно, что главным причинным фактором, занимающим высшую позицию в иерархии, является уровень содержания гормонов. В следующем примере в качестве «верховного» фактора выступает возбуждение определенного отдела ЦНС.
В серии экспериментов с использованием электростимуляции стволовых отделов мозга интактного животного (курицы) Холст и Сент-Пол (Hoist, Saint Paul, 1963) проанализировали способы интеграции в единый репертуар поведения очень большого (хотя и конечного) числа поведенческих актов (реакций), таких, как кудахтанье, кукарекание, клевание, бегство, сидение, кормление, пребывание в спокойном стоянии. Каждая из этих поведенческих реакций может осуществляться самостоятельно — отдельно от других, — но большая их часть может также встречаться в составе различных более сложных последовательностей поведения. Например, сидение может являться одной из составляющих поведения, связанного со сном или высиживанием яиц, но оно может быть и собственно сидением; кудахтанье может сопровождать бегство и кладку яиц. Реакции оглядывания, вставания или убегания могут входить в состав множества различных последовательностей актов поведения. Эти и другие данные привели авторов к выводу, что у кур существует по крайней мере три уровня интеграции поведения — от простой единичной реакции до сложной последовательности поведенческих актов. Некоторые особенности такой интеграции могла бы обеспечивать организация по типу цепочки, но очевидно, что любые последовательности, организованные в цепочки, должны иметь иерархическую подчиненность. Последняя и должна определять, какая из нескольких последовательностей, связанных в цепочки, будет приведена в действие. Если бы не такая система управления на основе соподчинения, поведенческая реакция Р всегда предшествовала бы реакции Q, а Q всегда бы шла перед R. В то же время наблюдения показывают, что реакция Q на самом деле может возникать в самых разных сочетаниях. Другая особенность каузальной организации поведения, которую иллюстрирует упомянутая серия экспериментов, связана с важной ролью особого рода стимулов внешней среды. В частности, было показано, что в результате определенной стимуляции мозга курицы она способна выполнять простые последовательности поведенческих реакций, но получить наиболее сложные последовательности реакций только с помощью электростимуляции нельзя (по крайней мере, в настоящее время). Например, чтобы вызвать у петуха агрессивность и готовность напасть на соперника или какого-то врага, необходимо хотя бы наличие подходящего чучела. Это пример еще раз свидетельствует о том, что системы управления и поведения действуют в соответствии с конкретными условиям внешней среды. Он также доказывает, что поведение, регулируемо системой, не может возникнуть без наличия в среде «надлежащей стимуляции.
Однако в других случаях уровень содержания гормонов; (и/или состояние ЦНС) бывает таким, что действие может вы подняться даже при отсутствии «надлежащей» стимуляции со стороны окружающей среды. Это приводит к так называемой активности вхолостую[1*]. Лоренц описал пример такого поведения, скворец, получавший готовую пищу на блюдечке, тем не мене время от времени совершал в воздухе свои обычные (для охоты движения: ловил и глотал муху, даже если никакой мухи на само деле не было.

Активностью вхолостую (vacuum activity) в этологии называют явление, наблюдаемое, когда в результате накопления специальной энергии ее уровень может стать таким высоким, что комплекс фиксированного действия будет возникать вообще без всякого стимула. — Примеч. ред.

В предыдущей главе был затронут вопрос о том, какую роль играет способ организации систем управления поведением в ЦН Когда системы организованы по типу цепочки на основе проприцептивпой или экстероцептивной обратной связи, сигналы к прекращению одной формы поведения часто одновременно служа сигналами к активизации следующей (в цепочке) системы управления поведением. Организация ЦНС может также оказывать влияние на приоритетность различных систем и другими средствами. В результате появление какой-либо формы поведения или повышает, или снижает вероятность ее повторения — она может изменятся в одну сторону, если период времени короткий, и в противоположную сторону, если период продолжительный. Например, после совокупления и эякуляции вероятность нового совокупления самца в ближайшее время обычно снижается, хотя с течением времени она снова увеличивается. Точно так же осуществление одно формы поведения, как правило, изменяет (в ту или иную сторону) вероятность появления других форм поведения. Например, достигнув взрослого состояния, тля некоторое время летает, а затем усаживается, чтобы отложить яйца. Наблюдения свидетельствуют том, что пока тля не налетается в течение определенного времени она не сядет, даже если рядом находится подходящий лист. Однако, чем дольше она летает, тем больше стремится устроиться на одном месте. Действительно, чем больше времени тля находится в воздухе, тем более отчетливо ее стремление осесть на одном месте. Таким образом, ее активность, связанная с летанием, снижает порог возникновения реакции сидения.

Как уже говорилось, не только различные виды факторов (гормоны, особенности ЦНС и стимулы внешней среды) совместно влияют на животное и в результате оно ведет себя так, а не иначе, но и факторы разных видов постоянно взаимодействуют друг с другом. Например, на выделение в кровь гормонов оказывают влияние внешние стимулы и некоторые автономные процессы в ЦНС; животное попадает под действие стимулов из внешней среды, потому что поведение, вызываемое гормонами или процессами в ЦНС, ставит его в новые ситуации, в другие условия среды. Каким образом взаимодействуют системы управления поведением в ЦНС, это отчасти зависит от конкретных стимулов внешней среды, которые встречает животное, а отчасти определяется гормональными уровнями в период его развития.

Гормоны оказывают влияние на поведение, действуя с помощью одного или сразу двух механизмов: иногда гормон действует непосредственно на определенный отдел (или отделы) ЦНС, понижая порог реактивности у одной системы управления поведением и повышая его у другой. В другом случае гормон воздействует на некоторые периферические области, например на окончания какого-либо чувствительного нерва на определенном участке кожи, усиливая таким образом чувствительность этого участка, а следовательно, и самого животного к определенным стимулам внешней среды. Для иллюстрации некоторых из этих сложных взаимосвязей приведем два примера. Первый относится к сооружению гнезда и кладке яиц у канареек, второй — к материнскому поведению крысы.

Факторы, вызывающие у канарейки гнездостроительное поведение и кладку яиц, были предметом систематического исследования Хайнда (Hinde, 1965b). У самки канарейки, как и у многих других видов птиц, изменения в окружающей среде (большое количество света и/или повышение температуры) вызывают изменения в эндокринной системе, в результате чего она образует пару с самцом. Далее раздражители, исходящие от самца, ускоряют- в организме самки выработку эстрогена, что побуждает ее начать сооружение гнезда.

Присутствие в это время самца продолжает играть важную роль, а наличие частично построенного гнезда, в котором обычно сидит самка, играет заметную роль в ее поведении, поскольку служит дополнительным фактором, обусловливающим такое поведение. В результате эндокринных изменений у самки перья на ее грудке выпадают и сосуды расширяются, что делает птицу, сидящую гнезде более чувствительной к тактильной стимуляции, исходящее от гнезда. Эта стимуляция оказывает влияние на ее поведение, и посредственно, на ее действия по сооружению гнезда; в течение скольких минут — на частоту ее возвращений в гнездо; на выбор материала для гнезда. В более длительном плане она вызывает дальнейшие изменения в эндокринной системе, что сказывается кладке яиц — она происходит раньше, чем без такой стимуляции, следующей стадии репродуктивного процесса стимуляция, которое самка получает от гнезда и яиц, влияет на ее поведение по высиживанию птенцов.

В этой последовательности реакций, осуществляемых на притяжении многих недель, системы управления поведением одна другой сначала приобретают активность, а позднее теряют ее. Мотивация одних систем регулируется главным образом уровнем с держания гормонов, а других — в основном стимулами внешне среды. Однако в дополнение к этому следует учитывать, что гормональный уровень большей частью является результате стимуляции со стороны окружающей среды, а особая стимуляция получаемая животным от среды, в свою очередь является результатом его повышенной чувствительности, причина которой действии гормонов на предшествующей стадии этого процесса. Как ни сложна эта серия взаимодействий, данное ее описание это в действительности весьма упрощенный вариант реальных процессов.

Сегодня известно, что аналогичного типа сложная серия взаимодействий между уровнем гормонов, стимуляцией со сторон внешней среды и организацией в ЦНС выполняет роль причинного фактора и в поведении низших млекопитающих. Среди исследователей, изучавших репродуктивное поведение лабораторной крысы. Бич (Beach, 1965) был первым, кто внес существенный вклад в объяснение сексуального поведения этих животных. Позднее Росенблатт (Rosenblatt, 1965) провел дальнейший анализ некоторых факторов, вызывающих материнское поведение. Он, в частности, удивлением обнаружил, что поведение крысы-матери изменяется на каждой стадии развития потомства, приспосабливаясь в соответствии с ее особенностями.

Материнское поведение крысы состоит из трех основных компонентов: сооружения гнезда, выкармливания потомства и возвращения детенышей в гнездо. В течение примерно четырехнедельного периода можно наблюдать один или сразу несколько из этих компонентов; позднее увидеть их невозможно. Весь цикл материнского поведения делится на четыре стадии, причем на каждой стадии поведение различно:

а) последние дни беременности — крыса очень мало занимается сооружением гнезда;

б) три или четыре дня после родов — крыса демонстрирует все компоненты материнского поведения и инициирует практически все формы взаимодействия с детенышами;

в) следующие 10—11 дней — период стабилизации — крыса продолжает проявлять весь репертуар материнского поведения и инициатива при взаимодействии с детенышами продолжает исходить в основном от матери;

г) третья и четвертая неделя после родов — крыса все больше и больше теряет инициативу во взаимодействии с потомством, а ее активность по сооружению гнезда, возвращению в него детенышей и их вскармливанию постепенно, но неуклонно снижается, пока наконец не прекратится совсем.

При обычном ходе событий эти стадии материнского поведения четко соответствуют особенностям развития крысят. До конца второй недели у крысят отсутствует зрение и слух; главным образом используется осязание. Встают на лапки крысята только к концу второй недели, а ползать начинают несколько раньше. В двухнедельном возрасте крысята становятся более независимыми. Они начинают покидать гнездо, сами инициируют

кормление, а также взаимодействие с другими крысятами. Через четыре недели они уже в состоянии самостоятельно находить корм.

В этом месте нашего анализа цикла материнского поведения полезно разграничить два понятия — «материнское состояние» и «материнское поведение». Все составляющие материнского поведения крайне чувствительны к стимулам, исходящим со стороны внешней среды. Например, если гнездо разваливается, крыса вновь начинает его сооружать, если детеныш выползает из гнезда, она возвращает его на место. Но такое поведение имеет место только в тот период, когда крыса находится в определенном состоянии, которое называют материнским состоянием[1]. Это означает, что материнское состояние возникает под действием определенных факторов, занимающих высшую ступень в иерархической организации, в то время как ряд других условий, действуя на более низких уровнях, диктуют конкретное поведение.

---

[1] Розенблатт (Rosenblatt, 1965) использует термин «материнский настрой» («mood»), но термин «настрой», как правило, применяется для определения состояний, которые охватывают более короткий период, чем период в несколько дней или недель, в течение которых наблюдается материнское состояние.

Исследователи этой проблемы поставили следующие вопросы: Какие причинные факторы отвечают за развитие материнского состояния у крысы? Какие факторы служат причинами последующих изменений материнского состояния, а в конечное счете, его исчезновения? В какой степени эти изменения зависимы гормональных сдвигов, протекающих в организме матери, независимо от стимулов внешней среды, а в какой — от стимуляций получаемой от детенышей, т.е. стимуляции, которая, безусловно, меняется по мере того, как крысята становятся старше и акт нее? Для ответа на эти вопросы был проведен ряд экспериментов, в которых подопытные крысята разного возраста помещались вместе с самками, находящимися на разных стадиях от деторождения, в то время как их собственные детеныши или оставались с ней, или их разлучали (на некоторое время) — так на разных стадиях цикла.

Полученные данные привели к следующим выводам.

1. Даже если беременной крысе подложить новорожденных и опытных детенышей, она не будет их вскармливать, возвращать место или заниматься сооружением гнезда, тогда как сразу после родов она обычно все это делает. Данный пример показывает, стимуляция, получаемая крысой от детенышей, не может быть основной причиной, вызывающей материнское состояние. Так причиной могут служить сигналы проприоцептивной обратной связи, поступающие в процессе родов от тканей органов крысы, или, что еще более вероятно, причина лежит в сдвиг гормонального баланса сразу после родов, когда перестают функционировать плацентарные гормоны; однако могут роль оба фактора.
2. Поскольку материнское состояние быстро проходит, не сразу после родов детенышей на несколько дней отлучить от матери, то становится очевидным, что в эти дни стимуляция, получаемая крысой от своего потомства, играет важную роль в сохранен материнского состояния, — возможно, такая стимуляция обеспечивает поддержание необходимых гормональных уровней.
3. Поскольку отлучение детенышей на такой же период времени, но на более поздних стадиях цикла оказывает значительно мен шее влияние на материнское состояние, можно, по-видимому, говорить о том, что спустя несколько дней гормональные уровень гораздо меньше зависят от стимуляции, получаемой от крысят, однако даже в этом случае обнаруживается, что, если детенышей пять от матери через девять (или более) дней после родов, материнское состояние проходит быстрее, чем если бы потомство оставалось с ней. Это говорит о том, что поддержание цикла материнского поведения в какой-то мере продолжает зависеть от стимуляции, получаемой от детенышей.
4. На последней стадии цикла материнское состояние самки неуклонно сходит на нет, и это происходит даже тогда, когда ее собственные, уже подросшие и активные детеныши подменяются (в целях эксперимента) крысятами, которым исполнилось

всего несколько дней. Это указывает на то, что изменение стимуляции, получаемой от все более активных детенышей, довольно слабо влияет на наступление этой стадии цикла и что оно, по всей видимости, происходит благодаря внутренним изменениям в организме матери.

Таким образом, мы снова обнаруживаем, что изменение, происходящее в организме крысы, — вероятно, сдвиг гормонального уровня — ведет к изменению ее поведения, в данном случае — к заботе о потомстве, в процессе которой она получает стимулы из внешней среды. Последняя в свою очередь сама оказывает влияние на гормональный уровень, а тот вновь воздействует на поведение и, возможно, степень ее чувствительности, а следовательно, и на стимуляцию, которую она получает. Чем точнее проводится анализ любой последовательности инстинктивного поведения, тем более четкие циклы взаимодействия он показывает. Поскольку они имеют место у низших млекопитающих, следует ожидать, что в свое время они будут установлены и у высших млекопитающих, человекообразных обезьян и даже у человека.

В этой главе подчеркивается, что поведение имеет не только начало, но и конец — ни одно действие не продолжается вечно. Факторы, вызывающие прекращение поведения, так же сложны, как и факторы, вызывающие его начало. Никакие проявления материнского поведения у крысы невозможны, когда гормональный уровень падает ниже определенного уровня или, по крайней мере, когда смещается гормональный баланс. Канарейка прекращает сооружение гнезда под влиянием стимуляции, исходящей от только что законченного гнезда, — это видно из того, что строительство сразу же возобновляется, если гнездо убрать. Пищевое поведение у собаки прекращается тогда, когда в ее желудок поступает сытная пища, причем происходит это задолго до всасывания питательных веществ в кровь. Таким образом, различные формы поведения у Разных видов животных прекращаются под действием того или иного фактора. В приведенных примерах это гормональный уровень, экстероцептивная и интероцептивная стимуляция соответственно. Прекращение какой-либо формы поведения происходит из-за остановки какого-то часового механизма или нехватки психической энергии, а по особому сигналу. Так футбольный матч оканчивается по свистку, а вовсе не потому, что футболисты выбили из сил. Поток автомашин останавливается, потому что зажигает красный свет, а не потому что у них кончился бензин. То же сам имеет место в системах управления поведением.

Сигналы, ответственные за прекращение некоторой последовательности поведенческих реакций, этологи обычно называют завершающими стимулами. Как показывают приведенные здесь примеры, завершающих стимулов так же много, как и стимул инициирующих поведение, и стимулов, направляющих его. В каждом случае системы управления поведением получают сигналы, посылаемые одним из трех видов органов чувств — экстероцептивные, проприоцептивные и интероцептивные, — а иногда одновременно поступают из нескольких органов чувств.

В некоторых случаях стимулы, прекращающие последовательность поведенческих реакций, животное получает по ходу (и силу) выполнения особого действия. Это действие, известное как завершающий акт, легко обнаруживается в тех системах, где прогнозируемым результатом является кратковременный эффект. Хорошо известный пример — оргазм. Для систем, в которых прогнозируемый результат — это состояние, длящееся неопределенный период времени, например нахождение на конкретной территории, невозможно выделить какой-либо завершающий акт, и к ним это понятие неприменимо.

В случае с целекорректируемыми системами управления поведением необходимо строго разграничивать стимулы, направляющие поведение к установочной цели, т.е. ориентирующие стимулы; стимулы, ведущие последовательность поведения к ее окончанию т.е. завершающие стимулы. Поскольку обе категории стимулов, очевидно, имеют один источник — цель-объект, — их нетрудно спутать. Приведем пример, который поможет увидеть различие меж ними. Следуя за движущимся объектом, маленький

гусенок ориентируется на основе восприятия зрительных и/или слуховых стимулов, исходящих от этого объекта. Однако стимулы, прекращающие поведение следования за объектом, могут быть другого вида, например тактильные. Если у гусенка имеет место поведение, характерное для состояния тревоги, то оно прекратится только тогда, когда он получит соответствующий тактильный стимул. В этом случае поведение направляется с помощью зрительного и слухового стимулов, получаемых от цели-объекта, тогда как тактильный стимул, получаемый от той же цели-объекта, вызывает его прекращение.
Иногда все причинные факторы, необходимые для активации системы управления поведением, имеются, но она все же не вступает в действие, поскольку одновременно присутствуют тормозящие стимулы. Если завершающие стимулы прекращают выполнение последовательности поведенческих реакций, то тормозящие стимулы предотвращают его начало.
Таким образом, система управления поведением может оставаться в неактивном состоянии по двум совершенно разным причинам:
а) когда присутствуют не все причинные факторы, необходимые для ее активации, или (что то же самое) присутствуют причинные факторы, вызывающие ее завершение;
б) когда необходимые активирующие факторы имеются, а факторы завершения отсутствуют, но также присутствуют и тормозящие стимулы, препятствующие действию активирующих факторов.
Тормозящие стимулы обычно исходят из какой-либо другой системы управления поведением, также находящейся на грани вступления в действие. В связи с этим нам необходимо рассмотреть, что происходит при одновременной активации несовместимых между собой систем управления поведением. Данной теме посвящен следующий раздел этой главы.

Роль неспецифических причинных факторов

До сих пор мы мало говорили о причинных факторах, оказывающих скорее общее, чем специфическое влияние на поведение. Факторы, о которых идет речь, — это активация ЦНС и общий уровень и/или организованность стимулов, получаемых животным, в паттерны. Обычно эти два фактора тесно связаны друг с другом.
От влияния этих общих факторов на поведение зависят главным образом следующие его характеристики: а) наличие или отсутствие какой-либо реакции на этот стимул; б) степень сенсорного различения; в) скорость реакции и г) характер реакции (организованный или дезорганизованный). Данные о том, что эти факторы оказывают большое влияние на то, какая система управления поведением активируется, а какая нет, отсутствуют.
Фактический материал свидетельствует о том, что для возникновения поведения в ответ на какой-то специфический стимул кора головного мозга млекопитающих должна находиться в состоянии активации (оно оценивается с помощью ЭЭГ[1]*). Он также показывает, что состояние коры головного мозга в значительной мере определяется состоянием ретикулярной формации в стволовых отделах мозга, на которую в свою очередь сильно влияет общий поток стимуляции (всех сенсорных модальностей), воспринимаемой животным. Установлено, что: до определенного порогового значения чем большую стимуляцию получает животное (с помощью любо органа чувств), тем больше его активация и тем эффективнее его поведение, т.е. улучшается сенсорное различение и сокращаете время реакции. Однако при превышении определенного уровня стимуляции эффективность поведения может падать; а если в экспериментальной ситуации общая стимуляция значительно возрастет, поведение полностью дезорганизуется. То же самое происходит, когда стимуляция резко уменьшается, как, например, в экспериментах с сенсорной депривацией. Эти данные позволяют с уверенностью полагать, что существует некий оптимальный уровень сенсорной стимуляции, при котором достигаются наилучшая реактивность и эффективность поведения. Оптимальный уровень может быть разным для различных видов систем управления поведение. Некоторые исследователи интерпретировали эти данные к

свидетельство в пользу того, что самым существенным условием является общая совокупность стимуляции, получаемой животным, что понятия «общий уровень активации» и «общее побуждение» («general drive») весьма полезны. Как уже упоминалось, Хай (Hinde, 1966) подвергает сомнению эти выводы. Он подчеркивает что в экспериментах с сенсорной депривацией снижалась не толь интенсивность стимуляции (ее «количество»), но и степень ее организованности в стимульные паттерны. Сказанное, по всей видимости, справедливо и в отношении экспериментов на влияние сенсорных перегрузок: при избыточной стимуляции животное может справиться с распознаванием стимульных паттернов. Хайнд склоняется к мнению, что целостное поведение, вероятно, больше завис от регулярности поступления паттернов сенсорной информации, чем только от количественных факторов. Его точку зрения подтверждают результаты нейрофизиологических экспериментов (Pribram, 1967).

[1]* ЭЭГ — электроэнцефалограмма. — *Примеч. пер.*

НЕСОВМЕСТИМЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ ОДНОВРЕМЕННОЙ АКТИВАЦИИ

Изложение предыдущего раздела основывалось на неявном допущении, что системы управления поведением обычно активируются только по очереди. Однако это никоим образом не означает, что несколько систем не могут быть активными в одно и то же время. В этом разделе мы рассмотрим такое поведение, которое возникает в результате одновременной активации двух или более систем.

Поведение, к которому приводит активация одной системы управления, может быть вполне совместимо с поведением, к которому приводит активация другой системы; или эти системы могут быть совершенно несовместимы друг с другом; или некоторые компоненты одной системы могут быть совместимы с какими-то компонентами другой, в то время как остальные компоненты каждой из систем несовместимы друг с другом. Поэтому неудивительно, что формы поведения, к которым приводит одновременная активация двух систем, значительно отличаются друг от друга. Иногда проявляются компоненты обоих поведенческих паттернов, иногда — только одного, а в некоторых случаях — ни того, ни другого. В итоге поведение может как нельзя лучше соответствовать ситуации, и наоборот, совершенно не соответствовать ей. В ряде случаев поведение, возникающее в результате одновременной активации двух несовместимых друг с другом систем управления поведением, на самом деле относится к сфере патологии.

В целях облегчения изложения мы используем в этом разделе новую терминологию. Каждый раз, когда появляются основания для уверенности, что определенная система управления поведением активна, хотя поведение, которое она вызывает, практически не наблюдается, мы будем говорить, что животное имеет определенную тенденцию, например тенденцию спасаться бегством.

Задача установить тенденцию к осуществлению определенной формы поведения при отсутствии видимых признаков такого поведения поднимает методологические проблемы, на которые следует обратить внимание. Откуда мы можем знать, возразят нам, что такая тенденция существует? На каких основаниях можно сделать вывод, что система управления поведением активна, если даже поведение, за которое она обычно отвечает, отсутствует? Эта методологическая проблема, конечно же, хорошо известна психоаналитикам, которые часто утверждают, что у человека в случае поведения одного рода вполне может присутствовать мотивация совершенно другого рода.

Небезынтересно, что обе дисциплины — этология и психоанализ, — столкнувшись с одной и той же методологической проблемой, дают одинаковый ответ. Идет ли речь о поведении животного или человека, главным основанием для вывода о присутствии скрытой тенденции служит тот факт, что тенденция обнаруживает себя в случайных и

незаконченных последовательностях поведенческих реакций. Иногда такое поведение (целиком или какие-то его фрагменты) осуществляется одновременно с доминирующим поведением, в результате чего последнее лишь немного отклоняется. В других случаях наличие скрытой тенденции можно предположить на том основании, что после завершения доминирующей формы поведения наблюдается краткий эпизод другой формы поведения. Поведение, выражающее скрытую тенденцию, может также на короткое время появиться до того, как начнется доминирующая форма поведения. Именно внимание этологов и психоаналитиков к таким деталям поведения и привело их к данному открытию и продвижению науки.

Правда, делая выводы относительно наличия скрытых тенденций, психоаналитики дополнительно используют такие данные, которыми не располагают этологи. Это отчеты пациентов о своих мыслях и чувствах. Поскольку вопрос о том месте, которое отводится мыслям и чувствам в предлагаемой нами теоретической схеме, рассматривается в следующей главе, их дальнейшее обсуждение мы пока откладываем.

Вернемся теперь к тем данным о поведении, которые являются общими для психоаналитиков и этологов: мы представим далее некоторые из множества видов поведения, возникающих в результате одновременного присутствия двух тенденций, в той или иной степени несовместимых друг с другом.

Последовательности поведенческих реакций, управляемые двумя тенденциями

Чередующееся поведение. В некоторых случаях поведение, управляемое двумя тенденциями, осуществляется как чередование двух разных форм поведения. Может показаться, что здесь неизбежен неблагоприятный результат, хотя на самом деле это не всегда так. Много примеров такого рода можно найти в поведении рыб и птиц в период ухаживания, поскольку у множества видов животных ухаживание представляет собой сложное чередование агрессивного и сексуального поведения, а также поведения избегания. Например, зяблик начинает свое ухаживание агрессивно, потом постепенно подчиняется самке и ведет себя так, как будто боится ее. Далее возникает конфликт между его тенденцией убегать от самки и сексуальными притязаниями. В результате этого в его поведении чередуются проявления, соответствующие обеим тенденциям. Тем не менее копуляция обычно происходит.

Движения намерения (intention movements), комбинированное и компромиссное поведение

Часто бывает, что в ситуации конфликта тенденций животное, неспособное в полной мере реализовать одну из них, тем не менее демонстрирует некое незаконченное движение, выражающее эту тенденцию. Например, в случае конфликта между тенденциями оставаться на месте и куда-то лететь птица может неоднократно продемонстрировать большую часть движений, совершаемых при взлете, на самом деле никуда не взлетая. Такое явление называется движением намерения.

Движения намерения свойственны млекопитающим, включая человека. Они дают нам важную информацию, на основе которой мы судим о мотивах и вероятном поведении других людей.

Иногда движения намерения, возникающие в результате действия двух противоположно направленных тенденций, могут происходить одновременно, образуя поведение, сочетающее в себе обе тенденции. В других случаях движение намерения или иной элемент поведения, общий для обеих тенденций, проявляется самостоятельно.

Последовательности поведенческих реакций, управляемых только одной из тенденций

Очевидно, самый обычный выход из конфликта состоит в том, что демонстрируемое поведение полностью управляется одной из тенденций при бездействии другой. Иными словами, действие второй тенденции полностью блокируется, подавляется. Например, маленькая птичка, мирно клюющая корм, заметив ястреба, может мгновенно метнуться в укрытие. Предположив, что факторы, вызвавшие поглощение птичкой пищи, все еще присутствуют и, если бы не появление ястреба, она продолжала бы клевать свой корм,

можно сделать вывод, что поведение, связанное с кормлением, хотя и прервалось, но тенденция к его осуществлению сохранилась. В действительности это самое обычное явление, так как происходит очень часто. Вероятно, существует множество различных способов блокировки (т.е. торможения) одной из двух противонаправленных тенденций — от автоматически протекающих процессов, которые мы не осознаем, до сознательного обдумывания и принятия решения. Поскольку многие системы управления поведением несовместимы друг с другом, представляется вполне вероятным, что для большинства животных состояние, когда заторможена одна или несколько систем, вполне обычно. Хотя в таких случаях результат поведения, как правило, носит вполне определенный характер и явно имеет значение с точки зрения выживания, бывают и другие случаи. Например, торможение противоположной тенденции может быть неустойчивым или недостаточным, а в результате чередующееся поведение не выполняет свою функцию. Другим результатом может быть форма поведения, известная у психоаналитиков как «смещение», а у этологов как «переориентирование». В этом случае особь, охваченная противоречивыми тенденциями, демонстрирует поведение, реально соответствующее одной из двух тенденций, но направляет его на неподобающий объект. Приведем широко известный пример: сильное животное угрожает другому животному, занимающему подчиненное положение, и таким образом вызывает у него одновременно нападение и бегство. Тогда животное, выполняющее подчиненную роль, само начинает вести себя угрожающе, но не по отношению к более сильному животному, а по отношению к животному, выполняющему еще более подчиненную роль. Такое переориентирование агрессии на животное, выполняющее подчиненную роль, часто наблюдается в условиях дикой природы среди приматов и, конечно, оно весьма распространено среди людей. Особый вид переориентированного поведения, к которому склонны люди, но который не встречается у низших животных, имеет место, когда объектом, на который может быть переориентировано поведение, является символ. Например, агрессивное поведение может быть направлено не на истинный объект агрессии, а его изображения, или поведение привязанности — на национальный символ, например флаг или гимн.

Последовательности поведенческих реакций, управляемые тенденцией при наличии двух других, противоречащих друг другу

Когда имеются две взаимоисключающие тенденции, например, одновременно повернуть налево и направо, в результате их действие гасит друг друга, а поведение блокируется. Однако нередко бывает так, что хотя ни одна из тенденций не тормозится, поведение животного не соответствует ни той, ни другой, а носит совершенно особый характер. Например, во время драки двух чаек, в поведении каждой из которых присутствуют обе тенденции — нападать и спасаться бегством, одна из птиц может вдруг начать прихорашиваться или сооружать гнездо. Такое поведение выглядит совершенно неадекватным ситуации, и этологи называют его смещенной активностью.

Что вызывает столь неадекватное поведение, было и до сих пор остается предметом многочисленных дискуссий. Есть мнение, что смещенная активность — результат иных факторов, нежели тех, которые вызывают это поведение в нормальной обстановке, а понятие «перебрасывание» энергии от одной (или обеих) конфликтующих и не реализованных тенденций стало общеупотребительным. Теперь, когда от этого объяснения отказались вместе с отказом от энергетической модели, с которой оно связано, рассматривается ряд альтернативных мнений.

Одно из объяснений основывается на том, что большая часть смещенной активности — это такая активность, которую легко вызвать и которой животное занимается часто, например щиплет траву или охорашивается. Предполагается, что одна из них осуществляется в качестве смещенной активности, поскольку факторы, обычно приводящие в действие управляющую ею систему, хотя и присутствуют основную часть времени, но само поведение в течение очень продолжительного периода находится в состоянии торможения, так как преимущество получают другие виды активности. Однако

если два приоритетных вида активности нейтрализуют друг друга в результате конфликтных отношений, у заторможенного ранее поведения появляется шанс: оно выходит из состояния торможения.

Множество данных, полученных экспериментальным путем, подтверждает гипотезу о снятии торможения. Смещенной активностью у птиц обычно служит чистка перьев, а одной из конфликтных ситуаций, в которой она наблюдается, является ситуация, когда у чайки возникают сразу две тенденции — высиживать яйца и спасаться бегством от чего-то пугающего. Эксперименты, направленные на то, чтобы определить, в каких именно условиях происходит такого рода смещение активности на чистку перьев, позволяют предположить, что оно происходит в случае взаимного уравновешивания двух тенденций. Например, когда обе тенденции — высиживание яиц и спасение бегством — весьма сильны или слабы, то, безусловно, они нейтрализуют друг друга. Далее, тот факт, что смещение активности на чистку перьев (как и обычное прихорашивание) чаще встречается во время и после дождя, показывает, что на него влияют те же внешние факторы, что и на обычную чистку перьев.

В то время как одни виды смещенной активности (довольно многочисленные) возникают в результате снятия торможения, другие, по-видимому, являются побочным продуктом некой отдельной, самостоятельной активности в конфликтной ситуации; Например, во время драки за территорию, когда птица разрывается между тенденциями к нападению и спасению бегством, она вдруг может начать пить. Предполагается, что это может быть результатом сухости в горле, возникающей в свою очередь вследствие активности вегетативной нервной системы, связанной с переживанием страха.

Тем не менее выдвигались и другие объяснения смещенной активности. Весьма вероятно, что механизмы возникновения различных видов смещенной активности могут быть разными.

Как известно, действия, совершенно неадекватные ситуации, и в этом смысле напоминающие смещенную активность (если пользоваться терминологией этологов), вполне обычны при невротических заболеваниях. Признание наличия таких действий, по сути дела, было одной из главных причин создания Фрейдом теории влечений. В этой теории психическая энергия уподобляется текущей вниз по трубам воде, которую можно отводить из одной трубы в другую. Меняющиеся взгляды этологов по вопросу о смещенной активности представляют большой интерес, поскольку, во-первых, они показывают, что в своей теоретической работе этологи бьются над проблемами, очень похожими на те, с которыми сталкиваются психоаналитики, а во-вторых, уже разработаны теории, не связанные с понятием психической энергии, и они ждут своего рассмотрения клиницистами.

То же самое можно сказать и о регрессе — явлении возврата взрослого человека к менее зрелым формам поведения, когда его поведение не соответствует ситуации или в силу конфликта, или по какой-то другой причине. В настоящее время хорошо известно, что данное поведение так же часто встречается у животных, как и у человека. Для объяснения явления регресса этологи привлекли две разные теории. Первая состоит в том, что, столкнувшись с какой-либо проблемой, животное возвращается к тому способу ее решения, который доказал свою эффективность тогда, когда оно еще не достигло взрослого состояния. Суть второй теории в том, что регресс представляет собой особую форму смещенной активности. Она возникает тогда, когда паттерны взрослого поведения «гасят» друг друга, а паттерн незрелого поведения, латентно всегда активный получает шанс обнаружить себя. Вполне возможно, что для объяснения всех случаев регрессивного поведения могут потребоваться оба объяснения, и не исключено, даже какие-то другие.

ПОСТУПЛЕНИЕ СЕНСОРНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРОЦЕССЫ ЕЕ ОБРАБОТКИ

До сих пор на протяжении всей главы термин «стимул внешней среды» использовался по отношению к таким событиям во внешней среде, которые играют ту или иную роль в активации и прекращении инстинктивного поведения. Однако понятие «стимул» не простое. События, выступающие в роли стимулов в поведении одного животного, могут не замечаться другим. События, воспринимаемые одной особью как пугающие, у другой особи вообще не привлекут к себе внимания. Но что в таком случае представляет собой стимул и в каких отношениях он находится с тем, что происходит во внешней среде? Исследования нейрофизиологов за последние двадцать лет привлекли внимание к тому, каким образом механизмы ЦНС регулируют и модулируют процесс поступления сенсорной информации. Вначале происходит оценка первой порции сенсорной информации о событиях во внешней среде. Если информация оценивается как несущественная, ее поступление заглушается, если наоборот — усиливается. Если же она существенна (но не глобальная по своим последствиям), тогда определяется ее значение для конкретного действия; после этого соответствующие сигналы направляются в отделы мозга, ответственные за двигательные функции.

Эти процессы оценивания и регулирования поступления сенсорной информации составляют главное содержание весьма сложной деятельности сенсорных отделов коры головного мозга. После принятия решения уменьшение или усиление потока сенсорной информации происходит при помощи эфферентных сигналов, передаваемых по особым эфферентным нервам, идущим из сенсорных областей коры либо к самим органам чувств, либо к ганглиям, расположенным на эфферентных нервных путях. Таким образом контролируется мгновенная реактивность органа чувств или ганглия (Livingston, 1959)[1].

Значение контроля из центра над поступлением и обработкой сенсорной информации для теории защиты обсуждается в томе III.

Результаты экспериментов дают основания предполагать, что регуляция деятельности рецепторов может осуществляться как на одном, так и на нескольких уровнях нервной системы (таких уровней много). Например, ослепительная вспышка света вызывает сужение зрачка и смыкание век. Она также может повлечь реакции отворачивания человеком лица и бегства. И наоборот, вид привлекательной девушки может привести к противоположным реакциям. В каждом из этих случаев одни реакции организованы на рефлекторном уровне, другие — на уровне фиксированных (т.е. стереотипных) действий, а третьи, вполне возможно, — на уровне планов. При этом управление этими реакциями осуществляется либо из, центра, либо на периферии.

Оценка информации независимо от того, была ли она первоначально нерегулируемой или последовательно регулировалась, является сложной задачей, связанной с использованием приобретенного опыта. Она делает необходимым анализ поступающей информации с точки зрения критериев, установленных в предшествующем опыте, или с учетом другой, ранее накопленной информации, которая может иметь к ней отношение. Такой анализ сам по, себе требует сложных навыков по поиску информации. После этого необходима оценка полученных результатов анализа с точки зрения действий, которые следует предпринять. Весьма вероятно, что такая оценка может производиться на многих уровнях ЦНС: в одних случаях — только на одном, в других — на нескольких последовательных уровнях. Чем выше уровень регуляции процессов, тем более избирательным может быть поведение, в том числе и такие его формы, которые организованы в виде планов с установочными целями. Составление подобных планов, безусловно, требует обращения к моделям внешней среды и организма (см. гл. 5).

Довольно часто у человека процессы оценки происходят сознательно, и расшифрованная информация интерпретируется с точки зрения ее ценности как «интересная» или «неинтересная», «приятная» или «неприятная», «доставляющая удовлетворение» или «разочаровывающая». Это ведет к рассмотрению вопроса о чувствах и эмоциях.

Глава 7. СВЯЗЬ ПРОЦЕССОВ ОЦЕНКИ И ВЫБОРА С ЧУВСТВАМИ И ЭМОЦИЯМИ

Выразительные движения лица и тела, независимо от их происхождения, играют большую и важную роль в нашей жизни. Они служат первым средством общения между матерью и ребенком; мать одобрительно улыбается, и это помогает ребенку поступать правильно, или мать хмурится и показывает тем свое неодобрение. Выразительная мимика и жесты делают нашу речь живой и энергичной. Они раскрывают мысли и намерения других людей лучше, чем слова, которые могут быть лживыми... Отчасти это следствие той тесной связи, которая существует почти между всеми эмоциями и их внешним проявлением...
Ч. Дарвин (Darwin, 1872)

ВСТУПЛЕНИЕ

Среди клиницистов принято говорить об аффективных состояниях, чувствах и эмоциях так, как если бы они были причинами поведения. Это одно из соображений, побудивших нас обратиться к этой теме. Другое состоит в том, что каждый хороший клиницист при общении со своими пациентами пользуется языком чувств и эмоций точно так же, как это делает каждый из нас в своем повседневном общении с другими людьми. Поэтому и у врачей, и у других читателей, наверное, уже появилось желание узнать, какое место в предлагаемой нами теории инстинктивного поведения отводится чувствам и эмоциям. Если говорить кратко, наша точка зрения заключается в том, что все или, по крайней мере, большая часть явлений, которые называют (не вполне строго) аффектами, чувствами и эмоциями, представляют собой стадии процесса интуитивного оценивания — оценивания индивидуумом либо состояний своего организма и собственных побуждений к действию, либо последовательности внешних ситуаций, в которых он оказывается. Этим процессам оценки часто, хотя и не всегда, присущи совершенно особые свойства — они переживаются в чувственной форме, или, точнее говоря, человек чувствует их. Поскольку он часто осознает эти процессы, они обычно служат ему средством контроля над его внутренними состояниями и побуждениями, а также внешними ситуациями. В то же время они несу ценную информацию и для его партнеров по общению, так часто сопровождаются отчетливой мимикой, пантомимикой и другими выразительными движениями.

Центральный пункт выдвигаемого нами тезиса состоит в том, что именно процессы оценивания, а не чувства и эмоции требуют первостепенного внимания, поскольку эти процессы могут как осознаваться, так и протекать бессознательно. Тот факт, что процессы оценивания не всегда осознаются, дает ключ к пониманию достаточно неопределенного, но в клиническом контексте полезного понятия «неосознанное чувство».

Считается, что процессы оценки выполняют тройную функцию. Первая — оценка меняющихся условий окружающей среды и внутренних состояний организма, включая тенденции к действию. Это процессы — воспринимаются они человеком или нет (т.е. осознаются или остаются неосознанными) — играют жизненно важную роль в осуществлении контроля над поведением. Вторая функция — жить индивиду как существу чувствующему средством слежения за его ощущениями. Третья функция связана с их участием в общении;

Для первой и третьей функций не обязательно осознание процессов оценки. Для второй — необходимо.

Одним из отличий нашей точки зрения от других является то, что вопреки общепринятому отношению к аффектам, чувствам и эмоция как к каким-то самостоятельным, отдельным сущностям мы считаем такой взгляд совершенно неприемлемым. Говорить об «аффекте» «чувстве» или «эмоции» так, как если бы это были атомы или апельсины, так же недопустимо, как говорить о «красноте» или «квадратности» самих по себе, вне связи с какими-то предметами. Вместо этого мы рассматриваем чувство в качестве свойства, которое в какие-то моменты времени бывает присуще некоторым процессам, связанным с поведением. По этой причине недопустимо использовать выражение «овеществляющие» чувства или эмоции.
Прежде чем мы продолжим развивать это положение нашей теории, уточним терминологию. Традиционно слово «аффект» используется для обозначения широкой гаммы чувств — удовольствие страдания, печали, а также любви, страха и гнева. Кроме тог слово «чувство» также довольно часто употребляется в этом широком значении. Что касается слова «эмоция», то сфера его применения более ограничена — как правило, оно относится только к таки чувствам (или аффектам), как любовь, ненависть, страх или голод, т.е. к состояниям, внутренне связанным с той или иной форм действия.
Отсюда следует, что слово «чувство» всегда используется как общий (многозначный) термин. Мы предпочитаем его словам «аффект» и «эмоция», потому что это слово — единственное из трех названных, которое происходит от глагола (чувствовать) и сохраняет его значение. Слово «аффект» употребляется только при обсуждении традиционных теорий; слово «эмоция» применяется в более узком значении, о чем мы говорили ранее.
Начнем с краткого рассмотрения некоторых насущных философских проблем, встающих перед нами, когда мы переходим от чисто поведенческого описания инстинктов, которым ограничивались до сих пор, к попытке включить в это описание также осознанность чувств.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Лангер (Langer, 1967) пишет:
«В философии биологических наук существует крайне тяжелый вопрос: как то, что мы называем «чувствами», включается в состав физических (буквально — электрохимических) процессов в организме животного... Мы способны чувствовать изменения, происходящие вокруг нас, так же как и внутри себя. Тот факт, что все эти изменения поддаются описанию на языке физики, а наша способность чувствовать их — нет, представляет собой истинно философскую проблему».
Предлагалось множество решений этой проблемы. Большую их часть можно отнести к одной из двух основных философских школ: менталистов и эпифеноменалистов.
Школа менталистов, ведущая свое начало от Декарта, привлекла к себе интерес не только представителей гуманитарных наук, но и нейрофизиологов, включая Хьюлингса Джексона и Фрейда (Jones, 1955). Представители этой школы постулируют существование двух различных реальностей — телесной и психической, которые имеют равный статус и каким-то непостижимым образом связаны друг с другом. В противоположность этому школа эпифеноменалистов, импонирующая представителям естественных наук и провозглашающая приверженность принципам практицизма, признает реальность только физического мира. Эпифеноменалисты считают, что мысли и чувства представляют собой всего лишь тени, не оказывающие никакого влияния на реальные процессы жизни. Они могут быть предметом эстетического интереса, но никакого значения для науки не имеют.
В наши дни мало кто может удовлетвориться такими взглядами. Язвительно называя менталистскую философию «догмой духа в механической оболочке», Райл (Ryle, 1949) утверждает, что в ее основе лежит ошибочное предположение, согласно которому тело и психика человека относятся к одной логической категории: то и другое — предметы, хотя

и разного рода. «Логическая форма теории, которую Декарт «втиснул» свои представления о душе, ...была же самой, которую он и Галилей использовали для изложения механики». В результате Декарт описывал явления сознания в тех словах и выражениях, которые он использовал в механике, но то ко с отрицательной частицей не: ум «не имеет пространственной протяженности, он не обладает свойством движения, он не является превращенной формой материи, он не доступен всеобщему возрению. Он не есть часть часового механизма, он часть не-механизма» (Ryle, там же).
Применительно к эмпирическим проблемам, которыми в числе других ученых занимался и Фрейд, мировоззрение менталистов, основанное на логической ошибке, привело к весьма противоречивым результатам: так, например, чувствам и эмоциям было отведено вполне заслуженное место в человеческой жизни, но при этом методологическая задача формулирования гипотез в проверяем форме решена не была. Вследствие этого никакой науки о дуй сравнимой с естественными науками, создано не было. Такими неровными, хотя и в другом отношении, были результаты эпифеноменалистов, которые обычно действуют под флагом крайнего бихевиоризма. Несмотря на то что требование к формулированию проверяемых гипотез было действительно соблюдено, тем не мен издержки этого подхода оказались слишком велики. Все наиболее интересные феномены субъективного опыта человека остались его рамками; более того, оказалось, что данная теоретическая схема мало что дает врачам-практикам и другим специалистам, имеющим дело с обычными людьми с их повседневными проблемами.
С нашей точки зрения, нельзя относить к эпифеноменалистам всех, кто в своих исследованиях следует стратегии бихевиоризма. Напротив, многие из них занимают позицию, подобную той, которую немало лет назад высказал Дж.С. Холдейн (Haldane, 1936). В стоящее время, объясняют они, мы не занимаемся чувствами, смыслами, сознательным контролем и тому подобными явлениями, бы важны они ни были. Мы не занимаемся ими по той прост причине, что до сих пор нам непонятно, каким образом в рам логически цельной системы научного мышления можно сочетать факты, относящиеся к перечисленным выше явлениям, с матери лом совсем другого рода — данными биологических и поведенческих исследований. Когда-нибудь, продолжают они, наступит время заняться этими проблемами, а пока эта область, по-видимому, лежит вне пределов «искусства достигать возможного».
Хотя эта позиция, безусловно, разумна, врачи-клиницисты, будь то психиатры или неврологи, считают ее нецелесообразной. Ежедневно врач-практик имеет дело с тем, что пациент рассказывает ему об опыте своих субъективных переживаний: о том, что у него болит желудок или немеет нога, или о том, что он думает и чувствует в отношении своих родителей, начальника, подруги. Такие отчеты о личных переживаниях из первых уст являются неотъемлемой частью медицинской практики.
Но если врачу-клиницисту все же требуется принять какую-то точку зрения, то какую именно? Как он должен представлять себе соотношение личного и общественного, субъективного и объективного, чувства и материи, тела и души?
Принятая нами здесь точка зрения (хотя и с некоторой долей осторожности, необходимой на поле, усыпанном камнями) хорошо выражена в книге Лангер (Langer, 1967), посвященной этой проблеме. Лангер использует фрагмент из размышлений невролога, где тот пытается понять механизм произвольного управления мышцей. «Нас будет интересовать именно чувство, которое испытывает пациент, — пишет Гудди (Gooddy, 1949), — потому что пациенты с нарушением произвольных движений обычно жалуются на симптомы расстройства чувствительности». «Когда я пытаюсь двигать рукой, у меня возникает какое-то странное ощущение». «Размышляя об этом явлении, Гудди отмечает, что в естественном языке слова «чувствую», «кажется», «немеет», «неудобно», «тяжелый», «беспомощный», «напряженный» и другие используются для описания того, что является нарушением двигательной функции». Затем Гудди задает трудный вопрос о том, каким образом нейрофизиологические явления могут «проникнуть в сферу чувств».

Далее Лангер замечает, что «чувствовать» — это глагол, говорить же, что чувство — это то, что человек чувствует, неверно: «явление, которое мы обычно называем «чувством», на самом деле представляет собой действие: организм что-то чувствует, т.е. что-то им переживается, осознается. Осознается некий процесс... происходящий внутри организма». Это ведет к основному положению Лангер: «*Чувство,* — заключает она, — *это свойство самого процесса*» (курсив мой).

Под «свойством» Лангер подразумевает одно из множества проявлений, которые нельзя ни привнести извне, ни отнять от носителя этого свойства. В качестве примера она рассматривает нагревание и охлаждение железа:

«Когда железо нагревается до некой критической точки, оно становятся красным; тем не менее его краснота не является чем-то вновь возникшим, что можно отделить от железа и поместить в другое место. Это свойство самого железа, которое проявляется при высокой температуре.

Как только чувство начинают рассматривать в качестве свойства физиологического процесса, а не его продукта, т.е. не как нечто новое и метафизически отличное от него, противоречие между физическим и психическим исчезает».

Следовательно, продолжает Лангер, этот вопрос перестает быть вопросом о том, «каким образом, оставаясь в рамках физической системы, можно преобразовать физический процесс в нечто не физическое. Он превращается в вопрос, каким образом достигает свойство осознания и как этот процесс может снова стать неосознаваемым».

Хотя точка зрения Лангер создает удобную позицию для подхода к данной проблеме, она, тем не менее, оставляет нас довольно далеко от ответа на поставленный вопрос. Действительно, как появляется свойство осознания? И каким бы трудным ни был этот вопрос[1], он связан с другим, на который легче найти ответ и который имеет более прямое отношение к рассматриваемому нами положению. Итак, что представляют собой процессы, приобретающие осознанный характер?

---

[1] Хотя в настоящее время эта проблема представляется неразрешимой, настанет день, когда она, возможно, станет доступной исследованию. Тастин, инженер-электрик, проводит такую историческую параллель: «Не так уж давно человек соединил между собой детали из железа, меди и хлопчатобумажную ветошь и впервые построил особый механизм — динамомашину, при вращении которой возни новое явление — электричество. Динамомащина, как говорится, дала жизнь электричеству. Она позволила обнаружить явление электричества, которое до того редко проявлялось и нигде прежде не признавалось. Теперь мы знаем, что существу тесные связи между особой конструкцией «механических» компонентов и облает электричества. И сами эти механические компоненты теперь в первую очередь с дует воспринимать как источник электричества и только потом — как собственно механическую систему. Однако в конечном счете эти две области едины.

Возможна ли аналогия между динамомашиной и мозгом? Явления электричества не признавались до тех пор, пока особая механическая конструкция не обнаружила их как нечто такое, что больше нельзя было игнорировать при описании реальности. Не может ли аналогичным образом эволюция мозговых структур, доступная осмыслению в рамках механистической концепции, обнаружить редкую связь феноменами совсем другого рода, требующими биологического осмысления? Е такая мысль близка к истине, то есть основания надеяться, что упорные исследования могут в конце концов привести нас к пониманию этих явлений, даже если такого рода объяснение не будет соответствовать понятиям современной физики» (Tastin 1953).

ПРОЦЕССЫ, ПЕРЕЖИВАЕМЫЕ В ФОРМЕ ЧУВСТВ

В конце предыдущей главы подчеркивалось, что сенсорные данные, несущие информацию об окружающей среде и поступающие к организму через органы чувств, немедленно оцениваются, регулируются и расшифровываются (интерпретируются). Только после этого можно определить, имеют ли они какое-либо значение для действия. То же самое справедливо и в отношении сенсорных данных, сигнализирующих о внутренних состояниях организма. После определения их общего значения для действия немало дополнительной информации может подвергаться оценке еще до осуществления скоординированного действия. Сюда, в частности, входит оценка возможного влияния результатов различных действий на ситуацию в окружающей среде, а также на сам организм. Более того, даже после начала скоординированного действия процессы оценки не прекращаются. В первую очередь контролируется сам процесс выполнения действия, а в конечном итоге оцениваются и фиксируются для дальнейшего учета результаты, к которым приводит действие.

Каждый из этих оценочных процессов, по-видимому, может достигать уровня, на котором будет ощущаться (being felt). Мы рассмотрим их по отдельности. В то же время следует подчеркнуть, что на самом деле не все оценочные процессы можно чувствовать. Поэтому в ходе знакомства с дальнейшим изложением нужно постоянно иметь в виду, что хотя оценка является неотъемлемым компонентом любой системы управления, однако чем сложнее система, тем большее значение в ней приобретает такая оценка. И это не зависит от того, ощущается ли оценочный процесс или нет, — последнее составляет отдельный вопрос. Так же, как стая дельфинов, которая то исчезает, то появляется, некоторые оценочные процессы могут изменять свое свойство: в одни моменты подниматься выше порога осознания, а в другие — опускаться ниже его. В то же время иные процессы (их можно сравнить с поведением трески) могут постоянно находиться ниже этого порога, пока необычные обстоятельства не привлекут к ним внимание.

Одна из трудностей в этом вопросе связана с тем, что все виды процессов оценки могут осуществляться на разных уровнях. Так, например, поступающая сенсорная информация может подвергаться весьма приблизительному распознаванию и грубой интерпретации, а осознаваемое содержание оставаться слабо дифференцированным; и, напротив, информация на входе может подвергаться тщательному распознаванию и расшифровке, а осознаваемое содержание достигать высокого уровня дифференциации. Более того, некоторые последовательности поведенческих реакций, особенно тех что организованы в форме рефлексов или паттернов фиксированного действия, будучи приведены в действие, могут выполняться без какой-либо дальнейшей оценки. Затем главное внимание мы уделим поведению, которое имеет более точную и сложную (дифференцированную) организацию.

За последние двадцать лет множество данных, имеющих отношение к этим проблемам, было получено нейрофизиологами с помощью методов удаления отдельных участков мозга и записи с микроэлектродов, помещенных с большой точностью в определенных точках мозга, а также при помощи метода прямой стимуляции мозговых зон, в том числе зон человеческого мозга во время проведения хирургических операций. В результате была получена намного более точная картина организации и деятельности мозга, в частности, была установлена роль ядер среднего мозга и лимбической системы в организации поведения, в оценке внутренних состояний организма и ситуаций во внешней среде (MacLean, 1960). Значения этой работы для разработки теории чувств и эмоций было подробно рассмотрено в исследовании Арнольд (Arnold, 1960). В ее двухтомной книге «Эмоции и личность» также содержится обширный обзор психологической литературы. В написании этой главы я весьма обязан исследованиям Арнольд, особенно полезным оказал введенный ею термин «оценка» (оценивание)[1].

---

[1] Хотя, формулируя свои идеи, Арнольд не использует терминов теории управления, тем не менее большую их часть нетрудно выразить с помощью понятий этой теории. Серьезный недостаток ее позиции заключается в том, что она не различает понятий «функция» и «установочная цель» (см. гл. 8). В результате некоторые ее формулировки несут на себе отпечаток телеологии. Кроме того, я не согласен с предложением различать «инстинкты», например кормление и спаривание, которым «могут актуализироваться даже в отсутствие подходящего объекта», и «эмоции», например гнев и возбуждение, которые возникают только «после того, как произошла оценка объекта». Считается, что активация всех этих видов поведения происходи в результате различных сочетаний всех пяти причинных факторов, обсуждавшихся в предыдущей главе, тогда как классификация, предложенная Арнольд, представляется достаточно условной.

Расшифровка и оценка поступающей сенсорной информации

Сенсорная информация имеет два основных вида: информация первого вида относится к внутреннему состоянию организма, второго — к состоянию окружающей среды. Чтобы информация обоих видов была полезной, необходима ее расшифровка и оценка. Начнем наш анализ с информации, сигнализирующей об изменениях в окружающей среде.

Как только начинает поступать поток сенсорной информации, она подвергается оценке и регулированию (см. гл. 6). Если она сразу же не отбрасывается, происходит ее расшифровка. Сама по себе сенсорная информация не обеспечивает необходимый результат: с одной стороны, ее количество избыточно, и поэтому из ее общего потока необходимо отбирать нужную; с другой стороны, она недостаточна и ее следует дополнять соответствующей информацией из памяти организма. Только таким образом необработанная сенсорная информация, получаемая из окружающей среды, преобразуется в восприятие объектов, взаимодействующих друг с другом в пространстве и времени. Обладая большим запасом необходимой информации о внешнем виде и среде обитания птиц и среде произрастания растений, опытный натуралист видит значительно больше, чем неискушенный наблюдатель. В восприятии, так же как и везде, «воздастся тому, кто имеет».

Сенсорная информация, поступающая от самого организма, проходит процессы отбора и дополнения, основанные на сравнении. Ощущение горячего, холодного или голода — не просто ощущения, а свойства поступающей сенсорной информации, возникающие в процессе ее оценивания. Иногда такие оценки бывают ошибочными: то, что сначала расценивалось как очень горячее, позднее может вполне справедливо быть оценено как очень холодное.

Арнольд подчеркивает, что весьма часто расшифрованная и получившая оценку информация независимо от того, поступила ли она из окружающей среды или из организма, по сути дела, воспринимается с точки зрения своего значения — как доставляющая удовольствие или неудовольствие, приятная или противная, привлекающая или отталкивающая. Если из организма поступает крайне неприятная информация, она переживается как боль; иногда то же самое происходит в отношении информации экстероцептивного происхождения, например мучительно громкого звука.

Довольно часто чувство, связанное с оценкой, относится к какому-нибудь качеству человека или объекта из внешней среды — «приятный человек», «отвратительный запах». В других случаях вместо внешней атрибуции чувство относят к состоянию самого организма — «я чувствую себя как-то странно».

Грубая сортировка информации на доставляющую удовольствие или страдания, приятную или отталкивающую происходит в результате сравнения информации с внутренними установками-эталонами (set-points) или стандартами. Некоторые из этих стандартов могут не меняться в течение всей жизни; но чаще они изменяются таким образом, что отражают наличное состояние организма. Например, обонятельная информация расценивается как приятная, когда мы голодны, но она может восприниматься нами как неприятная, если мы сыты. Подобные сдвиги в стандартах нередко происходят при оценке информации, относящейся к температуре, в зависимости от того, тепло нам в данный момент или холодно.

Если принять во внимание такого рода сдвиги — как временные, ситуативные, так и закономерные, — очевидно, можно констатировать, что многие установки в отношении

оценки сенсорной информации из внешней среды имеют стабильный характер и мало чем отличаются у разных особей. Однако имеются и лабильные установки, причем в этом случае они хотя бы отчасти бывают обусловлены прошлым опытом. По этой причине их называют приобретенными вкусами.

Вслед за расшифровкой и оценкой информации как приятной или отталкивающей обычно возникают те или иные формы поведения. Они будут направлены на то, чтобы сохранить что-то получившее положительную оценку, тогда как все неприятное вызовет попытки устранить его или избежать с ним контакта.

Таким образом, оценка является сложным процессом, в котором можно выделить два этапа: а) *сравнение* информации со стандартами, которые выработаны организмом на протяжении жизни; б) *выбор* форм поведения с учетом результатов предшествующих сравнений.

Многие базовые стандарты, используемые для сравнений, а также многие простейшие формы поведения, связанные с приближением и уходом (избеганием), которые следуют за сравнением, имеют стабильный характер, неизменный в разных условиях внешней среды. Поэтому многие из этих форм поведения можно отнести к инстинктам. Подавляющая часть этого поведения, безусловно, способствует выживанию биологических видов, поскольку то, что расценивается как «приятное», обычно полезно для животного и наоборот. Тем не менее это всего лишь констатация статистической вероятности, тогда как вопрос о ценности любой конкретной формы поведения для выживания вида — это отдельная и сама по себе важная проблема, обсуждению которой отводится следующая глава.

Сенсорная информация, поступающая из организма, может быть многих видов. Некоторые ее виды после расшифровки и оценки приводят к появлению желания — например, желания тепло одеться или подышать свежим воздухом, поесть, пообщаться с представителем противоположного пола. О том, каким образом можно понять этот процесс, речь пойдет далее.

Более точные оценки, относящиеся к людям и предметам: эмоции

Расшифрованная сенсорная информация из окружающей среды классифицируется не только приблизительно, с точки зрения соответствия весьма общим категориям — как доставляющая удовольствие или страдание, приятная или неприятная, — но также отчасти она подвергается и более тонкому анализу. Особое значение в контексте нашего обсуждения имеет отнесение расшифрованной информации к категориям, которые могут сигнализировать об активации той или другой системы, управляющей инстинктивным поведением. (Сама по себе активация системы зависит от других факторов, например, от уровня содержания гормонов, а также сигналов, поступающих из организма.) В ходе такой категоризации субъект, очевидно, испытывает те или иные эмоции — беспокойство, страх, гнев, голод, вожделение, горе, вину или другие, аналогичные им чувства, — в зависимости от того, какая система управления поведением была активизирована.

Трудно с уверенностью судить, в каком именно звене последовательных процессов оценки информации и активации поведения возникает эмоциональное переживание. На самом деле с этим вопросом связано много споров, например Джемс и Ланге высказывали точку зрения, согласно которой эмоции возникают только после начала поведения и что они являются всего лишь результатом телесных проявлений, ощущаемых благодаря обратной связи, идущей от произвольных мышц и процессов во внутренних органах. Разумеется, нет никакого сомнения в том, что после начала поведения действительно очень часто возникают эмоции: убегая, мы испытываем испуг; набрасываясь на врага, мы чувствуем гнев; запаздывая с приготовлением пищи, мы испытываем голод. Можно также не сомневаться в том, что обратная связь от произвольных мышц (но вряд ли от внутренних органов) усиливает эмоцию: агрессивная поза, очевидно, укрепляет мужество. И все же доказательства такого рода едва ли имеют существенное значение для решения этого вопроса, так как все равно остается возможность возникновения чувства в самом

начале поведенческой реакции или даже вместо нее (Pribram, 1967)[1]. Например, весьма вероятно, что эмоционально переживается уже сам процесс оценки человека (или предмета, или ситуации) как требующего той или иной формы реагирования. В таком случае центральные процессы, регулирующие поступление сенсорной информации в соответствии с результатами первоначальной оценки, обычно сопровождаются эмоциями.

[1] Прибрам указывает, что слово «эмоция» происходит от латинского «emavere», что означает «быть вне» или «вдали от» движения.

Данное положение подтверждается тем, что, еще не начав действовать, мы уже склонны характеризовать окружающую нас среду с точки зрения потенциально возможного поведения, например мы говорим: «привлекательная женщина», «страшная собака», «аппетитная еда», «отвратительный человек», «милый малыш». Более того, избранная нами форма поведения обычно сначала определяется только в самом широком смысле. Поэтому нередко бывает так, что, будучи кем-то рассерженным, мы потом долго размышляем по поводу дальнейших действий. При этом часто проводится анализ разных альтернативных планов, их потенциальных возможностей (на основе моделей окружающей среды и организма), а также оцениваются последствия реализации каждого плана. Только после этого начинается осуществление какого-то определенного плана. Тем не менее чувство гнева мы испытываем с самого начала.

Гипотеза о том, что сам процесс категориальной оценки компонентов окружающей среды с точки зрения определенной формы поведенческого реагирования на них переживается как имеющий соответствующую эмоциональную окраску, находит свое подтверждение в материале, касающемся сновидений. Эмоционально окрашенные сновидения всегда связаны с действием, но человек, который видит сон, обычно остается пассивным. Только если переживаемое чувство становится очень сильным, он может вскрикнуть или начать действовать как будто наяву.

Тот факт, что чувство можно испытать во сне, напоминает нам, что не все процессы, сопровождающиеся эмоциональным переживанием, связаны с реагированием на внешнюю среду. Как уже отмечалось ранее, поступающая сенсорная информация, пройдя стадию расшифровки, может привести к возникновению какого-либо стремления, желания. Это значит, что сенсорная информация, идущая из организма, точно так же, как информация, поступающая на внешней среды, может быть отнесена к категории, приводящей в действие систему, управляющую инстинктивным поведением. Аналогичным образом процессы категоризации и активации обычно сопровождаются тем или иным эмоциональным переживанием в зависимости от того, к какой категории будет отнесена расшифрованная информация.

Оценка поведения с точки зрения процесса его реализации

Вместе с активацией системы, управляющей поведением, начинается процесс контроля над осуществлением последовательности поведенческих реакций, причем так происходит всегда, если в основе поведения лежит какой-то план. Чувство может меняться в зависимости от того, оценивается ли течение процесса как плавное, сбивчивое или вовсе застопорившееся. При этом спектр испытываемых чувств колеблется в широком диапазоне — от приятного оживления, когда все идет хорошо, через недовольство, когда процесс идет неважно, вплоть до сильной фрустрации, когда он заходит в тупик. Контролируется не только процесс осуществления деятельности в целом, но и каждый ее отдельный компонент. Это можно показать на примере данных, полученных Гудди, на которые мы уже ссылались. Пациенты часто жалуются на сенсорные симптомы — чувство «онемения», «неповоротливости», «напряженности» и т.п., которые свидетельствуют о том, что сенсорная обратная связь, поступающая от произвольных

мышц, в том или ином отношении нарушена. И наоборот, когда наша мышечная система функционирует нормально, мы обычно испытываем чувство телесного комфорта.

Оценка результатов поведения

Результаты поведения подлежат контролю и оценке.

Результаты отдельного фрагмента поведения могут быть разными (см. гл. 8) и, возможно, не все они поддаются контролю. В частности, отдаленные по времени результаты могут остаться незамеченными. Среди контролируемых результатов можно выделить, по крайней мере, два вида (оба краткосрочные, т.е. непосредственные результаты поведения), каждый из которых часто отражается в форме какого-либо чувства.

Один вид относится к таким изменениям в окружающей среде и/или в состоянии организма, которые происходят сразу же по окончании поведения. Такие изменения определяются сенсорной информацией, которая, как обычно, еще до оценки, должна пройти расшифровку. Когда процессы оценки применяются к результатам, они часто воспринимаются в форме ощущений приятного или болезненного, привлекательного или отталкивающего, хорошего или плохого.

Второй вид непосредственных результатов связан с тем, была ли достигнута установочная цель. Оценка этих результатов часто воспринимается в форме удовлетворения или разочарования (фрустрации).

Различие между этими двумя видами непосредственных результатов можно проиллюстрировать, например, таким высказыванием: «Я рад, что достиг вершины, но открывающийся с нее вид меня разочаровал».

Постоянный контроль над поведением и его результатами необходим в том случае, если организму требуется научение, являющееся большой и противоречивой областью поведения, выходящей за рамки этой книги. Однако можно заметить, что чем сильнее чувства, сопровождающие процесс оценки, а следовательно, чем острее восприятие результатов какого-то поведения как приятных или болезненных, тем, вероятно, быстрее происходит научение и тем прочнее оказывается оно в результате. Поскольку формирование отношений привязанности обычно сопровождается сильными положительными эмоциями, неудивительно, что эти отношения часто формируются очень быстро и после этого сохраняются в течение длительного времени. Как говорит об этом Гамбург (Hamburg, 1963), «этому легко научиться, но трудно забыть».

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ПРИЧИНОЙ ПОВЕДЕНИЯ ЧУВСТВО ИЛИ ЭМОЦИЯ?

Широко распространено представление о том, что аффект, чувство или эмоция в определенном смысле являются причинами поведения, т.е. могут вызывать наши действия. Это заложено во многих разговорных фразах типа «из чувства патриотизма он поступил таким-то образом» или «она сделала это из-за ревности». Такое представление глубоко укоренилось и в психоаналитическом мышлении (несмотря на то, что Фрейд отвергал его в своих последних работах)[1]. Обоснованно ли такое представление? И если да, то в каком смысле?

---

[1] В своем интересном обзоре Рапапорт (Rapaport, 1953) описывает три этапа в развитии теории Фрейда об аффектах. На первом этапе, когда основным было понятие катарсиса, аффект отождествлялся с количеством психической энергии (позднее осмысленным как «влечение-катексис»): здесь аффекту прямо отводилась роль причины поведения. На втором этапе аффекты мыслились как альтернативы поведению: они выполняли «функцию предохранительного клапана, когда разряд влечения-катексиса под влиянием влечения-действия наталкивается на сопротивление» (Rapaport, 1953). На третьем этапе, связанном с работой «Торможение, симптом и страх» (Freud, 1926), аффекты представлены «в качестве функции Эго и как таковые больше не являются

предохранительными клапанами, а используются как сигналы, подаваемые Эго» (Rapaport, там же). Эта концепция близка к той, которая получила развитие в данной главе.
В рамках психоналитической теории, конечно же, продолжают использоваться такие термины, как «влечения» и «энергетические уровни»; и несмотря на то, что Фрейд изменил свою точку зрения по вопросу об аффектах, психоаналитическая теория иногда все-таки представляет аффект как нечто, что можно «сдержать», «выпустить» или «разрядить». Неудивительно поэтому, что в медицинских кругах аффект все еще иногда рассматривается как своего рода «движущая сила».

Если принятая в этой книге точка зрения правильна, то чувство — это свойство процесса оценивания, в какой-то степени оно аналогично свойству железа краснеть при нагревании. Поэтому, рассматривая нашу проблему, сначала нужно провести границу между чувством и процессами, свойством которых оно является. Легче начать с процессов.
Проще говоря, в причинной обусловленности любой конкретной формы поведения процессы оценки сенсорной информации (независимо от ее источника — им может быть и окружающая среда, и организм, а чаще все вместе) и процессы выбора подходящей формы поведения теснейшим образом связаны. Например, среди причин, побуждающих человека к такой последовательности поведенческих реакций, которая требуется, чтобы утешить плачущего младенца, необходима оценка младенца как существа, нуждающегося в утешении. Ведь оценка в данном случае может быть совсем другой: на плачущего младенца можно не обращать внимания или даже прикрикнуть. Оценка сенсорной информации играет аналогичную роль в причинах, например, такой простой реакции, как резкое отдергивание руки от горячей поверхности.
Отсюда следует вывод, что необходимо признать каузальную роль процессов расшифровки и оценки сенсорной информации в возникновении любого поведения. Как и другие причинные факторы, которые мы уже обсуждали, они составляют необходимое, но часто недостаточное условие[1].

---

[1] Анализ каузальной роли процессов оценки привел Томкинса к утверждению в его двухтомном труде «Аффект, образы, сознание» (Tomkins, 1962—1963), что «аффекты образуют основную мотивационную систему», при этом мотив определяется как «сообщение о реакции, поступающее по каналам обратной связи».

Следует ли также и чувствам, которые мы считаем свойством процесса оценивания, приписывать роль причины, — вопрос гораздо более трудный. В приведенном примере человек будет испытывать сочувствие к ребенку (в противоположность, скажем, раздражению или гневу), если он сочтет, что ребенок нуждается в утешении. Тем не менее остается неясным, необходимо ли само сочувствие, чтобы вызвать соответствующее поведение. Например, для некоторых матерей утешение плачущего ребенка может быть настолько привычным, что ее действия не сопровождаются какими-то особыми чувствами. Если бы мы на этом заканчивали обсуждение данного вопроса, то должны были бы признать, что роль чувств или эмоций как причин поведения крайне мала или отсутствует вовсе.
Однако многие матери очень сильно сопереживают своему плачущему младенцу, и достаточно даже случайного взгляда, чтобы понять их чувства, когда они успокаивают своего малыша. Например, мать может сильно волноваться за ребенка. Если это правильная оценка, то как следует определить ее влияние?
Чувство, внимание и осознание «идут» рядом. Поэтому вопрос, встающий перед нами, — это частный аспект более широкой проблемы: добавляет ли осознание человеком своих

действий что-то к самому процессу и если да, то что? Однако обсуждение этой проблем мы вывело бы нас за пределы этой книги. Тем не менее достаточно определенно можно утверждать, что, если чувство не слишком сильное, оно сопровождается живым вниманием, тонким перцептивным различением, обдуманным (хотя и необязательно хорошо взвешенным) планированием поведения и прочным усвоением результатов.
Таким образом, независимо от того, осознаются ли процессы оценки или нет, они имеют значительные последствия для поведения. В частности, их осознание представляется особенно важным при необходимости какой-либо переоценки или изменении стандартов (критериев оценки), или моделей окружающей среды и организма, или изменении поведения в будущем. Врачам хорошо известно, что положительных сдвигов в состоянии пациента можно ожидать только после того, как пациент осознает, что и как он чувствует.
Однако нельзя сказать, что само чувство играет роль причины, в возникновении *данного* поведения. Потому что если принятая нами точка зрения правильна, то из нее следовало бы, что в наиболее тонкие процессы оценки и переоценки могут происходить только тогда, когда возникает осознаваемое чувство. Но такой вывод был бы аналогичен тому, что определенные действия с железом возможны только тогда, когда оно краснеет. В этом случае чувство играло бы роль причины ничуть не больше, чем красный цвет железа.
На этом мы должны закончить обсуждение данного вопроса. Оценочные процессы, в которых чувство может присутствовать в качестве их свойства, безусловно, играют роль причины. Но в какой степени и каким образом само чувство играет такую роль, не установлено.
Тем не менее мы все еще употребляем такие фразы, как «он поступил так из чувства патриотизма» или «она сделала это из-за ревности». Как в таком случае следует их понимать?
Этот вопрос рассматривается Райлом (Ryle, 1949), утверждающим, что, к примеру, такая фраза, как «Том поступил так из-за ревности», описывает не причину поступка Тома, а только то, что в обыденной речи можно было бы назвать основанием для его действий. Объясняя разницу между причиной и основанием, Райл в качестве примера использует удар камня, разбивающий стекло. «В этом случае можно говорить об «объяснении» [такого] результата по крайней мере в двух совершенно разных смыслах», — замечает Райл. В ответ на вопрос, почему разбилось стекло, можно сказать: «Потому что камень ударил по стеклу» или «Потому что стекло хрупкое». Однако только первый ответ затрагивает причину: в этом случае объяснение дается с точки зрения произошедшего: камень ударил по стеклу и разбил его, став причиной такого результата. Во втором варианте ответа, наоборот, ссылки на произошедшее нет, следовательно, причина не указана. Вместо этого во втором ответе приводится только «гипотетическое утверждение общего плана относительно свойств стекла»: если резко ударить по стеклу, оно разлетится на кусочки, а не растянется, не испарится и не останется целым. Поскольку это высказывание условно, в нем, конечно, ничего не говорится, почему в какой-то момент стекло разлетелось на кусочки; вместо этого в нем утверждается, что при определенных условиях так обычно происходит. Здесь, следовательно, не указана причина, хотя и приводится какое-то основание.
Высказывание «Том укусил свою сестренку из-за ревности» с логической точки зрения эквивалентно высказыванию «Стекло разбилось, потому что оно хрупкое» и само по себе также не объясняет причину действия. Райл указывает, что существительное «ревность» несет в себе значение некоторой тенденции, склонности: при определенных обстоятельствах, например, если мать уделяет внимание маленькой сестренке, а не Тому, он *скорее всего* рассердится на девочку, вместо того чтобы с удовольствием играть с ней или ласкать ее. На самом деле это высказывание ничего не сообщает нам о каких-то конкретных случаях, когда Том кусал сестру: в нем лишь сообщается, что при определенных обстоятельствах такое действие может иметь место.

Поскольку недопонимание подобного рода может быть существенным в рамках клинической теории, имеет смысл проанализировать высказывание о Томе и его сестре с точки зрения представляемой в этой книге теории. Можно сказать, что Том склонен оценивать некоторые ситуации таким образом, что у него активизируется система управления поведением, связанная с попыткой напасть на сестренку и укусить ее. Более того, можно хотя бы приблизительно указать на те условия, которые приводят к такой оценке и активизируют соответствующее поведение. Очевидно, они представляют собой сочетание двух обстоятельств: с одной стороны, это ситуация, когда мать уделяет внимание сестре, а не Тому, а с другой стороны, это определенное состояние Тома (также в свою очередь вызванное какими-то конкретными условиями), например, из-за отцовского отказа в чем-то, усталости или чувства голода. Сочетание этих условий приводит к тому, что выносится определенная оценка, активизируется соответствующая система управления поведение ем, и Том кусает свою сестру.
Возникает вопрос, что именно в таком случае в рамках данной теории обозначается словом «ревность», если взять исходное высказывание? Склонность «ревновать» в этом контексте относится не к поведению Тома, а к имеющимся у него структурам, которые приводят его к определенной оценке ситуации, а затем к описанному действию. Поэтому сказать, что «Том укусил свою сестренку из-за ревности», значит допустить неточность, свойственную сокращенному характеру разговорной речи.
Но каким бы неточным ни было это высказывание, оно удобно, поскольку позволяет свидетелю этой сцены говорить о Томе и его поведении, не вдаваясь в казуистику предыдущего раздела. В конце этой главы мы вернемся к несомненному удобству простого языка чувств. Но прежде рассмотрим экспрессивную ролы чувств — роль, которая имеет величайшее значение и которая не столь сложна и противоречива, как вопросы, рассматриваемые в этом разделе.

КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ

В повседневной жизни мы довольно точно можем определить, как чувствуют себя наши друзья и даже (хотя и с меньшей уверенностью) знакомые и незнакомые люди. При этом мы основываемся, на наблюдениях за выражением их лица, позой, тоном голоса, физиологическими проявлениями, скоростью движений и намечающимся действием — все это с учетом конкретной ситуации. Чем сильнее чувство, переживаемое нашим собеседником, и чем яснее ситуация, тем с большей уверенностью мы можем установить, что» происходит.
Одни люди, безусловно, наблюдательнее и точнее, чем другие, точно так же об одних людях судить легче, чем о других. Тем не,, менее любой наблюдатель, конечно же, часто ошибается из-за неоднозначности выражения лица человека или неверного понимания ситуации, или из-за какого-то невольного заблуждения. И все же большинство наблюдателей гораздо чаще успешно распознают чувства, чем допускают ошибки[1].

---

[1] Явные недостатки экспериментов, целью которых было показать, что оценки эмоциональных проявлений на основе наблюдения не согласуются и безнадежно неточны, обсуждались Хеббом (Hebb, 1946a) и Арнольд (Arnold, 1960). Эти недостатки состояли в том, что наблюдателей ограничивали просмотром фотографий и короткометражных фильмов, где фигурировали незнакомые люди, запечатленные вне социального контекста. Хебб отмечает, что, поскольку эмоциональные проявления отражают изменения в характере реагирования, для диагноза требуется возможность наблюдать, как с течением времени изменяется поведение какого-либо человека. С учетом этого Гамбург и его коллеги (Hamburg et al., 1958) продемонстрировали, что когда независимых наблюдателей просят установить уровень эмоциональных состояний пациентов во время бесед с ними, которые проводятся в течение четырех дней подряд по три часа в день, достигается

высокий уровень согласия оценок. Обученные наблюдатели приходят к согласию относительно того, какая эмоция доминирует в каждом отдельном случае и каков уровень ее интенсивности. Это согласие особенно ярко проявляется в отношении изменения направленности эмоции.

Каков же тогда критерий успеха? Ответить на этот вопрос не так просто, потому что, приписывая человеку какое-то чувство, мы выносим одно или два разных суждения. С одной стороны, мы можем прогнозировать его поведение, с другой стороны, мы можем предположительно утверждать, что и как он чувствует. Для одних целей важен только прогноз поведения; для других — вопрос о том, осознает ли человек свои чувства и поведение, тоже существен.

Начнем с рассмотрения чувства как основы для прогнозирования поведения, отчасти потому, что такой прогноз находится в сфере, поддающейся проверке, а отчасти потому, что обычно его игнорируют (исключение составляют этологи).

Распознать, что человек испытывает то или иное чувство, — значит предсказать его последующее поведение. Так, например, сказать, что человек (или животное) «одержим любовью», «разгневан» или «испуган», значит предвидеть, что в ближайшее время от него можно ожидать вполне определенное поведение, разумеется, при условии, что сама ситуация останется неизменной.

Слова, описывающие чувства, легко сгруппировать в соответствии с видом прогноза, который они несут. Слова «одержимый любовью», «разгневанный» и «испуганный» принадлежат к одной группе, потому что в каждом случае прогноз краткосрочный, достаточно точный и ограниченный рамками конкретной ситуации. Такими словами обычно обозначают эмоции. В отличие от них имеются слова, обозначающие настроения, — например, человек может быть «восторженным», «подавленным» или «безнадежным», «веселым», «уверенным», «спокойным». Когда суждение касается настроения человека (или животного), прогноз имеет более общи, характер, чем в случае с эмоцией: он относится к типам реакций которые могут проявиться в связи с одной из многих ситуаций на£ протяжении более длительного периода времени, например, в течение дня, но возможно, и в течение недели или дольше. В некоторых случаях слова, обозначающие настроение, используются дл указания на особенности стиля поведения человека, характерного для него на протяжении весьма длительного времени, — тогда эти слова относятся к свойствам его темперамента.

То, что слова, обозначающие чувства, содержат в себе прогноз поведения, означает, что их можно употреблять в строго научно,— смысле не только по отношению к людям, но также и по отношению к животным. Фактически они позволяют кратко выразить то что иначе звучало бы многословно, нескладно и довольно неточно. Хебб (Hebb, 1946a) одним из первых указал на это. В исследованиях поведения шимпанзе, где сравнивались различные способы описания состояния животного, было обнаружено, что хорошее прогнозирование поведения достигалось тогда, когда исследователь пользовался «откровенно антропоморфическими понятиями эмоций»; в то время как попытки дать более подробное, «объективное» описание приводили лишь к перечислению поведенческих актов, бесполезному для прогноза.

Ключевые признаки, используемые для распознавания эмоций и, прогнозирования, связаны с несколькими поведенческими реакциями. Некоторые из них — особые социальные сигналы, такие, например, как улыбка или плач. Другие — движения намерения или аналогичные им физиологические реакции. Третьи — смещенные действия (см. гл. 6). Хебб убедительно доказывает, что мы узнаем чем одна эмоция отличается от другой, вовсе не на основе некоего интуитивного постижения собственных чувств, а в результате наблюдений за эмоциональным поведением других людей. Только после этого

мы начинаем применять к себе те категории, который узнали на примере эмоционального опыта других.
То, что чувства собеседников, воспринимаемые человеком, позволяют прогнозировать их поведение, конечно, облегчает ему задачу своего поведения по отношению к ним. Это же справедливо и для представителей других биологических видов, особенно приматов. Какое-либо животное, человек или человекообразная обезьян только тогда способны участвовать в жизни своего сообщества,- когда могут довольно точно определять настроение другого члена; сообщества: иначе они способны принять миролюбивое животное за врага, а в рассвирепевшем — не увидеть опасности. На самом деле, большинство особей с возрастом научается делать правильные прогнозы, отчасти, вероятно, благодаря врожденным механизмам, а частично из-за того, что ошибки вскоре обнаруживаются и создается масса возможностей учиться на них. В клинической практике большое прогностическое значение открыто выражаемых чувств и эмоций очевидно. Так же ценны и сообщаемые пациентом сведения о своих чувствах, особенно когда они касаются его оценки ситуации и дальнейших намерений.
Для человека то, что он чувствует, — это отражение его отношения (оценки) к окружающему миру и самому себе, это оценка конкретных ситуаций и тех форм поведения, которые активизируются у него время от времени. Таким образом, чувство обеспечивает субъекту контроль над поведением (а также над его физиологическим состоянием). Он может замечать и сообщать об этом; и в меру своих возможностей, естественно, использовать язык чувств. Этим объясняется особое значение языка чувств в клинической практике.
Маловероятно, что в нашем присутствии пациент делает то, что на самом деле хочет. Он может очень сильно сердиться на свою жену, но вряд ли мы увидим, что он на нее набросится. Пациент может вспоминать время, когда сильно тосковал по своей матери, но при этом мы не заметим, чтобы он пытался ее искать. Или он может ревновать к нам другого пациента, однако мы не станем свидетелями сцены выпроваживания последнего из кабинета. Другими словами, системам, управляющим такими формами поведения, не дано действовать автономно. Тем не менее они находятся в состоянии активации, и в силу этого их можно контролировать. Поэтому пациент, проникнувший в свои чувства, может сообщить нам, что он сердится на свою жену, все еще оплакивает свою мать и ревнует нас к другому пациенту. А если он не способен понять свои чувства, мы можем на основе его поведения и высказываний сделать вывод о том, какие системы управления поведением у него активизированы в данный момент. Мы можем также сообщить ему наши выводы, — что, по нашему мнению, он, вероятно, чувствует или что бы он чувствовал, если бы осознавал свое отношение к ситуации или, например, какие системы управления поведением у него активизированы.
Таким образом, язык чувств является незаменимым средством при обсуждении оценки ситуации и активированных систем управления поведением независимо от того, приводит ли активация к наблюдаемому поведению или из-за торможения оно остается в не-проявленном состоянии.
Однако язык чувств создает определенные опасности. Главная из них заключается в следующем: вместо того чтобы рассматривать чувства как показатели отношения к ситуации (ее оценки) и фор активизированного поведения, их рассматривают как нечто материальное. Существует также опасность, что врач и пациент сочтут достаточным осознание чувств пациента (что он сердит, печален или испытывает ревность) и не установят точно, какую именно ситуацию пациент оценивает или что он в данный момент склоне *делать,* например, причинить боль своей жене, или искать свою мать, или выгнать другого пациента из кабинета. Если язык чувств становится препятствием для осознания того, что чувство влечет: собой определенного рода действие, тогда лучше всего отказаться от него и временно заменить его языком поведения.

Очевидно, что вопросы, затронутые в этой главе, являются основополагающими для понимания природы человеческого поведения, особенно наиболее сложных и тонких его аспектов. Хотя приведенное описание — всего лишь набросок, я надеюсь, что его, достаточно, чтобы показать: принятая в этой работе модель инстинктивного поведения, которая сама по себе, возможно, довольно далека от проблем реальной жизни, может быть использована в качестве основы для построения теории, в большей мере соответствующей запросам повседневной жизни.

Глава 8. ФУНКЦИЯ ИНСТИНКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Механицисты были, конечно, правы, отвергая телеологию виталистов как выхолощенное с научной точки зрения учение, входящее в противоречие с естественными науками. Тем не менее они зачеркнули все свои достижения, не сумев понять уникальность способа возникновения явлений жизни, — ту уникальность, которая, безусловно, делает необходимым использование телеологических понятий и связана с глубокими качественными различиями между живой и неживой материей...

Г. Зоммерхофф (Sommerhoff, 1950)

ФУНКЦИИ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ И ДРУГИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Отличие понятия «функция поведения» от его причины

В предыдущих главах подчеркивалось, что в зоне эволюционной адаптированности биологического вида инстинктивное поведение обычно приводит к результатам, которые явно способствуют выживанию отдельной особи или всего вида. Питание, обеспечение безопасности, воспроизведение потомства — каждый из этих аспектов активности животного жизненно необходим и обслуживается своими собственными, специфическими и эффективно действующими системами управления поведением. Инстинктивное поведение по своему строению направлено на достижение прогнозируемых результатов, и любая попытка свести его к чему-то более простому — это уход от существа вопроса. Тем не менее, если мы не хотим оказаться в ловушке теорий телеологического толка, нужно быть очень осторожными. Фактически задача теории состоит в том, чтобы «найти способ выразить идеи виталистов на точном научном языке механицистов» (Sommerhoff, 1950).
Телеологическая теория — это теория, не только утверждающая, что активная биологическая система — физиологическая или поведенческая — в зоне адаптированности вида стремится к прогнозируемому (заданному) результату, который обычно имеет большое значение для выживания вида, но и объясняет достижение этого результата тем, что сам этот результат в какой-то мере и является непосредственной причиной данной физиологической реакции или формы поведения. «Птица строит гнездо, чтобы было мест для выведения и выращивания потомства», — говорят сторонни» телеологического подхода, и это означает, что птице нужно иметь место для выращивания потомства и что такая необходимость и лежит причиной строительства ею гнезда. И поскольку данная теории влечет за собой предположение, что будущее определяет настоящее в силу действия принципа «конечной причины», она находится вне сферы науки. Тем не менее высказывание о том, что птица строит гнездо для того, чтобы было место для выведения и выращивания потомства, совсем необязательно считать ненаучным — фактически оно не более ненаучно, чем утверждение, что самонаводящееся зенитное орудие находит цель и стреляет для того, чтобы сбить сам лет противника. Всегда оставалось загадкой, как действие, столь успешно достигающее прогнозируемых результатов, может быть следствием причин, описываемых строго научной терминологией.
Секрет этого лежит не в непосредственных причинах действия, а в особенностях строения самого действующего агента — будь то животное или прогнозирующее устройство. Если

действующий, агент имеет особого рода строение и функционирует в предела своей зоны адаптированности, его поведение с большой степенью; вероятности приведет к конкретным прогнозируемым результатам. В случае с искусственной системой таким конкретным результатом будет то, для чего собственно и предназначалось создание данной; системы. Любой другой результат — а их может быть много — более или менее случаен.
Результат, для достижения которого предназначена система, я; биологии обычно называют «функцией» системы. Например, постоянное снабжение тканей кровью — функция сердечно-сосудистой системы. Обеспечение удобного места для высиживания яиц и ухода за птенцами — функция систем управления поведением, ответственных за сооружение гнезда. Аналогичным образом функция самонаводящегося зенитного орудия — сбивать самолеты. Функция системы определяет ее устройство, конструкцию.
Любая система находится либо в активном, либо в пассивном состоянии. Некоторые виды факторов, активизирующих системы управления поведением, рассматривались в гл. 6 — это уровни содержания в крови гормонов, особенности организации центральной нервной системы и автономное действие ее структур, а также особого рода стимулы окружающей среды. Нужно заметить, что ни в одном из этих примеров не идет речь о функциях системы (хотя то, что названные факторы особым образом связаны с функциями системы, совсем не случайно). Факторами, которые приводят в действие, т.е. активизируют, самонаводящееся зенитное орудие, являются внешние стимулы — появление в зоне досягаемости самолета и пусковое нажатие на соответствующие кнопки. На этом примере мы вновь видим, что в причины действия системы (факторы) не входит ее функция, хотя и здесь они особым образом взаимосвязаны.
Следовательно, непосредственные причины активации системы — это одно, а функция этой системы — совсем другое. Функция — это достижение тех специфических результатов, которые возможны благодаря особому строению (устройству) системы управления; причинами же служат те факторы, которые в каждом отдельном случае приводят систему в действие или переводят ее в пассивное состояние.
Когда данное разграничение понятий применяется к проблеме инстинктивного поведения, становится ясно, что в качестве причин любого поведения выступают факторы, активизирующие конкретную систему управления поведением; тогда как функция этого поведения проистекает из структуры этой системы. В свою очередь структура ее такова, что в рамках своей зоны эволюционной адаптированности она, как правило, обеспечивает результат, способствующий выживанию.
Если мы хотим, чтобы теория в области психопатологии выполняла свою функцию, т.е. должным образом описывала эмпирические данные и в то же время формулировала свои положения в строго научной форме, то необходимо, и это самое важное, постоянно разграничивать причины поведения и его функцию. Их еще слишком часто смешивают. Признать, что функция связана со структурой системы и не имеет ничего общего с непосредственными причинами ее деятельности — это большой шаг вперед, следует только понять, как у живых организмов появляется столь эффективная структура.
В случае с искусственными системами это не представляет реальной проблемы. Устройство самонаводящегося зенитного орудия, обычным результатом действия которого является уничтожение самолета противника, можно понятно описать профессиональным техническим языком, которым пользуются инженеры, конструирующие систему в соответствии с некоторыми недавно установленными принципами. Труднее понять, каким образом живое существо, скажем, птица, обретает структуру, благодаря которой прогнозируемый результат ее действий — законченное гнездо. Тем не менее, как мы уже отмечали, наличие у птицы или животного систем управления поведением, результатом активации которых является сооружение гнезда, — проблема не более сложная, чем наличие у того же животного физиологических систем, результатом деятельности которых является гибко регулируемое кровоснабжение.

Считается, что возникновение любой системы можно понять с точки зрения эволюции. Организмы, у которых в процессе развития возникают физиологические и поведенческие системы, выполняющие в среде обитания вида свои функции более эффективно, выживают лучше и дают большее потомство, чем организмы с менее эффективными системами. Следовательно, существующая структура систем управления поведением представляет собой результат естественного отбора в процессе эволюции, когда в генофонде вида сохраняются те гены, которые задают наиболее эффективные варианты этих систем для зоны адаптированности данного вида, в то время как гены, ответственные за менее эффективные для этой среды варианты систем управления поведением, гибнут. Поэтому в отношении биологической системы можно сказать, что ее функция состоит в том, чтобы результат деятельности системы, благодаря которому она смогла эволюционировать и продолжать свое развитие, сохранился бы в репертуаре данного биологического вида.

Конечно, активность любой системы скорее всего приводит к множеству иных результатов, помимо функциональных. Поэтому ни в коем случае не следует рассматривать все результаты как функциональные. Вероятно, самонаводящееся зенитное орудие производит большой шум, но никому и в голову не придет, что оно специально сконструировано для создания шума. Точно так же активность системы управления поведением может иметь множество различных последствий, кроме того результата, благодаря которому, как мы полагаем, она эволюционировала, — результата, который в период эволюции животных давал им преимущества при отборе. Например, когда птица высиживает птенцов, один из результатов активности соответствующих систем управления — это длительное обхождение без пищи. Одно из последствий миграции — изможденное состояние. Очевидно, что не эти результаты лежат в основе положительного отбора в ходе эволюции систем управления поведением, ответственных за высиживание и миграцию. Совсем наоборот. Мы полагаем, что в каждом случае какой-то другой результат дает животному такое преимущество и система управления поведением, о которой идет речь, успешно выдерживает отбор и сохраняется, несмотря на такие вредные побочные результаты, как лишение пищи или крайняя усталость.

Отличие функции от прогнозируемого результата

Тот факт, что деятельность системы управления поведением может очень часто приводить к неблагоприятным, вредным для животного результатам, имеет большое значение для понимания патологии. Однако еще важнее, что в силу ряда причин, требующих отдельного обсуждения, деятельность любой системы управления поведением у отдельной особи может не приводить к выполнению функции, т.е. иногда или вообще *никогда* не достигать функционального результата. Примеры далеко искать не надо. Когда ребенок сосет пустышку, никакого питания он не получает. Сексуальные отношения мужчин не приводят к зачатию. Хотя в каждом из этих случаев система управления поведением активна, а само поведение и его прогнозируемый результат довольно точно соответствуют образцу, тем не менее функциональный результат отсутствует — функция не реализуется. В примере с сосанием функциональный результат отсутствует не всегда, а только в некоторых случаях; в других случаях ребенок сосет грудь, в результате чего получает питание. В примере с гомосексуалистом функциональный результат отсутствует во всех случаях. (Использование противозачаточных средств при гетеросексуальных отношениях — это, конечно, преднамеренный, хотя и временный способ избежать реализации функции).

Следует отметить, что у *отдельной особи* система управления поведением становится активной, достигает ожидаемого результата, а затем переходит в пассивное состояние безотносительно к реализации ее функции. Таким образом, *у отдельной особи инстинктивное поведение абсолютно не зависит от функции*; этот момент постоянно подчеркивал Фрейд. В популяции положение другое. Хотя у многих особей в течение какого-то (даже значительного) времени активация систем управления поведением может не сопровождаться реализацией функций, тем не менее на протяжении всего существования популяции необходимо, чтобы у отдельных ее представителей в течение какого-то времени функции выполнялись. Одни особи могут голодать, другие не

способны произвести потомство, тем не менее для выживания популяции в ней должно оставаться достаточно особей, которые хорошо питаются и дают потомство.

Следовательно, как и в случае с адаптацией, *понимание функции требует изучения поведения в популяции и становится невозможным, если единица исследования - отдельная особь.*

Соответственно, можно четко разграничить понятия прогнозируемого результата активности системы управления поведением и функции, которую она может (или не может) выполнять. Прогнозируемый результат свойствен конкретной системе управления поведением у конкретной особи. Функция свойственна такой системе у популяции особей. Для выживания популяции важно, чтобы у достаточного количества особей прогнозируемый результат действия системы соответствовал бы ее функции, тогда как для выживания отдельной особи это может не иметь значения.

Имеется две главные причины, из-за которых система управления поведением может достичь прогнозируемого результата и все же при этом не реализует свою функцию.

1. Сама система в функциональном плане эффективна, т.е. способна достигать функциональных результатов, тогда как условия внешней среды в большей или меньшей степени отклоняются от характерных для зоны эволюционной адаптированности и поэтому не соответствуют тем условиям, которые необходимы для реализации функции.
2. Вспомним пример с голодным ребенком, которому дают сосать пустышку. Причина, по которой не происходит поступления пищи, не имеет ничего общего с деятельностью системы, управляющей сосанием, — она в том, что предмет, который сосет ребенок, не содержит пищи. Возьмем другой пример, два кота при повороте за угол неожиданно сталкиваются. Обычно борьба животных за территорию обходится без нанесения повреждений, так как они предупреждают друг друга о своем присутствии и дело ограничивается в. основном угрожающими и обманными движениями. Довольно редко внезапное столкновение ведет к жестоким, кровавым дракам.
3. Другая причина намного серьезнее первой в силу своего относительного постоянства — это функциональная неэффективности самой системы управления поведением, из-за которой даже в зооэволюционной адаптированности функция никогда не реализует или реализуется очень редко. Этот вопрос требует дальнейшего о суждения.

Существует множество причин, по которым то или иное свойство биологического аппарата животного может не получить свое развития. Могут быть деформированы или вообще отсутствовала анатомические структуры, могут плохо функционировать физиологические системы или (к примеру, что касается зрения и слуха) и функционировать совсем. Хотя иногда такое нарушение происходит по вине какого-то гена (или нескольких генов), все же чаще причины связаны с вредными для эмбриона факторами внешне среды — вирусами, химическими веществами, механическими травмами и т.д. Вероятно, тем же самым вызваны и сбои в развитии систем управления поведением. Хотя гены и могут отвечать за отдельные нарушения, тем не менее причины большинства аномалий, по-видимому, кроются в нарушениях в период развития особи тех нормальных условий среды, для которых адаптирован ее поведенческий аппарат.

В гл. 3 подчеркивалось, что у высших позвоночных большая часть систем управления поведением должна быть до некоторой степени экологически лабильна, т.е. форма, которую они принимают у взрослого индивида, в определенной степени зависит от особенностей среды, в которой обитает эта взрослая особь. Преимущество такого положения связано с тем, что форма, которую должна в конечном итоге принять система, остается в какой-то степени открытой, чтобы она могла в ходе развития адаптироваться к конкретной среде, в которой обитает особь. Однако за такую гибкость приходится платить. Если в ходе развития условия внешней среды, с которыми сталкивается особь, находятся в определенных пределах, конечная форма системы управления поведением может быть хорошо адаптирована, т.е. ее активация обычно приводит к достижению функционального результата. Но если среда, в которой происходит ее развитие, выходит за обычные пределы, форма, обретаемая системой, может оказаться плохо

адаптированной. Это означает, что при активации система часто не способна достигать функционального результата или же вообще никогда его не достигает. В литературе о поведении животных содержится множество примеров такого рода двигательных паттернов, принимающих функционально неэффективную форму поведения, последовательность которого функционально неэффективна или неадекватна для реализации функции объектов, на которые направлено поведение, и т.д. В каждом подобном случае система управления поведением в ходе развития приобрела организацию, позволяющую достигать конкретного прогнозируемого результата, но он оказывается таким, что функция системы никогда не реализуется.
У позвоночных практически нет такой системы управления поведением, которая под влиянием условий среды не могла бы отклониться в своем развитии и приобрести функционально неэффективную форму. В отношении всех систем, отвечающих за передвижение, сооружение гнезда, ухаживание и родительское поведение, зафиксированы случаи, когда они развивались таким образом, что их активация редко приводила к реализации функции или не приводила к ней вообще. И если для выживания отдельных представителей вида должны успешно функционировать такие системы Управления поведением, как, например, система, обеспечивающая питание, то функционирование других, в частности систем, ответственных за сексуальное и родительское поведение, необязательно. Возможно, в этом заключается одна из причин, по которой психопатология так часто связана с системами, отвечающими за сексуальное и родительское поведение: когда она затрагивает функции, более важные с точки зрения выживания, индивид умирает еще до осмотра психиатром. Другая и не менее важная причина в том, что формы сексуального и родительского поведения, эффективные с функциональной точки зрения, всегда являются продуктом действия большого числа особым образом организованных систем. И поскольку развитие и организация этих систем управления поведение ем в основном происходит еще до достижения индивидом взрослей го состояния, есть множество примеров, когда атипичные условия среды могут вызвать отклонение развития от адаптивного руслам В конечном счете, хотя система управления поведением у взрослого индивида может находиться в рабочем состоянии и способна достигать вполне прогнозируемого результата, она оказывается непригодной для реализации функции.
Примером системы или скорее комплекса систем, которые находятся в рабочем состоянии, но функционально неэффективны, может служить интегративная система, отвечающая за сексуального поведение взрослого человека — гомосексуалиста. В этом случае все компоненты поведения могут успешно выполняться, но поскольку они направлены на неадекватный объект, функциональный результат — репродукция — последовать не может. Интегративная система не только имеет прогнозируемый результат — оргазм с партнером того же пола, — но и организацию, позволяющую достигать результата. Функционально неэффективной ее делает то, что по какой-т причине система получила такое развитие, при котором этот прогнозируемый результат оказался не связан с функцией. Если бы подобная ошибка закралась в конструкцию радара и самонаводящегося зенитного орудия, это могло бы привести к тому, что орудие прекрасно стреляло бы, но всегда наводилось и уничтожало бы свой самолет, а не самолет противника. Эти примеры показывают, что различие между прогнозируемым результатом и функцией весь; существенно. Обычно структура такова, что достижение прогнозируемого результата, по крайней мере, иногда сопровождается реализацией функции, но могут происходить и ошибки, особенно когда структура лабильна относительно условий внешней среды Некоторые процессы развития и их отклонения обсуждаются гл.10.
Из всего сказанного можно сделать вывод, что у индивида деятельность любой системы управления поведением может приводить к результатам, которые не способствуют выживанию вида и отдельной особи, она даже может противоречить интересам того или

другого (или обоих). Непосредственная функция системы может оставаться нереализованной либо из-за значительных отклонений наличных условий среды от условий, характерных для зоны эволюционной адаптированности вида, либо потому что в период развития система получила дезадаптивную форму. Но поскольку индивид — лишь часть популяции, вид как целое, вероятно, выживает. Если условия среды, в которых проходило развитие некоторых представителей популяции, соответствуют тем условиям, к которым данный вид адаптирован, то деятельность систем управления поведением у достаточного числа представителей вида даст необходимые функциональные результаты. В итоге вид выживает, а потенциал развития систем управления поведением сохраняется в его геноме.

Альтруистическое поведение

В истории психологии сам факт существования «альтруистического поведения» нередко рассматривался как проблема, а многие положения психоанализа основываются на допущении, что по своей природе индивиды могут преследовать только эгоистические цели и что они способны на альтруистические действия только под давлением со стороны общества и при угрозе санкций. Биологический подход к анализу инстинктивного поведения показывает, что такой взгляд ошибочен. Как только критерием, с точки зрения которого должна рассматриваться функция системы, признается выживание популяции, альтруистическая функция большей части поведения перестает вызывать удивление. Наоборот, с биологической точки зрения поведение, несущее альтруистическую функцию, вероятно, даже более понятно, чем поведение, функция которого имеет более «эгоистическую» направленность.

Рассмотрим два явно противоположных паттерна инстинктивного поведения. Поскольку некоторые виды инстинктивного поведения направлены на потребление пищи и хорошее питание, может показаться, что выполняемая ими функция представляет ценность только для индивида. Однако это не так, поскольку поведение, в результате которого индивид получает хорошее питание, позволит ему рано или поздно внести свой вклад в выживание популяции, представителем которой он является. Хотя на первый взгляд такое поведение может показаться понятным только с точки зрения выживания индивида, на самом деле оно не менее оправдано и с точки зрения выживания популяции.

Тем не менее существует и другой вид инстинктивного поведения, которое обычно выполняет функцию, очевидно полезную для других представителей популяции, но чья полезность для самого индивида не так очевидна. Хорошо известным примером может служить поведение рабочих пчел на протяжении всей их жизни. Это самки, не дающие потомства и проводящие почти все время в улье, занимаясь сооружением ячеек, кормлением личинок, сохранением нектара или уходом за маткой. Аналогичное поведение можно наблюдать и у млекопитающих. Например, инстинктивное поведение коровы, имеющей теленка, в ситуации опасности или скоординированное поведение взрослых самцов бабуинов, ведущих стадный образ жизни, по отношению к хищнику. Во всех этих случаях функция, которую выполняет данная форма поведения, вполне понятно с точки зрения выживания популяции, но ее намного труднее понять с точки зрения благополучия отдельной особи.

Таким образом, если выживание популяции признается в качестве истинного критерия для оценки функции инстинктивного поведения, некоторые старые проблемы снимаются. И то, что функция некоторых форм инстинктивного поведения подчинен непосредственным интересам выживания популяции, вполне естественно. Не менее понятно также и то, что функция других фор инстинктивного поведения направлена непосредственно на выживание индивида и только косвенно — на выживание популяции. На зовем ли мы это поведение *эгоистическим* или *альтруистическим,* конечном счете его функция одна и та же.

Это означает, что альтруистическое поведение имеет такие ж глубокие корни, как и эгоистическое, и что хотя различие мел ними существует, оно не является фундаментальным.

Как определить функцию системы

До сих пор мы говорили так, будто функция любой системы управления поведением настолько очевидна, что ее можно воспринимать, как нечто само собой разумеющееся. Действительно, ни у ко не возникает вопрос, в чем состоит функция потребления пищи, высиживания яиц или миграции. Тем не менее имеется ряд поведенческих систем, функции которых, как давно признано, остаются неясными. Одна из известных систем такого рода — это территориальное поведение многих видов птиц и млекопитающих. Никто не сомневается, что такое поведение попадает в общую категорию, называемую нами инстинктивным поведением, однако какое именно преимущество (или преимущества) оно дает биологическому виду часто остается неясным. В современной биологической науке утвердилось мнение, что любое инстинктивное поведение обладает своей специфической функцией (или функциями), способствующей выживанию вида. (Несмотря на разные точки зрения относительно сущности данной функции.)
Задача точного определения функции какого-то компонента инстинктивного поведения может быть достаточно трудной. Во-первых, необходимо установить, что в зоне эволюционной адаптированности вида особи, обладающие таким поведением, имеют более многочисленное потомство, чем те, у которых оно отсутствует, и, во-вторых, должна быть раскрыта причина такого поведения. Лучше всего необходимое исследование проводить в естественных условиях. Его метод связан с экспериментальным вмешательством: необходимо сделать так, чтобы одни представители вида не могли бы вести себя привычным образом, а затем сравнить успешность их выживания и размножения с такими же данными об особях, в жизнь которых не вмешивались. В последние годы Тинберген (Tinbergen, 1963) проводил такие эксперименты. Он исследовал некоторые особенности поведения чаек, связанного с выведением птенцов. Без таких экспериментов с интересующим нас (или, по крайней мере, с близким к нему) видом любая дискуссия о том, какой именно из многих обычно получаемых результатов определенного компонента инстинктивного поведения является его функциональным результатом, будет бесплодной и умозрительной.
В гл. 12 утверждается, во-первых, что поведение маленького ребенка, направленное на то, чтобы находиться рядом с матерью (оно называется поведением привязанности), является примером инстинктивного поведения и, во-вторых, что его функция обсуждалась совершенно недостаточно и все еще остается спорной. При этом выдвигается гипотеза, которая до настоящего момента мало рассматривалась в кругах клиницистов.

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Теперь, когда мы в основных чертах обрисовали альтернативную теорию инстинктивного поведения, пора кратко обсудить полезность или, напротив, бесполезность некоторых традиционно используемых понятий.
Во вступлении к гл. 3 отмечалось, что пока слово «инстинктивный» используется описательно, в качестве прилагательного, оно приемлемо и полезно, но как только мы обращаемся к существительному «инстинкт», возникают трудности. Рассмотрим, почему так происходит.
Выдвигаемая нами теория инстинктивного поведения подразумевает, что такое поведение является результатом активации особых условиях внешней среды систем управления поведением, которые интегрированы или в цепи, или в иерархии, или в сочетания того и другого; и что любая система управления поведением и любой комплекс таких систем устроены так, что их активация, как правило, приводит к достижению результата, имеющего значение для выживания. Возникает вопрос, к чему же конкретно; относится

субстантивное существительное «инстинкт»? Должно ли оно относиться к самому поведению? Или к системе, управляющей поведением? Или к причинным условиям, которые активизируют систему управления поведением? Или к его прогнозируемому результату? Или, может быть, к функции, которую оно выполняет?

Дело в том, что известные исследователи использовали термин «инстинкт» во всех этих значениях. С одной стороны, он употреблялся в довольно узком значении — применительно к паттернам фиксированного (в большей или меньшей степени) действия, таким, как «поворачивание головы», и к таким движениям, как схватывание добычи, т.е. к конечному звену целой цепочки движений, образующих какую-либо форму инстинктивного поведения. С другой стороны, этот термин использовался в очень широком значении — применительно к силам, которые рассматриваются как причинные факторы и связаны с такими общими состояниями, как жизнь или смерть. Иногда этим термином обозначают прогнозируемый результат последовательных реакций, образующих инстинктивное поведение, например, «инстинкт сооружения гнезда» и «половой инстинкт», или же его относят к биологической функции — «инстинкт воспроизведения». Иногда этот термин используется применительно к эмоции, которая сопровождает поведение, например «инстинкт страха».

Ясно, что такое неупорядоченное использование термина приводит только к путанице. Возникает вопрос: нельзя ли прийти к какому-то общепринятому употреблению этого термина. Существуют две веские причины, по которым это невозможно. Во-первых, термину, который использовался так широко, нелегко дать новое определение и начать употреблять в точном соответствии с новым значением. Во-вторых, из-за интегративного характера систем управления поведением любого уровня сложности чрезвычайно трудно провести границу и решить, что все комплексы управляющих систем, находящиеся по сложности ниже нее, следует называть инстинктами, а все комплексы систем, находящиеся выше нее, так называть не следует. Это было бы похоже на разделение промышленных концернов по уровню их организационной сложности на две группы и присвоение менее сложным специального названия. Нет необходимости подчеркивать трудность этой задачи, но главный вопрос в том, будет ли от этого польза?

Выделение неких управляющих систем поведения — по каким бы критериям оно ни проводилось — и обозначение их термином «инстинкт» не достигло бы никакой практической цели. А кроме того, оно закрепило бы широко распространенную ошибку, связанную с предположением, будто системы, входящие в единый комплекс, имеют общие причины, которые можно представить в качестве «влечений».

В гл. 6 было описано взаимодействие различных факторов, активизирующих управляющие системы, ведущие к сооружению гнезда у канареек. Это исследование также может проиллюстрировать положение, которое мы будем сейчас обсуждать. В сооружении гнезда канарейками выделяются следующие действия: сбор материала для устройства гнезда; доставка материала в гнездо; строительство гнезда (последним птица занимается, сидя в самом гнезде). Поскольку все эти действия варьируются более или менее согласованно, можно было бы посчитать, что ими управляет некое «влечение к сооружению гнезда». Анализ факторов, приводящих в действие три названных компонента активности, показывает, что они имеют общие причинные факторы: все компоненты находятся под влиянием уровня эстрогенов и тормозятся раздражителями, находящимися в гнезде. Тем не менее соотношение между тремя компонентами активности подвержено и другим воздействиям: у каждого имеются свои специфические факторы, а последовательность их выполнения, по-видимому, соблюдается благодаря эффекту самоподавления при завершении каждого вида деятельности. Поэтому представление о неком едином влечении к сооружению гнезда совершенно неадекватно. То же самое было бы и в случае, если бы мы утверждали, что каждому компоненту деятельности по сооружению гнезда соответствует отдельное влечение, поскольку каждое

действие можно разложить на отдельные составляющие его движения, варьирующиеся относительно независимо друг от друга.

На самом деле, чем лучше мы начинаем понимать причинные факторы инстинктивного поведения, тем менее состоятельной становится концепция влечения. Пока побудительные причины действия неизвестны, легко предположить, что какая-то особая сила движет поведением, причем не только инициирует его, но и таинственным образом направляет по правильному пути. Но если мы правы, считая, что поведение является результатом активации систем управления поведением и что активация вызвана описанными причинами, тайна раскрывается и необходимость в постулировании влечений отпадает. Инженерам не нужно постулировать специальное «влечение к уничтожению самолетов», чтобы объяснить действие самонаводящегося орудия, а физиологам — «влечение к кровоснабжению» для объяснения деятельности сердечно-сосудистой системы.

Поэтому в нашем дальнейшем изложении не используется ни понятие «инстинкт» (как отдельная форма поведения), ни понятие; «влечение».

Описательный термин «инстинктивное поведение» может использоваться, однако, применительно к такому поведению, которое в среде эволюционной адаптированности дает важные для выживания вида результаты и управляется системами, в этой среде обычно довольно стабильными. В то же время нужно признать, что даже если слово «инстинктивный» используется исключительно в качестве прилагательного, оно несет две опасности. Первая связана с тем, что может возникать предположение, будто все виды инстинктивного поведения управляются системами только одного типа. Вторая опасность — создание ложной дихотомии между инстинктивным поведением и всеми другими видами поведения. На самом деле поведение, традиционно описываемое как инстинктивное, управляется множеством систем различных типов, и эти системы образуют непрерывные ряды — от самых стабильных до самых лабильных систем и от наиболее необходимых для выживания вида систем до вносящих в него минимальный вклад. Поэтому между тем, что мы называем инстинктивным поведением, и тем, что так называть нельзя, четкая граница может отсутствовать.

В некоторых психоаналитических теориях (Schur, 1960a, 1960b) прилагательные «инстинктивный» (instinctive) и «инстинктуальный» (instinctual) используются в разных значениях: термин «инстинктивный» сохраняется за поведением, которое в данной работе также называется инстинктивным, а термин «инстинктуальный» применяется по отношению к постулируемой автором «психической энергии влечения», которая, как он полагает, разряжается посредством инстинктивного поведения. Поскольку в теории, выдвигаемой в нашей работе, никакой психической энергии влечения не предполагается, прилагательное «инстинктуальный» не используется совсем[1]. Прилагательное «инстинктивный» используется как в отношении такого рода поведения, так и в отношении поведенческих систем, управляющих этим поведением.

---

[1] В опубликованном ранее исследовании по проблеме страха и печали термин «системы инстинктуальных реакций» по существу использовался применительно к системам управления, отвечающим за инстинктивное поведение. По изложенным выше причинам в переработанных вариантах этого материала (он будет включен в том II и том III трилогии) терминология была изменена.

Также требует рассмотрения ряд других терминов, используемых при обсуждении инстинктивного поведения и психопатологии. К ним относятся такие термины, как «потребность», «желание», «цель», «намерение» и многие другие. Возникает вопрос: какое место занимает каждый из них в данной схеме и как они соотносятся с такими

понятиями, как «прогнозируемый результат», «установочная цель» и «функциональный результат»?
Во избежание пристрастного отношения к какой-либо определенной теории инстинктивного поведения, а также для указания на явно целевой характер систем управления поведением иногда используют термин «потребность» или «система потребности». Однако это неправильно, во-первых, потому, что этим термином часто пользуются для обозначения того, что необходимо для выживания, например «витальная потребность». Во-вторых, он может увести в сферу телеологического рассуждения. Рассмотрим эти трудности более внимательно.
В этой главе подчеркивалось, что наличие у животного определенного вида какой-либо стабильной (в отношении условий внешней среды) системы управления поведением объясняется тем, что деятельность этой системы обычно приводит к результату, имеющему значение для выживания вида. Результатом активности системы, ответственной за пищевое поведение, как правило, является прием пищи. Системы управления, ответственные за поведение спаривания, обычно в качестве результата приводят к воспроизведению потомства. Поскольку деятельность этих систем столь очевидным образом служит удовлетворению биологических потребностей, почему бы не назвать их «системами потребностей» («need systems»)?
Однако имеется, по крайней мере, три веские причины не делать это. Во-первых, в каждом конкретном случае деятельность системы управления поведением, о которой идет речь, может иметь совершенно другие результаты. Например, система, прямо связанная с потреблением пищи, может в качестве результата приводить к сосанию большого пальца или трубки[1]. В другом случае система, прямо направленная на спаривание, может в качестве основного результата приводить к сексуальной активности, направленной на фетиш или на представителя того же пола. В этих примерах деятельность системы не представляет никакой ценности с точки зрения выживания. Поэтому назвать такую систему системой потребности нельзя — это вызовет путаницу, которая лишь усилится, если (ради ее избежания) станут постулировать новые потребности, например потребность сосать палец. Во-вторых, как уже отмечалось, существует ряд видоспецифичных систем управления поведением, биологические функции которых еще неясны. Это обстоятельство маскируется, если каждую систему управления поведением называть системой потребности, поскольку термин «потребность» обычно подразумевает, что полезность системы самоочевидна. И в-третьих, термин «система потребности» может легко привести к предположению, что потребность способна выступать в качестве причины активации системы, — давнее заблуждение телеологии.

[1] Однако в некоторых случаях сосание может быть по своей сути не связано с питанием; см. гл. 13 и 14.

При правильном использовании термин «потребность» должен ограничиться обозначением того, что необходимо для выживания вида. Можно сказать, что для сохранения вида животному необходима пища, тепло, место для выращивания потомства, самец или самка и так далее. Очевидно, ни одна из этих потребностей не является системой управления поведением, и ни одна из них не вызывает активацию системы управления поведением. В то же время функция многих систем управления поведением состоит в удовлетворении той или иной из этих потребностей; именно ради реализации этих функций, необходимых для выживания вида, и происходила эволюция систем управления конкретными формами поведения. Потребности, следовательно, не являются причинами инстинктивного поведения. Их задача — определять те функции, которые должна выполнять система управления поведением. Таким образом, они как бы

заключают в себе требования естественного отбора, в условиях которого происходит эволюция систем управления поведением.
Так же как потребности не являются причинами инстинктивного поведения, так же ими не являются желания (wishes) и хотения (desires). Термины «желание» и «хотение» относятся к осознанию человеком установочной цели какой-либо системы управления поведением или комплекса таких систем, которые уже находятся в состоянии активации либо, по крайней мере, готовы к действию. Высказывание «У меня есть желание поесть» или «Мне хочется есть» означает активацию комплекса систем управления поведением, установочной целью которых является прием пищи (возможно, только его начальная стадия), а также то, что человек ее осознает. Обычно подобные высказывания верны, но психоаналитики знают, что так бывает далеко не всегда. На самом деле субъект может неправильно идентифицировать установочную цель системы управления поведением, находящейся в активном состоянии. В свою очередь ошибочная идентификация сама может быть результатом вмешательства со стороны действующей системы, имеющей установочную цель, несовместимую с первой. Это приводит нас к понятию бессознательного желания.
Когда мы говорим, что желание неосознанно, это означает, что у человека, о котором идет речь, система управления поведением или комплекс систем, имеющих такую-то установочную цель, находятся в состоянии активации, но сам человек об этом не знает.
В то время как термин «желание» относится к установочной цели системы управления поведением, термин «намерение» обычно относится к какой-то стадии на пути к достижению установочной цели. Когда я говорю, что *намерен* сделать то-то и то-то, это обычно означает, что «то-то и то-то» является частью плана, направляющего в данный момент мое поведение (это положение разработано Миллером, Галантером и Прибрамом [Miller, Galanter, Pribram, I960]).
Существует целый ряд различных терминов для обозначения того, что в этой главе называется «прогнозируемым результатом» и его частным случаем — «установочной целью». Сюда входят понятия «цель как намерение» (purpose), «цель как стремление» (aim) и просто «цель» (goal). О недостатках термина «цель» мы уже говорили (см. гл. 5). С употреблением терминов «цель-намерение» и «цель-стремление» имеются определенные трудности, так как каждый из них несет в себе оттенок телеологического представления о причинной обусловленности. Более серьезные трудности связаны с тем, что их привычное использование не позволяет провести различие между прогнозируемым результатом системы и ее функцией — возникает неустранимая путаница. По этой причине ни тот, ни другой термин в этой книге не используются. Интересно, что хотя английское слово «aim» обычно применяется в обоих этих значениях, Фрейд почувствовал при его использовании некоторые трудности, когда формулировал определение цели инстинкта. Например, в своей работе «Влечения и судьбы влечений» (Freud, 1915a) он признавал фундаментальное различие между завершающими стимулами, с одной стороны, и функцией, с другой стороны, и использовал термин «цель-стремление» только в том значении, которое в терминах; принятых в данной работе, передается как «достижение завершающих условий рассматриваемой системы управления поведением».
Для обозначения того, что в нашей работе называется прогнозируемым результатом или установочной целью, в литературе вводились специальные термины. Термин «основное условие» (focal condition) Зоммерхоффа — очень близкий моему термину «прогнозируемый результат», хотя он может не распространяться на прогнозируемый результат наиболее простых форм поведения, например перекатывание яйца. Немецкий термин «золльверт» (sollwert), введенный Миттельштадтом и используемый Хайндом, обозначает определенного вида установочные цели, т.е. состояние, которое» «должно быть», или состояние, которого должна достигнуть и/или поддерживать система. Один недостаток этого термина может быть в том, что он был введен применительно к установочным целям, для достижения которых требуется учет характеристик только

одного вида, например, положение конечности или пение ноты, их; невозможно так легко применить к более сложным установочным целям, для достижения которых необходим учет двух и более характеристик. Другой возможный недостаток термина «золльверта» в том, что состояние, которое «должно быть», может ошибочно быть принято за норму, которая способствует выживанию. На самом деле, как уже неоднократно подчеркивалось, установочная цель (или золльверт системы управления поведением), у каждой отдельной особи может быть атипичной и даже неблагоприятной для выживания.
Иногда нами использовалось прилагательное «целевой» для описания системы, обладающей установочной целью. Однако здесь существует опасность истолкования его в духе телеологической причинной обусловленности (еще большая опасность возникает в отношении близкого ему по значению прилагательного «целенаправленный» (purposeful). Питтендрай (Pittendrigh, 1958) противопоставил этому термин «телеономический». Его можно использовать для обозначения любой живой или механической системы, которая, активизируясь в зоне адаптированности, достигает прогнозируемого результата. По этой причине все системы управления поведением, о которых мы ведем речь, можно назвать телеономическими.
Возвращаясь еще раз к понятию «установочная цель», нужно заметить, что установочная цель системы управления поведением (как и в случае любой другой системы управления) может быть двух основных типов. Первый — это поддержание постоянного значения некой характеристики. Например, некоторые простейшие организмы снабжены системами управления поведения, имеющими в качестве установочной цели задачу удерживать организм в среде, температура которой не выходит за узкие рамки допустимого диапазона. Задача таких систем управления поведением никогда не снимается с повестки дня: у нее нет высшей точки их деятельности и нет драмы. Это однообразная рутинная задача. Другим типом установочной цели является акт, ограниченный по времени осуществления и служащий финальным аккордом деятельности. Яркими примерами этого типа являются сексуальное совокупление и перехват добычи. Для некоторых систем управления поведением характерно расположение установочной цели между этими крайними точками.
В отношении человека явно прослеживалась тенденция придавать неоправданно большое значение системам управления поведением, у которых имеются конечные установочные цели (например, оргазм), и слишком мало уделять внимания системам, имеющим установочные цели постоянного характера (например, близость как нахождение рядом или в пределах досягаемости какого-то объекта во внешней среде). Поведение привязанности может рассматриваться как результат деятельности систем управления поведением, имеющих постоянную установочную цель, особенностью которой служат определенного рода отношения с другим индивидом.

Глава 9. ИЗМЕНЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Развитие поведения индивида следует рассматривать с точки зрения двух совершенно разных вопросов:
а) каким образом меняются активно используемые компоненты поведенческого репертуара при переходе особи от одной стадии жизненного цикла к другой;
б) каким образом компоненты этого репертуара приобретают конкретную форму, которая имеется у взрослой особи.
Обе темы представляют огромный интерес для психоаналитиков. Первую тему мы кратко затрагиваем в этой главе, но снова к ней возвращаемся в гл. 12. Вторая, которая касается онтогенеза систем управления поведением, — очень сложная и важная — обсуждается в следующей главе.

Для гарантированного выживания и отдельной особи, и вида в целом необходимо, чтобы на каждой стадии жизненного цикла животное было обеспечено соответствующим комплексом систем инстинктивного поведения. Такой комплекс должна иметь не только взрослая особь — не достигшее зрелости животное также должно обладать хорошо сбалансированным и эффективным поведенческим комплексом. Очевидно, у детеныша он должен во многом отличаться от поведения взрослой особи. Кроме того, поскольку единицей биологической адаптации является популяция и выживание популяций высших видов животных зависит от кооперации особей, многие формы поведения отдельной особи как бы дополняют поведение другой особи из той же популяции, но иного возраста и пола. Паттерны поведения привязанности детенышей к взрослым животным дополняются паттернами поведения, связанного с заботой взрослых о детенышах; аналогичным образом системы, управляющие мужским поведением одной зрелой особи, дополняются системами, управляющими женским поведением другой зрелой особи. Это обстоятельство еще раз показывает, что инстинктивное поведение никогда нельзя понять, ограничиваясь рассмотрением поведения лишь отдельной особи, необходимо анализировать популяцию особей, связанных определенной совместной активностью.

У всех видов птиц и млекопитающих часть компонентов поведенческого репертуара, характерного для ранних стадий развития, отличается от компонентов, действующих на стадии зрелости. Такие различия бывают двух видов.

1. Одну и ту же биологическую функцию у детеныша и зрелой особи реализуют разные поведенческие системы. Наглядный пример: различные механизмы принятия пищи у детенышей и взрослых млекопитающих — у детенышей это сосание, а у взрослых откусывание и жевание.
2. Различны сами биологические функции у детенышей и взрослых животных. Поскольку организм незрелой особи, как правило, весьма уязвим, в поведенческий репертуар детеныша обычно входят особые формы поведения, которые снижают для него риск до минимального: примером может служить нахождение детеныша в непосредственной близости к родителю. Другой пример: поскольку незрелый организм не готов к успешному размножению, поведение воспроизведения и выращивания потомства или вообще отсутствует, или осуществляется в зачаточной форме.

Конечно, нужно помнить, что за отсутствием определенной формы поведения на той или иной стадии жизненного цикла могут стоять очень разные состояния. Во-первых, может быть не развит нервный субстрат систем управления данной формой поведения, и поэтому активизация этих систем ни при каких обстоятельствах не возможна. Во втором, противоположном, случае, когда нервный субстрат поведенческих систем вполне развит, системы могут оставаться в пассивном состоянии из-за отсутствия некоторых факторов, необходимых для приведения их в действие. В третьем случае возможно, что формы поведения развиты частично или же присутствуют не все причинные факторы, так что даже если наблюдаются отдельные фрагменты соответствующего поведения, его полный функциональный паттерн все же отсутствует. Второй и третий случаи встречаются намного чаще, чем принято считать.

Эксперименты с искусственным изменением уровня гормонов показали, что у многих видов позвоночных животных системы, отвечающие за поведение самцов и самок, явно присутствуют у особей обоих полов либо они потенциально возможны. Например, если домашней курице сделать инъекцию тестостерона, она будет вести себя, как настоящий петух. Точно так же, если детеныша (самца) крысы кастрировать при рождении, а позднее сделать инъекцию эстрогенов, он будет вести себя, как самка. Эти факты показывают, что у этих животных потенциально присутствуют системы управления поведением, характерные для противоположного пола; и что причина, по которой при обычных условиях эти системы ос таются целиком или преимущественно пассивными, в низком содержании гормонов, не достигающем необходимого уровня для активации[1].

---

[1] Некоторые условия, связанные с появлением мужского или женского типов, поведения у самцов и самок млекопитающих, описаны Левином (Levine, 1966). Он показывает, что огромное значение имеет уровень гормонов в организме животного до рождения — пример сензитивного периода (см. с. 179). Так, если обезьяне накануне родов ввести тестостерон, впоследствии поведение новорожденной самки будет типично мужским, даже без инъекции.

Нередко изменения поведения на различных стадиях жизненного цикла происходят в результате сдвигов гормонального баланса. Имеются веские данные в пользу того, что у человека системы управления мужским и женским типами поведения присутствуют у обоих полов задолго до полового созревания. При этом быстро усиливающиеся после достижения полового созревания черты их сходства с мужским или женским поведением зависят главным образом от уровня содержания гормонов. Аналогичным образом, изменения в уровне гормонов вполне могут играть роль в исчезновении детских форм поведения, создавая условия когда ответственные за них поведенческие системы, сохраняясь в латентном состоянии, уже не активизируются так легко, как раньше.

В то время как одни изменения поведения в периоде развития зависят от изменений гормонального уровня или гормонального баланса, другие изменения могут происходить благодаря тому, что новая система управления поведением достигает зрелости и ее активность начинает превосходить активность ранее действующей системы. Например, поведенческая система, управляющая сосанием, сохраняется в течение долгого времени после окончания младенчества, но активизируется она гораздо реже. Возможно, это происходит из-за вступления в действие поведенческих систем, отвечающих за откусывание и жевание, так что у большинства особей они активизируются легче, чем система, управляющая сосанием.

Однако по какой бы причине активизация поведенческих систем у взрослых особей ни становилась более редкой (это в первую очередь касается систем, характерных для ранних стадий развития), имеется множество данных, свидетельствующих, что сами системы при этом сохраняются. Они сохраняют активность в трех случаях. Во-первых, паттерны, свойственные детенышам, часто наблюдаются у взрослых особей, если паттерны взрослого поведения оказываются неэффективными или дезорганизуются в условиях конфликта. Во-вторых, иногда паттерны ранних форм поведения наблюдаются, когда взрослая особь больна или неспособна вести себя по-другому. В обоих случаях активацию незрелой системы обычно называют «регрессом». В-третьих, бывает, что совокупность поведенческих систем, характерных для взрослой особи, может содержать в себе компонент, свойственный особи на более ранней стадии жизни, возможно даже, первоначально выполняющий другую функцию. Наиболее ярким примером служит явление, распространенное у птиц, когда при ухаживании самец кормит самку. У петуха можно наблюдать поведение взрослой особи, кормящей цыпленка, а у курицы — поведение, характерное для цыпленка, которого кормит родитель. В этом случае два паттерна кормления цыпленка: один, характерный для взрослой птицы, другой — для птенца, — объединены в последовательность поведенческих актов, направленную на воспроизводство. Психоаналитики с давних пор считают, что нечто аналогичное происходит и в сексуальных «взаимодействиях» у взрослых людей.

У большинства видов млекопитающих сдвиги в поведении при переходе с одной стадии развития на следующую происходят закономерно и предсказуемо, независимо от изменений во внешней среде. Следовательно, они обладают высокой степенью экологической стабильности. Однако независимость от окружающей среды никогда не бывает полной. Например, за последнее столетие в популяциях людей, проживающих в западных странах, отмечается значительное ускорение полового созревания. Считается, что это происходит в результате влияний со стороны окружающей среды, которая

воздействует на баланс половых гормонов и, как следствие, приводит к сдвигу возраста полового созревания. Пока о влиянии факторов окружающей среды известно мало: предполагается, что сдвиг связан с изменением питания, хотя не исключено, что это происходит благодаря изменениям в условиях социальной среды. Однако, что касается млекопитающих, то у них различия в скорости, с которой происходят изменения в активно действующих системах управления поведением в течение всего периода развития, весьма незначительны. Поэтому они отходят на второй план при сравнении с тем огромным многообразием форм, которые может принять любая поведенческая система или комплекс систем в ответ на особенности среды, в которой происходит развитие особи. Дезадаптивные формы, которые получают в период развития системы управления поведением у человека, — это, по существу, главная проблема психопатологии. Более глубокое понимание процессов, лежащих в основе появления таких вариантов, было одной из основных задач психоанализа со времен признания Фрейдом того, что развитие сексуального поведения происходит задолго до полового созревания. Эти процессы являются основной темой следующей главы.

Глава 10. ОНТОГЕНЕЗ ИНСТИНКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Единственно научный путь изучения адаптации — собирать факты относительно каждого отдельного случая. Только располагая фактами, можно установить, в какой степени адаптированность рассматриваемого явления есть результат наследственной, эволюционной предустановленности, а в какой — результат непосредственных взаимодействий со средой. Их соотношение весьма значительно и непредсказуемо варьируется от вида к виду, от функции к функции, от одной единицы адаптации к другой.

П. Вейс (Weiss, 1949)

ИЗМЕНЕНИЯ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В СИСТЕМАХ УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ В ПРОЦЕССЕ ОНТОГЕНЕЗА

В то время как у некоторых низших видов животных системы управления поведением уже при появлении их на свет имеют, подобно Венере, почти готовую, совершенную форму, у высших видов они обычно сначала весьма примитивны, а затем претерпевают сложный процесс развития. Хотя новорожденные у птиц и млекопитающих оснащены рядом систем поведения, способных сразу же выполнять жизненно важные функции, например прием пищи, на первых порах они делают это очень неумело. Более того, некоторые другие системы в момент своего появления еще так плохо организованы, что поведение, за которое они отвечают, носит фрагментарный характер, а функциональные результаты, к которым оно должно приводить, отсутствуют. Поэтому только по мере взросления у птенца или детеныша млекопитающего совершенствуются его системы управления поведением, а функциональные результаты их активации становятся регулярными и эффективными.

Поведенческий репертуар новорожденных у птиц и млекопитающих не только весьма ограничен по своему объему, но и элементарен по форме; причем среди млекопитающих это в первую очередь относится к человеческому младенцу. Тем не менее уже в возрасте двух лет ребенок может говорить, а чуть позже использовать язык как средство управления поведением. Таким образом в течение этого весьма короткого отрезка времени (относительно всей его жизни) происходит поразительное усложнение его систем управления поведением. За эту трансформацию отвечают очень многие процессы.

В этой главе кратко описан ряд наиболее важных процессов, опосредствующих развитие поведения у высших позвоночных, и их связь с тем, что происходит у человека[1].

[1]Многое из того, что приводится далее, включая примеры, заимствовано книги Хайнда «Поведение животных» (Hinde, 1966), в которой всесторонне рассматриваются принципы развития поведения.

Инстинктивное поведение в момент его появления у детенышей высших видов животных отличается от поведения взрослых особей в трех отношениях.

1. Движение, даже если оно и имеет типичную (для вида) форму направлено на другие объекты окружающей среды, а не на те, на которые направлено движение взрослой особи; обычно оно охватывает более широкий круг объектов среды.
2. Системы управления поведением, функционирующие на ранг них стадиях онтогенеза, обычно просты по структуре и замещаются в ходе развития системами, имеющими более сложную структуру таким образом, поведение, которое у новорожденного лишь не на много сложнее рефлекторного, например сосание, заменяется п ведением, регулируемым на основе механизмов обратной связи и возможно, организованным в соответствии с задачей достижении установочных целей.
3. Движения, которые позднее становятся компонентам сложных последовательностей поведенческих актов, приводящих к функциональным результатам, вначале часто выступают лишь как фрагменты поведения, не имеющие функциональных последствий.

Каждое из этих различий может быть причиной, по которой функция инстинктивного поведения незрелой особи будет осуществляться неудовлетворительно или вообще не будет выполняться Более того, каждое отличие может быть источником развития патологической формы поведения. Поэтому неудивительно, что все» этим особенностям инстинктивного поведения незрелых особей давних пор отводится центральное место в теории психоанализа В рамках психоаналитической традиции эти три особенности отражены в следующих положениях:
а) объект, на который направлено инстинктивное поведение, специфическое отношение, в результате достижения которого он завершается, — «это то, что в инстинкте более всего подвержен изменениям» (Freud, 1915а. P. 182);
б) до наступления зрелости поведение индивида подчиняется главным образом принципу удовольствия; в ходе нормального развития регуляция на основе принципа удовольствия постепенно замещается регуляцией на основе принципа реальности;
в) инстинктивное поведение состоит из ряда компонентов, которые в период развития организуются в определенные комплексы; форма, которую принимают эти комплексы, может быть разной.
Таким образом, не только у человека, но и у многих видов животных в ходе онтогенеза системы управления поведением претерпевают значительные изменения. У некоторых видов отдельные поведенческие системы имеют экологически стабильный характер, т.е. на их развитие изменение условий окружающей среды не оказывает большого влияния. У других видов иные поведенческие системы экологически лабильны, так что форма, которую они принимают у взрослых особей, в большой степени зависит от изменений в окружающей среде. В таких случаях период времени, в течение которого они чувствительны к изменениям в окружающей среде, часто ограничен и называется «критической стадией» или «сензитивным периодом». Сензитивные периоды развития различных поведенческих систем у разных видов встречаются в разные моменты жизненного цикла. Однако обычно они приходятся на относительно ранние стадии онтогенеза, а в некоторых случаях наступают еще до того, как начинает функционировать сама система (см. с. 179).
Наличие в начале жизни сензитивных периодов, в течение которых задается та форма, которую должно будет принять инстинктивное поведение взрослой особи, — это еще одна особенность инстинктивного поведения, к которой привлекал внимание Фрейд. В

психоаналитической традиции она представлена в понятиях «фиксация» и «стадия либидинальной организации».
Считается, что современная теория инстинктов позволяет рассматривать ряд признанных понятий, берущих начало в психоаналитическом исследовании человека, вместе с близкими им понятиями, которые базируются на наблюдениях и опытах с животными, что служит на благо развития обеих областей науки.

ОГРАНИЧЕНИЕ ДИАПАЗОНА ЭФФЕКТИВНЫХ СТИМУЛОВ

У потомства всех видов птиц и млекопитающих можно наблюдать ряд законченных движений, которые с первого же раза выполняются правильным и характерным для этих видов образом. У птиц примерами таких движений могут служить клевание и чистка перьев клювом, а у млекопитающих — сосание, мочеиспускание и даже захват добычи (например, у хорьков). Такие движения возникают без какого-либо предварительного упражнения в соответствующих функциональных условиях. У новорожденного ребенка — это поиск соска, сосание и плач, а также паттерны улыбки и ходьбы, которые появляются позднее. Более того, весьма вероятно, что некоторые компоненты мужского и женского сексуального поведения взрослых, например объятия и сексуальные движения тазом, тоже относятся к этой категории. Следовательно, можно утверждать, что такие движения представляют собой проявления активности поведенческих систем, двигательные паттерны которых в ходе развития относительно мало подвергаются влияниям со стороны внешней среды. На определенной стадии жизненного цикла они готовы к активизации под действием любых причинных факторов, в ответ на которые должно возникать данное поведение. Некоторые из них соответствуют концепции Фрейда о частичных влечениях[1*].

---

[1]* Частичные влечения — компоненты влечения, которые сначала существуют обособленно, а затем объединяются в различные либидинальные структуры. — *Примеч. ред.*

Такие движения имеют организованный характер и готовы к выполнению, как только возникнет подходящий момент. Это показывает, что собственно моторная их сторона не зависит от научения. Однако приводят ли они сразу при появлении к обычным функциональным результатам, это совершенно другой вопрос, поскольку паттерн движения это одно, а объект, на который он направлен, другое.
Функция выполняется только в том случае, когда движение направлено на подходящий объект. Например, когда только что вылупившийся цыпленок начинает клевать рассыпанные на земле зерна, результатом этих действий является получение пищи. Но если цыпленок начинает клевать какие-то другие рассыпанные на земле мелкие и светлые предметы, например щепки или кусочки мела, результат точно таких же действий цыпленка не будет иметь ничего общего с кормлением. Подобным же образом новорожденный ребенок может сосать подходящий по форме объект и получать (или не получать) питание. Например, системы управления такими формами поведения, как клевание и сосание, уже готовы к действию и активизируются в тот момент, когда появляются необходимые причинные факторы. Это происходит независимо от того, приводят ли они к обычному функциональному результату или нет.
Хотя диапазон стимулов, которые могут активизировать поведенческие системы детенышей, часто очень широк, он все же не безграничен. С самого начала стимулы подразделяются на категории и вызывают тот или иной вид реакции. На этом основании Шнейрла (Schneirla, 1959, 1965) предположил, что многие реакции совсем маленьких детенышей первоначально определяются чисто количественными различиями в

интенсивности получаемой стимуляции. Детенышам, указывает Шнейрла, свойственно приближаться частью своего тела или всем телом к любому источнику стимуляции, воздействия которого на нервную систему носят регулярный характер и не слишком сильны с точки зрения интенсивности и объема. Они обычно стараются отдалиться от тех источников стимуляции, воздействие которых на нервную систему отличается высокой интенсивностью, нерегулярностью и широким диапазоном. Хотя сенсорное различение такого рода происходит весьма грубо и наспех, довольно часто его результат функционален в том смысле, что животное уходит из потенциально опасной среды и перемещается в среду потенциально безопасную. Множество наблюдений, проведенных за низшими позвоночными, подкрепляют это положение Шнейрла, однако как широко распространяется область его действия, остается неизвестным. Большинство ученых, изучающих высших позвоночных, считают, что конкретная форма поведения уже на ранних стадиях онтогенеза, по крайней мере, частично задается также и стимульным паттерном[1].

---

[1]В обзоре Бронсона (Bronson, 1965) приводятся данные о том, что в период младенчества координации движений тела, включая ориентировочные и защитные реакции, регулируются ретикулярной системой и двигательными ядрами стволовых отделов мозга. До тех пор пока действуют нейронные сети только этого уровня ЦНС, сенсорное различение ограничивается изменениями стимулов по интенсивности. Для реакции на изменения перцептивного паттерна требуется участие систем новой коры головного мозга. Тот факт, что участие неокортекса в период раннего младенчества у некоторых видов млекопитающих, включая человека, минимально, согласуется с выводами Шнейрла. Однако эти данные расходятся с точкой зрения о том, что возникающие реакции на изменения паттерна обязательно представляют собой результат научения.

Данные примеры показывают, что у высших позвоночных диапазон стимулов, активизирующих системы управления поведением неопытного детеныша, часто очень широк. Однако по мере приобретения опыта происходит его сужение. В течение считанных дней цыпленок научается клевать в основном только зерно и не обращать внимания на несъедобные предметы, а голодный грудной ребенок предпочитает пустышке соску на бутылочке с молоком. Можно привести ряд других примеров ограничения диапазона эффективных стимулов. Птенцы многих видов птиц сначала реагируют на любой зрительный стимул, но через несколько дней смотрят только на тот объект, за которым ранее уже следовали. Ребенок нескольких недель отроду реагирует улыбкой на любой зрительный стимул с двумя черными точками на светлом фоне; в возрасте трех-четырех месяцев он улыбается при виде настоящего человеческого лица, а к пяти месяцам улыбается, только увидев знакомое лицо. То, что сфера эффективных стимулов обычно сужается, было установлено Уильямом Джемсом (James, 1890), назвавшим это явление «законом торможения инстинкта привычками».

Каковы же процессы, в результате которых, во-первых, так сильны, но сужается диапазон эффективных стимулов и, во-вторых, конкретная реакция приобретает довольно устойчивую связь с подходящими для реализации функции стимулом?

Один из таких процессов — улучшение по мере взросления особи ее способности к сенсорному различению стимулов. Пока зрение и слух функционируют неизбирательно, широкий диапазон зрительных и слуховых стимулов может восприниматься так, как-будто эти стимулы одинаковы. При этом в каких-то отношениях, улучшение происходит, по-видимому, благодаря физиологическому; созреванию и не может быть отнесено за счет научения, а в других отношениях зависит от приобретаемого опыта. Такого рода улучшение называют «перцептивным научением» или «научением в результате воздействия»[1].

[1]Слакин (Sluckin, 1965) указывает, что термин «перцептивное научение» неоднозначен и может обозначать ряд разных процессов. По этой причине Слакин выступает в поддержку термина «научение в результате воздействия», впервые предложенный Древером: «Он относится непосредственно к перцептивной фиксации организмом характеристик окружающей среды, воздействие которых он испытывает». Эти характеристики оказывают влияние на поведение благодаря тому, что животное усваивает их, а не потому, что у него возникает какая-либо связь по типу стимул-реакция.

Например, имеются данные о том, что способность млекопитающих к зрительному восприятию формы (к примеру, круга или квадрата) и реагированию на нее, зависит от предварительного опыта животных по различению форм. В некоторых случаях достаточно простого ознакомления — животное не нуждается в подкреплении известными видами поощрений. В других случаях для улучшения способности к различению стимулов одного только зрительного опыта недостаточно. Например, чтобы поведение котенка стало успешно направляться зрением, ему необходим не только опыт зрительного восприятия окружающей среды, но и возможность активно двигаться в этой среде.

Как только станет возможным различение стимулов, включается ряд процессов, которые ведут к ограничению диапазона стимулов, связанных с конкретной реакцией. Благодаря парным процессам подкрепления и угашения реакций, результаты, к которым приводит реакция, могут играть очень большую роль в установлении таких ограничений. Например, цыплята продолжают и дальше клевать те предметы, которые, попав в клюв, вызывают глотание, но перестают клевать то, что реакцию глотания не вызывает. Птенцы зяблика вначале не отдают предпочтения каким-то определенным семенам, но после приобретения некоторого опыта, стараются клевать семена, которые легче очищаются от шелухи.

К другому виду процессов, формирующих поведение, относятся те из них, в результате которых возникают реакции приближения к знакомым объектам и удаления от незнакомых. В отличие от процессов подкрепления и угашения, которые изучались психологами- экспериментаторами двух поколений, значение дихотомии «знакомое — незнакомое» было оценено только сравнительно недавно, в основном благодаря исследованию Хебба (Hebb, 1946b).

В ходе развития детенышей многих видов животных поведение приближения проявляется рано и предшествует появлению поведения избегания и ухода. В результате почти любой стимул, воздействующий на детеныша, при условии, что он не выходит за рамки определенного, весьма широкого диапазона, обычно вызывает у него реакцию приближения. Однако эта стадия длится короткое время и заканчивается благодаря действию двух тесно связанных между собой процессов. С одной стороны, опыт познания окружающей среды дает возможность животному познакомиться с обстановкой, где оно растет, и научиться отличать ее от незнакомой среды. С другой стороны, легче возникают реакции избегания и ухода, так как их теперь вызывают главным образом стимулы, воспринимаемые как незнакомые. У многих видов животных агрессивные реакции появляются в ходе развития после реакций ухода, которые в свою очередь появляются позднее, чем реакции приближения, и вызываются в основном новыми для них стимулами.

Таким образом, на основе этих парных процессов, благодаря которым различные реакции оформляются с разной скоростью, а животное научается различать знакомые и незнакомые предметы, диапазон стимулов, вызывающих поведение приближения, сужается до круга лишь знакомых раздражителей, тогда как остальные стимулы вызывают преимущественно реакции избегания (удаления) и/или агрессии. (При равновесии между незнакомыми и знакомыми стимулами обычно возникает исследовательское поведение.)

Очевидно, что эти парные процессы, будучи в принципе сравнительно простыми, оказывают серьезное влияние на становление всей организации поведения животного и ведут к далеко идущим последствиям. С одной стороны, если животное растет в зоне своей эволюционной адаптированности, его поведение организовано так, что животное стремится держаться поближе к другим животным, проявляющим дружелюбие, и к безопасным местам, не приближаясь к хищникам и иным опасным объектам. В силу этого такая организация поведения имеет большое значение для выживания.
С другой стороны, если животное вырастает в среде, выходящей за рамки зоны его эволюционной адаптированности, у него, может формироваться поведение с совершенно иной организацией: иногда — странной, иногда — вредящей выживанию.
Один из типов отклоняющейся от нормальной и часто дезадаптивной организации поведения, возникающей в результате развития животного в атипичной среде, можно проиллюстрировать литературными примерами, освещающими необычную дружбу между животными. Когда детеныши животных разных видов с детства растут вместе, между ними может возникнуть дружба, даже если они принадлежат к таким видам, как например, кошка и мышь, т.е. по своей природе являются «традиционными врагами».
Другой тип девиантной организации поведения наблюдается у животных, растущих в резко обедненной среде. Поведение животных в таком случае обычно носит совершенно неизбирательный характер — обычно они или приближаются, или избегают любых объектов. Например, опыты с двухлетними шимпанзе, которых растили в обедненной среде, показывают, что они не исследуют новые объекты и не манипулируют ими, причем чем беднее среда, в которой они выросли, тем большую робость они проявляют. В то же время ряд экспериментов, проведенных со щенками, выросшими в тесном помещении, показал, что они приближаются ко всему новому, даже опасному. В каждом из этих случаев сформированное в обедненных условиях поведение не имело избирательной направленности и как таковое было плохо приспособлено для выживания.
Значительная часть связей между определенными стимулами и определенными поведенческими системами устанавливается в результате процесса ограничения числа эффективных стимулов, иначе говоря, благодаря сокращению широкого диапазона потенциально эффективных стимулов до более узкого; однако иногда такие связи возникают в результате противоположного процесса — увеличения узкого диапазона до более широкого. Например, материнское поведение у мышей вызывается легче и большим числом стимулов, свойственных мышатам (даже если это мертвые детеныши), после приобретения самками опыта обращения с нормальными, живыми мышатами, чем до получения такого опыта.
Продолжительность стадий жизненного цикла, во время которых может происходить ограничение диапазона потенциально эффективных стимулов (или его расширение), часто бывает весьма короткой. (См. разделы, посвященные сензитивным периодам и запечатлению.)

ВЫРАБОТКА ЭЛЕМЕНТАРНЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ И ЗАМЕНА ИХ СЛОЖНЫМИ СИСТЕМАМИ

У новорожденного имеется несколько систем управления поведением (это в первую очередь касается систем, связанных с репродуктивным поведением), которые или вообще не активируются, или, что бывает чаще, активируются, но при этом не обладают такой организацией, которая необходима для достижения функционального результата, т.е. выполнения функции. Их онтогенез рассматривается в следующем разделе. Здесь же мы обсудим развитие таких систем, которые с момента своего появления обеспечивают реализацию функций.
В гл. 5 были перечислены различные типы организации систем управления поведением — от типа, отвечающего за самые простые из паттернов фиксированного действия, до типа,

отвечающего за самые сложные из целекорректируемых последовательностей. По сравнению с системами управления поведением зрелого животного системы, обслуживающие функции новорожденных млекопитающих, обычно относятся к более простым типам. В ходе развития вступают в действие более сложные типы систем управления поведением, так что нередко функция, регулируемая сначала системой простого типа, позднее начинает контролироваться системой более сложного типа.
Пример изменения системы в очень раннем периоде жизни можно наблюдать у гусят. В первые сутки жизни любой движущийся объект вызывает у них поведение следования. Однако через пару дней его вызывает только знакомый объект, если же он отсутствует, гусенок его *ищет.* Таким образом, поведение, первоначально организованное на основе простой целекорректируемой системы, быстро реорганизуется в часть плана. Подобным же образом развивается и поведение привязанности у детенышей обезьяны — начиная с простого рефлекторного хватания до сложной последовательности поведенческих реакций следования и цепляния, также организованных как компоненты плана.
Обычно переход от управления с помощью простой системы к управлению на основе системы, подчиняющейся более сложным принципам организации, происходит благодаря тому, что простая система становится частью более сложной. Как только она включается в сложную, ее активация становится более избирательной, чем ранее. Вместо того чтобы активизироваться сразу по получении элементарных стимулов (из более широкого или более узкого диапазона), активация тормозится до появления неких особых условий. Реализацию таких условий можно ожидать пассивно, или же ей можно активно способствовать поведением совершенно другого рода, но подходящим к ситуации (например, поисковым поведением, если рассматривать случай с гусенком).
У взрослых плотоядных и приматов поведение иногда строится, по-видимому, на основе простых плановых иерархий. Это положение легко понять, взяв в качестве примера поведение льва во время охоты за добычей или поведение стада бабуинов, перегруппировывающихся при виде хищников. Тем не менее такие сложные способы организации поведения демонстрируют только относительно зрелые животные: молодые львы или молодые бабуины не способны на столь сложно организованное поведение.
С переходом управления поведением от систем простого типа (стимул-реакция) к системам целекорректируемого типа часта, связывают смену поведения, которое регулируется на основе метода проб и ошибок, на поведение, управляемое инсайтом. Согласно теории Пиаже, это не что иное, как переход от поведения, организованного на основе сенсомоторного интеллекта, к, поведению, организованному на основе символического и допонятийного мышления. Пиаже (Piaget, 1947) поясняет этот шаг а развитии следующим образом: «Сенсомоторный интеллект действует наподобие фильма, который показывают с замедленной скоростью, когда есть последовательность отдельных кадров, но нет их слияния и поэтому нет непрерывного восприятия, необходимого для целостного понимания содержания фильма»; в то же время более сложная форма организации напоминает фильм, по? казанный с нормальной скоростью.
Для психического развития человека характерна не только: смена простых систем управления поведением на целекорректируемые, но и постепенное осознание индивидом своих установочных целей, разработка усложняющихся планов их достижения, повышение способности соотносить один план с другим для выявления несовместимости планов и их выстраивания с учетом приоритетов. В психоаналитической терминологии эти изменения описывают как процессы, происходящие благодаря вытеснению Ид под влиянием Эго.
Начальные стадии такого развития можно проиллюстрировать примером изменения типа системы, осуществляющей контроль за мочевым пузырем. Этот процесс, происходящий в течение первых двух-трех лет жизни, изучала Макгроу (McGraw, 1943). На протяжении первого года жизни опорожнением мочевого пузыря управляет рефлекторный механизм, который в течение первого полугодия жизни чувствителен к широкому диапазону

стимулов, а во втором полугодии — к более узкому. В начале второго года действие теряет автоматизм рефлекторного механизма. Однако ребенок, очевидно, еще не осознает ни самого акта, ни его последствий. Здесь на короткий период он идет на сотрудничество и его поведение становится более прогнозируемым. Однако эта стадия также проходит, и многие дети на какое-то время перестают сотрудничать. В конце концов — обычно к концу второго года — контроль переходит к более сложной поведенческой системе, организация которой позволяет учитывать как физиологическое состояние ребенка, так и его внешние обстоятельства. На этой стадии опорожнение мочевого пузыря обычно тормозится до тех пор, пока ребенок не окажется в подходящем месте (например, на горшке). Очевидно, что такое поведение направлено на достижение установочной цели (в данном случае — помочиться в горшок) и оно организовано на основе простого мастер-плана. В ходе выполнения этого плана переход от одной стадии необходимой последовательности поведенческих реакций к следующей (например, к поискам горшка, чтобы на него сесть) зависит от процесса получения информации по каналам обратной связи. Кроме того, успешность этой стадии (когда ребенок ищет горшок) зависит от того, имеется ли у него адекватная когнитивная карта помещения, в котором он живет.

Таким образом, простая реакция, первоначально чувствительная к широкому диапазону стимулов, оказывается включенной в систему управления поведением, организованную как иерархия планов и чувствительную к весьма специфическим объектам.

Считается, что аналогичная последовательность усложняющихся систем участвует в регуляции поведения привязанности у детей. Если в первые месяцы жизни такое поведение сводится к некоторым рефлекторным реакциям и следящим движениям, То на втором и третьем году жизни оно уже организовано с учетом установочных целей и планов. Эти планы организуются все более сложным образом, так что в конце концов включают в себя частные планы (подпланы). Установочная цель одного из них может изменять системы управления поведением, а также установочные цели по отношению матери как объекту привязанности ребенка. Эти вопросы обсуждаются в части IV.

Еще один пример постепенного усложнения нескольких систем, последовательно обслуживающих одну и ту же функцию, можно найти в поведении ребенка, связанном с приемом пищи. У новорожденного прием пищи является результатом поведения, организованного как цепочка простых паттернов фиксированного действия, т.е. результатом поисков соска, сосания и глотания. Обычно, эти паттерны приводятся в действие относительно неспецифическими стимулами внешней среды, но при определенном внутреннем состоянии новорожденного. Через несколько месяцев признаки поведения, связанного с кормлением, появляются только тогда, когда внешние условия воспринимаются ребенком как подтверждающие некий ожидаемый им паттерн, например ребенок видит мать, готовую к кормлению грудью, или бутылочку, или ложку. К началу второго года прием пищи уже обслуживается многими новыми формами поведения — ребенок может хватать пищу, отправлять ее в рот, откусывать, жевать. Связь между этими различными формами поведения соответствует организации, характерной скорее для плана, чем для цепочки. По мере взросления ребенка план становится все сложнее, а период времени его реализации — длиннее, например, он может включать покупку продуктов, приготовление пищи и т.д. Наконец даже у взрослых людей в общинах слаборазвитых стран прием пищи становится кульминационным моментом мастер-плана, который может охватывать целый сельскохозяйственный год и В котором в качестве подпланов выступает большой набор таких действий, как обработка земли, сбор урожая, хранение и приготовление пищи.

Таким образом, хотя в период младенчества и раннего детства структура поведения ребенка не может быть сложнее самого простого из планов, но уже в подростковом и взрослом возрасте поведение обычно строится на основе выработанных в ходе развития плановых иерархий. Этот огромный скачок в сложности организации поведения

становится возможным, безусловно, благодаря развитию способности ребенка использовать символические средства, особенно знаки человеческого языка.
Поскольку в период развития структура поведения, выполняющего ту или иную функцию, изменяется, — из простого и стереотипного оно превращается в сложное и вариативное, принято говорить, что у людей нет никакого инстинктивного поведения.; Другими словами, системы, отвечающие за инстинктивное поведение, обычно включаются в более сложные системы, так как типичные и узнаваемые паттерны инстинктивного поведения больше не наблюдаются, за исключением тех моментов, когда близко достижение установочной цели.
Повышение уровня управления поведением в процессе развития индивида и перехода от простых систем к более сложным, несомненно, в значительной степени происходит в результате развития центральной нервной системы. Проведенное Бронсоном сравнение (Bronson, 1965) сведений о поведенческих коррелятах различных отделов человеческого мозга и их состоянии развития в ранние годы жизни с тем, что известно о возрастающей сложности поведенческих систем, действующих на каждом возрастном этапе, позволяет предположить, что в период развития человека структура его мозга и структура поведения четко соответствуют друг другу.
В течение первого месяца после рождения отделы новой коры головного мозга у ребенка развиты слабо и соответственно этому его поведение находится на уровне одних лишь рефлекторных реакций и следящих движений. В течение третьего месяца некоторые отделы неокортекса, по-видимому, уже начинают выполнять свои функции, и тогда реакции ребенка становятся восприимчивыми к перцептивному паттерну, и на непродолжительное время их можно задерживать. Например, трехмесячный ребенок уже может ждать, пока его мать готовится к кормлению, тогда как в возрасте нескольких недель он был не способен на это. Тем не менее в течение первых двух лет жизни развитие отделов неокортекса, отвечающих за выработку связей, сильно отстает от развития первичных проекционных зон, и в соответствии с этим отставанием развитие когнитивных процессов и планов не идет дальше сравнительно примитивного уровня. Даже когда ребенку исполняется два года, префронтальные отделы мозга развиты у него все еще очень слабо. Имеющиеся данные позволяют предположить, что эти отделы мозга необходимы в тех случаях, когда нужно затормозить немедленную реакцию, чтобы план действия, зависящего от факторов, отсутствующих в непосредственном окружении, мог быть доведен до завершения. В соответствии с этими данными обнаружено, что только к концу дошкольного возраста большинство детей становятся способными сделать выбор, при котором учитывается весомость факторов, отсутствующих «здесь и теперь».
Можно сделать вывод, что на протяжении многих лет детства уровень сложности систем управления поведением строго ограничивается состоянием развития мозга. Аппарат управления поведением не может формироваться без необходимых предпосылок со стороны нервной системы, а пока он не будет сформирован, поведение будет больше следовать принципу удовольствия, чем принципу реальности.
Замена простых систем управления поведением все более и более сложными, в том числе плановыми иерархиями, — это закон развития поведения. С точки зрения адаптированности и эффективности поведения преимущества, создаваемые такой заменой, очевидны. Так же очевидны и опасности. Повторная замена одной системы на другую создает бесчисленные возможности для ошибок, так что в результате поведенческая система может стать менее, а не более эффективной и адаптированной.

ИНТЕГРАЦИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СИСТЕМ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЦЕЛОЕ

До сих пор мы рассматривали системы, которые с момента рождения выполняют возложенные на них функции, а в процессе онтогенеза заменяются более сложными

системами, продолжающими выполнение этих же функций. Однако некоторые системы вначале не выполняют функций, для которых предназначены, а начинают это делать только по мере интеграции с другими системами. При пер вой активации любой компонент системы вызывает либо отдельное движение, либо движение в неподходящем контексте, либо не в том месте последовательности.
Примером может служить поведение белки, прячущей орех. Это сложная последовательность движений, включающая выкапывание ямки, укладывание ореха, заталкивание его поглубже своей мордочкой, закапывание и притаптывание. Хотя каждый из, этих компонентов поведения появляется в определенном возрасте и не требует практики, для того, чтобы последовательность в целом была эффективной, обычно нужны некоторые упражнения. Например, неопытное животное может вырыть ямку и положить в нее орех, но зарывающие движения совершить не в том месте. Только при определенной практике последовательность выполняемых действий приводит к обычному функциональному результату.
У молодых животных примеры инстинктивного поведения, которое осуществляется бессмысленно и поэтому не достигает функционального результата, можно наблюдать также в сфере репродуктивной активности. Например, птенец большой синицы может демонстрировать отдельные фрагменты репродуктивного поведения — отрывочное пение, сооружение гнезда и спаривание, — но эти фрагменты совершенно оторваны от того контекста, в котором они выполняются у взрослой особи. Детеныши многих видов млекопитающих обоих полов имеют обыкновение взбираться друг на друга, производя бессмысленные действия без испускания семени во влагалище. Особый интерес для психоанализа представляет ряд проводимых в настоящее время исследований приматов.
У макака-резуса сексуальная зрелость достигается не ранее четырех лет. Тем не менее фрагменты сексуального поведения отмечаются у этого животного уже в возрасте нескольких недель. У молодых самцов эрекция пениса наблюдается в возрасте полутора месяцев и возникает особенно часто во время материнского ухода за ним. Попытки спаривания имеют место немного позже, и при этом животное необязательно взбирается на другое. Нередко бывает так, что в качестве животного, на которое направлены такие действия, выступает мать этого детеныша.
Эрекция и попытки спаривания наблюдаются также у детенышей шимпанзе. Как у макака-резуса, так и шимпанзе они могут возникать на фоне общего возбуждения; например, при ликовании по поводу возвращения своего собрата после краткого отсутствия, во время еды, в присутствии незнакомцев и если животное сдерживают физически. В обзоре на эту тему Мейсон (Mason, 1965а) делает вывод, что «различные составляющие [поведения спаривания самца], очевидно, появляются на разных стадиях онтогенеза и по-разному соотносятся с опытом и условиями, вызывающими эту реакцию». Такие наблюдения показывают, что фрагменты сексуального поведения нефункционального типа встречаются у детенышей многих, возможно, даже всех видов приматов и при своем появлении нередко бывают направлены на родителей. Частичные сексуальные влечения, активные в периоды младенчества и детства, внимание к которым привлек Фрейд, не ограничиваются человеком: по-видимому, у всех млекопитающих наличие инфантильных проявлений сексуальности — это правило.
Осуществить наблюдение за нефункциональными фрагментами сексуального поведения у детей непросто. Однако недавно Льюис (Lewis, 1965) опубликовал сообщение о своих наблюдениях за сексуальными движениями тазом у восьми-десятимесячных младенцев: «Это происходит только в условиях максимальной безопасности... В момент явного удовольствия ребенок обнимает мать, при этом он может расслабленно лежать у нее на груди. Обнимая мать за шею и уткнувшись в ее подбородок, он начинает делать быстрые вращательные движения тазом с периодичностью два раза в секунду. Это длится недолго (10—15 секунд). Обычно эти движения не сопровождаются эрекцией... и не заканчиваются чем-либо, напоминающим оргазм... данное явление наблюдается не только

у мальчиков. Одна мать наблюдала его у всех трех своих дочерей... [Оно] постепенно исчезает по мере того, как мать все меньше и меньше держит ребенка на руках... [но] были случаи, когда такое поведение замечали у детей старше трех лет... Оно не связано с кормлением, одеванием или активной игрой, в то же время иногда движения тазом наблюдались у расслабленного ребенка при соприкосновении его живота с одеялом или подушкой».

Каждый, кто наблюдал за игрой двух- или трехлетних детей, мог заметить, что маленький мальчик и маленькая девочка принимали позы, характерные для полового акта взрослых людей. Очевидно, что у детей не было ни малейшего представления об установочной цели последовательности поведенческих реакций взрослых, часть которой они воспроизводили.

Другой пример типичных компонентов инстинктивного поведения, встречающегося у детей, последовательность которого, однако, организована не соответствующим для выполнения функции образом, — это материнское поведение у маленьких девочек, а иногда и маленьких мальчиков. В течение довольно долгого периода трехлетний ребенок может вести себя как мать по отношению к кукле или даже к настоящему младенцу. Потом что-то его отвлекает, материнское поведение резко прекращается, и на долгое время кукла или младенец остается без внимания.

Процессы, с помощью которых эти рано появляющиеся фрагменты инстинктивного поведения начинают интегрироваться в законченные последовательности, приводящие к нормальным функциональным результатам, по-видимому, разнообразны. Некоторые из них мы уже обсуждали — это процессы ограничения стимульных объектов, активизирующих, направляющих или прекращающих действие системы управления поведением. Интересным примером может служить то, как первоначально не связанные друг с другом реакции только что вылупившегося цыпленка начинают адресоваться матери-курице. Эксперимент показывает, что в первые дни после вылупления из яйца цыпленок: а) следует за движущимся объектом; б) ищет безопасное убежище в случае беспокойства; и в) ищет тепло, если ему холодно. Хотя в искусственных условиях можно вырастить цыпленка таким образом, что каждая из этих поведенческих систем будет направлена на разные объекты, например, цыпленок будет следовать за картонной коробкой, искать безопасное место в мешке, а тепло — возле радиатора, тем не менее в естественных условиях во всех трех случаях поведенческие системы будут обращены к курице-матери.

Тесно связанные между собой процессы, приводящие к функциональной интеграции отдельных фрагментов поведения, — это те самые процессы, благодаря которым система, ответственная за какой-либо простой фрагмент поведения, становится звеном одной или нескольких цепочек.

Еще один вид такого процесса — включение компонента поведения в причинную иерархию. Оно может произойти вслед за изменением каузальных отношений между паттерном поведения и внутренним состоянием животного.

Нетрудно предположить, что поведение кормления легче всего возникает, когда животное голодно, и чем больший голод оно испытывает, тем, казалось бы, легче вызвать такое поведение. Однако это далеко не всегда так, по крайней мере на самых ранних этапах развития. Например, когда оперившийся птенец синицы начинает клевать, то делает он это по большей части, когда не голоден. Если же он испытывает голод, то ждет пищу от родителей. Результаты эксперимента аналогичным образом позволяют считать, что поведение сосания у щенков вначале проявляется независимо ни от голода, ни от приема пищи. Позднее клевание и сосание возникают легче всего в голодном состоянии, и таким образом они включаются вместе с другими формами поведения, связанными с приемом пищи, в систему, организованную на основе причинной иерархии.

В одних случаях в результате накопления опыта определенная реакция начинает возникать только при условии, что животное находится в соответствующем физиологическом состоянии (например, оно испытывает голод); в других случаях

результат приобретения опыта может быть прямо противоположным. Например, вначале сексуальное поведение кота организуется в функциональную последовательность, если при этом выполняются два условия: а) высокий уровень андрогенов; б) наличие у кота опыта спаривания. Достигнув такой организации, сексуальное поведение впоследствии может возникать даже при низком уровне андрогенов. Вполне возможно, что при этом способ организации сексуального поведения кота меняется, переходя с системы управления на основе цепочки на целекорректируемую систему. Как бы то ни было, но изменение такого типа — довольно обычное явление у высших млекопитающих. В этом случае новая система управления поведением не только более эффективна, но и, вероятно, в какой-то степени независима от тех условий, которые вначале были необходимы, чтобы ее вызвать.

Эти примеры иллюстрируют весьма общий принцип развития поведения. Он состоит в том, что как только последовательность поведения становится организованной, возникает тенденция к ее сохранению, даже если она сформировалась на основе нефункциональных механизмов и даже при отсутствии внешних стимулов и/или внутренних условий, от которых она вначале зависела. Поэтому конкретная форма, которую принимает любой частный компонент поведения, и последовательность, в рамках которой он вначале организуется, имеют очень большое значение для этого поведения в будущем.

Благодаря огромной способности человека к обучению и выработке сложных систем управления поведением, инстинктивны формы его поведения обычно включаются в гибкие поведенческие последовательности, весьма различные у разных людей. Таким образом, как только человек получает опыт достижения завершающей реакции, ведущее к ней поведение, по всей вероятности, реорганизуется на основе установочной цели и плановой иерархии. Так, по-видимому, происходит развитие сексуального поведения. До первого полового акта и оргазма сексуальное поведение человека организовано главным образом в виде цепочки. После получения человеком соответствующего опыта оно реорганизуется на, основе плана с установочной целью. Хотя такая реорганизация при-, водит к тому, что за большую эффективность в достижении прогнозируемого результата поведенческой последовательности отвечает, система управления поведением, у нее могут быть недостатки. Например, когда заранее известно о завершающем акте, человек может попытаться ускорить их достижение, минуя промежуточные стадии, в результате чего испытанное удовлетворение может оказаться совсем не таким, как ожидаемое.

Если, получив соответствующий опыт, в большинстве случаев или даже всегда можно предвидеть завершающую ситуацию (или ре-, акцию) инстинктивной поведенческой системы, то сказать, можно ли предвидеть выполнение функции до осуществления поведения, намного труднее. Считается, что у животных это невозможно. Что касается человека, то это возможно лишь иногда. Например, хотя о функциональных последствиях сексуального поведения, безусловно, известно до совершения полового акта, они могут и не наступить. Функциональные последствия потребления пищи, скорее всего, даже взрослые люди понимают не до конца, а функциональные последствия поведения привязанности, как мы покажем в последующих главах, остаются большей частью неизвестными даже среди специалистов.

Тот факт, что в некоторых случаях человеку известна функция поведения, может вести к двум видам отклонений. Первый вид имеет место, когда поведение сопровождается намеренным предотвращением его функциональных результатов, например, когда при половом акте используются противозачаточные средства или когда во время еды потребляются продукты, не содержащие питательных веществ. С другим видом отклонения мы сталкиваемся, когда функция реализуется без участия инстинктивного поведения, например, в случае искусственного оплодотворения или питания через трубку.

СЕНЗИТИВНЫЕ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ

Сказанное ранее достаточно ясно показывает, что у многих видов птиц и млекопитающих форма поведения взрослой особи непосредственно зависит от условий среды, в которой происходило ее развитие. У некоторых видов степень сензитивности определенных систем по отношению к окружающей среде может весьма незначительно меняться на протяжении всего цикла развития. Чаще, однако, сензитивность по отношению к среде на одной стадии цикла выше, чем на другой; а в некоторых случаях система управления поведением на одной стадии в высшей степени сензитивна, а на другой теряет свою сензитивность.

Самыми известными примерами сензитивных периодов в развитии аппарата поведения служат периоды, на протяжении которых круг стимулов, активизирующих или прекращающих действие системы, резко сужается, а их влияние становится необратимым. Другие примеры касаются формы, которую получают двигательные паттерны, и установочных целей.

В начале этой главы отмечалось, что у детенышей животных имеется явная тенденция реагировать поведением приближения на стимулы, опознаваемые как знакомые, и поведением удаления и избегания на стимулы, воспринимаемые как незнакомые. Частный случай действия этой тенденции можно видеть на примере развития поведения следования у утят и гусят. В течение первых часов после вылупления птенцы следуют за любым, увиденным ими первым, движущимся объектом. И не только это — очень скоро наступает момент, когда они следуют только за тем объектом, за которым следовали ранее, избегая всех остальных. Это быстрое научение, когда фиксируется знакомый объект, за которым затем начинает следовать птенец, называется «запечатлением». Нечто подобное встречается и у детенышей млекопитающих. Поскольку эти данные имеют прямое отношение к обсуждению той связи, которая устанавливается между ребенком и матерью, они приводятся далее в этой главе.

Круг объектов, на которые потенциально могут быть направлены другие поведенческие системы, на определенных стадиях развития также может резко и, очевидно, необратимо ограничиваться.

Пример, представляющий огромный интерес для психоаналитик ков, касается того, каким образом выбираются объекты, на которые бывает направлено сексуальное поведение. Законченные последовательности сексуального поведения обычно наблюдаются у птиц или млекопитающих только после достижения ими определенного возраста (хотя отдельные фрагменты такого поведения обычно присутствуют и раньше). Тем не менее круг объектов, на которые впоследствии будет направлено такое поведение конкретной особи (по крайней мере, у некоторых видов животных) определяется задолго до достижения половой зрелости. Это ярко проявляется в ситуации, когда животное растет вместе с представителями другого вида и, как часто бывает, начинает направлять свое сексуальное поведение на особей этого вида: у животных, которые воспитываются, среди людей, сексуальное поведение иногда бывает направлено на мужчин и женщин.

Точная информация о стадии развития детенышей разных видов животных, во время которой определяются признаки таких сексуальных объектов или, по крайней мере, когда возможно влияние на их последующий выбор, все еще весьма скудна. В этом отношении представляют интерес недавно опубликованные материалы экспериментов с птенцами дикой утки. Шуц (Schutz, 1965a) обнаружил, что на выбор взрослыми селезнями объекта сексуального поведения оказывает сильное влияние та птица, с которой они проводят ранний период своей жизни — примерно с трех до восьми недель после вылупления, т.е. задолго до появления законченной последовательности сексуального поведения. Если селезни растут с приемной матерью или с приемными «братьями» и «сестрами», принадлежащими к тому же виду, они всегда спариваются, как и следовало ожидать, с самками своего вида. То же самое происходит и в том случае, когда они растут вместе с

птицами своего и некоторых других, родственных, видов. Однако, если они растут вместе с птицами только родственных видов, две трети из них спариваются с самками этих видов (но не своего вида). Тем не менее, если они растут вместе с птицами не родственных видов, например с курами или лысухами, сексуальные предпочтения диких селезней не бывают направлены на особей данного вида.
Эти данные показывают, что первоначально сексуальное предпочтение дикого селезня связано с птицами собственного вида; что оно достаточно лабильно по отношению к условиям среды, в частности сексуальное поведение может направляться на птиц родственных видов; в то же время оно достаточно устойчиво и никогда не направляется на птиц не родственных видов.
Некоторые данные, приведенные Шуцем, свидетельствуют также о том, что если самец растет с приемной матерью, принадлежащей к другому виду, то вероятность, что у него возникнет предпочтение самки данного вида, будет больше, чем в случае, когда он растет с приемными «братьями» и «сестрами». Но поскольку птицы, выросшие вместе, редко спариваются друг с другом, ясно, что сексуальное предпочтение, которое устанавливается в первые недели жизни, существует для представителей данного вида в целом, а не для отдельной особи в частности.
Шуц (1965b) сообщает также об условиях, при которых дикий селезень выбирает гомосексуального партнера. Если дикие селезни растут с птицами обоих полов, они выбирают самок. Однако если они не менее семидесяти пяти дней находятся в окружении одних самцов, то образуют гомосексуальные пары и позднее уже не проявляют интереса к самкам. Предпочтение гомосексуального партнера становится поразительно устойчивым: оно упорно продолжается несмотря на то, что оба партнера всегда играют роль самца и совокупления никогда не происходит.
На самом деле устойчивость категории объектов, на которые бывает направлено сексуальное поведение, после установления его предпочтения — обычное явление для многих видов. Несмотря на его неадекватность как с точки зрения полового акта, так и с точки зрения функциональных последствий, сдвиг в сторону более подходящей категории объектов обычно не происходит после того, как установлен предпочтительный выбор сексуального объекта, даже если соответствующие представители имеются. Примером может служить мужчина, испытывающий половое влечение к неодушевленным предметам (фетишист).
У многих видов птиц и млекопитающих объекты, на которые может быть направлено материнское поведение, также могут меняться в зависимости от условий окружающей среды. Известным примером является заботливое отношение мелких видов птиц к кукушонку, оказавшемуся в их гнезде. Птицы многих других видов часто выступают в роли приемных родителей совершенно не подходящих для них птенцов. Имеется немало рассказов о самках млекопитающих, ставших приемными матерями для детенышей животных других видов. Однако в большинстве случаев эта извращенная направленность материнского поведения пластична, т.е. опыт, связанный с выращиванием детеныша — представителя другого вида, не приводит к постоянному предпочтению детенышей этого вида.
Тем не менее многочисленные данные свидетельствуют о том, что у некоторых видов млекопитающих материнское поведение в сензитивном периоде после родов направляется на ограниченный круг детенышей. Это давно известно пастухам, которые пытаются овцам, потерявшим своих ягнят, дать на выкармливание других. Пастуху приходится приложить немало усилий, чтобы овца, состояние которой целиком определяется потерей своего ягненка, стала матерью для осиротевшего детеныша. Резкое ограничение объектов, на которые может быть направлено материнское поведение, хорошо показывает эксперимент, описанный Хершером, Муром и Ричмондом (Hersher, Moore, Richmond, 1958). Вскоре после появления на свет у козы двух козлят одного из них отняли от матери на два часа, а затем вернули, в то время как другой козленок постоянно оставался с

матерью. Продолжая исполнять материнские обязанности по отношению к оставшемуся козленку, коза отказывалась принимать другого, которого у нее на время отбирали. Очевидно, что у этого вида животных фиксация объектов, на которые будет; направлено материнское поведение, происходит в течение нескольких часов после окота.
Известно также, что и в развитии формы двигательных паттернов и способов их интеграции в функциональные (или нефункциональные) последовательности в некоторых случаях имеют место сензитивные периоды. Примерами служат стереотипные движения, характерные для многих животных, выросших в условиях одиночного содержания в маленьких клетках. Обычно эти неадаптивные по сути движения упорно сохраняются в репертуаре животного даже после изменения условий на соответствующие зоне эволюционной адаптированности. Подобное повторение однажды выработанных моторных действий знакомо всякому, кто занимался играми, требующими согласованных движений мышц. Если человек овладел каким-то видом удара при игре в теннис или в какой-нибудь подобной игре, ему потом очень трудно перестроиться и освоить более совершенный удар — он постоянно возвращается к удару, освоенному ранее.
Именно такого рода данные, основанные как на экологически стабильном, так и на лабильном поведении по отношению к окружающей среде, привели Хайнда к выводу, что, очевидно, выполнение реакции ipso facto ((лат.) — в силу самого факта. — *Примеч. пер.)* увеличивает вероятность ее повторения в последующих случаях.
Как мы уже отмечали, категория объектов, на которые должно быть направлено сексуальное поведение животного (по крайней мере, у некоторых видов) зависит от сензитивного периода, который имеет место еще до его полового созревания. Существуют явные свидетельства в пользу того, что двигательные паттерны сексуального поведения приматов также имеют свой сензитивный период развития. После большой серии экспериментов, в ходе которых Харлоу со своими сотрудниками растил детенышей макака-резусов в условиях, различных с точки зрения присутствия других особей и сильно отличающихся от среды эволюционной адаптированности, ученый и его коллеги приходят к такому заключению:
«Большой объем данных, полученных в результате наблюдений в лабораториях Висконсина, показывает, что на гетеросексуальное поведение огромное влияние оказывает ранний опыт, а неспособность детенышей успешно устанавливать друг с другом эмоциональные отношения задерживает или делает невозможным адекватное гетеросексуальное поведение во взрослом возрасте» (Harlow, Harlow, 1965).
Хотя в более ранней совместной публикации Харлоу и его коллеги (Harlow et al., 1962) утверждали, что поведение развивается нормально при условии, что детеныш обезьяны получает опыт игры с обезьянками того же возраста, даже если он был лишен материнской заботы, последние данные показывают, что существуют значительные индивидуальные различия и что не все такие обезьяны имеют нормальное гетеросексуальное поведение в подростковом и взрослом возрасте. В личной переписке Харлоу сообщает: «Я сейчас совершенно убежден, что не существует адекватной замены для матерей-обезьян на ранних этапах процесса социализации».
Харлоу и его коллеги считают, что у макака-резусов сексуальное поведение самцов более лабильно в отношении условий окружающей среды, чем сексуальное поведение самок. Различия такого рода, причем даже более значительные, отмечены также и у шимпанзе. В сравнительном исследовании развития сексуального поведения самцов у приматов Мейсон (Mason, 1965a) так описывает свои наблюдения:
«Интеграция этих реакций в паттерн спаривания взрослых особей у макак происходит значительно раньше, чем у шимпанзе... Если самец макаки растет в условиях, обеспечивающих адекватные социальные контакты [а не в условиях их отсутствия], у него развивается паттерн сексуального поведения, типичного для взрослого животного, задолго до полового созревания, тогда как у шимпанзе при подобных обстоятельствах этот паттерн, очевидно, не развивается... В то же время самец макаки, у которого к

подростковому возрасту не появляется паттерн сексуального поведения взрослой особи, не имеет его и позднее, тогда как шимпанзе способен научиться такому поведению. ...Самец макаки, возможности которого в научении взаимодействию с другими особями до подросткового возраста были ограничены, будет плохо приспособлен к сексуальному поведению из-за сильной склонности к игре и агрессивным действиям».

Последняя фраза из описания Мейсона привлекает внимание к тому обстоятельству, что для адаптированности социального поведения, в том числе сексуального и родительского, необходимо торможение определенных реакций или, по крайней мере, их сдерживание. Например, ярко выраженное агрессивное поведение самца имеет адаптивный характер, когда оно направлено против хищников или когда в некоторых случаях оно адресуется взрослым или молодым самцам, но является дезадаптивным, если направлено на самок или детенышей. Аналогичным образом, чтобы быть адаптивными, поведение привязанности и родительское поведение должны осуществляться в соответствующих условиях. Для реализации адаптивных функций социального поведения взрослое млекопитающее должно быть действительно весьма избирательным в своих реакциях и сохранять хорошее равновесие между ними.

Остается неясным, какие именно сензитивные периоды могут иметь место в развитии реакций социального поведения у взрослых приматов (исключая человека) и какие именно условия, а также опыт необходимы животному в младенчестве, детстве и подростковом возрасте, чтобы они стали адаптивными[1].

---

[1]Например, новые наблюдения за поведением взрослых особей макака-резусов, выросших в условиях изоляции, проводившиеся в другой лаборатории, не подтвердили данные Харлоу, что у них наблюдается значительное ослабление гетеросексуального поведения. Ни автор этого исследования Мейер (Meier, 1965), ни Харлоу не дают объяснения противоречиям в полученных ими данных.

Сказанное еще в большей степени относится к развитию человека. Наличие сензитивных периодов в развитии человека представляется более чем вероятным. Однако до тех пор пока о них не станет известно много больше, следует быть осторожными. Можно предполагать, что чем сильнее социальная среда, в которой растет ребенок, отклоняется от условий зоны его эволюционной адаптированности (очевидно, обычный круг контактов образуют отец, мать, сестры и братья, а также дедушки, бабушки и какое-то число других знакомых семей), тем больше риск развития у него дезадаптивных паттернов социального поведения.

ЗАПЕЧАТЛЕНИЕ

Применение термина

Поскольку часто возникает вопрос, существует ли запечатление в онтогенезе человека, необходимо иметь четкое представление о том, что означает этот термин и как он в настоящее время используется.

Сейчас термин «запечатление» применяется в двух разных значениях, причем оба они впервые встречаются в новаторских исследованиях Лоренца, посвященных поведению гусят и утят (Lorenz, 1935). В одном случае термин имеет узкое значение, в другом — широкое.

Узкое значение термина тесно связано с первоначальными представлениями Лоренца о запечатлении. В своих ранних статьях Лоренц не только обращал внимание на то, что у многих видов птиц поведение привязанности быстро сосредоточивается на конкретном объекте (или на определенном классе объектов), но и утверждал, что ведущий к этому процесс обладает уникальными особенностями: «У запечатления есть ряд характерных

свойств, которые в корне отличают его от процесса научения. Он не имеет аналога в психологии других живых существ, причем менее всего у млекопитающих» (там же). Четыре отличительных свойства запечатления, по Лоренцу, следующие: 1) в общем цикле развития происходит оно только в течение короткого критического периода; 2) оно необратимо; 3) представляет собой надындивидуальную[1]* форму научения; и 4) оказывает влияние на те виды поведения, которые еще не получили своего развития и отсутствуют в репертуаре животного, например выбор сексуального партнера. Лоренц также посчитал запечатлением ту форму научения, которая имеет место у птенцов в ходе их следования за движущимся объектом.

[1]*Понятие «надындивидуальная форма научения» в данном контексте означает, что в дальнейшем поведение птенца будет направлено не только на конкретную особь, которую он видел, а на целый класс организмов, к которым относится особь, послужившая стимулом-объектом. — *Примеч. ред.*

За тридцать лет, которые прошли с того момента, когда Лоренц сформулировал свою точку зрения, положение изменилось. С одной стороны, более подробное изучение феномена, к которому привлек внимание Лоренц, показывает, что ни критический период, ни необратимость запечатления не столь абсолютны, как он предполагал; оно также показывает, что научение такого рода происходит, даже если птенец не следует за объектом, например, когда перед ним находится неподвижный паттерн. С другой стороны, в огромной степени благодаря работам самого Лоренца теперь признано, что некоторые особенности, считавшиеся отличительными чертами запечатления, в какой-то степени свойственны и другим процессам научения, включая научение у млекопитающих. Образно говоря, что вначале казалось черным и белым, при внимательном рассмотрении оказалось целой гаммой оттенков серого.

Эти изменения в представлениях о запечатлении привели к расширению значения данных терминов. В соответствии с ним «запечатление» относится к любым процессам, в результате которых «сыновнее» поведение привязанности птенца или детеныша млекопитающего устойчиво адресуется одному выбранному им объекту (или нескольким объектам). В широком смысле этот термин можно также использовать применительно к процессам, благодаря которым и другие формы поведения направляются преимущественно на определенные объекты, например, материнское поведение — на конкретного птенца или детеныша, а сексуальное поведение — на конкретного партнера (или партнеров). Процитируем Бейтсона (Bateson, 1966):

«Хотя многие реакции возникают исключительно в ответ на те стимулы, которые их вызвали впервые, все же развитие социальных предпочтений у птиц служит особенно ярким примером; действительно, дело доходит до того, что процессы, с помощью которых приобретаются другие предпочтения и привычки, часто классифицируют на основе сходства с ним. Процесс, благодаря которому избирательное поведение в отношении других особей ограничивается особой категорией объектов, обычно называют «запечатлением».

Среди других форм поведения, на которые стал распространяться этот термин, — развитие у животного предпочтения определенной среды обитания или жилища (например, Thorpe, 1956).

В конце 1960-х гг. вопрос, как лучше использовать этот термин — в узком или в широком значении, — стал по сути чисто теоретическим, так как в двух своих обзорах по этой теме оба автора, Слакин (Sluckin, 1965) и Бейтсон (Bateson, 1966), используют его в общем значении. Верно то, что хотя некоторые из первоначальных гипотез Лоренца и были ошибочными, тем не менее феномен, к которому он привлек внимание, остается столь

поразительным, а термин, который он ввел, таким точным, что, каковы бы ни были на самом деле процессы, лежащие в его основе, сам термин необходимо сохранить.
В своем общем значении этот термин всегда означает: а) развитие явно выраженного предпочтения; б) предпочтение, которое развивается весьма быстро и обычно в течение ограниченного периода в рамках общего жизненного цикла; и в) предпочтение, которое после того, как оно сформировалось, остается достаточно устойчивым. Реакции, которые способен вызвать особо предпочитаемый объект, могут быть разнообразными, они могут меняться по мере взросления особи, но, тем не менее, все они относятся к поведению приближения (в том числе иногда это приближение- нападение).
Однако помимо приведенных базовых признаков понятия «запечатление», в его современном использовании пока еще остается много неясного. Оно, в частности, ничего не говорит о том, являются ли процессы, лежащие в основе данного феномена у различных видов животных и птиц, однотипными или же они варьируются от вида к виду, от отряда к отряду, от разряда к разряду. Это важно, поскольку, как постоянно подчеркивает Хайнд, линии эволюции, которые привели к появлению птиц, с одной стороны, и млекопитающих — с другой, разделились очень давно — еще во времена ранних рептилий. Поскольку тогда не было поведения привязанности, это значит, что каждая более высокая ветвь царства животных участвовала в развитии привязанности независимо от других. Хотя появившиеся в результате формы поведения могут выглядеть поразительно похожими, это сходство имеет место только благодаря конвергентной эволюции; и поэтому в основе данного поведения могут лежать совершенно разные процессы.
Зачем же в таком случае изучать процессы, происходящие у птиц? Дело в том, что в результате обширной экспериментальной работы, проводившейся с ними в течение последних десяти лет, проблемы стали более четкими, а вопросы были переформулированы. Кроме того, используемое в настоящее время значение термина «запечатление» — это значение, которое возникло в результате исследований поведения привязанности у птиц.

Запечатление у птиц

Следующее краткое изложение сделано на основе обзоров Слакина (Sluckin, 1965) и Бейтсона (Bateson, 1966), оно также многим обязано Хайнду (Hinde, 1961, 1963, 1966).
1. В течение короткого времени после вылупления птенцы многих видов птиц, сооружающих гнезда на земле, проявляют явное предпочтение практически любому знакомому им объект)', стремясь к сохранению зрительного и слухового контакта с ним. Обычно это выражается не только в приближении к объекту, нахождении возле него и следовании за ним, если он двигается, но и в его поисках, если он отсутствует. Оно также вызывает изменение крика птицы **в** зависимости от того, присутствует объект или нет. Если предпочитаемый объект отсутствует, птенец обычно издает горестные крики, но когда объект наконец находится, они сменяются криками удовлетворения. Таким образом, запечатление оказывает влияние на широкий круг разных форм поведения.
2. Хотя птенцы по определению подвержены запечатлению обширного диапазона объектов-стимулов, как зрительных, так и слуховых, тем не менее в отношении одних объектов реакции запечатления осуществляются более эффективно, чем в отношении других. Например, запечатление чего-то движущегося или яркого, хорошо заметного обычно происходит быстрее и на более долгий срок, чем чего-то неподвижного и менее заметного. Более того, по крайней мере, у некоторых видов одновременное воздействие таких слуховых стимулов, как кряканье, намного увеличивает эффективность действия зрительных стимулов. Таким образом, с самого начала птенец склонен к запечатлению одних объектов больше, чем других.
3. Вопреки предположению Лоренца о том, что процесс запечатления происходит в общем-то мгновенно и, возможно, представляет собой пример научения с первой

попытки, в настоящее время ясно, что чем дольше птенец находится под воздействием объекта, тем сильнее у него будет выражено предпочтение этого объекта.

4. Процесс запечатления, по-видимому, имеет много общего с той формой научения, которая известна как «перцептивное научение» или «научение в результате воздействия», «поскольку в обоих случаях на способность реагировать на стимул влияет предшествующий опыт воздействия этого стимула независимо от того, связан ли он с каким-либо подкреплением» (Hinde, 1966). В этом пункте Хайнд и Слакин приходят к согласию с Лоренцем, который считал, что запечатление отличается от других форм научения тем, что оно не связано «ни с образованием ассоциаций, ни с подкреплением, по крайней мере, так, как обусловливание классическое либо инструментальное» (Sluckin, 1965)[1].

---

[1]Следует отметить, что Бейтсон (Bateson, 1966) не вполне согласен со Слакином и Хайндом. Он считает, что ассоциативное научение и научение в результате воздействия различаются между собой меньше, чем можно предполагать. Тем не менее ни один из этих исследователей не поддерживает точку зрения, выдвинутую Мольтцем (Moltz, 1960), что запечатление объекта происходит в результате образования у птенца связи между объектом и состоянием успокоенности. Как указывает Слакин (Sluckin, 1965), такое объяснение не является ни необходимым, ни убедительным, и, вероятно, оно может привлечь только тех, кто уверен, что всякое научение должно подкрепляться снижением интенсивности влечения или быть связано с ним.

5. Существует сензитивный период, в течение которого легче всего запускается процесс усвоения черт предпочитаемого объекта. Поскольку научение в какой-то степени может происходить как до, так и после периода максимальной сензитивности, первоначальное предположение Лоренца относительно критического периода с его резким началом и окончанием нуждается в некотором уточнении, особенно в том, что касается окончания.

6. На возраст, в котором начинается сензитивный период у птиц и до наступления которого запечатление не происходит, опыт, приобретенный после вылупления, не оказывает большого влияния. Это означает, что начало этого периода связано с экологически стабильными процессами развития, на которые не влияют условия окружающей среды.

7. Возраст, в котором падает готовность к запечатлению, значительно более изменчив. Условия и процессы, влияющие на него, все еще остаются предметом споров. Результаты многочисленных экспериментов показывают, что если птенца содержат в изоляции от других особей, в однообразной обстановке, у него не происходит запечатления и он оказывается не способен к нему. Однако если на основе запечатления у него возникнет связь с каким-нибудь объектом, после этого крайне трудно добиться запечатления какого-либо другого объекта. Например, пребывание птенца в изоляции может продлить сензитивный период (хотя и не безгранично), однако как только произойдет запечатление, сензитивный период закончится. Если бы этот процесс был единственным, было бы достаточно сказать: «Способность к запечатлению утрачивается в результате запечатления».

Хотя Бейтсон (Bateson, 1966) склонен принять эту точку зрения, представляется вероятным, что у некоторых видов независимо от первого процесса происходит и второй. Этот второй процесс, постулируемый Хайндом (Hinde, 1966), заключается в увеличении с возрастом легкости возникновения реакций страха или избегания с последующим уменьшением легкости их угасания.

Как бы то ни было, несомненно одно: после запечатления у птицы возникает реакция страха других встречающихся ей объектов. Поэтому по мере возможности птенец избегает любого нового объекта, чтобы его воздействие было очень кратким и не могло

произойти запечатление. Более того, чем сильнее Первоначальное запечатление, тем устойчивее избегание всего нового.

Однако, если птенца или детеныша насильно удерживать в присутствии нового объекта, реакция страха может частично или полностью угаснуть. В таких обстоятельствах через некоторое время он может приблизиться к новому объекту или последовать за ним. Он даже может предпочесть этот объект первоначальному. Произойдет это или нет, зависит, по-видимому, от многих факторов, наиболее важным из которых является сила первоначального запечатления. И поскольку иногда действительно может возникнуть реальное предпочтение нового объекта, становится очевидным, что существуют условия, при которых запечатление обратимо.

8. Лоренц, безусловно, несколько преувеличивал, когда заявлял, что запечатление необратимо. Устойчивость предпочтения может быть высока или низка; причем это зависит от многих факторов, среди которых — вид животного, продолжительность периода, в течение которого птенец или детеныш находились под воздействием объекта запечатления, а также конкретное рассматриваемое поведение. В последнем случае важно, идет ли речь о поведении привязанности детеныша через несколько дней или недель после запечатления или о его сексуальном поведении спустя месяцы или годы после него. Тем не менее, даже если предпочтения не всегда необратимы, как только они твердо установятся, они приобретают более прочный характер, чем можно было бы ожидать: известно множество удивительных примеров, свидетельствующих о стойких предпочтениях, сохранявшихся на протяжении долгого времени в отсутствие объекта запечатления.

Область, которая все еще требует прояснения, — это отношение между усвоением индивидуальных различий и усвоением межвидовых различий. В своей первоначальной формулировке Лоренц указывал, что запечатление — явление скорее надындивидуальное, т.е. усвоение характерных черт какой-то категории объектов, например, биологического вида, а не особенностей отдельной особи, и что запечатление влияет на паттерны поведения, которые еще не развиты и отсутствуют в репертуаре животного, например усвоение категории объектов, на которые позднее будет направлено сексуальное поведение. В настоящее время имеются данные, что у некоторых видов животных могут происходить оба этих процесса. Тем не менее, когда в результате научения птенец запоминает характерные черты своего родителя и следует за ним, это свидетельствует о том, что научение относится к конкретному родителю и ни в коей мере не является надындивидуальным. (Как указывает Хайнд (Hinde, 1963), птенец, не умеющий отличать своего родителя от других особей, очень скоро окажется в опасной ситуации, поскольку чужой родитель на него может напасть.)

Проблема запечатления у млекопитающих и вопрос о том, происходит ли нечто подобное у человека, рассматривается в последующих главах, особенно в гл. 12.

СРАВНЕНИЕ СТАРЫХ И НОВЫХ ТЕОРИЙ ИНСТИНКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В этой и в предыдущих главах были представлены современные взгляды на инстинктивное поведение многих ученых, занимающихся поведением, обозначен ряд проблем, с которыми им пришлось столкнуться, а также приведены предложенные ими понятия. В ходе изложения этого материала у нас было достаточно возможностей показать, что современная теория инстинктов пытается разрешить те же самые проблемы, которые рассматривает традиционная психоаналитическая теория, что при этом выдвигаются идеи, которые в ряде случаев совпадают с идеями из области психоанализа, а во многих других случаях тесно связаны с теми или иными вариантами психоаналитических идей. Обладают ли эти новые идеи более мощным объяснительным потенциалом, чем старые, или нет? Во всяком случае нельзя сказать, что они игнорируют

эмпирические данные, полученные в психоанализе, или те обобщения, которые вытекают из этих данных. Существенные различия между этими двумя концептуальными системами имеются только на более абстрактном, метапсихологическом уровне.
Представленная здесь кратко теория, как уже отмечалось, непосредственно основывается на теории, выдвинутой Дарвином в «Происхождении видов». Эта теория рассматривает инстинктивное поведение как результат поведенческих структур, которые при одних условиях вступают в действие, а под влиянием других прекращают свою активность. Считается, что сложные последовательности поведения возникают как результат последовательной активации, а затем прекращения действия единиц поведения, причем их последовательным появлением управляет поведенческая структура более высокого уровня, организованная как цепочка, причинная иерархия, плановая иерархия или какой-то комплекс всех этих структур. В некоторых аспектах предложенная теория включает в себя идеи, выдвинутые Фрейдом в таких его работах, как «Три очерка по теории сексуальности» (Freud, 1905) и «Влечения и судьбы влечений» (1915а). В них он постулирует понятие «частичные влечения», разграничивает представления о цели инстинкта, т.е. условиях, которые прекращают инстинктивное поведение, и его функции, а также отмечает, как вариабельны объекты, на которые направлен конкретный вид инстинктивного поведения.
В то же время признается, что новые идеи составляют антитезы некоторых других положений Фрейда. Одним из них является идея о психической энергии, которая может перетекать и разряжаться через различные каналы. Другие идеи содержатся в его работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920а) и в последующих работах, где Фрейд пытается представить конкретные виды поведения как формы проявления чрезвычайно общих сил — инстинктов жизни и смерти. В то время как более поздние теории Фрейда представляют организм так, что его жизнь начинается с кванта неструктурированной энергии, которая в ходе развития постепенно становится все более структурированной, — «там, где есть Ид, буде т Эго»,. согласно представленной в этой книге теории, которая согласуется с многими из ранних идей Фрейда, в начале жизни организм обладает большим, но не бесконечным числом структурированных систем управления поведением (некоторые из них потенциально активны начиная с рождения, другие становятся таковыми спустя какое-то время). Последние в процессе развития достигают высокого уровня сложности благодаря процессам научения и интеграции, а у человека — путем имитации и использования символов. В результате поведение человека становится удивительно разнообразным и гибким. Носит ли оно при этом адаптивный характер или нет, зависит от многочисленных и разнообразных условий протекания онтогенеза.
Представление о том, что объяснение необычных и часто дезадаптивных отклонений, которым подвержено инстинктивное поведение, нуждается в гипотезе о психической энергии, связанной с общей целью, в рамках предлагаемой теории отвергается как ненужное. Когда поведенческая структура активизирована, физическая энергия в ней, конечно, участвует; но объяснение поведения животного нуждается в понятии психической энергии ни чуть не больше, чем объяснение поведения механической системы управления. Существование дезадаптивных форм поведения (так же как и поведения, которое выглядит так, будто замещает собой какое-то другое поведение) можно объяснить множеством способов, ни один из которых не нуждается в понятии психической энергии, которая может перетекать из одного канала в другой. Аналогичным образом различия в интенсивности поведенческого акта можно отнести за счет различий в активизирующих условиях, состояния развития активизированных систем управления поведением, а не за счет увеличения давления психической энергии. Поэтому необходимости во фрейдовском понятии «Trieb» ((нем.) — влечение. — *Примеч. пер.),* столь неудачно переведенном как «инстинкт», нет, а вместе с ним, разумеется, и в самом «экономическом» подходе.

О достоинствах научной теории нужно судить по тому кругу явлений, который она охватывает, по внутренней согласованности ее структуры, по точности прогнозов, которые она может делать, и осуществимости их проверки. Думаем, что теорию нового типа можно высоко оценить по всем этим критериям. В частности, на основе предложенных понятий и методов наблюдения и эксперимента, разработанных в этологии и сравнительной психологии, теперь есть возможность создать серьезную перспективную программу исследования развития социальных реакций человека, начиная с периода младенчества и далее. Таким образом, можно составить перечень систем управления поведением, участвующих в инстинктивных формах поведения человека, и установить, как происходит развитие каждой из них. Можно изучить каждую систему и выявить характер условий, которые активизируют и прекращают ее действие, а кроме того, установить причины, по которым у некоторых индивидов системы активизируются и тормозятся под влиянием необычных объектов. Можно также исследовать условия, ведущие к аномальным по силе проявлениям определенного поведения, — слишком сильным или слишком слабым, а также условия, ведущие к сохранению такого состояния. Кроме того, большой интерес для изучения представляют конфликты, возникающие, когда две (или более) несовместимые системы активизируются одновременно, а также способы урегулирования конфликта. Наконец, особый интерес представляет исследование сензитивных периодов, на протяжении которых и развиваются процессы регулирования конфликтов, а также изучение условий, в силу которых один тип регулирования у индивида становится преобладающим.

Даже этот краткий набросок показывает обширность программы. Клиницисты оценят ее иначе, так же, как по-иному воспримут ее отношение к традиционному методу исследования, когда ранние стадии развития реконструируются на основе изучения более поздних стадий. Однако поскольку плоды этого нового подхода еще только начинают появляться, очевидно, что преждевременно питаться судить о его возможной ценности. Для многих этот подход несет с собой надежду на то, что с введением в исследование ран? него эмоционального развития более точных понятий и более строгих методов начнется период, когда мы будем располагать достаточным количеством надежных данных, в свете которых можно будет; оценить положения альтернативных теорий.

Часть III. ПОВЕДЕНИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ

Глава 11. СВЯЗЬ МЕЖДУ РЕБЕНКОМ И МАТЕРЬЮ: ПОВЕДЕНИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ

Я начал с констатации двух фактов, поразивших меня своей новизной и состоявших в том, что сильная зависимость женщины от своего отца переходит по наследству от столь же сильной привязанности к матери и что эта стадия более ранней привязанности длится неожиданно длительное время. Все, связанное с этой первой привязанностью, казалось мне в ходе анализа настолько трудным для понимания...

З. Фрейд (Freud, 1931)

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ТЕОРИИ

Путь, ведущий к пониманию тех уз, которые связывают ребенка с матерью, пролегает через понимание его реакции на разлуку с ней. В психоаналитических трудах обсуждение данной темы ведется в терминах объектных отношений[1]. Поэтому в любом изложении традиционной теории неизбежно частое использование терминологии объектных отношений, однако новую теорию предпочтительнее представить в таких терминах, как «привязанность» и «лицо, к которому привязан ребенок» («attachment-figure»)[2]*.

В течение долгого времени психоаналитики были единодушны в признании того, что основы личности складываются в ранних отношениях ребенка с другими людьми, но до сих пор нет единого мнения относительно природы и происхождения этих отношений. Несомненно, что именно в силу их особой важности точки зрения ученых на них резко расходятся, а страсти накалены. Бесспорно, что в настоящее время ученые пришли к согласию относительно следующего эмпирического факта: в течение первых двенадцати месяцев жизни практически у всех младенцев возникает сильная связь с матерью[3]. Однако единое мнение по поводу того, как быстро она устанавливается, какие процессы при этом происходят, как долго она сохраняется и какую функцию выполняет, отсутствует.

---

[1]Эта терминология идет от фрейдовской теории влечения, где объект влечения определяется как «то, посредством чего влечение способно достигать своей цели» (Freud, 1915a. P. 122).

[2]* В некоторых отечественных публикациях введенный Дж. Боулби термин «attachment-figure» переводится так же, как и привычное в русле психоаналитической традиции понятие «объект привязанности». В связи с этим обращаем внимание читателя на сознательное намерение Боулби использовать терминологию, отличную от психоаналитической. По этой причине, а также из-за неприемлемости буквального перевода упомянутого понятия на русский язык («фигура привязанности») в данном тексте используется выражение «лицо, к которому привязан ребенок» или в некоторых случаях «человек, к которому привязан ребенок». — *Примеч. ред.*

[3]В гл. 2 пояснялось, что хотя на протяжении всей книги говорится о матерях, а не о лицах, выполняющих роль матери, следует учитывать, что везде имеется в виду человек, который по отношению к ребенку выполняет функции матери и к которому у ребенка формируется привязанность, а не обязательно его родная мать.

До 1958 г., когда были опубликованы первые статьи Харлоу, а также ранний вариант теории, представляемой в данной книге (Bowlby, 1958), в психоаналитической и иной литературе по психологии можно было обнаружить четыре основные теории, трактующие природу и происхождение привязанности ребенка. Остановимся на них.

1. У ребенка имеется ряд физиологических потребностей, которые нуждаются в удовлетворении, в частности, потребности в пище и тепле. Интерес и привязанность ребенка к людям, особенно к матери, возникает в результате заботы матери об удовлетворении его физиологических потребностей, а также вследствие того, что ребенок постепенно усваивает, что источник этого удовлетворения — мать. Я буду называть такую точку зрения теорией вторичного влечения — термином, который заимствован из теории научения. В контексте объектных отношений ее также называются теорией буфета.

2. У младенцев существует врожденная склонность определенным образом относиться к материнской груди, — они сосут ее И стремятся к оральному обладанию ею. В свое время младенец узнает, что к груди «прилагается» мать, и тогда устанавливает отношения также и с ней. Я предлагаю называть этот подход теорией сосания первичного объекта[1].

---

[1]В рамках данной системы понятий термины «первичный» и «вторичный» соответственно означают, что реакция рассматривается как развивающаяся самостоятельно либо как целиком производная от какой-либо более примитивной системы и возникающая в ходе научения. В данной книге эти термины будут использоваться именно в таком значении. Они не имеют отношения ни к периоду жизни, в котором возникает реакция, ни к первичным и вторичным процессам, постулированным Фрейдом.

3. У младенцев имеется врожденная склонность искать соприкосновения, тактильного контакта с человеческим существом, прильнуть к нему. В этом смысле существует

«потребность» в объекте, которая не связана с пищей и которая так же первична, как и «потребность» в пище и тепле. Предлагаю назвать такое представление теорией цепляния за первичный объект.

4. Будучи исторгнутыми из материнской утробы, младенцы «негодуют» в связи с этим и стремятся туда вернуться. Это теория первичного стремления вернуться в утробу.

Из четырех названных теорий наиболее распространена теория вторичного влечения. Со времен Фрейда она лежит в основе многих, хотя, конечно же, далеко не всех трудов по психоанализу. Она также была принята большинством представителей теории научения. Главные ее положения таковы:

«в своих истоках любовь связана с удовлетворенной потребностью в пище» (Freud, 1940. P. 188);

«вероятно, опыт, получаемый ребенком в процессе кормления, предоставляет ему возможность научиться любить общение с другими людьми» (Dollard, Miller, 1950).

В статье на эту тему, написанной мной в 1958 г., содержится обзор психоаналитической литературы, опубликованной до этого года; с небольшими дополнениями этот обзор представлен в приложении к данному тому (см. с. 400). В 1970 г. был опубликован еще один обзор, написанный Маккоби и Мастерсом, в котором особенно подробно освещена литература по теории научения.

Выдвигаемая в этой книге гипотеза отличается от гипотез, приведенных выше, и основывается на теории инстинктивного поведения, кратко представленной в предыдущих главах. Согласно нашей гипотезе, привязанность ребенка к матери возникает благодаря активности ряда систем управления поведением, в которых прогнозируемым результатом является близость и контакт с ней. Поскольку у ребенка онтогенетическое развитие этих систем — процесс медленный и сложный, а темп развития у разных детей значительно отличается, невозможно дать простое и краткое описание того, как происходит развитие привязанности на протяжении первого года жизни. Тем не менее, когда ребенку идет второй год и он начинает ходить, у него практически всегда можно наблюдать характерные проявления привязанности. К этому возрасту у большинства детей легко происходит активизация комплекса соответствующих поведенческих систем (особенно если мать покидает ребёнка или его что-то пугает), прекращается же их действие под влиянием таких стимулов, как голос, вид или прикосновение матери. Системы обычно очень легко активизируются примерно до начала четвертого года жизни ребенка. В дальнейшем у большинства детей они активизируются уже не так легко, а кроме того, претерпевают и другие изменения, в результате которых близость к матери становится для ребенка не столь остро необходимой. На протяжении подросткового периода и во взрослом возрасте происходят дальнейшие изменения, в том числе меняется тот круг лиц, которым адресуется поведение привязанности.

Поведение привязанности рассматривается как один из видов социального поведения, значение которого не менее велико, чем значение поведения, связанного с образованием пары, и родительского поведения. Надо полагать, что оно выполняет свою особую биологическую функцию, которую до сих пор мало обсуждали и принимали во внимание.

Нужно заметить, что в приведенной формулировке нет ссылок на «потребности» или «влечения». Вместо этого поведение - привязанности рассматривается в связи с активизацией определенных поведенческих систем. Утверждается, что сами эти системы развиваются у младенца в результате взаимодействия с главным действующим лицом в его окружении — матерью, при этом - пища и процесс кормления играют в их развитии минимальную роль.

Из четырех основных теорий, описанных в литературе, ближе всего к выдвинутой нами гипотезе две — теория сосания первичного объекта и теория цепляния за первичный объект. В каждой из них постулируется автономная склонность [ребенка] вести себя определенным образом по отношению к объектам, обладающим теми или иными свойствами. Подходы, с которыми данная гипотеза не имеет ничего общего, — это теория

вторичного влечения и теория; первичного стремления вернуться в утробу: первая обсуждается, а вторая отбрасывается как одновременно избыточная и биологически безосновательная.
В этой гипотезе получают развитие положения, впервые высказанные мною в 1958 г. Основные изменения, внесенные в них, связаны с более глубоким пониманием теории управления и с осознанием того, насколько сложными по форме могут быть поведенческие системы, управляющие инстинктивным поведением. В последнем варианте гипотезы содержится предположение, что на определенной стадии развития систем управления поведением, отвечающих за привязанность, близость ребенка к матери становится их установочной целью. В более раннем варианте теории было описано пять форм поведения: сосание, цепляние, следование, плач и улыбка, выступающих в качестве компонентов поведения привязанности. В новом варианте этим пяти формам поведения по-прежнему придается большое значение, но, кроме того, утверждается, что в возрасте между девятью месяцами и полутора годами они обычно включаются в намного более сложные целекорректируемые системы. Эти системы организованы так, что благодаря их активации ребенок стремится держаться в непосредственной близости к своей матери. Более ранний вариант данной теории был представлен в виде теории реакций частичных влечений (a theory of component instinctual responses).
Прежде чем подробно описывать эту теорию, а также некоторые эмпирические данные, на которых она основывается (см. гл. 12 и 13), полезно сравнить поведение привязанности, наблюдаемое у детей, с аналогичным поведением у детенышей животных и рассмотреть данные о развитии такого поведения в филогенезе.

ПОВЕДЕНИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ И ЕГО РОЛЬ У ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ

Весной в деревне нет более знакомой картины, чем вид пасущихся самок животных и птиц со своими детенышами. На лугах — коровы с телятами, лошади с жеребятами, овцы с ягнятами; на реках и прудах — утки с утятами, лебеди со своими птенцами. Эта картина настолько для нас знакома, что мы воспринимаем как само собой разумеющееся, что овца и ягненок не отходят друг от друга, а «флотилия» утят следует за уткой. Поэтому мы редко задаем себе вопрос: что заставляет их держаться вместе? Какую функцию несет такое поведение?
У животных и птиц упомянутых выше видов потомство рождается достаточно хорошо развитым, так что детеныши и птенцы в состоянии свободно передвигаться уже через несколько часов после своего появления На свет; и в каждом из этих случаев можно наблюдать: если мать начинает двигаться в том или ином направлении, ее детеныш или птенец тут же следует за ней. У других видов животных, включая плотоядных и грызунов, а также у человека, новорожденные развиты намного хуже. У этих видов животных (и человека) проходит немало недель или даже месяцев, прежде чем их детеныши обретут способность к передвижению; но и научившись передвигаться, они сохранят прежнюю особенность поведения — стремление находиться поблизости от матери. Надо признать, что бывают случаи, когда детеныш отстает или убегает от матери, и тогда она сама делает так, чтобы они снова оказались рядом. Так же часто и сам детеныш, обнаружив, что отбился от матери, старается вновь оказаться возле нее.
Описанная форма поведения характеризуется двумя основными признаками. Первый — это нахождение в непосредственной близости от другого животного и восстановление этого соотношения, если оно нарушается. Второй признак — данное поведение адресуется строго определенному животному. Часто уже через несколько часов после появления на свет птенцов или детенышей животных их мать способна отличить своих от чужих. В дальнейшем ее родительское поведение будет распространяться только на своих. В то же время птенцы и детеныши также вскоре начинают узнавать своих родителей и, отличая их

от других взрослых особей, ведут себя с ними по-особому. Следовательно, и родители, и детеныши обычно ведут себя друг с другом совершенно иначе, чем со всеми остальными представителями вида. Таким образом, индивидуальное распознавание и высоко дифференцированное, избирательное поведение — это правило, которому подчиняются отношения между родителями и потомством у птиц и млекопитающих.
Естественно, что, как и в случае с другими формами инстинктивного поведения, привычное поведение привязанности может давать сбои. Например, детеныш может начать искать близости и физического контакта не у своей матери, а у другого животного или даже у неодушевленного предмета. Однако в естественных условиях такие аномалии в развитии происходят редко, и нет нужды останавливаться на этом вопросе подробнее.
У потомства большинства видов животных и птиц существует не одна, а несколько форм поведения, которые обеспечивают нахождение матери и детеныша рядом друг с другом. Например, с помощью голосовых реакций детеныш призывает к себе мать, а с помощью локомоций сам приближается к ней. Поскольку обе эти формы поведения (так же, как и некоторые другие) ведут к одному и тому же результату — нахождению в непосредственной близости детеныша к матери, — для обозначения всех их полезно использовать общий термин. С этой целью здесь используется термин «поведение привязанности». В таком случае любая форма поведения детеныша или птенца, в результате которой он оказывается рядом с матерью, может рассматриваться как компонент поведения привязанности. Данная терминология следует традиции, установленной в этологии. Обычно, если несколько разных видов поведения имеют один и тот же результат (или, по крайней мере, способствуют достижению этого результата), их объединяют в общую категорию и называют в соответствии с данным результатом. Хорошо известными примерами могут служить гнездостроительное поведение и поведение спаривания.
Поведение родителей в ответ на проявления привязанности со стороны детенышей называется «родительским» (caretaking behaviour) и обсуждается далее в гл. 13.
Поведение привязанности, а также родительское поведение весьма характерны для птиц, сооружающих гнезда на земле и покидающих их вскоре после высиживания птенцов. Обе формы поведения присутствуют у всех видов млекопитающих. Если нет какого-нибудь отклонения в развитии, поведение привязанности первоначально всегда направлено на мать. У тех видов птиц и животных, где отец тоже играет важную роль в заботе о потомстве, привязанность может распространяться и на него. У человека привязанность ребенка может адресоваться также и некоторым другим лицам (см. гл. 15).
Продолжительность периода, в течение которого наблюдается поведение привязанности, в общем жизненном цикле резко различается у разных видов животных и птиц. Оно, как правило, продолжается до начала полового созревания, хотя и необязательно до полной половой зрелости. У многих видов птиц момент исчезновения поведения привязанности для птенцов обоих полов совпадает: он наступает, когда молодые птицы готовы к образованию пары, что бывает в конце их первой зимы или, как у гусей и лебедей, в конце их второй или третьей зимы. В то же время у многих видов млекопитающих имеются заметные межполовые различия. У самок копытных млекопитающих (овец, оленей, коров и т.д.) привязанность к матери может продолжаться вплоть до старости. В результате стадо овец или оленей состоит из ягнят или оленят, следующих за матерью, которая следует за бабушкой, а та в свою очередь — за прабабушкой и т.д. Молодые самцы этих видов, наоборот, покидают мать, как только достигают подросткового возраста. Потом они привязываются к самцам, которые старше них, и остаются с ними на всю последующую жизнь, за исключением нескольких недель в году, когда у них наступает период спаривания.
У обезьян, в том числе человекообразных, поведение привязанности ярко проявляется в период младенчества и в детстве, а в подростковом возрасте оно ослабевает. Хотя раньше было принято считать, что оно исчезает полностью, более поздние данные

свидетельствуют о том, что, по крайней мере, у некоторых видов животных их связь с матерью сохраняется и во взрослом периоде жизни. В результате образуются подгруппы животных, имеющих общую мать. Делая обзор данных Сейда (Sade, 1965) о поведении макака-резусов и данных Гудолл (Goodall, 1965) о шимпанзе, Уошберн, Джей и Ланкастер (Washburn, Jay, Lancaster, 1965) отмечают, что у этих видов обезьян родственные подгруппы «создаются на основе обязательной тесной связи между матерью и новорожденным (затем младенцем), которая продолжается с течением времени и охватывает несколько поколений, включая тесные связи между братьями и сестрами». Они полагают, «что такого рода продолжительные социальные отношения между матерью и ее детенышем будут обнаружены и у других видов приматов».

Поскольку человеческий детеныш рождается крайне незрелым и развивается медленно, ни в каком другом биологическом виде пот ведение привязанности не продолжается столь долгое время. Возможно, в этом заключается одна из причин, по которой до самого последнего времени поведение ребенка но отношению к своей матери не признавалось поведением того же типа, что и наблюдаемое у многих видов животных. Другая возможная причина состоит в том, что только в последние двадцать лет поведение привязанности у животных стало предметом систематического изучения. Но как бы то ни было, сегодня представляется неоспоримым, что связь ребенка с матерью — это человеческая разновидность поведения, которое обычно наблюдается у многих других видов животных; и именно с этой точки зрения здесь исследуется характер данной связи.

Тем не менее необходимо проявлять осторожность. Две линии эволюции животных, которые в конце концов привели к появлению птиц и млекопитающих, разошлись во времена ранних рептилий, и поэтому с большой долей уверенности можно считать, что поведение привязанности развивалось в этих двух группах независимо друг от друга. Это обстоятельство, а также тот факт, что строение мозга у птиц значительно отличается от структуры мозга у млекопитающих, довольно убедительно свидетельствует в пользу того, что механизмы, опосредствующие поведение привязанности в этих двух группах, также весьма различны. Поэтому любой используемый здесь аргумент, связанный с поведением птиц, должен восприниматься как аргумент, основанный на аналогии — не более того. В то же время аргумент, опирающийся на сведения о поведении привязанности у детенышей млекопитающих, имеет гораздо более весомый статус. И какое бы поведение ни было обнаружено у приматов, занимающих более низкое место на эволюционной лестнице, чем человек, мы можем быть уверены в том, что оно действительно гомологично тому поведению, которое имеет место у человека.

Развитие поведения привязанности у ребенка и процесс его изменения с течением времени на самом деле еще очень плохо исследованы и описаны. Отчасти по этой причине, а в основном для того, чтобы рассмотреть поведение привязанности у человека в более широком плане, начнем наше обсуждение с данных относительно поведения привязанности у низших приматов, бабуинов и крупных человекообразных обезьян.

ПОВЕДЕНИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ У НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ПРИМАТОВ

При рождении или вскоре после него все детеныши приматов, за исключением младенцев у человека, цепляются за своих матерей. На протяжении периода раннего детства они находятся или в непосредственном физическом контакте с матерью, или не далее нескольких метров от нее. Мать также стремится держать детеныша возле себя. По мере его взросления часть дневного времени, когда детеныши находятся в непосредственном контакте с матерью, сокращается, а расстояние, на которое они могут удаляться от матери, увеличивается. Однако ночью детеныши продолжают спать вместе с матерью и бегут к ней в случае малейшей опасности. Вполне возможно, что у высших видов приматов

некоторая привязанность к матери сохраняется вплоть до подросткового возраста, причем у некоторых из них она в слабой форме наблюдается и во взрослом состоянии. Маленькие самочки менее активны и не так склонны к отлучкам, как детеныши-самцы. Самок подросткового возраста можно нередко наблюдать в центре группы, вблизи от взрослых самцов, в то время как самцы подросткового возраста находятся немного поодаль или вообще держатся отдельно от остальных.

Для дальнейшего описания развития поведения привязанности нами взяты детеныши четырех видов приматов: два вида обезьян из восточного полушария — макака-резус и бабуин и два вида крупных человекообразных обезьян — шимпанзе и горилла. Причины этого выбора следующие:

а) все четыре вида, особенно бабуин и горилла, адаптированы к наземному образу жизни;

б) в отношении этих четырех видов имеются достаточно основательные данные, почерпнутые из наблюдений за ними в естественных условиях;

в) также имеются результаты опытов с двумя видами — макака- резусом и шимпанзе.

Ради краткости изложения бóльшая часть приводимых здесь описаний дается в общей форме, без каких-либо оговорок, тем не менее нужно помнить не только о значительных различиях в поведении среди животных одного вида, но и о том, что поведение, характерное для одной социальной группы, может в тех или иных отношениях отличаться от поведения, типичного для другой группы того же самого вида. При этом одни различия между группами можно отнести за счет специфики мест обитания, а другие могут быть связаны с новшеством, введенным каким-нибудь животным в одной из групп и передаваемым другим членам группы.

Поведение привязанности у макака-резусов

Поведение макака-резусов изучалось с помощью наблюдения за ними в лабораторных и естественных условиях их обитания, а также в ходе многочисленных экспериментов[1]. Они обитают на севере Индии: частично до сих пор в лесах, но большая часть в деревнях и на возделываемых полях. Хотя они скорее относятся к обезьянам, обитающим на деревьях, основную часть дня они проводят на земле, а на ночь взбираются на верхушки деревьев или на крыши домов. Стада, состоящие из взрослых обезьян обоих полов, молодых животных и детенышей, устойчиво сохраняют состав на протяжении длительного времени. Они проводят дни и ночи на своем особом и довольно ограниченном участке местности. По численности эти стада колеблются от пятнадцати до ста и даже более особей.

---

[1]Описания поведения макака-резуса содержатся в публикациях Саутвика, Бега и Сиддики (Soutwick, Beg, Siddiqi, 1965), проводивших наблюдения в Северной Индии; у Кофорда (Koford, 1963a, 1963b) и Сейда (Sade, 1965), проводивших исследования в полудикой колонии этих обезьян на маленьком острове недалеко от Пуэрто-Рико; Хайнда и его коллег (Hinde et al., 1964, 1967), изучавших поведение обезьян, живущих в неволе маленькими группами (один взрослый самец, три или четыре взрослые самки и потомство), а также в ряде работ Харлоу и его коллег (например, Harlow, 1961; Harlow, 1965) о результатах экспериментов, где детеныши обезьян росли в особых, весьма нетипичных условиях.

Макака-резусы достигают половой зрелости примерно к четырем годам, своего полного физического развития — к шести, а после этого могут прожить еще двадцать лет. В естественных условиях подросток макака-резусов остается тесно связан с матерью до трех лет. В этом возрасте «большинство самцов уходят от своих матерей и примыкают к другим подросткам, вместе с ними они держатся поодаль от стада или переходят в другие стада» (Koford, 1963a). Считается, что самки дольше остаются со своими матерями. Самцы, являющиеся детенышами самок, занимающих высокое положение в иерархии

стада, также иногда остаются со своими матерями. Став взрослыми, они, как правило, занимают доминирующее положение в стаде.

Хайнд и его коллеги дали весьма подробное описание взаимодействия содержавшихся в неволе маленькими группами матерей и детенышей в первые два с половиной года жизни малышей (Hinde, Rowell, Spencer-Booth, 1964; Hinde, Spencer-Booth, 1967).

Сразу после рождения некоторые детеныши вцепляются в шерсть матери и стараются вскарабкаться повыше. Однако у других детенышей и передние и задние конечности вначале находятся в согнутом положении, так что им удается удерживаться исключительно благодаря помощи матери. Ни один детеныш не берет грудь сразу после появления на свет, а только спустя несколько часов, иногда это время увеличивается до девяти часов. После нахождения груди детеныш удерживает сосок во рту, причем само сосание занимает очень непродолжительную часть времени.

В течение первых двух недель жизни детеныш находится в вентро-вентральном[1] контакте со своей матерью.

---

[1]Вентро-вентральный контакт — контакт животами. — *Примеч. ред.*

В дневные часы он самостоятельно держится за мать передними и задними конечностями и ртом, а ночью его держит мать. Позднее детеныш начинает днем на короткое время отлучаться от матери, а она — от него. Но до полутора месяцев эти вылазки происходят в радиусе до метра, т.е. детеныш остается вблизи от матери, так что в любой момент она быстро может его схватить. Потом он начинает отходить дальше и на большее время. Только по достижении им двух с половиной месяцев его физический контакт с матерью не превышает половины дневного времени, и лишь после года это время увеличивается до 70%.

Хотя на втором году жизни детеныши проводят большую часть времени на глазах у матери, вне физического контакта с нею, тем не менее он сохраняется и обычно составляет примерно 10—20% дневного времени и всю ночь. Только когда детеныш достигает двухлетнего возраста, период физического контакта с матерью в дневное время становится незначительным.

Инициатива разрыва и возобновления контактов исходит частично от матери, а частично от детеныша, и по мере того как детеныш становится взрослее, их роль во взаимоотношениях несколько раз меняется. В течение первых недель детеныши иногда «отваживаются» отправиться исследовать окружающий мир, а матери их при этом удерживают. Через пару месяцев положение начинает меняться. Мать уже меньше сдерживает детеныша, а иногда даже пресекает его попытки цепляться за нее: «С этого времени детеныш начинает играть все более активную роль в сохранении близкого положения к своей матери». Тем не менее и роль матери остается весьма существенной. Обычно она не поощряет попыток детеныша к слишком тесному контакту, например, когда она спокойно сидит и не видит никакой опасности для детеныша. Однако она очень быстро возобновляет такой контакт, когда собирается покинуть свое место или чувствует опасность.

Во время передвижения матери детеныш обычно висит у нее под животом, вцепившись в шерсть передними и задними конечностями и припав ртом к соску. В течение первых двух недель некоторые матери слегка поддерживают малыша рукой. Детеныши очень быстро научаются принимать это висячее положение и соответственно реагируют на легкое прикосновение материнской руки к загривку или к плечам, которое, по-видимому, служит сигналом о том, что она собирается двинуться с места. С трех-четырехнедельного возраста детеныши иногда путешествуют, сидя на спине у матери.

В течение нескольких недель после того как детеныш впервые решится оторваться от матери, он обычно (если это происходит на земле) следует или пытается это делать за ней, даже если едва ползет.
«Мать активно поощряет эти первые попытки следовать за ней. Она удаляется от детеныша медленно и нерешительно, постоянно оглядываясь на него, а иногда даже тянет его, побуждая следовать за ней».
Если мать передвигается слишком быстро или внезапно удаляется, детеныш издает жалобные звуки и в ответ на них мать берег его на руки, прижимая к себе. В некоторых случаях, если детеныш отстал от матери, он может издать короткий, пронзительный вопль, и этого будет достаточно, чтобы мать вернулась и забрала его. Детеныш, потерявший мать, издает протяжные звуки, вытянув губы трубочкой; в таком случае его может подобрать другая самка. Если в момент внезапно возникшей опасности детеныша нет рядом с матерью, они бросаются искать друг друга; детеныш цепляется за ее живот и берет в рот грудь. Такое поведение сохраняется в течение нескольких лет.
Хотя в возрасте двух с половиной или трех лет подросшие детеныши покидают своих матерей, имеются данные о том, что их связь с матерью сохраняется и играет важную роль в установлении социальных отношений среди взрослых особей. В результате многолетних наблюдений за одной колонией макака-резусов, ученые не только установили родственные связи отдельных особей, но и обнаружили, что в каждом стаде были устойчивые подгруппы, состоявшие из нескольких взрослых животных обоих полов, молодых особей и детенышей. Они постоянно держались поблизости друг от друга, причем все представители такой подгруппы могли быть детьми и внуками одной самки преклонного возраста (Sade, 1965)[1].

____

[1]Сыновья одной самки (единоутробные братья) обычно склонны сохранять определенную близость друг к другу так же, как и дочери (единоутробные сестры). В подростковый период и во взрослой жизни сыновья обычно оставляют мать, тогда как дочери стараются этого не делать. Поэтому в подгруппе родственников, состоящей из нескольких поколений, всегда больше самок, чем самцов.

Поведение привязанности у бабуинов

Южноафриканский бабуин, который примерно в два раза крупнее макака-резуса, был объектом наблюдения в зоне естественного обитания. Этот вид очень часто встречается в нескольких районах Африки, расположенных к югу от экватора. Одни стада бабуинов живут в лесах, другие — на открытых местах, в саванне. И в том, и в другом случае они проводят большую часть дня на земле, а для сна и укрытия от хищников забираются на деревья или скалы. Как и макака-резусы, они живут устойчивыми садами, куда входят взрослые животные обоих полов, особи подросткового возраста и детеныши. Стада могут быть разными по численности — от двенадцати до ста особей. Каждое стадо придерживается определенной, ограниченной территории, хотя пограничные участки территорий, на которых обитают разные стада, могут частично совпадать. Отношения между стадами дружелюбные[2].

____

Бóльшая часть наблюдений проводилась Холлом (Южная Африка), Девором (Восточная Африка). Смотрите две их статьи, написанные в соавторстве, — «Экология бабуинов» и «Социальное поведение бабуинов», которые были опубликованы в сборнике «Поведение приматов» (под ред. Девора, 1965), а также статью Девора (DeVore, 1963), специально посвященную отношениям между матерью и детенышем У свободно перемещающихся бабуинов.

Созревание у бабуинов происходит несколько медленнее, чем у макака-резусов. Половое созревание начинается примерно в возрасте четырех лет. Самка становится взрослой к

шести годам, однако самец, который значительно крупнее самки, полностью развивается только к восьми годам.
Детеныш бабуина находится в тесном физическом контакте с матерью, а затем сохраняет с ней связь на протяжении первого и частично второго года жизни. Прерывается эта связь почти на год раньше, чем у детеныша макака-резуса.
Почти весь первый месяц жизни детеныш бабуина проводит в вентро-вентральном контакте с матерью, вцепившись в ее шерсть точно так же, как детеныш макака-резуса. Примерно через пять недель детеныш время от времени покидает мать, и в этом же возрасте он начинает сидеть у нее на спине. С четырех месяцев детеныш все чаще покидает мать, удаляясь от нее на расстояние до двадцати метров. В этом же возрасте детеныш очень часто подобно наезднику путешествует верхом на своей матери (за исключением тех случаев, когда ей приходится бежать или взбираться вверх — тогда детеныш снова занимает привычное положение на животе матери, цепляясь за ее шерсть). В это же время возникают совместные игры со сверстниками. Начиная с шестимесячного возраста, роль игр со сверстниками возрастает, и они уже поглощают большую часть времени и сил молодого бабуина. Однако до года он остается вблизи матери и спит всегда рядом с ней. Он уже меньше передвигается, сидя у нее на спине, а все чаще самостоятельно следует за ней.
Второй год жизни молодого бабуина проходит в основном в общении со сверстниками и конфликтах с матерью. На время, пока она кормит грудью, ее обычный цикл половой активности прекращается, но когда детенышу исполняется примерно десять месяце» и лактация заканчивается, половой цикл и спаривание возобновляются. В это время мать пресекает попытки детеныша брать ее груди или ездить на ней верхом; она отвергает его даже ночью. Такой отпор, замечает Девор, «очевидно, вызывает у детеныша еще большее желание почувствовать себя в объятиях матери, взять ее груд» или, сидя на спине матери, попасть на дерево, где они спят». Когда сексуальное возбуждение проходит, мать «часто снова проявляет расположение к детенышу». Но несмотря на такого рода отпор, если мать или детеныш чувствуют опасность, они отыскивают друг друга, а когда детеныша обижают сверстники или взрослые самцы, мать старается защитить его.
К концу второго года у матери часто появляется новый детеныш, и с этого момента отношения между двухлетним бабуином и матерью практически сходят на нет. Когда он теперь оказывается в опасности, то бежит к кому-либо из взрослых самцов, которые почти до трех лет защищают его.
К четырем годам подрастающие самочки обычно стремятся войти в круг взрослых самок и вести себя, как взрослые. Самцам требуется еще четыре года, чтобы достичь зрелости, и в этот затянувшийся подростковый период они живут поодаль от стада. Повзрослев, они начинают занимать центральное место в жизни стада. Поскольку ни за одним стадом не велись длительные специальные наблюдения, позволяющие проследить родственные связи между отдельными особями, неизвестно, играют ли впоследствии какую-нибудь роль узы матери и детеныша в установлении социальных отношений во взрослой жизни бабуинов.

Поведение привязанности у шимпанзе

Наблюдения за поведением шимпанзе проводились в лесных районах и в горах Центральной Африки, также покрытых лесами, где находится зона их естественного обитания. Кроме того, шимпанзе в течение долгого времени были объектом лабораторных экспериментов. Хотя шимпанзе искусны в лазании по деревьям и спят на них, расстояние более пятидесяти метров они обычно преодолевают наземным способом. Точно так же они всегда наземным способом спасаются от преследования. В отличие от других изучавшихся приматов шимпанзе не держатся вместе устойчивыми социальными группами. Вместо этого особи, принадлежащие к обособленной социальной группе Из шестидесяти — восьмидесяти животных, входят в постоянно меняющиеся временные подгруппы. Подгруппу составляют животные любого возраста, пола и численности.

Наиболее распространены два вида подгрупп: одна состоит из самцов, а другая — из самок с детенышами[1].

____

Описание поведения шимпанзе в естественных условиях смотрите у Гудолл (Goodall, 1965) и в работах Рейнолдсов (Reynolds, Reynolds, 1965); описание их социального поведения в неволе — в работе Йеркса «Шимпанзе: лабораторная колония» (Yerkes, 1943); а также в других публикациях Йеркса и Мейсона (Mason, 1965b).

Шимпанзе достигают зрелости гораздо медленнее, чем макака- резусы или бабуины. Подростковый возраст у них наступает не ранее семи лет, но полностью животное развивается только к десяти-одиннадцати годам. Хотя шимпанзе обычно проводят время в компании с другими особями, их «товарищи» постоянно меняются, так что в результате единственной устойчивой социальной единицей является группа, состоящая из матери, детеныша и старшего отпрыска. Гудолл (Goodall, 1965) считает, что «узы, связывающие мать и детеныша, могут сохраняться и во взрослой жизни, [в таком случае] они становятся основой, объединяющей группу, состоящую из самки с детенышем и старшим отпрыском, подростка и взрослого молодого животного».

Так же, как и детеныши других приматов, маленький шимпанзе проводит все детство в тесной близости со своей матерью. На протяжении первых четырех месяцев он висит у нее на животе, уцепившись за шерсть, а если и отделяется от нее, что случается крайне редко, то обычно сидит рядом с ней. Если он удаляется от нее даже на полметра, мать хватает его и возвращает на место; при виде приближающегося хищника она еще крепче прижимает к себе детеныша.

В возрасте между шестью месяцами и полутора годами детеныш чаще путешествует, сидя, как наездник, верхом на спине матери, а не цепляясь за шерсть на ее животе. Он также проводит все больше времени, вообще не цепляясь за нее. К концу этого периода до 25% дневного времени он обходится без непосредственного физического контакта с матерью, обычно играя со своими сверстниками, однако при этом он всегда находится в поле зрения своей матери. Нередко он прерывает игру, подбегает к матери и усаживается к ней на колени или рядом. Если мать собирается уйти, она подает детенышу знак прикосновением или жестом, а если он на дереве — постукиванием по стволу. Детеныш моментально повинуется и занимает положение, обычное для передвижения.

В возрасте от полутора до трех лет у детеныша возрастает активность, и 70—90% дневного времени он проводит в играх со сверстниками и молодыми шимпанзе. Тем не менее он продолжает передвигаться вместе с матерью, сидя как наездник у нее на спине, но только если она передвигается не слишком быстро. Ночью он все еще спит рядом с ней.

В течение последующих четырех лет, т.е. до семилетнего возраста, когда у детеныша наступает половая зрелость, маленький шимпанзе приобретает независимость от матери в отношении еды, передвижения и сна. Он проводит много времени, играя со сверстниками, а иногда также и с малышами и подростками. Став постарше, он может уйти от своей матери и присоединиться к группе, состоящей из нескольких (до двенадцати) детенышей и подростков, во главе которых стоят две зрелые самки, но временами он все еще возвращается к своей матери и какой-то период проводит с ней.

Подростковый возраст продолжается от семи до одиннадцати лет, и в этот период животные обоих полов обычно общаются со зрелыми самцами. Но даже в это время некоторые шимпанзе-подростки иногда целые дни проводят со своими матерями, братьями и сестрами. У Гудолл создалось впечатление, что на протяжении тех нескольких лет, когда детеныш становится все более независимым, инициатива уходов и возвращений принадлежит ему. Признаков поощрения или отвержения своего отпрыска со стороны матери не наблюдалось.

Поведение привязанности у горилл

Гориллы, так же как и шимпанзе, обитают в Центральной Африке — в тропических джунглях и гористой местности, покрытой лесами. В последние годы за ними велись систематические наблюдения в условиях их естественного обитания. Хотя гориллы часто спят на деревьях, а их детеныши там играют, большую часть суток они проводят на земле. За исключением нескольких взрослых самцов, все они живут социальными группами, состоящими из особей обоих полов и всех возрастов, численностью от шести до тридцати. Принадлежность к группе довольно стабильна, но в одних группах она выражена сильнее, чем в других. Так же как и у шимпанзе, все животные, живущие по соседству, знают друг друга, поэтому встречи и расставания групп носят мирный характер[1].

[1]Описание поведения горилл в естественных условиях смотрите в двух публикациях Шаллера (Schaller, 1963, 1965).

На основе биологических данных можно предполагать, что горилла является ближайшим родственником человека.

Темпы взросления у горилл примерно такие же, как у шимпанзе, хотя гориллы достигают зрелости чуть раньше. Развитие отношений между матерью и детенышем весьма похоже на развитие отношений у шимпанзе.

В первые два-три месяца жизни детенышу гориллы не хватает сил, чтобы держаться за шерсть матери, поэтому мать поддерживает его руками. Однако к трем месяцам он способен держаться самостоятельно и может начать путешествовать, сидя верхом на спине матери. В возрасте от трех до шести месяцев детеныш иногда сидит на земле возле матери, в таком случае, если ей нужно идти, она медленно поднимается, побуждая его следовать за собой. Детенышу редко позволяется отходить от матери дальше, чем на три метра, в противном случае мать тащит его назад. Приблизительно до восьми месяцев детеныш не знает, когда мать собирается уходить, поэтому она сама хватает его. После восьми месяцев он уже отчетливо разбирается в том, что касается местонахождения и поведения матери и при первом признаке ее движения мчится к ней и вскарабкивается на спину.

В годовалом возрасте детеныши могут бродить среди членов группы во время их отдыха, лишь на короткое время исчезая из поля зрения матери. Они начинают также проводить время, сидя рядом с матерью, вместо того, чтобы сидеть у нее на коленях.

Полуторагодовалых детенышей матери носят неохотно и нередко вообще противятся этому.

«Часто можно было наблюдать, как по пятам за медленно шествующей самкой ковыляет детеныш [цепляясь за ее шерсть иногда одной рукой, иногда двумя]. Однако при малейшей опасности или при ускорении движения все детеныши, не достигшие трех лет, мчались к матерям и вскакивали им на спину» (Schaller, 1965).

Наблюдения Шаллера были недостаточно продолжительными по времени, чтобы уверенно судить о взаимоотношениях между детенышами-подростками от трех до семи лет и их матерями, однако они, по-видимому, мало чем отличаются от такого рода взаимоотношений у шимпанзе. В этом возрасте детеныш больше не передвигается, сидя верхом на матери, кормится и спит он тоже самостоятельно. Большую часть дня он проводит с другими подростками. Но некоторые из них, очевидно, все еще общаются со своими матерями, и Шаллер приходит к заключению, что в определенных случаях связь сохраняется, по крайней мере, до тех пор пока детенышу не исполнится четыре с половиной года.

Хотя инициатива ухода от матери в основном исходит от самих детенышей-подростков, бывают моменты, когда именно гориллы- матери не поощряют своих отпрысков к сохранению слишком тесных связей. Например, один годовалый детеныш во время ходьбы держался за шерсть своей матери, как вдруг она смахнула его руку. Или другой

случай: двухлетний малыш подбежал к сидящей матери, а она оттолкнула его. Играя, он покатился от нее в сторону. «Во всех случаях отпор бывает мягким» (там же).

Взаимоотношения молодых обезьян с другими членами их группы

В период младенчества и раннего детства (до одного года у макака-резуса и бабуина и до трех лет у крупных челекообразных обезьян) детеныш мало времени проводит с взрослыми особями, за исключением своей матери. Если он отходит от матери, то чаще всего играет с другими малышами или с подростками. Нередко, однако, взрослые самки, не имеющие собственных детенышей, стремятся «понянчить» маленького детеныша и иногда им удается заполучить его. У большинства видов обезьян матери крайне отрицательно относятся к этому и вскоре возвращают себе своего малыша2. Однако обитающая в Индии обезьяна лангур позволяет другим взрослым самкам растить своих детенышей. Шаллер (Schaller, 1965) наблюдал за двумя детенышами гориллы, у которых установились тесные связи не с собственными матерями, а с другими самками. Один шестимесячный малыш проводил с «тетей» до часа в день или даже больше. Другой детеныш на втором году жизни в течение полугода «проводил бо́льшую часть времени... с самкой и маленьким детенышем, лишь периодически возвращаясь к своей матери в дневное время и поздно ночью».

У большинства видов взрослые самцы проявляют значительный интерес к матерям с маленькими детенышами. Они не только позволяют матерям, которые несут своих детенышей, находиться рядом с собой, но и могут специально следовать за ними в качестве сопровождения. Однако сами взрослые самцы никогда не носят детенышей или делают это крайней редко. Исключение составляет японская макака (родственный для макака-резуса вид обезьян). В некоторых группах этого вида взрослые самцы, занимающие в иерархии стада высокое место, «усыновляют» годовалого детеныша после того, как у матери появился новый малыш. В течение определенного периода их поведение «очень похоже на поведение матери по отношению к своему детенышу, за исключением процесса кормления грудью» (Itani, 1963). Иногда через год наступает второй период «усыновления», когда старшему детенышу исполняется два года, но тогда взрослый самец занимается маленькими самочками или слабыми самцами. Такой отеческий тип поведения не наблюдается у самцов индийских макака-резусов, которые либо просто безразличны к детенышам, либо относятся к ним враждебно.

У многих видов обезьян связь подросшего детеныша со взрослыми самцами усиливается, но возраст, в котором это происходит, очень сильно различается в зависимости от вида. Уже на втором году жизни молодые бабуины в момент опасности бегут не к матери, а к взрослому самцу. Детенышей гориллы привлекает сильный самец и когда группа отдыхает, они часто сидят или играют возле него. Иногда они вскарабкиваются на него или даже просят поднять их. Если игра не слишком шумная, самец ведет себя очень терпеливо. Молодые гориллы иногда ищут общества взрослого самца и оставляют группу, чтобы следовать за ним. Сообщения о столь дружеских отношениях среди шимпанзе отсутствуют. Однако когда они достигают подросткового возраста, и самки, и самцы часто общаются со зрелыми самцами.

Поскольку у всех этих видов спаривание внутри группы происходит беспорядочно, невозможно сказать, какой самец является отцом того или иного детеныша. Поэтому проявления отеческого поведения бывают направлены на любого детеныша в группе или, Как в случае с японскими макаками, на какого-то одного конкретного малыша.

Роль детеныша и матери в установлении и развитии их отношений

Из вышесказанного ясно, что в течение первых месяцев жизни детенышей всех перечисленных видов приматов матери играют большую роль в том, чтобы детеныши оставались рядом с ними- Если малыш не в состоянии держаться за нее, мать

---

[2] Бесцеремонное поведение самок макака-резусов, приходящихся их детенышам «тетями», — тема статьи Хайнда (Hinde, 1965a). Матери детенышей резко ограничивают их свободу, чтобы предупредить возможное похищение малыша «тетей».

поддерживает его. Если он удалился от нее, она тащит его назад. При виде пролетающего ястреба или близко подходящего человека, она крепко прижимает его к себе. Таким образом, даже если бы детеныш стремился отойти от матери, она никогда не позволила бы ему этого.
Но данные свидетельствуют о том, что детеныш не в состоянии отдаляться на большое расстояние. Об этом «говорят» все те случаи, когда детеныш обезьяны растет без своей матери. Соответствующие наблюдения имеются в отношении детенышей многих видов обезьян, в том числе человекообразных. Подробно описан ряд случаев, когда детеныш обезьяны воспитывался в доме человека. Хорошие примеры такого рода дают публикации Роуэлл (Rowell, 1965), писавшей о молодом бабуине, Болуига (Bolwig, 1963) — о детеныше обезьяны патас (*Патас* (Eiythrocebus patas) — *красная мартышка.* — Примеч. ред. Это вид обезьян, также ведущих наземный образ жизни и имеющих период созревания, сходный с периодом созревания у бабуинов), супругов Келлог (Kellogg, Kellogg, 1933), Хейс (Hayes, 1951) — о молодых шимпанзе и Мартини (Martini, 1955) — о детеныше гориллы. Среди всех случаев, где в экспет риментальных условиях детеныша растили рядом с манекеном, самыми известными являются описания Харлоу и его коллег (Harlow, 1961; Harlow, Harlow, 1965).
Все эти отважные ученые, принявшие на себя по отношению к молодому примату роль приемных родителей, свидетельствуют о том, с какой силой и настойчивостью детеныш цепляется за своего «родителя». Роуэлл пишет о маленьком бабуине, за которым она ухаживала с пятой по одиннадцатую неделю его жизни: «Когда его пугал громкий звук или резкое движение, он бежал ко мне и в отчаянии крепко обхватывал мою ногу». После десятидневного пребывания у нее детеныша она писала: «Он больше не выпускает меня из своего поля зрения и отказывается принимать замену, будь то манекен или фартук, еще сильнее цепляясь за меня».
Болуиг так описывает поведение детеныша маленькой обезьянки патас, о котором он начал заботиться, когда детенышу было всего несколько дней от роду: «Он крепко сжимал в руке любой предмет, который ему давали, и с визгом протестовал, если его пытались забрать»; «Его привязанность крепла с каждым днем, пока в конце не стала практически неразрывной». Хейс, описывая самку шимпанзе Вики, взятую ею в трехдневном возрасте, рассказывала, что в четырехмесячном возрасте, умевшая уже хорошо ходить Вики делала следующее: «Как только она вылезала из своей кроватки и до той минуты, когда наступало время дневного часового сна, она все время цеплялась за меня, как индейский ребенок». Содержание всех описаний очень похоже.

Способность детеныша отличать свою мать

Поведение привязанности определяется как поиск возможности находиться в непосредственной близости к другой особи и попытки сохранить такое положение. Приведенные выше описания не оставляют сомнения в том, что детеныши всех видов приматов с необычайным упорством тянутся к тем, к кому привязаны. Однако в этой связи необходимо рассмотреть вопрос о том, как скоро они начинают отличать конкретную особь и привязываются к ней.
Харлоу считает, что у детеныша резуса «формируется (learn) привязанность к конкретной матери» в течение одной или двух первых недель жизни (Harlow, Harlow, 1965). Хайнд (в личной беседе) высказал точку зрения, согласно которой через несколько дней после рождения детеныш макака-резуса ориентируется главным образом на свою мать, а не других обезьян. Например, в конце первой недели жизни он может на короткое время оставить свою мать и ползком направиться к другой самке, но вскоре он разворачивается и возвращается назад к своей матери. Способность быстро научиться распознавать конкретную особь в настоящее время уже не так сильно удивляет, поскольку имеются данные о том, что приматы от рождения в какой-то степени обладают способностью к восприятию зрительных паттернов (Fantz, 1965).
В этой связи представляют интерес сообщения приемных родителей.

Маленькая обезьянка патас, которую воспитывал Болуиг, начала различать всех членов его семьи вскоре после своего прибытия, когда ей было пять — четырнадцать дней. Это обнаружилось всего через три дня после ее появления в семье, когда обезьянка, за которой ухаживала в основном дочь Болуига, побежала за ней с воплем к двери, потому что ее оставили с доктором Болуигом. Она прекратила крики, только когда дочь вернулась и взяла ее на руки.
«В последующие дни ее привязанность перешла от моей дочери ко мне и стала такой крепкой, что я вынужден был постоянно ходить с обезьяной на плече, куда бы я ни шел... До трех с половиной месяцев эта обезьянка причиняла очень много хлопот, если ее оставляли с кем-то другим из членов семьи».
Хотя к концу пятого месяца обезьяна проводила много времени в обществе других людей, а также обезьян (того же вида, что и она), ее привязанность к доктору Болуигу сохранялась. Это особенно ярко проявлялось, когда она была расстроена. В ее особом отношении к доктору Болуигу можно было еще раз убедиться через четыре месяца (обезьянке было тогда девять месяцев), несмотря на то, что он отсутствовал в течение этого периода.
Когда Роуэлл стала «приемной матерью» бабуина, ему было пять недель. Уже в первую неделю маленький бабуин научился различать знакомых и чужих и мог узнавать свою главную попечительницу. Сначала, если он не был голоден, он мог оставаться один со своим проволочным манекеном и с фартуком «приемной матери». Однако спустя десять дней «он больше не выпускал меня из поля своего зрения... Если он видел, что я куда-то собралась, или просто ловил, на себе мой взгляд, то обычно бросал куклу и бежал ко мне». Таким образом, эти сообщения не оставляют сомнения в том, что у некоторых видов обезьян, обитающих в восточном полушарии, поведение привязанности примерно через неделю начинает адресоваться вполне определенному, предпочитаемому ими лицу, и как только оно становится направленным, предпочтение проявляется с необыкновенной силой и настойчивостью.
По причине более медленной скорости созревания у шимпанзе не так быстро появляется отчетливое предпочтение человека, который о нем заботится. Но как только предпочтение возникает, оно бывает не менее сильным, чем у обезьян других видов. В своем отчете Хейс пишет, что Вики было около трех месяцев, когда она стала проявлять большой интерес к тому, кто был с ней рядом. В этом возрасте она безошибочно отдавала свое предпочтение одному лицу. Например, Хейс описывает, как Вики, которой тогда' еще не исполнилось четырех месяцев, была в гостях. Она поочередно всех рассматривала, прячась за свою приемную мать. Когда гости направились в соседнюю комнату, Вики случайно схватилась за платье одной из присутствующих женщин, но когда подняла голову и увидела свою ошибку, с коротким криком мгновенно оказалась около своей приемной матери и попыталась забраться к ней на руки.

____

[2]Описания Йеркса также свидетельствуют о том, что способность к четкому различению объектов у детенышей шимпанзе возникает не сразу после рождения, а спустя несколько месяцев. Одна пара близнецов-детенышей шимпанзе, которые росли со своей матерью, почти до пяти месяцев «не воспринимали друг друга в качестве социальных объектов» (Tomilin, Yerkes, 1935).

Изменения в интенсивности проявлений привязанности

Во всех описаниях поведения детенышей приматов, живущих в естественных условиях, отмечается, что при малейшей опасности детеныш, находящийся на некотором расстоянии от матери, сразу же мчится к ней, а малыш, не покидавший мать, прижимается к ней еще крепче. Подобное поведение привязанности, которое можно неизменно наблюдать в таких случаях, имеет большое значение для нашего понимания как его причины, так и функции.

В описаниях развития детенышей, которых растят люди, встречаются также и некоторые другие ситуации, в которых проявляется, точнее, более ярко проявляется привязанность. Роуэлл отмечает, что когда ее маленький бабуин испытывал чувство голода, «он упорно цеплялся за человека, сохраняя с ним физический контакт, а если от него все же освобождались, не переставая визжал». И Роуэлл, и Болуиг пишут, что чем старше становился детеныш, тем чаще у него возникало желание исследовать мир, но при малейшем признаке ухода опекуна малыш мгновенно вцеплялся в него. То же самое происходило после кратковременных расставаний. Болуиг отмечает, что когда его маленькую обезьянку патас выпускали из клетки, в которой она оставалась в течение нескольких часов с другими обезьянами того же вида, ее поведение было следующим: «Она обычно вцеплялась в меня, а потом до конца дня не выпускала из поля зрения. Вечером, заснув, она вдруг просыпалась, цеплялась за меня с криками, которые являлись признаками охватившего ее ужаса, когда я пытался освободиться от нее».

Ослабление проявлений привязанности

В описаниях поведения привязанности молодых приматов, живущих в естественных условиях, отмечалось, что по мере их взросления они все меньше времени проводят с матерью и все больше — со своими сверстниками, а позднее с другими взрослыми особями. Это изменение происходит в основном по их собственной инициативе.

В какой степени сама мать способствует перемене в их отношениях, зависит от вида приматов. Мать бабуина отгоняет своего детеныша, когда он достигает десятимесячного возраста, особенно если она ждет еще одного малыша. Мать макака-резуса тоже противится прежним отношениям с детенышем, тогда как шимпанзе и гориллы полностью не отвергают своих отпрысков.

Однако, судя по имеющимся данным, независимо от того, отгоняют ли от себя матери своих детенышей или нет, в определенном возрасте как интенсивность, так и частота проявления их привязанности начинают снижаться. По всей вероятности, в основе этого лежит несколько процессов. Один из них — возможное изменение формы, которую принимают системы управления самим поведением привязанности. Другой — развитие исследовательского поведения и рост любопытства, влияние которых подчеркивает Харлоу (Harlow, 1961) и другие ученые.

Это явление хорошо иллюстрирует Болуиг, описывая ослабление поведения привязанности у обезьянки патас. Он живо рассказывает о том, как любопытна была эта обезьянка с первых же дней пребывания в доме, как пристально рассматривала у людей лица и руки. С самого начала она также проявляла интерес к исследованию неодушевленных предметов. Этот интерес постепенно рос и к концу второго месяца она подолгу занималась тем, что пыталась вскарабкаться на мебель. В возрасте не полных четырех месяцев ей так нравилось общаться с группой студентов, что она отказывалась идти, когда ее звали. Со временем такие отказы участились. Болуиг делает вывод, что интерес маленькой обезьянки к игре и исследованию окружающего «выступал в качестве противовеса привязанности и постепенно возобладал над ней в часы активного бодрствования обезьянки».

Безусловно, на темп, с которым сокращается поведение привязанности, влияет много факторов. Один из них — это частота пугающих событий: во всех описаниях отмечается, что при испуге даже старшие детеныши тотчас ощущают потребность в близости и контакте с матерью. Другой фактор — это частота вынужденных разлук в слишком раннем возрасте. Болуиг описывает интенсивное цепляние за опекуна его маленькой обезьянки патас после того, как его убедили (вопреки его собственному мнению) в необходимости дисциплинировать ее, например, не пускать в дом или посадить в клетку. «Каждый раз, когда я предпринимал подобные попытки, они заканчивались явлениями регресса в ее развитии. Обезьянка еще больше льнула ко мне, хуже вела себя, и с ней было труднее справляться».

Хотя при естественном ходе событий поведение привязанности, направленное на мать, постепенно ослабевает, у человекообразных обезьян оно полностью не исчезает. Однако имеется слишком мало данных, полученных в естественных условиях, чтобы делать выводы относительно роли поведения привязанности во взрослой жизни. То же самое можно сказать о животных, выросших в неволе.
Все выращенные людьми обезьяны (в том числе и человекообразные), о которых идет речь в приведенных выше отчетах, были помещены в зоопарки или в лабораторные питомники еще в раннем возрасте. В целом опыт наблюдений за такими животными свидетельствует о том, что хотя они обычно вполне удовлетворительно контактируют с представителями своего вида, однако продолжают проявлять гораздо больший интерес к людям по сравнению с теми животными, которые выросли в естественных условиях обитания. Более того, у некоторых из них люди вызывают сексуальное возбуждение, и именно на людей бывает направлено их сексуальное поведение. Поэтому то, на какое именно лицо направлено поведение привязанности в младенчестве и раннем детстве, имеет ряд отдаленных во времени последствий.

ПОВЕДЕНИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ У ЧЕЛОВЕКА

Черты различия и сходства в поведении привязанности у низших и высших видов приматов

На первый взгляд может показаться, что между проявлениями привязанности у человека и человекоподобных приматов существует огромная разница. Нужно подчеркнуть, что у последних цепляние детеныша за мать обнаруживается с самого рождения или вскоре после него, в то время как ребенок совсем не скоро начинает узнавать свою мать. Только научившись передвигаться, он начинает искать ее общества. Несмотря на существенную разницу, я считаю, что ее значение часто может быть преувеличено.
Во-первых, мы видели, что по крайней мере у одной из крупных человекообразных обезьян — гориллы — двух-трехмесячный детеныш еще не обладает достаточной силой, чтобы самостоятельно держаться за мать, которая его поддерживает. Во-вторых, нужно помнить, что в первобытных обществах, особенно в тех, которые занимаются охотой и собирательством, ребенка не кладут в кроватку или в коляску, а мать носит его на спине. Таким образом, различие в отношениях между матерью и детенышем у гориллы и между матерью и ребенком у человека не так уж велико. На самом деле, между низшими приматами и человеком, принадлежащим к западной цивилизации, можно установить некий континуум. У менее развитых представителей отряда приматов, например у лемуров и мартышек, детеныш с самого рождения должен сам держаться за мать — она не оказывает ему в этом никакой помощи. У более развитых обезьян, обитающих в восточном полушарии, таких как бабуин и макака-резус, детеныш должен сам цепляться за мать, но в первые дни жизни мать его поддерживает. У самых развитых, например у гориллы, а также у человека реакция цепляния имеется, но у новорожденных нет достаточных сил, чтобы долго держаться за мать; в результате в течение нескольких месяцев нахождение малыша рядом с матерью поддерживается исключительно ее усилиями; но так или иначе мать и дитя находятся в непосредственном физическом контакте. Только в экономически развитом обществе, особенно западном, младенцы в течение многих часов в день, а часто и ночью лишены контакта со своей матерью.
Этот происходящий в ходе эволюции сдвиг, когда инициатива в сохранении контакта с матерью, вначале принадлежавшая целиком детенышу, полностью переходит к матери, имеет важное следствие: в то время как детеныш макака-резуса крепко держится за свою мать, еще не научившись отличать ее от других обезьян (а также неодушевленных предметов), ребенок человека способен отличать свою мать от других людей (или предметов) прежде, чем сможет цепляться за нее или активно двигаться по направлению к

ней. Данный факт приводит к некоторому затруднению при решении вопроса о том, по каким критериям судить о появлении привязанности у человека.

Развитие поведения привязанности в течение первого года жизни

Имеются убедительные доказательства, что в возрасте около четырех месяцев большая часть младенцев, растущих в семье, иначе реагируют на мать, чем на других людей. При виде своей матери ребенок обычно улыбается и издает звуки, он также дольше следит за ней глазами, чем за кем-то другим. Следовательно, здесь имеет место перцептивное различение. Однако едва ли можно говорить о поведении привязанности, пока не установлено, что младенец не только узнает свою мать, но и пытается своим поведением сохранить к ней близость.

Поведение, направленное на удержание контакта с матерью, более отчетливо проявляется при ее уходе из комнаты, когда младенец начинает плакать или с плачем пытается за ней следовать.

Эйнсворт (Ainsworth, 1963, 1967) отмечает, что у одного из малышей в наблюдаемой группе африканских младенцев плач и попытки следовать за матерью имели место уже в возрасте 15 и 17 недель и что обе формы поведения были обычным явлением в возрасте шести месяцев. Все малыши, кроме четверых, *пытались* следовать за уходящей матерью, как только научились ползать[1].

---

[1]Средний возраст начала ползания у детей из племени ганда составлял двадцать пять недель, в то время как у белых американцев он был равен семи с половиной месяцам (Gesell, 1940). В этом (и во многих других) отношении двигательное развитие у детей из племени ганда происходит намного быстрее, чем у белых детей (Geber, J 956).

Эйнсворт в специальном исследовании наблюдала за младенцами племени ганда[2]* в Уганде. С этой целью она приходила к их матерям на два часа в послеобеденное время, *когд*а женщины обычно отдыхали после утренней работы и принимали гостей. В это время те дети, которые не спали, находились либо на руках, либо на коленях у матери, либо ползали вокруг нее. Поскольку при этом всегда присутствовали взрослые, было нетрудно наблюдать за особенностями реакций и проявлений привязанности детей к матери. На протяжении почти семи месяцев Эйнсворт через каждые две недели наведывалась к двадцати пяти матерям, у которых в общей сложности было двадцать семь детей[3]. К концу исследования двум самым маленьким из детей было всего по шесть месяцев, но большинство остальных уже достигли возраста десяти — пятнадцати месяцев. У всех детей, кроме четверых, наблюдалось поведение привязанности.

---

[2]* Такое же название носит и населенный пункт, в котором проживает это племя. — *Примеч. пер.*

[3]Наблюдения велись еще за одним ребенком (девочкой), но поскольку к концу исследования ей было только три с половиной месяца, данные о ней не были включены в описание.

Данные Эйнсворт показывают, что у всех детей племени ганда, кроме незначительного меньшинства, к шести месяцам имело место поведение привязанности, причем оно проявлялось не только в виде плача при уходе матери из комнаты, но и улыбок, протягивания ручек и криков, выражающих радость. Чаще всего дети плакали, когда их оставляли одних или с незнакомыми людьми, но в этом возрасте так происходило не каждый раз. Однако в течение следующих трех месяцев — с шестого по девятый — все эти формы поведения проявлялись у малышей более регулярно и с большей силой, «как будто привязанность к матери становилась все сильнее и крепче». Дети этого возраста

следовали за матерью, когда она уходила из комнаты; при возвращении ее после какого-то отсутствия они сначала приветствовали ее, а затем быстро (как только могли) позли к ней. Все эти паттерны поведения наблюдались на протяжении последней четверти первого года жизни и всего второго года. К девяти месяцам попытки детей следовать за матерью, когда она выходила из комнаты, становились более успешными, и с этого момента они меньше плакали в таких случаях. Цепляние за мать тоже становилось особенно заметным после девяти месяцев, особенно если ребенок был встревожен, например, присутствием незнакомого человека.

Хотя эти дети проявляли привязанность и по отношению к другим знакомым взрослым, все же к матери привязанность почти всегда появлялась раньше, была сильнее и прочнее. В шести-, девятимесячном возрасте любой ребенок обычно радостно приветствовал появление приходившего домой в одно и то же время отца; однако не отмечалось, чтобы ранее девятимесячного возраста ребенок следовал бы за знакомым взрослым (не матерью), если тот уходил из комнаты. Несколько позднее в отсутствие матери ребенок обнаруживал попытки следовать за любым знакомым взрослым, с которым он находился.

У двадцати трех из двадцати семи детей из племени ганда, которых наблюдала Эйнсворт, имели место четкие проявления привязанности, однако у четырех малышей к моменту завершения наблюдений такого поведения не отмечалось. Возраст этих детей тогда составлял восемь с половиной месяцев (у близнецов), одиннадцать месяцев и год. Возможные причины задержки их развития будут обсуждаться в гл. 15.

Возраст, когда, согласно данным Эйнсворт, у детей из племени ганда появляется поведение привязанности, мало отличается от возраста, в котором, по наблюдениям Шаффера и Эмерсона (Schaffer, Emerson, 1964a), это поведение развивается у шотландских детей. Их исследование охватывало шестьдесят младенцев на протяжении периода от рождения до года. Информация предоставлялась родителями каждые четыре недели. Критерии, по которым судили о поведении привязанности, ограничивались реакциями ребенка на уход матери; было определено семь возможных ситуаций, например, когда ребенка оставляли одного в комнате или ночью в кроватке; также учитывалась сила его протеста. Непосредственные наблюдения исследователей в этой работе были ограниченными и, кроме того, в ней не принимались в расчет приветственные реакции ребенка.

По данным исследования, проводившегося в Шотландии, треть младенцев демонстрировали поведение привязанности к шестимесячному возрасту, а три четверти — к девятимесячному. Так же как и в исследовании детей племени ганда, у некоторых детей имела место задержка в появлении этого поведения: у двоих детей его не было даже в годовалом возрасте.

В буквальном смысле данные Шаффера и Эмерсона говорят о том, что у шотландских детей поведение привязанности развивается несколько медленнее, чем у детей племени ганда. Это действительно может быть так в связи с заметно более высоким двигательным развитием представителей этого племени. Другое возможное объяснение состоит в том, что различия, на которые указывают Шаффер и Эмерсон, являются следствием разных критериев привязанности и методов наблюдения, которые использовались в этих двух исследованиях. Поскольку Эйнсворт сама непосредственно наблюдала за детьми и их матерями, можно предположить, что она фиксировала самые ранние признаки привязанности, в то время как Шафферу и Эмерсону они были недоступны, поскольку они полагались только на данные, предоставленные им матерями[1]. Но как бы то ни было, многие сведения из этих двух источников хорошо согласуются друг с другом. Сюда относится значительный диапазон различий в возрасте, когда впервые появляется поведение привязанности у разных детей, это диапазон от четырех месяцев до года и даже позднее. Об этих существенных индивидуальных различиях никогда нельзя забывать; их возможные причины рассматриваются в гл. 15.

____

[1]Шаффер и Эмерсон предполагают, что, возможно, о наиболее ранних и еще не постоянных проявлениях привязанности им не сообщали, поскольку они обнаружили, что когда им впервые о них сказали, протест детей против ухода матери уже достигал высшей точки или был близок к этому.

Также нет разногласий и по поводу того, как часто поведение привязанности бывает направлено не на мать, а на других лиц. Шаффер и Эмерсон обнаружили, что в течение месяца после первых проявлений привязанности к матери у четверти детей оно адресовалось и другим членам семьи, а к полутора годам все дети, за исключением очень немногих, были привязаны, по крайней мере, еще к одному человеку, а нередко — и к нескольким. Среди других лиц чаще всех ребенок привязывался к отцу. Далее следовали старшие дети, причем «не только те из них, которые могли выполнять некоторые функции матери по уходу за малышами, но также дошкольники». Шаффер и Эмерсон не обнаружили никаких свидетельств, подтверждающих, что привязанность к матери ослабевала при появлении привязанности к другим лицам. Наоборот, чем к большему числу лиц был привязан ребенок в первые месяцы после возникновения этой связи, тем сильнее была его привязанность к матери, возможно, как к главному лицу.

В обоих исследованиях говорится не только о больших различиях в темпе развития детей, но также и о том, что у одного и того же ребенка сила и постоянство привязанности могут очень сильно различаться в зависимости от дня и часа. Различают два вида факторов, ответственных за кратковременные колебания: одни связаны с организмом, другие — с внешней средой. К первым Эйнсворт относит голод, усталость, болезненное состояние и плохое настроение — все они вызывают сильный плач и реакцию следования; Шаффер и Эмерсон также называют усталость, болезненное состояние и еще боль. Что касается факторов внешней среды, то в обоих исследованиях отмечается, что поведение привязанности усиливается, когда ребенок встревожен. Эйнсворт, в частности, было весьма удобно вести такие наблюдения: незнакомая белокожая женщина легко вызывала у детей чувство страха. Ни один ребенок из племени ганда, младше сорока недель, не проявлял беспокойства, но в последующие недели практически все наблюдавшиеся дети обнаруживали свою тревогу: «Дети, с которыми мы впервые встретились в этой [четвертой] четверти[1*], казалось, были в ужасе, увидев меня... В этой ситуации можно было наблюдать, как дети в страхе цеплялись за мать». Другое наблюдение Шаффера и Эмерсона свидетельствовало об увеличении силы привязанности в период после отсутствия матери[2].

[1*]Имеется ввиду четверть первого года жизни ребенка. – *Прим.ред.*

[2]Шаффер и Эмерсон сообщают, что они не смогли установить факторы, вызывающие отдельные колебания по интенсивности, а также «некие колебания спонтанного характера». Однако вполне возможно, что непосредственные и более частые наблюдения могли бы выявить обстоятельства, о которых матери не упоминали во время бесед, которые исследователи проводили с ними раз в месяц.

Нужно заметить, что все факторы, о которых говорилось, будто они влияют на кратковременные колебания в интенсивности проявлений привязанности человеческих младенцев, — это те же самые факторы, которые оказывают такое влияние на детенышей низших и человекообразных обезьян.

Хотя имеется более чем достаточно данных, чтобы показать, что те забота и уход, которые ребенок получает от своей матери, играют главную роль в определении пути развития поведения привязанности, однако никогда нельзя забывать, что в той или иной степени ребенок сам является инициатором взаимодействия и влияет на форму, которую оно

принимает. И Эйнсворт, и Шаффер относятся к тем немногим наблюдателям, которые подчеркивают весьма активную роль маленького ребенка.
Анализируя свои наблюдения за поведением привязанности детей племени ганда, Эйнсворт пишет:
«Особенностью поведения привязанности, больше всего поразившей меня, была большая степень инициативы, которую ребенок берет в свои руки в поисках взаимодействия. Начиная по крайней мере с двух месяцев, в течение всего первого года жизни эти дети не столько пассивно принимали воздействия, сколько активно искали взаимодействия, причем их активность усиливалась».
В этом же ключе пишет и о шотландских детях младенческого возраста Шаффер (Schaffer, 1963):
«Часто кажется, что дети диктуют своим родителям, как себя вести, настаивая на своих требованиях; довольно много матерей, которые в беседе с нами говорили, что они были вынуждены идти значительно дальше в удовлетворении требований ребенка, чем считали нужным...»
Помимо случаев, когда ребенок плачет, которые всегда трудно игнорировать, бывает, что он настойчиво зовет к себе, а когда к нему подходят, поворачивается к матери или другому члену семьи и улыбается. Позднее он приветствует мать, приближается к ней и привлекает ее внимание тысячами очаровательных способов. Такими средствами он не только вызывает ответные реакции у тех, с кем общается, но и «поддерживает и формирует их реакции, подкрепляя одни и оставляя без внимания другие» (Rheingold, 1966). Паттерн взаимодействия, который постепенно складывается между младенцем и его матерью, можно понять только как результат участия обеих сторон. Особое значение имеет то, какое влияние оказывает каждый из участников взаимодействия на поведение другого. Эта тема подробно освещается в гл. 16.

Последующее развитие поведения привязанности у человека

Хотя развитие поведения привязанности в течение первого года жизни описано довольно хорошо, этого нельзя сказать о его развитии в последующие годы. Имеющиеся сведения позволяют с уверенностью предполагать, что в течение второго года жизни и большей части третьего поведение привязанности проявляется с не меньшей силой и не реже, чем в конце первого года. Однако расширение диапазона восприятия ребенка и его способности понимать происходящее вокруг него ведет к тому, что меняются условия, вызывающие поведение привязанности.
Одно из изменений заключается в том, что ребенок все лучше начинает понимать, когда мать собирается уходить. На первом году жизни младенец особенно сильно протестует, когда его кладут в кроватку и, немного позднее, когда мать исчезает из его поля зрения. Затем ребенок начинает замечать, что мать ушла, когда его внимание было занято чем-то другим, и выражает свой протест. Потом он очень настороженно следит за своей матерью, много времени проводит, наблюдая за ней, а если не может ее видеть, то прислушивается ко всем звукам ее движений. В одиннадцать-двенадцать месяцев он уже может понять по ее поведению, что она собирается уходить, и начинает протестовать еще до ее ухода. Зная об этом, родители многих двухлетних детей до последнего момента скрывают свои приготовления к уходу, чтобы избежать детских криков.
У большинства детей сильные и постоянные проявления привязанности наблюдаются почти до конца третьего года жизни. Потом наступает перемена. О ней свидетельствует опыт всех воспитателей детских садов. До двух лет и девяти месяцев большинство детей болезненно переживают уход матери, оставляющей их в детском саду. Хотя их плач может продолжаться недолго, тем не менее они остаются тихими, пассивными и постоянно требуют к себе внимания воспитателя. Между тем в той же обстановке их поведение может быть совершенно иным, если мать остается с ними. Однако после трех лет они, как правило, лучше переносят временное отсутствие матери и могут в это время

играть с другими детьми. У многих детей эта перемена происходит очень резко, что дает основание полагать, что в этом возрасте ребенок переступает некий порог созревания. Главная же перемена заключается в том, что после трех лет большинство детей становятся способными чувствовать себя в безопасности в незнакомом им месте, если с ними находится замещающий мать человек, например родственник или воспитатель. Но и в этом случае чувство безопасности зависит от нескольких условий. Во-первых, лица, замещающие мать, должны быть хорошо знакомы ребенку, предпочтительно, чтобы до этого ребенок видел их вместе с матерью. Во-вторых, ребенок должен быть здоров и не ощущать тревоги. В-третьих, он должен знать, где его мать, и быть уверен, что может возобновить с ней контакт по его первому требованию. При отсутствии этих условий он может стать (или остаться) слишком зависим от матери («mummish») или у него проявятся другие нарушения поведения.

Рост уверенности, которая приходит с возрастом, хорошо показывают примеры из работы Мерфи и ее коллег (Murphy et al., 1964). В этой работе речь идет о том, как дети в возрасте от двух с половиной до пяти с половиной лет реагировали на приглашение в игровой центр. Во время предварительных посещений семей исследователи договорились с родителями, что заедут за детьми через несколько дней, чтобы отвезти их в центр. Хотя каждому ребенку предлагалось ехать одному, если он протестовал, то с ним могла поехать мать. По желанию мать могла сопровождать ребенка. Исследователи были знакомы матерям детей, но не самим детям, которые видели их только во время предварительного посещения.

Как и следовало ожидать, когда психологи приезжали домой к детям, чтобы отвезти их в центр, большинство детей отказывались ехать без матери. Отказ вполне соответствовал их возрасту. В то время как все семнадцать четырех- и пятилетних детей (кроме двоих), выслушав своих матерей, согласились поехать без них, лишь единицы из пятнадцати двух- и трехлетних детей отправились в центр без матерей[1]. Большинство детей из второй группы не только не хотели ехать одни, но и при первом посещении центра упорно искали физического контакта с матерью — сидели рядом с ней, держась за ее юбку или за руку. Благодаря этой поддержке при последующих посещениях центра они стали более уверенно вести себя. Наоборот, старшие дети с радостью поехали одни в центр в первый раз, сразу же включившись там в игру или тестирование. Ни у кого из детей старше четырех с половиной лет не наблюдалось поведение цепляния, которое было так характерно для детей более младшего возраста. В качестве иллюстрации этих различий Мерфи приводит ряд живых зарисовок поведения отдельных детей.

[1]Мерфи не приводит точных цифр или коэффициенты корреляции.

Все дети, описываемые Мерфи в этом исследовании, принадлежали к семьям квалифицированных белых рабочих и специалистов, в основном американцев. Воспитание детей в этих семьях отличалось строгостью и консервативностью, т.е. дети не были избалованы, и поэтому нет причин предполагать, что в чем-то они были нетипичными. Английские дети не отличались от них. Частота и условия возникновения поведения привязанности были описаны в работе Ньюсонов (Newson, Newson, 1966, 1968) в результате исследований, проведенных в центральных графствах Англии среди 700 четырехлетних детей. На вопрос, «цепляется ли ваш четырехлетний малыш за вашу юбку, чтобы его немного понянчили», 16% матерей ответили «часто» и 47% «иногда». Матери остальной трети детей ответили «никогда», но иногда казалось, что им просто хотелось так думать. Общей причиной того, что ребенок, обычно не склонный к поведению цепляния, все-таки проявлял его, была болезнь или ревность к младшему брату или сестре. Хотя почти все матери говорили о том, что они всегда реагируют на требования своего ребенка, четверть из них заявили, что делают это только по необходимости. В этой

связи Ньюсоны отметили, что в их беседах с матерями постоянно повторялась тема о том, что для достижения своей цели ребенок проявляет власть, причем весьма успешно. Таково действительное положение, отмечают Ньюсоны, «к осознанию которого приходят большинство родителей, но о котором слишком редко их предупреждают в пособиях по уходу за детьми».
Таким образом, хотя большинство детей после трех лет реже и менее настойчиво проявляют поведение привязанности, тем не менее доля его все еще велика. Кроме того, поведение привязанности хотя и ослабевает у четырехлетних детей, но продолжает встречаться и в первые школьные годы[1]*. На прогулке пяти-, шестилетние и даже дети постарше любят иногда ходить, держась за руку матери или отца, и негодуют, если родители отказывают им в этом. В случае ссоры во время игры с другими детьми они сразу бегут к матери, отцу или к тому, кто их замещает. Если ребенок испуган, он тоже ищет немедленного контакта. Следовательно, и на протяжении латентной стадии[2]* поведение привязанности обычно продолжает занимать значительную часть жизни ребенка.

---

[1]В Великобритании и многих других странах дети поступают в начальную школу с 5 лет. — *Примеч. ред.*
[2]Латентная стадия — в периодизации З. Фрейда четвертая стадия психосексуального развития ребенка (с 5 до 12 лет). — *Примеч. ред.*

В подростковом возрасте привязанность ребенка к родителям ослабевает. У него могут появиться другие взрослые, которые будут значить для него не меньше, чем родители. Эту картину дополняет сексуально окрашенное тяготение к сверстнице (или сверстнику). В результате индивидуальные различия, и так весьма значительные, становятся еще заметнее. Одни подростки полностью отделяют себя от родителей, другие сохраняют тесную привязанность к ним и не могут или не хотят адресовать ее другим людям; большинство подростков занимают промежуточное положение между этими крайностями. Они испытывают сильную привязанность к родителям, но в то же время для них важное значение имеют отношения с другими людьми. У большинства подростков связь с родителями продолжается во взрослой жизни и влияет на их поведение в самых разных отношениях. Во многих обществах привязанность дочери к матери продолжается дольше, чем сына к матери. Как показали Янг и Уиллмотт (Young, Willmott, 1957), даже в урбанизированном обществе западного типа связь между взрослой дочерью и матерью играет огромную роль.
Наконец, в преклонном возрасте, когда поведение привязанности человека больше не может быть обращено к представителям старшего и даже своего поколения, оно часто бывает направлено на более молодых людей.
В подростковом периоде и во взрослой жизни в сферу привязанности обычно попадают не только люди из внесемейного круга, но также и группы и общественные институты. Школа или колледж, группа коллег по работе, религиозное или политическое объединение могут выступать для многих людей в качестве дополнительного «предмета» привязанности, а для некоторых — и главного. Весьма вероятно, что в таких случаях развитие привязанности к группе опосредствовано, по крайней мере вначале, привязанностью к человеку, занимающему видное положение в группе. Например, для многих граждан привязанность к своей стране является производной от их привязанности к монарху или президенту и сначала зависит от нее.
То, что поведение привязанности во взрослой жизни является прямым продолжением поведения привязанности в детстве, показывают те условия, при которых оно легче всего возникает. В период болезни или несчастья взрослые люди испытывают сильную потребность в других; в момент внезапной опасности или катастрофы человек почти

всегда ищет близости с каким-то другим человеком, которого он знает и кому доверяет. В таких обстоятельствах усиление поведения привязанности всеми признается естественным. Поэтому эпитет «регрессивное» применительно к каждому проявлению поведения привязанности во взрослой жизни вводит в заблуждение. Между тем он часто используется в психоаналитических работах, где этому термину придается значение чего-то патологического или, по крайней мере, нежелательного (Benedek, 1956). Назвать поведение привязанности во взрослой жизни регрессивным — на самом деле значит не увидеть ту исключительно важную роль, которую оно играет в жизни человека от его рождения до смерти.

Формы поведения, служащие средством выражения привязанности

Ранее при обсуждении этой темы (Bowlby, 1958) были перечислены пять реакций, связанных с поведением привязанности. Две из них — плач и улыбка — направлены на то, чтобы мать подошла к ребенку и осталась рядом с ним. С помощью двух других — цепляния и следования — ребенок сохраняет свое положение возле матери. Роль пятой реакции — сосания — не так легко определить; она требует более тщательного изучения. Шестая — когда ребенок зовет мать — также очень важна: после четырех месяцев ребенок всегда привлекает к себе внимание матери короткими, резкими призывными звуками, а позднее, конечно же, кричит «мама».

Поскольку роль, которую играет каждая из этих реакций, и их характерные особенности удобнее обсуждать в контексте их развития, перенесем их дальнейшее рассмотрение на последующие главы.

Использование матери в качестве базы, служащей ребенку опорой при ознакомлении с окружающим миром

В ходе описания развития поведения привязанности на первом году жизни использовались два основных критерия: плач и следование за матерью при ее уходе, а также радостное приветствие и попытки приблизиться к ней при ее возвращении. Другими критериями являются избирательная улыбка, адресуемая матери, обычно наблюдаемая в возрасте около четырех месяцев, а также движение в сторону матери и цепляние за нее, если ребенок испытывает тревогу. Еще одним показателем служит то, что ребенок, привязанный к матери, по-разному ведет себя в ее присутствии и без нее.

В своем исследовании поведения младенцев племени ганда Эйнсворт (1967) отмечает, что как только ребенок оказывается в состоянии ползать, он не все время находится возле матери. Наоборот, он совершает маленькие путешествия, удаляясь от нее и изучая новые предметы и других людей и, если ему позволяют, он даже может выйти из ее поля зрения. Однако время от времени он возвращается к ней, как бы для того, чтобы убедиться, что она на месте. Эти исследовательские вылазки резко прекращаются в двух случаях: а) если ребенок чего-то пугается или испытывает боль; б) если мать уходит. Тогда он возвращается к ней так быстро, как только может, с большими или меньшими признаками огорчения, либо беспомощно плачет. Самому младшему ребенку из племени ганда, у которого Эйнсворт наблюдала такую форму поведения, было двадцать восемь недель. Большинство детей вели себя подобным образом с восьми месяцев.

Начиная с этого возраста, ребенок по-разному ведет себя в присутствии матери и когда ее нет рядом. Эта разница особенно видна, когда он сталкивается с чужим человеком или оказывается в незнакомом месте. В присутствии матери большинство детей ведут себя значительно увереннее и готовы к исследованию окружающей обстановки; в отсутствие матери они становятся робкими, а нередко падают духом и расстраиваются. Эксперименты, демонстрирующие эти реакции у детей в возрасте одного года, описаны Эйнсворт и Уиттигом (Ainsworth, Wittig, 1969), а также Рейнгольд (Rheingold, 1969). Результаты всех этих исследований весьма определенны и наглядны. Эта тема рассматривается в гл. 16.

Чувства

Ни одна форма поведения не сопровождается более сильными чувствами, чем поведение привязанности. Лица, на которые оно направлено, пользуются любовью ребенка, и их приход он радостно приветствует.

Пока ребенок уверен в присутствии главного лица, к которому привязан, или его досягаемости, он чувствует себя в безопасности. Угроза его потери вызывает у него тревогу, а действительная потеря — горе; более того, и то, и другое часто вызывают у ребенка гнев. Все эти темы исследуются во втором и третьем томах.

Глава 12. ПРИРОДА И ФУНКЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ

Ты знаешь — ты просто не можешь не знать —
Устал я тебе без конца повторять,
Что нянину руку нельзя отпускать,
Когда ты из дома выходишь гулять.
Послушай про мальчика Джима рассказ,
Который не мог обойтись без проказ
И вот в злополучный и пасмурный день
Во время прогулки исчез, словно тень.
На самом же деле, поесть не успев,
На бедного Джима набросился лев.
Голодный и жадный разинул он пасть
И Джима схватил — вот такая напасть!
Горюя, задумался Джима отец:
Беспечных детей ждет такой же конец.
Пора непослушным ребятам понять —
От няни нельзя никогда убегать!
«Джим». Х. Беллак

ТЕОРИЯ ВТОРИЧНОГО ВЛЕЧЕНИЯ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В предыдущей главе было описано развитие поведения привязанности в жизненном цикле представителей пяти видов из отряда приматов — от макака-резуса до человека. Теперь задача состоит в том, чтобы обсудить, каким образом можно лучше всего понять природу этой формы поведения и контролирующие ее факторы.

До сих пор наиболее распространена теория вторичного влечения, поэтому полезно начать с рассмотрения ее истоков и современного состояния[1].

[1]Весьма полезное и современное описание двух вариантов этой теории в духе психоанализа и социального научения содержится в работе Маккоби и Мастерса (Maccoby, Masters, 1970).

Теория вторичного влечения заключается в том, что желание быть с другими представителями вида возникает в результате получения от них пищи. Вот как пишут об этом Доллард и Миллер (Dollard, Miller, 1950): «Вероятно, опыт, получаемый в ситуации кормления, дает ребенку возможность приобрести привычку и желание (to learn to like to be) находиться в обществе других людей; т.е. он может создать основу способности к общению». Фрейд излагает эту мысль так: «Причина, по которой грудному ребенку необходимо ощущать присутствие матери, заключается только в том, что он уже по опыту знает, что мать незамедлительно удовлетворит все его потребности» (Freud, 1926. P. 137); а позднее он говорит об этом более конкретно: «В своих истоках любовь связана с удовлетворенной потребностью в пище» (Freud, 1940. P. 188).

Первое, что нужно заметить в отношении теории данного типа, — это то, что она основывается на предположении, а не на результатах наблюдений или экспериментов.

Халл занимал позицию, согласно которой, существует Bgcwrta ограниченное число первичных потребностей (влечений) — потребностей в пище, жидкости, тепле и сексе, а все остальные формы поведения надстраиваются над ними в процессе научения. Фрейд исходил точно из такого же предположения. В дальнейшем обе теории — теория научения и психоанализ — разрабатывались на основе данного предположения так, словно оно уже получило свое подтверждение; больше оно не обсуждалось. Поскольку никакой другой теории в этой области не было, теория вторичного влечения появилась очень кстати и стала рассматриваться как самоочевидная истина.
Впервые данная теория была подвергнута серьезному сомнению в ранней работе Лоренца (Lorenz, 1935), посвященной запечатлению. Хотя эта работа была опубликована еще в 1935 г., результаты исследований Лоренца оставались мало известными до 1950 г. и оказали большое влияние на психологическую мысль только в последнем десятилетии. Его данные четко и недвусмысленно показали, что поведение привязанности может развиваться у утят и гусят без какой-либо связи с получением ими пищи или какого-либо другого положительного подкрепления. В первые же часы после своего появления на свет эти маленькие создания устремлялись вслед за любым движущимся предметом, который они видели перед собой, будь то их мать, другой человек, резиновый шар или картонная коробка; более того, начав следование за каким-либо конкретным объектом, они затем предпочитали его всем другим и следовали только за ним. Процесс научения, в ходе которого фиксируются отличительные признаки объекта, за которым следует детеныш, известен под названием «запечатление» (см. гл. 10).
После того как эксперименты Лоренца были повторены и его данные подтвердились, естественно было поставить вопрос: существует ли сходство в развитии поведения привязанности у млекопитающих и человека? Теперь имеются убедительные доводы в пользу утвердительного ответа. Поэтому те, кто продолжает придерживаться теории вторичного влечения, если они хотят, чтобы их теорию в будущем принимали всерьез, должны предоставить в ее пользу убедительные доказательства.
Что касается млекопитающих (кроме человека), то только для морской свинки, собаки, овцы и макака-резуса имеются бесспорные свидетельства, что поведение привязанности может развиваться по отношению к объекту, от которого не исходит никакого положительного подкрепления в виде пищи, тепла или сексуальной активности (Cairns, 1966a).
В одной из серий своих экспериментов Шипли (Shipley, 1963) показывает, что морские свинки, изолированные в течение четырех часов после рождения, при виде движущегося плоского белого деревянного предмета начинают за ним следовать. Их реакции не ограничиваются только приближением к объекту, но включают ряд других, типично социальных реакций — обнюхивание, облизывание и стремление к тактильному контакту. В другом эксперименте детеныши морской свинки в течение пяти дней оставались с матерью в полной темноте. Потом их отнимали от матери и помещали перед движущейся моделью на свету. И вновь они реагировали на модель приближением, следованием, а также демонстрировали другие реакции социального типа. Поскольку ранее детеныши находились в темноте, возможность переноса зрительного образа матери на модель отсутствовала, и так как приближение предшествовало контакту с моделью, любое влияние предыдущего контакта с матерью также можно было исключить.
Хотя эксперименты Скотта и его коллег со щенками (их обзор содержится в работе: Scott, 1963) носили не такой строгий характер, тем не менее они привели к впечатляющим результатам. Двух- или трехнедельных щенков полностью изолировали от людей и оставили с матерью и другими щенками из того же помета до начала эксперимента. Исследовались такие вопросы: приблизятся ли щенки к человеку и будут ли следовать за ним, если они ни разу не видели человека и он их не кормил, и если будут следовать, то в каком возрасте и при каких условиях.

В одном из экспериментов щенки сначала получали возможность видеть неподвижно сидящего человека в течение недели по десять минут каждый день, причем впервые это происходило, когда щенкам было либо три, либо пять недель. Они приближались к исследователю и проводили с ним десять минут. Те щенки, которые впервые видели человека в более старшем возрасте, чаще боялись его, — ни один из щенков в возрасте четырнадцати недель к нему не приближался. Таким образом, через несколько недель после начала ползания щенки приближались к человеку, несмотря на то, что он не двигался, а какая-либо связь с пищей здесь отсутствовала.
В другом эксперименте один из коллег Скотта (Фишер) после достижения щенками возраста трех недель держал их в полной изоляции, причем питание они получали с помощью механического приспособления. После этого их каждый день на короткое время выпускали и наблюдали за тем, как они будут реагировать на идущего человека. Все они начинали следовать за ним. В одной группе щенков не только никак не вознаграждали за это, но наоборот, каждый раз наказывали, когда они пытались следовать за человеком, «так что их контакт с человеком был связан только с болезненным опытом». Через несколько недель исследователь перестал их «наказывать». Щенки вскоре перестали убегать от человека; более того, они даже проводили с ним больше времени, чем щенки из контрольной группы, которых поощряли за приближение к человеку обычной лаской и добрым отношением.
Эксперименты Кэрнса с ягнятами дали сходные результаты (Cairns, 1966a, 1966b; Cairns, Johnson, 1965). Примерно с полутора месяцев ягненок находился в изоляции, но мог видеть и слышать, что происходит на экране включенного телевизора. Ягненок жался к телевизору, и когда спустя девять месяцев его выпустили из «заточения» и он не увидел поблизости телевизора, то сразу же стал его искать, а когда наконец нашел, устроился рядом с ним. В другом эксперименте ягнята росли в условиях, допускающих зрительный, слуховой и обонятельный контакт с собакой; в некоторых случаях ягненок и собака во избежание взаимодействия друг с другом были разделены решеткой. Спустя несколько недель, проведенных в разлуке, ягненок снова проявлял все признаки привязанности к собаке: не видя ее, он жалобно блеял и старался ее найти, а когда находил, то всюду сопровождал эту собаку. Таким образом, у ягнят привязанность может развиваться на основе одного лишь зрительного и слухового контакта с объектом, даже без физического взаимодействия с ним.
Кроме того, у ягнят так же, как у щенков, привязанность возникает, несмотря на плохое обращение с ними их «партнеров». Когда ягненка и собаку содержат в одной клетке, никак не ограничивая их действий, собака может кусать, трепать или как-то иначе досаждать ягненку. Однако несмотря на это, когда их разлучают, ягненок сразу же начинает искать собаку, а когда находит, стремится быть с ней рядом. Результаты всех этих экспериментов несовместимы с теорией вторичного влечения.
Аналогичным образом эксперименты Харлоу с макака-резусами также не подтверждают теорию вторичного влечения. В серии экспериментов детенышей обезьян сразу после рождения отнимали у матерей и в качестве замены давали им манекен (куклу) в виде проволочного цилиндра или такого же цилиндра, но обернутого мягкой тканью. Кормили детенышей из бутылочки, помещенной в один из манекенов. Это позволяло отдельно оценить влияние кормления и тактильного контакта к чему-то мягкому. Все опыты показали, что «успокаивающий контакт» вызывал поведение привязанности, а пища — нет.
В одном из экспериментов восемь детенышей обезьян содержали вместе с двумя манекенами — проволочным и матерчатым. Четырех обезьянок кормили (по требованию) из бутылочки, помещенной в матерчатый манекен, а других четырех — из бутылочки, помещенной в проволочный манекен, причем время, которое обезьянки проводили с манекенами, фиксировалось. Результаты показали, что независимо от того, из какого манекена поступала пища, все детеныши большую часть времени проводили возле

тряпичного манекена. В то время как детеныши из обеих групп проводили в среднем по пятнадцать часов в день, уцепившись за тряпичный манекен, никто из них не проводил с проволочным манекеном больше часа или двух. Некоторые детеныши, получавшие пищу из проволочного манекена, ухитрялась сосать из бутылочки, продолжая в то же время держаться за матерчатый манекен. Харлоу и Циммерманн (Harlow, Zimmermann, 1959) приходят к следующему выводу:

«Эти данные делают очевидным, что фактор тактильного контакта имеет огромное значение для развития эмоциональных реакций на суррогатную мать [т.е. манекен], а кормление играет несущественную роль. По мере взросления и при наличии возможностей к изучению детеныш, получавший питание от проволочной матери, не обнаруживает ее предпочтения, как это должно было бы быть, если исходить из теории влечения, а вместо этого все больше тянется к матерчатой матери, от которой он не получал пищи. Эти данные идут вразрез с теорией эмоционального развития на основе редукции влечения (потребности)».

Ряд других экспериментов Харлоу также подтверждают этот вывод, особенно те опыты, где сравнивается поведение детенышей обезьян, которых растили в помещении с матерчатым манекеном, *не* имеющим бутылочки с пищей, с поведением обезьянок, росших в контакте с проволочным манекеном, служившим источником пищи. В двух таких экспериментах анализируется поведение детеныша обезьяны: 1) когда он встревожен и 2) когда он находится в незнакомой обстановке.

Если детеныш обезьяны, растущий рядом с матерчатым манекеном, лишенным источника пищи, чем-то встревожен, он сразу же начинает искать манекен и хвататься за него (точно так же, как в естественных условиях, детеныш сразу начинает искать свою мать и цепляется за нее). После этого детеныш успокаивается и даже начинает интересоваться объектом, который его испугал. Когда подобный эксперимент проводится с детенышем, растущим в клетке с проволочным манекеном, от которого он получает молоко, его поведение оказывается совершенно другим: он не ищет манекен, остается испуганным и не обнаруживает признаков исследовательской активности.

Во втором эксперименте детеныша обезьяны помещали в незнакомую для него комнату (площадью 4 $м^2$ и высотой потолка 2 м), в которой было много разных «игрушек». Пока там находилась матерчатая «мать», обезьянка исследовала игрушки, используя манекен как базу, к которой она время от времени возвращалась. Однако если у детенышей такого манекена не было, они начинали

«метаться по комнате, бросаться на пол лицом вниз, обхватывать голову и туловище руками и горестно кричать... Присутствие проволочной матери нисколько не влияет на состояние детеныша. Контрольные опыты, проведенные с обезьянками, которые с момента рождения знали только кормящую их проволочную мать, обнаружили, что даже эти детеныши не выражали по отношению к ней никаких чувств, а ее присутствие нисколько их не успокаивало» (Harlow, 1961).

В обоих случаях типичное поведение привязанности адресуется матерчатому манекену, не имеющему отношения к кормлению, а не «кормящему» проволочному.

С выводами Харлоу относительно поведения детенышей макака-резусов согласуется опыт Роуэлл, полученный в ходе наблюдений за детенышем бабуина. Бабуин получал питание из бутылочки; он мог также сосать куклу и, когда хотел, цепляться за свою попечительницу. Оказалось, что он проявлял интерес к бутылочке, только когда был голоден. В таком случае он с нетерпением хватал ее. В другое время его поведение было обращено на куклу или «на приемную мать»: «бутылочка, хотя он иногда и брал ее в рот, казалось, интересовала его не больше, чем любой другой предмет такого же размера» (Rowell, 1965).

Очевидно, что в экспериментах Харлоу влияние пищи сказывалось в том, что матерчатый манекен становился более привлекательным, чем другой. Например, при наличии выбора из двух матерчатых манекенов, скажем, зеленого с бутылочкой для питания и желтовато-

коричневого без бутылочки, детеныш проводил значительно больше времени, цепляясь за манекен, служащий источником пищи; в возрасте сорока дней он проводил на «кормящем» манекене около одиннадцати часов в день, а на «не кормящем» — восемь. Но даже это небольшое предпочтение сокращалось, так что в возрасте четырех месяцев отношение к обоим манекенам становилось одинаковым (Harlow, 1961).
Интересно, что подобно Фишеру, который обнаружил, что, несмотря на наказание, щенки неотступно следуют за объектом, и Кэрнсу, который то же самое наблюдал у ягнят, Харлоу установил, что при угрозе наказания детеныш обезьяны начинает цепляться еще сильнее. В одном из экспериментов матерчатый манекен имел отверстия, через которые подавался сжатый воздух. Условным раздражителем служил зуммер, предупреждавший детенышей о скором и сильном порыве ветра, чего, как известно, обезьяны очень боятся. Вскоре детеныши уже знали, чего следует ожидать, но вместо того, чтобы уклоняться от струи воздуха, они все делали наоборот: прижимались к манекену с еще большей силой и в результате получали в лицо и живот струи воздуха максимальной мощности (Harlow, 1961; Rosenblum, Harlow, 1963). С особой силой поведение привязанности проявилось также у тех детенышей обезьян, матери которых плохо с ними обращались (Seay, Alexander, Harlow, 1964). Конечно, это парадоксальное явление возникает как неизбежный результат того, что поведение привязанности вызывается чем-то пугающим. Этот вопрос обсуждается подробнее в следующей главе.

Теория вторичного влечения применительно к человеку

Хотя все эти эксперименты показывают несостоятельность теории вторичного влечения применительно к млекопитающим животным, тем не менее в отношении человека они оставляют вопрос открытым. Данные, касающиеся человека, не позволяют сделать окончательный вывод. Однако ряд наблюдений дает возможность предполагать, что факторы, способствующие поведению привязанности у человека, не слишком отличаются от факторов, действующих у родственных ему млекопитающих животных.
Во-первых, хорошо известно, что человеческий детеныш от рождения обладает способностью к цеплянию, сила которого позволяет удерживать свой вес, — способность, увидев которую, Фрейд назвал «хватательным инстинктом» (Freud, 1905. P. 180). Во-вторых, младенцы любят находиться в обществе людей. Уже в первые дни жизни они успокаиваются в процессе общения, когда их берут на руки, говорят с ними или ласкают. Очень скоро им, по-видимому, начинает нравиться наблюдать за движением людей. В-третьих, интенсивность реакций лепета и улыбки у детей растет, если взрослый дает на них чисто социальный ответ, т.е. уделяет малышу даже немного внимания (Brackbill, 1958; Rheingold, Gewitz, Ross, 1959). Не требуется ни еда, ни уход, хотя их наличие может оказать положительное влияние. Таким образом, имеются убедительные данные, что человеческий детеныш «устроен» так, что с готовностью реагирует на социальные раздражители и быстро включается в социальное взаимодействие (см. дальнейшее обсуждение этой темы в гл. 14).
Готовность реагировать на социальные стимулы у детей на самом деле так велика, что нередко они привязываются даже к другим младенцам такого же возраста или немного старше. Они протестуют против их ухода и пытаются следовать за ними, а когда те возвращаются, они приветствуют их и тянутся к ним. Случаи привязанности такого рода описаны Шаффером и Эмерсоном (Schaffer, Emerson, 1964a). Они также составляют предмет статьи Анны Фрейд и Софи Данн (Freud, Dann, 1951), в которой рассказывается о группе из шести детей в возрасте от трех до четырех лет, находившихся в концентрационном лагере и, очевидно, постоянно общавшихся только друг с другом. Авторы подчеркивают, что «положительные чувства дети испытывали исключительно к членам своей группы... они очень заботились друг о друге, но в то же время больше никто и ничто их не интересовало».
Тот факт, что маленький ребенок может привязаться к другим детям того же возраста или постарше, означает, что привязанность может возникать в отношении лица, никак не

связанного с удовлетворением физиологических потребностей ребенка. Это справедливо даже в случае, когда лицом, к которому привязывается ребенок, является взрослый человек. Среди тех, кто, по оценке Шаффера и Эмерсона, были главными (или одними из нескольких основных) лицами, к которым были привязаны шестьдесят шотландских детей, участвовавших в исследовании, не менее одной пятой «никак не были связаны с физическим уходом за ребенком. Очевидно, привязанность может развиваться, — делают они вывод, — даже если люди, на которых она направлена, не имеют никакого отношения к удовлетворению физических потребностей». Факторы, от которых, по мнению этих исследователей, наиболее явно зависит, к кому будет испытывать привязанность ребенок, — это быстрота, с которой человек реагирует на сигналы ребенка, и интенсивность взаимодействия с ним.

Достоверность этих данных подтверждается результатами недавно проведенной экспериментальной работы, которая показывает, что один из самых эффективных способов улучшить выполнение ребенком любой задачи на перцептивное различие или выработку двигательного навыка, — это награда дружелюбной реакцией со стороны другого человека. Бауэр (Bower, 1966) описывает, как начиная с двухнедельного возраста можно исследовать зрительный мир младенцев на основе метода оперантного научения, когда подкреплением служит всего лишь появление перед ребенком взрослого, произносящего «ку-ку». Стивенсон (Stevenson, 1965) описывает ряд исследований, в которых навыки выполнения детьми простых задач формируются на основе минимального социального одобрения каждого правильного ответа[1].

____

[1]Ряд представителей теории научения под впечатлением от этих результатов пришли к выводу, что развитие поведения привязанности можно целиком объяснить на основе механизмов оперантного обусловливания: социальные реакции ребенка получают социальное подкрепление от лица, к которому он привязан (Gewirtz, 1961). Хотя эта точка зрения никак не противоречит взглядам, развиваемым в этой книге, она уделяет слишком мало внимания тем сильным внутренним связям, которые, как считается, каждый партнер привносит во взаимодействие. Эйнсворт указывает (Ainsworth, in print), что если игнорируются внутренние связи, существует опасность, что каждая система управления поведением будет рассматриваться как бесконечно лабильная относительно условий окружающей среды, а это на практике потенциально может иметь очень вредные результаты.

Таким образом, данные подобного рода служат серьезным подтверждением точки зрения, согласно которой поведение привязанности у человека, так же как у животных, может развиваться без традиционного подкрепления пищей и теплом. Это означает, что для признания самостоятельности теории вторичного влечения применительно к человеку, когда доказана ее несостоятельность в отношении довольно близких, родственных для человека видов, необходимы новые убедительные данные, которые пока отсутствуют[2]. Каковы же в таком случае причины сохранения теории вторичного влечения?

____

[2]Недавно Мерфи (Murphy, 1964) предложила видоизмененный вариант теории вторичного влечения, но не представила в его подтверждение никаких новых данных. Например, критикуя мою точку зрения, как уже упоминалось ранее (Bowlby, 1958), Мерфи допускает, что пища — не единственное значимое вознаграждение. Тем не менее она утверждает, что привязанность ребенка развивается у младенца только потому, что он привыкает, что мать удовлетворяет его потребности, защищает и поддерживает его: «Реакции цепляния и следования не влекут за собой привязанности, они являются выражением того, что ребенок полагается на мать, удовлетворяющую его потребности, защищающую и поддерживающую его». Если бы это было так, то едва ли было бы

возможно развитие привязанности к маленьким детям или к взрослым, которые ничего этого не делают.

Среди нескольких причин, по которым психоаналитики не спешат с ней расставаться, — это потребность в какой-то теории, объясняющей высокую частоту встречаемости оральных симптомов при всех видах невротических и психологических состояний. На основе теории вторичного влечения такие симптомы легко объяснимы, если их рассматривать как регрессию к более ранней стадии нормального развития, когда объектные отношения сводятся исключительно к отношениям орального типа. Если такое объяснение признается неприемлемым, то что предлагается в качестве альтернативы? Существуют три подхода к этой проблеме.

Во-первых, даже если в соответствии с выдвинутой гипотезой поведение привязанности возникает и развивается независимо от получения пищи, оно, тем не менее, зависит от сосания — это парадоксальное положение подробно обсуждается в следующей главе. По этой причине теория регрессии может не отвергаться полностью.

Во-вторых, на основе механизмов символического замещения оральные стимулы могут иногда рассматриваться больным как эквивалент отношений с человеком, поскольку часть для него репрезентирует целое.

В-третьих, по-видимому, во многих случаях оральную активность следует отнести к смешанному типу активности, которая возникает в случае фрустрации какой-то иной активности и которая выглядит как не связанная с контекстом действия. Возможные механизмы возникновения таких видов активности в ситуациях конфликта обсуждались в гл. 6. Поскольку постулируемые процессы совершаются на досимволическом (infra-symbolic) уровне, краткое обсуждение их роли в жизни человека может оказаться полезным.

При работе с людьми мы так привыкли видеть, что один вид деятельности выполняется вместо другого, в символическом плане равноценного, что, быть может, нелегко представить, что сходные замещения могут встречаться и на досимволическом уровне. Приведем два примера. Ребенок, лишенный внимания, сосет большой палец; ребенок, разлученный с матерью, переедает. Можно полагать, что в таких ситуациях большой палец и пища символизируют мать в целом или, по крайней мере, ее грудь и молоко. Альтернатива состоит в рассмотрении таких действий как замещений, возникающих в результате психологических процессов досимволического уровня, например процессов, лежащих в основе гнездостроительного поведения воинственных чаек; другими словами, это постулирование того, что в ситуации фрустрации привязанности ребенка к матери сосание им пальца или переедание возникают как не связанные с контекстом виды активности не символического характера. Заслуживает внимания тот факт, что нечто похожее встречается также у низших приматов и у человекообразных обезьян. У детенышей макака-резуса и шимпанзе, выращенных без матери, за которую они могли бы цепляться, наблюдается чрезмерно выраженное аутоэротическое сосание. Ниссен отмечает, что в то время как у детенышей шимпанзе, выросших с матерями, сосание большого пальца не наблюдалось, оно встречалось у 80% обезьян, росших в условиях изоляции. То же самое имеет место и у макака-резусов. В лаборатории Харлоу взрослая самка макака-резуса обычно сосала свою собственную грудь, а самец — свой пенис. Оба выросли в изоляции. В этих случаях то, что следовало бы назвать оральными симптомами, получило развитие в результате лишения детеныша привязанности к матери на основе процессов, которые явно относятся к до- символическому уровню. Не может ли то же самое относиться и к оральным симптомам у детей?

В этой связи наводят на размышления наблюдения Анны Фрейд и Софи Данн за детьми, побывавшими в концентрационном лагере: «Питер, Руфь, Джон и Лия — все были неисправимыми любителями сосать большой палец». Авторы приписывают данную

привычку тому, что этим детям «мир объектов» принес одни разочарования». Они продолжают:

«То, что слишком интенсивное сосание прямо зависело от нестабильности их объектных отношений, подтвердилось в конце года, когда дети узнали, что их должны увезти из Буллдогз Банк: сосание пальца в дневное время стало у всех них доминирующим занятием. Их упорство в получении орального удовольствия... колебалось в соответствии с отношением детей к окружающей обстановке...»

Если этот вид замещения может встречаться у детей, не может ли процесс, протекающий на досимволическом уровне, также отвечать, по крайней мере, за оральные симптомы у взрослых людей, возникающие в том случае, когда все их объектные отношения в целом по какой-то причине становятся для них затруднительными?

Оправдан ли такой подход к анализу оральных симптомов, покажут лишь дальнейшие исследования. Он обозначен здесь с целью показать, что предложенная теория поведения привязанности может привести к построению логичной альтернативы традиционным объяснениям оральных симптомов на основе теории вторичного влечения.

ВОПРОС О ЗАПЕЧАТЛЕНИИ

Б случае отказа от теории вторичного влечения и попыток найти ключи к новой теории в работе Лоренца, а также в исследованиях, вдохновленных им, возникает вопрос: можно ли уподобить процесс развития поведения привязанности у человека запечатлению?

В своих ранних работах, посвященных запечатлению, Лоренц (Lorenz, 1935) прямо отрицал наличие у млекопитающих какого-либо процесса, подобного запечатлению. Со временем, однако, взгляды по этому вопросу изменились. С одной стороны, представления о запечатлении расширились (см. гл. 10), с другой — экспериментальная работа с млекопитающими (речь пока не идет о человеке) показала, что, по крайней мере, развитие некоторых их видов можно успешно сравнивать с развитием птиц, вьющих гнезда, поскольку между ними имеется определенное сходство. Поэтому при условии, что не делается никаких поверхностных предположений, о чем предупреждал Хайнд (Hinde, 1961, 1963)[1], полезно рассмотреть вопрос о существовании чего-либо, напоминающего запечатление у человека. Этот вопрос вновь поднимает уже возникавшую проблему: имеется ли подобный процесс у млекопитающих животных?

---

[1]Рассматривая правомерность сравнения млекопитающих и птиц, Хайнд предупреждает, что любые «черты сходства могут быть результатом сходной избирательности, а не сходных механизмов» (Hinde, 1961). «Вйдение проблем в этом случае, — продолжает он в другой работе (1963), — может пролить свет на проблемы в другом случае, но не может дать их решения. Мы должны подробно проанализировать каждый случай в отдельности».

Млекопитающие животные

В предыдущем разделе было достаточно ясно показано, что ход развития поведения привязанности у некоторых видов млекопитающих имеет много общего с тем, как развивается привязанность у птиц, вьющих гнезда. Например, вначале многие реакции, которые должны адресоваться матери, может вызывать широкий круг объектов. Но обычно вскоре происходит сужение круга эффективных объектов-стимулов. По-видимому, это происходит благодаря научению в результате воздействия, а также благодаря подкреплению определенных признаков объекта, идущему от тактильного контакта, движения и звука, которым мать зовет своего детеныша. После того как изучены характерные особенности самки, к которой привязан детеныш, его реакции в основном либо полностью направляются на нее. Более того, как только предмет выбран, его предпочтение обычно становится весьма устойчивым, так что смещение поведения привязанности от знакомого животного на новое и незнакомое делается все более и более затруднительным. Основная причина этого состоит в том, что у млекопитающих, как и у

птиц, реакция на любое незнакомое животное по мере взросления детеныша становится все теснее связанной со страхом и реакцией убегания (удаления).
Роль реакций страха в ограничении возможностей для развития привязанности по мере взросления детеныша хорошо показана Скоттом (Scott, 1963) в экспериментах со щенками, о которых уже упоминалось. Если щенку, впервые увидевшему человека, было не больше пяти недель, у него сразу же возникала реакция приближения к нему. Напротив, семинедельные щенки, впервые оставленные с человеком, в течение первых двух дней эксперимента старались держаться от него подальше и пробовали приблизиться только в последующие дни. Другие щенки, которым было по девять недель, первые три дня держались на расстоянии от человека, а щенки, которые впервые увидели человека в возрасте четырнадцати недель, вообще ни разу не приближались к нему на протяжении всей недели, пока шел эксперимент. Только в результате заботливого отношения к ним в течение долгого времени, пишет Скотт (там же), щенки из последней группы преодолели свой страх; но даже после этого в своей последующей жизни они продолжали побаиваться людей[1].

---

[1]В последующей серии экспериментов Фуллер и Кларк (Fuller, Clark, 1966a, 1966b) обнаружили, что если щенкам, ранее содержавшимся в изоляции, перед «тестом на общение» давать небольшую дозу хлорпромазина, это может ослабить их реакции страха перед незнакомой ситуацией. В результате щенки, которых держали в изоляции в возрасте с трех до пятнадцати недель, реагировали на новую ситуацию менее боязливо, чем такие же щенки, не получавшие препарат; они более охотно приближались к экспериментатору, и у них начинала формироваться привязанность.

Результаты опытов Харлоу с макака-резусами дают сходные по смыслу результаты. До шести-семи недель детеныши обезьян проявляют слабые реакции страха в ответ на зрительные стимулы (Harlow, Zimmermann, 1959). Поэтому до этого возраста детеныш охотно приближается к любому новому животному или объекту; однако позднее у него нарастают реакции избегания. Например, детеныш, которого в течение первых трех месяцев жизни держали в социальной изоляции, при помещении его вместе с другими обезьянами проявляет крайнюю степень тревоги: он буквально «приклеивается» к одному месту и отказывается от пищи. Но и в этом случае через несколько недель детеныши в какой-то мере восстанавливаются, а через пару месяцев довольно активно начинают играть с другими обезьянками (Griffin, Harlow, 1966). Однако те детеныши, которые находились в социальной изоляции в течение первых шести месяцев жизни, не обнаруживали признаков восстановления. Животные, которые провели в социальной изоляции шестнадцать месяцев, при переводе их в другую обстановку практически могут только сидеть, сжавшись и обхватив себя руками, и раскачиваться из стороны в сторону. Так продолжается, по крайней мере, два-три года (Mason, Sponholz, 1963). Столь ущербное поведение объясняется, по-видимому, их паническим страхом перед всем новым, включая, конечно, и других обезьян.
Таким образом, и у щенков, и у макака-резусов период времени, наиболее благоприятный для развития привязанности, ограничен. После окончания данного периода возможность формирования привязанности к новому объекту, хотя и остается, но все более и более затрудняется.
В этом отношении, как и во многих других, связанных с развитием поведения привязанности, между млекопитающими и птицами имеется много общего. Действительно, учитывая то, что любые черты сходства — это следствие конвергентной эволюции, а не результат действия некоего общего наследственного механизма, степень сходства поразительна. Как указывает Хайнд (Hinde, 1961), это несомненное следствие

общей проблемы выживания, которая стоит перед всеми представителями животного мира.

Запечатление у человека

Из последующих глав станет ясно, что (насколько нам известно в настоящее время) развитие поведения привязанности у детей хотя и происходит намного медленнее, чем у детенышей млекопитающих животных, но в целом с ним не расходится. Существует множество свидетельств, подтверждающих этот вывод, и нет данных, противоречащих ему.

Имеющиеся в настоящее время сведения о развитии поведения привязанности у людей можно кратко суммировать в тех восьми пунктах, которые были представлены в гл. 10 при описании данных о запечатлении у птиц.

1. Любые социальные реакции у младенцев сначала возникают в ответ на широкий набор стимулов, который позднее сужается, а через несколько месяцев после рождения сводится к стимулам, исходящим от одного или всего лишь нескольких лиц.
2. Имеются данные о том, что в ответ на одни виды стимулов социальные реакции возникают заметно чаще и легче, чем на другие.
3. Чем больше у ребенка опыт социального взаимодействия с каким-либо человеком, тем сильнее становится его привязанность к этому человеку.
4. Тот факт, что научение распознавать разные лица обычно возникает вслед за зрительным и слуховым сосредоточением, предполагает, что, возможно, определенную роль в этом играет научение в результате воздействия1* (Научение в результате воздействия Боулби упоминает в гл. 10. — *Примеч. ред.)*.
5. У большинства детей поведение привязанности к предпочитаемому ими лицу развивается на первом году жизни. Можно предполагать, что на протяжении первого года имеет место сензитивный период, во время которого поведение привязанности развивается наиболее легко.
6. Маловероятно, чтобы начало сензитивного периода относилось ранее, чем к шестинедельному возрасту, скорее он может начаться на несколько недель позже.
7. Примерно с полугода, а вполне отчетливо — после восьми-девяти месяцев маленькие дети начинают реагировать на появление незнакомых людей страхом, причем реакции страха у них усиливаются по сравнению с более младшим возрастом. Из-за увеличения частоты и силы реакций страха развитие привязанности к новому лицу в конце первого года жизни (и позднее) становится все более затруднительным.
8. Как только у ребенка возникает сильная привязанность к определенному лицу, он начинает выделять это лицо из всех других, и это предпочтение обычно сохраняется, даже в случае разлуки с ним.

Данные, подтверждающие эти положения, представлены в последующих главах.

Таким образом, исходя из того, что нам известно в настоящее время, можно сделать вывод, что сам ход развития поведения привязанности у ребенка и ее избирательное сосредоточение на определенном лице весьма сходны с тем, как происходит развитие поведения привязанности у млекопитающих животных и птиц. Поэтому имеются все основания, чтобы отнести развитие привязанности к процессу запечатления, при условии что этот термин используется в наиболее принятом в настоящее время широком значении. На самом деле, в противном случае возник бы совершенно необоснованный разрыв между поведением привязанности у человека и других биологических видов.

ФУНКЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ

В гл. 8 были четко разграничены причины (факторы), вызывающие ту или иную форму поведения, с одной стороны, и функция, которую это поведение выполняет — с другой. В число факторов, активизирующих определенную систему управления поведением, входят такие агенты, как уровень содержания гормонов, а также специфические стимулы, исходящие из внешней среды. Что же касается функции, которую выполняет поведение,

то ее следует искать в том вкладе, который она вносит в выживание вида. Примером может служить поведение спаривания самца: обычно причинами, вызывающими это поведение, служит уровень андрогенов и присутствие самки; а его функция — способствовать воспроизводству вида.

В традиционных дискуссиях о природе связи, существующей между ребенком и его матерью, причины возникновения и функция этой связи четко не разграничивались. В результате никакого систематического анализа вопроса о том, в чем может заключаться функция привязанности, нет. Очевидно, что сторонники мнения, будто связь с матерью является результатом вторичного влечения, вызванного голодом, полагают, что эта связь полезна, так как обеспечивает ребенку близость к источнику питания, хотя прямо это положение не обсуждается.

Можно предположить, что Фрейд также считал, будто функция связи ребенка с матерью заключается в обеспечении его питанием, однако в действительности позиция Фрейда несколько иная. В своем первом систематическом обсуждении данной проблемы («Торможение, симптом и страх», Freud, 1926) он утверждает следующее: основная опасность, угрожающая ребенку, состоит в нарушении его психического аппарата избыточной стимуляцией, исходящей от неудовлетворенной физиологической потребности. Сам ребенок с этой опасностью справиться не может. Однако мать способна устранить эту опасность. Следовательно, ребенок, зная «по опыту, что она без промедления удовлетворяет все его потребности... хочет ощущать присутствие своей матери». Вывод из этого утверждения следующий: функция вторичного влечения ребенка к матери заключается в том, что, обеспечивая присутствие матери, она тем самым предупреждает нарушения психического аппарата «вследствие накопления стимуляции, от которой нужно освобождаться» (там же. P. 137). С этой точки зрения пища имеет большое значение, поскольку помогает устранять избыточную стимуляцию.

Все имеющиеся данные свидетельствуют об ошибочности теории вторичного влечения в отношении связи, существующей между ребенком и матерью, в какой бы форме эта теория ни выражалась, так как даже у млекопитающих пища играет минимальную роль в развитии и сохранении поведения привязанности, поэтому функцию привязанности ребенка к матери нужно рассматривать с новых позиций.

Точка зрения, которую я уже высказывал, состоит в том, что функция поведения привязанности заключается в защите от хищников (Bowlby, 1964)[1]. В последние годы была также выдвинута теория, согласно которой связь с матерью создает для ребенка возможность перенять у нее различные виды деятельности, необходимые для выживания. Данное предположение иногда высказывается в ходе дискуссий и, по-видимому, его разделяет в своей статье Мерфи (Murphy, 1964)[2].

---

[1]Эта гипотеза была также выдвинута Кингом (King, 1966).

[2]Мерфи пишет: «Мать не только удовлетворяет потребность в пище и другие физиологические потребности... но также поддерживает развитие специфических функций Эго...»

В настоящее время эти два предположения не противоречат друг другу. И не только это: оба они представляются вполне правдоподобными. Если поблизости находятся хищники, поведение привязанности ребенка, несомненно, способствует достижению его безопасности. Кроме того, в обществе матери ребенок получает прекрасную возможность научиться тем формам деятельности, которые полезны для его выживания. Поскольку каждый из названных результатов является следствием поведения привязанности, причем его благоприятным следствием, почему же в таком случае не согласиться с тем, что, возможно, они оба являются его функциями?

Однако такое решение вопроса означало бы уход от проблемы. Как уже говорилось в гл. 8, биологическая функция определенного компонента поведения — это вовсе не любой благоприятный результат, к которому может вести осуществление этого поведения. Биологическая функция представляет собой более узкое понятие — это тот результат, благодаря которому в ходе эволюции данная форма поведения была включена в репертуар биологического оснащения вида. Такое включение происходит в результате некоторого преимущества (с точки зрения выживания и успешного размножения), которое та или иная форма поведения создает тем, кто ею обладает. Поскольку особи, наделенные задатками к развитию данного поведения, оставляют более многочисленное потомство, чем те, у которых оно отсутствует, и благодаря наследственности их потомство тоже наделено им, наступает время, когда фактически все представители вида (или какая-то его популяция) обладает прекрасными задатками к развитию этого поведения. Для того чтобы определить биологическую функцию данной формы поведения, нужно ответить на следующий вопрос: каково то конкретное преимущество, которое рассматриваемое поведение дает индивидам, наделенным способностью к его развитию, и которое обеспечивает им достижение большего успеха в размножении вида по сравнению с теми, у кого нет этой способности?
В отношении поведения привязанности мы располагаем слишком скудными данными, чтобы уверенно ответить на этот вопрос. Поэтому рассмотрим как подтверждающие, так и опровергающие это предположение аргументы.
Предположение, согласно которому главное преимущество, предоставляемое поведением привязанности, в том, что оно дает ребенку возможность научиться от матери различным видам деятельности, необходимым для выживания, на первый взгляд, представляется весьма убедительным. Детеныши разных видов, особенно млекопитающих, получают от рождения гибкий поведенческий репертуар. В ходе развития этот репертуар на основе процессов научения существенно совершенствуется, причем научение в значительной мере происходит путем подражания тому, что делает мать и на какие объекты направляет свое поведение, например, чем питается. Таким образом, нет сомнений, что один из результатов нахождения детенышей млекопитающих вблизи матери — это получение хорошей возможности перенять от нее полезные навыки.
Тем не менее есть две причины, которые не позволяют нам считать это главным преимуществом, создаваемым поведением привязанности. Во-первых, почему (как это происходит у многих видов млекопитающих) поведение привязанности должно сохраняться у них во взрослой жизни столь долгое время уже после завершения научения? И почему оно в таком случае должно особенно стойко сохраняться у самок? Во-вторых, почему поведение привязанности должно возникать и достигать максимальной силы, когда животное находится в состоянии тревоги? Теория, которая связывает функцию привязанности с возможностью научения, очевидно, не может ответить на эти вопросы.
Предположение о том, что кардинальное преимущество, предоставляемое животному поведением привязанности, состоит в защите от хищников, затрагивает аспект, хорошо известный всем натуралистам, ведущим исследования в природных условиях, но практически не знакомый психологам и психоаналитикам. Однако нет сомнений в том, что для всех видов животных опасность смерти в результате нападения точно так же велика, как и опасность смерти от голода. Все животные питаются, потребляя либо растительную, либо животную пищу, либо ту и другую. Поэтому чтобы выжить, животные любого вида должны преуспеть в добывании себе пищи, а также в размножении, по крайней мере, до того как самим стать пищей для животного какого-то другого вида. Поэтому поведенческий аппарат, используемый для защиты от хищников, имеет такое же большое значение, как и аппарат, обслуживающий поведение, связанное с кормлением или размножением. Этот элементарный закон природы слишком часто забывается в условиях лабораторной работы или городской среды.

То, что защита от хищников является наиболее вероятной функцией поведения привязанности, подтверждается тремя фактами. Во-первых, есть убедительное доказательство, основанное на наблюдениях за многими видами птиц и млекопитающих, что одиночное животное с гораздо большей вероятностью подвергается нападению и погибает от хищника по сравнению с животным, ведущим совместный с другими представителями своего вида образ жизни. Во-вторых, поведение привязанности возникает особенно легко и достигает большей силы у тех животных, которые в силу возраста, величины или состояния особенно уязвимы для хищников, например, детеныши, беременные самки, больные животные. В-третьих, сильно выраженное поведение привязанности всегда возникает в ситуациях, когда ожидается или ощущается присутствие хищника. Никакая другая теория не согласуется с этими фактами. Парадоксальные данные о том, что чем большее наказание получает детеныш, тем сильнее он привязывается к тому, от кого оно исходит, также очень трудно объяснить на основе какой-либо другой теории. Однако оно вполне совместимо с точкой зрения на функцию поведения привязанности как защиту от хищников. Это показывает одно важное наблюдение: когда доминирующий самец чувствует присутствие хищника или какую-либо другую опасность, он обычно угрожает или даже нападает на детеныша, который неосторожно приближается к опасному месту (Hall, DeVore, 1965; Kawamura, 1963). Пугающее детеныша поведение доминирующего самца вызывает у него поведение привязанности. В результате детеныш устремляется к взрослому животному, причем нередко к тому самому самцу, который его напугал. Поступая таким образом, детеныш также избегает опасности[1].

---

[1]Кюммер описывает поведение молодых обезьян, которые отделились от матери, но еще не достигли зрелости. Если молодой обезьяне серьезно угрожает кто-то из взрослых особей из ее же группы, она обычно ищет зашиты у обезьяны, занимающей самое высокое положение — как правило, это доминирующий самец. Поскольку им, чаще всего, оказывается животное, от которого исходила угроза, то нередко животное, к которому приближается молодая обезьяна, бывает тем же, кто был причиной ее страха (см.: Chance, 1959).

Хотя эти аргументы достаточно весомы, наблюдения за приматами в природных условиях бросают некую тень сомнения на их обоснованность. Нападения на обезьян наблюдались крайне редко, а на крупных человекообразных обезьян — шимпанзе и горилл — они вообще не отмечены. Считается, что эти два вида обезьян чуть ли не живут в райском саду, огражденном от врагов. Так ли это на самом деле — неизвестно. Уошберн и его коллеги сомневаются в этом. Обсуждая данную проблему, они (Washburn, Jay, Lancaster, 1965) пишут:

«В целом вопрос об отношениях между хищником и жертвой среди приматов очень труден для изучения. Редкие случаи нападения, такие как нападение орла (Haddow, 1952), может быть, и имеют важное значение для выживания приматов, но они наблюдаются редко, потому что присутствие человека отпугивает либо хищника, либо жертву. Мы считаем, что преуменьшение значения нападения хищников на приматов в настоящее время связано с трудностью проведения наблюдений и с тем, что даже сейчас основная часть исследований приматов в естественных условиях проводится в таких местах, где количество хищников уменьшилось или они вообще исчезли в результате деятельности человека. Большинство хищников активны ночью, однако удовлетворительные исследования ночного поведения низших и человекообразных обезьян до сих пор отсутствуют»[2].

---

[2]При дальнейшем обсуждении проблем, связанных с методами определения частоты нападения хищников на приматов, Уошберн делает вывод, что единственный эффективный путь — это изучение поведения потенциальных хищников. Например, несмотря на обширные исследования жизни обезьян лангуров в естественных условиях, ни один ученый никогда не отмечал случаев нападения на них леопардов. Тем не менее недавнее исследование Шаллера (Schaller, 1967) показывает, что у 27% детенышей леопардов имеют место признаки того, что они поедали этих обезьян. Недавно получены данные о том, что нападение хищников является основным фактором, обусловливающим морфологические характеристики и поведение приматов, эти данные также обсуждает Уошберн.

На этом оставим рассмотрение данного вопроса. В общем, считается, что из нескольких выдвинутых предположений относительно функции поведения привязанности, защита от хищников представляется наиболее вероятным. В ходе дальнейшего изложения мы будем придерживаться именно такой точки зрения.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ТЕРМИНОЛОГИИ: ПОНЯТИЕ «ЗАВИСИМОСТЬ»

Следует отметить, что в данной книге мы избегаем употребления слов «зависимость» (dependence) и «подчиненное положение» (dependency), хотя они давно и широко используются психоаналитиками, а также психологами, которые придерживаются теории вторичного влечения. Основой для этих понятий является мысль о том, что ребенок привязывается к матери, потому что он зависит от нее как от источника удовлетворения его физиологических потребностей. Помимо того, что в их основе лежит явно ложная теория, имеются и другие причины, побуждающие отказаться от их использования.
Дело в том, что быть привязанным к матери и зависеть от нее — совершенно разные вещи. Например, в первые недели жизни ребенок, безусловно, зависит от материнского ухода, но он еще не испытывает к ней привязанности. И наоборот, ребенок двух-трех лет, за которым ухаживают чужие люди, может обнаруживать совершенно явные признаки сохранения сильной привязанности к матери, хотя в это время он от нее никак не зависит.
С логической точки зрения слово «зависимость» обозначает, в какой степени один индивид полагается на другого в своей жизни, таким образом, оно обозначает функциональную связь; термин «привязанность» в контексте данной книги обозначает форму поведения и является чисто описательным. С учетом различий в значении этих слов можно сказать следующее: в то время как зависимость ребенка при рождении максимальна и затем более или менее постоянно уменьшается по мере наступления зрелости, привязанность при рождении отсутствует и не проявляется достаточно явно вплоть до достижения ребенком шестилетнего возраста. Таким образом, эти термины далеко не синонимы.
Несмотря на все эти логические неувязки, все же можно было бы утверждать, что такой термин, как «поведение зависимости», можно использовать вместо термина «поведение привязанности» хотя бы потому, что многие психологи привыкли к термину «зависимость». Но имеется еще одна причина, причем более веская, чем приведенные выше, по которой применять его не следует. Эта причина в том, что оценочный смысл термина «зависимость» прямо противоположен смыслу, который несет термин «привязанность», к тому же этот смысл ему придается намеренно.
Согласно распространенному мнению, быть зависимым для человека хуже, чем быть независимым, например, назвать кого-нибудь зависимым, имея в виду его личные отношения, обычно значит отозваться о нем несколько пренебрежительно. Но сказать о ком-то, что он привязан к другому человеку, вовсе не значит отозваться о нем с

пренебрежением. Наоборот, привязанность членов семьи друг к другу многими считается достойной восхищения. И напротив, безразличие, проявляемое человеком в личных отношениях, обычно не воспринимается как что-то положительное. Таким образом, если зависимость в личных отношениях — это такое состояние, которого следует избегать или преодолевать, то привязанностью чаще всего нужно дорожить.

Полагаем, что в силу этих причин использование терминов «зависимость» и «потребность в зависимости», если обозначить ими поведение, направленное на сохранение близости и контакта, ничего, кроме путаницы, не принесет. Небезынтересно, что, несмотря на свою приверженность к теории вторичного влечения, и Зигмунд Фрейд, и Анна Фрейд тем не менее пользовались термином «привязанность» (Freud, 1931; Burlingham, Freud, 1944). Кроме того, они применяли термины «катексис объекта»[1*] и «аффилиация».

[1*]Катексис — приложение некоторой психической энергии к представлению, части тела или предмету. — *Примеч. ред.*

У термина «катексис» есть два недостатка. Первый и основной в том, что он был введен в рамках энергетической теории Фрейда, трудности которой обсуждались в гл. 1. Дополнительная трудность заключается в том, что он не позволяет обсуждать различия между объектом, на который направлено поведение привязанности, и объектом, которому адресовано сексуальное поведение, — данный вопрос обсуждается в этой главе далее. Термин «аффилиация» был введен Мюрреем (Murray, 1938): «Этот термин охватывает все проявления дружелюбия и доброжелательности, желание что-либо делать вместе с другими людьми». Данное значение намного шире, чем привязанность, и в то же время оно не предполагает, что поведение должно быть направлено на одно или несколько конкретных лиц, что собственно является критерием поведения привязанности. Сам Мюррей признает эту разницу и вводит дополнительную потребность — «потребность в опеке» (succorance)[2*]. В схеме Мюррея зависимость рассматривается как результат соединения аффилиации и потребности в опеке.

[2*] В некоторых публикациях данный термин переводится на русский язык как «потребность в поддержке». — *Примеч. ред.*

Другой недостаток понятия «аффилиация» заключается в том, что оно мыслится как «потребность», а неоднозначность этого понятия обсуждалась в гл. 8. Поскольку этот термин продолжает использоваться в том первоначальном значении, которое ему придал Мюррей (например, Schachter, 1959), он определенно не подходит в качестве альтернативы для термина «привязанность».

ПРИВЯЗАННОСТЬ И ДРУГИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В этой и предыдущей главе связь между ребенком и матерью обсуждалась безотносительно к сексуальному или какому-либо иному виду социального поведения. Вместо этого привязанность представлена как система поведения, которая имеет свою собственную форму внутренней организации и несет самостоятельную функцию. Более того, когда обсуждалось сексуальное поведение (см. гл. 10), оно рассматривалось как система поведения, отличного от поведения привязанности, имеющего другой онтогенез и, конечно, другую функцию. Может возникнуть вопрос, означает ли это, что в новой схеме не существует никаких связей между привязанностью и половой активностью? Если так, не игнорируется ли при этом одно из величайших достижений Фрейда?

Кратко ответить на этот вопрос можно так: хотя поведение привязанности и сексуальное поведение рассматриваются как разные поведенческие системы, между ними, несомненно, существует чрезвычайно тесная связь. Поэтому новая схема, без колебаний признавая клинические явления, для объяснения которых была выдвинута теория Фрейда, предлагает им другое истолкование.
Некоторые разделы теории Фрейда, касающиеся детской сексуальности, создавались для объяснения данных о том, что установленные сексуальные извращения обычно (практически всегда) берут свое начало в детстве. В гл. 10 упоминается ряд процессов развития (как теперь известно, они широко распространены среди молодых животных), которые, если они идут неправильно, могут привести к аномальному формированию сексуального поведения и вполне могут стать причиной патологии развития у человека. Другие разделы психоаналитического подхода к детской сексуальности разрабатывались для объяснения фактов, показывающих, что на форму сексуального поведения человека во взрослом возрасте оказывают сильное влияние особенности его поведения в детстве по отношению к матери и/или отцу. В традиционной психоаналитической теории существование такой связи объясняется тем, что эти две формы поведения — детская и взрослая — просто разные проявления единой либидинальной силы. С этой точки зрения их связь и влияние принимаются как безусловные, объяснения же требуют различия между этими двумя формами поведения. В новой теории, напротив, именно различия между двумя формами поведения рассматриваются как естественные и неизбежные, а вот связь между ними нуждается в объяснении.
Существуют три основные причины, по которым целесообразно сохранить разграничения между понятиями «поведение привязанности» и «сексуальное поведение». Первая причина заключается в том, что активизация этих двух систем происходит независимо друг от друга. Вторая состоит в том, что категории объектов, на которые направлена каждая из них, могут быть совершенно разными. Третья причина в следующем: сензитивные периоды в развитии каждой из двух систем обычно приходятся на разные возрастные стадии. Рассмотрим эти причины подробнее.
Функционально полноценное поведение привязанности развивается на ранних этапах жизненного цикла и очень скоро достигает высоких уровней активности; в то же время у взрослых особей поведение привязанности не так интенсивно, а у некоторых видов животных оно вообще практически не проявляется. Сексуальное поведение, наоборот, достигает своего развития поздно; при этом проявления его незрелых форм обычно носят фрагментарный характер и не реализуют его функцию.
Яркий пример того, как различны линии развития поведения привязанности и сексуального поведения в рамках единого жизненного цикла, можно видеть у копытных животных. Ягненок следует за своей матерью, пока он маленький, причем если это самка, так продолжается и во взрослом возрасте. В результате, как уже отмечалось, стадо овец состоит из ягнят, следующих за своими матерями, которые в свою очередь следуют за бабушками, те — за прабабушками и т.д. Во главе стада находится самая старая овца. Таким образом, у овец-самок, так же как у самок многих родственных овцам видов, поведение привязанности отчетливо присутствует от рождения до смерти. Сексуальное поведение у этих животных, наоборот, носит эпизодический характер. По достижении сексуальной зрелости молодые самцы уходят из стада самок и образуют отдельные группы. Только один-два раза в год — в период половой охоты — самцы вторгаются в стадо самок для ухаживания, а затем — спаривания. После этого самцы опять покидают стадо самок, и сексуальная активность у особей обоих полов прекращается до следующего периода эструса. Следовательно, различны не только формы осуществления поведения привязанности и сексуального поведения, но также резко различаются периоды жизненного цикла, на которые приходится их активность.
Это же относится и к категории объектов, на которые могут направляться эти разные паттерны поведения, — в некоторых случаях они совершенно различны. Например, все

проявления поведения привязанности утенка адресовались человеку, однако, его сексуальное поведение целиком направлялось на птиц того же вида, к которому принадлежал он. Причины этого, во-первых, связаны с тем, что диапазоны стимулов, способных вызывать две данные формы поведения, могут быть разными и, во-вторых, сензитивные периоды, во время которых происходит сужение диапазона стимулов этих форм поведения, тоже могут не совпадать. Опыты показывают, что сензитивный период реакции следования у диких уток приходится примерно на первые сорок восемь часов их жизни, в то время как сензитивный период сексуального поведения длится с третьей по восьмую неделю (см. гл. 10). Хотя мы не располагаем достаточными данными относительно млекопитающих, очевидно, что у них сензитивный период в отношении сексуального партнера тоже не может иметь место раньше периода выбора объекта привязанности. Что касается человека, то по сведениям, полученным от пациентов о выборе их фетиша[1]*, он чаще всего относится примерно к трехлетнему возрасту, т.е., по крайней мере, на два года позднее, чем сензитивный период выбора лица, к которому формируется привязанность ребенка.

[1]*В психоанализе так называют объект, который наделяется сексуальным значением. Им может быть как неодушевленный предмет, так и несексуальная часть тела. — *Примеч. ред.*

Так или иначе, экспериментальная работа с человекообразными обезьянами привела Харлоу к выводу, что у них, как у и других видов животных, поведение привязанности и сексуальное поведение лучше рассматривать в качестве разных систем.
В последнем обзоре своих исследований Харлоу и его коллеги (Harlow, Harlow, 1965) описывают пять разных аффективных систем[2],
«которые связывают между собой различных особей внутри вида [приматов] скоординированными и конструктивными социальными отношениями... Каждая система проходит свои стадии развития и в их основе' лежат разные факторы, вызывающие и контролирующие конкретные паттерны реакций.

[2]Если пользоваться терминологией, принятой в этой книге, каждая аффективная система представляет собой комплекс систем управления поведением, опосредствующих особого рода социально направленное инстинктивное поведение.

Характерно, что стадии созревания этих систем частично перекрывают друг друга... Назовем эти пять аффективных систем в порядке их развития: 1. Аффективная система «детеныш-мать», связывающая маленького детеныша с матерью [в этой книге мы называем ее поведением привязанности]; 2. «Мать-детеныш» или материнская аффективная система; 3. «Детеныш-детеныш» (сверстник) или аффективная система, связывающая маленьких детенышей и детенышей постарше... благодаря которой у них развиваются стойкие эмоциональные связи друг с другом; 4. Сексуальная и гетеросексуальная аффективная система, достигающая своей высшей точки в сексуальности юношеского возраста, а в конечном счете — в формах взрослого поведения, ведущего к воспроизведению потомства; и 5. Патернальная (Патернальная (от лат. *paternus* — отеческая, отцовская). — *Примеч. ред.*) аффективная система, которую в широком смысле можно определить как способность взрослых самцов положительно реагировать на детенышей, подростков и других членов их конкретных социальных групп».
Следует заметить, что Харлоу и его коллеги опираются на те же основания для выделения этих систем, которые упоминались выше, а именно: «Каждая система проходит свои стадии развития, и в их основе лежат разные факторы, вызывающие и контролирующие

конкретные паттерны реакций». Экспериментальные данные, которые привели ученых к таким выводам, содержатся в их научных статьях.

Таким образом, имеются убедительные доказательства, что у приматов, а также у животных из других отрядов и классов характерные черты поведения привязанности и сексуального поведения различны; точно так же нет причин полагать, что человек составляет исключение. Однако как бы сильно ни различались эти две системы, тем не менее имеются веские данные, что они тесно соприкасаются и оказывают влияние на развитие друг друга. Это происходит и у животных, и у человека.

Поведение привязанности состоит из ряда компонентов, то же самое справедливо и в отношении сексуального поведения. Некоторые компоненты у них общие. Следовательно, их можно видеть в составе обеих форм поведения, хотя обычно для одной они более типичны, чем для другой. Например, движения, обычно наблюдаемые во время ухаживания у одних видов уток, можно также видеть у только что вылупившихся утят, движения которых направлены в сторону объекта, вызывающего реакцию следования (Fabricius, 1962). У человека объятия и поцелуи служат примерами паттернов, общих для обеих форм поведения.

Другое доказательство связи между поведением привязанности и сексуальным поведением приводит Эндрю (Andrew, 1964). Молодые самцы нескольких видов птиц и морских свинок после введения им тестостерона для ускорения полового развития направляют свое сексуальное поведение на любой объект, в отношении которого у них уже произошло запечатление привязанности. Животные из контрольной группы, которым были сделаны инъекции того же препарата, но у которых еще не произошло запечатление, не проявляли никаких признаков сексуального поведения, когда им предъявляли сходные объекты. Объяснить данное явление можно тем, что у этих видов животных некоторые механизмы, вызывающие и регулирующие поведение привязанности и сексуальное поведение, являются общими.

На самом деле, вполне возможно, что определенные общие компоненты и каузальные механизмы имеются не только в поведении привязанности и сексуальном поведении, но также и в родительском поведении. Ранее уже приводился пример принадлежности одновременно двум формам поведения — кормление во время ухаживания у птиц (это компонент и сексуального, и родительского поведения), когда петух кормит курицу так же, как оба они кормят птенцов, или когда курица «просит» у петуха корм, принимая позу птенца, ожидающего пищу от своих родителей (Hinde, 1966).

У человека частичное совпадение компонентов поведения привязанности, родительского и сексуального поведения встречается весьма часто. Например, бывает, что человек относится к своему сексуальному партнеру так, как если бы тот был его родителем, а второй партнер в ответ на это занимает родительскую позицию. Возможное, даже весьма вероятное объяснение поведения партнера, принимающего на себя роль подростка, в том, что в своей взрослой жизни он не только сохранил поведение привязанности — это довольно обычное явление, — а также, что по какой-то причине у него сохранилась готовность к поведению, присущему маленькому ребенку, что уже является необычным.

Совершенно очевидно, что для раскрытия причин, по которым одна форма поведения в чем-то совпадает с другой, и понимания их влияния друг на друга требуются серьезные исследования. Надеюсь, что было достаточно сказано для того, чтобы понять следующее: признание поведения привязанности, сексуального и родительского поведения в качестве разных систем поведения никоим образом не умаляет достижений психоаналитический мысли.

Глава 13. ПОДХОД К ПОВЕДЕНИЮ ПРИВЯЗАННОСТИ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ

Они должны оставаться свободными,
Как рыбы в море,
Как звезды на небе,
В то время как ты остаешься гаванью,
Куда они мимоходом заходят.
Ф. Корнфорд

ВВЕДЕНИЕ

Факты, касающиеся поведения привязанности, для такой теории, как теория вторичного влечения, трудны и неудобны. Напротив, в отношении теории управления их можно рассматривать как интересный вызов. Достаточно принять тот или иной подход, и уже сравнительно не трудно увидеть четкие контуры возможных решений.

В гл. 5 указывалось, что значительная часть инстинктивного поведения животных и птиц направлена на поддержание в течение долгого времени некоторых соотношений организма с определенными характеристиками окружающей среды. Примером может служить поведение высиживания яиц, где результат — сохранение физического контакта птицы с яйцами и гнездом на протяжении нескольких недель, а также территориальное поведение, в результате которого животное удерживает определенный участок среды, обитая на нем в течение месяцев, а иногда и лет. Указывалось также, что поведение с таким прогнозируемым результатом может быть организовано на основе механизмов большей или меньшей сложности. Например, менее сложный вариант мог бы иметь такую организацию, благодаря которой вероятность движения к специфической цели-объекту была бы тем больше, чем дальше расстояние до цели-объекта. Основная задача этой главы — показать, что поведение привязанности организовано именно таким образом.

Конечно, приведенная выше формулировка — это не более чем костяк представляемой здесь теории. Чтобы объяснить реально наблюдаемое поведение, требуются тщательные разработки. Во-первых, интенсивность проявлений поведения привязанности у маленького ребенка меняется не только ежедневно, но и ежечасно, и ежеминутно. Поэтому необходимо исследовать условия, при которых происходит активация и прекращение поведения привязанности, а также факторы, влияющие на его интенсивность. Во-вторых, в период младенчества и детства происходят весьма значительные изменения в организации различных систем, участвующих в осуществлении поведения привязанности. Однако прежде чем обсуждать эти проблемы, необходимо рассмотреть роль матери как партнера по взаимодействию. Передвижения матери и ребенка могут приводить не только к увеличению дистанции между ними: сокращение расстояния также может быть результатом перемещения любой из этих двух сторон.

РОЛЬ РЕБЕНКА И МАТЕРИ В ПРОЦЕССЕ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Взаимодействие как результирующая нескольких видов поведения

Каждый, кто имеет возможность в течение какого-то времени наблюдать за поведением матери и ее годовалого или двухлетнего ребенка, может обнаружить, что оба они демонстрируют множество разных форм поведения. В то время как одни формы поведения (у каждого из партнеров) содействуют достижению и сохранению позиции близости друг к другу, многие другие формы поведения имеют совсем иную направленность. Какие-то из них вообще никак не связаны с поддержанием близости: мать готовит или шьет; ребенок играет с мячом или опустошает сумку матери. В другом случае поведение прямо противоположно сохранению близости: мать идет в другую комнату или ребенок выходит, чтобы вскарабкаться по лестнице. Может иметь место еще одна форма поведения, противоположная поискам близости: иногда (обычно довольно

редко) мать или ребенок могут быть так раздражены, что постараются отойти друг от друга подальше. Поэтому нахождение рядом — это лишь один из результатов многообразного по своим последствиям поведения этих двух партнеров.
Тем не менее крайне маловероятно, что когда-нибудь дистанция между ними превысит некое максимально допустимое значение. Но если это все же случится, то кто-то из них очень скоро постарается сократить расстояние. В одних случаях инициатива принадлежит матери — она зовет ребенка или идет посмотреть, куда он забрался; в других — инициативу может взять на себя ребенок, прибежав обратно к матери или плачем призывая ее к себе.
Таким образом, в паре мать — ребенок существует определенное динамическое равновесие. Дистанция между ними, как правило, сохраняется в определенных устойчивых пределах, несмотря на это, их поведение в отдельные моменты может быть несогласованным, противоречивым, нейтральным или содержащим элементы соперничества. Чтобы понять, как это происходит, полезно рассмотреть пространственные отношения, складывающиеся между матерью и ребенком, как результирующую четырех следующих видов поведения:
а) поведение привязанности ребенка;
б) поведение ребенка, противоположное привязанности, в первую очередь исследовательское поведение и игра;
в) поведение матери, связанное с уходом и заботой о ребенке;
г) поведение матери, противоположное родительской заботе.
Формы поведения, которые относятся к пунктам «а» и «в»,
имеют однотипные функции; в пунктах «б» и «г» сосредоточены формы поведения с функциями разного типа.
Интенсивность каждого из четырех видов поведения может значительно колебаться в разные моменты времени — вплоть до полного его отсутствия. Более того, на поведение любого вида может влиять наличие или отсутствие поведения других видов, поскольку результаты одного вида поведения могут вызывать или, напротив, тормозить поведение остальных видов. Например, когда мать куда- то позовут, у ребенка, скорее всего, возникнут проявления поведения привязанности, а его исследовательское поведение при этом затормозится; и наоборот, когда ребенок в своей исследовательской активности заходит слишком далеко, у матери, как правило, возникает поведение, связанное с заботой о ребенке, а любая другая ее деятельность тормозится. У счастливой пары присутствуют все четыре вида поведения, которые гармонично развиваются вместе. Однако всегда есть риск возникновения конфликта.
Данный анализ показывает, что поведение привязанности ребенка — это лишь один из четырех самостоятельных видов поведения, два из которых свойственны ребенку, а другие два — матери. Из них и складывается взаимодействие между матерью и ребенком.
Прежде чем продолжить обсуждение поведения привязанности, полезно кратко рассмотреть каждый из трех оставшихся видов поведения. Начнем с того, который можно наблюдать, когда ребенок отходит от матери, и который противоположен поведению привязанности.

Исследовательское поведение и игра

За последние десять лет широкое признание получила точка зрения, когда-то высказанная Пиаже, согласно которой, исследовательская активность представляет собой такой же самостоятельный и важный вид поведения, как питание и спаривание, являющиеся признанными видами поведения. Исследовательское поведение имеет три основные формы: первая — ориентировочные реакции головы и тела, которые приводят органы чувств в наилучшее положение для восприятия объекта-стимула и обеспечивают готовность к действию мышечной и сердечно-сосудистой систем; вторая — это физическое приближение к объекту-стимулу, благодаря которому все органы чувств получают о нем большую информацию и точнее ее воспринимают; третья форма — это

обследование объекта путем манипулирования с ним или разного рода экспериментирования. Такое поведение имеется у всех видов птиц и млекопитающих, но особенно ярко оно представлено у отдельных видов: среди птиц — у ворон, среди млекопитающих — у приматов, причем оно и большей степени присутствует у птенцов и детенышей млекопитающих животных, чем у взрослых особей[1].

[1]Полезный обзор эмпирических работ, посвященных исследовательскому поведению у животных и человека, можно найти в гл. 4, 5 и 6 книги Берлайна «Конфликт, активация и любопытство» (Berlyne, 1960). См. также работу Флейвелла «Генетическая психология Жана Пиаже» (Flavell, 1963).

Исследовательское поведение обычно вызывают стимулы, которые отличаются новизной и/или сложностью, причем эти признаки часто сочетаются. Любой новый предмет, оставленный в клетке животного — обезьяны, крысы или носорога, — рано или поздно исследуется и пристально изучается. Через некоторое время интерес к нему угасает, так как «пропадает новизна». Но каждый новый предмет вновь вызывает интерес, точно так же, как и старый, если после определенного перерыва снова положить его в клетку. Животное может долгое время заниматься каким-либо предметом, нажимая на его рычаги или открывая дверцы, при этом наградой за труды является не что иное, как сам новый предмет, с которым можно играть, или какая-то новая картина, которую можно рассматривать. Пищевое подкрепление не требуется. Более того, когда пища и новый предмет появляются одновременно, предпочтение обычно отдается новому предмету, даже если животное голодно.

Люди, особенно дети, ведут себя так же. Каждая мать знает, что малышу нравится наблюдать за меняющейся картиной, и, как это подтвердила в своем исследовании Рейнголд (Rheingold, 1963a), уже четырехмесячный младенец быстро научается прикасаться к маленькому шарику, и если после этого ему показывают коротенький фильм, повторяет это действие. Каждая мать также знает, что, когда в поле зрения маленького ребенка появляется что-то новое или кто-то незнакомый, он сразу же перестает есть.

Влияние свойства новизны на ребенка так велико, что сравнение «как ребенок с новой игрушкой», по сути дела, стало служить для обозначения полной поглощенности человека каким-то предметом.

Таким образом, исследовательское поведение не является простым дополнением к пищевому или сексуальному поведению. Это самостоятельный вид поведения. Лучше всего его можно представить как поведение, механизмы которого связаны с набором систем управления, которые в ходе эволюционного процесса были выработаны для выполнения особой функции — извлечения информации из окружающей среды. Как и другие системы управления поведением, эти системы активизируются при воздействии стимулов, обладающих определенными характерными чертами, и тормозятся под действием стимулов с другими характерными чертами. В данном случае активизирует системы свойство новизны, а прекращает их действие — привыкание. Что-то новое превращается в знакомое именно благодаря особому свойству исследовательского поведения, оно же преобразует активизирующий стимул в тормозящий.

Парадоксальная особенность исследовательского поведения в том, что фактически те же самые свойства, которые вызывают исследование, инициируют также и тревогу, попытки удаления и бегства. По этой причине животное или ребенок часто одновременно демонстрирует и попытки приблизиться к заинтересовавшему его предмету, и готовность тут же со страхом убежать от него; или же эти действия быстро чередуются. Как правило, в обоих случаях тревога сменяется интересом. Абсолютно незнакомый предмет сначала вызывает только реакцию избегания. Далее идет изучение его на расстоянии — часто

напряженное и продолжительное. Затем, при условии, что предмет остается на месте, не издает никаких угрожающих звуков и не пугает своим видом, животное или ребенок скорее всего рано или поздно приблизится к предмету и станет его исследовать — сначала осторожно, потом более уверенно. У большинства живых существ такой процесс значительно ускоряется в присутствии другой, доброжелательно настроенной к нему особи; а у ребенка или детеныша животного — в присутствии своей матери.

Игра со сверстниками, по-видимому, возникает как продолжение исследовательской активности и игры с неодушевленными предметами. То, что Харлоу (Harlow, Harlow, 1965) пишут о детенышах обезьян, вероятно, в равной степени относится и к детям: «Факторы, вызывающие исследовательскую активность в отношении неодушевленных предметов и других особей, несомненно, схожи... Движущиеся физические предметы предоставляют обезьяне возможность для взаимодействия и реагирования, но ни один подвижный предмет не может дать детенышу человекообразных обезьян такие возможности для получения стимулирующей обратной связи, которые создаются социальным партнером или партнерами... Очевидно, стадия игры начинается с индивидуальной активности, в ходе которой осваиваются сложные способы использования физических предметов... Эти индивидуальные игровые паттерны... вне всякого сомнения являются предвестниками многообразных и сложных реакций, которые впоследствии появляются в игровом взаимодействии».

Если ребенка забрать у матери, исследовательское поведение и игра сменяются у него поведением привязанности. Напротив, ситуация возвращения матери к ребенку показывает, что материнское поведение вызывает у него ответное поведение привязанности.

Материнская забота

У всех млекопитающих, включая человека, материнское поведение довольно разнообразно. У ряда видов животных полезно прежде всего различать вскармливание, сооружение гнезда и возвращение матерью детеныша на место. Каждый из этих видов материнского поведения имеет жизненно важное значение для сохранения потомства, но в настоящий момент наибольший интерес для нас представляет поведение, направленное на возвращение детеныша.

Возвращение детеныша можно определить как любого рода родительское поведение, прогнозируемым результатом которого является либо возвращение детенышей в гнездо, либо к самой матери, либо то и другое. Грызуны и плотоядные переносят детенышей в зубах, приматы пользуются для этого передними конечностями. Помимо этого, животные большинства видов зовут своих детенышей, издавая характерный звук — обычно он тихий, нежный и низкий. Вызывая поведение привязанности, этот звук способствует возвращению детеныша к матери[1].

[1]Обзор исследований материнского поведения у млекопитающих содержится в работе Ррйнголд (Rheingold, 1963b).

У людей поведение, направленное на возвращение ребенка, включается в состав разных понятий; «материнская забота» («mothering»), «материнский уход за ребенком» («maternal саге»), «опека» («nurturance») и др. В одних контекстах предпочитают использовать наиболее общий термин «материнская забота», в других — «возвращение ребенка». Термин «возвращение ребенка» привлекает внимание, в частности, к тому обстоятельству, что значительное место в поведении матери занимают действия, направленные на сокращение дистанции между ней и ребенком, а также на сохранение с ним тесного физического контакта. Этот важный факт может легко выпасть из поля зрения в случае использования других терминов.

Возвращая к себе детеныша, мать, принадлежащая к отряду приматов, берет его на руки и прижимает к себе. Поскольку поведение привязанности дает сходный результат, очевидно, что и поведение возвращения легче всего представить с помощью аналогичных понятий. Тогда его можно определить как опосредствованное рядом систем управления поведение, прогнозируемый результат которого заключается в сохранении детеныша в непосредственной близости. Можно изучить условия, при которых активизируются и прекращают свое действие эти системы. В число организмических факторов, которые влияют на активацию, наверняка, входит гормональный уровень матери. Среди факторов внешней среды можно назвать местонахождение и поведение малыша: например, когда он удаляется далее определенного расстояния или когда плачет, мать, как правило, предпринимает необходимые меры. А если у нее есть основания для тревоги или она видит, что детеныша уносит кто-то другой, она тут же начинает энергично действовать. Только когда детеныш оказывается в безопасности, т.е. у нее на руках, эта форма поведения прекращается. В какие-то другие моменты, особенно когда ее малыш, находясь поблизости, с удовольствием играет со знакомыми особями, мать может позволить ему это. Однако нельзя сказать, что ее стремление вернуть его дремлет: скорее всего, она не спускает с детеныша глаз и находится в постоянной готовности действовать при малейшем звуке его плача.

Поведение матери, направленное на возвращение детеныша, и поведение самого детеныша имеют сходные результаты. Аналогичным образом имеет место сходство процессов, которые ведут к выбору конкретных объектов, которым адресуется поведение возвращения детеныша, с одной стороны, и поведение привязанности — с другой. Точно так же как детеныш начинает адресовать свое поведение привязанности конкретной матери, так и поведение возвращения начинает направляться на определенного детеныша. Данные показывают, что у всех видов млекопитающих процесс распознавания детеныша занимает несколько часов или дней после рождения и что, если детеныш признан своим, мать направляет свою заботу только на этого конкретного детеныша.

Имеется и третий аспект сходства между поведением матери, направленным на возвращение детеныша, и поведением привязанности детеныша — он касается их биологической функции. Нахождение матери в непосредственной близости к детенышу и возможность прижать его к себе в случае опасности — такое поведение явно несет функцию защиты. В природной среде основная опасность, от которой детеныш оказывается таким образом защищен, вероятнее всего, исходит от хищников. Другие опасности — это падение с высоты и утопление.

Наиболее элементарные формы поведения матери, направленные на возвращение детеныша, наблюдаются у низших и человекообразных обезьян, однако такое поведение вполне отчетливо можно видеть и у людей. В обществе первобытного типа мать обычно находится рядом со своим ребенком, во всяком случае на таком расстоянии, чтобы можно было его видеть и слышать. Тревога матери или плач ребенка сразу же заставляют ее действовать. В более развитом обществе подобная ситуация выглядит сложнее, отчасти потому, что мать нередко поручает кому-то вместо себя часть дня следить за ребенком. Но даже в таком случае большинство матерей испытывают сильное желание находиться вблизи своих грудных или чуть постарше детей. Поддаются ли они своему желанию или преодолевают его, это зависит от множества факторов — личностных, культурных и экономических.

Формы материнского поведения, противоположные заботе о ребенке

Ухаживая за своим ребенком, мать продолжает заниматься множеством других дел. Некоторые из них хотя и не противоречат осуществлению заботы о ребенке, тем не менее в большей или в меньшей степени конкурируют с ней. Однако имеются и такие формы поведения, которые прямо противоположны заботе о ребенке и внутренне не совместимы с ней.

Поведение, которое в какой-то степени конкурирует с уходом за ребенком, — это обычные домашние обязанности. Но все же большинство из них при необходимости можно в любой момент оставить, так что они вполне совместимы с уходом за ребенком. Некоторые занятия не так легко отложить; труднее всего прервать или отложить дела, связанные с требованиями остальных членов семьи, особенно мужа и других маленьких детей. Поэтому мать неизбежно испытывает противоречивые чувства, что может отражаться на ее заботе о ребенке.
Однако занятия матери, которые с точки зрения затраты времени и сил конкурируют с ее заботой о ребенке, на самом деле, ни в коем случае нельзя отнести к категории поведения, которое по своей сути несовместимо с уходом за ребенком. Таковым является поведение, когда матери неприятно касаться своего ребенка или когда ее раздражает его крик, — и то, и другое может вести к избеганию матерью общения со своим ребенком. Хотя избегание ребенка матерью иногда и случается, оно, как правило, не бывает ни частым, ни продолжительным, а если возникает необходимость, оно быстро сменяется заботой о нем, что является нормой. У матери, страдающей эмоциональными нарушениями, оно может очень сильно мешать уходу и заботе о ребенке.
Таким образом, точно так же как поведение привязанности ребенка уравновешивается его исследовательским поведением и игрой, поведение матери, направленное на возвращение ребенка, уравновешивается рядом занятий, конкурирующих и несовместимых с ним.
Итак, мы завершаем краткий обзор некоторых видов поведения ребенка и матери, которые вместе с поведением привязанности ребенка составляют процесс взаимодействия матери и ребенка.
Необходимо помнить, что такое взаимодействие всегда сопровождается сильнейшими чувствами и эмоциями — радостными или противоположными им. Когда это взаимодействие протекает согласованно, каждый из участников выражает огромное удовольствие от общения друг с другом, особенно в ответ на проявления любви со стороны партнера. Напротив, если в ходе взаимодействия постоянно возникают конфликты, каждая из сторон обычно испытывает сильное беспокойство или подавленность, особенно если одна отвергает другую.
Пользуясь терминологией теории, кратко изложенной в гл. 7, можно сказать, что внутренние критерии (стандарты), на основе которых как мать, так и ребенок оценивают результаты поведения, — это то, насколько они способствуют формированию привязанности. А именно: близость и взаимная нежность оцениваются позитивно, принося обеим сторонам чувство удовольствия, в то же время отдаленность и проявления отвержения оцениваются негативно - они неприятны и болезненны для обоих партнеров. Вероятно, у человека нет более четких и надежных критериев оценки внешних условий, чем результаты и последствия своего поведения. Такими надежными критериями нормальных условий, на самом деле, являются любовь ребенка к матери, а матери к ребенку. Эти условия как бы сами собой разумеются, поскольку внутренне присущи природе человека. Поэтому, если в ходе развития эти условия заметно отклоняются от нормы, что иногда случается, речь следует вести о патологии.

Ответственность за сохранение близости и ее переход от матери к ребенку

В период младенчества и детства у всех высших приматов постепенно происходит переход ответственности за сохранение близости и контакта от матери к детенышу.
У всех этих видов, включая человека, вначале поведение привязанности у младенца либо отсутствует, либо крайне несовершенно. Он или недостаточно силен, чтобы держаться за мать, или еще не может передвигаться, или, когда он уже умеет передвигаться, то легко может отбиться и слишком отстать от матери. Поэтому на протяжении стадии младенчества сохранение близости детеныша к матери достигается в основном благодаря усилиям самой матери. Сначала она держит ребенка на руках — это происходит одинаково и у человекообразных обезьян, и у первобытного человека; в более развитом человеческом обществе эта стадия представлена периодом, когда мать кладет ребенка в

колыбель или носит на спине в рюкзаке «кенгуру». В любом случае вся ответственность за ребенка целиком лежит на матери, и она практически никогда не оставляет его, если только не перепоручает заботу о нем кому-то вместо себя.
Следующая стадия — это период, когда малыш так или иначе начинает передвигаться. У макака-резусов это происходит через пару недель после рождения, у горилл — через месяц — два, а у человека — начиная с полугода. Для всех них характерно следующее: хотя малыш часто обнаруживает очень сильное стремление быть рядом с матерью, его способность последовательно действовать в этом направлении весьма невелика. Если его мать находится на одном месте, он не просто исследует окружающее ее пространство, но делает это настолько неразборчиво и неосторожно, что, с точки зрения его матери, вполне может выходить за приемлемые рамки. Его способность следовать за матерью, когда та передвигается, все еще крайне недостаточна. Так что и на этой стадии близость сохраняется в значительно большей мере благодаря поведению матери, чем малыша. У человека эта стадия продолжается примерно до конца третьего года жизни. Таким образом, в течение первых двух с половиной лет поведение привязанности, хотя и ярко выражено, но все еще не достаточно согласованно и эффективно.
На следующей стадии равновесие сдвигается. Поведение привязанности малыша становится намного эффективнее; он уже лучше начинает понимать, когда быть рядом с матерью необходимо, а когда — нет. Теперь уже близость обеспечивается не только матерью, но в равной мере и самим малышом. Иногда мать может несколько отстранить его, поощряя оставаться поодаль от нее. Тем не менее, как только у матери возникает тревога, первое, что она делает, — это ищет своего малыша, хватает его и крепко прижимает к себе. А когда они оказываются в незнакомой обстановке, мать внимательно следит за тем, чтобы он не проявлял неразумного любопытства. У человека эта переходная стадия длится много лет, причем продолжительность данного периода зависит от тех условий, в которых живет семья. Например, в условиях современного города очень немногим детям, пока им не исполнится десять лет, разрешается уходить одним далеко от дома.
Переходная стадия незаметно сменяется последней стадией, в ходе которой мать постепенно передает всю инициативу по поддержанию близости подрастающему сыну или дочери. С этих пор, за исключением каких-нибудь чрезвычайных обстоятельств, ее роль становится минимальной.

ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ, СЛУЖАЩИЕ СРЕДСТВОМ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ, И ИХ ОРГАНИЗАЦИЯ

У человека привязанность выражается с помощью нескольких разных форм поведения, самыми очевидными из которых являются плач и зов, лепет и улыбка, цепляние, сосание (не связанное с питанием) й локомоции, используемые для приближения, следования и поисковой активности. С самой ранней стадии развития прогнозируемым результатом каждой из названных форм поведения является близость к матери. Позднее каждая частная форма поведения включается в более сложно организованную систему (или несколько систем), которая часто является целекорректируемой.
Все формы поведения привязанности обычно адресуются определенному объекту в пространстве, как правило, особому лицу, к которому сформировалась привязанность. Для того чтобы они имели такую направленность, необходимо, чтобы ребенок ориентировался на это лицо, что он и делает различными способами. Например, в полугодовалом возрасте большинство малышей уже способны выделять мать среди других людей и следить за ее движениями с помощью зрения и слуха. Таким образом, младенец получает информацию о местонахождении матери, и как только активизируется какая-то форма (или формы) поведения привязанности, она сразу же адресуется матери. Поэтому ориентировочное

поведение является обязательным условием осуществления поведения привязанности (так же как, безусловно, очень многих других форм поведения).
Более специфические формы поведения, связанные с привязанностью, можно объединить в две основные категории:
а) сигнальное поведение, в результате которого мать оказывается рядом с ребенком;
б) поведение приближения, в результате которого ребенок должен оказаться возле матери.

Сигнальное поведение

Плач, улыбка, лепет, а позднее зов и определенные жесты — все эти реакции нетрудно отнести к категории социальных сигналов и все они имеют прогнозируемый результат — приближение матери к ребенку. Тем не менее обстоятельства, при которых издается сигнал, и влияние, которое он оказывает в каждом отдельном случае на те или иные компоненты материнского поведения, существенно различаются. Даже одна форма сигнального поведения — плач — имеет несколько разновидностей, причем каждая разновидность плача вызывается своим набором условий и имеет свою цель, отличную от других. Таким образом, при внимательном изучении обнаруживается, что различные виды сигналов, связанные с поведением привязанности, вовсе не взаимозаменяемы; скорее, каждый отличается от других и дополняет их.
Плач возникает в совершенно разных условиях и имеет несколько разновидностей[1].

---

[1]Источником сведений являются исследования Вулфом естественного хода развития плача у младенцев в четырнадцати семьях (Wolff, 1969) и личные беседы с моим коллегой д-ром Энтони Амброузом.

Примером может служить плач от голода или плач от боли. Плач от голода нарастает медленно. Сначала он довольно тихий и не ритмичный; но по прошествии некоторого времени он становится громче и ритмичнее, причем плач на выдохе чередуется со свистом на вдохе. В отличие от него плач от боли с самого начала громкий. Внезапный и долгий плач, вначале сильный, сменяется долгим периодом абсолютной тишины из-за остановки дыхания. В конце концов дыхание восстанавливается, и короткие судорожные вдохи ребенка чередуются с кашлем при выдохе.
Обе разновидности плача воздействуют на поведение матери, но обычно каждый по-своему. Вулф обнаружил, что плач от боли является одним из самых мощных стимулов, побуждающих мать сразу же спешить к ребенку. На плач, начинающийся тихо и слабо, ее реакция будет не столь незамедлительной. В первом случае она готова прибегнуть к чрезвычайным мерам ради ребенка, во втором — покачать его или накормить.
Улыбка и *лепет* появляются в совершенно иных ситуациях, чем плач, и оказывают совсем другое влияние на поведение матери[2].

---

[2]Описание ранних стадий развития улыбки и лепета см. у Вулфа (Wolff, 1963). Обсуждение вопроса о влиянии улыбки на материнское поведение см. у Амброуза (Ambrose, 1960).

В отличие от плача, который очень сильно воздействует на поведение матери, начиная с момента рождения ребенка и далее, ни улыбка, ни лепет не оказывают особого влияния до четырехнедельного возраста. Улыбка и лепет в отличие от плача появляются, когда ребенок бодрствует и не испытывает какого-либо дискомфорта, т.е. не голоден, не оставлен в одиночестве и у него ничего не болит. И наконец, в то время как плач заставляет мать что-то предпринимать, чтобы защитить, накормить или утешить своего младенца, его улыбка и лепет вызывают у нее поведение совсем иного рода. Когда малыш улыбается и лепечет, мать улыбается ему в ответ, начинает «разговаривать» с ним, гладит

и ласкает его и, возможно, берет на руки. В это время каждый из них, очевидно, испытывает радость от присутствия другого, в результате процесс их социального взаимодействия продлевается. Нелегко найти подходящий термин для обозначения этого очень важного компонента материнского поведения: может быть, его можно назвать поведением материнской нежности и любви (maternal loving bahaviour).
Улыбки младенца оказывают не только сиюминутное воздействие на поведение его матери, но, вероятно, они обладают и долговременным влиянием. Амброуз (Ambrose, 1960) описал потрясающее воздействие на мать первой адресованной ей улыбки младенца и то, как этот эпизод заставил ее в дальнейшем более чутко отзываться на его поведение. Когда мать устала и ребенок раздражает ее, его улыбка обезоруживает ее. Когда она кормит его или ухаживает за ним, его улыбка вознаграждает и подбадривает ее. Если пользоваться строго научным языком, можно сказать, что улыбка младенца так действует на мать, что в будущем вероятность ее быстрого отклика на сигналы ребенка увеличивается, а это может в какой-то степени способствовать его выживанию. Звуки довольного лепета младенца имеют, по-видимому, тот же длительный эффект.
Первоначально ни плач, ни улыбка, ни лепет не являются целекорректируемыми. Вместо этого ребенок подает сигнал, и партнер либо отвечает на него, либо нет. Когда партнер реагирует, плач обычно прекращается и улыбка исчезает. Например, всем известно, что хороший способ прекратить плач ребенка — взять его на руки и покачать или, может быть, поговорить с ним. Однако не все знают, что когда ребенка берут на руки, он также перестает улыбаться (Ambrose, 1960).
В основе лепета совершенно другие механизмы. Лепет младенца обычно вызывает ответную реакцию матери — она «разговаривает» с ним, так что возникает более или менее длинная цепь взаимных «обменов». Однако и в этом случае, если взять ребенка на руки, он перестает лепетать.
Когда сигнал остается без ответа, результат может быть разным. В одних случаях, например, когда ребенок плачет, он может подавать этот сигнал в течение длительного времени. В других случаях сигнал может прекратиться или смениться другим. Например, если на улыбку нет ответной реакции, ребенок не будет улыбаться бесконечно; часто улыбка сменяется плачем. Аналогичным образом ребенок постарше, который вначале зовет к себе мать, может затем заплакать, если она не подходит к нему.
Еще один, весьма отличный от всех остальных, вид сигнала, вызывающий значительный интерес, — это *жест поднятых (или протянутых) рук.* Его можно наблюдать у малыша примерно с полугодовалого возраста[1], когда его мать появляется около кроватки. Он также часто встречается у ребенка, который еще ползает или учится ходить, когда он приближается к матери или когда она подходит к нему. Мать всегда понимает, что он хочет, чтобы его взяли на руки, и обычно соответствующим образом реагирует на этот жест.

---
[1]Самое раннее появление этой реакции у младенца может отмечаться в четырнадцать недель, самое позднее — в тридцать семь недель (Shirley, 1933).

Внешне жест поднятых рук у ребенка удивительно похож на движение протянутых вперед верхних конечностей детеныша обезьяны, когда тот пытается ухватиться за мать. Это движение встречается у детенышей приматов как звено в последовательности реакций, ведущих к цеплянию за мать. Поэтому нельзя исключить, что жест поднятых рук у маленького ребенка — это того же рода движение, ставшее ритуальным в осуществлении сигнальной функции.
Еще одна форма поведения, имеющая, очевидно, наиболее заметный сигнальный характер, но с самого начала являющаяся целекорректируемой, — это *попытки ребенка привлечь и удержать на себе внимание матери.* Среди двадцати трех младенцев, которых

изучала Ширли (Shirley, 1933), впервые эта форма поведения была отмечена у малыша в возрасте около восьми месяцев; у половины детей она появилась двумя неделями позже. Всем хорошо известно упорство, с которым малыши, начиная примерно с восьмимесячного возраста и старше, стараются привлечь к себе внимание родителей и не успокаиваются, пока не добиваются этого. Иногда оно становится источником раздражения. Нередко его считают, как, впрочем, и другие виды поведения привязанности, раздражающей особенностью маленьких детей — одной из тех, которые следует как можно скорее исправить. Однако, если к нему подойти как к компоненту поведения привязанности, оно становится более понятным и начинает восприниматься с большим сочувствием. В зоне эволюционной адаптированности, характерной для человека, жизненно важно, чтобы мать ребенка, которому еще не исполнилось трех-четырех лет, точно знала, где он и что делает. Она должна быть готова вмешаться в случае угрожающей ему опасности, а ребенку важно держать ее в курсе своих дел, где он находится и чем занимается, и продолжать это делать до тех пор, пока мать не подаст сигнал, что его «сообщение принято». Такое поведение, следовательно, имеет адаптивное значение.

Поведение приближения

Два хорошо известных примера форм поведения, которое приводит ребенка к матери и удерживает его около нее, — это, во-первых, само приближение, включая поиск матери и следование за ней (на основе имеющихся локомоторных средств), и, во-вторых, цепляние. К третьему примеру, не столь очевидному, как первые два, относится сосание, не связанное с насыщением, или хватание (удерживание) соска.

Приближение к матери и *следование* за ней обычно легко увидеть, как только ребенок начинает самостоятельно передвигаться. Очень скоро — как правило, в течение последней четверти первого года жизни — организация этого поведения приобретает свойства целе-корректируемой системы. Это значит, что стоит матери изменить свое местоположение, как соответствующим образом изменяется и направление движений ребенка. Постепенно когнитивный аппарат ребенка достигает стадии развития, на которой малыш уже способен представлять отсутствующие в поле зрения предметы и искать их — данная стадия, согласно Пиаже (Piaget, 1936), начинается в возрасте девяти месяцев. С этого момента можно ожидать, что ребенок будет не только тянуться к матери (приближаться) и/или следовать за ней, когда он видит или слышит ее, но также будет искать ее в привычных местах, если она отсутствует.

Чтобы достичь своей установочной цели — быть рядом с матерью, ребенок должен задействовать все имеющиеся в его распоряжении локомоторные навыки. Он будет ползти, поворачиваться, идти или бежать. Если у него серьезно нарушен двигательный аппарат, например в результате воздействия талидомида[1]*, он все равно достигнет своей цели, даже если для этого ему надо будет перекатываться (Decarie, 1969). Эти наблюдения показывают, что те системы управления поведением, о которых здесь идет речь, не только целекорректируемы, но и организованы на основе плана: они имеют общую цель и гибкие способы ее достижения.

---

[1]*Талидомид — препарат, который принимался в 1960-х гг. беременными женщинами и стал причиной появления серьезных аномалий развития у детей, — главным образом, он нарушал формирование конечностей, которые в результате его применения могли даже отсутствовать. — *Примеч. ред.*

Хотя человеческий детеныш значительно менее искусен в цеплянии, чем его «дальние родственники» — детеныши обезьян, тем не менее у него имеется эта реакция сразу же после рождения. В последующие четыре недели эффективность реакции цепляния возрастает. Макгроу (McGraw, 1943) обнаружила, что в месячном возрасте младенец

может в течение полминуты провисеть, уцепившись руками за палку. В западных странах отмечалось, что в дальнейшем эта способность младенцев идет на спад, и это, возможно, является результатом ее невостребованности. Примерно после полутора лет данная способность вновь возрастает, хотя к этому времени в ее основе уже лежат более сложные механизмы.

К числу условий, которые вызывают у младенца реакцию цепляния с первых недель его жизни и позднее, относится нагота, например, когда он раздетый лежит на коленях у матери, или резкое изменение его равновесия, если, к примеру, его мать прыгает или спотыкается[1].

---

[1]Я обязан своей дочери Мэри тем, что она обратила мое внимание на наготу ребенка, как на состояние, вызывающее у него реакции цепляния.

Позднее он крепко цепляется за мать, когда чувствует тревогу. Так, девятимесячный ребенок, находясь в новой для него ситуации, например на руках у незнакомой женщины, цепляется за нее настолько сильно, что если она попробует его посадить, то лишь с большим трудом ей удастся «оторвать его от себя» (Rheingold, личное сообщение). Несмотря на то что одно время считалось, будто цепляние младенца является атавизмом, унаследованным с времен, когда люди жили на деревьях, нет причин сомневаться, что на самом деле — это не что иное, как «человеческий» вариант той же реакции цепляния, которая наблюдается у всех детенышей низших и человекообразных обезьян, и что она выполняет ту же функцию, хотя и менее эффективно. С точки зрения своей организации вначале цепляние представляет собой простую рефлекторную реакцию. Лишь позднее оно становится целекорректируемым действием.

Хотя *сосание* обычно рассматривается просто как способ принятия пищи, у него есть и другая функция. У детенышей всех приматов — как низших и человекообразных обезьян, так и у человека — процесс сосания груди или предмета, похожего на нее, занимает весьма значительное время, несмотря на то, что на получение пищи уходит лишь малая часть этого времени. У детей сосание большого пальца или пустышки — вполне обычное явление. Оно также характерно абсолютно для всех детенышей обезьян, когда те растут без матери. Однако если они растут с матерью, то сосут или хватают ртом сосок материнской груди. Поэтому в природных условиях основной результат сосания, не связанного с насыщением, и хватания груди состоит в сохранении детенышем тесного контакта с матерью. Это подчеркивают Хайнд, Роуэлл и Спенсер-Бут (Hinde, Rowell, Spencer-Booth, 1964), показывая, что когда детеныш макака-резуса цепляется за свою мать, если она бежит или на что-то карабкается, обычно хватается за нее не только обоими передними и задними конечностями, но также и ртом, он может держаться ртом за один или даже за оба соска, чем фактически обеспечивает себе пятую точку «сцепления» с матерью. В этих условиях хватание соска выполняет ту же функцию, что и цепляние. Такие наблюдения свидетельствуют о том, что у приматов хватание груди и сосание имеют две разных функции, одна связана с питанием, а вторая — с привязанностью. Каждая из этих функций имеет самостоятельное значение, и предполагать, что питание имеет основное значение, а привязанность — лишь второстепенное, было бы ошибкой. На самом деле, сосание, не связанное с насыщением, занимает значительно больше времени, чем сосание с целью питания.

Если учесть две разные функции сосания, то не покажется удивительным, что движения, реализующие эти две формы поведения, различны: движения сосания, не связанного с насыщением, более поверхностны, чем движения сосания, связанные с питанием, на что обратила внимание Роуэлл (Rowell, 1965). У детеныша бабуина, которого она растила, эти две формы сосания особенно явно различались, потому что сосание, связанное с питанием, было всегда направлено на бутылочку, в то время как сосание, не связанное с

насыщением, — на пустышку. Когда маленький бабуин был голоден, он всегда сосал бутылочку, а когда был встревожен, то сосал только пустышку: «То, что давало ему питание, имело крайне малое значение для обеспечения его безопасности» и, разумеется, наоборот. Пососав пустышку в случае беспокойства, детеныш бабуина быстро успокаивался и становился довольным.
Эти наблюдения позволяют объяснить, почему у ребенка столько времени занимает сосание, не связанное с насыщением. Если взять младенца в первобытном обществе, то у него сосание, не связанное с питанием, обычно направлено на грудь матери. Младенцы, растущие в обществе иного типа, в таких случаях обычно сосут «заменитель» материнской груди — собственный большой палец или пустышку. Однако на какой бы объект ни было обращено сосание, ребенок, который имеет возможность что-то сосать, не получая при этом пищи, становится более спокойным и довольным, чем тот, который лишен такой возможности. Более того, так же как и детеныши обезьяны, ребенок предается сосанию, не связанному с питанием, именно тогда, когда огорчен или встревожен. Эти наблюдения хорошо согласуются с выводами, что у ребенка сосание, не связанное с питанием, является самостоятельным действием, отличным от сосания, направленного на питание; и что в зоне эволюционной адаптированности человека сосание, не связанное с питанием, составляет неотъемлемую часть поведения привязанности, прогнозируемый результат которого — близость к матери.
Этот раздел завершает краткое описание основных форм поведения, с помощью которых реализуется привязанность ребенка к матери. В следующих главах, посвященных онтогенезу, эти и другие формы поведения мы обсудим более подробно.

Интенсивность проявлений поведения привязанности

Из-за многообразия форм и последовательностей отдельных реакций поведения привязанности не существует простой шкалы его интенсивности. Каждая отдельная форма поведения привязанности может варьироваться по интенсивности, а кроме того, по мере возрастания его общей интенсивности возникает все больше его различных форм. Например, в случае слабо выраженного поведения привязанности обычно появляются улыбка, попытки спокойного передвижения, рассматривание и касание. В случае сильно выраженного поведения привязанности — это быстрые движения, направленные к матери, и цепляние за нее. Когда интенсивность высока, всегда присутствует плач, хотя он также иногда встречается и при низкой интенсивности поведения привязанности.

Организация систем, опосредствующих поведение привязанности

В одном из разделов гл. 5 приводится описание некоторых принципов, лежащих в основе различных способов организации системы управления поведением. Основное различие в их организации отделяет целекорректируемые системы от нецелекорректируемых. Хотя оба вида систем при их активации в зоне эволюционной адаптированности обычно приводят к специфическому прогнозируемому результату, способы их действия совершенно различны. В случае целекорректируемой системы прогнозируемый результат следует за ее активацией, поскольку в силу устройства такой системы она осуществляет непрерывный учет расхождения между установочной целью и процессом ее достижения. Примером служит стремительное «падение» сокола-сапсана на свою добычу. В системах иного рода установочная цель отсутствует и, следовательно, учет расхождений не требуется. Вместо этого прогнозируемым результатом является сам результат определенных действий, выполняемых в определенной последовательности в определенных условиях внешней среды. Примером этого вида систем может служить возвращение яйца с помощью специальных действий, которые проделывает гусыня, закатывая его обратно в гнездо.
Что касается систем, связанных с поведением привязанности, то некоторые из них организованы как целекорректируемые системы, в то время как другие основаны на более простых механизмах. Раньше остальных, конечно же, развиваются системы, которые не

являются целенаправленными. Позднее, особенно начиная со второго года жизни ребенка, все более значительную и в конце концов доминирующую роль начинают играть целекорректируемые системы. Рассмотрим два примера нецелекорректируемых систем управления поведением, прогнозируемый результат действия которых — близость ребенка к матери. Когда четырехмесячный (или примерно такого возраста) ребенок после кратковременного отсутствия матери снова ее видит, он, как правило, улыбается. В ответ на это мать, скорее всего, подойдет к нему поближе, улыбнется и поговорит с ним или, может быть, погладит его или возьмет на руки. Таким образом, прогнозируемый результат улыбки ребенка — еще большая его близость к матери; но нельзя сказать, что в процессе достижения этого результата улыбка как-либо меняется в зависимости от того, видит ребенок, что идет его мать, или нет. В этом возрасте улыбка ребенка представляет собой паттерн фиксированного действия, который возникает в основном при виде лица его матери (в фас, а не в профиль). Улыбка усиливается под влиянием взаимодействия с матерью и исчезает, когда малыша берут на руки.
Вторым примером системы, которая при активации обычно ведет к близости, но не является целекорректируемой, служит плач. Когда маленький ребенок плачет, находясь в зоне своей эволюционной адаптированности, т.е. в пределах слышимости ответственной за него матери, прогнозируемым результатом плача будет то, что мать подойдет к нему. Однако здесь вновь можно видеть, что в первые месяцы жизни характер плача ребенка не зависит от того, далеко или близко находится мать, подходит она к нему или отходит, как это было бы в случае целекорректируемой системы.
Примерно после восьми месяцев, а особенно после года, наличие более сложных систем, опосредствующих поведение привязанности, становится очевидным. Нередко ребенок пристально следит за матерью: он с удовольствием играет, пока она рядом, но начинает настойчиво следовать за ней, стоит ей сдвинуться с места. Такое поведение ребенка становится понятным, если признать, что оно управляется системой, которая остается неактивной, пока мать находится в поле зрения или в пределах досягаемости ребенка, но которая способна активизироваться при изменении этих условий. Как только система активизируется, попытки приблизиться к матери (с соответствующей корректировкой цели) возобновляются. Они продолжаются до тех пор, пока ребенок снова не окажется в поле зрения или в пределах досягаемости матери, после чего система прекращает свое действие.
К другому виду целекорректируемого поведения, опосредствующего проявления привязанности, относится зов матери ребенком. Обычно в какой-то момент второго года жизни ребенок начинает звать свою мать иначе, чем раньше — совсем по-новому. Его призывный крик меняется в зависимости от того, как в тот момент он оценивает ее местонахождение и направление движения: если, по его оценке, мать находится далеко или уходит, он зовет ее громче и настойчивее, если же она поблизости или уже идет к нему, то его зов становится слабее и тише.
За целекорректируемой последовательностью поведенческих актов, таких как локомоции или зов, часто следует та или иная форма поведения привязанности, например, поднятие и протягивание ручек или хватание, прогнозируемый результат которых — физический контакт ребенка с матерью. В этом случае последовательность действий, очевидно, организована в виде цепочки, причем движения, связанные с поведением привязанности, возникают только тогда, когда дистанция между ребенком и матерью сокращается до определенных пределов.

ТИПИЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДВУХЛЕТНИХ ДЕТЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ СИТУАЦИЯХ

Разнообразие конкретных форм поведения, опосредствующих привязанность, и конкретных сочетаний, в которые они могут объединяться у детей разного возраста в

различных ситуациях, почти бесконечно. Тем не менее в определенном возрасте, скажем, после года и трех месяцев, какие-то формы поведения и их сочетания начинают встречаться у ребенка весьма часто, причем некоторые из них становятся типичными для определенного круга ситуаций. Эти ситуации определяются прежде всего тем, где находится и куда идет мать; кроме того, поведение ребенка зависит от того, в знакомой или новой ситуации он оказывается.

Далее делается попытка описать поведение, характерное для ряда вполне обычных ситуаций. Ввиду множества факторов, влияющих на поведение детей, огромных индивидуальных различий между ними и недостатка тщательных исследований, о нем можно составить лишь схематическое представление.

Поведение ребенка в присутствии матери, когда она остается на одном месте

Нередко годовалый или двухлетний ребенок в течение получаса или больше спокойно играет и исследует окружающий мир, используя в качестве «базы» для этого мать, когда она остается на одном месте. Свою близость к матери в такой ситуации ребенок поддерживает с помощью ориентировки на нее, при этом он держит в уме ее местонахождение и полагается на свои локомоции. Полностью отсутствуют плач, сосание и цепляние. Обмен взглядами, а время от времени и улыбками или прикосновениями дает каждому из них уверенность, что другой знает о его присутствии рядом.

Наблюдения за тем, как маленькие дети ведут себя, находясь вместе с матерью в уединенном уголке парка, приводятся в статье Андерсона (Anderson, 1971). Выбрав детей в возрасте от одного года и трех месяцев до двух с половиной лет, чьи матери спокойно сидели, разрешая малышам бегать в этом хорошо знакомом им месте, Андерсон в течение пятнадцати минут фиксировал движения каждого ребенка по отношению к матери. Наблюдения велись за тридцатью пятью детьми. Двадцать четыре из них на протяжении всего времени наблюдения оставались в радиусе примерно 65 м от матери, то удаляясь от нее, то возвращаясь обратно. Сами матери ничего не предпринимали для того, чтобы ребенок оставался рядом. Андерсон отмечает способность детей постоянно ориентироваться на мать и в то же время держаться на некотором расстоянии — вне зоны ее непосредственного контроля. Восемь из остальных одиннадцати детей уходили от матери дальше, привлеченные качелями или еще чем-то интересным; в каждом таком случае мать следовала за ребенком, сопровождая его. Только троих детей пришлось возвращать на место, поскольку они ушли слишком далеко или оказались вне поля зрения матерей.

Характерно, что постоянно ориентированные на мать дети двигались от матери или к ней короткими пробежками с остановками. Возвращаясь к матери, они совершали более длинные пробежки и при этом подпрыгивали. Нередко дети останавливались около матери и эти остановки были довольно продолжительными. Но чаще они останавливались на некотором расстоянии от нее, и тогда их остановки значительно сокращались. Андерсон подчеркивает, что лишь изредка отлучки и возвращения ребенка имели какое-то отношение к происходящим событиям: «Без какой-либо иной видимой причины, кроме желания быть на ногах и находиться на некотором расстоянии от матери, ребенок высвобождается от нее и отбегает на несколько шагов, после чего приостанавливается до следующего «приступа» активности». Довольно часто, даже не взглянув на мать, он бежит к ней назад. Из сорока девяти эпизодов возвращений к матери, наблюдавшихся у семи детей, только два были вызваны обстоятельствами, так или иначе связанными с нею: в обоих случаях к матери подходила подруга.

Возвращаясь, ребенок может остановиться на некотором расстоянии от матери — в нескольких метрах от нее — или подбежать прямо к ней. Примерно в четверти случаев дети контактировали с матерью — они садились на колени, прислонялись к коленям или тянули мать за руку. Так же дети часто подходили близко к матери, но непосредственно не касались ее. В половине случаев дети останавливались на расстоянии.

Ни дети, ни матери не прибегали к речевому общению друг с другом, за исключением тех случаев, когда они были рядом. Находясь на расстоянии от матери, ребенок издавал те или иные звуки, но они адресовались только ему самому. Со своей стороны матери, предпринимая слабые попытки вернуть ребенка, звали его и, за редким исключением, это не давало результатов.
Хотя Андерсон не приводит на этот счет определенных сведений, из других источников нам известно, что, когда ребенок играет около матери, он часто старается привлечь ее внимание и не успокаивается, пока не добьется его. Характеризуя взаимодействие с матерью детей в возрасте одного года и одного месяца в домашней обстановке, Аппель и Давид (Appel, David, 1965) описывают одну такую пару, где мать и ребенок сравнительно редко вступали в контакт, так что их взаимодействие в основном сводилось к наблюдению друг за другом. Описав, как мать наблюдала за своим сыном и давала ему многочисленные предметы и игрушки, они продолжают:
«Боб сам подолгу наблюдает за своей матерью... Ему нужно, чтобы она поглядывала на него, и он не переносит, когда мать слишком поглощена своим занятием... Тогда он расстраивается и становится плаксивым — точно так же, как в случае, если мать уходит...»
Аппель и Давид описывают и другие пары, взаимодействие которых, в отличие от приведенного примера, происходит посредством одновременно тактильного и зрительного контакта.

Поведение ребенка, когда мать находится в движении

В жизни ребенка наступает момент, когда он становится способен с помощью целекорректируемых локомоций сохранять близость к движущемуся человеку. Это происходит примерно в трехлетнем возрасте, т.е. значительно позднее, чем принято считать. В два с половиной года умеющий хорошо ходить ребенок может недалеко отходить от матери, находящейся на одном месте, и при этом он отлично ориентируется, однако как только мать встает, чтобы куда- то идти, ребенок сразу теряется. Этот факт в развитии ребенка мало известен, и из-за его незнания родители часто испытывают раздражение. Подробную информацию об этом мы вновь находим в наблюдениях Андерсона.
Когда мать одного двухлетнего ребенка, описываемого Андерсоном, в конце прогулки поднималась с места, чтобы идти домой, она, как правило, подавала ребенку знак. В ответ на предложение сесть в коляску тот охотно залезал в нее. Но если мать предлагала ему идти пешком, сразу же возникали трудности, за исключением тех случаев, когда она шла очень медленно, держа его за руку. Андерсон отмечает, что нередко мать теряла терпение, поднимала ребенка на руки и уносила.
Если мать вставала неожиданно, не подавая знака, например просто для того, чтобы что-то взять, то ребенок, как правило, не трогался с места. Но если она хотела, чтобы он присоединился к ней, ей нужно было терпеливо побуждать его к этому, иначе он так и оставался стоять на месте.
Наблюдения Андерсона за еще одной группой из двенадцати детей такого же возраста, прогуливающихся в парке со своими матерями (но не в коляске), подтвердили крайне низкую степень их попыток следования. Ребенок вновь и вновь останавливался, часто на некотором расстоянии от матери; таким образом, в течение пяти — восьми минут следования каждая из этих матерей большую часть времени стояла в ожидании своего ребенка, а не шла. Восемь малышей постоянно отклонялись от дороги, и их приходилось возвращать. К концу этого короткого сеанса наблюдений половину детей матери несли на руках: троих по инициативе самих детей, а еще троих — по инициативе матерей.
Данные Андерсона дают возможность предположить, что примерно до трех лет у детей нет эффективных целекорректируемых систем, позволяющих им находиться рядом с матерью во время ее движения. Вполне допустимо, по-видимому, чтобы до этого возраста мать носила ребенка на руках, так как это соответствует особенностям адаптации человека. Правомерность такого предположения подтверждается тем, с какой

готовностью и удовольствием дети данного возраста соглашаются на это. Они тянут вверх руки, чтобы их подняли и несли, а иногда решительно и резко требуют этого. Андерсон рассказывает, как однажды ребенок, шедший рядом с матерью, вдруг развернулся, встал перед ней и поднял руки. Его внезапное действие было для нее так неожиданно, что она легко могла споткнуться о него и даже сбить его с ног. Тот факт, что ребенка это не обескуражило, очевидно, показывает — его действие было инстинктивным и вызванным видом движущейся матери.
Имеющиеся данные свидетельствуют, что и в развитых странах и в достаточно отсталых племенах, когда родители отправляются куда-нибудь с детьми младше трех лет, они почти всегда несут руках. В западных странах детей обычно возят в колясках, но нередко их носят и на руках. В результате исследования, проводившегося Рейнголд и Кин (Rheingold, Keene, 1965) в общественных местах Вашингтона (округ Колумбия), обнаружилось, что из более чем пятьсот детей, которых взрослые (в основном, родители) несли руках, 89% были младше трех лет, причем соотношение детей в возрасте до года, до двух и до трех лет было примерно одинаковым. Дети, достигшие трехлетнего возраста, составляли небольшую часть всех наблюдаемых детей: 8% детей были старше трех лет только 2% — старше четырех лет.
Очевидно, у большинства детей, перешагнувших трехлетний рубеж, появляются довольно эффективные целекорректируемые системы, позволяющие им держаться на близком расстоянии к матери или отцу, даже если те находятся в движении. Но несмотря на это, в течение двух лет или дольше многие дети настаивают на том, чтобы держаться за руку, за одежду или за ручку коляски. Только по достижении семилетнего возраста большинство детей отказываются ходить, держась за руку. Однако в этом как и во всем остальном, имеются огромные индивидуальные различия.

Поведение ребенка в ситуации, когда мать уходит

После года, а часто и раньше, дети, увидев, что мать собирается уходить, обычно начинают протестовать против этого. Протест может выражаться по-разному: от хныканья до оглушительного рева. Часто они также пытаются следовать за ней. Однако конкретные особенности их поведения зависят от очень многих факторов. Например, чем младше ребенок, тем выше вероятность того, будет плакать, а не пытаться следовать за матерью. Другим фактором является характер движения матери во время ухода: тихое спокойное исчезновение, вероятно, не вызовет такого сильного протеста и стремления следовать за ней, как быстрый и шумный уход, который обычно сопровождается громким протестом и энергичными попытками ребенка следовать за ней. Еще один фактор касается того, насколько ребенку знакома обстановка. Ребенок может быть относительно спокоен, оставаясь в привычной обстановке, но если обстановка ему не знакома, он, конечно же, будет плакать иди пытается следовать за матерью.
Если ребенок видит, что мать уходит, у него возникает совершенно иная реакция, чем в ситуации, когда он просто находится один. Многие из тех детей, которые протестуют против ухода матери и пытаются следовать за ней, в ее отсутствие могут спокойно играть одни. Для этого мать учится уходить незаметно для ребенка — тихо, не привлекая его внимания. Тогда ребенок может играть в течение довольно долгого времени, например час или два, пока не станет проявлять ту или иную форму поведения привязанности. В этом случае он (в зависимости от возраста и других факторов), как правило, начинает искать мать или плакать.

Поведение ребенка при возвращении матери

Поведение ребенка при возвращении матери зависит от продолжительности ее отсутствия и от его эмоционального состояния в момент ее появления.
После вполне обычного недолгого отсутствия матери ребенок почти наверняка повернется к ней и попытается приблизиться. При этом он может улыбаться. Если до этого он плакал,

то, скорее всего, престанет, особенно если она возьмет его на руки. Если же он сильно плакал, то, оказавшись на руках у матери, он крепко прижмется к ней.
В случае непривычно долгого отсутствия матери к моменту ее возвращения ребенок может быть очень расстроен. Увидев ее в таком состоянии, он может не отреагировать на ее появление обычным образом и даже отстраниться от нее. Если ребенок не плачет, то в течение еще какого-то времени он будет молчать, а потом начнет плакать. С установлением физического контакта с матерью его плач, скорее всего, станет затихать и в конце концов прекратится. Потом он будет упорно цепляться за мать и не захочет слезать с рук. При этом также может наблюдаться интенсивное, не связанное с питанием сосание, например пустышки.
После разлуки с матерью на несколько дней или более, особенно когда ребенок остается в незнакомой для него обстановке, поведение привязанности у него может принять необычные формы — оно будет отличаться от привычных форм либо чрезмерной интенсивностью, либо отсутствием его внешних проявлений.
Однако как ни различны виды реагирования ребенка на возвращение матери, какая-то их часть имеет явно целекорректируемый характер, в то время как остальные, по-видимому, нет.

АКТИВИЗАЦИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ СИСТЕМ, ОПОСРЕДСТВУЮЩИХ ПОВЕДЕНИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ

Наблюдение за любым ребенком на втором и третьем году его жизни, когда поведение привязанности у него выражено наиболее ярко, показывает, что такое поведение чрезвычайно сильно варьируется с точки зрения его активизации, формы и интенсивности. В какой-то момент времени ребенок с удовольствием изучает окружающий мир, при этом мать находится вне поля его зрения, и к тому же, он явно не думает о ней, а в следующий миг он начинает лихорадочно ее искать и истошно звать. Сегодня он весел и не требует, чтобы мать все время была рядом, а на другой день постоянно хнычет и не отходит от матери ни на шаг.
С точки зрения развиваемой здесь теории рассмотреть условия, отвечающие за такие колебания в поведении привязанности одного ребенка, — это то же самое, что проанализировать условия, которые активизируют и прекращают действие систем, опосредствующих такое поведение.
В данной главе мы рассматриваем только целекорректируемые системы, а также условия, оказывающие на них влияние. Обсуждение условий, ведущих к активизации и прекращению действия нецелекорректируемых систем, мы отложим до следующей главы, посвященной их онтогенезу. Факторы, которые могут отвечать за различия в поведении одного и того же ребенка на протяжении нескольких месяцев или лет, а также факторы, объясняющие различия в поведении разных детей, кратко обсуждаются в гл. 16.
Предлагаемая модель весьма проста и действует по принципу «старт — стоп» (start-stop model). Так же как у большинства поведенческих систем, степень активации системы, опосредствующей поведение привязанности, может варьироваться от низкой до очень высокой. Главная особенность предложенной модели состоит в том, что условия, прекращающие действие системы, существенно различаются в зависимости от интенсивности ее активации (*Это предположение возникло благодаря профессору Роберту Хайнду*).
Когда уровень активности систем очень высок, ничто, кроме физического контакта с матерью, не прекратит их действия. Когда системы менее активны, прекратить их действие может один лишь вид матери или даже звук ее голоса; достаточной альтернативой может также оказаться и близость к какому-нибудь другому лицу, к которому также привязан ребенок. Таким образом, условия прекращения активации могут

быть очень разными — от самых серьезных способов успокаивания ребенка до совсем несложных.
Поведение привязанности активизируют многие условия. Возможно, самым простым является удаленность от матери. Роль, которую играет расстояние, показана в наблюдениях Андерсона. Все дети, за которыми он вел наблюдение, за исключением нескольких, удалялись от матери не более, чем на 65 м, а потом возвращались к ней обратно. Другим условием может быть отрезок времени. Хотя мы располагаем результатами всего лишь нескольких систематических наблюдений, относящихся к этому условию, практический опыт дает основание полагать, что длительность интервала времени тоже может иметь значение. Например, спокойно играющий ребенок, как правило, время от времени проверяет, где находится его мать. Можно думать, что такие проверки — это пример поведения привязанности низкой интенсивности, которое периодически активизируется у ребенка[1].

---

[1]Этим предположением я обязан д-ру Дороти Херд, у которой имеются неопубликованные данные, в какой-то мере указывающие на это.

Другие хорошо известные условия, которые активизируют поведение привязанности, а также влияют на форму, которую оно принимает, и интенсивность его проявлений, делятся на три категории.
1. Состояние ребенка:
усталость,
голод,
плохое самочувствие,
боль
холод.
2. Местонахождение и поведение матери:
отсутствие матери, уход матери, противодействие близости со стороны матери.
3. Другие условия, связанные с окружением ребенка:
тревожащие обстоятельства или события, отпор, получаемый ребенком от других людей (взрослых или детей).

Сначала рассмотрим влияние факторов, которые относятся к категории «состояние ребенка».
Каждая мать знает, что ребенок, который устал, голоден, замерз, плохо себя чувствует или испытывает боль, нуждается в особом ее внимании. Он не только хочет, чтобы мать находилась в поле его зрения, но и часто требует, чтобы она посадила его к себе на колени или взяла на руки. При такой интенсивности поведение привязанности прекращается только в результате физического контакта, и любое нарушение контакта со стороны матери вновь вызывает интенсивное поведение привязанности — плач, следование, цепляние до тех пор, пока контакт снова не будет восстановлен. Напротив, если ребенок полон сил, сыт, хорошо себя чувствует, не испытывает боли и не страдает от холода, он ведет себя совершенно иначе: он спокоен и доволен, даже если мать находится на некотором расстоянии от него или если он может только слышать ее. Следовательно, эти пять условий вызывают поведение привязанности высокой интенсивности и, соответственно, для его прекращения требуются срочные и весомые меры.
Сходная картина наблюдается, когда ребенок встревожен или встречает противодействие со стороны другого лица — взрослого или ребенка. Такие ситуации относятся к категории «другие условия, связанные с окружением ребенка».
Обстоятельства, которые легко могут вызвать беспокойство и тревогу ребенка, — это во-первых, все, что связано с резким и, особенно, внезапным изменением уровня

действующих раздражителей, — яркий свет, неожиданно наступившая темнота, громкий звук. Во-вторых, это предметы, которые либо сами по себе необычны, либо встречаются в неожиданном контексте. Почти всегда ребенок двух лет или постарше, сильно напуганный одним из приведенных выше обстоятельств, бросается к матери; другими словами, у него возникает поведение привязанности высокой интенсивности, а для его прекращения соответственно требуются и серьезные меры. Кроме стремления быть рядом с матерью, могут иметь место плач или цепляние. В то же время, если ребенок лишь слегка напуган, интенсивность его поведения привязанности бывает невелика, а меры для его прекращения — довольно слабыми. В этом случае ребенку достаточно лишь немного приблизиться к матери или даже просто повернуть голову, чтобы посмотреть на мать, на месте ли она, и на выражение ее лица и жесты[1].

____

[1]Розенталь (Rosenthal, 1967) в эксперименте с маленькими девочками в возрасте от трех с половиной до четырех с половиной лет обнаружила, что в состоянии тревоги ее подопечные старались держаться поближе к любому человеку, который оказывался в комнате, где проходил эксперимент (иногда это была мать, иногда незнакомый человек). Таким образом, в условиях, вызывавших у детей тревогу, их средние показатели сохранения близости были на 50% выше, чем в условиях, когда они были спокойны. Напротив, средние показатели попыток привлечь к себе внимание и получить помощь в этих двух ситуациях не отличались.

Наконец, на интенсивность проявлений поведения привязанности ребенка может влиять поведение матери по отношению к нему. Обычно поведение привязанности высокой интенсивности, соответственно требующее для своего прекращения срочных мер, вызывает такое поведение матери, которое препятствует близости к ней ребенка или создает для этой близости угрозу. Если мать отстраняет ребенка, желающего находиться около нее или сидеть у нее на коленях, нередко возникает обратный эффект — малыш начинает еще больше за нее цепляться. Аналогичным образом, когда ребенок подозревает, что его мать собирается уйти и оставить его, он упорно настаивает на том, чтобы быть рядом с ней. В то же время, если ребенок видит, как мать ухаживает за ним и готова по первому его требованию быть с ним рядом, он спокоен, доволен и может отправляться исследовать окружающий мир вокруг нее. Хотя такое поведение может показаться извращенным, на самом деле именно его следует ожидать, исходя из гипотезы о том, что поведение привязанности выполняет защитную функцию. Когда мать не склонна выполнять свою роль в сохранении близости к ребенку, он настораживается и своим собственным поведением обеспечивает нахождение возле матери. Если же мать проявляет готовность быть рядом с ребенком, он может ослабить свои усилия.

У большинства маленьких детей сам вид матери, держащей на руках другого младенца, вызывает яркие проявления поведения привязанности. Ребенок постарше настаивает на том, чтобы быть рядом с матерью, и стремится к ней на колени. Часто он ведет себя как совсем маленький. Возможно, что это хорошо известное поведение — всего лишь особая форма реакции ребенка на недостаток внимания и отзывчивости со стороны матери. Однако тот факт, что старший ребенок часто реагирует подобным образом, даже когда его мать старается быть внимательной и чуткой, заставляет предполагать нечто большее. Новаторские эксперименты Ливая (Levy, 1937) также показывают, что старшему ребенку достаточно просто увидеть малыша на коленях у матери, чтобы снова начать льнуть к своей матери.

Изменения, связанные с возрастом

В гл. 11 было показано, что начиная с трехлетнего возраста у большинства детей проявления поведения привязанности становятся не столь частыми и настойчивыми, как раньше, и что эта тенденция сохраняется у детей на протяжении нескольких лет, хотя

полностью поведение привязанности никогда не исчезает. С точки зрения предлагаемой здесь теории это можно понять следующим образом: изменения связаны главным образом с тем, что активация самого поведения привязанности не происходит с такой готовностью, как раньше, и независимо от условий интенсивность его падает. В результате для его прекращения требуются все меньшие усилия. Например, у ребенка более старшего возраста в условиях, которые раньше вызвали бы поведение привязанности высокой интенсивности, теперь возникает поведение меньшей интенсивности; точно гак же, если раньше его можно было прекратить только с помощью тесного физического контакта, теперь для этого достаточно легкого прикосновения или даже ободряющего взгляда.
Причины, в силу которых поведение привязанности утрачивает легкость активизации и интенсивность проявлений, не известны. Несомненно, что какую-то роль играет опыт. Например, многое из того, что раньше было незнакомым, становится привычным, а следовательно, уже не так тревожит. И все же представляется маловероятным, что единственной причиной изменений, происходящих с возрастом, является опыт. Что касается таких основных систем инстинктивного поведения, как, например, сексуальное и материнское поведение, то хорошо известно, какое большое значение для них имеют изменения эндокринного баланса. Возможно, что и в поведении привязанности главную роль также играют изменения эндокринного баланса. Данные о том, что поведение привязанности и за пределами раннего возраста легче возникает у представителей женского пола, чем у мужского, в случае их подтверждения, свидетельствовали бы в пользу такого вывода.
Помимо того что с возрастом поведение привязанности становится менее частым и не столь интенсивным, происходит еще одно изменение: набор условий, способных прекратить поведение привязанности, значительно расширяется, причем многие из таких условий имеют чисто символическую природу. Например, фотографии, письма и телефонные разговоры могут стать более или менее эффективными средствами «поддержания контакта», пока интенсивность активации поведения привязанности не слишком высока.
Эти и другие изменения формы, которую принимает поведение привязанности, обсуждаются в последних главах.
В них представлен набросок теории поведения привязанности с точки зрения систем управления. Ее выдвижение преследует две цели. Первая состоит в том, чтобы продемонстрировать, что теория такого рода способна довольно успешно охватить все, что к настоящему времени известно о поведении привязанности в ранние годы человеческой жизни. Вторая заключается в оказании содействия дальнейшим исследованиям. На основе модели такого рода поведение становится достаточно точно предсказуемым, а прогнозы — проверяемыми.

Часть IV. ОНТОГЕНЕЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ

Глава 14. НАЧАЛЬНЫЕ СТАДИИ РАЗВИТИЯ ПОВЕДЕНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ

Наследственность предполагает... развитие располагает.
П.Б. Медавар (Medawar, 1967)

СТАДИИ РАЗВИТИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ

Комплекс систем управления поведением, опосредствующих проявления привязанности ребенка, вступает в действие в силу того, что в обычной семейной обстановке, в которой воспитывается подавляющее большинство детей, эти системы развиваются определенным, сравнительно устойчивым образом. Что нам известно об этом развитии и о тех факторах, которые на него влияют?

Новорожденный ребенок — далеко не tabula rasa (*чистая доска. — Примеч. пер.*). Наоборот, он не только обладает рядом систем управления поведением, готовых к активации, но, кроме того, каждая такая система уже определенным образом настроена: она активизируется стимулами из одного широкого диапазона (или нескольких диапазонов), прекращается стимулами из другого широкого диапазона и усиливается или ослабляется стимулами из третьего. Среди этих систем уже имеется несколько таких, которые послужат «строительными кирпичиками» в ходе последующего развития привязанности. К ним относятся, например, простейшие системы, опосредствующие у новорожденных плач, сосание, цепляние и ориентировочные реакции. Всего через несколько недель к ним добавляются улыбка и лепет, а еще спустя несколько месяцев — ползание и ходьба.

В момент своего появления каждая из этих форм поведения имеет очень простую структуру. Некоторые из двигательных паттернов организованы на основе механизмов, лишь немногим более сложных, чем механизмы паттерна фиксированного действия, а различение стимулов, которые активизируют и прекращают их, еще носит весьма неточный, приблизительный характер. И все же некоторая дифференцировка стимулов присутствует с самого начала, так же как с самого начала имеется заметная предрасположенность отвечать определенным образом на некоторые виды стимулов, обычно связанные с человеком: слуховые, исходящие от звуков голоса, зрительные — от лица, тактильные и кинестетические — от рук и тела.

Из этих истоков берут свое начало все высоко дифференцированные сложные системы, которые позднее в младенчестве и детстве, а в действительности до конца жизни опосредствуют привязанность к конкретным лицам.

В гл. 11 дан набросок пути, который проходит развитие поведения привязанности у ребенка. В целях дальнейшего анализа удобно разделить развитие привязанности на ряд стадий, хотя нужно признать, что никаких четких границ между ними нет. Далее дается краткое описание четырех таких стадий; более подробно речь о них пойдет как в этой, так и последующих главах.

Стадия 1. Недифференцированная ориентировка и адресация сигналов любому лицу

На этой стадии ребенок реагирует на людей определенным образом, однако его способность отличать одного человека от другого или совсем отсутствует, или очень ограничена, например он может различать людей только на основе слуховых стимулов. Стадия начинается с момента рождения и длится не менее восьми недель, обычно

примерно двенадцать недель; в неблагоприятных условиях она может продолжаться значительно дольше.

Формы поведения младенца по отношению к любому человеку в его окружении включают в себя ориентировочные реакции на этого человека, слежение за ним глазами, хватание и цепляние, улыбку и лепет. Часто ребенок перестает плакать, услышав голос или увидев лицо человека. Каждая из этих форм поведения младенца оказывает влияние на поведение его взрослого партнера и тем самым, вероятно, увеличивает время, которое младенец находится в непосредственной близости к этому человеку. Спустя примерно двенадцать недель интенсивность этих реакций радостного приветствия в адрес взрослого возрастает. С этого времени ребенок обнаруживает «полноценную социальную реакцию со всей ее спонтанностью, живостью и прелестью» (Rheingold, 1961).

Стадия 2. Ориентация на определенное лицо (или лица) и адресация ему (им) сигналов

На этой стадии младенец продолжает вести себя по отношению к людям с таким же дружелюбием, как на стадии 1, но оно ярче проявляется по отношению к матери, чем к остальным людям. До четырехнедельного возраста вероятность избирательной реакции на слуховые стимулы, а до десяти недель — на зрительные, мала. У большинства младенцев, растущих в семьях, обе реакции вполне отчетливо наблюдаются, начиная с двенадцати недель. Эта стадия продолжается до шести месяцев или значительно дольше в зависимости от обстоятельств.

Стадия 3. Сохранение близкого положения к определенному лицу с помощью локомоций и сигналов

На этой стадии у младенца не только постепенно дифференцируется отношение к людям, но и репертуар его реакций расширяется: он включает теперь следование за уходящей матерью, приветствие ее по возвращении и использование ее в качестве базы, откуда он совершает свои исследовательские вылазки. Одновременно активность неразборчивых проявлений радостного приветствия в адрес других людей снижается. Некоторых людей ребенок выбирает в качестве второстепенных лиц, к которым он испытывает привязанность; другие оказываются вне этого круга. К незнакомым людям ребенок начинает относиться с возрастающей осторожностью, и рано или поздно реагирует на них тревогой и избеганием.

Во время этой стадии некоторые системы, опосредствующие поведение ребенка по отношению к его матери, приобретают целекорректируемую организацию. И тогда привязанность к матери становится очевидной для всех.

Стадия 3 обычно начинается в возрасте шести-семи месяцев, но может начаться и с запозданием — после года, особенно у младенцев, не имевших тесного контакта с главным лицом, к которому он привязан. Данная стадия, по-видимому, охватывает второй год и частично третий год жизни ребенка.

Стадия 4. Формирование целекорректируемого партнерства

Во время стадии 3 близость к лицу, к которому испытывает привязанность малыш, он начинает поддерживать с помощью целекорректируемых систем. Они имеют простую организацию и опираются на более или менее примитивные когнитивные карты. На такой карте сама фигура матери рано или поздно получает статус независимого объекта, постоянно существующего во времени и пространстве, движения которого более или менее прогнозируемы в пространственно-временном континууме. Но даже когда ребенок достигает такого уровня развития, у нас нет оснований предполагать, будто он понимает, что влияет на передвижения матери — к нему или от него — и какие меры он может предпринять, чтобы изменить ее поведение. То, что ее поведение организовано в соответствии с ее собственными установочными целями, многочисленными и в какой-то степени противоречивыми, и что о них можно «догадаться» и с учетом этого действовать, все это, вероятно, находится далеко за пределами его понимания.

Однако такое положение рано или поздно начинает меняться. Наблюдая за поведением матери и тем, как он на него влияет, ребенок начинает догадываться об установочных целях матери и о некоторых планах их достижения. С этого времени его картина мира становится намного более сложной, а поведение — потенциально более гибким. Иными словами, можно сказать, что ребенок начинает понимать чувства и мотивы своей матери. Когда это происходит, закладывается основа для развития более сложных отношений между членами пары, которые я называю партнерством.
Это явно новая стадия развития. Поскольку у меня нет соответствующих данных, можно только догадываться, в каком возрасте она начинается. Трудно поверить, что обычно она начинается ранее двух лет. Для многих детей ее начало, по-видимому, относится примерно к трем годам. Более подробно этот вопрос обсуждается в последней главе.

Трудно сказать, на какой стадии у ребенка возникает привязанность. Ясно, что он не испытывает привязанности, находясь на стадии 1, в то время как на стадии 3 он уже вполне определенно ее проявляет. Можно ли сказать, что он испытывает привязанность, находясь на стадии 2, и если да, то в какой степени? Ответ на этот вопрос зависит от определения привязанности. Далее в этой и в последующих главах делается попытка описать некоторые внутренние процессы и внешние условия, направляющие развитие поведения младенца через все эти последовательные стадии. Прослеживая развитие ребенка, мы будем постоянно обращаться к принципам онтогенеза, уже изложенным нами в гл. 10. Это три тенденции:
а) постепенное сужение диапазона эффективных стимулов;
б) усложнение элементарных систем управления поведением и замена их более совершенными;
в) преобразование и интеграция первоначально не функционирующих систем управления поведением в функциональное целое.
Однако прежде чем отправиться в путешествие с целью изучения онтогенеза, остановимся, чтобы исследовать отправную точку, от которой мы начинаем наш путь, — поведенческое оснащение, с которым младенец приходит в этот мир.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ РЕПЕРТУАР НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

О поведенческом репертуаре малыша в период первых месяцев его жизни написано много абсурдного. С одной стороны, новорожденного описывают так, будто его реакции совершенно не дифференцированы и находятся в зачаточном состоянии; с другой стороны, такие виды представлений и поведения, которые мы относим здесь к стадии 4, приписываются началу младенчества. Способность к научению, которой наделяется ребенок, колеблется от практически нулевой до присущей разве что трехлетнему ребенку. Однако эти мифические представления остались в прошлом. Благодаря кропотливой и трудоемкой работе многих серьезных ученых теперь мы располагаем надежными сведениями о том, что еще недавно было предметом догадок. Читателю, которому захочется узнать об этом больше, мы советуем прочитать следующие исключительно важные обзорные статьи: о поведенческом аппарате младенца — статью Рейнголд (Rheingold, 1968); о его способностях, связанных со зрением и слухом, — Уолтерса и Парка (Walters, Parke, 1965), а также Фанца (Fantz, 1965, 1966); о процессах научения, доступных ребенку, — Липситта (Lipsitt, 1963, 1966).
Эксперименты свидетельствуют о том, что уже при рождении или вскоре после него у ребенка вступают в действие все сенсорные системы. Хотя в первые три-четыре месяца жизни его способность к различению стимулов еще относительно слаба, она все же Намного выше, чем часто считают. Как отмечает Рейнголд: «Тщательные исследования с применением усовершенствованных методик почти всегда приводят к результатам, свидетельствующим о более тонкой чувствительности, чем можно было ожидать». Наряду

со многими интересными данными получены сведения о том, что с первых дней жизни ребенок способен фиксировать взгляд на световом пятне и короткое время следить за ним. В течение нескольких недель он приобретает способность воспринимать зрительные конфигурации (паттерны). Он может различать запахи, а к трем-четырем неделям уже проявляет способность по-разному реагировать на несколько звуков.
В какой степени ребенок способен различать стимулы, становится ясно из наблюдений за тем, меняются ли его реакции в ответ на изменение стимулов. Кроме того, отмечая, как младенец реагирует на различные стимулы, можно также получить ценную информацию о его предпочтениях. Например, одни звуки вызывают у него плач, в то время как другие успокаивают; на одни предметы, которые он видит, он обращает гораздо больше внимания, чем на другие. Вкус отдельных продуктов вызывает у него сосание и блаженное выражение лица, в то время как вкус других — выражение отвращения. Очевидно, что с помощью этих дифференцированных реакций ребенок оказывает немалое влияние на поступление сенсорной информации: существенно увеличивается приток одних ее видов и сводится на нет — других. Вновь и вновь обнаруживается, что эти врожденные тенденции способствуют развитию социального взаимодействия. Особый интерес в этом отношении представляют недавно полученные Фанцем сведения (Fantz, 1965, 1966) о зрительном восприятии, а также более ранние данные Хецера и Тюдора-Харта (Hetzer, Tudor-Hart, 1927), позднее уточненные Вулфом (Wolff, 1963), касающиеся слухового восприятия.
В серии экспериментов Фанца младенцам предъявлялось большое количество разнообразных зрительных стимулов — цветных и черно-белых, с рисунками и без них, объемных и плоских. Всякий раз младенцу на выбор показывали одновременно два стимульных объекта, а длительность рассматривания каждого из них измерялась. В результате Фанц обнаружил, что уже через двое суток после рождения ребенок оказывал явное предпочтение структурированному стимульному объекту (с рисунком)[1] по сравнению с гладким и одноцветным и что схематическое изображение лица младенец предпочитал концентрическим кругам. Начиная с двух месяцев младенцы предпочитают объемные предметы плоским.

[1]Нет никаких оснований утверждать, что новорожденный может различать зрительные паттерны, поскольку существуют данные, что эта способность зависит от неокортекса, который, по-видимому, начинает функционировать не ранее, чем через четыре — шесть недель после рождения (Bronson, 1965). Избирательное поведение, наблюдавшееся Фанцем, может быть результатом того, что новорожденный фиксировал изменения в величине контуров.

В более ранней серии экспериментов Хецер и Тюдор-Харт предъявляли младенцам большой набор разнообразных звуков: громкие и тихие, звуки человеческого голоса и треск, свист, звон посуды. С первых дней дети по-разному реагировали на громкие и тихие звуки. От громких звуков они вздрагивали и хмурились, как если бы испытывали неудовольствие, но когда слышали тихие звуки, то поднимали глаза, спокойно смотрели, медленно протягивали руки и издавали собственные звуки, по-видимому, выражающие удовольствие. Начиная с третьей недели на звук человеческого голоса ребенок реагировал уже совсем по-особому. Услышав голос, младенец начинал сосать и гукать с выражением явного удовольствия. Если же голос переставал звучать, младенец начинал плакать, а также проявлять другие признаки неудовольствия[2].

2Хецер и Тюдор-Харт склонны рассматривать отмечаемые в возрасте трех недель избирательные реакции на женский голос как результат того, что младенец начинает ассоциировать голос с пищей. Однако это не обязательно так. Более того, такое предположение не подтверждается их собственными данными, показывающими, что в том

же возрасте звуки, сопровождающие приготовление бутылочки с едой, не вызывают у ребенка никаких особых реакций.

Таким образом, благодаря избирательной чувствительности, с которой ребенок рождается, различные виды стимулов вызывают у него разные формы поведения, и на одни компоненты внешней среды ребенок обращает больше внимания, чем на другие. Но не только это. Поскольку благодаря обратной связи результаты поведения оказывают дифференцированное воздействие на будущее поведение, некоторые формы поведенческой последовательности быстро усиливаются (на основе подкрепления), в то время как другие, наоборот, ослабевают (в силу действия механизмов угашения). Оба эти процесса можно наблюдать у младенцев уже на второй или на третий день их жизни (Lipsitt, 1966), а их результаты, накапливаясь в течение первых недель и месяцев, очевидно, могут иметь серьезные и далекие по времени последствия.

Раньше считалось, что модификация поведения младенца происходит главным образом в зависимости от того, получает или не получает ребенок пищу в результате своего поведения. Сосредоточение на пищевом подкреплении привело исследователей к двум негативным последствиям: спекулятивному теоретизированию, конечно же, ошибочному, а также к игнорированию до недавнего времени других видов подкрепления, в том числе таких, которые, вероятно, в развитии социальной привязанности играют значительно большую роль, чем пища. Даже в случае с реакцией сосания, в отношении которой прием пищи действует как усиливающий фактор, что совсем не удивительно, не только результат может усилить реакцию, но и форма предмета, который сосет младенец, тоже имеет значение, что показал Липситт (там же).

Далее в этой главе рассматриваются разные формы поведения, опосредствующие проявления привязанности. Во-первых, существует перцептивный аппарат младенца и определенные средства ориентировки младенца на мать, которые дают ему возможность «познакомиться» с ней. Во-вторых, имеется эффекторный аппарат — кисти рук и ступни ног, голова и рот, с помощью которых реализуется физический контакт ребенка с матерью. В-третьих, у младенца есть сигнальный аппарат — плач и улыбка, лепет и жесты, которые оказывают поразительно сильное влияние на ее уход за ребенком, а также передвижения. Рассматривая каждый из этих аппаратов, мы обращаем особое внимание на ход их развития в первые месяцы жизни, когда младенец находится на начальной стадии образования привязанности — стадии «недифференцированной ориентировки и адресации сигналов любому лицу». Обсуждение факторов, оказывающих влияние на развитие привязанности, как известных, так и предполагаемых, приводится далее.

ПЕРВЫЕ РЕАКЦИИ НА ЛЮДЕЙ

Ориентация на мать

Новорожденные не реагируют на людей как таковых. Однако, как мы уже видели, их перцептивный аппарат хорошо приспособлен к тому, чтобы избирательно воспринимать исходящие от людей стимулы, а их аппарат реагирования способен определенным образом отвечать на такие стимулы. Обнаружено, что очень часто младенцы ведут себя так, чтобы максимально усилить восприятие исходящих от людей зрительных стимулов. Мы уже приводили примеры склонности младенцев смотреть на зрительные конфигурации или, по крайней мере, на их контуры, особенно если они напоминают человеческое лицо, и отличали их тенденцию вслушиваться в звуки человеческого голоса, особенно женского, и плакать, когда он перестает звучать. Еще одна тенденция, присутствующая с самых первых дней жизни ребенка, — это предпочтение всего, что движется неподвижным предметам.

Однако не только младенцы ведут себя особым образом по отношению к людям, но и поведение матери в отношении младенцев также обладает отличительными чертами. Она часто придает ребенку такое положение, при котором его лицо оказывается прямо перед ее лицом, — тем самым мать дает ему возможность смотреть на нее. Убаюкивая ребенка, она держит его в вентро-вентральном положении («живот к животу»), что, по-видимому, вызывает у него рефлекторные реакции, более точно ориентирующие его по отношению к ней, а также дает ему возможность использовать для цепляния рот, руки и ноги. И чем больше опыт каждого члена пары в такого рода взаимодействии, тем ярче становятся их реакции. Взаимодействие между матерью и ребенком начинается именно с таких реципрокных реакций.
Рассмотрим далее поведение младенца, связанное со зрительным восприятием, а также, каким образом оно способствует взаимодействию ребенка и матери. Во время кормления грудью глаза новорожденного остаются открытыми и он чутко на все реагирует. Часто его взгляд сосредоточивается на лице матери (Gough, 1962; Spitz, 1965). В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что у ребенка имеется предпочтение определенного рода паттернов и что в первые недели жизни он может фиксировать взгляд только на предметах, находящихся на расстоянии 20—25 см от его глаз (Haynes, цит. по: Fantz, 1966). Кроме того, с появлением способности к фиксации взгляда на предмете он начинает следить за ним глазами и поворачивать голову — сначала изредка и малоуспешно, но в возрасте двух-трех недель уже чаще и эффективнее (Wolff, 1959). Лицо матери, кормящей своего младенца, находится в идеальном положении для того, чтобы он фиксировал на нем взгляд и следил за ним глазами[1].

---

[1]Д-р Мэри Эйнсворт (из личной беседы) считает, что существует тенденция преувеличивать длительность времени, в течение которого младенец пристально смотрит на свою мать во время кормления. Она приводит следующие наблюдения: «Во время нашего исследования взаимодействия между матерью и ребенком, проведенном в Балтиморе, мы особенно внимательно следили за взглядом младенца во время кормления. Хотя мы еще систематически не анализировали свои данные и хотя новорожденные могут отличаться от детей постарше, совершенно ясно, что дети в возрасте месяца и более обычно не фиксируют свой взгляд на лице матери во время кормления их грудью или из бутылочки. В некоторых случаях это, кажется, объясняется положением ребенка... но часто, когда у него есть возможность смотреть на свою мать, он пристально вглядывается в пространство или дремлет с полузакрытыми глазами».

К четырем неделям у младенца уже прочно устанавливается зрительное предпочтение человеческого лица по сравнению с другими объектами (Wolff, 1963). Это же подчеркивает и Макгроу (McGraw, 1943), которая изучала развитие зрительной конвергенции. Она отмечала, что лицо, находящееся в определенном положении по отношению к ребенку, вызывает у него зрительную конвергенцию намного легче, чем неодушевленный предмет. Нельзя исключить, что отмеченное ею предпочтение объясняется просто тем, что человеческое лицо — более структурированный объект (на нем больше контуров), чем другие предметы, которые она использовала в эксперименте. Это возможно, потому что, как обнаружил Берлайн (Berlyne, 1958), по крайней мере, начиная с трех месяцев, младенцы имеют особую склонность рассматривать любой сложно структурированный предмет. Кроме того, большое значение имеют движения, связанные с изменением выражения лица. Вулф (Wolff, 1963) утверждает, что «до двух месяцев основным фактором является движение».
В самом раннем возрасте имеет место не только зрительное предпочтение человеческого лица, но и (начиная с четырнадцати- недельного возраста), явное предпочтение именно лица матери, по крайней мере, в определенных условиях. Более того, Эйнсворт

наблюдала, как дети из племени ганда, начиная с восемнадцати недель, находясь на руках у кого-то из взрослых, продолжают смотреть на мать, даже если она находится на некотором расстоянии от них.

«Грудной ребенок, находящийся неподалеку от матери и имеющий возможность ее видеть, почти не отрывает от нее глаз. Он может отвлечься на несколько мгновений, но после этого снова переведет на нее свой взгляд. Когда его держит на руках не мать, а кто-то другой, можно наблюдать, что всем своим телом он остается ориентирован в сторону матери. Он не готов ни взаимодействовать со взрослым, который держит его на руках, ни расслабиться» (Ainsworth, 1964)[1].

---

[1]Вопрос о конкретных условиях, когда младенцы предпочитают смотреть на мать или, наоборот, рассматривать незнакомых людей, требует дальнейших исследований.

Такой ход развития определяется действием, по крайней мере, четырех факторов:
а) врожденной избирательности зрительного восприятия — предпочтением сложно структурированных паттернов и движущихся предметов;
б) научения через воздействие, благодаря которому ребенок начинает отличать знакомое от незнакомого;
в) врожденной склонности к приближению к чему-то знакомому (а несколько позднее — и удаление от незнакомого);
г) обратной связи, поступающей от результатов поведения, благодаря которой поведение усиливается, если за ним следуют одни результаты, и ослабевает, если за ним следуют другие.

Традиционно считалось, что результатом, играющим основную роль в усилении того или иного поведения младенца, является пища. Однако мы не располагаем данными, которые свидетельствовали бы о том, что пища действительно усиливает зрительные ориентировочные реакции ребенка на мать. Скорее можно говорить о том, что чем больше младенец наблюдает за матерью, тем выше вероятность, что она подойдет к нему, поговорит, споет, погладит или обнимет его. Очевидно, именно благодаря обратной связи с системами, управляющими такими результатами поведения ребенка, происходит усиление его зрительных ориентировочных реакций и наблюдения. Этот вопрос обсуждается далее.

Для ребенка интересно и полезно (в плане получения чего-то приятного) не только наблюдать за матерью, но ее также интересно и полезно слушать. Уже говорилось о том, какое успокаивающее действие на трехнедельного младенца оказывает женский голос. Помимо этого, голос способен вызвать у него поворот головы и голосовые реакции, выражающие удовольствие. Вулф (Wolff, 1959) обнаружил, что такого рода дифференцированные реакции проявляются уже в течение первых суток после рождения.

«В ответ на отчетливый резкий звук, раздавшийся в тишине детской комнаты, насторожившийся младенец, до этого пассивный, повернул головку и посмотрел налево и направо, как если бы хотел установить источник звука... тихий звук вызвал у него еще более определенные движения, направленные на поиск источника, чем громкий звук».

Очевидно, что начало развития дифференцированных реакций на человеческий голос относится именно к этому возрасту, т.е. к трем неделям.

Так же как в случае со зрительным сосредоточением и слежением, внимание ребенка к слуховым стимулам и их поиск усиливаются, вероятно, благодаря обратной связи и процессам научения. С одной стороны, интерес ребенка к голосу матери побуждает ее больше разговаривать с ним; с другой — сам факт, что внимание ребенка к матери влечет за собой увеличение ее вокализаций и других форм поведения, направленных на ребенка, способствует тому, что младенец обращает еще больше внимания на издаваемые ею

звуки. Очевидно, в результате такого обоюдного влияния голосовое и слуховое взаимодействие между матерью и младенцем усиливается.

Реакции поворота головы и сосания

Основные части тела, с помощью которых младенец осуществляет физический контакт с другим человеком, — это голова, рот, кисти рук и ступни.

Движения головы, посредством которых новорожденный находит ртом сосок материнской груди, были подробно исследованы Прехтлем (Prechtl, 1958). Он различает две основные формы такого поведения. Обе он называет «поисковыми» («rooting»)[1]*, хотя этот термин, возможно, лучше подходит для первой из них.

[1]*В отдельных источниках этот термин переводится на русский язык как «роющее» поведение. — *Примеч. ред*.

Первое движение — в виде чередующихся поворотов головы из стороны в сторону — является паттерном фиксированного действия. Его могут вызвать многообразные тактильные стимулы, воздействующие на широкий участок кожи вокруг рта. Если ребенок голоден, оно также может предстать как «активность вхолостую». Хотя это движение меняется по частоте и амплитуде, по форме оно стереотипно и на него не влияет конкретная зона стимуляции.

Вторая форма поведения — направленный поворот головы — организована на основе более сложных механизмов. Когда тактильный стимул воздействует на участок кожи непосредственно возле губ, ребенок поворачивает голову в направлении стимула. Более того, если сначала довольно продолжительное время воздействовать на определенную точку на коже, а затем начать перемещать этот стимул, за ним последует поворот головы. Это показывает не только то, что движение вызывают тактильные стимулы, но и то, что его форма и направление постоянно регулируются конкретным местом воздействия этих стимулов.

В то время как паттерн фиксированного действия поворачивания головы из стороны в сторону можно легко вызвать у недоношенных детей начиная с двадцати восьми недель, направленный поворот головы развивается значительно позднее. Даже среди доношенных детей только две трети младенцев способны поворачивать голову в определенную сторону. Большинство из тех, у кого это не наблюдается, проходят стадию, на которой присутствуют обе формы движения; однако у меньшей части детей существует разрыв в один день (и более) между исчезновением паттерна фиксированного действия и появлением регулируемого движения.

Любое из этих двух движений младенца, если оно имеет место в зоне эволюционной адаптированности, приводит к одному и тому же прогнозируемому результату — приему пищи. В каждом случае последовательность поведенческих актов, организованная в виде цепочки (Prechtl, 1958), такова:

а) в результате движений головы происходит соприкосновение рта младенца и соска материнской груди;

б) в результате воздействия тактильного стимула на губы или непосредственно на прилегающую к ним зону, рот ребенка открывается, а губы захватывают сосок;

в) тактильная стимуляция любой точки в области рта и, вероятно, особенно твердого неба (Gunther, 1961), вызывает сосательные движения;

г) попав в рот, молоко вызывает глотательные движения.

Обратите внимание на такую последовательность: движение головы, хватание соска, сосание — все это до получения пищи. Как подчеркивает Гунтер:

«Распространенное мнение о том, что ребенок ест, потому что голоден, не выдерживает критики. Если вы вложите соску от пустой бутылочки в рот ребенка даже сразу после его

рождения, он попробует сосать. Совершенно противоположное происходит, если ребенку попробовать дать молоко с чайной ложки — оно просто стечет по уголкам рта».

Как только у новорожденного возникает поведение, связанное с приемом пищи, кормления с помощью последовательности, организованной в виде цепочки, это поведение начинает изменяться и развиваться. Например, как показывают исследования Липситта (Lipsitt, 1966), в первые дни жизни интенсивность сосания у младенца может увеличиваться или уменьшаться. В увеличении интенсивности сосания важным фактором, естественно, является пища. Например, объект неудобной формы для сосания, дающий, однако, пищу, ребенок будет сосать интенсивнее, чем такой же объект, из которого не поступает пища. Тем не менее пища — далеко не единственный фактор, улучшающий сосание: форма объекта, который сосет младенец, также имеет немаловажное значение. Если форма традиционная, например резиновая соска, то ребенок сосет ее с удовольствием, интенсивность сосания увеличивается, даже когда пища не поступает из него; если форма резко отличается от традиционной, например резиновая трубка, и пища из нее не поступает, младенец сосет менее охотно и с падающей интенсивностью.

Еще одна форма развития, встречающаяся в первые дни жизни, — начало ориентации младенца на грудь или бутылочку в предвосхищении того, что его лицо и рот соприкоснутся с ней. Колл (Call, 1964) наблюдал эту предвосхищающую ориентацию уже в ходе четвертого кормления, а к двенадцатому она становится вполне обычной. С ее появлением младенец открывает рот и протягивает свою свободную руку ко рту и приближающейся материнской груди. Это происходит как только его кладут в положение для кормления, т.е. когда его тело (но не лицо!) уже соприкасается с телом матери. У нескольких из наблюдавшихся детей такая ориентация развивалась медленно. Это были младенцы, которые при кормлении находились в минимальном контакте с телом матери. Сначала предвосхищающие движения ребенка вызывает не вид груди или бутылочки, а тактильные и/или проприоцептивные стимулы, которые воздействуют на него, когда его кладут в положение для кормления. Лишь с третьего месяца жизни его предвосхищающие действия начинают направляться зрительным восприятием (Hetzer, Ripin, 1930).

Так как направленный поворот головы, который описал Прехтль, особенно легко вызвать, когда ребенок голоден, поскольку он приводит к контакту рта с соском, очевидно, что он является компонентом процесса кормления. Однако, кроме этого, направленный поворот головы обеспечивает ориентацию ребенка на мать, даже вне ситуации кормления. На это обратил внимание Блауфельт. Используя методику хронометража движений, Блауфельт и Маккенна (Blauvelt, McKenna, 1961) показали, с какой точностью младенец поворачивает голову, реагируя на стимулы. Например, если тактильный стимул движется от уха по направлению ко рту, ребенок поворачивает голову навстречу ему; и наоборот, если стимул перемещают от рта к уху, ребенок поворачивает голову вслед за движением стимула. В обоих случаях результат одинаков — лицо ребенка обращено к стимулу.

Хватание, цепляние и достижение физического контакта

Способность новорожденного ребенка к цеплянию, позволяющая ему выдерживать свой собственный вес, уже отмечалась; было также показано, что эта поведенческая реакция гомологична цеплянию, которое свойственно низшим и человекообразным обезьянам. Исследования последних лет подтверждают эту точку зрения и проливают свет на то, как направленное цепляние младенцев, характерное для более позднего периода развития, берет свое начало из определенных примитивных реакций, имеющихся в репертуаре поведения новорожденного. Две из этих примитивных реакций — реакция Моро и реакция хватания.

В 1918 г. немецкий педиатр Э. Моро впервые описал *Umklammemngs-Rejlex* (рефлекс обнимания), теперь широко известный под названием реакция Моро. Согласно Прехтлю (Prechtl, 1965), «это весьма сложный паттерн, состоящий из нескольких компонентов». Данная реакция возникает, когда ребенка внезапно встряхивают, начинают качать, поднимают или опускают. Вызывающая реакцию стимуляция, безусловно, имеет

вестибулярный характер, но может также быть и проприоцептивной, идущей от шеи младенца.
В связи с данной реакцией возникло немало противоречивых мнений — как по поводу характера и последовательности образующих ее движений, так и по поводу ее места и функции в поведенческом репертуаре младенца. Знаменательно, что большая часть затруднений и противоречий возникла из-за того, что обычно эта реакция изучалась в условиях, отличных от Зоны эволюционной адаптированности ребенка. Между тем, когда движения исследуются в соответствующей (с биологической точки зрения) обстановке, проблемы видятся в новом свете и их решение становится яснее.
Обычно реакция Моро возникает, когда ручки младенца ничего не захватывают. Тогда реакция, как правило, проходит две стадии, на первой из которых имеют место абдукция[1]* и выпрямление рук, а также отдельных пальцев, а на второй — аддукция[2]* рук; в это время ноги выпрямляются и сгибаются не очень согласованно.

---

[1]* Абдукция (лат.) — отведение конечности наружу от средней линии тела. — *Примеч. ред.*
[2]* Аддукция (лат.) — приведение конечности к средней линии тела. — *Примеч. ред.*

Однако Прехтль показал, что реакция Моро протекает совершенно иначе, если ее вызывают в момент, когда ребенка держат таким образом, что во всей руке, в том числе и в кисти, происходит сокращение мышц, благодаря чему достигается хватательный рефлекс ладони. Если в таком положении ребенка внезапно опускают, то выпрямления рук не происходит (или почти не происходит), а вместо этого имеет место сильное сгибание и значительное усиление реакции цепляния. Прехтль делает вывод, что вызывать реакцию Моро, когда руки ребенка свободны, — значит исследовать ее в биологически неадекватных условиях, что приводит к странному двигательному паттерну, назначение которого трудно понять. Но стоит рассмотреть реакцию Моро у ребенка в связи с цеплянием приматов, как она становится вполне объяснимой. Эти новые данные, продолжает Прехтль, «согласуются с результатами наблюдений над молодыми макака-резусами... Быстрое передвижение обезьяны-матери вызывает у детеныша усиленное цепляние и хватание за мать, помогающие ему удержаться и не упасть». Моро был прав, считая, что функция этой реакции в том, чтобы «обнимать» мать.
Реакцию хватания у младенцев изучали Халверсон (Halverson, 1937) и Денни-Браун (Denny-Brown, 1950, 1958). Последний различает три типа этой реакции, причем у каждого типа организация реакции имеет свой уровень сложности.
Самый простой тип — это реакция сокращения мышц, которая заключается в сгибании кистей рук и ступней, когда висящего в воздухе младенца внезапно опускают вниз.
Следующий по сложности тип реакции — это *собственно рефлекс хватания,* который осуществляется в два этапа. Первый этап — слабое сгибание кисти руки или ступни в ответ на воздействие тактильных стимулов на ладонь. Второй этап — сильное сгибание — вызывает проприоцептивная стимуляция, поступающая из мышц, занятых в первоначальном сгибании.
Ни реакция сокращения мышц, ни рефлекс хватания не имеют определенной пространственной ориентации. В то же время третий тип — инстинктивная реакция хватания, которая развивается несколькими неделями позднее, имеет ее. Как и в рефлексе хватания, в ней можно выделить два этапа. Первый этап, который вызывает прекращение тактильного контакта, состоит в движении кисти руки под прямыми углами к последней точке контакта, что создает впечатление поиска на ощупь (groping). Второй этап — это быстрое сжимание ладони, как только он снова получает тактильную стимуляцию.
На более поздней стадии все эти формы реакции хватания замещаются более сложными. В частности, хватание начинает контролироваться зрением. У младенца исчезает

непроизвольное хватание любого первого попавшего в ладонь предмета. Вместо этого он становится способен избирательно схватывать какой-то определенный предмет, который он видит и хочет взять.

Уайт, Касл и Хелд (White, Castle, Held, 1964) изучали, как хватание постепенно начинает подчиняться зрительному контролю. Эти исследователи обнаружили, что только с двух месяцев у младенца появляется способность координировать движения руки (в том числе ее кисти) с тем, что он видит. На втором и третьем месяце жизни ребенок тянется к движущемуся предмету, ударяет по нему кулачком, но не делает попыток схватить его. Однако к четырем месяцам протягиваемая им ладонь уже разжата и ребенок поочередно смотрит то на предмет, то на руку по мере приближения ее к предмету и, наконец, хватает предмет. Если вначале его движения неловки, то через несколько недель они уже скоординированы между собой, так что ребенок протягивает руку к предмету и одним быстрым движением хватает его.

К этому моменту ребенку исполняется пять месяцев. Он уже не только способен узнавать свою мать, но также адресует ей большую часть своего социального поведения. Он тянется к ней, хватается за разные части ее тела, особенно за волосы и т.д. Однако он начинает по-настоящему цепляться за нее не ранее, чем через месяц или два, особенно если встревожен или плохо себя чувствует. Эйнсворт наблюдала такое цепляние у детей из племени ганда, причем у некоторых оно не появлялось до девяти месяцев. С этого возраста малыши цеплялись за матерей при виде незнакомого человека, причем особенно сильно, если мать пыталась передать ему ребенка.

Анализируя результаты своих экспериментов, касающихся развития хватания, направляемого зрением, Уайт, Касл и Хелд приходят к выводу, что свой вклад в этот процесс вносит каждая из ряда относительно самостоятельных двигательных систем:

«К ним относятся зрительно-двигательные системы глаз — рука и глаз — кисть руки, а также тактильно-двигательная система кистей рук. Очевидно, что эти системы развиваются в разное время... и могут оставаться относительно изолированными друг от друга... постепенно они координируются в сложную, превосходящую все остальные систему, соединяющую в себе качества отдельных систем».

Авторы утверждают, что это развитие зависит от некоторых видов спонтанной активности, которая обычно имеет место у ребенка, растущего в семейной обстановке. Примером служит непроизвольное хватание и манипулирование своими ручками: когда эти движения управляются визуально, зрение и осязание связаны «с помощью системы двойной обратной связи. Глаза не только видят то, что руки осязают, т.е. одна рука ощущает другую, но и каждая рука одновременно ощупывая другую, сама чувствует при этом ее касания». В то же время если бы у ребенка не было возможности получить активный опыт такого рода, то, вероятно, обычная координация систем, необходимая для достижения контакта, направляемого зрением, никогда бы не происходила или происходила бы поздно и весьма несовершенно. Это еще одна иллюстрация общего принципа, согласно которому самые сильные тенденции развития поведения детеныша животного не реализуются вне зоны эволюционной адаптированности вида, к которому он принадлежит.

Улыбка

Улыбка младенца действует настолько подкупающе и производит такое сильное впечатление на родителей, что неудивительно, как много ученых, начиная с Дарвина (Darwin, 1872), делали ее предметом своего анализа. Обзор обширной литературы на эту тему содержится в работе Фридмана (Freedman, 1964), а Амброуз посвятил ей подробный критический анализ (Ambrose, 1960).

Раньше считалось, что двигательный паттерн улыбки младенца возникает в результате процесса научения, а основным фактором, побуждающим ребенка улыбаться какому-либо человеку, является то, что этот человек его кормит. Ни та, ни другая точка зрения не находят себе фактического обоснования. В наши дни наибольшее эмпирическое

подтверждение имеют следующие представления. 1. Двигательный паттерн улыбки относится к той категории реакнием глаз (оно вызывается сокращением мышц вокруг глаз, из-за которых возникают морщинки в их уголках). Часто движение наблюдалось на одной стороне лица. Эти самые ранние, неполные и не имеющие функционального результата улыбки время от времени появляются спонтанно, но их можно также и вызвать. Спонтанные улыбки детей в первые недели их жизни наблюдаются «именно в тот момент засыпания, когда закрываются глаза» (Wolff, 1963). Оснований предполагать, что причиной их служат дуновения воздуха, нет, поэтому до получения каких-либо сведений их лучше рассматривать как «активность вхолостую». У большинства младенцев эти спорадические, спонтанно возникающие улыбки-гримасы после первого месяца жизни не наблюдаются (Freedman, 1965).
Вулф отмечает, что в течение первых двух недель жизни почти единственным состоянием, в котором у него можно вызвать улыбку, является состояние спокойного, но прерывистого сна. Однако во время второй из этих двух недель улыбку можно также вызвать, когда ребенок сыт, а его глаза открыты, и он смотрит в пространство пустым, как бы застывшим взглядом. В обоих этих состояниях слабую улыбку иногда можно вызвать легким поглаживанием щеки или живота ребенка, воздействием мягкого света, направленного в глаза, или тихим звуком. Но реакция эта носит довольно неопределенный характер, имеет длительный латентный период, и если ее удается вызвать, то после этого в течение некоторого времени отсутствуют всякие иные реакции. В течение первой недели разные звуки вызывают примерно одинаковый эффект, но в течение второй недели человеческий голос становится, по-видимому, несколько эффективнее других звуков, например, звуков колокольчика, свистка или погремушки.
Поскольку в течение первых двух недель все улыбки ребенка, как вызванные, так и спонтанные, имеют мимолетный или неполный характер, они оказывают весьма незначительное влияние на наблюдателей. Другими словами, они не имеют функционального значения.
Стадия социальной улыбки, адресуемой любому лицу. Вулф обнаружил, что начало новой стадии обычно приходится примерно на четырнадцатый день жизни и что сама стадия, как правило, четко устанавливается к концу пятой недели. Она сопровождается двумя значительными изменениями: а) теперь улыбается живой и ясноглазый малыш; б) движения его рта становятся шире, чем раньше, и он щурит глаза. Кроме того, теперь уже очевидно, что легче всего улыбку вызывают стимулы, исходящие от человека. Тем не менее эта реакция остается медленной и длится недолго.
На третьей неделе жизни наиболее эффективно (регулярно) эту примитивную социальную улыбку вызывает слуховой стимул, обычно это человеческий голос, особенно высокого тембра. Вулф обнаружил, что к концу четвертой недели женский голос действует настолько эффективно, что может вызвать у ребенка улыбку, даже когда тот плачет или сосет молоко из бутылочки. Когда младенец плачет, «первая фраза, обращенная к нему [говорящей с ребенком женщиной], обычно прекращает плач; вторая фраза заставляет его прислушиваться; а третья — может вызвать у него настоящую улыбку». Когда ребенок сосет из бутылочки, то даже в первую минуту, услышав голос, он может прервать сосание, широко улыбнуться, а затем снова вернуться к своей еде.
До конца четвертой недели зрительные стимулы все еще практически не играют никакой роли в появлении улыбки. Их роль пока ограничивается тем, чтобы сделать звук человеческого голоса немного более эффективным. Например, вид кивающей головы усиливает действенность голоса, но сам по себе он не производит какого-либо явного эффекта.
На пятой неделе голос, служивший до этого времени самым действенным стимулом, теряет большую часть своей способности вызывать улыбку. С этого времени самым эффективным и привычным стимулом, вызывающим улыбку, становится лицо человека.

Впоследствии именно в ходе радостного зрительного взаимообмена улыбками улыбка ребенка обретает свое значение.
Примерно в этом же возрасте, когда зрительные стимулы начинают играть такую важную роль, также усиливается влияние проприоцептивных и тактильных стимулов. Например, на четвертой и пятой неделе жизни, как обнаружил Вулф, проприоцептивная и тактильная стимуляция, возникающая в ходе игры «в ладушки», становится вдруг исключительно действенной в плане вызова улыбки, даже в том случае, когда ребенок не может ни видеть, ни слышать играющего с ним человека.
До того как младенец начинает улыбаться тому, что видит, он обычно проходит через стадию длительностью в несколько дней или неделю, во время которой он пристально всматривается в лица. Во время первых трех недель жизни ребенок может смотреть на лицо и даже следить за ним, но при этом он, по-видимому, не фокусирует на нем свой взгляд. Однако, когда ребенок достигает возраста трех с половиной недель, у наблюдателя создается совершенно другое впечатление. Вулф отмечает, что с этого времени младенец уже может четко фокусировать взгляд на лице человека, с которым общается, и смотреть ему в глаза. Трудно сказать, какая именно перемена здесь происходит, но ее влияние на человека, находящегося с ребенком, очевидно. Когда Вулф в течение двух-трех дней наблюдал это изменение во взгляде ребенка, мать малыша тоже стала его отмечать: «Теперь он может меня видеть» или «Теперь с ним интересно играть». Одновременно она начала уделять игре с ребенком гораздо больше времени[1].

---

[1]Такая же последовательность событий описана Робсоном (Robson, 1967). Сдвиг, по словам Бронсона (сведения из личной беседы) может быть надежным сигналом о появлении контроля со стороны неокортекса.

На протяжении четвертой недели пристальный взгляд ребенка становится обычным явлением, а у некоторых детей можно также заметить первые улыбки, возникшие в ответ на зрительную стимуляцию. Однако у большинства младенцев это происходит на пятой неделе.
С самого начала первостепенное значение имеют глаза человека, осуществляющего уход за ребенком:
«Сначала ребенок рассматривает лицо, останавливая взгляд на волосах, линии рта и на других чертах лица, а затем, с установлением зрительного контакта, он улыбается. Все другие дети, у которых то же самое поведение появлялось позднее, следовали тому же паттерну — рассматривали все лицо, а затем сосредоточивали свой взгляд на глазах и улыбались» (Wolff, 1963).
К концу пятой недели почти все младенцы улыбаются при виде лица, причем их улыбки сохраняются дольше. Более того, улыбки сопровождаются лепетом, размахиванием ручками и брыканием ножками. С этого времени мать воспринимает своего малыша по-новому.
Хотя социально адресованная улыбка в период второго и третьего месяца жизни наблюдается почти у всех детей, она все еще возникает довольно медленно, выражена не очень ярко и сохраняется в течение относительно короткого времени. Однако с четырнадцати недель большинство детей становятся гораздо улыбчивее — они улыбаются с большей готовностью, выразительнее и дольше, чем раньше (Ambrose, 1961).
С момента, когда улыбка начинает возникать в ответ на зрительные стимулы, наиболее эффективным из них становится подвижное человеческое лицо, особенно когда оно хорошо освещено и приближается к ребенку, и тем более когда одновременно с этим ребенок слышит голос и чувствует прикосновение. Другими словами, ребенок лучше и больше всего улыбается, когда он видит подвижную фигуру, которая на него смотрит, приближается к нему, разговаривает с ним и гладит его (Polak, Emde, Spitz, 1964).

Насколько младенец способен улыбаться в ответ на какие-либо иные стимулы, кроме лица, неизвестно. Некоторые ученые, проводившие эксперименты, в том числе Шпиц, отмечают, что дети не улыбаются при виде своей бутылочки. В то же время, Пиаже (Piaget, 1936) наблюдал, что малыши в возрасте десяти — шестнадцати недель улыбаются своим привычным игрушкам — маленьким войлочным и целлулоидным мячикам. Описывая результаты своих наблюдений, Пиаже особо подчеркивает значение фактора узнаваемости объектов ребенком, т.е. знакомы они ему или нет, и делает вывод: «Улыбка — это главным образом реакция на знакомые образы, на то, что он уже видел». От этого вывода он переходит к другому: причина, по которой ребенок постепенно начинает реагировать улыбкой только на людей, заключается в том, что именно люди «представляют собой те знакомые объекты, которые вновь и вновь появляются перед ребенком».
Взгляды Пиаже, который придает такое большое значение фактору узнаваемости объекта, находят подтверждение во многих более поздних работах (см. гл. 10). Однако его убеждение, что этот фактор является основным или единственным, в силу которого улыбка ребенка предназначается только людям, вряд ли соответствует истине. Как уже говорилось, более вероятной представляется ситуация, когда ребенок приходит в этот мир с определенными внутренне заданными склонностями, одной из которых является предпочтение смотреть на человеческое лицо, а не на другие объекты. Еще одна склонность младенца — с большей готовностью улыбаться при виде лица человека, особенно когда оно подвижно.
Со времени написания классической работы Кэйла (Kaila, 1932), а также статьи Шпица и Вольф (Spitz, Wolf, 1946) многие исследователи стремились установить, почему именно человеческое лицо обладает такой способностью вызывать улыбку у младенца. В истолковании результатов этой работы необходимо различать достаточный стимул и оптимальный. Любой стимул, способный вызвать улыбку, даже случайную, можно назвать достаточным, но по многим критериям ясно, что он далек от оптимального. В целом, эффективно действующий стимул вызывает широкую улыбку, которая быстро появляется и долго сохраняется; слабый стимул вызывает улыбку, которая появляется медленно, а исчезает быстро, причем имеет низкую интенсивность (Polak et al., 1964).
Хотя подвижное человеческое лицо вскоре становится оптимальным зрительным стимулом, в течение полугода — в возрасте от двух до семи месяцев — определенные схематические изображения лиц иногда бывают достаточными, чтобы вызвать улыбку. У этих схематических изображений есть одна общая особенность — пара точек, обозначающих глаза. Весьма убедительные данные об этом согласуются с наблюдениями Вулфа, который считал, что главным фактором, вызывающим улыбку, является возможность младенца видеть глаза человека, который осуществляет за ним уход. Это также согласуется с подтвержденными данными о том, что лицо в профиль не вызывает улыбки.
В серии экспериментов с использованием различного рода масок Аренс (Ahrens, 1954) обнаружил, что на втором месяце жизни ребенок реагирует улыбкой на пару черных точек, нарисованных на картонном листе размером с человеческое лицо, и что лист с шестью точками более эффективен, чем с двумя. Он обнаружил также, что даже на третьем месяце жизни ребенок будет улыбаться маске, на которой изображены только глаза и брови, без признаков рта и подбородка. По мере взросления ребенок будет реагировать улыбкой на маску только в том случае, если на ней каждый раз будет появляться все больше и больше деталей, а с восьми месяцев реакция улыбки появляется только на живое человеческое лицо.
Хотя эти эксперименты показывают, что примерно до семи месяцев ребенок не слишком различает, кому он улыбается, не следует думать, что он вообще ничего и никого не различает. Напротив, на основе критериев латентного периода, интенсивности и длительности улыбок Полак и его коллеги (Polak et al., 1964) обнаружили, что уже к концу

третьего месяца ребенок отличает настоящее лицо от цветной фотографии в натуральную величину. Хотя фотография продолжает оставаться для него достаточным стимулом, чтобы вызвать улыбку, этот стимул далеко не оптимален. При виде человеческого лица его улыбки появляются быстрее, сохраняются дольше и проявляются ярче.
Улыбаются и слепые младенцы. Наблюдения за тем, как происходит у них развитие улыбки, проясняет некоторые процессы, происходящие у зрячих малышей (соответствующие наблюдения и обзор литературы содержатся в работе: Freedman, 1964). У слепых младенцев голос и прикосновение являются главными стимулами, вызывающими улыбку, причем достаточно эффективен даже один голос. Тем не менее до шести месяцев они обычно не улыбаются. В отличие от достаточно уверенной улыбки зрячих младенцев, у слепых детей они долго остаются чрезвычайно мимолетными, такими же, как у сонных детей в первые недели жизни. Прежде чем их улыбки приобретут уверенный характер, что происходит примерно в шесть месяцев, слепые малыши проходят стадию, когда их улыбки представляют собой последовательность быстрых рефлекторных реакций.
Таким образом, у слепых младенцев человеческий голос в качестве стимула, который у зрячих детей играет главную роль только в течение первых недель, продолжает выполнять свою роль также и в более старшем возрасте. Однако голоса недостаточно для того, чтобы вызвать уверенную улыбку, наблюдаемую у зрячих детей, до достижения слепым ребенком шестимесячного возраста. Это подтверждает точку зрения, сложившуюся в результате наблюдений за зрячими детьми: улыбку зрячего ребенка после достижения им пятинедельного возраста, поддерживает восприятие определенных зрительных паттернов. Например, улыбка зрячего ребенка может сохраняться до тех пор, пока он видит ухаживающего за ним человека в фас, но как только человек поворачивается в профиль, улыбка исчезает.
Стадия избирательно направленной социальной улыбки. Уже к четвертой неделе жизни младенец улыбается более регулярно, когда слышит голос своей матери, чем голос кого-либо другого (Wolff, 1963). Однако в отношении зрительных стимулов он еще долго не обнаруживает способности к их различению. До конца третьего месяца ребенок одинаково широко улыбается и при виде незнакомого человека, и при виде матери. Малыши, находящиеся в детском учреждении, не способны реагировать по-разному на знакомое и незнакомое лицо до конца пятого месяца жизни (Ambrose, 1961).
Как только ребенок начинает отличать знакомое лицо от незнакомого, он уже меньше улыбается незнакомому. Например, если в возрасте тринадцати недель малыш может широко улыбаться даже при виде неподвижного лица незнакомого человека, то две недели спустя он может не улыбаться ему совсем. С другой стороны, своей матери он улыбается так же широко, как и прежде и, вероятно, даже еще шире. Амброуз (там же) обсуждал некоторые из многих возможных объяснений этому изменению реакций. В то время как тревога при виде незнакомого человека, безусловно, играет роль в третьей и четвертой четверти первого года жизни, маловероятно, чтобы во второй четверти она была бы основным фактором. Не тревога, а ласковое обращение с ребенком матери в ответ на его улыбку или даже просто ее присутствие оказывают главное влияние.
Полученные данные свидетельствуют о следующем: когда в ответ на свою улыбку младенец получает нежность и ласку, он начинает улыбаться более интенсивно. В эксперименте Брэкбилл (Brack- bill, 1958) были задействованы восемь трехмесячных младенцев, которые улыбались в ответ на появление ее лица. Каждый раз, когда малыш улыбался, она улыбалась ему в ответ, говорила с ним ласковым голосом, брала его на руки и крепко прижимала к себе. В результате после нескольких таких сеансов все дети стали более улыбчивыми (с точки зрения скорости возникновения реакции). И наоборот, когда экспериментатор перестала отвечать на улыбку ребенка, интенсивность этой реакции стала постепенно снижаться, пока совсем не угасла. Полученные Брэкбилл результаты вписываются в схему оперантного научения. Они также согласуются со многими другими

наблюдениями относительно тех условий, которые способствуют образованию привязанности к конкретному человеку: они обсуждаются в следующей главе.
Одновременно с тем, как младенец улыбается, происходит еще целый ряд процессов. Он не только смотрит на приближающегося человека, но и поворачивает к нему голову и тело, машет ручками и брыкает ножками. Он также лепечет. Это подводит его ко второй из двух наиболее значительных специфических форм реагирования, которыми наделен младенец и наличие которых позволяет ему вступать в общение с теми, кто о нем заботится.

Лепет

Роль лепета в социальном взаимодействии весьма сходна с ролью улыбки. Оба явления наблюдаются, когда младенец бодрствует и его ничто не беспокоит. Прогнозируемый результат и лепета, и улыбки состоит в том, что взрослый, дружелюбно отвечая ребенку, вступает с ним в цепочку взаимодействий. Более того, и улыбка, и лепет становятся эффективными в качестве знакового стимула (releaser)[1]* для социального взаимодействия примерно в одном и том же возрасте — в пять недель, оба явления вызывают одни и те же стимулы и могут возникать одновременно. Очевидно, главное различие заключается в том, что если улыбки и совершаемые одновременно с ними движения конечностей — это зрительно воспринимаемые сигналы, то лепет — это слуховой сигнал.
Когда младенец впервые начинает гукать и гулить, что происходит примерно в четыре недели, эти реакции возникают в основном в ответ на голос, который в этом возрасте вызывает также и улыбку. Хотя приблизительно в течение недели голос вызывает и лепет, и улыбку, позднее он перестает инициировать улыбку и вызывает главным образом только лепет (Wolff, 1963).

---

[1]*Знаковый стимул (releaser) — в этологии так называют относительно простые, но тем не менее специфические стимулы, «запускающие» комплексы фиксированных действий. — *Примеч. ред.*

Эффективность голоса очень велика. Вулф отмечает, что начиная с шестой недели «путем имитации звуков голоса младенца можно вызвать обмен десятью — пятнадцатью вокализациями». Вулф обнаружил, что уже к этому времени голос матери действует эффективнее, чем голос другого человека.
Однако лепет вызывают также зрительные стимулы. С момента появления у младенца улыбки при виде подвижного человеческого лица он начинает лепетать так же регулярно, как и улыбаться. Больше всего он лепечет, когда одновременно видит подвижное лицо и слышит голос.
Таким образом, обычно лепет, как и улыбка, чаще всего возникает в контексте общения. Однако, подобно улыбке, он может иметь место и в других ситуациях. Рейнголд (Rheingold, 1961) описывала, как ребенок в возрасте трех месяцев мог улыбаться и гукать, увидев погремушку, издающую звуки, в то время как пятимесячный малыш этого не делал. По-видимому, причина этого в том, что на неодушевленный предмет его улыбки и лепет не оказывают никакого влияния, в отличие от взрослых, которые о нем заботятся.
Точно так же, как Брэкбилл удавалось вызывать у младенца более интенсивные улыбки в ответ на то, что она улыбалась ему, разговаривала с ним и брала на руки, Рейнголд, Гевирц и Росс (Rheingold, Gewirtz, Ross, 1959) смогли вызвать у детей более частый лепет с помощью тех же способов социального подкрепления. В их эксперименте участвовал двадцать один трехмесячный ребенок. Экспериментатор стимулировала лепет, наклоняясь над ребенком и глядя на него безучастно в течение трех минут. В первые два дня она не отвечала на лепет ребенка. На третий и четвертый день она отвечала сразу же, как только ребенок подавал голос, причем реакция ее была тройной — широкая улыбка, три раза звук «тсс» и легкое поглаживание животика ребенка. На пятый и шестой день она вновь никак

не реагировала на лепет ребенка. Результат был однозначным. Если на звуки, издаваемые ребенком, следовала реакция, он начинал их издавать еще активнее. На шестой день количество вокализаций становилось почти в два раза больше. Если же вокализации младенца не получали ответной реакции, их опять становилось меньше.
Остается неизвестным, можно ли активизировать лепет малыша другими средствами и если да, то какими. Однако звук дверного звонка, который раздавался в то время, когда ребенок лепетал, никак не влиял на активизацию его лепета (Weisberg, 1963).
Ясно, что имеющиеся данные вполне согласуются с такой точкой зрения: лепет, как и улыбка, является знаковым стимулом социального взаимодействия и его функция — в сохранении близости к матери с помощью взаимообмена социальными реакциями.
Так же как и в случае с другими социальными реакциями, рано или поздно у детей растет активность вокализаций в ходе взаимодействия с матерью как со знакомым ему лицом по сравнению с другими. Вулф (Wolff, 1963) заметил, что это происходит уже в возрасте пяти-шести недель. Эйнсворт (Ainsworth, 1964) наблюдала это явление у детей не ранее двадцати недель, однако она отмечает, что эта конкретная особенность поведения ею систематически не прослеживалась.
К четвертому месяцу ребенок способен издавать очень много разнообразных звуков. С этого времени одни звуки произносятся ребенком чаще, чем другие; а во второй половине первого года жизни малыш отчетливо проявляет склонность к выбору интонаций и модуляций голоса его «собеседников». Вероятно, в этом развитии важную роль играет как стремление младенца имитировать конкретные звуки, издаваемые его «собеседниками», так и стремление «собеседников» к избирательному подкреплению тех же самых звуков, издаваемых ребенком.

Плач

Все реакции ребенка, о которых шла речь выше, обычно с радостью воспринимаются окружающими его людьми, которые, как правило, стремятся их вызвать и поддержать. В отличие от этих реакций плач не воспринимается ими положительно. Без сомнения, они делают все, чтобы не только прекратить его сразу же, как он возникает, но также снизить саму вероятность его появления. Поэтому роль социальных стимулов в отношении плача практически противоположна их роли в отношении положительных реакций. Социальные стимулы играют главную роль в инициировании и усилении положительных реакций детей. Они же в основном и прекращают плач, а также способствуют уменьшению вероятности его дальнейшего возникновения.
В предыдущей главе упоминалось о том, что существует несколько разновидностей плача. Каждая разновидность плача имеет свою высоту звука и характерный паттерн, свои вызывающие и завершающие стимулы, а также свое влияние на тех, кто заботится о малыше. Как правило, плач заставляет мать принять все меры для его прекращения. Она действует либо сразу же, например услышав внезапный плач от боли, либо спустя некоторое время, если ритмичный звук плача постепенно усиливается. На самом деле на детский плач трудно не обращать внимания — его нелегко выносить. Главной причиной этого Амброуз считает большое разнообразие плача по ритму и диапазону, наблюдаемое у любого младенца. Это означает, что привыкнуть к меняющемуся плачу крайне трудно.
Все матери знают, что каждый ребенок плачет по-своему. Звуковые спектрограммы показывают, что «отпечатки» плача так же индивидуальны, как и отпечатки пальцев, используемые для идентификации новорожденных детей (Wolff, 1969). Мать очень скоро начинает узнавать плач своего младенца среди других. В выборке из двадцати трех матерей, за которыми вел наблюдения Формби (Formby, 1967), половина из них через двое суток после рождения ребенка узнавали плач своего малыша, и с этого времени ни одна из восьми матерей, реакции которых специально проверялись, ни разу не ошиблась. В своем исследовании Вулф тоже обнаружил, что большинство матерей очень быстро начинают распознавать плач своего ребенка. С этого момента они реагируют избирательно,

проявляя материнское поведение именно по отношению к собственному ребенку, а не к другим.
Ранее уже были описаны две разновидности плача — плач от голода, который начинается постепенно и становится ритмичным, и плач от боли — внезапный и лишенный какой-либо ритмичности. Третий вид плача, кратко описанный Вулфом (там же), отличается пронзительным звуком. Обычно его воспринимают как сигнал о том, что ребенок «сердится». Четвертая разновидность плача — это плач, типичный преимущественно (или исключительно) для детей с поражением мозга. Как отмечает Вулф, его особенно трудно переносить тем, кто общается с ребенком, — обычно они нервничают и стремятся уйти куда-нибудь, чтобы не слышать его.
Самый обычный плач ребенка имеет ритмичный характер; такой плач может возникать не только из-за голода. Например, он может начаться совершенно внезапно, — и в этом случае его скорее всего вызывает внешний раздражитель. Но он может начинаться с хныканья и медленно нарастать. В таком случае он возникает из-за какого-то внутреннего изменения в организме ребенка или охлаждения.
К числу стимулов, которые вызывают ритмичный плач, относятся внезапные звуки и резкие изменения в освещении или в положении самого ребенка. К таким раздражителям относится также и нагота: Вулф (там же) отмечает, что особенно на второй, третьей и четвертой неделе жизни многие дети, как только с них снимают одежду, сразу начинают плакать и прекращают, лишь когда ее снова надевают или их укрывают теплым одеялом.
Дети, испытывающие чувство голода или холода, обычно сигнализируют о своем состоянии ритмичным, постепенно усиливающимся плачем, который прекращается при получении пищи или согревании. Однако подобный ритмичный плач встречается и у тех детей, которых недавно кормили и которые находятся в тепле. Причины такого весьма распространенного плача несколько озадачивают.
Существует ряд способов, с помощью которых мать определяет причину плача своего малыша. Когда у него что-то болит, причину подсказывает характер плача. Если плач вызван внешним раздражителем, мать может заметить этот раздражитель. Когда это голод или холод, сама ситуация указывает на причину плача, а предоставление ребенку пищи и согревание подтверждают или опровергают догадку матери. Если причина в чем-то другом, мать может прийти и замешательство.
Удивительное явление, связанное с плачем, который нельзя объяснить рассматриваемыми здесь причинами, — это то, что он быстро прекращается в результате действия стимулов, которые в естественной среде практически всегда связаны с человеком. К ним относятся звуки, особенно человеческий голос, и тактильные и проприоцептивные стимулы, возникающие в результате сосания, не связанного с получением пищи, а также укачивания ребенка. Рассмотрим, что известно об эффективности каждого из этих стимулов, прекращающих детский плач.
В период исследования ранних социальных реакций у четырнадцати детей, которые воспитывались в своих семьях (в Бостоне), Вулф проводил наблюдения за реакцией плача, а также множество экспериментов (Wolff, 1969). Он отметил, что в ходе развития ребенка для прекращения его плача, по крайней мере на время, эффективны разные *звуки.* В течение первой недели жизни звук колокольчика или погремушки оказывается не менее (а иногда и более) действенным средством прекращения плача, чем человеческий голос. Однако баланс эффективности не сохраняется долго и существует за счет того, что ребенок охотнее слушает звук колокольчика или погремушки, чем свой собственный плач. Тем не менее очевидно, что на второй неделе жизни младенца наиболее эффективным стимулом, прекращающим его плач, становится звук человеческого голоса, а на третьей неделе большее действие оказывает женский голос по сравнению с мужским. Спустя еще две недели такую же роль начинает играть голос матери, причем он может не только прекратить плач, но даже вызвать у ребенка улыбку, если с ним немного поговорить (1963).

Большинство матерей знают, что обычный процесс сосания успокаивает младенца, и в западных странах уже многие годы продаются резиновые пустышки. Широкомасштабное исследование, связанное с уходом за ребенком, проведенное в Центральных графствах Англии (Newson, Newson, 1963), показало, что 50% матерей, относившихся к категории благополучных и заботливых, давали своим детям пустышку, и это не вызывало у тех никаких отрицательных последствий. В менее развитых странах мать обычно прикладывает плачущего младенца к груди, независимо от того, есть у нее молоко или нет.

Эффективность *сосания, не связанного с питанием,* как средства успокоить ребенка стала предметом эксперимента Кессена и Лейтцендорфа (Kessen, Leutzendorff, 1963). Они наблюдали за тридцатью младенцами в возрасте от двадцати четырех до шестидесяти часов. Их целью было определить сравнительную эффективность двух способов успокаивания ребенка — с помощью недолгого сосания резиновой пустышки или непродолжительного поглаживания лба младенца. Измерялось количество движений рук и ног ребенка и интенсивность его плача. Результаты оказались вполне определенными. Через полминуты после начала сосания частота движений младенца в среднем сокращалась наполовину, а сила его плача — на четыре пятых. Через те же полминуты в результате поглаживания лба ребенка интенсивность не только его движений, но и плача в среднем возрастала, хотя и не очень значительно. Авторы поясняют, что поскольку в других случаях младенцы уже получали какое-то количество пищи путем сосания, можно считать, что успокаивающий эффект — это «следствие вторичного подкрепления, полученного в результате образования связи между сосанием соски и пищей». Однако Вулф (Wolff, 1969) считает, что дело не в этом, и приводит следующие данные. Дети, родившиеся с атрезией пищевода и не способные вследствие этого принимать пищу через рот, все же прекращали плакать, если им давали соску.

Вулф (там же) также отмечает, что наличие между губами младенца соски оказывает влияние, даже если он ее не сосет. Вулф приводит такой факт: если ребенок засыпает с соской во рту, но его сон еще недостаточно глубок, попытка убрать соску приведет к пробуждению и плачу.

Тем, кто ухаживает за маленькими детьми, давно известно, что *укачивание* ребенка — также хороший способ успокоить малыша. Поскольку в последние годы значение укачивания несколько недооценивалось из-за того, что не вполне правомерно на первый план выдвигался фактор кормления, есть смысл остановиться на результатах практического опыта ухода за младенцами первых трех месяцев жизни, растущими в совершенно разных социальных условиях.

Первое наблюдение, сделанное английским педиатром, таково:

«Главная причина плача в этот период — это одиночество или желание, чтобы ребенка взяли на руки. По крайней мере, именно это кажется его причиной, поскольку плач сразу же прекращается, если ребенка берут на руки и прижимают к себе. Удивительно, но многие матери не понимают, что детям хочется, чтобы их прижали к себе, что это необходимо им. Они ошибочно полагают, что ребенок плачет от голода. Основная черта, отличающая плач из-за голода от плача по причине одиночества, состоит в том, что плач от голода или по какой-либо другой причине не прекращается, если ребенка взять на руки» (Illingworth, 1955).

Второе описание содержит наблюдения, проводившиеся за детьми одного из народов Восточной Африки, говорящего на языке банту:

«В первые три месяца матери распознают у младенцев плач, который нельзя прекратить кормлением... Чаще всего ночью... мать зажигает свет, привязывает ребенка к спине и ходит с ним по дому, слегка покачивая его вверх-вниз. С лицом, повернутым в сторону, крепко прижатый к спине матери, — в таком положении ребенок, как правило, замолкает. Днем, те, кто нянчит ребенка, тоже часто трясут его, привязав к своей спине, или держат,

покачивая, на руках, чтобы успокоить малыша, который плачет и в то же время отказывается от пищи» (Levine, Levirie, 1963).
Недавно Амброуз (по сведениям из личной беседы) начал проводить экспериментальный анализ стимулов, эффективных в таких условиях. Он вел свои наблюдения за пятидневным доношенным ребенком в послеполуденное время, вскоре после того, как младенца покормили и перепеленали. Ситуация, в которой велись наблюдения, была следующей: ребенок лежал в своей кроватке, установленной на подставке, которая одновременно служила качалкой и приспособлением для фиксации характера ее движений. Вначале это приспособление было неподвижно, и ребенка на протяжении часа изучали, регистрируя с помощью полиграфа его поведенческие и физиологические показатели.
В этих условиях ребенок в течение всего эксперимента (независимо от того, бодрствует он или спит) может пролежать спокойно и не заплакать. Однако нередко он все же начинает плакать, причем обычно без видимой причины. Иногда плач прекращается довольно быстро, иногда продолжается. Если в течение двух минут плач не прекращается, ребенка начинают укачивать. Движения производятся с разной частотой, и это позволяет выяснить, какая именно частота движений наиболее эффективна для прекращения плача. Предварительные результаты показывают, что в этих условиях все дети перестают плакать, когда в результате укачивания получают вестибулярную стимуляцию. Качание проводится в вертикальном направлении с поперечным отклонением на 7,5 см. Качание с небольшой частотой — примерно 30 качаний в минуту — не вызывает прекращения плача. Однако повышение частоты качания до 50 раз в минуту приводит к ослаблению плача, а при 60 и более качаниях все дети перестают плакать и почти всегда остаются спокойными. Более того, как только достигается такая скорость качания, у детей наблюдается резкое снижение частоты сердечных сокращений (во время плача этот показатель может достигать 200 сокращений в минуту и выше), дыхание становится более регулярным и ребенок расслабляется. Самое удивительное в этом наблюдении — это специфическое влияние частоты: при 60 качаниях в минуту большинство детей перестает плакать, хотя для некоторых из них требуется скорость 70 качаний в минуту; частота качания ниже 50 — не эффективна. Следует также заметить, что, по моим личным наблюдениям, даже повторяемое изо дня в день качание продолжает быть эффективным; другими словами, качание — это такая стимуляция, к которой ребенок, по-видимому, никогда не привыкает. В своих экспериментах Амброуз изучает сравнительную эффективность других видов стимулов в качестве средств прекращения плача. В отношении сосания, не связанного с приемом пищи, его наблюдения подтверждают и дополняют данные Кессена и Лейтцендорфа.
Амброуз обнаружил, что, получив обычную соску-пустышку, младенец быстро успокаивается. Однако она действует не так, как укачивание. Об этом можно судить по частоте сердечных сокращений. Когда младенца укачивают, частота его сердечных сокращений обычно возвращается почти к тем же показателям, которые характерны для состояния покоя. В то же время в процессе сосания пустышки, когда плач может полностью прекратиться, как при качании, а частота сердечных сокращений — снизиться, она, тем не менее, будет превышать показатель частоты, характерный для состояния покоя.
Можно сделать следующие выводы из приведенных наблюдений и экспериментов: если ребенок не голоден и не испытывает ни холода, ни боли, то самыми эффективными средствами прекращения его плача являются (в порядке возрастания) звук голоса, сосание, не связанное с питанием, и укачивание. Эти данные успешно объясняют, почему принято считать, что младенцы плачут от одиночества и что им хочется, чтобы их взяли на руки. Хотя приписывать младенцам в первые месяцы их жизни такие желания вряд ли уместно, тем не менее какая-то доля истины в этих утверждениях, безусловно, содержится. Когда детей не качают и не разговаривают с ними, они часто плачут; когда их

качают и разговаривают с ними, они перестают плакать, и видно, что они испытывают приятные чувства. А наиболее вероятным лицом, которое качает ребенка и разговаривает с ним, является его мать.
В этой связи особенно поразительной представляется абсолютная, безусловная эффективность определенного способа укачивания ребенка. Для того чтобы качание могло прекратить плач, его частота должна составлять не менее 60 качаний в минуту, что, по- видимому, связано со скоростью шагов взрослого человека. Шестьдесят шагов в минуту — это на самом деле очень медленная ходьба; так что почти всегда реальная скорость выше. Это означает, что, когда ребенок находится за спиной у матери, или она носит его на бедре, то получается, что его качают со скоростью, не менее 60 качаний в минуту и поэтому он не плачет, если только он не голоден и у него ничего не болит. Возможно, это случайное совпадение, однако более вероятным представляется, что это результат процессов, связанных с механизмами отбора, которые действовали в ходе эволюции человека.
Следовательно, можно считать установленным, что в качестве воздействия, способного остановить ритмичный плач, укачивание выступает на равных с кормлением. Когда ребенок голоден, кормление успешно прекращает плач; если же он не голоден, то наиболее эффективно качание. При обратном соотношении и то, и другое воздействие может быть эффективно лишь на очень короткое время.
Установлено, что укачивание ребенка действенно не только в качестве средства прекращения ритмичного плача, но и как средство задержки его возникновения. Это положение подтверждается экспериментом Гордона и Фосса (Gordon, Foss, 1966). В соответствии с обычным режимом работы родильного дома детей в возрасте от нескольких часов до десяти дней ежедневно (во второй половине дня) помещали примерно на один час в детскую комнату. Поскольку перед этим детей кормили, все они, кроме одного-двух, были спокойны. Ежедневно в течение восемнадцати дней одного выбранного наугад из спокойно ведущих себя малышей, в течение получаса качали в колыбели. Затем еще в течение получаса экспериментатор оставался в детской, чтобы посмотреть, какой из спокойных детей начнет плакать (если такие будут). Результаты показали, что ребенок, которого качали, очень редко оказывался среди плачущих во время наблюдения.
По мере развития ребенка ситуации, вызывающие и прекращающие у него плач, меняются. Особое значение начинает приобретать то, что младенец может видеть. Уже на пятой неделе, как установил Вулф (Wolff, 1969), малыши (до этого вполне спокойные) начинают плакать, если человек, на которого они смотрят, исчезает из их поля зрения, и прекращают плач при его появлении. В этом возрасте и еще на протяжении нескольких месяцев для ребенка не имеет большого значения (или вообще никакого), кто именно находится в его поле зрения. Даже уход и возвращение домашнего животного может произвести тот же эффект, что и появление или исчезновение человека. Однако примерно с пятимесячного возраста для ребенка приобретает большое значение, кто именно приходит и уходит.
В своем описании наблюдений за младенцами племени ганда Эйнсворт (Ainsworth, 1967) отмечает, что начиная примерно с пяти месяцев (этот возраст значительно колеблется у разных детей) ребенок начинал плакать, когда мать выходила из комнаты, даже если с ним кто-то оставался. После девяти месяцев в этой же ситуации малыш плакал меньше, потому что уже мог следовать за ней. Такой плач может возникать различным образом не только у разных детей, но и у одного и того же ребенка в зависимости от конкретных условий. Например, в любом доме, где есть годовалый малыш, можно наблюдать, что его поведение в такой ситуации (мать выходит из комнаты) зависит от того, как она это делает. Тихий спокойный уход, как правило, не вызывает бурной реакции протеста, а быстрый и шумный — наоборот.

Примерно в том же возрасте, когда ребенок начинает плакать при виде незнакомого человека, он может начать плакать, предвосхищая какое-то неприятное событие. Например, как сообщает Ливай (Levy, 1951), ребенок может заплакать в кабинете врача, если увидит, что тот готовится сделать ему укол, который ему уже делали несколько недель назад. До одиннадцати месяцев такая реакция у детей наблюдалась крайне редко. Однако в возрасте одиннадцати-двенадцати месяцев уже четвертая часть наблюдавшихся детей вели себя именно таким образом. В таком поведении находит свое выражение быстро развивающаяся у ребенка способность понимать, что происходит в окружающем мире, которую он обретает в возрасте одного года.

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ И СРЕДА

В развитии поведения привязанности, как и в любом другом развитии биологического типа, наследственность и среда играют роль постоянно взаимодействующих факторов. Пока условия внешней среды не выходят за пределы определенных границ, большая часть различий в поведении детей объясняется, по-видимому, генетическими факторами. Однако как только различия в условиях среды увеличиваются, влияние этих условий сразу становится очевидным.

Примером различий, которые почти наверняка обусловлены генетически, могут служить различия в проявлениях зрительного внимания у мальчиков и девочек (Lewis, Kagan, Kalafat, 1966; Lewis, Kagan, 1965). В результате исследования детей в возрасте двадцати четырех недель ученые обнаружили, что девочки явно предпочитали смотреть на лица, а не на какие-либо иные визуальные паттерны, тогда как у мальчиков такого предпочтения не наблюдалось.

Данные, позволяющие предполагать, что на появление ориентировочных реакций и улыбки также влияют генетические факторы, содержатся в сравнительном исследовании моно- и дизиготных близнецов, проведенном Фридманом (Freedman, Keller, 1963; Freedman, 1965). Оно показало, что разница в возрасте, когда в парах идентичных близнецов появляются ориентировочные реакции и улыбка, меньше, чем в парах дизиготных близнецов (того же пола). Поскольку в этом исследовании принимали участие пары близнецов, которые воспитывались вместе, в одной семье, различия в средовых условиях были минимальными.

По мере увеличения различий в тех условиях среды, в которых растут дети, их влияние на развитие становится более очевидным. Проводилось множество исследований по сравнению детей, воспитанных в семьях и в детских учреждениях. Например, в экспериментальной ситуации, которую использовал Амброуз (Ambrose, 1961), у детей, воспитывавшихся в семьях, улыбка появлялась на несколько недель раньше, чем у детей из детских учреждений: на шестой — десятой неделе у домашних детей и на девятой — четырнадцатой — у детей из учреждений. Провенс и Липтон (Provence, Lipton, 1962) отмечают, что в три месяца младенцы из детских учреждений лепечут меньше, чем их сверстники, воспитывающиеся в семьях. Впоследствии развитие младенцев в депривирующих условиях детских учреждений еще сильнее отклоняется от развития домашних детей. Провенс и Липтон утверждают, что дети из детских учреждений позднее начинают отличать человеческое лицо от маски, так же как дифференцировать между собой разные лица (это отмечает и Амброуз); они делают меньше попыток вступить в общение, репертуар их выразительных движений беднее, и даже в годовалом возрасте они еще не проявляют привязанности ни к одному конкретному человеку. Отсутствие привязанности особенно заметно, когда они чем-либо огорчены: даже тогда они редко обращаются к взрослому.

Вопрос о том, почему растущие в учреждении дети так отстают в развитии, обсуждался очень активно. Некоторые ученые, например Каслер, утверждали, что основной тормозящий развитие фактор связан со снижением поступающей стимуляции и что те, кто

приписывал отставание фактору отсутствия матери, ошибаются. В ответ на этот аргумент Эйнсворт (Ainsworth, 1962) показала, что в первые месяцы жизни ребенка именно мать является основным источником любой получаемой им информации. Кроме стимуляции в ходе взаимодействия со своим ребенком мать предоставляет ему возможность для активного исследования окружающего мира, как зрительного, так и мануального. То, что такие возможности имеют огромное значение для сенсомоторного развития, было впервые отмечено Пиаже (Piaget, 1936) и подтверждено в последних экспериментах Уайта и Хелда (White, Held, 1966). Следовательно, депривация, в условиях которой растет ребенок в детском учреждении, имеет много аспектов. Для примера назовем следующие: он испытывает недостаток стимуляции, у него недостаточные возможности для научения «путем воздействия» и для «само-инициируемых движений в хорошо структурированной среде».

Поэтому при знакомстве с последующим материалом нужно постоянно помнить об огромных различиях в поведении детей, которые могут возникать в результате разных условий внешней среды. Далее эта тема обсуждается в гл. 16.

Глава 15. СОСРЕДОТОЧЕНИЕ НА ЧЕЛОВЕКЕ

«Да, — сказала Кошка, прислушиваясь, — а что любит Малыш?»
«Он любит вещи мягкие и податливые, — сказала Летучая Мышь. — Когда он идет спать, он любит держать в руках что-то теплое. Он обожает, чтобы с ним играли. Вот все это он и любит».
Просто сказки. Р. Киплинг

ВВЕДЕНИЕ

В предыдущей главе наше описание развития привязанности лишь немного вышло за пределы первой из четырех стадий — стадии «Недифференцированной ориентировки и адресации сигналов любому лицу». В этой главе мы опишем стадии 2 и 3 в том виде, как они протекают у младенцев, растущих в обычной семейной обстановке. Рассмотрим эти стадии.

Стадия 2 — «Ориентация на определенное лицо (или лица) и адресация ему (им) сигналов».

Стадия 3 — «Сохранение близкого положения к определенному лицу с помощью локомоций и сигналов».

В последней главе обсуждаются вопросы, возникающие в связи с развитием на стадии 4, называемой «Формирование целекорректируемого партнерства».

Основным источником сведений относительно развития поведения на стадии 2 являются тщательные наблюдения Вулфа (Wolfl 1963), проведенные им в Бостоне за младенцами из семей американцев — выходцев из Ирландии, а также материалы наблюдений Эйнсворт (Ainsworth, 1967) за поведением младенцев из племени ганда. Источником сведений о развитии на стадии 3 послужили наблюдения Эйнсворт за гандийскими младенцами, а также наблюдения Шаффера и Эмерсона (Schaffer, Emerson, 1964a) за шотландскими младенцами из Глазго.

Можно считать весьма удачным то обстоятельство, что в отношении стадии 3 имеются сравнительные данные о младенцах, которые растут в таких разных условиях, как африканская сельская местность и шотландская городская среда, поскольку весьма вероятно, что изменения, общие для младенцев, растущих в столь разных условиях, происходят также у детей в другой обстановке. Однако, сравнивая эти две группы данных, необходимо постоянно иметь в виду одну трудность. В исследовании Шаффера и Эмерсона единственным критерием проявлений привязанности служили реакции протеста ребенка против ухода взрослого. В исследовании младенцев из племени ганда, напротив, Эйнсворт использовала более широкую систему критериев наличия привязанности: в

дополнение к протесту ребенка против разлуки учитывалось также, как ребенок реагировал на появление взрослого и как он использовал взрослого в качестве «опорной базы» для своих попыток исследовать окружающий мир.

ПАТТЕРНЫ ИЗБИРАТЕЛЬНО НАПРАВЛЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Как мы уже это описывали, главное изменение, которое обычно происходит в ходе онтогенеза поведения, связано с ограничением (сужением) диапазона стимулов, способных вызывать и прекращать реакцию ребенка. Это в первую очередь относится к проявлениям радости и к плачу в младенческом возрасте. Если вначале младенец, растущий в семье, отзывается на действия по уходу, исходящие от любого человека (в отдельности и всех вместе), то вскоре он начинает обнаруживать свои предпочтения. Судя по имеющимся сообщениям, одной из наиболее ранних форм дифференцировок, осуществляемых младенцем, является выделение голоса матери из всех прочих голосов. Вулф (Wolff, 1963) описывает, как уже на пятой неделе жизни материнский голос намного чаще вызывает у ребенка улыбку, чем голос отца или человека, ведущего наблюдения. Эйнсворт (Ainsworth, 1967) перечисляет более десятка различных форм поведения, которые демонстрирует младенец в течение первого года жизни и которые у большинства младенцев, растущих в семье, возникают в этот период по отношению к определенному лицу и адресуются именно ему. Последующие материалы взяты главным образом из описаний Эйнсворт. Она подчеркивает, что практически любые избирательные реакции могут появляться даже раньше, чем в тех случаях, которые наблюдала она. Поскольку между младенцами существуют огромные различия и, по-видимому, у любого из них при появлении избирательного отношения к окружающим людям соответствующие реакции еще неустойчивы, можно лишь примерно указать возраст, в котором появляются эти индивидуально адресованные реакции.

Избирательное прекращение плача, когда младенца берут на руки

Данная реакция проявляется в следующем: ребенок продолжает плакать, если его берет на руки не мать, а кто-то другой, и прекращает плакать, если его берет мать. Наиболее раннее появление реакции данного типа было отмечено Эйнсворт у ребенка в возрасте девяти недель.

Избирательная реакция плача в ответ на уход матери

Реакцией является плач ребенка, если комнату покидает мать, и отсутствие плача, если уходит кто-либо иной. Наиболее раннее появление данной реакции отмечено Эйнсворт в возрасте пятнадцати недель.

Избирательная улыбка в ответ на зрительные стимулы

Эта реакция проявляется в том, что ребенок улыбается чаще, с большей готовностью и активнее при виде своей матери, чем кого-то другого. Наиболее ранний случай появления данной реакции зафиксирован у десятинедельного гандийского младенца. У целого ряда младенцев из Лондона, которых исследовал Амброуз (Ambrose, 1961), реакция улыбки в адрес незнакомого человека достигала своего пика примерно к тринадцати неделям, после чего младенцы улыбались главным образом своей матери.

Следует заметить, что Вулф (Wolff, 1963) наблюдал появление избирательной улыбки в ответ на слуховые стимулы (например, голос матери) уже на пятой неделе от рождения, хотя остается неясным, может ли в этом возрасте ребенок отличать голос матери от голоса другой женщины.

Избирательно адресованные вокализации

Суть этой реакции в том, что вокализации ребенка чаще и легче возникают в процессе взаимодействия с матерью, чем с другими людьми. Вулф (там же) отметил это уже на пятой или шестой неделе жизни. Эйнсворт (Ainsworth, 1967) не замечала данной реакции

ранее двадцати недель, но оговаривается при этом, что не вела соответствующих наблюдений.

Избирательная зрителъно-постуральная ориентация

В данном случае реакция проявляется следующим образом: когда ребенка кто-то берет на руки, он продолжает удерживать свой взор на матери, предпочитая ее всем остальным, и упорно ориентирован на нее. Эта реакция была отмечена Эйнсворт у одного младенца в возрасте восемнадцати недель.

Избирательная реакция приближения

Реакция состоит в том, что, находясь в помещении вместе с матерью и другими людьми, ребенок предпочитает ползти в сторону матери. Иногда он это также проделывает, когда после недолгого отсутствия мать вновь появляется в поле его зрения и таким образом он приветствует ее. Данное поведение было зафиксировано Эйнсворт у одного ребенка в возрасте двадцати восьми недель.

Избирательное следование

Данная реакция заключается в попытках ребенка следовать за матерью, когда она покидает комнату, чего не наблюдается в отношении других людей. Согласно Эйснворт, такие попытки появляются у младенцев как только они начинают ползать, что у большинства гандийских детей происходит в возрасте примерно двадцати четырех недель. В более раннем возрасте малыши обычно плакали и пытались следовать за матерью. Примерно после девяти месяцев они часто следовали за матерью без плача, если она двигалась не слишком быстро.

Избирательные реакции приветствия

В основе этой реакции своеобразное приветствие младенцем появления матери после кратковременной разлуки с ней. Вначале такое приветствие обычно включает улыбку, вокализации и общее двигательное возбуждение всего тела; позднее к ним также добавляется вскидывание ручек. В полном виде реакцию такого рода Эйнсворт отмечала у ребенка в возрасте двадцати одной недели; однако она практически не сомневалась в том, что ее отдельные компоненты можно было наблюдать на несколько недель раньше. Как только ребенок начинает ползать, движение в сторону матери также становится компонентом реакции приветствия.

Две другие формы реакции приветствия носят общепринятый характер, но обе, по-видимому, являются культурно заданными. Это хлопанье в ладошки, о котором Эйнсворт писала, что оно было широко распространено среди гандийских младенцев в возрасте старше тридцати недель, но не наблюдалось в выборке младенцев из семей белых американцев, а также целование и обнимание, которые отсутствовали у гандийских младенцев, но наблюдались в конце первого года жизни у младенцев из стран, принадлежащих к западной культуре.

Избирательное карабканье и исследовательское поведение

Суть этой реакции в том, что в процессе лазанья по телу своей матери младенец исследует ее (играет с ее лицом, волосами и одеждой), а если и проделывает что-то подобное с кем-то другим, то в гораздо меньшей степени. Такое поведение впервые отмечалось Эйнсворт у ребенка в возрасте двадцати двух недель.

Избирательная реакция «прятания лица»

Эта реакция заключается в том, что в процессе лазанья по материнскому телу и исследования его, либо возвращаясь после своей «вылазки», ребенок «прячется» лицом в колени своей матери или еще куда-то. Эйнсворт наблюдала эту форму поведения младенцев только по отношению к их матерям (и никому другому). У одного из малышей данная реакция наблюдалась в возрасте двадцати восьми недель, у других на несколько недель позже.

Использование матери в качестве «базы» для исследовательского поведения

Данная реакция состоит в исследовательских вылазках ребенка, которые он совершает время от времени, отрываясь от матери и возвращаясь к ней, но не использует в той же мере для этих целей других людей. Данную реакцию Эйнсворт наблюдала у одного из малышей в возрасте двадцати восьми недель. Реакция становилась обычной в восемь месяцев.

Бегство[1*] к матери как источнику безопасности

Эта реакция проявляется в следующем: в случае тревоги ребенок как можно быстрее устремляется от испугавшего его предмета к матери, а не к кому-либо другому. Такое поведение детей Эйнсворт отмечала в возрасте примерно девяти месяцев.

[1]*Под «бегством» в данном случае подразумевается любой доступный младенцам способ передвижения, например ползание, поскольку в этом возрасте чаще всего они еще не умеют ходить и, тем более, бегать. — *Примеч. ред.*

Избирательное цепляние

Избирательное цепляние ребенка за мать с целью быть взятым на руки особенно ярко проявляется, когда ребенок встревожен, устал, голоден или плохо себя чувствует. Хотя Эйнсворт не проводила специального исследования появления этой реакции, она сообщает, что данная реакция особенно отчетливо проявлялась в последней четверти первого года жизни.

Подведем итоги этим и другим полученным данным. Можно заключить, что до шестнадцатинедельного возраста избирательные реакции у младенцев весьма немногочисленны и обнаруживаются только благодаря достаточно тонким методам наблюдения; что между шестнадцатью и двадцатью шестью неделями избирательные реакции становятся и более многочисленными, и более явными; и, наконец, что у подавляющего большинства младенцев, воспитывающихся в условиях семьи, эти реакции легко может наблюдать каждый.

[1]С момента написания этого текста были опубликованы данные других исследований, в которых изучались выборки из сорока (и более) младенцев каждой возрастной группы (Yarrow, 1967). В качестве критерия использовалась реакция предпочтения и избирательного сосредоточения внимания младенцев на матери (по сравнению с незнакомым человеком), а также реакции возбуждения и позитивных эмоциональных проявлений в адрес матери, в отличие от незнакомца. Ярроу сообщает о признаках явного предпочтения матери у 20% младенцев в возрасте всего одного месяца. К трем месяцам уже 80% младенцев обнаруживали все признаки узнавания матери, а к пяти месяцам эта реакция присутствовала у всех младенцев.

ЛИЦА, КОТОРЫМ АДРЕСОВАНЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ

До сих пор в нашем обсуждении предполагалось, что привязанность ребенка адресуется какому-то конкретному человеку, которого мы называли либо «лицом, к которому привязан ребенок», либо просто матерью. В целях краткости изложения использование таких обозначений неизбежно, однако оно дает повод для неправильного понимания существа дела[2]. При этом возникает и требует ответа ряд следующих вопросов.

[2]Например, мне иногда приписывают точку зрения (якобы высказывавшуюся мною), согласно которой материнский уход за ребенком должен всегда осуществляться его родной (биологической) матерью, что материнский уход и заботу «не могут полноценно осуществлять несколько лиц» (Mead, 1962). Такого рода взглядов я никогда не высказывал.

1. Адресуют ли обычно дети проявления своей привязанности не одному, а нескольким лицам?
2. Если да, то привязанность развивается одновременно к нескольким лицам или же привязанность к кому-то одному всегда предшествует привязанности к другим?
3. Когда ребенок испытывает привязанность не к одному, а к нескольким лицам, ведет ли он себя со всеми одинаково или оказывает предпочтение кому-то из них?
4. Может ли женщина, не являющаяся биологической матерью, полноценно исполнять роль главного лица, к которому привязан ребенок?

Поскольку ответы на эти вопросы взаимосвязаны, целесообразно еще до обсуждения каждого из них в отдельности кратко на них ответить: с самого начала у довольно многих детей развивается привязанность к нескольким лицам, а не к одному; младенцы ведут себя с ними по-разному; роль главного лица, к которому привязан ребенок, может исполнять не только его биологическая мать.

Главные и второстепенные лица, к которым привязан ребенок

На протяжении второго года жизни большинство младенцев адресуют проявления своей избирательной привязанности двум, а часто сразу нескольким людям. Некоторые младенцы, как только начинают обнаруживать избирательность реагирования, демонстрируют свою привязанность не кому-то одному, а нескольким лицам, но у большинства младенцев это обычно происходит позднее.

По сообщению Шаффера и Эмерсона (Schaffer, Emerson, 1964a), семнадцать из пятидесяти восьми младенцев (29%) в их исследовании, проведенном на шотландской выборке, адресовали свое поведение привязанности более чем одному человеку почти с того самого момента времени, как вообще стали демонстрировать ее кому-то. Еще через четыре месяца уже не только половина детей была привязана сразу к нескольким лицам, но многие из них обнаруживали привязанность к пяти и более разным лицам. К тому моменту, когда этим детям исполнилось восемнадцать месяцев, число тех, чья привязанность все еще ограничивалась только одним человеком, упало до 13% всей выборки. Это значит, что для полуторагодовалого ребенка испытывать привязанность только к одному лицу — это скорее исключение, чем правило. Данные, полученные Эйнсворт, наблюдавшей гандийских детей, показывают сходную картину: за исключением очень небольшого числа детей все они к девяти-, десятимесячному возрасту демонстрировали множественные отношения привязанности.

Однако, несмотря на то что к году ребенок, как правило, чувствует привязанность к целому ряду лиц, нельзя сказать, что он относится к ним одинаково. В каждой из двух рассматриваемых здесь культур младенцы демонстрируют явную избирательность. В исследовании младенцев из Шотландии была разработана шкала измерения интенсивности протеста, который демонстрировал ребенок против ухода от него каждого из тех людей, к кому он привязан.

Результаты показали, что у большинства детей протест против ухода какого-то одного лица был постоянно сильнее, чем против ухода другого, и что лица, к которым ребенок испытывал привязанность, можно было выстроить в иерархическом порядке. На основе более широкого набора критериев Эйнсворт установила, что гандийские дети, как правило, сосредоточивали свою привязанность на одном конкретном человеке. Она наблюдала, что примерно до девятимесячного возраста ребенок, привязанный не к одному, а к нескольким лицам, тем не менее, пытался следовать только за одним человеком. Более того, когда ребенок был голоден, нездоров или чувствовал усталость, он обычно обращался именно к этому человеку. В то же время, когда он был в хорошем настроении, он искал контакта с остальными лицами: таким объектом мог быть и ребенок постарше; часто играющий с ним.

Эти данные позволяют предположить, что с самого раннего возраста разные лица вызывают у ребенка разные паттерны социально направленного поведения и что было бы неверным всех этих людей называть лицами, к которым привязан ребенок, а отношение ребенка к ним — поведением привязанности. В будущих исследованиях необходимо уделить этим различиям больше внимания: тяга ребенка к партнеру по игре и тяга к лицу, к которому он привязан (в том значении, которое мы придаем этому понятию в данной работе), вполне могут очень различаться по своим характеристикам. Этот вопрос будет рассмотрен несколько позднее. Пока же мы можем привести заключение Эйнсворт: «Ничто из моих наблюдений не противоречит гипотезе, согласно которой при наличии соответствующей возможности ребенок будет искать привязанность одного человека... даже если о нем заботятся несколько человек» (Ainsworth, 1964).

Главное лицо, к которому привязан ребенок

Кого ребенок выберет в качестве главного лица, к которому будет привязан, и к еще какому числу лиц он станет испытывать привязанность — все это в значительной мере зависит от того, кто ухаживает за ним, заботится о нем, а также от состава проживающих в одном доме с ним лиц. Очевидно, что в любой культуре наиболее вероятным кругом лиц, о которых идет речь, будут его биологические мать, отец, старшие братья и сестры и, возможно, бабушки и дедушки. Так что, вероятнее всего, именно из этого круга ребенок выберет как главное лицо, к которому будет привязан, так и второстепенные.

В обоих упомянутых исследованиях, проведенных на шотландской и гандийской выборках, для наблюдения были отобраны только дети, жившие вместе со своими родными матерями. Неудивительно, что в этих условиях в подавляющем большинстве случаев главным лицом, к которому был привязан ребенок, являлась его биологическая мать. Имелось, однако, несколько исключений. Например, сообщалось о двоих гандийских детях (мальчике и девочке) примерно девяти месяцев, которые были привязаны и к матери, и к отцу, но отдавали предпочтение последнему, причем у мальчика это проявлялось, даже когда он чувствовал усталость или был болен. Третий ребенок тоже из племени ганда, девочка, не обнаруживала признаков привязанности к своей матери даже в двенадцать месяцев, но была привязана к отцу и своей единоутробной сестре.

Среди выборки шотландских малышей мать практически всегда была главным лицом привязанности ребенка на протяжении первого года жизни, но в некоторых случаях на втором году жизни ребенка она начинала с кем-то делить эту роль — обычно с отцом ребенка. Однако среди пятидесяти восьми младенцев, составлявших шотландскую выборку, были трое, о которых сообщалось, что первым лицом, к которому они проявляли привязанность, была не мать, а кто-то другой: двое малышей выбрали отца, а третий, чья мать работала полный рабочий день, выбрал бабушку, которая заботилась о нем большую часть времени. (Шаффер и Эмерсон трактуют привязанность достаточно узко, и потому неясно, как интерпретировать другие данные.)

Наблюдения, подобные приведенным выше, как и многие другие, делают совершенно очевидным тот факт, что роль главного лица, к которому привязан ребенок, обычно принадлежащая родной матери, вполне успешно могут играть и другие люди. Имеются данные о том, что если лицо, замещающее мать, ведет себя по отношению к ребенку по-матерински, то он будет относиться к ней так же, как другой ребенок относится к своей родной матери. В чем состоит это «материнское отношение к ребенку» будет обсуждаться в следующем разделе книги. По-видимому, суть его в живом социальном взаимодействии, в готовности реагировать на сигналы младенца и его попытки к сближению (контакту). Хотя нет никакого сомнения, что лицо, замещающее мать, может вести себя с ребенком абсолютно так же, как родная мать, и что многие так и ведут себя, тем не менее для женщины, замещающей мать, это может быть не так легко, как для биологической матери. Сведения о том, что вызывает материнское поведение у других биологических видов, позволяют предположить важную роль, которую может играть послеродовая

гормональная активность, и стимулы, исходящие от самого новорожденного. Если это справедливо также и для человеческого вида, то замещающая мать должна оказаться в менее благоприятном положении по сравнению с биологической. С одной стороны, у замещающей матери не может быть такого же уровня гормональной активности, как у биологической матери, с другой — она крайне слабо связана, если вообще связана, с младенцем, которому заменяет мать, до того момента, пока ему не исполнится несколько недель или месяцев. Вследствие этих двух ограничений вполне вероятно, что у замещающей матери ребенок может не вызывать такие же сильные и точные реакции, как у биологической матери.

Второстепенные лица, к которым привязан ребенок

Как уже отмечалось, нам нужно более четко, чем это уже было сделано, разграничить лица, к которым ребенок испытывает привязанность, и лица, с которыми ребенок играет. Ребенок ищет человека, к которому привязан, когда он устал, голоден, болен или встревожен, а также когда он не уверен, что этот человек находится где-то поблизости. Когда ребенок находит того, к кому привязан, он хочет остаться рядом с ним; он также может захотеть, чтобы его взяли на руки и обняли. Напротив, ребенок ищет партнера по играм тогда, когда находится в хорошем расположении духа и уверен, что лицо, к которому он привязан, где-то поблизости; кроме этого, когда партнер по играм найден, ребенок стремится вовлечь его в игровое взаимодействие.

Если этот анализ правилен, то роли тех, к кому ребенок испытывает привязанность и с кем играет, различны. Однако поскольку эти две роли вполне совместимы, любое из названных лиц в какие- то моменты времени может выполнять обе роли: так, мать ребенка иногда одновременно может выступать и в качестве партнера по игре, и в качестве главного лица, к которому он привязан, а другой человек, например ребенок постарше, являющийся в основном партнером по играм, также при случае может взять на себя роль лица, замещающего мать.

К сожалению, оба новаторских исследования, из которых мы черпаем наши сведения, не проводят упомянутых различий. В результате трудно понять, должны ли различные люди, называемые в этих исследованиях как «второстепенные лица, к которым привязан ребенок» всегда рассматриваться в таком качестве. Поэтому в описании результатов упомянутых исследований все эти лица обозначаются просто как «второстепенные», при этом предполагается, что одни из них действительно являются второстепенными лицами, к которым привязан ребенок, другие — главным образом партнерами по играм, а третьи (обычно очень немногие) — теми и другими одновременно.

Как в отношении гандийских, так и шотландских младенцев сообщалось, что второстепенными лицами, к которым они были привязаны, чаще всего служили отцы, старшие братья и сестры. В остальных случаях это были прародители или другие лица, проживающие в доме, изредка — соседи. Результаты исследований сходны в том, что ребенок четко выделял любого человека из дополнительного круга лиц, которым отдавал предпочтение, среди тех, к кому был безразличен. Эйнсворт (Ainsworth, 1967) отмечает, что «избирательность... и степень предпочтений среди близкого круга лиц весьма впечатляюща, например, в то время, как кого-то одного из братьев и сестер младенец всегда радостно приветствует, в отношении других не наблюдается ничего подобного».

С течением времени и число, и состав этих второстепенных лиц в окружении ребенка неизбежно меняется. Шаффер и Эмерсон замечают, описывая одного из малышей, что число второстепенных лиц, к которым привязан ребенок, могло внезапно увеличиться, а затем уменьшиться. Обычно, хотя и не всегда, такие изменения четко показывали, кто из домашних был доступен для ребенка в данное время.

Точно не известно, совпадает ли начало избирательного социального поведения в отношении второстепенных лиц с временем появления привязанности к главному лицу или в отношении второстепенных лиц такое поведение появляется несколько позже. Опираясь на реакцию протеста ребенка в ответ на уход матери как на критерий

привязанности, Шаффер и Эмерсон представляют свои данные, которые являются подтверждением первой точки зрения. В то же время Эйнсворт склоняется к тому, что проявления привязанности к второстепенным лицам появляются немного позднее, чем к главному лицу. Однако ни в одном из этих исследований не использовались методы, способные прояснить этот вопрос[1].

---

[1]Наблюдения Эйнсворт проводились с интервалами примерно в две недели; отчеты от родителей, на которых главным образом основывалось исследование Шаффера и Эмерсона, авторы получали каждые четыре недели.

Когда ребенок обнаруживает привязанность к нескольким лицам, легко предположить, что его привязанность к главному из них будет слабее или, наоборот, когда он привязан только к одному человеку, его привязанность особенно сильна. На самом деле это не так: исследователи сообщают, что они наблюдали обратную картину как у шотландских, так и у гандийских младенцев. В отношении первых сообщается, что если малыш начинает проявлять признаки сильной привязанности к главному лицу, то значительно возрастает вероятность его социального поведения также и по отношению к другим избранным лицам. И наоборот, младенец, который имеет слабую привязанность, скорее ограничит ее проявления одним человеком. Эйнсворт отмечает ту же зависимость в поведении гандийских младенцев. В качестве возможного объяснения она указывает на следующее: чем менее надежна привязанность ребенка к главному лицу, тем более вероятно, что он будет робок и пассивен в ходе установления привязанности к другим лицам. В качестве иного объяснения — либо дополняющего объяснение Эйнсворт, либо альтернативного ему — можно указать на то, что чем менее надежна привязанность ребенка, тем менее активен он в установлении игровых отношений с другими людьми.

Но каким бы ни оказалось истинное объяснение указанной зависимости, ясно одно: ошибочно полагать, что маленький ребенок делит свою привязанность в отношении многих лиц и поэтому не питает сильной привязанности ни к кому, а следовательно, он не переживает отсутствие какого-то конкретного человека. Напротив, имеющиеся на сегодняшний день данные подтверждают гипотезу, выдвинутую мной ранее (Bowlby, 1958), о том, что ребенок склонен привязываться к одному конкретному человеку и как бы делать его своей «собственностью». В пользу этой точки зрения обращалось внимание на то, как маленькие дети, которые посещают ясли по месту жительства, склонны «замыкаться» на одной конкретной няне, если имеют такую возможность. В своей книге «Младенцы без семьи» Берлингем и Анна Фрейд (Burlingham, Freud, 1944) приводят множество примеров такого рода. Например:

«Бриджит (2—2,5 года) входила в группу няни Джин, которую очень любила. Когда Джин, проболев в течение нескольких дней, вновь пришла в ясли, Бриджит постоянно повторяла: «Моя Джин, моя Джин». Лилиан (2,5 года) однажды также сказала «моя Джин», но Бриджит возразила ей и пояснила: «Джин — моя, Рут — Лилиан, а Илза — Кейт».

Поскольку склонность ребенка особенно сильно привязываться к какому-то одному человеку, по-видимому, установлена вполне определенно, а также поскольку она имеет далеко идущие последствия в плане психопатологии, я полагаю, что она заслуживает специального термина. В упомянутой выше работе (см.: Bowlby, 1958) я называл ее «монотропией»[1]*.

---

[1]*Монотропия — букв, «направленность на одного», от греч. *monos* — один и *tropos* — направление. — *Примеч. ред.*

Роль неодушевленных предметов

До сих пор мы говорили только о различных людях, которым могут адресоваться проявления привязанности. Однако хорошо известно, что некоторые из проявлений привязанности иногда бывают направлены на неодушевленные предметы. Примерами могут служить реакции сосания, не связанного с насыщением, и цепляния.

Конечно, не менее распространено явление, когда и пищевое сосание направлено на какой-либо неодушевленный предмет, а именно на бутылочку для кормления. Но поскольку поведение, связанное с питанием, рассматривается как поведение, отличное от привязанности, пищевое сосание иных предметов, а не материнской груди, находится за пределами тематики данной книги.

В обществах простейшего типа, где большую часть суток младенец может находиться в непосредственном контакте с матерью, его сосание, не связанное с кормлением, а также цепляние направлены на материнское тело, как у всех видов приматов. В то же время в обществах иного рода, включая наше собственное, сосание, не связанное с кормлением, может появиться в первые недели жизни — это может быть сосание соски-пустышки или большого пальца, а несколько позднее (обычно к концу первого года жизни) у ребенка может возникнуть привязанность к какому-то конкретному уголку пеленки или одеяла, или к мягкой игрушке, которую можно прижимать к себе. Он обязательно берет такой предмет с собой в кровать, но также может потребовать его и в другое время дня, особенно если расстроен или устал. Часто, но не обязательно постоянно, он сосет и прижимает к себе эти мягкие предметы.

Вслед за Уинникоттом (Winnicott, 1953), который обратил внимание на первые «предметы собственности», оберегаемые ребенком как сокровище, немало исследователей, прибегнув к помощи родителей, занялись сбором сведении о них. Эти данные показывают, что в настоящее время в Соединенном Королевстве случаи та кого рода привязанности весьма часты. В группе из двадцати восьми шотландских малышей в возрасте восемнадцати месяцев Шаффер и Эмерсон (Schaffr, Emerson, 1964b) обнаружили одиннадцать (т.е. более трети) детей, имеющих (или ранее имевших) привязанность к какому-то особому предмету, который можно прижимать к себе. Кроме того, о трети детей также сообщалось, что они имеют (или имели) привычку сосать большой палец. Представляет определенный интерес тот факт, что почти обо всех детях, у которых имелись мягкие предметы, используемые «для прижимания», и которые сосали свой палец, также сообщалось, что они испытывают удовольствие, когда их обнимают их матери.

Если сосание пальца или соски-пустышки обычно появляется в первые недели жизни ребенка, то привязанность к определенному мягкому предмету, который можно прижимать и обнимать, редко встречается ранее девятимесячного возраста, а чаще всего возникает значительно позднее. Среди сорока трех детей, у которых имелась привязанность (в данный момент или ранее) к такого рода «предметам собственности», имелось девять малышей, у которых, по словам их матерей, привязанность появилась до двенадцати месяцев. У двадцати двух детей это произошло между одним и двумя годами, а еще у двенадцати — после двух лет (Stevenson, 1954).

Никаких свидетельств в пользу того, что девочки в этом отношении чем-то отличаются от мальчиков, нет.

Матери хорошо знают, какое огромное значение для спокойствия малыша имеет мягкая игрушка, к которой он привык. Если она находится рядом, то малыш согласен идти спать и отпускает свою мать. Однако если этот предмет потерялся, ребенок может быть безутешен до тех пор, пока тот не будет найден. Иногда ребенок привязывается не к одному, а к нескольким предметам. Примером может служить Марк (старший из троих детей), о котором говорили, что он всегда безраздельно владел вниманием матери.

«У Марка сохранялась привычка сосать большой палец до четырех с половиной лет, особенно в моменты эмоционального напряжения и ночью. До четырнадцати месяцев он подтягивал одеяльце левой рукой и, не переставая сосать свой правый палец, обматывал

одеяльце вокруг левого кулачка. Затем он постукивал по лбу обмотанным кулачком, пока не засыпал. Это одеяльце стало называться его «мантией» и сопровождало его везде — в кровати, в поездках с родителями и т.д. С трех лет у него также появилась деревянная белка из дерева, которую он ночью закутывал концом «мантии» и прятал под собой» (сообщение матери, цит. по: Stevenson, 1954).

Нет никаких причин думать, что привязанность к неодушевленному предмету служит дурным предзнаменованием; напротив, имеется множество свидетельств в пользу того, что такая привязанность может сочетаться с установлением хороших отношений с людьми. Но в некоторых случаях отсутствие интереса детей к мягким предметам действительно может стать основанием для беспокойства. Например, Провенс и Липтон (Provence, Lipton, 1962) сообщают, что ни один из наблюдавшихся ими малышей, которые на протяжении первого года жизни находились в скудных условиях детского учреждения, не обнаружил признаков привязанности к «любимой мягкой игрушке». Другие младенцы могут выказывать настоящую неприязнь к мягким предметам, и здесь также есть основание думать, что их социальное развитие, возможно, имеет отклонения. Стивенсон (Stevenson, 1954) приводит описание такого ребенка: с раннего детства он отличался сильной нелюбовью к мягким игрушкам. Известно, что вначале мать отвергала его, а затем и вовсе бросила, так что вполне вероятно, что его нелюбовь к мягким предметам каким-то образом отражала его нелюбовь к собственной матери.

Не только привязанность к мягкой игрушке совместима с хорошими отношениями с людьми, но и длительный характер проявлений привязанности к неодушевленному предмету в более поздние периоды детства может встречаться гораздо чаще, чем обычно полагают: немало детей сохраняют такого рода привязанности даже в школьные годы. Хотя легко возникает предположение, что длительность такой привязанности может указывать на то, что ребенок чувствует себя незащищенным, это предположение далеко не бесспорно. Однако дело может обстоять и совершенно иначе, когда ребенок предпочитает неодушевленный предмет живому человеку. Стивенсон приводит несколько примеров.

«Мать Роя рассказала мне, что если Рой упадет, то он не ждет, чтобы его успокоили, а всегда просит дать ему «Сэю» (так он называет свою тряпочку). Другие две матери рассказывали мне, что, когда их сыновья приходили в себя после операции, первое, что они просили, были предметы».

Одним из этих мальчиков был Марк, которому в возрасте шести лет удалили миндалины. Приходя в себя после анестезии, он попросил «Белку», а получив ее, спокойно уснул.

Вероятно, возможна ситуация, когда все проявления привязанности ребенка могут быть целиком направлены на неодушевленный предмет, а не на человека. Однако если это продолжается довольно длительное время, то, несомненно, может служить неблагоприятным знаком в отношении психического здоровья в будущем. Подобная позиция «здравого смысла» находит свое серьезное подтверждение в наблюдениях Харлоу и его коллег (Harlow, Harlow, 1965), проведенных на макака-резусах, у которых проявления привязанности в период младенчества адресовались исключительно манекену[1]*. Когда их позднее поместили вместе с другими обезьянами, оказалось, что все их социальные взаимоотношения были резко нарушены.

---

[1]*Имеются в виду упоминавшиеся в гл. 10—11 данной книги эксперименты Харлоу, где специальные манекены выполняли роль «искусственных матерей». — Примеч. ред.

Теоретическое значение привязанности ребенка к неодушевленным предметам обсуждалось клиницистами, особенно подробно Уинникоттом (Winnicott, 1953), который называл их «переходными объектами». В рамках выдвигаемой им теоретической схемы этим предметам отводится особое место в развитии объектных отношений; он считает, что

они принадлежат к той стадии развития, на которой ребенок, едва ли еще способный к использованию символов, тем не менее, пытается действовать в этом направлении: отсюда термин «переходный»[2]. Хотя терминология Уинникотта теперь широко принята, теория, на которой она основывается, оставляет нерешенными ряд вопросов.

---

[2]Поскольку позицию Уинникотта изложить нелегко, лучше предоставить слово ему самому: «...уголок одеяльца (или чего-то другого) символизирует частичный объект, например грудь. Тем не менее суть здесь не столько в том, что именно замещает символ, сколько в самом факте замещения. Не так важно, что это грудь (или мать), как то, что этот уголок одеяльца замещает грудь (или мать)... Думаю, что здесь требуется использовать термин, обозначающий сам момент зарождения символизма, — термин, который отмечает начало пути ребенка от чисто субъективной позиции к объективности; и переходный объект (уголок одеяла и т.д.) — это, по-видимому, то, что мы видим в процессе его постепенного движения к обретению опыта».

Гораздо более строгий подход к роли этих неодушевленных предметов — рассматривать их как предметы, которым адресованы некоторые компоненты привязанности или же «переадресованы» из-за недоступности «естественного» объекта привязанности[3]. Вместо груди, не связанное с насыщением сосание обращено на пустышку, а вместо материнского тела, волос или одежды цепляние направлено на одеяльце или мягкую игрушку. Разумно предположить, что когнитивный статус таких предметов на каждой стадии развития ребенка эквивалентен статусу главного лица, к которому он привязан, — вначале это что-то чуть более сложное, чем отдельный стимул, затем это что-то узнаваемое и ожидаемое и, наконец, это образ человека, постоянно существующего во времени и пространстве. Поскольку нет причин предполагать, что так называемые переходные объекты играют какую-то особую роль в развитии ребенка (когнитивном или ином), в ходе дальнейшего рассмотрения данных целесообразно называть их просто замещающими объектами.

---

[3]Под «естественным» объектом подразумевается тот объект, на который направлено поведение животного в среде, к которой он адаптирован в ходе эволюции.

Более строгий вариант теории получает серьезные подтверждения со стороны наблюдений за поведением детенышей приматов, отлученных от матери. Как и дети, детеныши обезьян с готовностью припадают к бутылочке с питанием, а также к пустышке и большому пальцу для сосания, не связанного с кормлением. Последнее может также иметь место по отношению к множеству других частей их тела: обычно это пальцы ног, а иногда собственные соски у самочек и пенис у самцов. Как показал Харлоу, детеныши обезьян с удовольствием цепляются за свою искусственную мать, если она сделана из мягкой ткани.

Когда в качестве приемной матери о детенышах обезьян заботится женщина, они тотчас принимают ее за мать и цепляются за нее с огромным упорством. Они цепляются так сильно, что можно считать удачей, если удается оторвать их, порой вместе с клочками одежды. «Переадресованное» поведение такого типа ярко описала Хейс (Hayes, 1951), которая вырастила детеныша шимпанзе. В своем отчете о поведении Вики, которой было примерно восемь месяцев, она пишет:

«Хотя мы с Вики были верными друзьями, я была не единственным ее утешением в минуты огорчений. Мы обнаружили, что Вики можно было успокоить... давая ей подержать полотенце... Всюду, куда бы ни шла Вики, за ней волочилось полотенце, зажатое в руке или намотанное на кулачок, или накинутое за спину... [Когда] она уставала от какой-то игрушки и решала идти дальше, для уверенности она всегда тянула за собой

свое полотенце. Если его не было у нее, то Вики искала его глазами вокруг и, если не находила, то начинала носиться по комнате в его поисках. Затем она хваталась за мою юбку и начинала подпрыгивать, пока я, защищаясь от нее, не давала ей полотенце».
Можно привести множество примеров подобного поведения детенышей приматов, помещенных в необычную для них обстановку.
Таким образом, представляется очевидным, что если «естественный» объект привязанности недоступен детям или детенышам шимпанзе, то проявления их привязанности могут быть направлены на некий замещающий предмет. Даже будучи неодушевленным, такой предмет, по-видимому, часто способен играть роль важного, хотя и второстепенного «лица, к которому тот привязан». К неодушевленному предмету как к заместителю главного лица, к которому привязан ребенок, он прибегает тогда, когда устал, болен или огорчен.

ПРОЦЕССЫ, ВЕДУЩИЕ К ВЫБОРУ ЛИЦ, К КОТОРЫМ ПРИВЯЗЫВАЕТСЯ РЕБЕНОК

В предыдущей главе утверждалось, что развитие поведения привязанности младенца к конкретному лицу представляет собой результат действия по крайней мере четырех процессов. Механизмы первых трех из этих процессов вместе с теми следствиями, к которым они почти неизбежно ведут, если младенец растет в условиях обычного семейного ухода, перечислены ниже:
внутренне заданная предрасположенность ориентироваться на одни, а не на другие виды стимулов, зрительное и слуховое предпочтение определенных стимулов приводят в результате к тому, что младенец очень рано начинает обращать особое внимание на людей, которые заботятся о нем;
научение в результате воздействия, которое приводит к тому, что младенец усваивает перцептивные признаки того, кто ухаживает за ним, и выделяет этого человека из всех остальных людей и предметов;
внутренне заданная предрасположенность приближаться ко всему, что знакомо, предрасположенность, заставляющая младенца, как только это позволят его двигательные возможности, тянуться к тому знакомому лицу (или лицам), которое(ые) он научился выделять.
Четвертый действующий здесь процесс — это хорошо известный вид усвоения на основе обратной связи, идущей от определенных последствий какой-либо из составляющих поведения. Благодаря этому усвоению проявления привязанности становятся более отчетливыми и зримыми (усиливаются). Теперь можно задать вопрос: к каким конкретным результатам ведут элементарные формы поведения привязанности, если, получив обратную связь, они в итоге усиливают это поведение?
В гл. 12 уже отмечалось, что пока нет никаких свидетельств в пользу традиционной теории, согласно которой определяющим видом подкрепления поведения привязанности служит пища, и что причина, по которой ребенок привязывается к какому-то конкретному человеку, в том, что тот его кормит, а также удовлетворяет его другие телесные потребности. Напротив, в настоящее время имеются весьма убедительные данные, свидетельствующие, что одним из наиболее действенных видов подкрепления поведения привязанности является то, как окружающие младенца люди отвечают на его успехи в попытках установить с ними контакт. Теперь эти данные можно представить в более полном виде. Источниками для них послужили естественное наблюдение и эксперимент. Исследования с помощью метода наблюдения в естественной среде проводили Шаффер и Эмерсон, которые изучали шотландских детей. Эйнсворт вела эти исследования в племени ганда. Имеются также менее систематические исследования младенцев, воспитывавшихся в израильских кибуцах. Все полученные данные в принципе говорят об одном и том же.

Шаффер и Эмерсон (Schaffer, Emerson, 1964a) ставили перед собой задачу выявить факторы, влияющие на формирование сильной либо слабой привязанности к матери у полуторагодовалого ребенка. Степень привязанности оценивалась по силе протестов ребенка против ухода его матери. Их выводы основаны на наблюдениях за тридцатью шестью детьми.
Ряд факторов, которые традиционно считались выполняющими важную роль в формировании сильной или слабой привязанности, в действительности оказались не значимыми. К ним можно отнести несколько факторов, связанных с особенностями практикуемых методов кормления, отлучения от груди и приучения к опрятности. Другими факторами, которые признаны не значимыми, являлись пол ребенка, порядок рождения среди других детей в семье и уровень развития (интеллектуальный коэффициент). Напротив, явно значимыми оказались два фактора, относящихся к взаимодействию матери и ребенка. Это была готовность, с которой мать реагировала на плач младенца, и то, насколько активно она инициировала взаимодействие со своим ребенком: чем с большей готовностью она реагировала на его плач и чем чаще она инициировала взаимодействия, тем сильнее привязывался к ней ее полуторагодовалый малыш (оценка основывалась на активности его протестов против ухода от него матери). Хотя эти два фактора нередко сочетались друг с другом, их связь не была статистически значимой:
«...отдельные матери... которые быстро отзывались на плач ребенка, редко по собственной инициативе вступали во взаимодействие с ним, и наоборот, матери, которые не проявляли особой отзывчивости на плач, тем не менее активно взаимодействовали с ребенком».
Вывод, заключавшийся в том, что отзывчивость на плач и готовность начать взаимодействие относятся к наиболее существенным факторам, был подтвержден данными, полученными Шаффером и Эмерсоном в отношении второстепенных лиц, к которым был привязан ребенок. Тех, кто с готовностью реагировал на плач младенца, но не ухаживал За ним, ребенок обычно выбирал в качестве второстепенных лиц для адресации своей привязанности, а тех, кто иногда ухаживал за ним, но не отзывался на его социальные реакции, ребенок редко выбирал объектом своей привязанности.
Естественно, что те лица, которые с готовностью реагировали на плач и часто инициировали взаимодействие, обычно были именно теми людьми, которые находились рядом с ребенком. Однако так было не всегда: например, некоторые матери, проводившие целый день рядом с младенцем, не обнаруживали готовность реагировать на его плач или общаться с ним, в то время как некоторые отцы, отсутствовавшие большую часть времени, активно взаимодействовали с ребенком, оказавшись рядом с ним. Шаффер и Эмерсон обнаружили, что в таких семьях ребенок был обычно больше привязан к отцу, чем к матери.
«Некоторые матери жаловались, что в их метод воспитания, принцип которого — не баловать ребенка, вмешивались мужья. Ребенок, в присутствии матери остававшийся спокойным, начинал требовать от отца внимания, когда он был дома в выходные дни, вечером и во время отпуска».
Анализируя свои данные, касающиеся детей из племени ганда, Эйнсворт склонялась к таким же выводам, хотя и с некоторой осторожностью, поскольку ее наблюдения были недостаточными. Тем не менее опыт, приобретенный ею в Африке, помог ей в последующих исследованиях (в них наблюдались белые дети из штата Мэриленд) более систематически описать оперативность, частоту и форму обычного реагирования матери по отношению к своему ребенку. В предварительных записях своих наблюдений Эйнсворт (Ainsworth, 1967. Chapter 23) отмечает, что в новом исследовании выявилось большое значение двух факторов, относящихся к развитию поведения привязанности: 1) чуткости матери при реагировании на сигналы своего ребенка; 2) количества и характера эпизодов взаимодействия между матерью и младенцем. Матери, чьи дети имеют наиболее надежную привязанность к ним, отличаются тем, что реагируют на сигналы своих

малышей немедленно и так, как необходимо. Они много и активно взаимодействуют со своими детьми — к их обоюдному удовольствию.

Некоторые, хорошо документируемые наблюдения за развитием поведения привязанности у детей, воспитывающихся в израильских кибуцах, не укладываются в традиционную теорию, в то же время они прекрасно согласуются с теорией, которая подчеркивает роль социального взаимодействия в развитии привязанностей.

В израильском кибуце за ребенком, который находится в яслях, большую часть времени ухаживает няня[1]; родители заботятся о нем только час или два в день, за исключением субботы, когда они проводят с ним весь день.

____

[1]Няню называют «metapeleth» (во множественном числе — «metaploth»).

Таким образом, кормление ребенка и уход за ним в основном осуществляется няней. Однако несмотря на это, главными лицами, к которым привязан ребенок, растущий в кибуце, являются его родители, — с этим, кажется, согласились все исследователи, которые проводили наблюдения. Например, в результате изучения развития детей в одном кибуце Спиро (Spiro, 1954) отмечает:

«Хотя родители не принимают значительного участия в социализации своих детей или в удовлетворении их физических потребностей... родители играют решающую роль в психическом развитии ребенка... Они дают ему ощущение безопасности и любовь, которые ребенок не получает больше ни от кого. Во всяком случае привязанность маленьких детей к своим родителям больше, чем в нашем обществе».

Это мнение разделяет и Пеллед (Pelled, 1964), которая в своих выводах опирается на опыт двадцатилетней работы в качестве психотерапевта с людьми, воспитывавшимися в кибуце:

«Главные объектные отношения ребенка из кибуца складываются внутри семьи — это отношения с родителями и братьями и сестрами... Я ни разу не видела сильной и длительной привязанности к няне... Няни, которые остаются в прошлом, обычно упоминаются вскользь, равнодушно, иногда с возмущением... В ретроспективном плане отношения с няней кажутся временными, легко заменимыми объектными отношениями, которые направлены на удовлетворение потребностей, и сразу прекращаются, как только необходимость в их удовлетворении отпадает».

Ясно, что эти данные прямо противоположны тому, что вытекает из традиционной теории. В то же время их нетрудно понять с учетом теории, выдвигаемой здесь. В яслях на попечении няни всегда находятся несколько детей. Она должна готовить им еду, переодевать и т.д. В результате у нее Может не хватать времени реагировать на сигналы младенца или играть с ним. Если же за ребенком ухаживает мать, она обычно больше ничем другим не занята и поэтому может свободно реагировать на его сигналы или играть с ним. Поэтому вполне вероятно, что в течение недели ребенок получает больше общения и благоприятного с точки зрения времени взаимодействия со своей матерью, чем с няней. Конечно, так или иначе в действительности обстоит дело, можно проверить с помощью систематического наблюдения[1].

____

[1]Это предположение убедительно подтверждается данными четы Гевирц (Gewirtz, Gewirtz, 1968), которые, проводя непосредственные наблюдения в кибуце, установили что в течение первых восьми месяцев жизни ребенок каждый день видит свою мать, по крайней мере, в два раза по времени больше, чем няню. Это происходит главным образом потому, что большую часть времени дня, когда он находится на попечении няни, она в действительности не находится рядом с ними.

Если в кибуце все происходит именно так, то данная ситуация довольно точно соответствует описаниям Шаффера и Эмерсона, отмечавшим, что в некоторых семьях ребенок больше привязан к отцу, которого он мало видит, но который с ним много общается, а не к матери, ухаживающей за ним целый день, но редко взаимодействующей с ним.
Все наблюдения, о которых до сих пор шла речь, проводились в обычной обстановке повседневного ухода за детьми — со всеми преимуществами, которые предоставляет реальная жизнь, и со всеми трудностями интерпретации данных, которые неизбежны в таких условиях. Однако следует заметить, что выводы, сделанные на основе этих исследований, полностью согласуются с результатами ряда проведенных к этому времени экспериментов (и описанных в предыдущих главах). Например, Брэкбилл (Brackbill, 1958) удавалось добиться ярче выраженной улыбки трехмесячных младенцев простым приемом социального реагирования: каждый раз, когда ребенок улыбался, она улыбалась ему в ответ и при этом ласково говорила с ним, брала на руки и качала. Рейнголд, Гевирц и Росс (Rheingold, Gewirtz, Ross, 1959), используя сходные методы, добивались более активного лепета у детей такого же возраста. Каждый раз, когда ребенок начинал лепетать, ему отвечали широкой улыбкой, троекратным звуком «тсс» и легким поглаживаем живота младенца.

Задержка в образовании привязанности

Данные, касающиеся младенцев, у которых привязанность развивается медленно, также согласуются с выдвинутой здесь теорией. В то время как у большинства детей к девяти месяцам имеются явные признаки избирательно направленного поведения привязанности, у отдельных детей появление такого поведения задерживается, иногда значительно — в таком случае оно приходится на второй год жизни. Данные свидетельствуют, что обычно это дети, которые по той или иной причине получили гораздо меньше социальной стимуляции от матери, чем дети, у которых поведение привязанности развивалось быстрее.
Задержкой поведения привязанности отличаются дети, воспитывающиеся в детском учреждении, где нет личного общения. Мы уже упоминали о данных Провенс и Липтон (Provence, Lipton, 1962). Они отмечают, что в годовалом возрасте у семидесяти пяти детей, которых они наблюдали, не было признаков избирательно направленного поведения привязанности. (Все дети находились в детском учреждении с пяти недель или с более раннего возраста.)
Данные Эйнсворт (Ainsworth, 1963, 1967) относительно детей племени ганда, воспитывавшихся в семьях, согласуются с данными Провенс и Липтон. Среди двадцати семи гандийских детей, за которыми она вела наблюдения, четверо заметно отставали в проявлениях привязанности. Двое из них были сводными сестрами (у них были разные матери), в возрасте одиннадцати-двенадцати месяцев соответственно они фактически еще не проявляли какой-либо избирательности или привязанности. Двое других были близнецами (мальчик и девочка). По сути дела, у них не было признаков поведения привязанности в возрасте тридцати семи недель — к моменту, когда наблюдения были завершены.
Когда матерей этих двадцати семи детей оценили с точки зрения качества ухода, который они обеспечивали своему малышу по семибалльной системе, оказалось, что низкие оценки получили только те матери, у детей которых не сформировалось поведение привязанности. Эти матери регулярно оставляли своих детей на продолжительное время, они также делили свои обязанности по уходу за ребенком с кем-то еще, даже если были дома. Когда оценили уход за каждым ребенком в целом (со стороны матери или еще кого-либо), то оказалось, что такие дети очень сильно проигрывали по сравнению со всеми остальными, исключением был лишь один малыш, у которого имелась привязанность.
Обсуждая результаты своих наблюдений, Эйнсворт подчеркивает, что понятие «материнский уход», которое она использовала в своем исследовании, имеет слишком

общий характер. Как уже говорилось, наиболее важным компонентом материнского ухода, с точки зрения Эйнсворт, является доброжелательное общение с ребенком, а не повседневный уход за ним.

Роль различных рецепторов

Как в этих экспериментах, так и в повседневной обстановке стимуляция, получаемая ребенком в процессе общения и эффективно способствующая формированию у него поведения привязанности, включает в себя совокупность визуальных, слуховых, тактильных, а также кинестетических и обонятельных воздействий. В связи с этим возникают вопросы: какие (если они есть) из этих видов взаимодействия являются незаменимыми для развития привязанности и какие из них наиболее действенны?

При обсуждении этой темы выделяются два направления. В большинстве старых публикаций предполагалось, что привязанность развивается на основе кормления ребенка, особое значение придавалось тактильной, в частности, оральной стимуляции. В более поздних работах это предположение было подвергнуто сомнению, например, такими учеными, как Рейнголд (Rheingold, 1961) и Уолтере и Парк (Walters, Parke, 1965), точка зрения которых имеет много общего с выдвинутой здесь. Эти исследователи подчеркивают, что с первых же недель зрение и слух ребенка активно функционируют в качестве средств социального взаимодействия; они ставят под сомнение особую роль, до сих пор приписываемую тактильной и кинестетической стимуляции. Не только улыбка и лепет, но и зрительный контакт глаз также, по-видимому, играет совершенно особую роль в формировании связей между младенцем и матерью (Robson, 1967).

Тот факт, что зрительный контакт имеет большое значение, подтверждается тем, что при повседневном уходе за младенцем мать обычно держит его таким образом, что они редко бывают обращены лицом друг к другу; однако когда мать настроена на общение с ним, она обычно держит его перед собой, чтобы его лицо было обращено к ней (Watson, 1965). Это наблюдение согласуется со сведениями о том, что младенец привязывается к людям, которые вступают с ним в общение и взаимодействие, а не к тем, кто главным образом занимается удовлетворением его физических потребностей.

При первом чтении может показаться, что мнение о том, будто визуальные стимулы доминируют над тактильными и кинестетическими, подтверждается также исследованием развития привязанности у младенцев, которые не любят, чтобы их качали. Это исследование проводилось Шаффером и Эмерсоном (Schaffer, Emerson, 1964b). Однако такой вывод едва ли правомерен.

В этой работе, которая представляет собой часть более широкого исследования, посвященного развитию привязанности (1964a), ученые обнаружили группу детей (девять из тридцати семи годовалых малышей), о которых их матери говорили, будто бы они активно сопротивляются укачиванию. Как сказала одна мать: «Он не дает себя укачивать; он сопротивляется и вырывается». О других девятнадцати детях говорили, что они любят, чтобы их качали, а остальные девять малышей относятся к этому спокойно[1]. С точки зрения развития привязанности «любители» и «противники» укачивания мало чем отличались: единственным существенным различием было то, что в возрасте одного года степень привязанности была более высокой у «любителей» качания. Однако в полтора года эта разница хотя и сохранялась, но больше не была значимой. В этом возрасте не наблюдалось также и какой-либо разницы между детьми по количеству лиц, на которых было направлено их поведение привязанности.

---

[1]Шаффер и Эмерсон утверждают, что все дети, не любившие укачивания, по словам их матерей, проявляли свои особенности еще в возрасте нескольких недель. Д-р Мэри Эйнсворт (сообщение в личной беседе) скептически отнеслась к ретроспективно полученным сведениям о том, что ребенок «никогда не любил, чтобы его качали». Работа с детьми и матерями из штата Мэриленд убеждает ее в том, что, по крайней мере,

некоторых из малышей, не любивших укачивание, матери очень мало держали на руках в течение первых месяцев:
«Мы с моими ассистентами решили специально брать на руки крошечных младенцев, о которых их матери говорили, что они не любят, когда их укачивают. У нас на руках им это нравилось». Дело в том, что мать может не хотеть укачивать ребенка. Позднее мы обнаружили, что порой эти Дети противятся укачиванию и извиваются, когда их держат на руках. Конечно, некоторые дети с церебральными нарушениями страдают гипертензией и могут с самого рождения не переносить укачивания.

Хотя данные о таком небольшом различии между этими двумя группами можно было бы истолковать как свидетельство малой роли физического контакта в развитии привязанности, необходима осторожность в выводах. Было бы серьезной ошибкой полагать, что младенец, описанный Шаффером и Эмерсоном как «противник» укачивания, не получает никакой тактильной или кинестетической стимуляции. Наоборот, малышам, которые не любили, чтобы их качали, нравилось, когда их кружили или возились с ними; более того, они с удовольствием сидели у матери на коленях во время кормления; а когда они были чем-нибудь встревожены, то держались за материнскую юбку или прятали лицо у нее в коленях. Единственное, что позволяло считать их не такими, как все, — это то, что они не терпели, когда их сдерживали: а поскольку укачивание ограничивало их движения, они протестовали против него. Таким образом, хотя эти дети, возможно, получали значительно меньше тактильной стимуляции, чем дети, которых укачивали, однако и поступавшую к ним стимуляцию нельзя считать незначительной.
Исследования развития привязанности у слепых детей также дают весьма неоднозначные результаты. С одной стороны, утверждается, что привязанность слепого младенца к матери и с точки зрения ее избирательности, и по интенсивности значительно слабее, чем привязанность зрячего ребенка (Robson, 1967) (Робсон почерпнул это из личных бесед с Дэниэлом Фридманом, Селмой Фрейбург и Дороти Берлингем); с другой стороны, существует мнение, что создаваемое поведением слепых детей впечатление, будто они легко меняют человека, к которому испытывают привязанность, на незнакомого, не соответствует действительности. Оно основано на том, что слепой ребенок, так же как и зрячий, в момент тревоги, если рядом нет близкого человека, имеет обыкновение цепляться за любого, кто может оказаться поблизости (Nagera, Colonna, 1965). Возможно, решение этого противоречия заключается в том, что у слепых детей привязанность к конкретному лицу формируется намного медленнее, чем у зрячих, однако после того, как привязанность образовалась, у слепых детей она сильнее и остается таковой дольше, чем у зрячих малышей.
На самом деле данных, позволяющих ответить на поставленные вопросы, еще нет. То, что дистантные рецепторы играют намного более важную роль, чем та, которая отводилась им до сих пор, кажется бесспорным, но не стоит делать вывод, что значение тактильных и кинестетических рецепторов невелико. Напротив, когда ребенок очень расстроен, физический контакт ему, очевидно, жизненно необходим: он успокаивает плачущего младенца в первые месяцы его жизни и утешает испуганного ребенка в более старшем возрасте. Наиболее разумной в настоящее время представляется точка зрения, согласно которой, очевидно, каждый вид социального взаимодействия играет свою важную роль; тем не менее благодаря многообразию компонентов структуры поведения привязанности недостаток одного вида взаимодействия может быть восполнен каким-то другим.
Известно, что наличие множества альтернативных средств, с помощью которых могут быть удовлетворены потребности, связанные с выживанием, — весьма распространенное явление в животном мире.

СЕНЗИТИВНЫЕ ПЕРИОДЫ И БОЯЗНЬ НЕЗНАКОМЫХ ЛЮДЕЙ

Поскольку в настоящее время установлено, что у животных существует период, наиболее благоприятный для развития поведения привязанности к какой-либо предпочитаемой особи, естественно, возникает вопрос: не обстоит ли дело подобным образом и у человека? Большинство ученых, ориентированных на этологию, склонны давать на него положительный ответ. Каковы же основания для такого ответа?

Данные, свидетельствующие о наличии стадии повышения сензитивности

Некоторые исследователи, изучавшие этот вопрос, например Грей (Gray, 1958), Амброуз (Ambrose, 1963), Скотт (Scott, 1963) и Бронсон (Bronson, 1965), полагают, что в первые пять-шесть недель жизни младенец еще не готов к началу формирования поведения привязанности к какому-либо определенному лицу. Ни возможности его восприятия, ни уровень организации поведения не позволяют ему вступать в социальное взаимодействие, если не считать самого примитивного[1].

---

[1]Используемый Греем (Gray, 1958) аргумент, что в течение первых шести недель ребенок не способен к научению, конечно, ошибочен (см. гл. 14).

Примерно после шести недель младенец постепенно приобретает способность различать то, что он видит, слышит и ощупывает и, кроме того, его поведение становится намного лучше организованным. В результате к третьему месяцу жизни различия в социальном поведении младенцев, воспитываемых в семье и в детских учреждениях, становятся очевидными. Основываясь на этих данных и исходя из быстрого развития у ребенка мозговых структур, можно сделать предварительный вывод, что хотя готовность к формированию привязанности в первые недели после рождения находится на низком уровне, в течение второго и третьего месяцев она возрастает. Тот факт, что к концу первого полугодия у многих детей определенно присутствуют элементы поведения привязанности, позволяет предположить, что на протяжении предшествующих месяцев — четвертого, пятого и шестого — большинство младенцев находятся в состоянии повышенной чувствительности к развитию поведения привязанности.

Добавить что-либо к этой общей констатации трудно. В частности, неизвестно, превышает ли уровень сензитивности в течение одного из этих месяцев ее уровень в следующие месяцы жизни младенца или нет.

Без дополнительных данных невозможно, например, принять предположение Амброуза (Ambrose, 1963), что период примерно с шести до четырнадцати недель, в течение которого ребенок изучает характерные черты человеческого лица (надындивидуальное научение), и до того, как он станет различать лица конкретных людей, может быть периодом особой сензитивности. Свидетельства, представленные им, явно неубедительны; более того, теория, на которой основана часть его аргументов о том, что запечатление является результатом снижения состояния тревоги (Moltz, 1960), принимается не всеми (см. гл. 10).

Данные, свидетельствующие о сохранении определенной степени сензитивности в течение нескольких месяцев

Хотя к шестимесячному возрасту большинство младенцев, воспитывающихся в семье, обнаруживают поведение привязанности, у некоторых детей его еще нет; так же как оно отсутствует у большинства детей, которые растут в детских учреждениях. Поскольку можно считать установленным, что у большинства из этих детей привязанность действительно возникает позднее, ясно, что в какой-то степени сензитивность сохраняется, по крайней мере, на некоторое время.

Одно из исследований Шаффера отчасти освещает этот вопрос. Целью Шаффера (Schaffer, 1963) было установить, как влияют на появление поведения привязанности длительные разлуки в середине первого года жизни. Все двадцать наблюдаемых малышей находились в двух детских учреждениях в течение десяти (или более) недель. Там у них не было возможности для формирования избирательной привязанности. Затем все малыши, которым уже было от тридцати до пятидесяти двух недель, вернулись к себе домой. Поскольку после возвращения они уже достигли возраста, в котором можно ожидать избирательного поведения привязанности, было интересно установить, насколько этот процесс задержался из-за разлуки с близкими людьми.

Шаффер обнаружил, что к годовалому возрасту у всех детей, кроме одного, имелось поведение привязанности. Различия в длительности задержки появления этого поведения у разных детей были очень значительными — от трех дней до четырнадцати недель. У восьми детей появление поведения привязанности отмечалось к концу двухнедельного пребывания дома; другим восьми детям для этого понадобилось от четырех до семи недель; а трем остальным — от двенадцати до четырнадцати недель.

Из множества факторов, которые, очевидно, обусловливали эти различия, можно легко выделить два: 1) условия в детском учреждении и 2) опыт, полученный после возвращения домой. Как ни удивительно, но ни продолжительность отсутствия детей дома, ни возраст, в котором они возвращались, не оказались значимыми.

Детей разделили на две группы. За одной группой, включавшей одиннадцать детей, ухаживали в больнице, где они были ограничены как в социальной, так и в других видах стимуляции. Матери имели возможность видеться с ними, но к большинству детей они приходили только один раз в неделю, и лишь к некоторым — четыре-пять раз. Вторая группа состояла из девяти малышей, которые содержались в доме ребенка с целью исключения их контакта с носителями открытой формы туберкулеза. Хотя этих девятерых детей матери никогда не навещали, с ними часто общались няни, которых было довольно много.

После возвращения домой у младенцев, находившихся в доме ребенка, поведение привязанности к матери сформировалось значительно быстрее, чем у детей, лежавших в больнице. У всех детей, помещенных в больницу, кроме одного, привязанность появлялась не раньше, чем через четыре недели. В то же время все младенцы из дома ребенка за исключением двоих, стали проявлять привязанность уже в течение двух недель после возвращения. Один годовалый малыш, выписанный из дома ребенка после тридцати семи недель пребывания, уже на третий день нахождения дома стал проявлять признаки привязанности.

Исходя из этих данных, можно с уверенностью сказать, что, если ребенок получает достаточно социального взаимодействия в середине и во второй половине первого года жизни, у него быстро развивается избирательная привязанность при наличии соответствующих условий; в то же время без такой социальной стимуляции у него значительно медленнее будет формироваться привязанность. Когда общий уровень социальной стимуляции низок, ясно, что редкие визиты матери недостаточны, чтобы улучшить положение (хотя это все же лучше, чем ничего).

Безусловно, самая интересная часть исследования Шаффера касается вопроса о том, как быстро развивалась привязанность у детей, находившихся в доме ребенка. Семеро из девятерых обнаруживали ее в течение двух недель после возвращения домой; еще у одного из двух других причина задержки наверняка заключалась в том, что после возвращения домой он получал слишком мало внимания со стороны окружающих. Это был мальчик в возрасте тридцати шести недель, вернувшийся домой после двенадцати недель пребывания в доме ребенка. За ребенком ухаживал отец-инвалид, а мать работала, поэтому малыш мало ее видел. Хотя оба родителя очень любили ребенка, в этот период никто из них не уделял ему много внимания, и поведения привязанности у него не наблюдалось. Однако через два с половиной месяца мать оставила работу и посвятила

себя семье. В течение нескольких дней ребенок, которому к тому времени исполнился год, начал проявлять сильную привязанность именно к матери.
Эти данные показывают, что если имеются хотя бы минимально необходимые социальные условия, готовность к образованию привязанности может сохраняться у некоторых младенцев, по меньшей мере, до конца первого года жизни. Тем не менее многие вопросы остаются без ответа. Во-первых, что подразумевается под этими минимально необходимыми условиями? Во-вторых, является ли привязанность, которая развивается позднее, чем обычно, такой же сильной, стабильной и надежной (т.е. дающей ощущение безопасности), как привязанность, которая развивается в более раннем возрасте? В-третьих, как долго на втором году жизни может сохраняться готовность к формированию привязанности? Каким бы ни был предельный срок, ясно, что после шести месяцев условия для развития привязанности обычно становятся менее благоприятными. Главная причина этого в том, что возрастает готовность возникновения реакций страха и их интенсивность.

Боязнь незнакомых людей и снижение сензитивности

С возрастом у детей, как и у детенышей различных видов животных, начинает возникать страх при виде всего незнакомого, включая новых для них людей. Когда реакции страха достигают обычной и/или высокой интенсивности, у младенца появляется стремление избежать такой ситуации, удалиться, а не приблизиться к новому объекту. В результате вероятность того, что у него разовьется привязанность к какому-либо новому человеку, уменьшается.
Прежде чем ребенок проявит страх, его реакция на появление незнакомого человека проходит через три стадии (Freedman, 1961; Schaffer, 1966; Ainsworth, 1967).

1. Стадия, когда ребенок зрительно не различает знакомых и незнакомых.
2. Стадия, длительность которой обычно составляет шесть — десять недель, во время которых ребенок реагирует на незнакомых людей положительно и отвечает им довольно охотно, хотя и не с такой готовностью, как знакомым.
3. Стадия длится четыре — шесть недель, в течение которых ребенок затихает при виде незнакомого человека и внимательно смотрит на него.

Только после этого у него появляется поведение, типичное для состояния страха, например, отворачивание и попытки отдалиться от незнакомого человека, сопровождаемые визгом или плачем, а также выражением неприязни на лице[1].
Возраст, в котором впервые при виде незнакомых людей у детей появляется явный страх, различен; он также различается в зависимости от используемых критериев. У некоторых младенцев — это двадцать шесть недель; у большинства же детей — примерно восемь месяцев; а у небольшого числа детей его появление задерживается вплоть до второго года жизни (там же)[2].

---

[1]Амброуэ (Ambrose, 1963) предполагает, что реакции страха могут возникать до того, как станут заметны соответствующие поведенческие проявления. Он основывает свою точку зрения на резком ослаблении реакции улыбки у ребенка при виде незнакомого человека. Такое ослабление наблюдается у детей в возрасте от четырнадцати до шестнадцати недель и, по его мнению, оно происходит из-за «сильного торможения в результате вмешательства новой реакции... возможно, страха». Хотя такой вывод никоим образом нельзя считать безусловным, он вполне оправдан; более того, если это так, то данная реакция, по-видимому, недостаточно сильна и к ней быстро происходит привыкание.
[2]Ярроу (Yarrow, 1967) отмечает, что в группе наблюдавшихся им детей страх при виде незнакомого человека обнаруживали 12% детей в возрасте трех месяцев, 40% — в возрасте шести месяцев и 46% — восьми месяцев.

У ребенка страх от прикосновения к нему незнакомого человека или от того, что тот берет его на руки, появляется раньше, чем страх при виде этого человека (Tennes, Lampl, 1964).

Объясняя более позднее появление страха при виде незнакомых людей, которое встречается у некоторых младенцев, разные исследователи указывают на различные факторы. Так, Фридман (Freedman, 1961) и Эйнсворт (Ainsworth, 1967) отмечают, что чем позднее развивается привязанность, тем позднее возникает реакция страха перед незнакомыми людьми; в то же время Шаффер (Schaffer, 1966) замечает, что чем больше людей ребенок встречает в повседневной жизни, тем позднее у него возникает боязнь незнакомых людей. Несомненно, что помимо этих двух факторов имеются и другие.
По мере взросления страх детей перед незнакомыми людьми становится все более явным. Теннес и Лампль (Tennes, Lampl, 1964) считают семь — девять месяцев возрастом наивысшей интенсивности реакции страха, тогда как Морган и Риччути (Morgan, Ricciuti, 1969) полагают, что пик страха наступает на втором году жизни ребенка. Эйнсворт (Ainsworth, 1967) утверждает, что заметное усиление реакции страха наблюдается в девять-десять месяцев. Однако она также признает, что между детьми имеются большие различия, а кроме того, от месяца к месяцу у любого младенца могут происходить необъяснимые изменения.
Главная трудность в определении сроков появления реакции страха и пика его интенсивности в том, что у каждого ребенка его проявления различаются в зависимости от конкретных условий. Например, как появление, так и интенсивность реакции страха в значительной степени зависят от расстояния, на котором находится незнакомый человек от ребенка, приближается ли он к нему и что при этом делает; вероятно, они также зависят от того, находится ли младенец в знакомой или новой для него обстановке, здоров он или болен, устал или полон сил. Еще один фактор, который специально изучали Морган и Риччути (Morgan, Ricciuti, 1969), — это фактор местонахождения ребенка — на коленях у матери или в стороне от нее. Начиная с восьми месяцев это имеет большое значение: когда ребенок сидит на расстоянии полутора метров от матери, у него возникает гораздо более сильная реакция страха, чем на коленях у матери. Эти данные, безусловно, имеют прямое отношение к тому, что с восьми месяцев малыш начинает использовать свою мать в качестве надежной базы, с которой он ведет исследование окружающего мира.
Другое свидетельство, указывающее на усиление тенденции негативно реагировать на незнакомых людей, — это реакция детей различных возрастов на смену лица, выполняющего роль матери. Предварительные результаты исследования реакций семидесяти пяти детей, каждого из которых в возрасте от шести недель до года перевели из детского дома в дом приемных родителей, были описаны Ярроу (Yarrow, 1963).
Ни у кого из детей в возрасте шести — двенадцати недель не наблюдалось ни огорчения, ни беспокойства, однако у некоторых трехмесячных детей эти реакции имели место. С возрастом увеличивалось не только количество детей, у которых отмечались негативные реакции, но и степень проявлений этих реакций была серьезнее. Среди шестимесячных детей некоторые нарушения поведения отмечались у 86%, а среди семимесячных или чуть постарше «заметные нарушения» имелись у всех. Нарушение поведения выражалось в ослаблении таких социальных реакций, как улыбка и лепет, при этом усиливались плач и цепляние. Поведение отличалось также необычной апатией, нарушением питания и сна, а кроме того, потерей ранее приобретенных навыков.

Заключение

Как подчеркивал Колдуэлл (Caldwell, 1962), проблема сензитивных периодов относится к числу весьма сложных. Хайнд (Hinde, 1963), например, полагает, что у каждой отдельной реакции, вероятно, имеется свой собственный сензитивный период. Конечно, многое зависит от того, интересует ли нас развитие избирательной привязанности или последствия разрыва уже образовавшейся привязанности. Нет сомнений в том, что образовавшаяся привязанность особенно уязвима в течение нескольких лет после первого года жизни.
Что касается развития первой привязанности, то достаточно ясно, что с трех до шести месяцев дети обладают чувствительностью и готовностью к установлению избирательной

привязанности, которые еще могут сохраняться и после шести месяцев, но со временем этот процесс становится все более затруднительным. Очевидно, что к началу второго года жизни ребенка эти трудности уже становятся весьма значительными и не уменьшаются.

ТЕОРИЯ ШПИЦА И ЕЕ КРИТИКА

Каждый, кто знаком с теоретическими представлениями Рене Шпица относительно развития объектных отношении на первом году жизни ребенка, согласится, что они сильно отличаются от представленной здесь теории.

Поскольку взгляды Шпица пользуются широким признанием, есть смысл подробно их обсудить.

Впервые они были изложены в его ранних статьях (Spitz, 1950, 1955), а позднее без изменений вошли в его книгу «Первый год жизни» (1965). Главное положение его теории состоит в том, что настоящие объектные отношения устанавливаются не ранее восьми месяцев.

Делая этот вывод, Шпиц основывается на том, что он называет «тревогой восьмимесячного» (в данной работе для ее обозначения используется термин «боязнь незнакомых людей» или «страх незнакомых людей»). Его позицию можно кратко изложить в четырех пунктах, содержащих;

а) *Наблюдения* относительно возраста, в котором ребенок обычно начинает избегать незнакомых людей: Шпиц считает, что у большинства младенцев это поведение появляется примерно в восемь месяцев.

б) *Предположение, что избегание незнакомых людей не может объясняться страхом,* поскольку незнакомец не мог ранее причинить ребенку ни боль, ни неприятность, у малыша, по мнению Шпица, нет оснований бояться чужого человека.

в) *Теорию, суть которой в том, что избегание незнакомых людей на самом деле является не бегством от чего-то пугающего, а своего рода страхом разлуки:* «Такая реакция [ребенка] на встречу с незнакомым человеком, объясняется тем, что это не его мать; его мать «оставила его»...» (1965. P. 155).

г) *Вывод*, который можно сделать из эмпирических данных и теории, *относительно возраста, в котором ребенок выделяет среди всех свою мать и устанавливает «настоящие объектные отношения».* Шпиц пишет (1965. P. 156):

«Мы полагаем, что эта способность [особым образом реагировать на незнакомых людей] у восьмимесячного ребенка отражает то обстоятельство, что теперь он установил настоящие объектные отношения, а мать стала объектом его либидо, объектом его любви. До этого мы едва ли могли говорить о любви, потому что любви нет до тех пор пока тот, кого любят, не будет выделен среди всех остальных ...»

Из наблюдений, уже подробно описанных в этой главе, ясно, что позиция Шпица нелогична.

Во-первых, и это самое важное. Шпиц ошибается, полагая, что страх ребенка по отношению к какому-либо человеку или предмету возникает только в результате причинения ему боли или чего-то неприятного. Все новое, непривычное per se (*Per se* (лат.) — сам по себе. — *Примеч. пер.)*, как правило, вызывает страх. Таким образом, нет необходимости искать иные объяснения причин избегания ребенком незнакомых людей, потому что объяснение есть — его пугает их «незнакомость».

Во-вторых, имеются убедительные свидетельства, что боязнь незнакомых людей — это реакция совершенно иного рода, чем страх разлуки: даже если мать ребенка находится в поле его зрения одновременно с незнакомцем, у ребенка могут оставаться проявления страха перед новым для него человеком. Когда впервые было выдвинуто это возражение, Шпиц (1955) ответил, что ребенок, который вел себя таким образом, был редким исключением. Но его точка зрения не могла продержаться долго. В своем тщательно проведенном экспериментальном исследовании Морган и Риччути (Morgan, Ricciuti, 1969)

показали, что в возрасте от десяти месяцев до года это поведение встречалось почти у половины малышей, за которыми велось наблюдение (у тринадцати из тридцати двух). Наконец имеется множество данных, доказывающих, что младенец способен отличать знакомого человека от незнакомого задолго до того, как начнет проявлять явную боязнь незнакомых людей.
Анализ позиции Шпица делает возможным обнаружить ее главный недостаток — это предположение о том, что при встрече с незнакомым человеком ребенок не может быть охвачен «реальным страхом», предположение, основанное на исходном допущении, что «реальный страх» вызывается только людьми и объектами, которые ребенок ассоциирует с «негативным прошлым опытом».
Теория Шпица имела некоторые нежелательные последствия. Во-первых, считая «тревогу восьмимесячного» первым показателем установления настоящих объектных отношений, теория отвлекала внимание от наблюдений, которые недвусмысленно демонстрировали, что и выделение знакомого человека, и поведение привязанности у большинства младенцев появляются задолго до того, как они достигнут возраста восьми месяцев. Во-вторых, из-за отождествления страха перед незнакомыми людьми со страхом разлуки в теории Шпица происходило смешение двух реакций, которые необходимо четко различать.

---

[1]Термин Шпица «тревога восьмимесячных» неудачен по двум причинам: а) поскольку страх перед незнакомыми людьми возникает в разном возрасте, развивается у всех детей по-разному и находится под влиянием многих факторов, то неправомерно создавать термин с привязкой к конкретному месяцу жизни; б) вслед за Фрейдом (Freud, 1926), который использовал термин «тревога» (anxiety), этот термин точнее всего применять в более узком значении — к тем ситуациям, когда ребенок «скучает по кому-то, кого он любит и ждет» (там же. Р. 136.).

Боязнь незнакомых людей, страх разлуки и поведение привязанности

Выдвигаемая нами точка зрения, согласно которой страх разлуки и боязнь незнакомых людей — это две разные, хотя и связанные между собой формы поведения, получила поддержку почти всех, кто в последние годы публиковал свои данные, занимаясь этим вопросом. Это такие ученые, как Мейли (Meili, 1955), Фридман (Freed- man, 1961), Эйнсворт (Ainsworth, 1963, 1967), Шаффер (Schaffer, 1963, 1966; Schaffer, Emerson, 1964a), Теннес и Лампль (Tennes, Lampl, 1964), а также Ярроу (Yarrow, 1967).
Хотя в работах этих ученых имеется множество разногласий, касающихся деталей, все они сходятся во мнении, что в ходе развития ребенка страх перед незнакомыми людьми и страх разлуки появляются независимо друг от друга. Например, Шаффер (в личной беседе) сообщил, что при наблюдении за выборкой из двадцати трех младенцев у двенадцати детей страх разлуки возник до появления боязни незнакомых людей; у восьми — оба вида страха развились одновременно; а у трех — страх перед незнакомыми людьми возник до появления страха разлуки. В отличие от него Бенджамин (Benjamin, 1963) утверждает, что в наблюдаемой им выборке средний возраст, в котором появлялся и достигал своего пика страх разлуки, на несколько месяцев превосходил возраст, в котором возникал и достигал наибольшей интенсивности страх перед незнакомыми людьми[1].

---

[1]В то время как данные Бенджамина и его коллег (Tennes, Lampl, 1964) убедительно подтверждают точку зрения, что существуют два отдельных паттерна поведения, его теоретическая позиция представляет собой некий компромисс. С одной стороны, вслед за Шпицем Бенджамин (1963) утверждает, что у «страха перед незнакомыми людьми» и у страха разлуки есть общий радикал — страх потери объекта. С другой стороны, в отличие от Шпица, Бенджамин считает, что эти две формы поведения не идентичны: если страх потери объекта является «единственной непосредственной динамической детерминантой страха разлуки», то в отношении страха перед незнакомыми людьми это «лишь важный

сопутствующий фактор...». Другим сопутствующим фактором, по мнению Бенджамина, является страх перед чем-то незнакомым вообще.

Таким образом, хотя мнения ученых относительно связи между страхом перед незнакомыми людьми и страхом разлуки расходятся (несомненно, что это происходит из-за множества действующих факторов и используемых критериев), в одном их взгляды едины — эта связь не является простой. Ни в одном из исследований не приводятся данные о том, что эти две реакции имеют один источник или развиваются параллельно. То, что страх разлуки и страх перед незнакомыми людьми — это разные реакции, согласуется с точкой зрения Фрейда. С самого начала Фрейд считал, что страх и боязнь какого-то пугающего объекта из внешней среды — это не одно и то же. Он полагал, что здесь уместны два разных термина. Большинство психоаналитиков чувствовали это различие, хотя и высказывались по этому поводу слишком противоречиво. В своих ранних статьях (Bowlby, 1960a, 1961a), обсуждая некоторые из этих проблем и специально останавливаясь на страхе разлуки, я придерживался схемы, во многом схожей с той, которая была принята Фрейдом в конце жизни.

Проще всего провести различие по следующему признаку: с одной стороны, иногда мы стараемся избежать (to withdraw or escape) ситуации или объекта, который мы считаем пугающим, а с другой стороны, мы можем стремиться к какому-то человеку и стараемся остаться с ним, так как он дает нам ощущение безопасности, или пытаемся остаться там, где чувствуем себя надежно защищенными. Первая форма поведения обычно сопровождается ощущением испуга или страха, все это похоже на то, что имел в виду Фрейд, когда говорил о «реальном страхе» (Freud, 1926. P. 108). Вторая форма поведения — это, конечно же, то, что мы называем здесь поведением привязанности. До тех пор пока может сохраняться необходимая близость к тому лицу, в отношении которого сформировалась привязанность, неприятные ощущения не возникают. Однако когда нет возможности сохранить близость к такому лицу или происходит его утрата, или возникает какое-то препятствие, последующие поиски и усилия сопровождаются чувством беспокойства — более или менее сильного; то же самое происходит, когда существует угроза утраты. В этом беспокойстве при разлуке или при угрозе разлуки Фрейд начал видеть «ключ к пониманию страха», о чем писал в своих поздних произведениях (там же. P. 137).

Эти вопросы анализируются во втором томе данного произведения — в нем содержатся переработанные статьи, опубликованные ранее. А пока нам еще есть что сказать о развитии поведения привязанности.

Глава16. ПАТТЕРНЫ ПРИВЯЗАННОСТИ И УСЛОВИЯ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

Нас формируют и заново создают те, кто полюбил нас; и хотя любовь может пройти, мы, тем не менее, остаемся их созданиями, хорошо это или плохо.
Ф. Мориак

ПРОБЛЕМЫ, ТРЕБУЮЩИЕ РЕШЕНИЯ

Если удовлетворительное развитие привязанности так важно для психического здоровья, как это считается, то необходимо уметь отличать благоприятное протекание развития от неблагоприятного, а также знать, какие условия способствуют тому или другому. К сожалению, на эти вопросы нет простых ответов.

На самом деле решения требуют четыре разные группы проблем:

а) как выглядит диапазон вариаций поведения привязанности в каждом конкретном возрасте и с учетом каких аспектов лучше всего описывать эти вариации?
б) какие условия выступают в качестве предпосылок развития для каждого из нескольких видов паттернов (форм) привязанности?
в) насколько устойчив каждый вид паттернов в конкретном возрасте?
г) каким образом каждый из паттернов связан с последующим личностным развитием и психическим здоровьем?

Хотя имеется множество исследований, целью которых было ответить на эти и другие, связанные с ними вопросы (см.: прекрасный обзор Caldwell, 1964), трудно сделать какие-либо определенные выводы. Дело в том, что эти вопросы чрезвычайно сложны, и никакое исследование не способно дать на них исчерпывающие ответы. Более того, значительная часть проведенных до сих пор исследований не отвечала поставленным задачам — либо в теоретическом, либо в эмпирическом плане.

В теоретическом плане не удовлетворительны были распространенные представления о привязанности как «зависимости». Например, различные оценки (показатели) зависимости, которые Сирс использовал в своем исследовании, предположив, что «поведение явной зависимости» у маленьких детей отражает «единое влечение или структуру привычек», практически не обнаружили никакой взаимосвязи. В результате сам Сирс пришел к выводу, что «представление о зависимости как о некой общей характеристике несостоятельно» (Sears, Rau, Alpert, 1965).

В эмпирическом плане в качестве предпосылок обычно выбирались и исследовались такие факторы, которые были связаны с определенными практическими методами ухода за детьми, например, с особенностями кормления, отлучения от груди, приучения к опрятности и дисциплине, т.е. факторы, которые, как мы теперь понимаем, лишь косвенно связаны с привязанностью; кроме того, информацию об этих и других факторах обычно получали ретроспективно от самих родителей, а следовательно, со всеми неточностями и искажениями, которые присущи этому методу. Поэтому необходимо начинать все сначала.

В предыдущей главе были описаны условия, предположительно способствующие (или препятствующие) развитию привязанности к какому-либо одному лицу. Это, во-первых, чуткость реагирования данного лица на сигналы ребенка и, во-вторых, объем (длительность времени) и характер взаимодействия между ребенком и лицом, к которому он привязан. В таком случае основные данные, которые необходимы для того, чтобы ответить на наши вопросы, можно получить только из «первых рук», т.е. из подробных отчетов непосредственных наблюдателей за взаимодействием матерей с их детьми. В последние годы было предпринято несколько таких исследований и опубликованы предварительные данные, касающиеся в основном лишь первого года жизни. Они весьма многообещающи. Однако в настоящее время на некоторые из них опираться трудно, поскольку данные относительно поведения привязанности ребенка и данные, касающиеся объема и формы (паттерна) взаимодействия между ребенком и его матерью, не всегда четко разделены. Но, как мы видели в гл. 13, поведение привязанности у ребенка — это только один из компонентов, входящих в более широкую систему взаимодействия матери и ребенка.

Тем не менее исследования, о которых идет речь, обладают немалой ценностью для достижения нашей цели. Ведь если мы хотим понять паттерны поведения привязанности и факторы, обусловливающие различия в поведении детей, мы постоянно должны иметь в виду более широкую систему, в которой поведение привязанности — это лишь одна из ее составляющих, мы также должны учитывать различия в паттернах взаимодействия, которые имеют место в парах мать — ребенок. В этом отношении весьма поучительны некоторые новые описания взаимодействия между матерями и детьми, полученные «из первых рук». Например, работы Дэвид и Аппель. Во-первых, эти исследования дают впечатляющее представление о чрезвычайно широком диапазоне различий в характере

взаимодействия пар, которые выявляются при их сравнении. Во-вторых, они подтверждают, что к тому времени, когда возраст ребенка достигает одного года, каждая пара мать — ребенок обычно вырабатывает в высшей степени характерный для нее паттерн взаимодействия. В-третьих, они демонстрируют, что в довольно легко узнаваемой форме эти паттерны сохраняются на протяжении, по крайней мере, двух или трех лет (Appell, David, 1965; David, Appell, 1966, 1969)[1]. Читать описания различных, совершенно не похожих одна на другую пар крайне интересно.

[1]Среди множества отмеченных ими различий в паттернах взаимодействия приводятся следующие: общая длительность и интенсивность (quantity) взаимодействия, обычно имеющего место между ребенком и его матерью; время взаимодействия с матерью относительно всего периода бодрствования (в процентах); продолжительность их цепочек взаимодействия, а также кто его начинает и завершает; обычная манера взаимодействия пары, например, мать и ребенок смотрят друг на друга, прикасаются друг к другу, мать держит ребенка на руках, и обычное расстояние между ними; реакции ребенка на разлуку; его реакции на незнакомого человека — как в присутствии, так и в отсутствие матери; реакции матери в ситуации, когда ее ребенок исследует окружающий мир или знакомится с другими людьми.

Самое сильное впечатление при чтении этих описаний, представляющих портреты диад мать — ребенок, производит та степень согласованности (the degree of fit) их взаимодействия, которой достигают многие из них в результате годичного периода «узнавания» друг друга. Очевидно, что в процессе этого взаимодействия каждый член пары сильно меняется во многих отношениях. За исключением редких случаев, как бы ребенок ни вел себя, для матери его поведение легко прогнозируемо, и она реагирует на него тем или иным типичным для нее образом; и наоборот, каково бы ни было поведение матери, для ребенка это поведение ожидаемо и он тоже, как правило, отвечает характерным для него образом. Каждый из них формирует другого.

По этой причине, рассматривая паттерны привязанности, свойственные разным детям, необходимо также постоянно обращаться к особенностям ухода и заботы о ребенке, которые характерны для разных матерей.

КРИТЕРИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ОПИСАНИИ ПАТТЕРНОВ ПРИВЯЗАННОСТИ

Одним из самых наглядных критериев, используемых при описании поведения привязанности ребенка, служит реакция протеста (или ее отсутствие) против ухода от него на короткое время матери. Если у ребенка наблюдается реакция протеста, то насколько она сильна. Этим критерием пользовался Шаффер для оценки степени привязанности (Schaffer, Emerson, 1964a). Однако Эйнсворт обнаружила, что один этот критерий недостаточен и даже может ввести в заблуждение. Анализируя свои наблюдения за детьми из племени ганда, она пишет (Ainsworth, 1963):

«У отдельных детей... которые, казалось, были наиболее прочно привязаны к своим матерям, слабо проявлялось поведение протеста или страх разлуки; скорее, они показывали силу привязанности к матери своей готовностью использовать ее в качестве надежной базы, опираясь на которую они могли исследовать окружающий их мир и устанавливать другие привязанности. Может сложиться впечатление, что тревожный, не чувствующий себя защищенным ребенок сильнее привязан к матери, чем счастливый и спокойный малыш, который, очевидно, воспринимает ее заботу как должное. Тогда что можно сказать о ребенке, который цепляется за свою мать, боится окружающего мира и людей и даже не пытается сдвинуться с места, чтобы исследовать предметы и других

людей, — что он сильнее привязан к матери или просто чувствует себя менее защищенным?»

Очевидно, что представление о силе избирательной привязанности к одному человеку (или нескольким лицам) само по себе недостаточно, чтобы быть полезным (так же и представление о зависимости как едином влечении). Нужны новые понятия. Но для их выработки понадобится время, и едва ли они появятся прежде, чем эти важные явления получат свое более систематическое описание. Шагом вперед в этом направлении стало бы описание привязанности ребенка на основе различных форм поведения в конкретных условиях. К ним следовало бы отнести следующие формы поведения:

а) поведение, направленное на инициирование взаимодействия с матерью, включая ее приветствие: например, приближение, дотрагивание, обнимание, карабканье на нее, прятание лица у нее в коленях, зов, разговор, поднятие ручек и улыбка;

б) ответное поведение на инициирование взаимодействия со стороны матери, которое позволяет поддерживать взаимодействие: оно включает все перечисленные выше реакции, а кроме того, наблюдение;

в) поведение, цель которого — избежать разлуки: например, следование, цепляние, плач;

г) исследовательское поведение (с учетом того, какова его направленность в присутствии матери);

д) попытки избегания (страх), здесь особенно важна направленность этих попыток в присутствии матери.

Условия, которые следует учитывать в процессе наблюдения за поведением ребенка, должны включать, как минимум, местонахождение и передвижения матери, присутствие или отсутствие других лиц, обстановку (предметную среду) и состояние самого ребенка. Приведенный ниже список дает некоторое представление о том многообразии условий, которые нужно принимать во внимание.

1. Местонахождение и передвижения матери:
— присутствует,
— уходит,
— отсутствует,
— возвращается.

2. Другие люди:
— знакомые люди присутствуют или отсутствуют,
— незнакомые люди присутствуют или отсутствуют.

3. Обстановка (предметная среда):
— знакомая,
— не вполне незнакомая,
— совсем незнакомая.

4. Состояние ребенка:
— здоров, болен или испытывает боль,
— полон сил или испытывает усталость,
— голоден или сыт.

Следует подчеркнуть, что часто поведение ребенка, когда он устал или испытывает боль, говорит очень о многом. В то время как обычный ребенок в таких случаях почти наверняка идет к матери, этого скорее всего не сделает ни тот ребенок, который стал безразлично-отстраненным в результате долгого отсутствия материнской заботы, ни ребенок, страдающий аутизмом. Робертсон описал, как вел себя отстраненный ребенок в ситуации, когда испытывал сильную боль (см.: Ainsworth, Boston, 1952), а Беттельхайм (Bettelheim, 1967) — поведение ребенка, больного аутизмом.

Вероятно, на практике даже с помощью нескольких условий, взятых из помещенного выше полного списка, можно дать адекватную картину поведения данного ребенка. Если это действительно так, то проявление привязанности ребенка можно представить с помощью графического профиля, на котором будут обозначены показатели его поведения

в разных (указанных выше) условиях. Эйнсворт сама использовала такой подход как при проведении наблюдений в естественных условиях, так и при планировании своих экспериментов.
Конечно, для полноты картины было бы также необходимо составить дополнительный профиль поведения матери ребенка, включая то, как она реагирует на его проявления привязанности в каждой из предложенных ситуаций и как и когда она сама инициирует взаимодействие. Только сделав это, можно будет увидеть паттерн взаимодействия между ними и понять в нем роль ребенка.

НЕКОТОРЫЕ ПАТТЕРНЫ ПРИВЯЗАННОСТИ, НАБЛЮДАЕМЫЕ У РЕБЕНКА К КОНЦУ ПЕРВОГО ГОДА ЖИЗНИ

Цель данного раздела — кратко рассмотреть некоторые виды паттерна привязанности, обычно наблюдаемые к моменту первого дня рождения ребенка. Анализируются только паттерны, встречающиеся у домашних детей, воспитывающихся матерью (или кем-то, кто постоянно ее замещает); паттерны, включая девиантные, которые имеют место у детей, разлученных с матерью или лишенных материнской заботы, представляют собой большую и особую проблему, требующую самостоятельного анализа.
Хотя данные, опубликованные Эйнсворт, пока носят предварительный характер, они собраны более систематически, чем данные, содержащиеся в других источниках. Поэтому для примеров мы будем обращаться к ее работе.
В настоящее время Эйнсворт проводит краткосрочное лонгитюдное исследование поведения привязанности в течение первых двенадцати месяцев жизни у детей из белых американских семей, принадлежащих к среднему классу. Наблюдения за матерью и младенцем ведутся в домашней обстановке по четыре часа в день через каждые три недели. Собираются данные о поведении каждого участвующего в исследовании ребенка во многих типичных домашних ситуациях (как в присутствии, так и в отсутствие матери), а также данные о реакциях матери на поведение малыша. В то же время проводится сбор данных о поведении ребенка, когда он остается с другими членами семьи и с незнакомыми людьми. Кроме того, был создан целый ряд коротких экспериментальных ситуаций, в которых велись наблюдения за каждой парой. Эти исследования проводились накануне первого дня рождения ребенка. Наблюдения начинались с эпизода, когда мать и ребенок приходят в новую для них комнату, наполненную игрушками, а затем разыгрывались разные ситуации, каждая из которых длилась около трех минут. Сначала к паре присоединялась незнакомая женщина; затем мать уходила, оставляя ребенка с незнакомкой, потом мать возвращалась; после этого мать оставляла младенца в комнате одного; ситуация несколько разряжалась, когда через некоторое время возвращалась незнакомая женщина; и, наконец, в комнату снова входила мать. Недавно Эйнсворт и Уиттиг (Ainsworth, Wittig, 1969) опубликовали статью с результатами наблюдения за поведением в экспериментальной ситуации четырнадцати пар (общая выборка этого исследования составит тридцать шесть пар).
Хотя в каждом эпизоде этого эксперимента можно было наблюдать значительное разнообразие паттернов поведения четырнадцати младенцев, сходство большинства из них часто поражало так же, как и различия. Например, в течение первых трех минут (когда ребенок находился в комнате наедине с матерью) все дети, кроме двоих, проводили это время, деловито изучая новую обстановку, но в то же время не выпуская из поля зрения свою мать, никакого плача практически не было. Хотя при появлении незнакомого человека исследовательская активность почти у всех детей несколько снижалась, тем не менее никто не плакал. Однако после того как мать уходила, оставив ребенка наедине с незнакомой женщиной, поведение более чем у половины детей резко менялось, а различия в их реакциях становились намного заметнее.

На основе особенностей поведения детей после ухода матери четырнадцать участников эксперимента можно было разделить на две группы. В первой группе, состоявшей из шести детей, уход матери, казалось, не производил большого впечатления: они продолжали исследовать обстановку и плакали мало или вообще не плакали. Однако все они проявляли понимание того, что мать ушла — приближались к двери и даже пытались открыть ее, что свидетельствовало об их желании (в большинстве случаев не очень сильном) пойти за ней.
Остальные восемь малышей после ухода матери сильно плакали: несмотря на то, что она старалась удалиться как можно тише; пятеро были очень встревожены, огорчены и отказывались от утешений со стороны незнакомой им женщины. Среди этих восьми детей шестеро так же, как в первой группе, откровенно проявляли желание присоединиться к матери, причем половина из них — слишком сильное. Остальные двое, хотя и были очень обеспокоены, не обнаруживали такого желания и выглядели беспомощными и потерявшими надежду.
В поведении детей при возвращении матери вновь было много общего: все, кроме двоих, сразу же направились навстречу к ней, плачущие обычно затихали, особенно если их брали на руки. Пять малышей буквально вцепились в своих матерей.
Второй эпизод начинался только после того, как матери удавалось успокоить своего ребенка. На этот раз мать вновь уходила, оставляя ребенка одного. Так же, как в первом случае, после ухода матери многие дети реагировали на это бурно: они плакали или пытались следовать за ней, иногда барабанили в дверь и/или пытались ее открыть. Но такую реакцию проявляла уже большая часть детей, причем значительно интенсивнее, чем раньше. (Неизвестно, была ли эта реакция такой, потому что рядом с детьми никого не было, или потому что на них повлиял первый уход матери, или то и другое вместе.)
Вернувшись после второго ухода, все матери, кроме одной, брали детей на руки. На этот раз в мать крепко вцепились не менее десяти детей, в то время как после первого ухода таких было лишь пятеро. Как только ребенок оказывался на руках у матери, его плач обычно постепенно затихал.
Анализ поведения каждого ребенка в двух ситуациях, где они разлучались с матерью, показал, что больше половины детей в обоих случаях реагировали одинаково, однако во втором случае более интенсивно, чем в первом. Например, трое детей были мало обеспокоены разлукой в обоих случаях, но все же каждый раз они старались присоединиться к матери. Четверо всякий раз сочетали большую или меньшую тревогу с попытками присоединиться к матери. Один ребенок и в том, и в другом случае был крайне огорчен уходом матери, но не обнаруживал желания вернуть ее.
У остальных шестерых детей различия в поведении были ярче. Двое не плакали в первом случае, но сильно плакали во втором, причем каждый пытался присоединиться к матери. Другие трое, которые в первом случае плакали и также пытались следовать за матерью, плакали и во втором случае, однако попыток присоединиться к ней не делали. Один малыш был сильно огорчен в обоих случаях, но если в первом случае он не пытался присоединиться к матери, то во втором делал такие попытки.
Обсуждая полученные результаты, Эйнсворт указывает на бессмысленность стараний выстроить поведение этих детей в простой линейной последовательности по силе привязанности: ясно, что здесь требуется оценка по нескольким параметрам.
Одним из наиболее существенных качеств привязанности ребенка Эйнсворт считает степень ее *надежности* (security). Например, годовалый ребенок, уверено исследующий незнакомую ему обстановку, использующий при этом свою мать в качестве надежной базы, которого не тревожит и не расстраивает приход чуждого человека, который знает, где находится его мать, когда ее нет рядом, и приветствует ее возвращение, способен иметь, по мнению Эйнсворт, надежную привязанность независимо от того, огорчается ли он из-за временного ухода матери или в течение короткого периода может спокойно переносить ее отсутствие. И напротив, Эйнсворт считает привязанность ребенка

ненадежной, если он не исследует незнакомую обстановку даже в присутствии матери, очень пугается незнакомого человека, а также если в отсутствие матери он чувствует растерянность и беспомощность, а по ее возвращении не приветствует ее[1].

[1]В результате дальнейшего анализа полученных данных Эйнсворт (сообщение в личной беседе) пришла к выводу, что особенно весомым показателем надежной привязанности может оказаться то, как ребенок реагирует на возвращение своей матери после ее кратковременного отсутствия. Данные Эйнсворт позволяют предположить, что ребенок с надежной привязанностью демонстрирует организованную последовательность целекорректируемого поведения: после приветствия матери и приближения к ней он или стремится к тому, чтобы его взяли на руки и он мог прижаться к матери, или остается около нее. Другие дети показывают реакции двух видов: или их не интересует возвращение матери, или их огорчение и вспышки раздражения не сопровождаются попытками подойти к ней.

Важное значение предложенной Эйнсворт характеристики привязанности с точки зрения ее надежности-ненадежности подтверждается ее данными о том, что дети, которые в экспериментальной ситуации ведут себя противоположным образом, демонструют такое же разное поведение и находясь у себя дома. Эйнсворт отмечает, что ребенок, демонстрирующий надежную привязанность в экспериментальной ситуации, обычно и дома спокоен и активен, когда мать находится поблизости; он плачет, только если недомогает, у него что-то болит или когда мать отсутствует. Напротив, ребенок с ненадежной привязанностью в экспериментальной обстановке и дома обычно ведет себя пассивно, он нервничает даже в присутствии матери, причем плачет часто и по малейшему поводу.

Оценка привязанности ребенка как надежной или ненадежной имеет большое значение для врача-клинициста. Вполне уместно, по- видимому, обратить внимание на аналогичную характеристику младенчества и раннего детства, которую Бенедек (Benedek, 1938) называет «доверительными отношениями», Кляйн (Klein, 1948) — «интроекцией хорошего объекта», а Эриксон (Erikson, 1950) — «базальным доверием». Можно полагать, что эта характеристика оценивает личностный аспект развития, непосредственно связанный с психическим здоровьем.

Другой попыткой подобного рода является шкала оценки «доверия к матери», предложенная Ярроу (Yarrow, 1967), основной особенностью которой, заимствованной у Бенедек, является развитие у ребенка определенных ожиданий в отношении матери. (Ярроу еще предстоит описать, как составлена и применяется эта шкала.)

Если будет показана устойчивость оценок и предсказательная валидность шкалы надежной-ненадежной привязанности, по Эйнсворт, и/или шкалы доверия к матери, по Ярроу, в отношении дальнейшего развития личности, они будут иметь большое значение. В частности, они сделают возможным систематические исследования условий, приводящих к тому, что у детей развиваются столь разные формы (паттерны) поведения привязанности.

УСЛОВИЯ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ РЕБЕНКА ПЕРВОГО ГОДА ЖИЗНИ

Очевидно, что тот конкретный паттерн поведения привязанности, который формируется у любого ребенка, отчасти зависит от особенностей и склонностей, привносимых ребенком и матерью в свое взаимодействие, а отчасти от влияния каждого из них на другого в этом процессе. На практике всегда трудно определить, в какой степени поведение каждого из партнеров является результатом их исходных склонностей, а в какой степени на него

повлияло поведение партнера. Поскольку число возможностей практически бесконечно, а систематические исследования их еще только начинаются, можно привести лишь несколько примеров таких исследований.

Предрасположенности младенца и их влияние на поведение матери

В своей недавней работе Мосс (Moss, 1967) показал, что в первые месяцы жизни существуют большие различия в поведении младенцев во время сна и во время плача, а также в том, как эти реакции влияют на поведение матери. Мальчики отличаются от девочек в этом отношении. Мосс обнаружил, что в младенческом возрасте мальчики обычно спят меньше, а плачут больше, чем девочки. Возможно, поэтому, считает Мосс, мальчикам до трехмесячного возраста матери уделяют в среднем больше внимания, чем девочкам; мальчики также имеют больше физического контакта с матерями (их чаще держат на руках или качают). Как это влияет на будущее взаимодействие, неизвестно, но было бы удивительно, если бы такого влияния не было.

Другая причина особенностей поведения младенцев — нейрофизиологические нарушения в результате неблагоприятного протекания пренатального и перинатального развития: существуют убедительные данные, показывающие, что у детей с такими нарушениями проявляется ряд негативных тенденций, которые могут прямо или косвенно влиять на паттерн поведения привязанности, развивающейся впоследствии. В исследовании, в котором поведение двадцати девяти мальчиков с асфиксией при рождении в течение первых пяти лет жизни сравнивалось с поведением контрольной группы, Юкко (Ucko, 1965) обнаружил ряд значительных различий. Мальчики, страдавшие асфиксией, с самого начала были более чувствительны к шуму и спали беспокойнее, чем дети из контрольной группы. На них сильнее действовали изменения в окружающей обстановке: например, перемены, связанные с семейным отдыхом, переездом или с короткой разлукой с одним из членов семьи. При поступлении в детский сад и в школу значительно больше таких детей испытывали чувство тревоги, страха и цеплялись за мать, чем это имело место среди детей контрольной группы. Когда была проанализирована вся информация о первых пяти годах их жизни, оказалось, что малыши, страдавшие от асфиксии, чаще попадали в разряд «очень трудных» или «преимущественно (much of the time) трудных», чем дети из контрольной группы (тринадцать детей из числа страдавших асфиксией против двоих из контрольной группы). Более того, степень нарушений у этих детей значимо коррелировала со степенью тяжести зафиксированной при рождении асфиксии.

Очевидно, имеющиеся у этих малышей особенности не только сами сохранялись, по крайней мере до некоторой степени, но и оказывали влияние на характер реагирования матери. В подтверждение этого Прехтль (Prechtl, 1963) приводит следующие данные. Он описывает два синдрома, часто встречающиеся у младенцев с минимальной мозговой дисфункцией: 1) малоподвижный, апатичный ребенок, который слабо реагирует и мало плачет; 2) легко возбудимый младенец, который не только реагирует на малейший раздражитель и часто плачет, но и склонен проявлять внезапные и непредсказуемые переходы он сонливого состояния, когда его трудно расшевелить, к противоположному состоянию, когда он не засыпает и его трудно успокоить. Хотя при обоих синдромах состояние в течение первого года улучшается, ребенок, страдающий одним из них, создает для матери значительно больше проблем по сравнению с ребенком, у которого нормальный уровень возбудимости. Например, апатичный малыш инициирует меньше общения, приносит своей матери меньше удовлетворения и поэтому ему меньше уделяется внимания, в то время как легко возбудимый и непредсказуемый младенец способен довести свою мать до изнеможения. В результате она может проявлять повышенную тревожность при уходе за ним, или отчаяться в своих стараниях делать все, как следует, в результате чего у нее появится склонность к его отвержению. И в том, и в другом случае паттерн поведения матери может стать существенно иным, а не тем, каким он мог бы быть; в то же время Сандер (Sander, 1969) показал, что если мать обладает спокойным, уравновешенным характером, такое изменение, возможно, и не произойдет.

Другие данные относительно различного влияния, которое оказывают на поведение матерей младенцы с исходно разными (или, по крайней мере, очень рано появившимися) отклонениями, приведены в работе Ярроу (Yarrow, 1963), изучавшего поведение детей, воспитывающихся приемными родителями и попечителями. Он обнаружил следующее: даже когда младенцы одного возраста и пола в первые недели жизни находились в одном и том же доме, где за ними ухаживали люди, заменявшие им родителей, активному ребенку уделялось значительно больше внимания, чем пассивному по той простой причине, что он, требуя к себе внимания, вознаграждал того, кто за ним ухаживал.
В качестве примера резко различного поведения и получаемого опыта общения Ярроу приводит пример с двумя шестимесячными мальчиками, которых практически с самого рождения воспитывала одна приемная мать. С первых дней своей жизни один из мальчиков, которого звали Джек, был относительно пассивным, а другой, Джордж, довольно активным. Джек «не проявлял никакой инициативы в общении. Он не стремился к контакту с людьми, у него не было реакций приближения... если не спал, он большую часть времени пребывал в состоянии пассивного спокойствия и сосал пальцы». Джордж, наоборот, в том же возрасте «был очень настойчив в своих требованиях и постоянно стоял на своем, пока не добивался желаемого... [он] чутко реагировал на стимулы, связанные с общением, и брал на себя инициативу в поисках ответной реакции от других». Неудивительно, что эти мальчики получали совершенно разный в количественном и качественном отношении опыт общения. В то время как Джорджа «и его приемная мать, и приемный отец, и все дети часто брали на руки и играли с ним», Джек «подолгу лежал в своем манеже... в дальнем углу столовой, не участвуя в общей жизни семьи». Одинаковым был только физический уход за этими малышами.
Примеры такого рода заставляют понять, в какой степени сам ребенок играет ту или иную роль в формировании собственной среды. Однако нельзя считать, что все исходно имеющиеся наклонности поведения проявляются сразу же после рождения — так, как это описано в этой книге. Напротив, вероятнее всего, некоторые из них заявят о себе спустя месяцы или годы. Но до тех пор пока у нас не будет методов определения таких особенностей, обсуждение их сводится к чистым предположениям.

Особенности поведения матери и их влияние на ребенка

Точно так же, как изначально присущие младенцу особенности могут оказывать влияние на уход и заботу о нем матери, так и характерные ее особенности могут влиять на то, как реагирует на нее ребенок. Однако вклад матери в эту ситуацию значительно сложнее: он связан не только со свойствами ее характера и способностями, но и с долгой историей межличностных отношений в ее родной семье (а может быть, и в других семьях), а также с длительным процессом усвоения ценностей и практического опыта своей культуры. Исследование этих многочисленных взаимодействующих между собой факторов и того, как все они влияют на многообразие наблюдаемого нами материнского поведения, лежит уже за пределами настоящей книги.
Неудивительно, что еще до рождения младенца с некоторой долей уверенности можно говорить о том, как мать будет относиться к своему будущему ребенку. Например, Моссу (Moss, 1967) в его проекте, на который мы уже ссылались, удалось определить, в какой степени отношение матери к плачу ребенка в первые три месяца его жизни коррелировало с представлениями и чувствами, высказанными ею за два года до рождения ребенка. Это были представления о семейной жизни и уходе за ребенком вообще, а также о том, какие радости и разочарования ее ожидают, когда у нее появится свой малыш. В результате исследования поведения двадцати трех пар матерей с детьми Мосс обнаружил, что женщины, которые два года назад относились к категории «принимавших родительскую роль» и сосредоточивались на положительных аспектах материнства, после рождения ребенка более чутко реагировали на плач младенца, чем женщины, рейтинг которых по этой шкале был значительно ниже.

Хотя в исследовании Мосса и не приводится данных на этот счет, но можно предположить, что дети, матери которых более чутко реагируют на их потребности, развиваются по-другому, чем те малыши, у которых матери не столь отзывчивы, и что эти различия в поведении будут в дальнейшем оказывать влияние на поведение самих матерей. Таким образом могут устанавливаться круговые процессы, имеющие далеко идущие последствия.

Подтверждающие это данные представлены учеными, которые в ходе лонгитюдного исследования фиксировали особенности взаимодействия матерей с их маленькими детьми, начиная подобные записи в некоторых случаях еще до момента появления ребенка на свет. В галерее портретов этих пар, представленных Давид и Аппель (David, Appell, 1966), Сандером (Sander, 1964, 1969) и Эйнсворт (Ainsworth, Wittig, 1969) в процессе их взаимодействия, можно встретить матерей с исходно присущими им очень разными характеристиками. В них, конечно же, показано, что каждая мать в большей или меньшей степени находилась под влиянием своего ребенка. Тем не менее каждая мать реагировала по-своему: одну вдохновляли попытки ребенка вступить с ней в общение, другая избегала их. Одна становилась более заботливой, когда ребенок плакал, другая — более нетерпеливой. Поэтому отношение матери к ребенку является сложным результатом, отражающим, каковы ее собственные изначальные склонности и как они изменялись или развивались в результате опыта общения с ребенком.

Нами уже отмечалось, что к концу первого года жизни ребенка каждая пара мать — ребенок вырабатывает характерный для нее паттерн взаимодействия. Более того, едва ли можно преувеличить многообразие различий между этими парами. Например, Давид и Аппель (David, Appell, 1966, 1969), описывая свои наблюдения, подчеркивают, какие огромные различия существуют между парами, если взять только время их взаимодействия, не говоря уже о различиях в его качестве[1]. В своих работах они описывают в качестве полярных случаев, с одной стороны, мать, которая практически все время, пока ее дочь не спала, проводила с ней, с а другой стороны, мать, которая все свое время посвящала домашнему хозяйству, пренебрегая заботой о дочери, так что они практически не общались. В третьей паре мать и сын много времени проводили вместе: наблюдая друг за другом, они молча занимались каждый своим делом. Четвертая пара могла в течение продолжительного времени не общаться, но внезапно и непредсказуемо эти периоды сменялись периодами долгого и тесного взаимодействия, которое инициировала мать.

---

[1]Давид и Аппель каждые две недели (иногда чаще) посещали парижские семьи, в которых в общей сложности было двадцать пять детей. Каждое посещение длилось три часа. Во время этих посещений ученые собирали подробные данные с поминутной фиксацией взаимодействия ребенка и матери в их естественной домашней обстановке в течение первого года жизни. В дальнейшем эти данные были дополнены сведениями, полученными в результате ежемесячных посещений семей, которые продолжались до тех пор, пока детям не исполнилось по два с половиной года. Эти сведения также дополнили данные лабораторных сеансов, проводившихся в возрасте одного года и одного месяца, полутора лет и двух с половиной лет. Однако пока опубликована лишь часть собранных материалов, причем в основном только те из них, которые касаются возраста тринадцати месяцев.

Пока Давид и Аппель опубликовали слишком мало данных, чтобы понять, что является основной причиной этих огромных различий в поведении пар. Очевидно, однако, что с точки зрения степени активности реагирования одного партнера на инициативы другого различия между матерями были больше, чем между детьми. Например, в ходе этого исследования было отмечено, что все дети отзывались на любую попытку матери начать

взаимодействие, так что разброс реакций среди детей был близок к нулю. И наоборот, различия в реагировании матерей были очень большими. Каждая из матерей оставляла без внимания какое-то количество инициатив со стороны ребенка; и все же, в то время как одна мать постоянно реагировала больше, чем на половину из них, были и другие матери, которые почти вообще не обращали на них внимание. Как и можно было ожидать, отзывчивые матери радовались общению с ребенком, тогда как некоторым матерям общение с малышом казалось обременительным, за исключением тех случаев, когда они сами были инициаторами взаимодействия.

Эти данные убедительно показывают, что когда ребенку исполняется год, роль матери в интенсивности взаимодействия значительно больше, чем роль ребенка. Очевидно, сходный вывод можно сделать из исследования Бишопа (Bishop, 1951), в котором велось наблюдение за поведением детей в детском саду во время двух получасовых периодов пребывания их в игровой комнате вместе с матерями. Формы взаимодействия между матерью и ребенком колебались от почти непрерывного до эпизодического общения, причем главным фактором здесь было то, в какой степени мать реагировала на инициативы ребенка или игнорировала их.

Каковы бы ни были причины того или иного поведения матери по отношению к ее ребенку, имеется множество данных, показывающих, что в любом случае оно играет ведущую роль в определении паттерна привязанности, который впоследствии формируется у ребенка. Косвенное подтверждение этого представил Ярроу (Yarrow, 1963) в своем исследовании развития сорока детей в первые полгода жизни, которые они провели в семьях опекунов или приемных родителей.

В возрасте шести месяцев у каждого ребенка оценивались поведенческие характеристики на основе данных, полученных из наблюдений во время выполнения тестов и в ситуациях общения, а также из бесед с матерью или лицом, выступающим в ее качестве. Эти оценки соотносились с рейтинговыми оценками того опыта, который ребенок приобрел за эти месяцы. Сведения об этом опыте были получены на основе регулярных наблюдений за процессом взаимодействия матери и младенца у них дома. Был обнаружен целый ряд значимых корреляций. Например, установили, что способность[1] младенца справляться с фрустрацией и стрессом весьма высоко коррелировала со следующими характеристиками материнского поведения:

— общим показателем частоты и продолжительности физического контакта, получаемого ребенком от матери;

— степенью адаптированности того положения, в котором мать держала ребенка на руках, к его особенностям и ритмам[2*];

— эффективностью методов, применяемых ею, чтобы успокоить ребенка;

— активностью стимуляции и побуждения ребенка со стороны матери реагировать на общение, выражать свои потребности или продвигаться в своем развитии;

— степенью соответствия материалов, предоставляемых ребенку, и опыта действия с ними индивидуальным возможностям ребенка;

— частотой и силой выражения положительных чувств к нему со стороны матери, отца и других людей.

---

[1]В своей публикации Ярроу не приводит критерии, на основе которых он оценивал эту способность.

[2*]Под «ритмами» здесь имеются в виду различные состояния ребенка (бодрствование, сон). — *Примеч. ред.*

Каждый из этих показателей материнского поведения положительно коррелировал со способностью ребенка справляться со стрессом. Коэффициенты составляли +0,50 и выше,

причем самыми высокими были показатели степени приспособления матери к ритмам своего ребенка и к его развитию.
Все эти характеристики материнского поведения также положительно коррелировали с инициативностью общения у различных детей; но ни в одном случае величина корреляции не была такой большой, как в отношении способности детей справляться со стрессом. Исследование Ярроу не содержит данных о том, имеется ли корреляция оцениваемых показателей материнского поведения с паттернами привязанности этих детей в год и позднее. Однако наблюдения Эйнсворт и других исследователей позволяют предположить, что такая корреляция существует.
Размышляя над своими последними данными, полученными методом лонгитюдного исследования, Эйнсворт перечисляет ряд показателей материнского поведения, которые, как она считает, способствуют развитию надежной привязанности; некоторые из них сходны с показателями, предложенными Ярроу. Ее список включает[1]: а) частый и длительный физический контакт между ребенком и матерью, особенно в первые шесть месяцев, а также способность матери успокоить расстроенного ребенка, держа его на руках; б) чуткую реакцию матери на сигналы ребенка и особенно ее способность выбирать время для общения в соответствии с его ритмами активности; в) упорядоченность окружающей ребенка обстановки, благодаря которой он может улавливать результаты своих собственных действий. Еще одно приведенное Ярроу условие, которое, возможно, в такой же степени является как результатом перечисленных выше характеристик, так и самостоятельным условием, — это взаимное удовольствие, которое мать и ребенок испытывают от общения друг с другом.

---

[1]Приведенный ниже отрывок представляет собой частично сокращенную и парафразированную цитату из работы Эйнсворт и Уиттига (Ainsworth, Wittig, 1969). Данные, подтверждающие эти выводы, содержатся в публикации Эйнсворт и Белл (Ainsworth, Bell, 1969).

Ряд других ученых с клиническим опытом работы (см.: David, Appell, 1966, 1969; Sander, 1962, 1964; Bettelheim, 1967) тоже пришли к анализу некоторых из этих условий как имеющих огромное значение для развития ребенка. Особое внимание уделяется, с одной стороны, чуткости матери к сигналам ребенка и правильному выбору времени для общения с ним, а с другой — тому, чувствует ребенок или нет, что его попытки вступить в общение ведут к прогнозируемым результатам, и может ли оценить, насколько его инициативы в установлении взаимного обмена с матерью действительно успешны. Вполне вероятно, что когда все эти условия выполняют, то между матерью и ребенком устанавливаются активные, дружелюбные отношения и формируется надежная привязанность. Если условия выполняются лишь частично, то имеют место некоторые трения, взаимоотношения сопровождаются определенным неудовольствием, а развивающаяся привязанность менее надежна. Наконец, если названные выше условия практически совсем не выполняются, в результате могут возникать серьезные нарушения в общении и привязанности. Среди них, конечно, следует назвать значительную задержку в развитии привязанности из-за недостаточного общения и, возможно, некоторые формы аутизма из-за того, что ребенку слишком трудно прогнозировать реакции матери или того, кто ее заменяет[2].

---

[2]Эту точку зрения высказывали два врача-клинициста, имеющие большой опыт работы с детьми, страдающими аутизмом. Беттельхайм (Bettelheim, 1967) считает, что детям, страдающим аутизмом, не хватает опыта, который показывал бы, что их действия в ходе социального взаимодействия имеют прогнозируемые результаты. В итоге при общении с людьми они «отказываются от целекорректируемого действия... [и] прогноза».

Беттельхайм противопоставляет это обстоятельство их поведению по отношению к безличным объектам, которое, по его словам, обычно становится и остается целекорректируемым. Малер (Mahler, 1965) так же считает, что «уход во вторичный аутизм» может быть результатом того, что поведение матери кажется непрогнозируемым.

Если учесть характер факторов, которые, как теперь представляется, оказывают важное влияние на формирование паттернов поведения привязанности, не удивительно, что изучение некоторых особенностей ухода и воспитания детей дали так много отрицательных результатов (см.: Caldwell, 1964). Данные, касающиеся кормления грудью или из бутылочки, удовлетворения потребностей по желанию или по расписанию, раннего отлучения от груди или позднего, даже если они вполне точны, мало что нам говорят. Как несколько лет назад показал Броуди (Brody, 1956), грудное кормление не гарантирует материнской чуткости к сигналам ребенка. Точно так же, если мать держит ребенка во время кормления на руках, это еще не гарантирует ни установления между ними контакта, ни близости.

Тем не менее нет оснований, чтобы отбросить все, что происходит во время кормления, как совершенно несущественное. В первые месяцы именно ситуация кормления служит главным поводом для взаимодействия матери и ребенка; например, она дает прекрасную возможность определить чуткость матери к сигналам ребенка, ее способность выбирать время для общения в соответствии с его ритмами и ее готовность проявлять внимание к инициативам ребенка, касающимся общения, — все это играет важную роль, определяя, каким образом будет развиваться их взаимодействие. Поэтому то, как мать кормит своего ребенка (если смотреть на этот процесс с точки зрения приведенных выше условий), может оказаться хорошим предиктором дальнейшего развития привязанности. Эйнсворт и Белл (Ainsworth, Bell, 1969) приводят фактические данные в поддержку этого тезиса, а Сандер (Sander, 1969) иллюстрирует его описанием отдельных случаев.

В настоящее время все выдвинутые гипотезы относительно условий, необходимых для развития поведения привязанности в течение первого года, мало проверены и поэтому к ним нужно относиться с осторожностью. Они приведены здесь по двум причинам. Во-первых, они возникли из тщательных наблюдений ученых, сочетающих клинический опыт с пониманием и уважением научного метода; во-вторых, они легко могут вписаться в современную психологическую теорию. Будем надеяться, что вскоре они станут объектом скрупулезного исследования.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ СОХРАНЕНИЯ И УСТОЙЧИВОСТЬ ПАТТЕРНОВ ПРИВЯЗАННОСТИ

К моменту достижения ребенком годовалого возраста мать и малыш обычно уже настолько приспособились друг к другу, что в результате паттерн их взаимодействия приобретает четкие отличительные черты. Можно задать вопрос: какова степень устойчивости этого паттерна и двух его компонентов — поведения привязанности (со стороны ребенка) и ухода и заботы о нем (со стороны матери)? Ответы на эти вопросы сложны.

Ясно, что чем больше удовлетворения дает каждому из партнеров тот паттерн взаимодействия, который сложился в паре, тем более устойчивым он должен быть. С другой стороны, когда принятый паттерн не удовлетворяет одного или обоих партнеров, его устойчивость должна снижаться, поскольку неудовлетворенный партнер либо постоянно, либо время от времени стремится изменить существующую форму взаимодействия. Пример неустойчивого паттерна, сложившегося в результате нарушения личности у матери, описан Сандером (Sander, 1964).

Тем не менее независимо от того, какой паттерн взаимодействия выработала пара в течение первого года жизни ребенка и удовлетворяет он партнеров или нет, он обычно бывает устойчивым, по крайней мере на протяжении следующих двух-трех лет (David, Appell, 1966). Отчасти это происходит потому, что каждый член пары ожидает, что другой будет вести себя определенным образом, и каждый, как правило, не может не вызывать у другого ожидания некоторого поведения, хотя бы потому что это поведение является привычной реакцией другого. Поэтому ожидания обычно оправдываются. В результате такого рода процессов (положительный они имеют результат или отрицательный) взаимодействие в паре развивается самостоятельно и становится стабильным, независимо от каждого партнера в отдельности.

Даже в таком случае есть множество данных, свидетельствующих, что продолжительные и явно устойчивые паттерны взаимодействия между матерью и ребенком могут существенно изменяться под влиянием событий в последующие годы. Несчастный случай или хроническая болезнь могут сделать ребенка более требовательным, а его мать более заботливой; тревога или депрессия у матери могут стать причиной снижения ее отзывчивости. В то же время если что-нибудь приведет мать к отвержению своего ребенка или она станет в качестве наказания угрожать ему, что уйдет от него или перестанет его любить, то он, наверняка, будет за нее еще больше цепляться. Рождение еще одного ребенка или разлука ребенка с матерью могут нарушить гармонию их отношений; какое-нибудь случайное событие способно так изменить поведение того или другого из них, что паттерн их взаимодействия очень существенно изменится к худшему. И наоборот, более внимательное отношение к ребенку со стороны матери и принятие его проявлений привязанности может очень заметно снизить интенсивность такого поведения и тем самым помочь матери справиться с ситуацией.

Таким образом, с точки зрения прогноза на будущее не следует придавать слишком большое значение утверждению, что к концу первого года жизни ребенка в паре мать — ребенок обычно устанавливается характерный паттерн взаимодействия. Это означает только то, что у большинства пар паттерн, который, скорее всего, сохранится и в будущем, к данному моменту времени уже имеет место.

Было бы крайне рискованным заявлять, что годовалый ребенок сам проявляет некий характерный и относительно стабильный паттерн поведения привязанности, отличный от паттерна взаимодействия в паре, в которой он выступает как один из партнеров. Это еще более рискованно, чем делать подобное заявление о взаимодействиях пары, поскольку организация поведения ребенка в таком возрасте, очевидно, значительно менее устойчива, чем организация поведения пары, где он действует как ее член. На самом деле в настоящее время нам слишком мало известно об устойчивости или лабильности организации поведения маленьких детей (если рассматривать их как отдельных субъектов взаимодействия). С уверенностью можно сказать только то, что со временем лабильность уменьшается; идет ли это на пользу или нет, но любая сложившаяся организация постепенно становится все менее способной к каким-либо изменениям.

Внутри пар паттерны взаимодействия, по-видимому, стабилизируются намного быстрее, хотя бы потому, что какой бы паттерн взаимодействия ни установился, он возникает в результате взаимного приспособления. Поэтому давление с целью сохранения его начинает возрастать с двух сторон. С этой устойчивостью связаны как достоинства, так и недостатки этой системы. Когда паттерн благоприятен для будущего обоих членов пары, его устойчивость — это преимущество. Но если паттерн не благоприятен для одного или обоих партнеров, его устойчивость представляет собой большую проблему, поскольку любое изменение паттерна в целом требует изменения в организации поведения обоих партнеров.

В последние годы в детской психиатрии самым значительным событием стало растущее признание того, что в своей практической работе врачи призваны решать проблемы, которые чаще всего связаны не с отдельными людьми, а возникают в результате

устойчивых паттернов взаимодействия, сложившихся между двумя, а чаще — между несколькими членами семьи. Диагностика требует умения оценивать эти паттерны взаимодействия и те из особенностей, присущие каждому члену семьи, которые способствуют их сохранению; терапия опирается на методы, позволяющие более или менее одновременно вызывать изменения у всех членов семьи, чтобы мог возникнуть и стать устойчивым новый паттерн их взаимодействия.

Глава 17. РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ

Как уже не раз говорилось, поведение привязанности не исчезает вместе с уходящим детством, а сохраняется на протяжении всей жизни. Остаются старые или появляются новые люди, в отношениях с которыми имеет место близость и/или общение. И если результаты такого поведения в основном прежние, то средства их достижения постепенно становятся все более многообразными.

В том случае, когда у ребенка постарше или взрослого сохраняется привязанность к какому-либо человеку, у них появляются самые разные новые формы поведения, которые уже не сводятся к тем элементарным компонентам поведения привязанности, которые имели место у годовалого ребенка, — к ним присоединяется целый набор все более и более сложных элементов. Например, сравните уровень организации поведения, лежащей в основе действий школьника, когда он ищет свою мать и находит ее в доме соседей или когда он просит ее взять его с собой на следующей неделе к родственникам, с поведением того же мальчика в совсем раннем детстве, когда он пытался следовать за матерью, выходившей из комнаты.

Все эти более сложные компоненты поведения привязанности организованы как планы с установочными целями. Рассмотрим, в чем состоят эти установочные цели.

В течение первых девяти месяцев жизни ребенок, по-видимому, не делает никаких «планируемых попыток достичь условий, ведущих к результату поведения привязанности. Необходимые условия или присутствуют — и тогда он доволен, или их нет — и тогда он огорчен. Каким бы ни было его поведение привязанности, оно еще не является целекорректируемым, хотя обычно в домашней обстановке одним из прогнозируемых результатов скорее всего будет близость к матери.

Однако после восьми месяцев, когда ребенок приближается к своему первому дню рождения[1], его возможности возрастают. Очевидно, с этого момента он обнаруживает, какие условия снимают его тревогу и дают ему чувство защищенности. Начиная с этой стадии, он способен планировать свое поведение в направлении достижения этих условий. Как следствие, на протяжении второго года жизни у него возникает желание добиться своего.

---

[1]Эксперименты Пиаже, которые Декари (Decarie, 1965) повторила с франко- говорящими детьми из Канады и в результате получила сходные данные, показывают, что только в исключительном случае ребенок, не достигший семи месяцев, может составить план: на это, как правило, способны лишь дети возраста восьми-де- вяти месяцев и старше. Более того, в этом и даже более старшем возрасте способность составлять план находится в зачаточном состоянии и относится только к самым простым ситуациям (Piaget, 1936, 1937). Флейвелл (Flavell, 1963) сделал обширный обзор произведений Пиаже, который может служить «путеводителем» по ним. Сам Пиаже не использует термины «план» или «цель», а применяет термины «намерение» и «преднамеренное действие».

Поскольку каждому ребенку для удовлетворения привязанности и прекращения ее проявлений требуются свои условия — они зависят от его настроения в тот или иной момент, — то и установочные цели, которые он преследует, в разных случаях также различны. В какой-то момент он хочет посидеть у матери на коленях и больше ему ничего не нужно, в другое время ему достаточно видеть ее через открытую дверь. Ясно, что в обычных обстоятельствах независимо от того, какие условия необходимы для прекращения поведения привязанности, они становятся установочной целью того плана удовлетворения привязанности, который принимает ребенок.
По своей структуре целекорректируемые планы удовлетворения привязанности могут сильно различаться — от простого и быстро выполняемого до гораздо более сложного. Степень сложности плана в конкретном случае зависит от выбора установочной цели, от оценки субъектом ситуации, в которой находится сам ребенок и лицо, к которому он привязан, а также от его умения составлять план, соответствующий обстоятельствам. Но независимо от того, простой этот план или сложный, его нельзя составить без опоры на рабочие модели окружающей обстановки и состояния организма (см. гл. 5). Поэтому мы можем сделать вывод, что построение и уточнение рабочих моделей происходят одновременно с появлением и развитием способности ребенка к планированию.
Главное, чем отличаются планы удовлетворения привязанности ребенка — это в какой степени они влияют (если вообще влияют) на поведение лица, к которому он привязан. Когда цель ограничивается тем, чтобы просто видеть мать или находиться рядом с ней, необходимости в планировании действий, направленных на изменение ее поведения, нет. В других случаях цель привязанности может подразумевать только благосклонную реакцию матери, тогда вновь нет необходимости в каких-либо планируемых действиях (со стороны ребенка). Однако в иных случаях достижение цели привязанности ребенка может потребовать от его матери намного большей активности, и тогда в его план почти наверняка войдут шаги, побуждающие ее вести себя так, как он хочет.
Самые ранние попытки, которые делает ребенок для изменения поведения своего партнера, безусловно, крайне просты. Примерами могут служить действия, когда ребенок тянет кого-то или толкает, а в его адрес могут звучать такие простые просьбы или требования, как «иди сюда» или «уходи». По мере взросления он начинает понимать: у его матери могут быть собственные установочные цели и, более того, их можно изменить, соответственно поведение ребенка становится более сложным. Но даже в этом случае планы, которые он строит, могут быть крайне далекими от реального положения дел из-за все еще неадекватной рабочей модели, имеющейся у него относительно поведения матери. Примером может служить эпизод с маленьким мальчиком в возрасте всего лишь трех лет, у которого мать отобрала нож, а он пытался вернуть его, предлагая ей взамен своего мишку.
На самом деле, чтобы составить план, установочная цель которого в изменении установочной цели поведения другого человека, нужны немалые когнитивные способности и умение строить модели. Во-первых, для этого требуется способность наделять другого человека умением ставить цели и составлять планы; во-вторых, необходимо уметь делать выводы относительно целей другого человека, исходя из имеющейся информации; и в-третьих, требуются навыки по составлению плана о том, как повлиять в желаемом направлении на установочную цель партнера.
Хотя способность представлять себе других людей как преследующих свои цели вполне может быть хорошо развита к двум годам, умение ребенка понимать цели другого человека все еще находится в зачаточном состоянии. Главная причина этого в том, что для понимания целей и планов другого человека, как правило, следует смотреть на вещи его глазами. Но именно в этом заключается самое слабое место детей. Данные свидетельствуют, что такое умение развивается крайне медленно, поэтому вплоть до семилетнего возраста дети крайне плохо им владеют.

Поскольку недостаточность возможностей ребенка в этом отношении серьезно ограничивает все его взаимоотношения и часто приводит к неправильному суждению о нем, сделаем небольшое отступление, которое может оказаться полезным.

Ограничения, связанные с эгоцентризмом

Одно из самых ранних и наиболее обоснованных открытий Пиаже в том, что до семи лет ребенку исключительно трудно смотреть на вещи с точки зрения другого человека (Piaget, 1924; Piaget, Inhelder, 1948). Хотя к школьному возрасту ребенок в принципе способен понимать, что другой человек может смотреть на вещи иначе, он все еще не готов применять это понимание на практике. Выполнение соответствующего теста показывает, что он может ясно себе представить лишь вещи, которые он видит и оценивает со своей собственной точки зрения. Такую ограниченность умственного развития Пиаже обозначает термином «эгоцентризм».

Эгоцентризм оказывает влияние на все сферы общения и взаимодействия ребенка с другими людьми, ограничивая их независимо от того, происходят ли они на вербальном или на невербальном уровне. Показано, например, что до семи лет в процессе вербального общения с другими людьми ребенок мало заботится о том, чтобы его собеседнику было понятно то, о чем он рассказывает. Очевидно, он уверен в полной осведомленности любого его собеседника о ситуации и действующих лицах каждого случая, о котором он хочет рассказать. Он думает, что нужно сообщить только те подробности, которые новы и интересны ему самому. В результате, если собеседник не знает ситуации и действующих лиц, рассказ ребенка может остаться совершенно непонятным.

Та же самая трудность возникает И в чисто практическом плане, когда надо представить, как мир выглядит с точки зрения других людей и какие у них могут быть цели. Флейвелл (Flavell, 1961) сообщает о результатах опыта, когда детям в возрасте от трех до шести лет давались короткие и несложные задания. В одном из них ребенку нужно было выбрать из набора разных предметов, начиная от игрушечного грузовика до губной помады, один в качестве подарка для мамы на день ее рождения; в другом задании необходимо было так повернуть картинку, чтобы человек, который сидел напротив ребенка, видел бы ее перевернутой, т.е. «вверх ногами». В третьем задании использовалась палочка, один конец которой был тупым, а другой — острым. Когда тупой конец находился в руке ребенка, а острый в руках экзаменатора, ребенка спрашивали, чувствует ли он, что конец тупой («Да»), а потом его спрашивали, чувствует ли экспериментатор, что конец тупой. Среди трехлетних детей не более половины справились хотя бы с одним из заданий и только четверть — с несколькими. Среди шестилетних — все или подавляющее большинство детей справились со всеми заданиями.

Вот типичный пример, когда трехлетний ребенок не справлялся с заданием: ребенок выбирал в качестве подарка для мамы на день рождения игрушечный грузовик. Это напоминает случай с трехлетним мальчиком, который пытался вернуть нож, отобранный матерью, предлагая ей взамен своего мишку.

Очевидно, в эти годы у ребенка вырабатывается «образ» своей матери. Поэтому лишь постепенно его рабочая модель, содержащая его представление о матери, становится пригодной для выполнения своей роли — помогать созданию планов, связанных с тем, как воздействовать на поведение матери в отношении него.

В настоящее время не представляется возможным повлиять на ускорение развития способности ребенка понимать точку зрения другого человека (там же). В этом отношении умственное развитие, вероятно, ограничено темпами развития мозга (см. гл. 10).

Конечно, очень важно учитывать, что предложенная Пиаже концепция эгоцентризма относится лишь к когнитивному аппарату ребенка, который он использует во время построения своих моделей (образов) других людей, и не имеет ничего общего с эготизмом[1]*.

---

[1]* Эготизм — преувеличенное мнение о своей личности, самомнение, самовлюбленность. — *Примеч. ред.*

Фактически нет никаких оснований считать, что ребенку хоть в чем-то эготизм свойствен больше, чем взрослому. На самом деле, ребенок может испытывать сильную обеспокоенность относительно благополучия другого человека и искренне делать для него все, что он может. Но, как известно каждому, кто пользовался помощью ребенка, получаемый результат не всегда бывает удовлетворительным. Ребенок не справляется с этой миссией не потому, что он не хочет помочь нуждающемуся в его помощи, а потому, что не может понять, что было бы хорошо с точки зрения этого человека.

Развивать эту тему дальше означало бы начать обсуждение больших, трудных и глубоких вопросов, касающихся того, как ребенок постепенно строит свой собственный «внутренний мир». Мы можем предположить, что к концу первого года жизни ребенка, а особенно активно, вероятно, на протяжении второго и третьего года, когда он обретает могучий и совершенно исключительный дар речи, малыш создает свои рабочие модели. В них отображается то, как может «повести себя» физический, предметный мир, что можно ожидать от матери и других значимых для него людей, от него самого и как все они взаимодействуют друг с другом. В пределах этих рабочих моделей он оценивает ситуацию, в которой находится, и строит свои планы. А с помощью рабочих моделей своей матери и себя самого он оценивает особенности своей ситуации и составляет планы удовлетворения привязанности.

Как строятся эти модели и как в дальнейшем они влияют на восприятия и оценки, насколько адекватными и эффективными они становятся с точки зрения планирования, насколько правильно или искаженно они отражают реальность и какие условия способствуют их развитию или задерживают его — все эти вопросы очень важны для понимания различных путей, которыми по мере взросления детей идет организация поведения привязанности. Однако эти вопросы затрагивают слишком много крупных (и весьма спорных) проблем, поэтому нет никакого смысла рассматривать их здесь. В любом случае систематические исследования только начались, и еще мало, что твердо установлено.

Сотрудничество и конфликт

Как только по своей организации поведение привязанности ребенка становится по большей части целекорректируемым, развитие взаимоотношений между ним и его матерью существенно усложняется. Между ними возможно как установление настоящего сотрудничества, так и появление стойкого конфликта[1].

---

[1]Некоторые из проблем, возникающие, когда один индивидуум стремится изменить свои внешние обстоятельства, вызывая изменения в целях другого индивидуума, обсуждались с точки зрения теории управления Маккеем (МасКау, 1964). Когда каждый из двух индивидуумов старается изменить цели другого, «может стать логически невозможным разграничить эти два комплекса целей. В таком случае у этих индивидуумов складываются взаимоотношения, при которых их индивидуальности частично сливаются».

Когда двое людей взаимодействуют друг с другом и каждый способен строить планы, возникает перспектива появления у них общей цели и общего плана. Если это происходит, взаимодействие приобретает новые черты, совершенно отличные от особенностей взаимодействия, основанного, скажем, на связанных в цепочки паттернах фиксированного действия. О новом стиле взаимодействия лучше всего говорить, как о партнерстве. Имея общую установочную цель и участвуя в выработке совместного плана ее достижения,

партнеры испытывают благотворное ощущение стремления к общей цели и, кроме того, они склонны солидаризироваться друг с другом.
Тем не менее партнерство дается дорогой ценой. Поскольку каждый партнер должен достичь своих собственных личных уста- неточных целей, сотрудничество между ними возможно лишь до тех пор, пока каждый из них готов при необходимости пожертвовать своими личными установочными целями или, по крайней мере, согласовывать их с целями другого.
Кто из двух партнеров будет приспосабливать свои цели к целям другого — это, безусловно, зависит от многих факторов. Когда речь идет об обычной паре мать — ребенок, то здесь каждому, очевидно, приходится идти на многие уступки, чтобы адаптироваться друг к другу, хотя иногда, вероятно, и тот и другой отстаивают свою позицию и выдвигают свои требования. И все же в гармоничном партнерстве постоянно приходится идти на взаимные уступки.
Однако даже в удачно складывающемся партнерстве временами возникают небольшие конфликты, и это длится до тех пор, пока не устанавливаются общие установочные цели. Например, обычно мать удовлетворяет требования ребенка, тем не менее бывают случаи, когда она на это не идет. Иногда, особенно когда ребенок маленький, она может прибегнуть к строгим мерам. Чаще, особенно с ребенком постарше, она стремится добиться своего путем убеждения, т.е. пытаясь изменить его установочные цели.
Что касается требований, связанных с привязанностью, то совершенно очевидно, что матери двухлетнего малыша приходится по многу раз за день пытаться изменить установочные цели его поведения. Иногда, если малыш, например, пришел в спальню родителей рано утром, она может выпроводить его или оторвать от своей юбки, когда к ней зашла подруга. В другое время она, наоборот, старается не отпускать его от себя, например, если они вместе идут по улице или находятся в магазине. Уговаривая или отговаривая его от чего-то, браня, наказывая или задабривая попеременно, мать старается регулировать степень близости к себе ребенка, действуя через изменение установочных целей его поведения привязанности.
В свою очередь и ребенок подобным же образом стремится изменить поведение матери и ее близость к нему. Поступая так, он, по всей вероятности, использует те же методы, которые применяет его мать, точнее, некоторые из них.
Обычно с возрастом, особенно после трех лет, он уже предъявляет меньше требований. У него расширяются интересы, его время уходит на различные занятия и он уже не так пуглив. Поведение привязанности у него не только активизируется реже и менее интенсивно, но и может завершаться по-новому благодаря его когнитивным способностям, особенно в результате его сильно развившейся способности учитывать в процессе мышления пространственные и временные отношения. Таким образом, в течение все более продолжительного времени, даже в отсутствие матери, ребенок может чувствовать себя довольным и защищенным — ему достаточно просто знать, где она находится и когда вернется, или, если ему сказали, что она вернется к нему по первому его требованию.
Для большинства четырехлетних детей информация о том, что мать при необходимости сразу же будет рядом с ними, имеет, по-видимому, большое значение. Для двухлетних детей, наоборот, она мало что значит.

Разумный подход к проявлению материнской заботы

Вопрос, который постоянно поднимается как матерями, так и специалистами, — это разумно ли со стороны матери всегда идти навстречу требованиям ребенка находиться рядом с ним и оказывать ему внимание? Не ведет ли подобное поведение к избалованности ребенка? Если в процессе ухода за ребенком и заботы о нем мать выполняет все его требования, не может ли это привести к тому, что он станет требовать и ожидать от нее удовлетворения всех его просьб? И станет ли он когда-нибудь

независимым? Иначе говоря, сколько ухода, ласки и внимания требуется ребенку для благополучного развития?
Возможно, правильнее всего подойти к этому вопросу с тех же позиций, что и к вопросу «Сколько должен есть ребенок?» В настоящее время ответ на него широко известен. С первых же месяцев самое лучшее — «прислушиваться» к ребенку. Если ему хочется есть больше, вероятно, пища идет ему на пользу, если он отказывается есть, в этом, скорее всего, для него нет ничего плохого. Ребенок с нормальным обменом веществ сам способен регулировать прием, количество и качество пищи. Поэтому за некоторыми исключениями мать может спокойно предоставить инициативу ребенку.
То же самое справедливо и в отношении поведения привязанности, особенно в первые годы жизни. Малышу из обычной семьи не повредит, если заботливая мать будет находиться вместе с ним столько времени, сколько он захочет, и будет уделять ему столько внимания, сколько он потребует. Таким образом, в том, что касается ухода и заботы (как и в случае с питанием), ребенок, по-видимому, сам может успешно отрегулировать нужное ему «потребление» материнского внимания. Только по достижении им школьного возраста, возможно, появится повод попытаться мягко ограничить его в этом вопросе.
Паттерн взаимодействия, который представляется наиболее благоприятным для матери и ребенка первых лет жизни, описан среди поведения нескольких пар в предыдущей главе. Когда мать восприимчива к сигналам своего ребенка и реагирует на них сразу и соответствующим образом, ее ребенок «расцветает», а их отношения развиваются очень гармонично. Но ситуация крайне неблагоприятна, если мать не воспринимает сигналы ребенка или не реагирует на них, или же если она дает ему не то, что ему нужно, а подменяет это чем-то другим.
Нарушения в поведении привязанности могут быть весьма многообразными. На мой взгляд, в западных странах самые обычные нарушения — это те, которые возникают в результате недостатка материнской заботы или вследствие частой смены ухаживающих за ребенком людей. Значительно менее распространены нарушения, возникающие вследствие повышенного внимания к ребенку со стороны матери: они появляются не оттого, что невозможно удовлетворить ненасытную потребность ребенка в любви и внимании, а из-за навязчивого желания излить на него эту любовь. При внимательном наблюдении оказывается, что мать не прислушивается к своему ребенку, а полностью берет инициативу на себя. Она настаивает на том, чтобы быть рядом с ним, занимает его внимание или оберегает его от опасности, точно так же, как мать перекормленного младенца настаивает на том, что его нужно кормить.
Другие нарушения поведения привязанности, которых множество, лучше всего рассматривать не с точки зрения количества материнской заботы (слишком много или слишком мало ее получает ребенок), а с точки зрения искажений в способах материнского ухода, полученных или получаемых ребенком. Однако это уже относится к теме психопатологии поведения привязанности и пытаться раскрыть ее в нескольких абзацах означало бы подойти к ней слишком упрощенно.
Это короткая глава, но ее объем совершенно не соответствуют важности темы. Затронутые в ней процессы развития не просто представляют огромный интерес — это те процессы, которые отличают человека от других биологических видов. Способность человека к использованию языка и прочих знаков, планированию и созданию моделей, его способность к долговременному сотрудничеству с окружающими и к вечной борьбе — именно эти качества делают человека тем, кто он есть. Начало всех этих процессов относится к первым трем годам жизни, и, более того, с самых первых дней они включаются в структуру поведения привязанности. Означает ли это в таком случае, что больше нечего сказать о развитии организации поведения привязанности на втором и третьем годах жизни?

Безусловно, сказать еще есть что, но, возможно, не так уж и много. Истина заключается в том, что наименее изученной стадией человеческого развития остается та, на которой ребенок приобретает все свои специфически человеческие качества. Здесь перед нами открывается целый континент, который еще только предстоит завоевать.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СВЯЗЬ РЕБЕНКА С МАТЕРЬЮ: ОБЗОР ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[1]

За последние пятьдесят лет психоаналитиками было выдвинуто много разных гипотез относительно характера привязанности ребенка к матери. В этом, как и в других вопросах, эволюцию взглядов Фрейда нельзя понять, если не проследить их с исторической точки зрения. При чтении его работ нас сразу поражает факт, что он сравнительно поздно оценил действительное значение тесной связи младенца с матерью и что только в последние десять лет своей жизни он стал придавать ей ту значимость, какую все мы вынуждены придавать ей сегодня. Мы можем вспомнить отрывок из его статьи «О женской сексуальности» (Freud, 1931), в котором он признается, насколько трудноуловимым ему казалось все, что было связано с «первой привязанностью к матери» в ходе его аналитической работы, и как сложно ему было проникнуть за барьер сильного переноса на него чувств пациенток, испытываемых ими к отцу. Он утверждает, что тогда его поразил своей новизной тот факт, что «одинаково сильная и страстная» привязанность к матери предшествует зависимости от отца, а также факт продолжительности периода привязанности к матери (там же. P. 225). Отсутствие в ранних произведениях Фрейда должного внимания к вопросу о «связи ребенка с матерью»[2] оказало серьезное влияние на теорию психоанализа. Первое глубокое обсуждение этого вопроса Фрейд опубликовал только в 1926 г. («Торможение, симптом и страх»).

---

[1]Впервые этот отрывок был опубликован как часть статьи «Природа связи ребенка с матерью» (InternationalJournal of Psycho-Analysis. 1958. Vol. 39). Внесенные в него изменения весьма немногочисленны; статьи, опубликованные начиная с 1958 г., систематически здесь не рассматриваются.

[2]Вполне вероятная причина этого в том, что многие пациенты Фрейда воспитывались нянями. В «Пяти лекциях по психоанализу» (1910) он проводит четкую грань между объектами анаклитических отношений и родителями: «Первый выбор ребенком объекта, связанный с его потребностью в помощи, требует более пристального интереса. Вначале его выбор прежде всего направлен на *всех тех,* кто ухаживает за ним, но вскоре их место занимают родители» (там же. — *Курсив мой).*

Фрейд, по-видимому, постепенно осознавал огромное значение первой привязанности ребенка. До начала 1920-х гг. он придерживался мнения, что, не считая короткого периода, в течение которого объектом орального компонента либидо является материнская грудь, все остальные его компоненты вначале имеют аутоэротический характер. Данная точка зрения, впервые представленная в «Трех очерках по теории сексуальности» (1905), сжато изложена в энциклопедической статье, озаглавленной «Психоанализ» (1922):

«Вначале оральный компонент влечения находит удовлетворение путем присоединения к пищевому насыщению и его объектом является материнская грудь. Потом он обособляется, становится независимым и в то же время приобретает аутоэротический характер, т.е. он находит свой объект в собственном теле ребенка. Другие частичные

влечения также начинаются с аутоэротических проявлений и направленность на внешний объект получают позднее».
В период между двумя и пятью годами происходит «сосредоточение сексуальных импульсов» на объекте, которым является родитель противоположного пола (1920a. P. 45). В этом описании бросается в глаза отсутствие всеми признаваемой теперь стадии, на которой у детей обоих полов существует сильная привязанность к матери. Действительно, в работе «Толкование сновидений» (1900) есть отрывок, в котором Фрейд выражает мнение, что «дети не очень скучают об отсутствующем человеке; многие матери открыли для себя это к своему глубокому сожалению». Этот отрывок, несмотря на его глубокое противоречие менявшимся взглядам Фрейда, сохранился в своем неизменном виде во всех последующих изданиях (1900. P. 255).
Тем не менее в различных произведениях более раннего периода у Фрейда имеются высказывания, содержащие мысль, что ребенок вовсе не абсолютно аутоэротичен, как это утверждается в главных положениях его теории. В «Трех очерках по теории сексуальности», рассматривая сосание ребенком материнской груди как прототип любовных отношений в последующей жизни, он пишет:
«Но даже после отделения сексуальной активности от приема пищи, в значительной мере эта первая и самая важная из всех сексуальных связей сохраняется... В течение всего латентного периода ребенок учится любить других людей, которые помогают ему в его беспомощном положении и удовлетворяют его потребности. Эта любовь полностью повторяет образец его младенческих отношений с кормилицей, как бы продолжая эти отношения. Общение ребенка со всеми, кто заботится о нем, составляет для него беспрерывный источник сексуального возбуждения и удовлетворения через эрогенные зоны...»
Далее он продолжает восхвалять мать, которая, лаская, целуя и укачивая младенца, «только выполняет свою обязанность, когда учит ребенка любить» (1905. P. 222—223).
Сходный отрывок мы находим в его работе «К введению в нарциссизм» (1914), где он пишет, что, по его наблюдениям, лица, которые занимаются кормлением ребенка, заботятся о нем и оберегают его, становятся для него первыми объектами сексуального влечения. Данный вид выбора объекта он обозначает термином «анаклитический», потому что на этой стадии сексуальные влечения находят свое удовлетворение путем «примыкания» к влечениям, направленным на самосохранение (1914. P. 87).
Мы знаем, что к 1920 г. на основе своих наблюдений Фрейд сделал вывод, что ребенок в возрасте полутора лет не любит, чтобы его оставляли одного («По ту сторону принципа удовольствия», 1920a. P. 14—16), а через шесть лет мы встречаем у Фрейда рассуждение о том, почему ребенок хочет быть с матерью и боится ее потерять («Торможение, симптом и страх», 1926. P. 137—138). Однако нежелание допускать существование какой-либо первичной, специально направленной формы инстинктивного поведения у него остается. Он пишет:
«Причина, по которой грудному ребенку хочется, чтобы с ним была мать, заключается только в том, что он по опыту знает, что она без промедления удовлетворяет все его потребности. Тогда ситуация, которую он считает «опасной» и от которой ему хотелось бы быть защищенным, — это ситуация отсутствия удовлетворения, а значит, растущего напряжения потребности, против которого он беспомощен».
На самом деле, говорит нам Фрейд, главная опасность в «экономическом нарушении вследствие накопления стимуляции, от которой необходимо освобождаться».
Поэтому страх ребенка потерять свою мать следует понимать как смещение:
«Когда ребенок узнает по опыту, что внешний, воспринимаемый объект может положить конец опасной ситуации, напоминающей о рождении, представление об опасности, которой он боится, смещается с экономического аспекта этой ситуации на условие, определяющее эту ситуацию, т.е. на потерю объекта».

Как уже отмечалось ранее, к 1931 г. было в полной мере осознано значение стадии, на которой объектом либидо является мать. Однако в статье «О женской сексуальности» отсутствуют какие- либо объяснения, каким образом развиваются эти отношения. В его итоговой работе мы находим полный идей, но очень сжатый абзац («Очерк о психоанализе», 1940. Р. 188). Здесь каждому бросаются в глаза живые и яркие выражения, в которых описаны взаимоотношения с матерью и которые больше ни в одной из его работ, затрагивающих этот вопрос, не встречаются. Он описывает отношение к матери как «уникальное, не имеющее аналогов, незыблемо установившееся на всю жизнь отношение к объекту своей первой и самой сильной любви и как прототип всех дальнейших любовных отношений — для обоих полов».

Описывая динамику этого по-новому оцененного им отношения, Фрейд, как и ранее, начинает с того, что «первый эротический объект ребенка — это грудь матери, которая питает его» и что «любовь берет свое начало в примыкании к удовлетворенной потребности в питании». Далее он обращает внимание на то, что, поскольку ребенок «не различает грудь и свое собственное тело», часть «исходной, нарциссической либидинальной нагрузки» переносится на грудь как на внешний объект.

«Первый объект позднее дополняется самой матерью ребенка, которая не только кормит его, но также ухаживает за ним и таким образом возбуждает в нем ряд других физических ощущений, приятных и неприятных. Заботясь о теле ребенка, она становится его первой соблазнительницей. В этих двух типах отношений коренится то большое значение, которое имеет мать...»

Этот отрывок описывает ту же динамику, которую в своих ранних произведениях Фрейд относил к латентной стадии, но которая, как он осознал еще с 1920-х гг., действует, начиная со значительно более ранних стадий жизни.

Если бы он ограничился этим, мы бы с уверенностью считали, что до конца жизни Фрейд придерживался теории вторичного влечения (хотя нам следовало бы быть проницательнее и заметить, что он излагал ее в общей форме: по мнению Фрейда, мать приобретает свое значение не только потому, что она удовлетворяет физиологические потребности, но также потому, что одновременно с этим она стимулирует эрогенные зоны младенца). Однако этими словами он не закрывает данный вопрос. Предположительно, в конце этого важного отрывка как запоздалую мысль он выражает мнение, радикально отличное от того, которое он высказывал ранее, и как бы противоречащее большей части его более ранних высказываний. Он пишет:

«...филогенетическая основа одерживает верх над индивидуальным случайным опытом, так что не имеет значения, действительно ли ребенок сосал грудь или был вскормлен из бутылочки и никогда не испытал нежности материнской заботы. В обоих случаях развитие ребенка идет по одному и тому же пути...»

Наш самый осторожный вывод заключается в том, что Фрейд был не вполне удовлетворен своими ранними работами. Более радикальный вывод таков: к концу своей жизни вдохновленный новым и ясным пониманием огромного значения связи ребенка с матерью, Фрейд не только отошел от теории вторичного влечения, но и развил идею о том, что в основе этих первых и уникальных любовных отношений лежат частичные влечения, «встроенные» в природу человека в процессе его эволюции.

Такое предположение подтверждается отрывком из «Трех очерков» (1905), идею которого он, по-видимому, никогда в дальнейшем не излагал более подробно. Обсуждая сосание пальца и то, что сосание имеет самостоятельное значение по отношению к получению пищи, Фрейд продолжает:

«Появляющийся при этом инстинкт хватания может выражаться в виде одновременного ритмического дерганья за ушные мочки или удерживания с той же целью какой-либо иной части тела другого человека (по большей части уха)» (1905. Р. 180).

Здесь очевидна ссылка на частичное влечение, даже более независимое, чем сосание или прием пищи. На этот вопрос особое внимание обратила Венгерская психоаналитическая школа, и он имеет прямое отношение к теории, выдвинутой в этой книге.
Независимо от того, правы мы или нет, считая, что в свои последние годы Фрейд развивал новые идеи, следует констатировать, что на момент его смерти эти идеи в лучшем случае находились в зачаточном состоянии. Более того, на представителей Венской школы они практически не оказали влияния. Все получившие образование в Вене до войны, продолжали придерживаться теории вторичного влечения. Например, Анна Фрейд выразила эту точку зрения в ряде публикаций. В 1954 г. она пишет:
«Отношения с матерью не являются первым отношением ребенка с окружающей средой. Ему предшествует более ранняя стадия, на которой решающую роль играет не мир объектов, а потребности тела и их удовлетворение или фрустрация. В борьбе за удовлетворение жизненно важных потребностей и влечений объект всего лишь служит цели выполнения желания, при этом по своему статусу он не более чем средство достижения цели, т.е. «удобства». В это время либидинальная нагрузка проявляется как примыкание не к образу объекта, а к блаженству от переживания удовлетворения и облегчения».
В более ранней статье (Freud, 1949) она описывает, как в первый год жизни ребенка должен происходить «очень важный переход от первичного нарциссизма к объектной любви, осуществляемый постепенно, небольшими этапами». Объясняя этот переход, она подобно Зигмунду Фрейду рассматривает мать как «соблазнительницу». Например:
«С Помощью постоянно повторяемого опыта удовлетворения первых потребностей организма либидинальный интерес ребенка отходит от исключительного сосредоточения на том, что происходит с его собственным телом, и направляется на тех лиц из внешнего мира (мать или замещающего ее человека), которые отвечают за удовлетворение его потребностей».
В той же статье, где обсуждаются истоки некоторых форм социальной дезадаптации, она описывает, как, когда и по какой причине матери не удается быть постоянным источником удовлетворения, «трансформация нарциссического либидо в объектное либидо происходит несоответствующим образом», а в результате этого сохраняется аутоэротизм и деструктивные побуждения остаются обособленными.
Хотя в теоретических работах Анна Фрейд предстает убежденной сторонницей теории вторичного влечения, в ее клинических описаниях имеются отрывки, свидетельствующие совершенно о другом подходе. В работах ее и Дороти Берлингем, посвященных поведению детей из яслей в Хэмпстеде, содержится одно из нескольких описаний развития связи ребенка с матерью, сделанных психоаналитиками на основе эмпирических наблюдений (Burlingham, Freud, 1942). Среди их выводов выделяются два, которым не придавалось значения в психоаналитической теории. В первом Берлингем и Фрейд утверждали, что «индивидуальная привязанность ребенка к матери достигает своего полного развития не ранее второго года жизни» (P. 50). Во втором речь шла о том, что «дети льнут к тем матерям, которые постоянно сердиты на них, а иногда и жестоки к ним. Привязанность маленького ребенка к своей матери предстает по большей части как феномен, не зависящий от ее личных качеств» (P. 47). Фактически их наблюдения показывают, что у ребенка всегда присутствует потенциальная возможность образования привязанности и, нуждаясь в объекте, он готов привязаться к любому. Они отмечают, что, когда ребенок находится в яслях,
«эмоции, которые в нормальной обстановке [он] направил бы на своих родителей... остаются неразвитыми и неудовлетворенными, но... в латентной форме продолжают существовать и готовы активизироваться в любой момент при малейшей возможности образования привязанности» (Burlingham, Freud, 1944. P. 43).
Мысль об определенной степени независимости привязанности от отношения к ребенку, которая содержится в этих описаниях (там же. P. 52), вновь возникает в другом отчете о

поведении маленьких детей, наблюдение за которыми Анна Фрейд вела совместно со своей коллегой (Freud, Dann, 1951). Они описывают поведение шести детей из концентрационного лагеря в возрасте трех-четырех лет, имевших в своей жизни опыт общения только друг с другом. Авторы подчеркивают, что «положительные чувства дети испытывали исключительно к членам своей группы... они очень заботились друг о друге, но в то же время больше никто и ничто их не интересовало». Можно задать вопрос: было ли это результатом того, что один ребенок служил средством удовлетворения физических потребностей других? Именно такого рода наблюдения привели Дороти Берлингем и Анну Фрейд к описанию потребности ребенка «в ранней привязанности к матери» как «важной инстинктивной потребности» (Burlingham, Freud, 1944. P. 22. Курсив мой) — формулировке, которая едва ли представляется совместимой с теорией вторичного влечения, которой они придерживаются в других работах.

Противоречия в положениях, формулируемых в результате эмпирических наблюдений, с одной стороны, и в ходе абстрактных дискуссий — с другой, стали почти правилом для психоаналитиков, которые непосредственно изучают поведение маленьких детей, например, Мелани Кляйн, Маргарет Риббл, Терезы Бенедек и Рене Шпица. Все они наблюдали социальное взаимодействие между матерью и ребенком, не связанное с оральной активностью, и в своих описаниях использовали термины, предполагающие первичную социальную связь. Однако, когда они начинают выстраивать теории, каждый из них, очевидно, чувствует себя обязанным отдать приоритет потребностям в пище и тепле, утверждая, что социальное взаимодействие развивается лишь вторично, как результат инструментального научения.

Основные теоретические представления Мелани Кляйн берут свое начало в идеях, имевших хождение до 1926 г. Хотя эти базовые представления сохраняются в ее теориях в неизменном виде, непосредственные наблюдения за поведением младенцев, проведенные ею позднее, привели к наложению на них ряда понятий, в большей степени ориентированных на эмпирические данные и имеющих иную природу.

В отличие от Анны Фрейд Мелани Кляйн придерживается точки зрения, согласно которой в отношении ребенка к матери есть нечто большее, чем удовлетворение физиологических потребностей. Тем не менее в ее теоретических формулировках чувствуется ярко выраженная тенденция к доминированию взаимосвязанных между собой тем, касающихся пищи, оральной чувствительности и материнской груди. По поводу пищи она пишет в одной из двух глав, в которых обсуждается этот вопрос (Klein et al., 1952. Гл. 6 и 7), следующее:

«Отношение ребенка к своему первому объекту — матери — и отношение к пище связаны друг с другом с самого начала. Поэтому изучение фундаментальных паттернов отношения к пище представляется лучшим подходом к пониманию маленьких детей» (P. 238).

Она тщательно разрабатывает эту тему в нескольких местах своей работы, где устанавливает связь между конкретным отношением к пище и теми конкретными формами, которые позднее получают психическая организация ребенка и его развитие. Сосредоточение на оральной чувствительности и пище, которое является отличительной чертой теории Мелани Кляйн, начиная с одной из ее первых статей — «Анализ ребенка» (1923), представляется в значительной степени результатом влияния на нее двух важных статей Абрахама — «Первая догенитальная стадия» (Abraham, 1916) и «Развитие либидо» (1924). Как известно, в этих произведениях Абрахам особое внимание уделил оральной активности. Тем не менее его статьи относятся у периоду, когда большое значение связи ребенка с матерью еще не было признано, и используемые в них основные понятия несколько отличаются от понятий Фрейда, изложенных в энциклопедической статье 1922 г. Что касается статьи Мелани Кляйн, то можно видеть, что значение привязанности ребенка в ней не рассматривается, а принимается во внимание только оральный компонент. Думаю, что под влиянием этой статьи возникло излишнее акцентирование

оральной активности и значения первого года жизни, что привело к недооценке других аспектов связи ребенка с матерью, а также событий второго и третьего года жизни.
Вновь возвращаясь к публикации Мелани Кляйн и ее коллег (Klein et al., 1952), мы обнаруживаем, что, следуя своей теории оральной активности, она приходит к точке зрения, согласно которой, «отношение к любимой и ненавидимой, т.е. хорошей и плохой, груди — это первое объектное отношение ребенка» (Р. 209) и что «центральным моментом тесной связи между маленьким ребенком и его матерью является отношение к ее груди» (Р. 243). В одном из важных примечаний она прямо утверждает, что существует врожденное стремление к материнской груди: «Новорожденный ребенок подсознательно чувствует, что существует объект уникальной ценности, который может дать максимальное удовлетворение, и что этим объектом является материнская грудь» (Р. 265). Анализируя эту точку зрения, она цитирует высказывание Фрейда, признавая его правильным, относительно значения филогенетического основания ранних объектных отношений. Между тем, как мы уже видели, в конце жизни Фрейд приближался к разработке теории, отличной от теории вторичного влечения, которой он до тех пор придерживался.
Но несмотря на доминирование в теории Мелани Кляйн идей, связанных с пищей, оральной активностью и материнской грудью, она описывает и свои наблюдения за маленькими детьми и делает при этом совершенно другой вывод. Например, в одной из тех глав, которые мы уже цитировали, обнаруживаем следующий отрывок:
«Некоторые дети, хотя и обладающие хорошим аппетитом, но явно не жадные до пищи, проявляют безошибочные признаки любви и растущего интереса к матери на очень ранней стадии, т.е. такого отношения, в котором присутствуют существенные элементы объектного типа отношений. Мне доводилось видеть младенцев всего трех недель от роду, которые на короткое время прерывали сосание, чтобы поиграть с материнской грудью или обращали взгляд на ее лицо. Я наблюдала также, как маленькие дети, которым еще не было и двух месяцев, в период бодрствования — после кормления — лежали на коленях у матери, смотрели на нее, слушали ее голос и реагировали на него изменением выражения своего лица, это выглядело как нежная беседа между матерью и ребенком. Такое поведение предполагает, что *удовлетворение в такой же степени относится к объекту, который дает пищу, как и к самой пище»* (Р. 239. *Курсив мой*).
Вплоть до этого места при чтении работ Мелани Кляйн (1952) возникает впечатление, что хотя она и считает, что первое отношение ребенка к матери включает в себя не один компонент влечения, а несколько, но тем не менее оральный компонент играет, безусловно, доминирующую роль. В результате этого, а также тенденции ставить знак равенства между хорошей грудью и хорошей матерью многие из работ Кляйн и ее коллег создают впечатление, что эти ученые придерживаются теории, которую я назвал «сосанием первичного объекта». Тем не менее точнее будет сказать, что она колебалась между теорией сосания первичного объекта, которую выводила на передний план, и множеством неявных ссылок на более общую теорию, которой не уделяла постоянного внимания[1].

---

[1]Вслед за обсуждением статьи, в которой впервые появился этот обзор, Мелани Кляйн привлекла внимание к той роли, которую, по ее мнению, играют в отношении ребенка к матери анальные и уретральные импульсы. Хотя в ее работах больше всего подчеркиваются агрессивные и разрушительные компоненты этих импульсов, очевидно, что она также придает значение удовольствию от овладения и обладания, которые обычно приписываются анальному эротизму.

На первых страницах одной из ее последних публикаций (Klein, 1957, Р. 3—5) мы находим те же самые колебания. С одной стороны, акцент делается на первостепенном

значении груди и оральной чувствительности: речь идет о «первичном хорошем объекте, материнской груди», о «преобладании оральных импульсов» и ощущении безопасности в связи с отношением к матери, причем ощущение это зависит от «способности ребенка в достаточной степени прилагать энергию влечения к груди или ее символическому представителю — бутылочке». С другой стороны, высказывается мысль, что у ребенка с самого начала есть понимание чего-то большего:

«В его уме уже присутствует какая-то неопределенная связь между грудью и другими частями и качествами матери. Я не стала бы утверждать, что грудь для него — только физический объект. Совокупность его инстинктивных желаний и бессознательных фантазий наделяет грудь свойствами, выходящими далеко за пределы источника питания, которое она осуществляет».

Если до этой публикации Мелани Кляйн мало говорила о характере «того большего», что понимает ребенок, то здесь она выдвигает гипотезу для его объяснения. Она фактически приближается к теории первичного стремления вернуться в утробу матери и предполагает следующее:

«Эта психическая и физическая близость к доставляющей удовольствие груди в определенной мере восстанавливает, если все идет хорошо, утраченное внутриутробное единение с матерью и сопутствующее ему чувство безопасности... То, что ребенок был как бы частью матери в пренатальном периоде, вполне могло повлиять на врожденное чувство младенца, будто вне его существует что-то, способное дать ему все необходимое для удовлетворения его потребностей и желаний».

Далее она ссылается на «всеобщую тоску по внутриутробному состоянию», как на нечто самоочевидное. Таким образом, последняя гипотеза Мелани Кляйн относительно динамики, лежащей в основе привязанности ребенка, по-видимому, сочетает в себе первичную оральную потребность сосать грудь с первичным стремлением вернуться во внутриутробное состояние единения с матерью.

Выдвигая теорию первичного стремления вернуться в утробу матери для объяснения связи с матерью, которая, по ее мнению, основана не только на оральной чувствительности, Мелани Кляйн реанимирует теорию, существовавшую в психоанализе многие годы. Впервые в ее защиту в 1913 г. выступил Ференци в своей работе «Стадии развития чувства реальности». Следует заметить, однако, что Ференци выдвигал эту теорию не для того, чтобы описать, насколько сильна связь ребенка с матерью, а для объяснения фантазии всемогущества[1]. Когда именно на протяжении своей долгой истории развития эта теория была впервые заимствована психоаналитиками для описания привязанности ребенка к своей матери, не совсем понятно, но мы обнаруживаем ее у Фэрберна (Fairbairn, 1943)2. В любом случае независимо от того, когда и где она возникла, она, по-видимому, не сыграла большой роли в развитии идей Венгерской школы.

---

[1]Ференци предполагает, что зародыш «в процессе своего существования, возможно, получает впечатление, что фактически он всемогущ», и что когда ребенок и пациент, одержимые навязчивой идеей, требуют, чтобы их желания немедленно исполнялись, они требуют не более чем возвращения в «добрые, старые времена», когда они находились в материнской утробе.

[2]Фрейда поразило функциональное сходство материнской утробы и материнских объятий с точки зрения форм материнской заботы и ласки (1926. P. 138), но это совсем другой вопрос. Однако утверждая, что потребность в общении при агорафобии имеет место из-за «временной регрессии к младенчеству (а в крайних случаях — к тому времени, когда субъект находился в материнской утробе...)» (1926. P. 127), он приближается к признанию стремления вернуться в материнскую утробу.

Несомненно, что вдохновленные интересом Ференци к исследованию отношений между матерью и ребенком, члены Будапештского общества внесли свой вклад в решение нашей проблемы и в 1930-е гг. опубликовали ряд статей на эту тему. Херманн (Hermann, 1933, 1936) отметил, что детеныши человекообразных обезьян проводят первые недели жизни, вцепившись в шерсть матерей и что у младенцев имеется множество подобных им движений — они хватаются за мать и прижимаются к ней, особенно, когда сосут грудь или чем-то напуганы. В результате этих наблюдений и реанимации ранней и фактически отвергнутой идеи из «Трех очерков» Фрейда, Херманн пришел к выводу, что первичным частичным влечением у людей является цепляние. И все же он был, по-видимому, не очень склонен рассматривать его как объектное отношение, так что было бы некорректно утверждать, будто он поддерживал теорию первичного цепляния объекта (подробнее этот вопрос обсуждался в приложении к трудам Э. Балинт, 1939).
Майкл и Элис Балинт (M. Balint, 1937; A. Balint, 1939) выражают свою признательность Херманну, но идут дальше, чем он. Начиная с концепции Ференци о пассивной объектной любви, они отрицали теорию первичного нарциссизма и настаивали на том, что сначала устанавливаются примитивные объектные отношения. Однако под влиянием работы Херманна и на основе собственных наблюдений они пришли к пониманию активной роли ребенка в установлении отношений между ним и матерью. Элис Балинт в приложении к своей статье дает выразительное описание формирования такой точки зрения:
«Отправной точкой этих идей является хорошо известная концепция Ференци о «пассивной объектной любви». В своей статье по этому вопросу, напечатанной в издании, посвященном памяти Ференци, я использовала только этот термин. Позднее, под влиянием идей М. Балинта относительно «нового начала», где он делает акцент на активных чертах поведения младенцев, а также частично под влиянием работы Херманна, посвященной инстинкту цепляния, я подумала, что термин «пассивные» не подходит к описанию отношений, в которых первостепенную роль играют такие явно активные тенденции, как инстинкт цепляния. С тех пор я, главным образом, использовала — как и в настоящей статье — вместо термина «пассивная объектная любовь» термин «архаичные» или «первичные объектные отношения (объектная любовь)».
В описании этих примитивных, но по своей сути активных объектных отношений Балинты придавали значение двум обстоятельствам. Первое — это эготизм взаимоотношений. Отвергнув другие понятия, Элис Балинт приходит к такому выводу: «Более всего здесь подходит понятие «эгоизм». Фактически это архаичный, эгоистический вид любви, первоначально обращенный исключительно на мать», причем его основной чертой является то, что собственные интересы матери совершенно не учитываются. Второе обстоятельство, хотя и более спорное, точнее подходит к приведенной выше точке зрения. Оно связано с тем, что эти отношения совершенно не зависят от эрогенных зон. «Данная форма объектных отношений, — пишет М. Балинт (Balint, 1937), — не связана ни с какими эрогенными зонами, это не оральная, орально-сосательная, анальная, генитальная и др. формы любви, это нечто особое...»
После чтения этих статей становится ясно, что первичное объектное цепляние рассматривается как главный компонент в концепции Балинтов о первичной объектной любви, но так же, как ранние взгляды Меланй Кляйн выходили за пределы понятия первичного объектного сосания, так и взгляды Балинтов шире представлений о первичном объектном цеплянии. Тем не менее в их работе много внимания уделяется обсуждению характера других компонентов.
Досадно, что за последние десятилетия в публикациях английских и американских психоаналитиков не просматривается особого интереса к идеям, высказанным их коллегами из Будапешта. Одну из немногочисленных ссылок на них можно найти в примечании к главе, написанной Полой Хейманн (Klein et al., 1952. P. 135). Выступая от имени четырех авторов книги, она выражает согласие с подробным критическим разбором Майклом Балинтом теории первичного нарциссизма. Хейманн кратко отмечает также

некоторые расхождения во взглядах на характер деструктивных импульсов и роли интроекции и проекции в раннем детстве. Однако она упускает при этом, что в то время как Венгерская группа придает особое значение неоральным компонентам в ранних объектных отношениях, группа Кляйн считает оральный фактор доминирующим в этих отношениях. Этому расхождению по меньшей мере требуется уделить более серьезное внимание, чем это делалось до сих пор. Кроме того, следует подчеркнуть, что поскольку до сих пор Мелани Кляйн занималась неоральным компонентом и объясняла его истоки первичным стремлением вернуться в материнскую утробу, она отстаивала теорию, радикально отличную от теории венгерских психоаналитиков.

В концепции Уинникотта, касающейся отношений ребенка и матери, пища и оральная чувствительность никогда не занимали такое доминирующее положение, как в концепции Мелани Кляйн. В статье, датированной 1948 г., он перечисляет ряд связанных с матерью обстоятельств, которые считает жизненно важными. Первые два — «она существует, продолжает существовать... находится там, доступная для ощущений всеми возможными способами» и «она любит физически, обеспечивает контакт, температуру тела, движение и покой в соответствии с потребностями младенца». Обстоятельство, связанное с обеспечением питания, поставлено на четвертое место. В важном примечании к своей статье «Переходные объекты и переходные явления» (Winnicott, 1953) Уинникотт обсуждает значение употребляемого им термина «материнская грудь»:

«Я включаю в это понятие всю материнскую заботу и уход. Когда говорится, что первым объектом является грудь, я полагаю, что в это слово вкладываются все аспекты заботы матери о ребенке, так же как и собственно питание. Мать не может быть в достаточной мере хорошей (как я это понимаю), если полноценное питание заменяется бутылочкой».

Таким образом, по мнению Уинникотта, питание и материнская грудь не являются главными в материнском уходе. Однако неясно, как Уинникотт представляет внутренние силы, движущие ребенком. В приведенном выше примечании он отваживается высказать следующую точку зрения:

«Если слово «грудь» понимать широко и в общее значение этого термина включать и материнскую заботу, и особенности практического ухода за младенцем, то в этом случае происходит стыковка представлений о раннем детстве, сформулированных Мелани Кляйн и Анной Фрейд. Остается единственная разница — в сроках».

Однако в этом примечании Уинникотту не удается провести грань между теорией, апеллирующей к первичному инстинктивному поведению, и теорией вторичного влечения.

Маргарет Риббл (Ribble, 1944) также придает большое значение неоральным компонентам, подчеркивая, что у младенцев есть «внутренняя потребность в контакте с матерью», которую она уподобляет потребности в пище. Однако она считает эту потребность очень близкой к удовлетворительному функционированию физиологических процессов, таких как дыхание и кровообращение, и, по- видимому, не выделяет социальную связь как самостоятельную линию развития. В специальном разделе Риббл обсуждает развитие эмоциональной привязанности ребенка к своей матери, где, очевидно, принимает теорию вторичного влечения: «Эта привязанность, или, если воспользоваться термином психоаналитиков, катексис, к матери развивается постепенно, в результате удовлетворения ею потребности ребенка». Таким образом, подобно Кляйн и Уинникотту, Риббл не упоминает ни первичной склонности к цеплянию, ни первичного стремления к следованию.

Наряду с другими учеными, получившими первоначальное образование в Будапеште, эмоциональную связь между матерью и ребенком признает и Тереза Бенедек. Для описания этой связи она использует термин «эмоциональный симбиоз». Бенедек говорит, что ребенку «необходимо, чтобы ему улыбались, брали его на руки, разговаривали с ним и т.д.» (Benedek, 1956. P. 403). Далее она признает, что приступ плача может быть вызван «не физиологической потребностью, такой как голод или боль, а препятствием попытке

ребенка вступить в эмоциональное (психологическое) общение и получить соответствующее удовлетворение» (P. 399). Тем не менее, по ее собственному признанию, она считает, что такие факты очень нелегко понять. В результате в теории Бенедек формулируется мысль о том, что «основная потребность детства — потребность в пище» (P. 392), несмотря на то, что этот вывод и идет вразрез с ее клиническими описаниями. Будучи заложницей теории оральной активности, Бенедек даже утверждает, что связь матери с ребенком, о которой она пишет с таким глубоким пониманием, также носит оральный характер. Она высказывает следующую точку зрения (я думаю, что вполне правильную): у женщины, после того как она стала матерью, мобилизуются те силы, которые связывали ее в детском возрасте с матерью, чтобы теперь связать ее, ставшую матерью, со своим ребенком. При этом Бенедек не может избежать обозначения сложившихся отношений как реципрокно оральных: «симбиоз, возникший после рождения как для ребенка, так и для матери, имеет оральный характер и связан с кормлением» (P. 398).
Эриксон, Салливен и Шпиц попали в сходную ловушку, т.е. мы хотим сказать, что их клинические данные значительно ближе к истине, чем их признанные теории. Эриксон (Erikson, 1950), которому так же, как Мелани Кляйн, было интересно проследить происхождение амбивалентности в раннем детстве, рассматривает ее в основном с точки зрения сосания и кусания. Он считает, что базальное доверие, которому он придает такое большое значение, имеет оральный источник: «Оральные стадии формируют у младенца зачатки базального чувства доверия» (P. 75). Однако Эриксон никогда не пишет о теории вторичного влечения и иногда кажется, что он принимает теорию сосания первичного объекта.
В то же время Салливен (Sullivan, 1953) весьма определенно высказывается относительно первичности физиологических потребностей:
«Я рассматриваю первые потребности из тех, что относятся к категории потребностей в любви и нежности [со стороны матери] как потребности, возникающие в неизбежно общем существовании младенца и физико-химического универсума... [Они] возникают как прямые следствия нарушений равновесия в физико-химической вселенной внутри и вне ребенка» (P. 40).
Салливен считает, что позднее у детей может развиваться первичная потребность в контакте и человеческих отношениях. Удивительно, однако, что он (или его редактор) настолько не уверен в этом, что обсуждение этого важного вопроса дается в виде примечания:
«Единственная потребность, не имеющая физико-химического источника, которая в период раннего детства уже заметна, а немного позднее становится вполне очевидной, — это *потребность в контакте...* У самых маленьких детей, по-видимому, имеются зачатки чисто человеческих или межличностных потребностей в виде внешнего (телесного) контакта с живыми существами, например, в виде прикосновения и т.п. Но когда я говорю, как сейчас, о первых неделях и месяцах жизни младенца, — это не более чем мои размышления...» (P. 40, примечание).
Щпиц тоже ясно представляет себе потребность ребенка в контакте и сетует, «что в западных странах непосредственный контакт через прикосновение между матерью и ребенком неуклонно и искусственным образом уменьшается, поскольку существуют попытки отрицать большое значение отношений между матерью и ребенком» (Spitz, 1957. P. 124). Тем не менее в своем рассуждении он не признает доминирующего значения этих отношений, а придерживается фрейдовской теории о первичном нарциссизме и теории вторичного влечения. Он утверждает, что настоящие объектные отношения берут начало в потребности в пище:
«Выбор объекта по примыканию определяется первоначальной зависимостью ребенка от человека, который его кормит, защищает и заботится о нем... влечение развивается анаклитически, т.е. опираясь на удовлетворение потребности, необходимой для

выживания. Удовлетворяемая при этом потребность — это потребность в пище» (там же. P. 83).
Шпиц придерживается этой позиции и в своей книге «Первый год жизни» (1965), хотя и не так явно.
Как уже отмечалось нами при изложении позиции Майкла Балинта, теория первичного нарциссизма[1]* Фрейда вызвала определенные возражения.

---

[1]*Первичный нарциссизм — ранний период детства, когда либидо ребенка обращено полностью на себя. — *Примеч. ред.*

Другим ученым, подвергшим эту теорию резкой критике, был Фэрберн (Fairbairn, 1941, 1943), который, как и Балинт, рассматривал явления психопатологии с учетом отношений ребенка к матери. Фэрберн строит свои представления о поведении младенцев частично с точки зрения первичной идентификации с объектом (идея, обсуждавшаяся Фрейдом в его работе «Психология масс и анализ Я» (Freud, 1921. P. 105), но так и не получившая дальнейшего развития в его исследованиях), а частично с точки зрения первичных влечений, направленных на социальные объекты. В своей попытке объяснить генезис первичной идентификации, Фэрберн обращается к теории первичного стремления вернуться в материнскую утробу. В то же время в вопросе о первичных влечениях к поиску объекта он подчеркивает реальную зависимость младенца от матери и делает акцент на оральном компоненте. Его убежденность в том, что «младенческая зависимость равноценна оральной зависимости» (1952. P. 47), лежит в основе многих его положений и приводит, так же как и Мелани Кляйн, к выводу, что главные события в развитии личности происходят в течение первого года жизни. Однако он признает, что этот вывод не согласуется с его клиническим опытом, который свидетельствует о том, что шизоидная и депрессивная психопатология имеет место, «когда объектные отношения продолжают оставаться неудовлетворительными на протяжении последующих лет раннего детства». Чтобы это объяснить, он вынужден опираться на теорию «регрессивной реактивации» (там же. P. 55). Однако в одной из своих поздних статей (1956) он в некоторой степени изменяет свои основные принципы и приближается к позиции, выдвинутой в данной книге: он возражает против «предположения, что по своей природе человек не есть социальное животное», и ссылается на этологию, демонстрирующую, что поведение поиска объекта появляется с момента рождения.
Одно из наиболее систематических изложений этой последней точки зрения дано в произведении английского психотерапевта Сатти «Происхождение любви и ненависти» (Suttie, 1935). Сатти, хотя и находился под сильным влиянием психоанализа, сам психоаналитиком не был. Создавая свои произведения в период существования Венгерской школы, Сатти и другие члены довоенной Тавистокской группы утверждали, что «ребенок рождается с психикой и инстинктами, адаптированными к раннему детству», и среди инстинктов доминирует «простая привязанность к матери». Эта потребность в матери рассматривается им как первичная «потребность в обществе» и неприятие изоляции, она независима от физических потребностей, которые обычно удовлетворяет мать. Если бы Сатти связал свои представления с идеями, выдвигаемыми Фрейдом в 1926 г., они вызвали бы интерес в психоаналитических кругах и привели бы к существенному развитию теории. Но поскольку он связал их с нападками на Фрейда, это привело к отвержению его книги и игнорированию его идей.
Ученые, воспитанные в русле других традиций науки и поведения, так же как и психоаналитики, разделились в своих взглядах по основному вопросу. Среди них есть приверженцы теории научения, которые давно приняли в качестве исходного допущения, что единственные первичные поведенческие системы — это те системы, которые связаны с физиологическими потребностями, и что если животное интересуется представителями

своего собственного вида, то это результат вторичного влечения. Довольно подробный обзор обширной литературы, отражающей этот подход, опубликовали Маккоби и Мастере (Maccoby, Masters, 1970). Их объяснения строятся на основе понятий «инструментальная реакция», «социальные стимулы как условные или вторичные виды подкрепления» и «обусловленные влечения». И хотя представители теории научения правомерно утверждают, что упомянутое выше допущение отвечает закону науки об экономии доводов, их объяснения трудно назвать простыми и изящными. На самом деле один из представителей теории научения (Gewirtz, 1956) признает, что эта теория разработана для объяснения явлений более простых по сравнению с обсуждаемым нами поведением и поэтому еще нужно доказать возможность ее применения к нашей проблеме.
Противоположной точки зрения придерживаются этологи, которые так и не согласились с тем, что единственными первичными поведенческими системами являются системы, связанные с физиологическими потребностями. Напротив, вся их работа основана на гипотезе, что у животных имеется множество реакций, которые с самого начала сравнительно независимы от физиологических потребностей и функции которых заключаются в осуществлении социального взаимодействия между представителями вида. Обсуждая отношение потомства к родителям у низших видов животных, все этологи обычно оценивают теорию вторичного влечения как неадекватную. Хотя этологи избегают высказывать свои суждения о видах, которые они систематически не изучали, вероятно, будет справедливо сказать, что ни один этолог не считает, что привязанность человеческого младенца к своей матери можно полностью объяснить с точки зрения теории научения и теории вторичного влечения.
Следует добавить, что, безусловно, этологические теории приобрели значительно большую поддержку по сравнению с 1958 г., когда появился первый вариант этого обзора. Повлияло следующее обстоятельство: психологи, проводившие систематические наблюдения за поведением человеческих младенцев, такие как Ширли (Shirley, 1933), Бюлер (Biihler, 1933), Банем (Banham, 1950) и Гриффите (Griffiths, 1954), были склонны принять точку зрения, сходную с точкой зрения этологов. Всех их поразил особый характер реакций младенцев на людей, которые они проявляли в первые же недели своей жизни: младенцы реагировали на человеческое лицо и голос иначе, чем на все остальные стимулы. Ширли наблюдала, что уже на первой неделе жизни некоторые младенцы «серьезно» смотрят на лицо взрослого человека, в возрасте пяти недель половина детей, составлявших выборку (это более двадцати детей), за которыми она проводила наблюдение, быстро успокаивались в результате социального взаимодействия — когда их брали на руки, ласкали или разговаривали с ними. Подобные наблюдения привели Бюлер к выводу, что в лице и в голосе человека есть нечто такое, что имеет для младенца особое значение. В ее многочисленных публикациях представлены исследования ее коллег — Хецер и Тюдор-Харт (Hetzer, Tudor-Hart, 1927), которые вели систематическое изучение различных реакций младенцев на разного рода звуки. Появились наблюдения, которые показывают, что уже на третьей неделе жизни человеческий голос вызывает у малышей такие реакции, как, например, сосание и выражение удовольствия, а другие звуки их не вызывают. Некоторые из этих очень ранних социальных реакций Гриффите использовала при создании своей шкалы нормативного развития.
Безусловно, такие наблюдения не исключают возможности того, что ранний интерес младенца к человеческому лицу и голосу представляет собой результат научения: ребенок устанавливает их связь с удовлетворением его физиологических потребностей. Хотя эти наблюдения не доказывают, что такая связь существует с самого начала, тем не менее они, несомненно, демонстрируют, что даже в самые первые недели жизни у младенцев есть какой-то особый интерес к людям. Поэтому возникает вопрос: можно ли все эти явления объяснить тем, что в результате научения ребенок «узнает», что мать является источником остальных видов удовлетворения.

Обзор этих многочисленных взглядов показывает, что их авторов можно разделить на три основные категории. К первой принадлежат те, кто явно придерживаются теории научения. Ко второй — многие ученые, совершенно неудовлетворенные теорией вторичного влечения, но в то же время считающие, что ее трудно заменить чем-либо более точным и убедительным. И наконец, на другом конце спектра находятся те, а именно Венгерская школа психоанализа и этологи, кто считают, что первичные реакции цепляния и/или следования потенциально способны привязать младенца к матери. Выдвинутая мной в 1958 г. точка зрения совпадает со взглядами последних из названных ученых.

ЛИТЕРАТУРА

Abraham K. (1916). The First Pregenital Stage of the Libido // Selected Papers on Psycho-analysis. London: Hogarth, 1927; Toronto: Clarke, Irwin, 1927. New edn, London: Hogarth, 1949; New York: Basic Books, 1953.

Abraham K. (1924). A Short Study of the Development of the Libido // Selected Papers on Psycho-analysis. London: Hogarth, 1927; Toronto: Clarke, Irwin, 1927. New edn, London: Hogarth, 1949; New York: Basic Books, 1953.

Ahrms R (1954). Beitrag zur Entwicklung des Physiognomie- und Mimikerkennens // Z. exp. angew. Psychol. Bd 2. № 3. S. 412-454.

Ainsworth M.D. (1962). The Effects of Maternal Deprivation: a Review of Findings and Controversy in the context of Research Strategy // Deprivation of Maternal Care: A Reassessment of its Effects. Public Health Papers. № 14. Geneva: WHO.

Ainsworth M.D. (1963). The Development of Infant-Mother Interaction among the Ganda // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 2.

Ainsworth M.D. (1964). Patterns of Attachment Behaviour Shown by the Infant in Interaction with His Mother // Merrill-Palmer Q. Vol. 10. P. 51-58.

Ainsworth M.D.S. (1967). Infancy in Uganda: Infant Care and the Growth of Attachment. Baltimore, Md: The Johns Hopkins Press.

Ainsworth M.D. Salter (in press). The Development of Infant-Mother Attachment // Ricci-. uti H-N., Caldwell B.M. (eds). Review of Child Development Research. Chicago: University of Chicago Press. Vol. 3.

Ainsworth M.D.S., BellS.M. (1969). Some Contemporary Patterns of Mother-Infant Interaction in the Feeding Situation // Ambrose J.A. (ed.) Stimulation in Early Infancy. New York and London: Academic Press.

Ainsworth M.D., Boston M. (1952). Psychodiagnostic Assessments of a Child after Prolonged Separation m Early Childhood // Br. J. med. Psychol. № 25. P. 169-201.

Ainsworth M.D., Bowlby J. (1954). Research Strategy in the Study of Mother-Child Separation // Courr. Cent. int. Enf. Vol. 4. P. 105.

Ainsworth M.D. Salter, Wittig B.A. (1969). Attachment and Exploratory Behaviour of One-year-olds in a Strange Situation // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Barnes & Noble. Vol. 4.

Ambrose J.A. (1960). The Smiling and Related Responses in Early Human Infancy: an Experimental and Theoretical Study of Their Course and Significance. Ph.D. Thesis, University of London.

Ambrose J.A. (1961). The Development of the Smiling Response in Early Infancy // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 1.

Ambrose J.A. (1963). The Concept of a Critical Period for the Development of Social Responsiveness / / Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 2.

Anderson J.W. (1971). Attachment Behaviour Out of Doors // Ethological Studies of Human Behaviour (ed. N. Blut ton-Jones) Cambridge. Cambridge University Press.

Andrew RJ. (1964). The Development of Adult Responses from Responses Given during Imprinting by the Domestic Chick // Anim. Behav. Vol. 12. P. 542-548.
Appell G., David M. (1961). Case-notes on Monique // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 1.
Appell G,, David M. (1965). A Study of Mother-Child Interaction at Thirteen Months // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 3.
Aftpell G., Roudinesco J. (1951). Film: Maternal Deprivation in Young Children (16 mm., 30 mins., sound). London: Tavistock Child Development Research Unit; New York: New York University Film Library.
Arnold M.B. (1960) Emotion and Personality. Vol. 1. Psychological Aspects; Vol 2. Neurological and Physiological Aspects. New York: Columbia University Press; London: Cassell, 1961.
Aubry J. (1955). La Carence des soins matelnels. Paris; Presses Universitaires de France.
BaUntA. (1939). Int. Z. Psychoanal. u. Imago. № 24. P. 33-48. Eng. trans. (1949): Love for the Mother and Mother Love. Int. J. Psycho-Anal. № 30. P. 251-259. Reprinted in Primary Love and Psycho-analytic Technique. London: Tavistock Publications, 1964; New York: Liveright, 1965.
Balint M. (1937). Imago. № 23. P. 270-288. Eng. trans, (abbreviated) (1949): Early Developmental States of the Ego. Primary Object-love // Int. J. Psycho-Anal. № 30. P. 265—273. Reprinted in Primary Love and Psycho-analytic Technique. London: Tavistock Publications, 1964; New York: Liveright, 1965.
Banham KM. (1950). The Development of Affectionate Behavior in Infancy //J. genet. Psychol. № 76. P. 283—289. Reprinted in Human Development: Selected Readings. M.L. and N.R. Haimowitz (ed.). New York: Crowell, 1960.
Bateson P.P.G. (1966). The Characteristics and Context of Imprinting // Biol. Rev. № 41. P. 177-220.
Bayliss L.E. (1966). Living Control Systems. London: English Universities Press; San Francisco: Freeman.
Beach F.A. (ed.) (1965). Sex and Behavior. New York and London: Wiley.
Benedek T. (1938). Adaptation to Reality in Early Infancy // Psychoanal. Q. Vol. 7. P. 200- 215.
Benedek T. (1956). Toward the Biology of the Depressive Constellation'//J. Am. psychoanal. Asst. № 4. P. 389-427.
Benjamin J.D. (1963). Further Comments on Some Developmental Aspects of Anxiety // Gaskill H.S. (ed.). Counterpoint. New York: International Universities Press.
Berlyne D.D. (1958). The Influence of the Albedo and Complexity of Stimuli on Visual Fixation in the Human Infant // Br. J. Psychol. № 49. P. 315-318.
BerlyneD.E. (1960). Conflict, Arousal and Curiosity. New York and London: McGraw-Hill.
Bemfeld S. (1944). Freud's Earliest Theories and the School of Helmholtz // Psychoanal. Q. Vol. 13. P. 341-362.
Bemfeld S. (1949). Freud's Scientific Beginnings // Am. Imago. Vol. 6.
Bettelheim B. (1967). The Empty Fortress: Infantile Autism and the Birth of the Self. New York: The Free Press; London: Collier/Macmillan.
Bielicka I., Olechnouiicz H. (1963). Treating Children Traumatized by Hospitalization // Children. Vol. 10. № 5. P. 194-195.
Bishop B. Merrill (1951). Mother-Child Interaction and the Social Behavior of Children // Psychol. Monogr. Vol. 65. № II.
Bishop G.H. (I960). Feedback through the Environment as an Analog of Brain Functioning // Yovits M.C., Cameron S. (eds). Self-organizing Systems. Oxford: Pergamon.
BlauveltH., McKenna J. (1961). Mother-Neonate Interaction: Capacity of the Human Newborn for Orientation // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behavior. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 1.
Bolwig N. (1963). Bringing up a Young Monkey // Behaviour. Vol. 21. P. 300-330.
Bower T.G.R. (1966). The Visual World of Infants // Scient. Am. № 215. December. P. 80-97.

BowlbyJ. (1951). Maternal Care and Mental Health. Geneva; WHO; London: HMSO; New York: Columbia University Press. Abridged version. Child Care and the Growth of Love. Harmondsworth: Penguin Books, 2nd edn, 1965.
Bowlby J. (1953). Some Pathological Processes Set in Train by Early Mother-Child Separation //J. ment. Sci. № 99. P. 265-272. Bowlby J. (1958). The Nature of the Child's Tie to His Mother // Int. J. Psycho-Anal. № 39. P. 350-373.
Bowlby J. (1960a). Separation Anxiety // Int. J. Psycho-Anal. № 41. P. 89-113.
Bowlby J. (1960b). Gried and Mourning in Infancy and Early Childhood // Psychoanal.
Study Child. № 15. P. 9-52. Bowlby J. (1961a). Separation Anxiety: a Critical Review of the Literature //J. Child Psychol. Psychiat. № 1. P. 251-269. Bowlby J. (1961b). Processes of Mourning // Int. J. Psycho-Anal. № 42. P. 317-340. Bowlby J. (1963), Pathological Mourning and Childhood Mourning //J. Am. psychoanal.
Ass. № 11. P. 500-541. Bowlby J. (1964). Note on Dr Lois Murphy's Paper. Some aspects of the first relationship // Int. J. Psychol-Anal. № 45. P. 44-46. Bowlby J., Robertson J., Rosenbluth D. (1952). A Two-year-old Goes to Hospital // Psychoanal.
Study Child. № 7. P. 82-94. Brackbill Y. (1958). Extinction of the Smiling Response in Infants as a Function of Reinforcement Schedule // Child Dev. № 29. P. 115-124. Brain C.K. (1970). New Finds at the Swartkrans Australopithecine Site // Nature. № 225. P. 1112-1119.
Brody S. (1956). Patterns of Mothering: Maternal Influence during Infancy. New York: International Universities Press; London: Bailey & Swinfen. Bronson G. (1965). The Hierarchical Organization of the Central Nervous System: Implication for Learning Processes and Critical Periods in Early Development // Behav. Sci. Vol. 10. P. 7-25.
Buhler C. (1933). The Social Behavior of Children // Murchison C.A. (ed.). A Handbook of Child Psychology. Worcester, Mass.: Clark University Press; London: Oxford University Press.
Burlingham D., Freud A. (1942). Young Children in War-time. London: Allen & Unwin. Vol. 4.
Burlingham D., Freud A. (1944). Infants without Families. London: Allen & Unwin. Cairns FLB. (1966a). Attachment Behavior of Mammals // Psychol. Rev. № 73. P. 409- 426.
Cairns KB. (1966b). Development, Maintenance, and Extinction of Social Attachment Behavior in Sheep //J. сотр. physiol. Psychol. № 62. P. 298-306. Cairns R.B., Johnson D.L. (1965). The Development of Interspecies Social Preferences //
Psychonomic Sci. № 2. P. 337-338. Caldwell B.M. (1962). The Usefulness of the Critical Period Hypothesis in the Study of
Filiative Behavior // Merrill-Palmer Q. Vol. 8. P. 229-242. Caldwell B.M. (1964). The Effect of Infant Care // Hoffman M.L., Hoffman L.N.W. (eds).
Review of Child Development Research. New York: Russell Sage Foundation. Vol. 1. CallJ.D. (1964). Newborn Approach Behavior and Early Ego Development // Int. J. Psycho-Anal. № 45. P. 286-294. Caster L. (1961). Maternal Deprivation: a Critical Review of the Literature // Monogr.
Soc. Res. Child Dev. № 26. P. 1-64. Chance M.R.A. (1959). What Makes Monkeys Sociable? // NewScient. 5 March. Darwin C. (1859). On the Origin ofSpecies by means of Natural Selection. London:John Murray.
Darwin C. (1872). The Expression of the Emotions in Man and Animals. London: John Murray.
David M., AncellinJ., Appell G. (1957). Etude d'un groupe d'enfants ayant sejourne pendant un mois en colonie maternelle // Infs. sociales. № 8. P. 825—893. David M., Appell G. (1966). La Relation mere-enfant: Etude de cinq «pattern» d'interaction entre тёге et enfant a 1'age d'un an // Psychiat. Enfant. № 9. P. 445—531.
DavidM.,AppeUG. (1969). Mother-Child Relation // HowellsJ.G. (ed.). Modern Perspectives in International Child Psychiatry. Edinburgh: Oliver 8c Boyd.
David M., Nicolas J., RoudinescoJ. (1952) Responses of Young Children to Separation from Their Mothers: I, Observations of Children Aged 12—17 Months Recently Separated from Their Families and Living in an Institution // Courr. Cent. int. Enf. Vol. 2. P. 66-78.

Dicarie T. Gouin (1965). Intelligence and Affectivity in Early Childhood. New York: International Universities Press.
Dicarie T. Gouin (1969). A Study of the Mental and Emotional Development of the Thalidomide Child // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Barnes & Noble. Vol. 4.
Denny-Brown D. (1950). Disintegration of Motor Function Resulting from Cerebral Lesions //J. nerv. ment. Dis. Vol. 112. № 1.
Denny-Brown D. (1958). The Nature of Apraxia //J. nerv. ment. Dis. Vol. 126. № 1.
Deutsch H. (1919). Eng. trans.: A Two-year-old Boy's First Love Comes to Grief // Pavenstedt E,, Jessner L. (eds). Dynamic Psychopathology in Childhood. New York and London: Grune & Stratton, 1959.
DeVore J. (1963). Mother-Infant Relations in Free-ranging Baboons // Rheingold H.L. (ed.). Maternal Behavior in Mammals. New York and London: Wiley.
DeVore /. (ed.) (1965). Primate Behavior: Field Studies of Monkeys and Apes. New York and London: Holt, Rinehart & Winston.
DeVore I., Hall K.RL. (1965). Baboon Ecology // DeVore I. (ed.). Primate Behavior. New York and London: Holt, Rinehart & Winston.
Doltard/., Milkr N.F.. (1950). Personality and Psychotherapy. New York: McGraw-Hill.
Erikson E.H. (1950). Childhood and Society. New York: Norton; London: Imago, 1951. Revised edn. New York: Norton, 1963; London: Hogarth, 1965; Harmondsworth: Penguin Books, 1965.
Ezriel H. (1951). The Scientific Testing of Psycho-analytic Findings and Theory: the Psycho-analytic Session as an Experimental Situation // Br. J. med. Psychol. № 24. P. 30— 34.
Fabricius E. (1962). Some Aspects of Imprinting in Birds // Syrnp. zool. Soc. Lond. № 8. P. 139-148.
Fagin C.M.RN. (1966). The Effects of Maternal Attendance during Hospitalization on the Post-hospital Behavior of Young Children: A Comparative Study. Philadelphia: F.A. Davis.
Fairbaim W.R.D. (1941). A Revised Psychopathology of the Psychoses and Psychoneuro- ses // Int. J. Psycho-Anal. № 22. Reprinted in Psychoanalytic Studies of the Personality. London: Tavistock / Routledge, 1952. Also in Object-relations Theory of the Personality. New York: Basic Books, 1954.
Fairbaim W.R.D. (1943). The War Neuroses — Their Nature and Significance. Reprinted in Psychoanalytic Studies of the Personality. London: Tavistock/Routledge, 1952. Also in Object-relations Theory of the Personality. New York: Basic Books, 1954.
Fairbaim W.R.D. (1952). Psychoanalytic Studies of the Personality. London: Tavistock/Routledge. Published under the title of Object-relations Theory of the Personality. New York: Basic Books, 1954.
Fairbaim W.R.D. (1956). A Critical Evaluation of Certain Basic Psycho-analytical Conceptions // Br. J. Phil. Sci. № 7. P. 49-60.
Fantz R.L. (1965). Ontogeny of Perception // Schrier A.M., Harlow H.F., Stollnitz F. (eds). Behavior of Non-human Primates. New York and London: Academic Press. Vol. 2.
Fantz R.L. (1966). Pattern Discrimination and Selective Attention as Determinants of Perceptual Development form Birth // Kidd A.J., Rivoire J.L. (eds). Perceptual Development in Children. New York: International Universities Press; London: University of London Press.
FerencziS. (1913). Stages in the Development of the Sense of Reality // Contributions to Psycho-analysis. Boston: Badger, 1916. Also in First Contributions to Psycho-analysis. London: Hogarth, 1953. FlaveU H. (1961). The Ontogenetic Development of Verbal Communication Skills. Final
Progress Report (NIMH Grant M2268). FlavMJ.H. (1963). The Developmental Psychology of Jean Piaget. Princeton, N.J.; London: Van Nostrand.
Formby D. (1967), Maternal Recognition of Infant's Cry // Dev. Med. Child Neurol. № 9. P. 293-298.
Fox R. (1967). Kinship and Marriage. Harmondsworth: Penguin Books.

Freedman D.G. (1961). The Infant's Fear of Strangers and the Flight Response //J. Child Psychol. Psychiat. X? 2. P. 242-248. Freedman D.G. (1964). Smiling in Blind Infants and the Issue of Innate versus Acquired //
J. Child Psychol. Psychiat. № 5. P. 171-184. Freedman D.G. (1965). Hereditary Control of Early Social Behavior // Foss B.M. (ed.).
Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 3. Freedman D.G., Keller B. (1963). Inheritance of Behavior in Infants // Science. № 140. P. 196-198.
Freud A. (1949). Certain Types and Stages of Social Maladjustment // Eissler K.R. (ed.). Searchlights on Delinquency. New York: International Universities Press; London: Imago.
Freud A. (1954). Psycho-analysis and Education // Psychoanai. Study Child. № 9. P. 9-15. Freud A., Dann S. (1951). An Experiment in Croup Upbringing // Psychoanai, Study
Child. № 6. P. 127-168. Freud S. (1894). The Neuro-psychoses of Defence (1) // S.E. Vol. 3.
Freud S. (1895). Project for a Scientific Psychology // S.E. Vol. 1. Freud S. (1900). The Interpretation of Dreams // S.E. Vol. 4. Freud S. (1905). Three Essays on the Theory of Sexuality // S.E. Vol. 7. Freud S. (1910). Five Lectures on Psycho-analysis // S.E. Vol. II. Freud S. (1914). On Narcissism: an Introduction // S.E. Vol. 14. Freud S. (1915a). Instincts and Their Vicissitudes // S.E. Vol. 14. Freud S. (1915b). Repression // S.E. Vol. 14. Freud S. (1920a). Beyond the Pleasure Principle // S.E. Vol. 18.
Freud S. (1920b). The Psychogenesis of a Case of Homosexuality in a Woman // S.E. Vol. 18.
Freud S. (1921). Group Psychology and the Analysis of the Ego // S.E. Vol. 18.
Freud S. (1922). Psycho-analysis // S.E. Vol. 18.
Freud S. (1925). An Autobiographical Study // S.E. Vol. 20.
Freud S. (1926). Inhibitions, Symptoms and Anxiety //S.E. Vol. 20.
Freud S. (1931). Female Sexuality // S.E. Vol. 21.
Freud .S. (1939). Moses and Monotheism // S.E. Vol. 23.
Freud S. (1940). An Outline of Psycho-analysis // S.E. Vol. 23.
FullerJ.L., Clark L.D. (1966a). Genetic and Treatment Factors Modifying the Post-isolation Syndrome in Dogs //J. сотр. physiol. Psychol. № 61. P. 251—257. FullerJ.L., Clark L.D. (1966b). Effects of Rearing with Specific Stimuli upon Post-isolation
Behavior in Dogs //J. сотр. physiol. Psychol. № 61. P. 258-263. Giber M. (1956). D£veloppement psycho-moteur de Г enfant Africain // Courr Cent. int. Enf. Vol. 6. P. 17-28.
1 Аббревиатура S.E. в списке литературы и тексте книги обозначает Стандартное издание Полного собрания трудов Зигмунда Фрейда в 24 томах (Standard Edition of The Complete Psychological Works of Sigmund Freud in 24 volumes), опубликованное by the Hogarth Press Ltd, London. Все цитаты из работ Фрейда в настоящей книге даются по указанному изданию.
Gesell A (ed.) (1940). The First Five Years of Life. New York: Harper; London: Methuen, 1941.
Gewirtz H.B., GewirtzJ.L (1968). Visiting and Caretaking Patterns for Kibbutz Infants: Age and Sex Trends // Am. J. Ortho-psychiat. № 38. P. 427-443.
Gewirtz J.L. (1956). A Program of Research on the Dimensions and Antecedents of Emotional Dependence // Child Dev. № 27. P. 205-221.
Gewirtz J.L. (1961). A Learning Analysis of the Effects of Normal Stimulation, Privation and Deprivation on the Acquisition of Social Motivation and Attachment // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York. Wiley. Vol. 1.
Goldman S. (1960). Further Consideration of Cybernetic Aspects of Homeostasis // Yovits M.C., Cameron S. (eds). Self-organizing Systems. Oxford: Pergamon.
GoodallJ. (1965). Chimpanzees of the Gobme Stream Reserve // DeVore I. (ed.). Primate Behavior. New York and London: Holt, Rinehart & Winston.
Gooddy W. (1949). Sensation and Volition // Brain. № 72. P. 312-339.
Gordon T., Foss B.M. (1966). The Role of Stimulation in the Delay of Onset of Crying in the Newborn Infant // Q.J. expl. Psychol. № 18. P. 79-81.

Gough D. (1962). The Visual Behaviour of Infants during the First Few Weeks of Life // Proc. R. Soc. Med. № 55. P. 308-310.
Gray P.H. (1958). Theory and Evidence of Imprinting in Human Infants //J. Psychol. № 46. P. 155-166.
Griffin G.A., Harlow H.F. (1966). Effects of Three Months of Total Social Deprivation on Social Adjustment and Learning in the Rhesus Monkey // Child Dev. № 37. P. 533— 548.
Griffiths R. (1954). The Abilities of Babies. London: University of London Press; New York: McGraw-Hill.
Grodins F.S. (1963). Control Theory and Biological Systems. New York: Columbia University Press.
Cunther M. (1961). Infant Behaviour at the Breast // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 1.
Haddow A J. (1952). Field and Laboratory Studies on an African Monkey // Cercopi- thecus ascanius schmidti Matschie. Proc. zool. Soc. Lond. Vol. 122. P. 297—394.
HaldaneJ.S. (1936). Organism and Environment as Illustrated by the Physiology of Breathing // New Haven, Conn.: Yale University Press.
HallK.RL., DeVore I. (1965). Baboon Social Behavior // DeVore I. (ed.). Primate Behavior. New York and London: Holt, Rinehart & Winston.
Halverson H.M. (1937). Studies of the Grasping Responses of Early Infancy //J. genet. Psychol. № 51- P. 371-449.
Hamburg D.A. (1963). Emotions in the Perspective of Human Evolution //Knapp P. (ed.). Expression of the Emotions in Man. New York: International Universities Press.
Hamburg D.A., Sabshin M.A., Board F.A., Grinker R.R., Korchin S.J., Basowitz H., Heath I!., Persky H. (1958). Classification and Rating of Emotional Experiences // Archs. Neurol. Psychiat. № 79. P. 415-426.
Hampshire S. (1962). Disposition and Memory // Int. J. Psycho-Anal. № 43. P. 59-68.
Harlow H.F. (1958). The Nature of Love // Am. Psychol. № 13. P. 673-685.
Harlow H.F. (1961). The Development of Affectional Patterns in Infant Monkeys // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 1.
Harlow H.F., Harlow M.K. (1962). Social Deprivation in Monkeys // Scient. Am. № 207 (5). P. 136.
Harlow H.F., Harlow M.K. (1965). The Affectional Systems // Schrier A.M., Harlow H.F., Stollnitz F. (eds). Behavior of Nonhuman Primates. New York and London: Academic Press. Vol. 2.
Harlow H.F., Zimmermann H.R. (1959). Affectional Responses in the Infant Monkey // Science. № 130. P. 421.
Hartmann H. (1939. Eng. trans. 1958). Ego Psychology and the Problem of Adaptation. London: Imago; New York: Interna-Universities Press.
Hayes C. (1951). The Ape in Our House. New York: Harper; London: Gollancz, 1952.
Hebb D.O. (1946a). Emotion in Man and Animal: an Analysis of the Intuitive Processes of Recognition // Psychol. Rev. № 53. P. 88-106.
Hebb D.O. (1946b). On the Nature of Fear // Psychol. Rev. № 53. P. 250-275.
Hediger H. (1955). Studies of the Psychology and Behaviour of Captive Animals in Zoos and Circuses. London: Butterworth; New York: Criterion Books, 1956.
Heinicke C. (1956). Some Effects of Separating Two-year-old Children from Their Parents: a Comparative Study // Hum. Relat. № 9. P. 105-106.
Heinicke C., Westheimer I. (1966). Brief Separations. New York: International Universities Press; London: Longmans Green.
HeldR (1965). Plasticity in Sensori-motor Systems // Scient. Am. № 213 (5). P. 84-94.
Hermann I. (1933). Zum Triebleben der Primaten // Imago. Vol. 19. P. 113.
Hermann I. (1936). Sich-Anklammern — Auf-Suche-Gehen // Int. Z. Psychoanal. № 22. P. 349-370.

Hersher L., Moore A.U., RichmondJ.B. (1958). Effect of Post partum Separation of Mother and Kid on Maternal Care in the Domestic Goat // Science. № 128. P. 1342-1343.
Hetzer H., Ripin R. (1930). Friihestes Lernen des Sauglings in der Ernahrungssituation // Z. Psychol. № 118.
Hetzer II., Tudor-Hart B.H. (1927). Die friihesten Reaktionen auf die menschliche Stimme // Quell. Stud. Jugenkinde. № 5.
Hinde RA. (1959). Behaviour and Speciation in Birds and Lower Vertebrates // Biol. Rev. № 34. P. 85-128.
HindeRA. (1961). The Establishment of the Parent-Offspring Relation in Birds, with Some Mammalian Analogies // Thorpe W.H., Zangwill O.L. (eds). Current Problems in Animal Behaviour. Cambridge: Cambridge University Press.
Hinde RA. (1963). The Nature of Imprinting // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 2.
Hinde RA. (1965a). Rhesus Monkey Aunts // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 3.
Hinde RA. (1965b). The Integration of the Reproductive Behaviour of Female Canaries // Beach FA. (ed.). Sex and Behavior. New York and London: Wiley.
Hinde RA. (1966). Animal Behaviour: A Synthesis of Ethology and Comparative Psychology. 2nd edn, 1970. New York: McGraw-Hill.
Hinde RA., Rowell T.E., Spencer-Booth Y. (1964). The Behaviour of Socially Living Rhesus Monkeys in Their First Six Months // Proc. zool. Soc. Lond. Vol. 143. P. 609—649.
Hinde RA., Spencer-Booth Y. (1967). The Behaviour of Socially Living Rhesus Monkeys in Their First Two and a Half Years // Anim. Behav. Vol. 15. P. 169-196.
Hoist E. von, Saint Paul U. von (1963). On the Functional Organization of Drives // Anim. Behav. № 11. P. 1-20.
lllingworth RS. (1955). Crying in Infants and Children // Br. med. J. (i). P. 75-78.
IlUngworth RS., Holt K.S. (1955). Children in Hospital: Some Observations on Their Reactions with Special Reference to Daily Visiting // Lancet. 17 December. P. 1257—1262.
hard]. (1963). Paternal Care in the Wild Japanese Monkey, Macaca fuscata // South- wick C.H. (ed.). Primate Social Behavior. Princeton, N.J.; London: Van Nostrand.
James W. (1890). Principles of Psychology. New York: Holt.
Jones E. (1953): Sigmund Freud: Life and Work. London: Hogarth; New York: Basic Books. Vol. 1.
Jones E. (1955). Sigmund Freud: Life and Worl. London: Hogarth; New York: Basic Books. Vol. 2.
Kaila E. (1932). Die Reaktion des Saugling auf das menschliche Gesicht // Annls. Univ. Sbo. Series B. Bd 17. S. 1-114.
Kawamura S. (1963). The Process of Sub-culture Propagation among Japanese Macaques // Southwick C.H. (ed.). Primate Social Behavior. Princeton, N.J.; London: Van Nostrand.
Kellogg W.N., Kellogg L. (1933). The Ape and the Child: AStudy of Environmental Influence upon Early Behavior. New York: McGraw-Hill (Whittlesey House Publications).
Kessen W., Leutzendarff A.M. (1963). The Effect of Non-nutritive Sucking on Movement in the Human Newborn //J. сотр. physiol. Psychol. № 56. P. 69-72.
King D,L. (1966). A Review and Interpretation of Some Aspects of the Infant-Mother Relationship in Mammals and Birds // Psychol. Bull. № 65. P. 143-155.
Klein M. (1923). Infant Analysis // Contributions to Psycho-analysis 1921—1945. London: Hogarth, 1948; New York: Anglobooks, 1952.
Klein M. (1948). Contributions to Psycho-analysis 1921—1945. London: Hogarth; New York: Anglobooks, 1952.
Klein M. (1957). Envy and Gratitude: A Study of Unconscious Sources. London: Tavistock Publications.

Klein M., Heimann P., Isaacs S., Riviere J. (1952). Development in Psycho-analysis. London: Hogarth; Toronto: Clarke, Irwin.
Koford C.B. (1963a). Group Relations in an Island Colony of Rhesus Monkeys // Southwick C.H. (ed.). Primate Social Behavior. Princeton, NJ.; London: Van Nostrand.
Koford C.B. (1963b). Rank of Mothers and Sons in Bands of Rhesus Monkeys // Science. № 141. P. 356-357.
KrisE. (1954). Introduction to The Origins of Psycho-analysis // Bonaparte M., Freud A,, Kris E. (eds). Letters to Wilhelm Fliess, Drafts and Notes: 1887-1902, by Sigmund Freud. London: Imago; New York: Basic Books.
La nger S. (1967). Mind: An Essay on Human Feeling. Baltimore, Md: The Johns Hopkins Press.
Langmeier J., Metejcek Z. (1963). Psychika deprivace v ditsvi. Prague: Statni Zdravotnicki Nakladatelstvi.
Leuine R.A., Levine B.B. (1963). Nyansongo: a Gusii Community in Kenya // Whiting B.B. (ed.) Six Cultures: Studies of Child Rearing. New York; London: Wiley.
Levine S. (1966). Sex Differences in the Brain // Scient. Am. № 214 (4). P. 84-92.
Levy DM. (1937). Studies in Sibling Rivalry // Res. Monogr. Am. orthopsychiat. Ass. № 2.
Levy DM. (1951). Observations of Attitudes and Behavior in the Child Health Center // Am. J. publ. Hlth. N5 41. P. 182-190.
Lewis M,, KaganJ. (1965). Studies in Attention // Merrill-Palmer Q. Vol. 11. P. 95-127.
Lewis M., Kagan J., Kalafat J. (1966). Patterns of Fixation in the Young Infant // Child Dev. № 37. P. 331-341.
Lewis W.C. (1965). Coital Movements in the First Year of Life // Int. J. Psycho-Anal. № 46. P. 372-374.
Lipsitt LP. (1963). Learning in the First Year of Life // Lipsitt L.P., Spiker C.C. (eds). Advances in Child Development and Behavior. New York and London: Academic Press. Vol. 1.
Lipsitt L.P. (1966). Learning Processes of Human Newborns // Merrill-Palmer Q. Vol. 12. P. 45-71.
Livingston KB. (1959). Central Control of Receptors and Sensory Transmission System // Field J., Magoun H.W., Hall V.E. (eds). Handbook of Physiology, Section I. Neurophysiology. Vol. 1. Prepared by the American Physiological Society, Washington. Baltimore, Md: Williams & Wilkins; London: Ballifere, Tindall & Cox.
Lorenz K.Z. (1935). Der Kumpan in der Umwelt des Vogels // J. Oт. Bell. № 83. Eng. trans, in Instinctive Behavior. Schiller C.H. (ed.). New York: International Universities Press, 1957.
MacCarthy D., Lindsay M., Morris I. (1962). Children in Hospital with Mothers // Lancet (i). P. 603-608.
Maccoby E.E., MastersJ.C. (1970). Attachment and Dependency // Mussen P.H. (ed.). Car-michael's Manual of Child Psychology. 3rd edn. New York; London: Wiley.
McGraw M.B. (1943). The Neuromuscular Maturation of the Human Infant. New York: Columbia University Press; London; Oxford University Press. MacKay D.M. (1964). Communication and Meaning: a Functional Approach // Northrop F.S.C., Livingston H.H. (eds). Cross-cultural Understanding: Epistemology in Anthropology. New York: Harper. MacKay DM. (1966). Conscious Control of Action // Eccles J.C. (ed.). Brain and Conscious Experience. Berlin: Springer Verlag. MacLean P.D. (1960). Psychosomatics // Field J., Magoun H.W., Hall V.E. (eds). Handbook of Physiology: Section I. Neurophysiology. Vol. 3. Prepared by the American Physiological Society, Washington. Baltimore, Md: Williams & Wilkins; London: BaПHёre, Tindajl & Cox.
Mahler M.S. (1965). On Early Infantile Psychosis // J. Am. Acad. Child Psychiat. № 4. P. 554-568.
Martini H. (1955). My Zoo Family. London: Hamish Hamilton; New York: Harper. Mason W.A. (1965a). The Social Development of Monkeys and Apes // DeVore I. (ed.).

Primate Behavior. New York; London: Holt, Rinehart & Winston. Mason W.A. (1965b). Determinants of Social Behavior in Young Chimpanzees // Schri- er A.M., Harlow H.F., Stollnitz F. (eds). Behavior of Nonhuman Primates. New York; London: Academic Press. Vol. 2. Mason W.A., Sponhoh RR (1963). Behavior of Rhesus Monkeys Raised in Isolation //J. psychiat. Res. № 1. P. 299-306. Mead M. (1962). A Cultural Anthropologist's Approach to Maternal Deprivation // Deprivation of Maternal Care: A Reassessment of its Effects. Public Health Papers. № 14. Geneva: WHO.
Medawar P.B. (1967). The Art of the Soluble. London: Methuen; New York: Barnes & Noble. MeierG.W. (1965). Other Data on the Effects of Social Isolation during Rearing upon Adult Reproductive Behaviour in the Rhesus Monkey (Macaca mulatta) // Anim. Behav. Vol. 13. P. 228-231.
Meili R (1955). Angstentstehung bei Kleinkindem // Schweiz. Z. Psychol. № 14. P. 195— 212. Micic Z. (1962). Psychological Stress in Children in Hospital // Int. Nurs. Rev. № 9 (6). P. 23-31.
Miller G.A., Galanter E., Pribram K.H. (1960). Plans and the Structure of Behavior. New York: Holt, Rinehart & Winston. Mittelstaedt H. (1962). Control Systems of Orientation in Insects // Ann. Rev. Ent. № 7. P. 177-198.
Moltz H. (1960). Imprinting: Empirical Basis and Theoretical Significance // Psychol. Bull. № 57. P. 291-314. Morgan G.F., Ricciuti H.N. (1969). Infants' Responses to Strangers during the First Year // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Barnes 8c Noble. Vol. 4.
Moss H.A. (1967). Sex, Age and State as Determinants of Mother-Infant Interaction // Merrill-Palmer Q. Vol. 13. P. 19-36. Murphy L.B. (1962). The Widening World of Childhood. New York: Basic Books. Murphy L.B. (1964). Some Aspects of the First Relationship // Int. J. Psycho-Anal. № 45. P. 31-43.
Murray H.A. (1938). Explorations in Personality. New York: Oxford University Press. Nagera H,, Colonna A.B. (1965). Aspects of the Contribution of Sight to Ego and Drive Development // Psychoanal. Study Child. № 20. P. 267-287. NewsonJ., Newson E. (1963). Infant Care in an Urban Community. London: Allen & Unwin. Newson J., Newson E. (1966). Usual and Unusual Patterns of Child-rearing. Paper read at
annual meeting of British Association for the Advancement of Science, September. Newson J., Newson E. (1968). Four Years Old in an Urban Community. London: Allen & Unwin.
Pantin C.F.A. (1965). Learning, World-models and Pre-adaptation // Thorpe W.H., Davenport D. (eds). Learning and Associated Phenomena in Invertebrates. Animal Behaviour Supplement. № 1. London: Balliere, Tindall & Cassell.
PelledN. (1964). On the Formation of Object-relations and Identifications of the Kibbutz Child // Israel Ann. Psychiat. № 2. P. 144-161.
Piaget J. (1924, Eng. trans. 1926). The Language and Thought of the Child. London: Routledge & Kegan Paul; New York: Harcourt, Brace.
Piaget], (1936, Eng. trans. 1953). The Origins of Intelligence in the Child. London: Rout- ledge & Kegan Paul; New York: International Universities Press.
Piaget J. (1937, Eng. trans. 1954). The Construction of Reality in the Child. New York: Basic Books. Also published under the title The Child's Construction of Reality. London: Routledge & Kegan Paul, 1955.
Piaget J. (1947, Eng. trans. 1950). The Psychology of Intelligence. London: Routledge & Kegan Paul; New York: Harcourt, Brace.
Piaget J., Inhelder B. (1948, Eng. trans. 1956). The Child's Conception of Space. London: Routledge & Kegan Paul; New York: Humanities Press.
Pittendrigh C.S. (1958). Adaptation, Natural Selection and Behavior // Roe A., Simpson G.C. (eds). Behavior and Evolution. New Haven, Conn.: Yale University Press; London: Oxford University Press.

Polak P.R., Emde R., Spitz R.A. (1964). The Smiling Response to the Human Face: I, Methodology, Quantification and Natural History; II, Visual Discrimination and the Onset of Depth Perception //J. nerv. ment. Dis. № 139. P. 103-109; 407-415.
Popper K.R (1934, Eng. trans. 1959). The Logic of Scientific Discovery. New York: Basic Books; London: Hutchinson.
Prechtl H.F.R (1958). The Directed Head Turning Response and Allied Movements of the Human Baby // Behaviour. № 13. P. 212-242.
Prechtl H.F.R (1963). The Mother-Child Interaction in Babies with Minimal Brain Damage // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 2.
Prechtl H.F.R (1965). Problems of Behavioral Studies in the Newborn Infant // Lehv- man D.S., Hinde R.A., Shaw E. (eds). Advances in the Study of Behavior. New York: London: Academic Press. Vol. 1.
Pribram K.H. (1962). The Neuropsychology of Sigmund Freud // Bachrach A.J. (ed.). Experimental Foundations of Clinical Psychology. New York: Basic Books.
Pribram K.H. (1967). The New Neurology and the Biology of Emotion: a Structural Approach // Am. Psychol. № 22. P. 830-838.
Provence S., LiptonRC. (1962). Infants in Institutions. London: Bailey & Swinfen; New York: International Universities Press, 1963.
Prгаф D.G. et al. (1953). Study of the Emotional Reactions of Children and Families to Hospitalization and Illness // Am. J. Orthopsychiat. № 23. P. 70-106.
Rapaport D. (1953). On the Psycho-analytic Theory of Affects // Int. J. Psycho-Anal. № 34. P. 177-198.
Rapaport D., GiUM.M. (1959). The Points of View and Assumptions of Metapsychology // Int. J. Psycho-Anal. № 40. P. 153-162.
Reynolds V., Reynolds F. (1965). Chimpanzees of the Budongo Forest // DeVore I. (ed.). Primate Behavior. New York; London: Holt, Rinehart & Winston.
Rheingold H.L. (1961). The Effect of Environmental Stimulation upon Social and Exploratory Behaviour in the Human Infant // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 1.
Rheingold H.L. (1963a). Controlling the Infant's Exploratory Bahaviour // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 2.
Rheingold H.L. (ed.). (1963b). Maternal Behavior in Mammals. New York; London: Wiley.
Rheingold H.L. (1966). The Development of Social Behaviour in the Human Infant // Monogr. Soc. Res. Child Dev. Vol. 31. № 5. P. 1-17.
Rheingold H.L. (1968). Infancy // David L. Sills (ed.). International Encyclopedia of the Social Sciences. New York; London: Collier/Macmillan.
Rheingold H.L. (1969). The Effect of a Strange Environment on the Behaviour of Infants // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Barnes & Noble. Vol. 4.
Rheingold H.L., GewirtzJ.L., Ross A.W. (1959). Social Conditioning of Vocalizations in the Infant //J. сотр. physiol. Psychol. № 52. P. 68-73.
Rheingold H.L., Keene G.C. (1965). Transport of the Human Young // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 3.
Ribble M.A. (1944). Infantile Experience in Relation to Personality Development // Hunt J.McV. (ed.). Personality and the Behavior Disorders. New York: Ronald Press. Vol. 2.
RickmanJ. (1951). Methodology and Research in Psychopathology // Br. J. med. Psychol. № 24. P. 1-7.
Robertson J. (1952). Film: A Two-year-old Goes to Hospital (16 тт.; 45 mins.; sound; guidebook supplied; also abridged version, 30 mins.). London: Tavistock Child Development Research Unit; New York: New York University Film Library.
Robertson J. (1953). Some Responses of Young Children to Loss of Meternal Care // Nurs. Times. № 49. P. 382-386.

Robertson J. (1958). Film: Going to Hospital with Mother (16 тт.; 40 mins.; sound; guidebook supplied). London: Tavistock Child Development Research Unit; New York: New York University Film Libraiy.
Robertson J. (ed.). (1962). Hospitals and Children: A Parent's-Eye View. London: Gollancz; New York: International Universities Press, 1963.
Robertson J., Bowlby J. (1952). Responses of Young Children to Separaton from Their Mothers // Courr. Cent. int. Enf. № 2. P. 131-142.
Robertson J., Robertson J. (1967). Film: Young Children in Brief Separaton. № 1: Kate, aged 2 years 5 months, in foster-care for 27 days. (Guide booklet). London: Tavistock Institute of Human Relations; New York: New York University Film Library.
Robson K.S. (1967). The Role of Eye-to-eye Contact in Maternal-Infant attachment // J. Child Psychol. Psychiat. № 8. P. 13-25.
Romanes G.J. (1888). Mental Evolution in Man. London: Kegan Paul.
Rosenblatt J.S. (1965). The Basis of Synchrony in the Bahavioral Interaction between the Mother and Her Offspring in the Laboratory Rat // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 3.
Rosenblum L.A., Harlow H.F. (1963). Approach-Avoidance Conflict in the Mother Surrogate Situation // Psychol. Rep. № 12. P. 83-85.
Rosenthal M.K. (1967). The Generalization of Dependency Behaviour from Mother to Stranger //J. Child Psychol. Psychiat. № 8. P. 117-133.
Rmoell T. (1965). Some Observations on a Hand-reared Baboon // Foss. B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 3.
Ryle G. (1949). The Concept of Mind. London: Hutchinson; New York: Barnes & Noble, 1950.
Sade D.S. (1965). Some Aspects of Parent-Offspring and Sibling Relations in a Group of Rhesus Monkeys, with a Discussion of Grooming // Am. J. phys. Anthrop. № 23. P. 1— 18.
Sander L.W. (1962). Issues in Early Mother-Child Interaction // j. Am. Acad. Child Psychiat. № 1. P. 141-166.
Sander L.W. (1964). Adaptive Relationships in Early Mother-child Interaction //J. Am. Acad. Child Psychiat. № 3. P. 231-264.
Sander L.W. (1969). The Longitudinal Course of Early Mother-Child Interaction: Cross- case Comparison in a Sample of Mother-Child Pairs // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Barnes & Noble. Vol. 4.
SchachterS. (1959). The Psychology of Affiliation: Experimental Studies of the Sources of Gregariousness. Stanford, Calif.: Stanford University Press; London: Tavistock Publications, 1961.
Schaffer H.R (1958). Objective Observations of Personality Development in Earlv Infancy // Br. J. med. Psycholol. № 31. P. 174-183.
Schaffer H.R. (1963). Some Issues for Research in the Study of Attachment Behaviour // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 2.
Schaffer H.R. (1966). The Onset of Fear of Strangers and the Incongruity Hypothesis // J. Child Psychol. Psychiat. № 7. P. 95-106.
Schaffer H.R, CaUender W.M. (1959). Psychological Effects of Hospitalization in Infancy // Paediatrics. № 24. P. 528-539.
Schaffer H.R, Emerson P.E. (1964a). The Development of Social Attachments in Infancy // Monogr. Soc. Res. Child Dev. Vol. 29. № 3. P. 1-77.
Schaffer H.R, Emerson P.E. (1964b). Patterns of Response to Physical Contact in Early Human Development //J. Child Psychol. Psychiat. № 5. P. 1-13.
Schalkr G. (1963). The Mountain Gorilla: Ecology and Behavior. Chicago: University of Chicago Press.
Schalkr G. (1965). The Behavior of the Mountain Gorilla // DeVore I. (ed.). Primate Behavior. New York; London: Holt Rinehart & Winston.
Schaller G.B. (1967). The Deer and the Tiger. Chicago: University of Chicago Press.

Schmidt-Koenig K. (1965). Current Problems in Bird Orientation // Lehrman D.S., Hin- de R.A., Shaw E. (eds). Advances in the Study of Behavior. New York; London: Academic Press.
Schneirla T.C. (1959). An Evolutionary and Developmental Theory of Biphasic Processes Underlying Approach and Withdrawal //Jones M.R. (ed.). Nebraska Symposium on Motivation. Lincoln, Nebr.: University of Nebraska Press.
Schneirla T.C. (1965). Aspects of Stimulation and Organization in Approach/Withdrawal Processes Underlying Vertebrate Behavioral Development // Lehrman D.S., Hin- de R.A., Shaw E. (eds). Advances in the Study of Behavior. New York; London: Academic Press.
Schur M. (1960a). Discussion of Dr John Bowlby's Paper, Grief and mourning in infancy and early childhood // Psychoanal. Study Child. № 15. P. 63-84.
Schur M. (1960b). Phylogenesis and Ontogenesis of Affect- and Structure-formation and the Phenomenon of the Repetition Compulsion // Int. J. Psycho-Anal. № 41. P. 275— 287.
Schutz F. (1965a). Sexuelle Pragung bei Anatiden // Z. Tierpsychol. № 22. S. 50-103.
Schutz F. (1965b). Homosexuality und Pragung // Psychol. Forsch. № 28. S. 439-463.
Scott J.P. (1963). The Process of Primary Socialization in Canine and Human Infants // Monogr. Soc. Res. Child Dev. № 28. P. 1-47.
Sears RR, Rau L., Alpert R (1965). Identification and Child Rearing. Stanford, Calif.: Stanford University Press; London: Tavistock Publications, 1966.
SeayB., Alexander B.K., Harlow H.F. (1964). Maternal Behavior of Socially Deprived Rhesus Monkeys // J. abnorm. soc. Psychol. № 69. P. 345.
Shipley W.U. (1963). The Demonstration in the Domestic Guinea-pig of a Process Resembling Classical Imprinting // Anim. Behav. Vol. 11. P. 470-474.
Shirley M.M. (1933). The First Two Years. 3 vols. Minneapolis: University of Minnesota Press; London: Oxford University Press.
Sluckin W, (1965). Imprinting and Early Learning. London: Methuen; Chicago: Aldine.
Sommerhoff G. (1950). Analytical Biology. London: Oxford University Press.
Southwick C.H. (ed.) (1963). Primate Social Behavior. Princeton, N.J.; London: Van Nos- trand.
Southwick C.H., Beg M.A., Siddiqi M.R (1965). Rhesus Monkeys in North India // DeVore I. (ed.). Primate Behavior. New York; London: Holt, Rinehart & Winston.
SpiroM.E. (1954). Is the Family Universal? // Am Anthrop. Vol. 56. P. 839-846.
Spiro M.E. (1958). Children of the Kibbutz. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: Oxford University Press.
Spitz RA. (1946). Anaclitic Depression // Psychoanal. Study Child. № 2. P. 313-342.
Spitz RA. (1950). Anxiety in Infancy: a Study of its Manifestations in the First Year of Life / Int. J. Psycho-Anal. 31. P. 138-143.
Spitz RA. (1955). A Note on the Extrapolation of Ethoiogical Findings // Inf. J. Psycho- Anal. № 36. P. 162-165.
Spitz R.A. (1957). No and Yes. New York: International Universities Press; London: Bailey & Swinfen.
Spitz RA. (1965). The First Year of Life. New York: International Universities Press.
Spitz RA., Wolf K.M. (1946). The Smiling Response: a Contribution to the Ontogenesis of Social Relations // Genet. Psychol. Monogr. № 34. P. 57-125.
Stevenson H.W. (1965). Social Reinforcement of Children's Behavior // Lipsitt L.P., Spiker C.C. (eds). Advances in Child Development and Behavior. New York; London: Academic Press.
Stevenson O. (1954). The First Treasured Possession // Psychoanal. Study Child. Mb 9. P. 199-217.
Strachey J. (1962). The Emergence of Freud's Fundamental Hypotheses. (An appendix to The neuro-psychoses of defence) // S.E. Vol. 3.
Strachey J. (1966). Introduction to Freud's Project for a Scientific Psychology //S.E. Vol. 1.
Sullivan H.S. (1953). The Interpersonal Theory of Psychiatry. New York: Norton; London: Tavistock Publications, 1955.
Suttie I.D. (1935). The Origins of Love and Hate. London: Kegan Paul.

Tennes K.H., Lampl E.E. (1964). Stranger and Separation Anxiety in Infancy / J. nerv. ment. Dis., № 139. P. 247-254.
Thorpe W.H. (1956). Learning and Instinct in Animals. 2nd edn, 1963. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: Methuen.
Tinhergen N. (1951). The Study of Instinct. London: Oxford University Press.
Tinbergen N. (1963). On Aims and Methods of Ethology // Z. Tier psychol. № 20. P. 410- 433.
Tobias P.V. (1965). Early Man in East Africa // Science. Vol. 149. № 3679. P. 22-33.
Tomilin M.1., Yerltes RM. (1935). Chimpanzee Twins: Behavioral Relations and Development //J. genet. Psychol. № 46. P. 239-263.
Tomkins S.S. (1962—63). Affect, Imagery, Consciousness. Vol. 1. The Positive Affects. Vol. 2. The Negative Affects. New York: Springer; London: Tavistock Publications, 1964.
TurnbuU C.M. (1965). Wayward Seivants: The Two Worlds of the African Pygmies. New York: Natural History Press; London: Eyre & Spottiswoode.
TustinA. (1953). Do Modern Mechanisms Help Us to Understand the Mind? // Br. J. Psychol. № 44. p. 24-37.
Ucko L.E. (1965). A Comparative Study of Asphyxiated and Non-asphyxiated Boys from Birth to Five Years // Dev. Med. Child Neurol. № 7. P. 643-657.
Vernon D.T.A, FoleyJ.M., Sipomcz RR, SchulmansJ.L. (1965). The Psychological Responses of Children to Hospitalization and Illness. Springfield, 111.: C.C. Thomas.
Vickers G. (1965). The End of Free Fall // Listener. 28 October. P. 647.
Walters RH., Parke RD. (1965). The Role of the Distance Receptors in the Development of Social Responsiveness // Lipsitt L.P., Spiker C.C. (eds). Advances in Child Development and Behavior. New York; London: Academic Press. Vol. 2.
Washburn S.L. (ed.) (1961). The Social Life of Early Man. New York: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, Inc.; London: Methuen, 1962.
Washburn S.L. (1968). Letter to the Editor 'On Holloway's. Tools and Teeth // Am. An- throp. № 70. P. 97—100. (Holloway R.L. Tools and teeth: some speculation regarding canine reduction // Am. Anthrop. 1967. № 69. P. 63—67.)
Washburn S.L., Jay P.O., Lancaster J.B. (1965). Field Studies of Old World Monkeys and Apes // Science. № 150. P. 1541-1547.
Watson J.S. (1965). Orientation-specific Age Changes in Responsiveness to the Face Stimulus in Young Infants. Paper presented at annual meeting of American Psychological Association, Chicago.
Weisberg P. (1963). Social and Nonsocial Conditioning of Infant Vocalizations // Child Dev. № 34. P. 377-388.
Weiss P. (1949). The Biological Basis of Adaptation // Romano J. (ed.). Adaptation. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press; London: Oxford University Press, 1950.
White B.L., Castle P., Held Я (1964). Observations on the Development of Visually-directed Reaching // Child Dev. № 35. P. 349-364.
White B.L., Held Я (1966). Plasticity of Sensorimotor Development in the Human Infant // Rosenblith J.F., Allinsmith W. (eds). The Causes of Behavior: Readings in Child Development and Educational Psychology. 2nd edn. Boston, Mass.: Allyn & Bacon.
WhyteL.L. (1960). The Unconscious before Freud. New York: Basic Books; London: Tavistock Publications, 1962.
Winnicott D.W. (1948). Paediatrics and Psychology // Br. J. med. Psychol. № 21. P. 229- 240. Reprinted in Collected Papers by D.W. Winnicott. London: Tavistock Publications, 1958.
Winnicott D.W. (1953). Transitional Objects and Transitional Phenomena // Int. J. Psy- cho-Anal. № 34. P. 1-9. Reprinted in Collected Papers by D.W. Winnicott. London: Tavistock Publication, 1958.
Wolff P.H. (1959). Observations on Newborn Infants // Psychosom. Med. № 21. P. 110- 118.
Wolff P.H. (1963). Observations on the Early Development of Smiling // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Wiley. Vol. 2.

Wolff P.H. (1969). The Natural History of Crying and Other Vocalizations in Early Infancy // Foss B.M. (ed.). Determinants of Infant Behaviour. London: Methuen; New York: Barnes & Noble. Vol. 4.
Yarrow L.J. (1963). Research in Dimensions of Early Maternal Care // Merrill-Palmer Q. Vol. 9. P. 101-114.
Yarrow L.J. (1967). The Development of Focused Relationships during Infancy // HellmuthJ. (ed.). Exceptional Infant. Seattle, Wash.: Special Child Publications. Vol. 1.
Yerhes R.M. (1943). Chimpanzees: A Laboratory Colony. New Haven, Conn.: Yale University Press; London: Oxford University Press.
Young J. 7.. (1964). A Model of the Brain. Oxford: Clarendon Press.
Young M., Willmott P. (1957). Family and Kinship in East London. London: Routledge & Kegan Paul; New York: The Free Press.
Yovits M.C., Cameron S. (eds) (1960). Self-organizing Systems. Oxford: Pergamon.